
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 2(23)/2020

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)

Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, доктор политических наук, заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)

КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)

ТАНЬШИНА Наталия Петровна, д.и.н., профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филос.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.ф.н., проф. кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филос.н., доцент Новосибирского государственного университет экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемориальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, зам.Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

ISSN 2409-6105

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2

Издатель

ООО «Нестор-История»

197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

тел. (499) 270 73 00

Тираж 300 экз.

Заказ № 2210

Дата подписания в печать 30.06.2020

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

11 *«Советский вклад в победу почти не отражается в голливудских фильмах, что, конечно, может влиять на глобальную память о войне». Интервью с Х. Редигером*

19 **МАГДАЛЕНА АБЕЛЬ,
ШАРДА УМАНАТ,
БЕТ ФЭЙРФИЛД,
МАСАНОБУ ТАКАНАШИ,
ХЕНРИ Л. РЕДИГЕР Ш,
ДЖЕЙМС В. ВЕРЧ**
Коллективная память о Второй мировой войне в 11 странах: сходства и различия восприятия важнейших событий

Национальная память

43 **А. В. КОРОЛЕВ**
О новейших отечественных памятниках героям Первой мировой войны

Актуальные проблемы исторической памяти зарубежных стран

53 *«Мой отец рассказывал, что выжил в лагере, потому что действительно хорошо запомнил урок “Записок из мертвого дома” Достоевского». Интервью с Я. Брокенем*

61 *«Центральная Европа — это та часть Восточной Европы, которая всегда хочет принадлежать к Западу, но все-таки остается частью Восточной Европы». Интервью с Т. Кенде*

75 *«Мы в Польше сожалеем, что в российской исторической политике Россия полностью отождествляется с Советским Союзом». Интервью с А. Новаком*

95 *«В моем великодушном сознании есть место для всех моих многочисленных идентичностей». Интервью с Л. Коробка*

107 *«Восприятие Сербии в мире как “малой России” во многом определяет нашу судьбу». Интервью с М. Белаяцем*

121 **ГОРАН Р. МИЛОРАДОВИЧ**
Сербская или югославянская программа государственного объединения: «Начертание» Илиш Гарашина и его трактовка в историографии

- 138 **М. В. БЕЛОВ** *«Только скульпторы знают, каким Туджман был?» Памятник в фокусе публичных дебатов об актуальном прошлом Хорватии*

Семейная память

- 161 **ВЕРОНИКА ЖОБЕР** *Екатерина Дмитриевна Воейкова-Ильина (1887–1965). Моя бабушка*

- 177 *«Теперь я понимаю — он рассказал мне о своем авторстве, потому что чувствовал, что его арестуют». Интервью с А. Ю. Даниэлем*

Память о Ленине

- 203 *Многоликий Ленин: теоретик, интуитивист, футурист. Интервью с В. П. Буддаковым*

- 214 *«Ленин — это прекрасный тактик эпохи гражданской войны, и он был готов к этому состоянию значительно лучше, чем какие-либо другие политические деятели». Интервью с Б. И. Колоницким*

- 227 **А. А. РЫБАЛКА** *Антонин Раменский: судьба старой медали*

- 239 **К. Г. ФРУМКИН** *Советская фантастика как ипостась коммунистической утопии*

Великая Отечественная война в современной российской памяти

- 257 **Д. В. СТРАТИЕВСКИЙ** *Еще раз к вопросу о коллаборационизме*

- 262 *«В современной официальной истории войны Ржевской битвы не существует». Интервью с С. А. Герасимовой*

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

- 276 **А. И. СВИРИДОНОВА** *Из истории идентификации и погребения останков семьи последнего императора*
-

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Мир

- 290 **А. А. ТЕСЛЯ** *Гитлер — еще не ставший Гитлером. Рец.: Хаманн Б. Гитлер в Вене. Портрет диктатора в юности / пер. с нем. О. Козонковой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 568 с.*

- 294 **С. А. МИХАЙЛОВ** *Рец.: Тимофеев А. Ю., Драгишич О., Тасич Д. Война после войны. Движение сопротивления на Балканах 1945–1953 гг. М.: Вече, 2020. 528 с.*

300 Н. П. ТАНЬШИНА

Пластическое безвесие или либерально-консервативный диссонанс: размышления о книге С. Р. Матвеева. Рец.: Матвеев С. Р. Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 232 с.

311 Ар. А. УЛУНЯН

Академическая история болгарской военной разведки. Рец.: Станчо Станчев, Румен Николов, Йордан Баев. История на българското военно разузнаване. Т. 1, (1878–1955). София: Издателство «Изток-Запад», 2017. 301 с. (Станчо Станчев, Румен Николов, Йордан Баев. История болгарской военной разведки. Т. 1, (1878–1955). София: Издательство «Изток-Запад», 2017. 301 с.); Йордан Баев. История на българското военно разузнаване. Т. 2, (1955–2018). София: Издателство «Изток-Запад», 2019. 450 с. (Йордан Баев. История болгарской военной разведки Т. 2, (1955–2018). София: Издательство «Изток-Запад», 2019. 450 с.)

Российская империя

323 А. А. ТЕСЛЯ

От фронта к пограничью. Рец.: Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.: ил. (Серия: «Historia Rossica / Окраины Российской империи»).

328 Н. О. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Россия революционная: факторы и уроки российской истории. Рец.: 1917 год: революция, государство, общество и Церковь: Монография / редакционная коллегия: А. Н. Сахаров, чл.-корр. РАН, д.и.н., проф. (отв. ред.), В. С. Христофоров, чл.-корр. РАН, д.ю.н., проф. (отв. ред.), И. В. Поткина, д.и.н., (сост., науч. ред.). М., 2019.

СССР

343 М. А. КИСЕЛЕВ

К вопросу о принципах публикации текстов советского самиздата: несколько критических замечаний

355 П. Г. ЧЕРЕМУШКИН

Дипломаты в коридорах власти: две книги воспоминаний крупных дипломатов сквозь призму личных впечатлений эксперта-международника. Рец.: Чуркин Виталий. Трудности перевода. Воспоминания. М.: ОЛМА-пресс, 2020. 440 с.; Бернс Уильям. Невидимая сила. Как работает американская дипломатия. М.: Альпина Паблшер, 2020. 688 с. (оригинал: William J. Burns. The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and the Case for Its Renewal. Published by Random House, 2019. 512 p.)

Сандармох

365 **В. С. СТАФ**

«Мы превращаем места злодеяний в места памяти»: книга Юрия Дмитриева «Место памяти Сандармох». Рец.: Дмитриев Ю. А. Место памяти Сандармох / общая редакция и составление: А. Я. Разумов. Петрозаводск, 2019.

372 **В. И. ТУМАРКИН**

Об одной ненаучной гипотезе. Рец.: Веригин С., Машин А. Загадки Сандармоха: Часть 1: Что скрывает лесное урочище. [Б.м.]: Johan Väckman Publications, 2019. 90 с.

ОСТОРОЖНО ХАЛТУРА

384 **А. Г. ГУМЕНЮК**

Есть ли смысл в публикации таких «исследований»? Рец.: Марасанова В. М. Контр-адмирал Михаил Федорович Белкин: военная служба и частная жизнь // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 3 (41)

388 **Е. В. ПЧЕЛОВ**

Рец.: Великая княгиня Ольга Александровна. 25 глав моей жизни. М.: Кучково поле, 2017.

393 **М. В. БАТШЕВ**

Американский Карамзин в России: ожидание и реальность. Рец.: Стефанс Дж. Л. Записки из путешествия по России и Польши / пер. с англ. Т. О. Новиковой; предисл., коммент. Д. Д. Зелова. М.: Кучково поле, 2018. 352 с.: ил.; 16 л. ил.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Кто Вы, маршал Маннергейм?

399 **Ю. И. МОШНИК**

403 **Э. ЙОФФЕ**

408

Требования к публикации статей и материалов

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global Memory

- 11 *“There is little doubt that the Soviet contribution to the war effort is vastly underplayed by Hollywood, and this may have had an effect”. Interview with Henry L. Roediger III*
- 19 **MAGDALENA ABEL, SHARDA UMANATH, BETH FAIRFIELD, MASANOBU TAKAHASHI, HENRY L. ROEDIGER III, and JAMES V. WERTSCH** *Collective Memories across 11 Nations for World eoine War II: Similarities and Differences Regarding the Most Important Events*

National memory

- 43 **A. V. KOROLEV** *About the latest domestic monuments to the heroes of the First World War*

Actual problems of national memory of foreign countries

- 53 *“My father told me that he did survive the camp because he did remember very well the lecture of Dostoevsky’s Notes of the House of the Dead”. Interview with J. Brokken*
- 61 *“Central Europe is the part of Eastern Europe that always wants to belong to the West, but still remains a part of Eastern Europe”. Interview with T. Kende*
- 75 *“We in Poland regret that in Russian historical politics Russia is completely identified with the Soviet Union”. Interview with A. Nowak*
- 95 *“In my generous mind there is room for all my numerous identities”. Interview with L. Corobca*
- 107 *«The perception of Serbia in the world as a «small Russia» largely determines our fate». Interview with M. Belayac*
- 121 **GORAN R. MILORADOVIĆ** *Between Serbian and Yugoslav Program of Unification of the State: Ilija Garašanin’s Načertanije and its Interpretation in Historiography*
- 138 **M. V. BELOV** *“Do only sculptors know what kind of person Tudjman was?” The monument in the focus of public debate on the recent past of Croatia*

- Family memory**
- 161 **V. JOBERT** *Ekaterina Dmitrievna Voyeykova-Ilyina (1887–1965). My grandmother*
- 177 “Now I understand — he told me about his authorship, because he felt that he would be arrested”. Interview with A.Yu. Daniel

- Memory about Lenin**
- 203 *The many faces of Lenin: theorist, intuitionist, futurist. Interview with V.P. Buldakov*
- 214 “Lenin is an excellent tactic of the civil war era and he was ready for this role much better than any other political figures”. Interview with B.I. Kolonitsky
- 227 **A.A. RYBALKA** *Antonin Ramensky: the fate of the old coin*
- 239 **K.G. FRUMKIN** *Soviet science fiction as a hypostasis of communist utopia*

- The great Patriotic war in modern Russian memory**
- 257 **D.V. STRATIEVSKY** *Once again to the issue of collaboration*
- 262 “In the modern official history of war the Rzhev battle doesn’t exist”. Interview with S.A. Gerasimova

-
- AS IT ACTUALLY WAS**
- 276 **A.I. SVIRIDONOVA** *From the history of identification and burial of the remains of the family of the last Emperor*
-

- REVIEWS**
- Мир**
- 290 **A.A. TESLYA** *Hitler — still not Hitler. Rev.: Hamann B. Gitler v Vene. Portret diktatora v yunosti / Per. s nem. O. Kozonkovej. M.: Ad Marginem Press, 2016. 568 p.*
- 294 **S.A. MIKHAILOV** *Rev.: Timofeev A.Yu., Dragishich O., Tasich D. Vojna posle vojny. Dvizhenie soprotivleniya na Balkanax 1945–1953 gg. Moscow: Veche, 2020. 528 p.*
- 300 **N.P. TANSHINA** *The weightlessness of the imaginable or liberal-conservative dissonance: reflections on the book by S.R. Matveev. Rev.: Matveev S.R. Freedom and Order: The liberal conservatism of Francois Guizot. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 232 p.*

311 Ap. A. ULUNYAN

Academic history of Bulgarian military intelligence. Rev.: Stancho Stanchev, Rumen Nikolov, Iordan Baev. Istoriia na bŭlgarskoto voenno razuznavane. T. 1, (1878–1955). Sofiia: Izdatelstvo «Iztok-Zapad», 2017. 301 s. (Stancho Stanchev, Rumen Nikolov, Iordan Baev. Istoriia bolgarskoi voennoi razvedki. T. 1, (1878–1955). Sofiia: Izdatel'stvo «Iztok-Zapad», 2017. 301 p.); Iordan Baev. Istoriia na bŭlgarskoto voenno razuznavane. T. 2, (1955–2018). Sofiia: Izdatelstvo «Iztok-Zapad», 2019. 450 s. (Iordan Baev. Istoriia bolgarskoi voennoi razvedki. T. 2, (1955–2018). Sofiia: Izdatel'stvo «Iztok-Zapad», 2019. 450 p.)

The Russian Empire

323 A.A. TESLYA

From frontier to border. Rev.: Khodarkovskij M. Stepny'e rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500 – 1800 / Per. s angl. A. Tereshhenko. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 352 p.: il. (seriya: «Historia Rossica / Ukrainy` Rossijskoj imperii»)

328 N. O. VOSKRESENSKAYA

Revolutionary Russia: driving factors and lessons from history to be learned. Rev.: “1917 god: revoliuciya, gosudarstvo, obshchestvo i Cerkov'”. Monografiya / Redakcionnaya kollegiya: A. N. Saxarov, chl.-korr. RAN, d.i.n., prof. (otv. red.), V. S. Khristoforov, chl.-korr. RAN, d.yu.n., prof. (otv. red.), I. V. Potkina, d.i.n., (sost., nauch. red.). M. 2019

USSR

342 M. A. KISELEV

To the question of principles of the publications of texts of the soviet samizdat: a few critical remarks

355 P. G. CHEREMUSHKIN

Diplomats in the corridors of power: two books of memoirs of major diplomats through the prism of personal impressions of an international expert. Rev.: Churkin Vitalii. Trudnosti perevoda. Vospominaniia. Moscow: OLMA-press, 2020. 440 p.; Berns Uil'iam. Nevidimaia sila. Kak rabotaet amerikanskaia diplomatiia. Moscow: Al'pina Pabliisher, 2020. 688 p. (original: William J. Burns. The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and the Case for Its Renewal. Published by Random House, 2019. 512 p.)

Sandarmokh

365 V. S. STAF

“We transform places of crime into places of memory”: Yuri Dmitriev's book “Sandarmokh. Place of Memory” Rev.: Dmitriev Iu.A. Mesto pamiati Sandarmokh, obshchaia redaktsiia i sostavlenie: A.Ia. Razumov. Petrozavodsk, 2019.

- 372 **V. I. TUMARKIN** *About the unscientific hypothesis. Rev.: Verigin S., Mashin A. Zagadki Sandarmoxa: Chast` 1: Chto skry`vaet lesnoe urochishhe». — [b.m.]:Johan Bäckman Publications, 2019. — 90 p.*
-

ATTENTION: TRASH

- 384 **A. G. GUMENYUK** *Does it make sense to publish such “research”? Rev.: Marasanova V.M. Kontr-admiral Mikhail Fedorovich Belkin: voennaya sluzhba i chastnaya zhizn` // Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarny`e nauki. 2017. № 3 (41)*
- 388 **E. V. PCHELOV** *Rev.: Velikaya knyaginya Ol`ga Aleksandrovna. 25 glav moej zhizni. M.: Kuchkovo pole, 2017.*
- 393 **M. V. BATSHEV** *American Karamzin in Russia: expectation and reality. Rev.: Stefans Dzh. L. Zapiski iz puteshestviya po Rossii i Pol`shi / per. s angl. T. O. Novikovej; predisl., komment. D. D. Zelova. — M.: Kuchkovo pole, 2018. — 352 s.: il.; 16 l. il.*
-

FROM THE EDITORIAL MAIL

- Who Are you, Marshal Mannerheim?*
- 399 **Ju. I. MOSHNIK**
- 403 **E. JOFFE**
- 408 *Requirements for publication of articles and documents*

«СОВЕТСКИЙ ВКЛАД В ПОБЕДУ ПОЧТИ НЕ ОТРАЖАЕТСЯ В ГОЛЛИВУДСКИХ ФИЛЬМАХ, ЧТО, КОНЕЧНО, МОЖЕТ ВЛИЯТЬ НА ГЛОБАЛЬНУЮ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ».

Интервью с Хенри Редигером

Ключевые слова: коллективная память, сравнительные исследования, Вторая мировая война, опрос общественного мнения, национальный нарциссизм.

Аннотация. В своем интервью профессор Редигер рассказывает, почему он заинтересовался исследованиями коллективной памяти, как возникла идея впечатляющего международного проекта «Коллективная память о Второй мировой войне в 11 странах», какие проблемы пришлось решить в ходе организации опросов в одиннадцати странах и какие результаты этих опросов удивили исследователей. Он также размышляет, почему русская память о войне кардинально отличается от западной и почему респонденты из Китая и Японии воспроизводят в своих ответах американскую точку зрения на Вторую мировую войну.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-11-18

Хенри Л. Редигер III является автором книг: *Roediger H.L., Capaldi E.D., Paris S.G., Polivy J., Herman C.P.* Psychology. St. Paul, MN: West Publishing Co. (4th Ed.). (1996); *El-*

mes D.G., Kantowitz B.H., Roediger H.L. Research methods in psychology. Monterey, CA: Wadsworth. (9th Ed.). (2012); *Brown P.C., Roediger H.L., McDaniel M.A.* Make it stick: The science

of successful learning. Cambridge, MA: Harvard University Press. Translated into Chinese (both complex and simple character translations), Czech, French, French for Africa and Haiti, German, Japanese, Korean, Polish, Portugese,

Russian, Spanish, Turkish, Ukrainian, and Vietnamese). (2014); *Kantowitz B.H., Roediger H.L., Elmes D.G. Experimental psychology: Understanding psychological research. Monterey, CA: Cengage. (10th Ed.). (2015).*

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. На протяжении многих лет вы изучаете память с точки зрения психологии, т.е. как феномен индивидуального сознания. Но после 2000 г. вы начали также заниматься исследованиями коллективной памяти. Могли бы вы рассказать, каким образом заинтересовались этим направлением исследований, к которому многие из ваших коллег относятся скептически? Каким образом, по вашему мнению, осуществляется взаимодействие индивидуальных и коллективных форм памяти?

Х.Р. Хороший вопрос! Многие коллеги также были удивлены. Для этого было несколько причин. Впервые я задумался о проблемах коллективной памяти в 1996 г., когда начал работать в Вашингтонском университете (Сент-Луис), где познакомился с Джеймсом Верчем. Как вы знаете, он изучает коллективную память и уделяет большое внимание российской национальной памяти. Я не уверен, что до встречи с Верчем слышал о понятии «коллективная память». Мы подружились и часто обсуждали наши научные исследования. Я с интересом читал его статьи и книгу «Голоса коллективного воспоминания» (*Voices of Collective Remembering, 2002*). Другая причина состоит в том, что я «южанин», родом из Виргинии, и вырос в окруже-

нии историй об Американской революции и Гражданской войне. Это два плодородных «поля» американской коллективной памяти. В свободное время я много читал об этих событиях. Поэтому идея «прошлого как воспоминания», когда вспоминаемые истории часто не соответствуют взглядам историков, находит во мне отклик. Как воскликнул «южанин» Фолкнер: «Если прошлое не отпускает, то оно еще не прошло!» Это особенно справедливо для американского Юга.

После многолетних бесед с Джеймсом Верчем, я решил, что было бы интересно приложить некоторые методики социологических исследований, прежде всего опросов, к изучению коллективной памяти. Для реализации этих планов мне была необходима помощь студентов, заинтересованных в проведении таких исследований. Первыми, кто начал со мной работать, были Франклин Заромб (*Franklin Zaromb*), Эндрю Батлер (*Andrew Butler*) и Пойя Агарвал (*Pooja Agarwal*), потом к ним присоединились и другие студенты.

Надо уточнить, что я и сейчас, как и с самого начала моей научной карьеры, занимаюсь исследованиями памяти индивидов. Таким образом, я опираюсь на обе (*have a foot in*

both) исследовательские традиции, как индивидуальной, так и коллективной форм памяти.

С.Э. Вы участвовали во впечатляющем международном проекте, результатом которого стали две публикации: Abel M. et al. *Collective Memories across 11 Nations for World War II: Similarities and Differences Regarding the Most Important Events* (Коллективная память о Второй мировой войне в 11 странах: Сходства и различия восприятия важнейших событий). *Journal of Applied Research in Memory and Cognition* (2019) (русский перевод см. в этом выпуске ИЭ) и Henry L. Roediger III et al. *Competing national memories of World War II* (Конкурирующие национальные памяти о Второй мировой войне). *Proceedings of the National Academy of Sciences*. (2019). Могли бы рассказать, как возникла идея этого исследования, с какими проблемами вы и ваши коллеги столкнулись при организации опросов в 11 странах, и какие результаты вас удивили?

Х.Р. Этот проект был вдохновлен, прежде всего, работами Джеймса Верча. В «Голосах коллективного воспоминания» он опубликовал результаты опроса учеников российских школ. Верч предлагал им назвать десять решающих событий Второй мировой войны и обнаружил, что списки русских респондентов не имеют совпадений со списками американцев. Я подумал, что это потрясающий факт. Вопреки тому, что русские и американцы были союзниками в 1941–1945 гг., они совершенно по-разному вспоминают эту войну.

Я решил, что этот вопрос необходимо исследовать в рамках более широких опросов, включающих не только русских и американцев, но и представителей еще 9 стран, чтобы узнать их концепции Второй мировой войны, посредством изучения списков важнейших, с их точек зрения, событий.

Проект, результатами которого стали две названные статьи, отличался не только широким охватом, но и значительным числом вопросов. Кроме предоставления демографических сведений респонденты отвечали на вопросы двух простых тестов на знание событий Второй мировой войны (я знаю, что русские предпочитают называть ее «Великой Отечественной»). Мы также просили назвать десять решающих событий и, кроме того, оценить (в процентах) вклад своей страны либо в победу в войне (для граждан из стран Союзников), либо в военные действия против Союзников (для граждан из стран Оси). В каждой из 11 стран (8 — Союзники: Австралия, Великобритания, Канада, Китай, Новая Зеландия, Россия, Соединенные штаты, Франция; 3 — державы Оси: Германия, Италия, Япония) группы респондентов насчитывали более 100 человек. На опрос отводилось 25–30 минут. Респондентам их участие не оплачивалось, следовательно, мы полагались на их интерес и добрые намерения. Другой проблемой было проведение нашего опроса на английском языке. Но у нас не было возможности для кодировки ответов, написанных на китайском, японском, русском, немецком, итальянском и французском. Чтобы убедиться, что язык опроса не повлиял значительно на результаты, мы

позже провели контрольное исследование среди респондентов из Германии, Италии и Японии на родных языках. Мы получили примерно те же результаты, что и в опросе на английском языке.

Другая проблема состояла в том, что мы не могли получить случайные выборки для 11 стран. Мы опрашивали любого, кто дал согласие, был старше 18 лет, был гражданином страны, где проводился опрос, и достаточно хорошо владел английским, чтобы суметь дать ответы на вопросы.

Вы спрашиваете об удививших меня результатах нашего исследования. Я бы отметил один момент, который упоминается в переводе статьи, что публикуется в данном выпуске «Исторической экспертизы». В статье сообщается, что мы получили подтверждение находкам Верча (2002) относительно сравнения памяти русских и американцев. Их списки решающих событий Второй мировой войны пересекались в единственном пункте, который русские именовали «Открытие второго фронта», а американцы «День “Д”». В обоих случаях речь идет о высадке английских, американских и канадских войск в Нормандии 6 июня 1944 г. В связи с тем, что, согласно опросам, которые проводил Верч, русские респонденты, отвечая на родном языке, не придавали большой важности этому событию, можно предположить, что в данном случае могли сказаться и английский язык опроса, и также тот факт, что исследование проводилось американским университетом. В будущем исследовании, которое мы собираемся проводить на родных языках респондентов, мы по-

стараемся проверить, действительно ли открытие второго фронта входит в число важнейших событий для русских?

Другой сюрприз состоял в том, что респонденты из 9 стран в числе важнейших называли те же события, что и американцы: Перл Харбор, День «Д», атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, а также Холокост. Для американцев Перл Харбор — это начало войны, День «Д» — это поворотный момент войны и атомные бомбардировки — завершение войны в Тихом океане. Перечисление этих трех событий в данной последовательности представляет сжатую формулу американской победы во Второй мировой войне, которая внедряется через учебники и популярные медиа. Журнал «Тайм» посвятил специальный выпуск (в реальности целый буклет) 75-летию Дня «Д». На первой странице обложки было написано «День “Д”»: 24 часа, которые спасли мир». Я знаю, что такие утверждения приводят в ярость людей из бывшего СССР, но именно таким образом американцам преподносят историю, по крайней мере в средней школе.

С.Э. Перевод статьи «Коллективная память о Второй мировой войне в 11 странах: сходства и различия восприятия важнейших событий» будет опубликован в том же выпуске «ИЭ», что и данное интервью. Могли бы вы рассказать об основных положениях другой статьи «Конкурирующие национальные памяти о Второй мировой войне», где вы и ваши коллеги сравниваете, каким образом различные нации оценивают вклад своей страны в победу в войне?

Х. Р. Важное наблюдение, сделанное по итогам наших опросов, состоит в том, что в ходе выполнения тестов на знание событий Второй мировой войны русские показали наивысшие результаты. (Мы просили респондентов не подглядывать в ходе ответов на вопросы.) Джеймс Верч объяснил мне, что для русских «Великая Отечественная война» все еще является важной частью памяти, мемориальной культуры и школьного образования. Для американцев 75 лет спустя война в гораздо большей мере стала достоянием прошлого. Они знают основные факты, но не имеют детального представления об истории войны.

В статье «Конкурирующие национальные памяти о Второй мировой войне» приводятся результаты ответов на вопрос, который мы задавали тремя разными способами, как респонденты оценивают (в процентах) вклад своей страны в победу. Русские оценили его в 75%, англичане в 51% и американцы в 54%. Т.е. на три страны приходится 180%, не считая 20 других стран, воевавших на стороне союзников, каждая из которых потеряла в сражениях не менее 1000 солдат.

Второй способ задать тот же вопрос был оформлен следующим образом: предлагалось оценить вклад своей страны и еще семи стран-Союзников (из тех, чьи граждане принимали участие в опросе), с добавлением девятой категории «другие», подразумевающей совокупный вклад других стран, помимо названных восьми. При этом общий процент должен был быть равен 100. В этом случае большинство респондентов умень-

шили процентный вклад своей страны примерно вдвое. Русские уменьшили вклад своей страны в наименьшей, в сравнении с другими, степени: с 75 до 64%.

Мы также сравнили «самооценки» с теми оценками, которые той или иной стране давали граждане других государств. Оценки других во всех случаях были ниже «самооценок». При этом необходимо отметить, что другие оценили американский вклад в победу (27%) как более значимый, чем вклад СССР (20%).

С.Э. Оценка русскими респондентами вклада СССР в общую победу (75%) совпадает с долей потерь, которую германские войска понесли на Восточном фронте. Это значит, что русские не преувеличивают роль своей страны. Но респонденты других стран оценивают вклад русских только в 20%. Я уверен, что это не проявление так называемой русофобии, а свидетельство того, что за рубежом люди не получают достаточной информации об истории Второй мировой войны. В годы холодной войны была необходимость скрывать славные победы потенциального противника. Почему, на ваш взгляд, после 1991 г. ситуация во влиятельных западных медиа не изменилась и граждане стран антигитлеровской коалиции до сих пор не знают об огромном вкладе народов СССР в общую победу?

Х. Р. Этот вопрос содержит несколько подвопросов, которые, на мой взгляд, следует разделить.

Вы сказали, что русские не преувеличивают вклад свой страны в общую

победу, поскольку она соответствует доле германских потерь на Восточном фронте. Однако в США и, скорее всего, в большинстве других стран Вторая мировая война в процессе преподавания подразделяется на два главных театра военных действий: Тихоокеанский и Европейский. Для американцев война на Тихом океане: Перл Харбор, сражение у атолла Мидуэй, рейд Дуллитла (авианалет на Японию 18 апреля 1942 г.), сражения за различные тихоокеанские острова (Иводзима, Окинава и др.), атомные бомбардировки Японии — имеют решающее значение. Американцы и другие, вероятно, придают этим событиям большее значение, чем русские, которые, как я догадываюсь, уделяют большее внимание войне в Европе.

Я согласен, что такие оценки американцев и представителей других народов не имеют ничего общего с русофобией. Они порождены спецификой преподавания истории в США и, я подозреваю, в других странах. Преподавание в любой стране уделяет большее внимание тем международным событиям, которые напрямую затрагивают данную страну. Это относится не только к учебникам истории, но и к романам, фильмам, а также к устным рассказам, затрагивающим эти события. Например, мой отец участвовал во Второй мировой войне и, естественно, рассказывал мне о своем боевом опыте. Поскольку ученикам в разных странах рассказывают о разных аспектах войны, то неудивительно, что они быстрее забывают о том, что относится к другим странам, и больше помнят о событиях, касающихся их собственной страны. Так, многие французы отме-

чали радиообращение генерала Де Голля (1940) из Лондона, который призывал бороться с оккупантами, а также они упоминали французское Сопротивление. В реальности ни одно из этих событий не сыграло значительной роли в исходе войны. Это пример того, что мы именуем национальным нарциссизмом: мы считаем, что вклад именно нашей страны важнее вкладов других. Другой пример этого явления: среди десяти важнейших событий русские не упомянули ни одного, относящегося к тихоокеанскому театру войны.

Относительно последней части вашего вопроса, я не уверен, что холодная война оказала решающее влияние на преподавание истории Второй мировой войны в США. Может быть, поэтому после 1991 г. характер преподавания не сильно изменился. Кроме того, ведущие американские СМИ уделяют не так много внимания прошлому. Например, сообщение, что в России в этом году не будет парада в День Победы 9 мая, стало основной вечерней новостью. При этом никто в США не задался вопросом, почему американцы не празднуют то, что мы называем Днем Победы в Европе? Обычно этот день проходит почти незамеченным. Лишь некоторые газеты пишут о нем на последних полосах, и немногие новостные передачи телевидения и радио упоминают о нем в разделе «прочее». Я пишу ответы этого интервью накануне 75-летней годовщины американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Сообщения об этом событии можно найти только на последних страницах газет. Широкие дискуссии по этому поводу не проводятся.

С.Э. Ваше исследование продемонстрировало, что русская память о Второй мировой войне кардинально отличается от западной. Это невозможно объяснить «расколом цивилизаций», поскольку, с одной стороны, Россия и страны Запада являются одной христианской цивилизацией, а с другой — опросы показали, что память китайских и японских респондентов, которые не относятся к христианской цивилизации, близка к западной памяти о войне. Чем, по вашему мнению, объясняется уникальный характер русской памяти?

Х.Р. По данному поводу я могу только предполагать. Важная причина, как уже говорилось, специфика преподавания истории в США. Но почему другие страны не замечают огромного вклада СССР в Победу? Для меня это загадка. Даже китайцы, многолетние союзники Советского Союза, упоминают события согласно американскому взгляду на войну. Тот факт, что американцы подразделяют Вторую мировую войну на войну в Европе и на главную для них войну на Тихом океане, где СССР не сыграл ведущей роли, вероятно, влияет на то, что на Западе недооценивают советский вклад.

Другая возможность связана с американской индустрией развлечений. США производят десятки и даже сотни фильмов о Второй мировой войне, и только несколько из них посвящены Восточному фронту, русским жертвам и русскому вкладу. Из недавних я могу вспомнить

только «Враг у ворот», посвященный Сталинградской битве. Насколько я знаю, американские фильмы популярны по всему миру, включая Китай. Возможно, люди получают информацию о войне из этих фильмов с их захватывающими историями. Голливуд сосредоточен на западном вкладе в Победу. При любом объяснении нет сомнений, что советский вклад в победу почти не отражается в голливудских фильмах, что, конечно, может влиять на глобальную память о войне.

С.Э. На мой взгляд, этот многообещающий проект сравнительных исследований должен получить продолжение. Может, не только в виде опросов общественного мнения, но и как исследование СМИ и учебников. Что вы думаете по этому поводу?

Х.Р. Да, это интересная идея. Я с удовольствием взглянул бы на такой проект. Есть книга, посвященная рассмотрению этого вопроса: Keith Crawford and Stuart Foster. War, Nation, Memory: International Perspectives on World War II in School History Textbooks (Война, нация, память. Вторая мировая война в школьных учебниках разных стран). В этой книге проводятся интересные примеры сравнительного подхода к одним и тем же событиям в разных странах. К сожалению, страны бывшего СССР не включены в рассмотрение. Так что в этом направлении предстоит еще сделать очень многое.

“THERE IS LITTLE DOUBT THAT THE SOVIET CONTRIBUTION TO THE WAR EFFORT IS VASTLY UNDERPLAYED BY HOLLYWOOD, AND THIS MAY HAVE HAD AN EFFECT”. INTERVIEW WITH HENRY L. ROEDIGER III

Henry L. Roediger III – Professor of Department of Psychological & Brain Sciences, Washington University in St. Louis, MO (USA)

Key words: collective memory, comparative studies, Second World War, public survey, national narcissism.

Abstract. Henry L. Roediger III: “There is little doubt that the Soviet contribution to the war effort is vastly underplayed by Hollywood, and this may have had an effect”. In his interview professor Roediger tells why he was involved in the field of collective memory studies, how was appeared the idea of an impressive international project “Collective Memories across 11 Nations for World War II”, what problems the researchers’ team had to solve by organizing surveys in eleven countries, and which results of those surveys were surprising. He also reflects why the Russian memory of that war differs from the Western one and why Chinese and Japanese respondents are aligned with the American perspective.

**Магдалена Абель, Шарда Уманат,
Бет Фэйрфилд, Масанобу Таканаши,
Хенри Л. Редигер III, Джеймс В. Верч**

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В 11 СТРАНАХ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ВОСПРИЯТИЯ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ¹

Ключевые слова: коллективная память, национальная память, память общественно значимых событий, этноцентризм, национальный нарциссизм.

Аннотация. Чтобы понять, как люди в различных странах видят и объясняют мир, полезно знать, как они вспоминают конфликты прошлого. Мы исследовали коллективную память о Второй мировой войне через измерение и сравнение уровня знаний о ней в каждой из 11 стран (8 — Союзники, 3 — государства Оси). Мы просили респондентов назвать 10 наиболее важных событий войны. В результате исследования обнаружены два нарратива: особый русский взгляд и присущий представителям 10 других стран сценарий, который может быть назван взглядом западных союзников или даже американской точкой зрения. Русские знают о войне больше, чем представители других стран, при этом они сосредоточены, прежде всего, на событиях, касающихся своей страны, таких как Сталинградская и Курская битвы и т. д. Представители других 10 стран демонстрируют значительный консенсус, называя события, согласующиеся с американской точкой зрения на войну, например Перл Харбор и атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. У русских, напротив, в списке важнейших событий присутствует лишь одно общее с представителями других стран: День «Д».

© Коллектив авторов, 2020

Магдалена Абель — Департамент экспериментальной психологии, Регенсбургский университет (Германия). Все вопросы, связанные с этой статьей, можно отправлять по адресу: magdalena.abel@ur.de
Шарда Уманат — Департамент психологии и нейронаук, Вашингтонский университет в Сент-Луисе, Миссури (США); *Бет Фэйрфилд* — Департамент психологических наук, Университет им. Габриэле Д'Аннуцио, Кьети (Италия); *Масанобу Таканаши* — Департамент психологии, Университет Священного сердца, Токио (Япония); *Хенри Л. Редигер III* — профессор Департамента психологии и нейронаук Вашингтонского университета в Сент-Луисе, Миссури (США); *Джеймс В. Верч* — профессор Департамента антропологии Вашингтонского университета в Сент-Луисе, Миссури (США); jwertsch@wustl.edu

¹ Впервые опубликовано: Abel, M., et al. Collective Memories across 11 Nations for World War II: Similarities and Differences Regarding the Most Important Events // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2019. P. 178–188. <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2019.02.001>.

который многие русские именуют «Открытием второго фронта». Мы обсуждаем, как возникают различные интерпретации одних и тех же событий войны и каким образом возникло расхождение взглядов между русскими и остальным миром, которое было зафиксировано нашим исследованием. Мы предполагаем, что доминирование американских и других западных медиа (книг, фильмов, телевидения, блогов и т. д.) могло сформировать общее представление о важнейших международных событиях и сделать западную точку зрения на Вторую мировую войну наиболее популярной в мире.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-19-42

Наполеону Бонапарту приписывают утверждение, что «История — это версия прошедших событий, с которой люди решили согласиться». Сегодня, почти два столетия спустя, история рассматривается как, прежде всего, объективная дисциплина, которая стремится в точности описать и понять прошлое. Однако приведенная цитата верно характеризует сущность *коллективной памяти*, т. е. памяти, которая является общей для членов больших групп (*Halbwachs* 1980; 1992/1925). Коллективная память, направленная на поддержание групповой идентичности, в отличие от истории, не обязательно дает верное представление о прошлом, скорее она представляет собой линзу, через которую члены группы интерпретируют прошлое (см.: *Hirst, Manier* 2008; *Wertsch, Roediger* 2008), и может рассматриваться как достаточно устойчивый набор разделяемых коллективом знаний о прошлом, характеризующих группу и ее «образ», и вместе с тем как процесс борьбы за то, каким образом необходимо вспоминать прошлое (*Dudai* 2002).

Коллективная память исследуется различными дисциплинами, сосредоточенными на разных аспектах процесса вспоминания (см.: *Olick, Vinitzky-Seroussi, Levy* 2011; краткий обзор см: *Roediger, Abel* 2015). Даже

внутри психологии существуют различные походы к изучению коллективных воспоминаний (см. обзор: *Hirst, Yamashiro, Coman* 2018). Одним из важнейших является вопрос: каким образом коллективные представления о прошлом передаются членам группы? Эмпирические исследования показывают, что важную роль играют воспоминания в процессе совместных действий и общих бесед. Экспериментально установлено, что люди, вовлеченные в процесс совместной коммеморации, при позднейшей индивидуальной проверке показывают большее совпадение воспоминаний, по сравнению с теми, кто вспоминал, пребывая все время в изоляции от остальных членов группы (см.: *Congleton, Rajaram* 2014; *Rajaram, Maswood* 2017). Сходным образом концентрация внимания аудитории на тех или иных эпизодах прошлого не только улучшает их запоминание, но также увеличивает забывание, как слушателями, так и рассказчиками, тех деталей прошлого, которые не были упомянуты в этих беседах (см.: *Cuc, Koppel, Hirst* 2007). Эти выводы остаются справедливыми и применительно к широкому социальным сетям (*Coman et al.* 2016; см. также: *Luhmann, Rajaram* 2015). Кроме того, исследователи отмечают важность когнитивных схематических структур, используемых для коллективного воспоминания

нания, которые формируются в ходе группового взаимодействия, прежде всего, под воздействием особенностей системы обучения и средств массовой информации (см.: *Wertsch* 2008). В целом когнитивные схемы влияют не только на восприятие событий прошлого, но также и на кодирование современных событий (см.: *Brewer, Nakamura* 1984). Воздействие этих схем на текущие когнитивные процессы не контролируется сознанием и, по всей вероятности, зависит от того, как члены больших групп подходят к осмыслению общего прошлого. В обществах с различающимися когнитивными схемами и культурными фильтрами одни и те же события могут восприниматься совершенно по-разному (см.: *Wertsch* 2002; 2009; *Wertsch, Karumidze* 2009).

Один из возможных подходов к исследованию коллективной памяти больших социальных групп (например, наций) состоит в изучении знаний о событиях прошлого, которые члены этих групп рассматривают в качестве важнейших (*Hirst, Yamashiro, Coman* 2018). Дж. У. Пеннебейкер, Д. Паэз и Дж. К. Дешам предлагали респондентам из семи стран назвать три наиболее важных события за последние сто лет. На первом месте оказалась Вторая мировая война (*Pennebaker, Páez, Deschamps* 2006). При ответе на вопрос о важнейших событиях последнего тысячелетия, Вторая мировая война стала четвертой по значимости (сходные результаты получены: (*Liu, Hilton* 2005; *Liu et al.* 2009; *Schuman, Akiyama, Knäuper* 1998; *Scott, Zac* 1993; см. также: *Berntsen, Thomsen* 2005)). В ряде этих исследований также рассматривался вопрос: *почему* Вторая

мировая война рассматривается как чрезвычайно важное событие? — что дает возможность понять особенности различных национальных подходов к интерпретации глобального опыта этой войны. Но в этих исследованиях не уделялось особого внимания следующим вопросам: *какие* из событий Второй мировой войны вспоминают представители различных наций? Насколько существенно различаются интерпретации одних и тех же событий в разных странах? В какой мере совпадают оценки событий войны внутри стран и на международном уровне? Принимая во внимание не только исследования предшественников, но также до сих пор ощущаемые последствия Второй мировой войны и их воздействие на многие страны, мы рассматривали память об этой войне как превосходную возможность понять, какие события граждане разных государства включают в состав своих коллективных памятей. Настоящий проект преследовал цель изучить коллективные памяти о Второй мировой войне в 11 странах, как в отдельности, так и в сравнительном освещении.

Уже предпринимались исследования памяти о событиях Второй мировой, которые были сосредоточены на отдельных сообществах памяти. Так, Джеймс Верч провел опрос 177 человек с советским опытом обучения. Участникам предлагалось составить список наиболее важных событий Второй мировой войны (*Wertsch* 2002). Рассуждая о возможных различиях ответов респондентов из разных стран, Верч предположил, что в то время как американцы, отвечая на этот вопрос, «упомянули бы Перл Харбор, День “Д”, Арденнскую

операцию (Battle of the Bulge, Битва за выступ), освобождение американскими войсками концентрационных лагерей, Гуадалканал, Хиросиму и Нагасаки, то русский список включает нападение Германии на СССР, битву за Москву, Сталинградскую битву, Курскую битву, блокаду Ленинграда и битву за Берлин» (Ibid.: 152). Предположение Верча о списке важных для американцев событий Второй мировой войны оказалось довольно точным предсказанием. Опрос американских граждан, проведенный Ф. Заромбом, Э.К. Батлером, П.К. Эгерволом и Х.Л. Редигером, показал, что тремя важнейшими событиями (их упомянули более 50 % участников опроса) для старшего и младшего поколений являются атака на Перл Харбор, День «Д» и атомные бомбардировки (Zaromb *et al.* 2014). Таким образом, несмотря на то, что Соединенные Штаты и СССР были союзниками и сражались против общего врага, списки наиболее памятных событий почти не пересекаются, члены каждой группы преимущественно вспоминают те события, в которых участвовала их страна.

В настоящем исследовании мы расширили общую методологию исследований Верча и Заромба (Wertsch 2002; Zaromb *et al.* 2014) и в ходе обширного онлайн-опроса обращались к участникам с просьбой назвать десять наиболее важных событий Второй мировой войны. Нашей главной целью было изучить коллективные памяти 11 стран (8 — Союзники: Австралия, Великобритания, Канада, Китай, Новая Зеландия, Россия, Соединенные Штаты, Франция; 3 — державы Оси:

Германия, Италия, Япония), в том числе выяснить степень, в которой респонденты привержены воспоминаниям о событиях, касавшихся их страны, и наоборот, степень, в которой коллективные памяти разных стран обретают со временем большее сходство. Как свидетельствуют упомянутые работы Верча и Заромба, даже бывшие союзники, сражавшиеся на одной стороне, могут вспоминать войну значительно отличающимся образом.

ИССЛЕДОВАНИЕ 1

Метод

Участники. В каждой стране в опросе принимали участие более 100 человек. Участники онлайн-опроса набирались благодаря международным контактам авторов исследования, кроме того, мы просили участников распространять ссылку на опрос среди граждан своих стран. Участники не получали никакого вознаграждения. Протокол исследования получил одобрение Надзорного совета (Institutional Review Board) Вашингтонского университета в Сент-Луисе. Для анализа привлекались только анкеты с ответами на все вопросы. Кроме того, мы исключили анкеты тех респондентов, кто не являлся гражданином страны, где проводился опрос ($n = 129$), кто сообщил, что при ответе на вопросы пользовался Интернетом ($n = 44$), кому было меньше 18 лет ($n = 27$). После этих исключений к исследованию были допущены ответы 1332 участников. Размеры выборки для одной страны колебались от 102 до 146 участников (см. табл. 1 с демографическими данными).

Размеры выборки и демографические данные участников исследований 1 и 2

Страна	Размер выборки	Средний возраст (Стандартные отклонение)	Пол	Полученное образование
Исследование 1				
Австралия	106	43.1 (18.4); н.д.: n = 2	41.5% М; 57.5% Ж; 0.9% Другое	12.3% Ш; 27.4% ССиВнМ; 60.4% Мив
Канада	121	42.4 (17.7); н.д.: n = 1	47.9% М; 52.1% Ж	23.1% Ш; 33.9% ССиВнМ; 43.0% Мив
Китай	102	25.5 (8.3); н.д.: n = 7	36.3% М; 63.7% Ж	19.6% Ш; 39.2% ССиВнМ; 35.3% Мив; 5.9% н.д.
Франция	106	41.4 (15.3)	41.5% М; 57.5% Ж; 0.9% Другое	2.8% Ш; 10.4% ССиВнМ; 86.8% Мив
Германия	133	26.8 (8.9)	30.8% М; 68.4% Ж; 0.8% Другое	47.4% Ш; 30.8% ССиВнМ; 19.5% Мив; 2.3% н.д.
Италия	146	37.7 (14.7); н.д.: n = 2	45.2% М; 54.8% Ж	38.4% Ш; 28.1% ССиВнМ; 18.5% Мив; 15.1% н.д.
Япония	121	22.4 (8.9)	57.0% М; 43.0% Ж	59.5% Ш; 24.0% ССиВнМ; 9.9% Мив; 6.6% н.д.
Новая Зеландия	111	43.1 (19.8); н.д.: n = 1	40.5% М; 57.7% Ж; 1.8% Другое	20.7% Ш; 32.4% ССиВнМ; 43.2% Мив; 3.6% н.д.
Россия	132	28.0 (8.5); н.д.: n = 1	54.5% М; 44.7% Ж; 0.8% Другое	11.4% Ш; 52.3% ССиВнМ; 28.0% Мив; 8.3% н.д.
Великобритания	116	46.7 (19.4); н.д.: n = 2	43.1% М; 56.9% Ж	19.0% Ш; 25.9% ССиВнМ; 50.0% Мив; 5.2% н.д.
США	135	35.4 (18.5); н.д.: n = 1	31.1% М; 66.7% Ж; 1.5% Другое; 0.7% н.д.	30.4% Ш; 25.9% ССиВнМ; 41.5% Мив; 2.2% н.д.
Исследование 2				
Германия	134	24.7 (5.3)	37.3% М; 62.7% Ж	
Италия	143	20.5 (2.7); н.д.: n = 1	16.1% М; 82.5% Ж; 0.7% Другое; 0.7% н.д.	
Япония	71	20.6 (1.8)	21.1% М; 78.9% Ж	

Примечание: n — количество, н.д. — нет данных, Ш — школьное, ССиВнМ — среднее специальное и высшее ниже магистра, Мив — магистр и выше.

Материалы и процедура. Опрос на основе онлайн-платформы Кволтрикс (*Qualtrics, Provo, UT*) проводился на английском языке и состоял из нескольких частей. Полная копия, содержащая все данные нашего опроса, находится на онлайн-платформе Открытая наука (Open Science Framework, <https://osf.io/vjbw3/>). После того как респонденты подтвердили свое согласие на участие в опросе и сообщили свои демографические данные, их просили назвать десять важнейших событий Второй мировой войны: «Ниже, пожалуйста, перечислите ДЕСЯТЬ важнейших, по вашему мнению, событий Второй мировой войны. Вы можете перечислять их в том порядке, как они приходят на ум. Перечисляя события, нет необходимости их подробно характеризовать. Пожалуйста, давайте только название или краткое определение (short label). Для тех, у кого английский не является родным: если вы не знаете английского названия события, указывайте, пожалуйста, то его имя, которое знаете, но при этом дайте краткое описание события, которое вы имеете в виду». За этим текстом следовало десять пустых промежутков, пронумерованных от 1 до 10. Респонденты могли проследовать дальше только после того, как указали минимум пять событий. Это была первая часть опроса, представляющая относительно «чистое», т.е. неподверженное влиянию предшествующих вопросов, измерение (relatively pure measure) спонтанного припоминания событий Второй мировой войны.

После этого участникам опроса предлагалось выбрать правильные ответы на вопросы в ходе теста

на знание некоторых фактов Второй мировой войны (например, когда началась Вторая мировая война; соответствующие данные представлены в (*Roediger et al. 2019*)). Затем респондентам предлагалось заполнить стандартный да/нет тест на узнавание (recognition test) для проверки знаний о событиях Второй мировой войны: Участники должны были решить, какие из 40 событий относятся ко Второй мировой войне. Из них 20 — реальные события этой войны, 12 — события Первой мировой войны (например, Галлиполийское сражение) и 8 — вымышленные события (например, битва за Сидней) (см. табл. 2). Для каждого участника эти события перечислялись случайным образом. Для не англоговорящих стран после английских названий в скобках указывалось название на родном языке; для китайских респондентов названия в скобках указывались с использованием как традиционной, так и упрощенной графики.

Опрос включал еще две части: респондентам предлагалось оценить вклад в войну как своей страны, так и других 10 стран, чьи граждане участвовали в опросе (см.: *Roediger et al. 2019*), а также рассмотреть несколько утверждений относительно Второй мировой войны. После завершения опроса респондентов просили ответить на несколько заключительных вопросов (например, обращались ли они при ответе к иным источникам информации, кроме собственной памяти), им выражалась благодарность, а также была предоставлена возможность поделиться мнениями о ходе опроса и связанным с ним опытом.

Список типов событий, использованных в тесте на узнавание исследования 1

Тип	К чему относятся	События
Реальные события	Вторая мировая война	Сталинградская битва, День «Д», Перл Харбор, Германское вторжение в Польшу, Сражение у атолла Мидуэй, Бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, Холокост, Ялтинская конференция, Битва за Британию, Битва за Берлин, Операция Барбаросса, Курская битва, Битва за Гуадалканал, Битва за Москву, Арденнская операция, Битва при Эль-Аламейне, Битва за Окинаву, Блокада Ленинграда, Сражение в заливе Лейте, Битва за Иводзиму
События «приманки»	Первая мировая война	Битва при Танненберге, Битва на Марне, Битва при Ипре, Дарданельская операция, Битва при Галлиполи, Битва при Вердене, Битва на Сомме, Версальский договор, Русская революция, Ютландское сражение, Убийство эрцгерцога Фердинанда, Потопление «Лузитании»
События «приманки»	Выдуманные	Битва при Солт-Флэт, Осада Эдинбурга, Сиднейская битва, Германское вторжение в Португалию, Японское вторжение в Сибирь, Лиссабонская конференция, Операция «Подводная лодка», Встреча западных лидеров

Кодирование данных. Все упоминания событий Второй мировой войны были закодированы Магдаленой Абель и Шардой Уманат независимо друг от друга. Прежде всего, из выборки были удалены 695 ответов, в числе которых: упоминание фактов, не являющихся событиями (например, имена таких политических деятелей, как Гитлер и Муссолини), ошибочное отнесение событий ко Второй мировой войне (например, война во Вьетнаме), расплывчатые ответы (например, «мирный договор» или «правительство»), бессмысленные ответы (например, «.»), события личного характера (например, «мой дядя погиб») и повторения (например, неоднократное упоминание одного события в ответах одного респондента). Потом оставшиеся события были закодированы с высокой дробностью (with a fine grain) при степени согласия кодировщиков 97%, расхождения мнений были преодолены в ходе дискуссии.

После этого была проведена проверка согласованности наименований для одних и тех же событий во всей выборке. В заключительной части участники работы по кодированию выявили частные события, которые могут быть включены в число более крупных (обобщающих) категорий. Например, явные упоминания истребления еврейского народа вначале были обозначены как «Холокост», в то же время упоминания концентрационных лагерей были закодированы как «Концентрационные лагеря в нацистской Германии», а отсылки к освобождению концентрационных лагерей — как «Освобождение концентрационных лагерей». На заключительной стадии последние два термина были включены в категорию «Холокост» (несколько примеров кодирования событий см. в Дополнении А). При этом учитывалась частота, с которой некоторые близкие по смыслу события именовались особым образом и отделялись

одно от другого (например, «Бомбардировки Лондона» и «Бомбардировки Великобритании»). Если в результате «укрупнения» категорий (the large-grain event labels) в ответах того или иного респондента возникало повторение, то оно удалялось из базы данных опроса. В целом анализировалось 11 024 события. Мы предоставляем на рассмотрение и обсуждаем «укрупненные» категории событий, созданные на заключительной стадии кодирования.

Результаты и дискуссия

Наиболее важные события Второй мировой войны: число названных событий. В среднем участники назвали 8,30 событий, которые можно было идентифицировать ($SD = 2.13$; range 1–10). Число событий, упоминаемых респондентами, в каждой из 11 стран было различным ($F(10,1318) = 50.45$, $MSE = 4.17$, $p < .001$, $\eta^2 = .08$). Наибольшее число событий указали русские ($M = 9.34$, $SD = 1.29$), наименьшее — японские участники ($M = 6.90$, $SD = 2.61$; подробнее см. Приложение В).

Наиболее важные события Второй мировой войны: ключевые события. В табл. 3 представлены 15 наиболее часто упоминаемых событий всей выборки. Для исследования коллективных памяти, разделяемых большинством членов мнемонических сообществ, мы следовали методике исследования Ф. Заромба и его коллег (*Zaromb et al.* 2014) и назвали события, упомянутые не менее чем половиной участников опроса, «ключевыми событиями» (core events). В генеральной выборке оказалось четыре таких ключе-

вых события. Подобный критерий был также применен к событиям внутри каждой из 11 национальных выборок. Мы закрашивали особым цветом ключевые события, присутствующие не менее чем двум странам (см. табл. 3 и рис. 1). Рис. 1 демонстрирует высокую степень совпадения списков ключевых событий для разных стран: респонденты из 10 стран в числе ключевых событий назвали Перл Харбор, День «Д» и атомные бомбардировки, в 8 странах ключевым событием стал Холокост и в 4 — германское вторжение в Польшу. Процент упоминаний этих событий различается в зависимости от страны, тем не менее включение респондентами многих стран пяти упомянутых событий в число ключевых не может не поражать.

Наименьшее число ключевых событий — 2, представлено в японской выборке, и оба (Перл Харбор и атомные бомбардировки) непосредственно касаются Японии. В 9 национальных выборках присутствуют 4 и более ключевых событий, которые далеко не всегда затрагивают собственную страну (например, для Австралии — это Германское вторжение в Польшу, Перл Харбор и Холокост). В целом мы отметили не только разное число ключевых событий в разных странах, но и заметное согласие респондентов многих стран по поводу того, какие события относятся к числу важнейших.

Лишь в трех национальных выборках присутствуют уникальные ключевые события, которые не набирали 50 и более процентов среди респондентов других стран. Все эти уникальные события, отмеченные на рис. 1,

Таблица 3

**Пятнадцать событий,
наиболее часто упоминаемых
респондентами из 11 стран в ходе
исследования 1**

Место	Наименование события	n	%
1	Атака на Перл Харбор	901	68%
2	Атомные бомбардировки	899	67%
3	День «Д»	852	64%
4	Холокост	720	54%
5	Германское вторжение в Польшу	539	40%
6	Сталинградская битва	397	30%
7	Германское вторжение в СССР	305	23%
8	Битва за Британию	289	22%
9	День победы в Европе	282	21%
10	Падение Франции	245	18%
11	Смерть Гитлера	215	16%
12	Битва за Берлин	169	13%
13	Капитуляция Японии	145	11%
14	Вступление США в войну	145	11%
15	Сражение у атолла Мидуэй	140	11%

Примечание. Первые четыре события являются ключевыми, поскольку их отметили 50 и более процентов из общей выборки 1332 участника. Данная цветная кодировка пяти важнейших событий используется на рис. 1, где сравниваются наиболее важные события для каждой из 11 национальных выборок.

следования Джеймса Верча (*Wertsch* 2002). Русские не единственные, кто склонен придавать большое значение событиям, касающимся их страны. Но их характеризует как величайшая внутригрупповая согласованность ответов, так и наибольшее

напрямую касались стран, граждане которых упомянули их в качестве ключевых. По одному такому событию отметили респонденты из Великобритании и Франции. Половина французских участников упомянула обращение генерала де Голля, когда 18 июня 1940 г. он из лондонского изгнания призвал сограждан поддерживать Сопротивление. Для Великобритании таким уникальным явлением стала битва за Британию, когда британцы успешно отразили массированные авиационные атаки нацистской Германии.

Лишь в одной стране — России — обнаружено более одного уникального ключевого события. Российские участники с семью ключевыми событиями продемонстрировали величайший в сравнении с другими странами уровень совпадения и взаимосвязи упоминаемых событий. Поразительно, но лишь одно из этих событий, а именно — день «Д», который русские часто именовали «Открытием второго фронта», является ключевым событием для респондентов из других стран. Русские — единственные, кто не включил Перл Харбор и атомные бомбардировки в число ключевых событий. 6 из 7 ключевых событий, упомянутых русскими, являются уникальными и напрямую касаются их страны: Сталинградская битва, Курская битва, блокада Ленинграда, битва за Москву, германское вторжение в СССР и битва за Берлин. Ни для одной другой страны, включая Германию, которая была напрямую вовлечена в перечисленные события, они не стали ключевыми. Список перечисленных российских ключевых событий прекрасно согласуется с данными ис-

Австралия	Канада	Китай	Франция	Новая Зеландия	Россия	Великобритания	США	Германия	Италия	Япония
Атака на Перл Харбор 77%	Атака на Перл Харбор 78%	Атака на Перл Харбор 75%	День «Д» 90%	Атака на Перл Харбор 81%	Сталинградская битва 93%	День «Д» 75%	Атака на Перл Харбор 91%	Германское вторжение в Польшу 71%	Атомные бомбардировки 87%	Атомные бомбардировки 88%
Атомные бомбардировки 67%	День «Д» 75%	Атомные бомбардировки 55%	Холокост 72%	Атомные бомбардировки 73%	Курская битва 73%	Атака на Перл Харбор 67%	День «Д» 81%	Холокост 68%	День «Д» 75%	Атака на Перл Харбор 75%
Холокост 58%	Холокост 67%	День «Д» 53%	Атомные бомбардировки 62%	Холокост 61%	День «Д» 66%	Холокост 59%	Атомные бомбардировки 80%	День «Д» 62%	Холокост 68%	Холокост 68%
День «Д» 54%	Атомные бомбардировки 66%	Атака на Перл Харбор 52%	Атака на Перл Харбор 52%	День «Д» 60%	Блокада Ленинграда 65%	Битва за Британию 59%	Холокост 66%	Атомные бомбардировки 59%	Атака на Перл Харбор 66%	Атака на Перл Харбор 66%
Германское вторжение в Польшу 50%	Германское вторжение в Польшу 50%	Призыв де Голля 50%	Призыв де Голля 50%	Германское вторжение в Польшу 50%	Битва за Москву 64%	Атомные бомбардировки 58%	Атака на Перл Харбор 50%	Атака на Перл Харбор 50%	Атака на Перл Харбор 50%	Атака на Перл Харбор 50%
					Германское вторжение в СССР 60%	Германское вторжение в Польшу 54%				
					Битва за Берлин 57%					

Рис. 1. Ключевые события, упомянутые 50 и более процентами респондентов в каждой стране. Каждое ключевое событие, из 5 наиболее популярных событий для 11 стран (см. табл. 3) отмечено особым цветом (например: День «Д» — зеленым). Ключевые события, свойственные только одной стране, отмечены красным цветом

отличие от мнений респондентов из других стран. Создается впечатление, что русские участники обучены поддерживать российский взгляд на события войны, тогда как другие (даже представители Китая и Японии) упоминают события в соответствии с господствующей западной точкой зрения.

Наиболее важные события Второй мировой войны: Другие часто упоминаемые события. Далее мы проанализировали события из первой десятки, набравшие менее 50%, т.е. не вошедшие в число ключевых. Рис. 2 представляет списки «неключевых» событий из первых «десяток» всех 11 стран. Лишь в трех случаях эти события получили менее 20% голосов. Важно, что часть уже обсуждавшихся уникальных ключевых, для респондентов Великобритании, России и Франции, событий попала в первые десятки других стран, правда, с частотой упоминаний менее 50%. Например, Сталинградская битва — ключевое событие для русских (93%) — включена в первые десятки Великобритании, Германии, Италии, Канады, Китая, Новой Зеландии и Франции (20–46% от национальной выборки). Подобным образом битва за Британию, упомянутая 59% британцев, вошла в первые десятки Австралии, Канады, Новой Зеландии и США (19–48% от национальной выборки). Другие события, такие как Германское вторжение в СССР (упомянуто участниками из Германии, Новой Зеландии, России и США), падение Франции (Австралия, Новая Зеландия, США и Франция) и капитуляция Японии (Китай и Япония), были отмечены в качестве важных респондентами

из меньшего числа стран. В первые национальные десятки вошло довольно много уникальных событий (24 в 11 странах), упомянутых менее чем 50% респондентов (на рис. 3 они оставлены незакрашенными). Это, так же как уникальные ключевые события, отмеченные на рис. 2, те события, в которые была прямо вовлечена страна «номинаровавших» их респондентов. Например, только австралийцы упомянули бомбардировку Дарвина, только канадцы — высадку союзников в Дьеппе, только китайцы — Нанкинскую резню, только французы — освобождение Франции, только англичане — Дюнкеркскую операцию, только немцы — покушения на Гитлера, только итальянцы — высадку союзников в Италии и только японцы — Потсдамскую декларацию. Американцы — единственные, кто в числе уникальных событий упомянул не относящиеся к ним напрямую бомбардировки Лондона. Примечательно, что в нижней части первой русской десятки оказались три события (атомные бомбардировки, германское вторжение в Польшу и Перл Харбор), которые являются ключевыми событиями для многих стран. Анализируя первые десятки событий в разных странах, мы ясно видим, как по-разному люди из разных стран вспоминают войну и какие ее события представляются им важнейшими. Эти различия поддерживаются не большинством респондентов, но субгруппами внутри более широкой выборки. Существует большое число ключевых событий, общих для разных стран. При этом не «ключевые», но другие часто упоминаемые события из первых десятков пересекаются в гораздо меньшей степени.

Австралия	Канада	Китай	Франция	Новая Зеландия	Россия	Великобритания	США	Германия	Италия	Япония
Битва за Британию 31%	Битва за Британию 42%	Нанкинская резня 41%	Освобождение Франции 38%	Битва за Британию 48%	Атомные бомбардировки 43%	Битва при Дюнкерке 45%	Германское вторжение в Польшу 37%	Сталинградская битва 46%	Германское вторжение в Польшу 47%	Потсдамская декларация 36%
Смерть Гитлера 26%	Смерть Гитлера 26%	Капитуляция Японии 38%	Падение Франции 29%	Германское вторжение в СССР 32%	Германское вторжение в Польшу 42%	Сталинградская битва 32%	Падение Франции 26%	Вторжение Союзников в Италию 26%	Вторжение Союзников в Италию 26%	Битва за Окинаву 34%
Бомбардировка Дарвина 25%	Германское вторжение в Польшу 26%	Холокост 31%	Сталинградская битва 26%	Падение Франции 23%	Перл Харбор 39%	День победы в Европе 32%	Германское вторжение в СССР 24%	Заговоры против Гитлера 26%	Итальянское сопротивление 25%	Воздушные налеты на Токио 33%
Падение Франции 24%	День победы в Европе 25%	Китайско-Японская война 25%	Режим Виши Франция 26%	Смерть Гитлера 22%		Вступление США в войну 25%	День победы в Европе 22%	Освобождение Италии 23%	Освобождение Италии 23%	Холокост 30%
Падение Сингапура 23%	Сталинградская битва 21%	Сталинградская битва 24%	Зимний велодром 25%	Сталинградская битва 20%			Бомбардировки Лондона 20%	Хрустальная ночь 26%	Стаальной пакт 22%	Battle of Midway 26%
	Рейд на Дьеп 17%	Инцидент на мосту Лутоу 23%					Битва за Британию 19%	Сталинградская битва 21%	Сталинградская битва 21%	Тройственный пакт 26%
		Германское вторжение в Польшу 22%								Капитуляция Японии 24%
										Битва за Иводзиму 17%

Рис. 2. События из первой десятки, набравшие меньше 50% упоминаний в каждой стране. События, вошедшие в первые десятки двух и более стран, отмечены особым цветом. События, вошедшие в первые десятки только одной страны, оставлены незакрашенными

Тест на узнавание. Рис. 3 показывает результаты теста на узнавание, где точность измеряется как количество «попаданий» (hits, правильные указания событий Второй мировой войны) минус количество «промахов» (false alarms, ошибочное указание в качестве событий Второй мировой войны как событий Первой мировой войны, так и выдуманных событий). Мы должны отметить, что данный случай отличается от результатов других стандартных экспериментов на узнавание в сфере памяти, поскольку «цели» (targets) и «соблазны» (lures) не могли быть представлены в виде шкалы. Тем не менее количественные данные, представляющие разницу между «попаданиями» и «промахами» респондентов из каждой страны, предоставляют единственно возможный в данных условиях способ измерения точности ответов («попадания» и «промахи» приведены в Приложении С). Откорректированное узнавание («попадания» минус «промахи») различается в 11 странах ($F(10, 1318) = 22.14$, $MSE = .06$, $p < .001$, $\eta^2 = .14$) Результаты анализа с Бонферрони-

коррекцией показывают, что русские респонденты превосходят все остальные группы участников (все $ps < .001$). Японские респонденты показали худший результат в сравнении с другими группами ($ps < .02$), в том числе и в сравнении с другими участниками из бывших стран Оси — Германии, Италии, а также соседнего с Японией Китая ($ps \geq .25$). Хотя участники из Германии и Италии показали более низкие результаты в сравнении с представителями России и Новой Зеландии ($ps < .01$ против всех остальных $ps > .09$), непохоже, чтобы это различие знаний объяснялось бывшим противостоянием держав Оси и Союзников (подробнее об ответах на «шкалированные» вопросы и анализе узнавания событий на европейском и тихоокеанском театрах войны см. Приложение С). Несмотря на отмеченные различия, респонденты из разных стран показали в целом удовлетворительный уровень узнавания событий Второй мировой войны, указывающий, что все участники опроса получили стандартные знания по этому вопросу. В результате того, что прежде те-

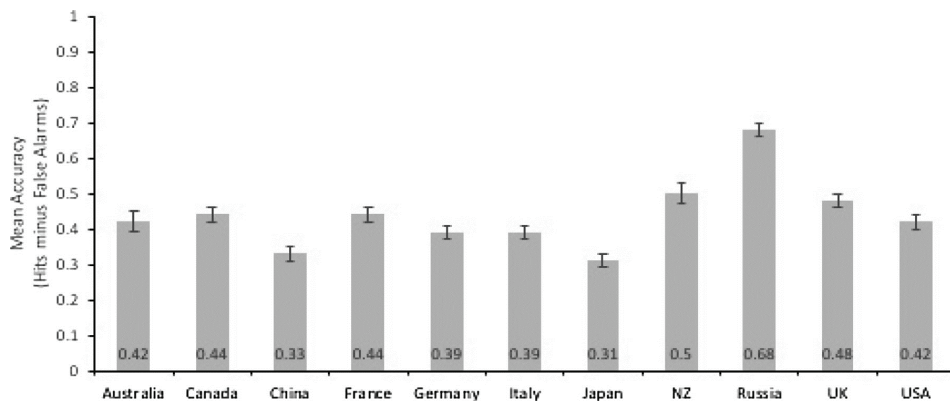

Рис. 3. Средняя точность («попадания» минус «промахи») результатов теста на узнавание событий, для каждой из 11 стран. Планки погрешностей представляют ± 1 стандартную ошибку среднего

ста на узнавание испытуемым было предложено назвать десять наиболее важных событий войны и ответить на вопросы, для выяснения общих знаний по этому вопросу, уровень узнавания показал более высокие (inflated), чем в реальности, значения.

ИССЛЕДОВАНИЕ 2

В то время как события теста на узнавание были представлены и на английском, и на родных языках неанглоязычных респондентов, вопрос о назывании десяти наиболее важных событий войны задавался только на английском. Такие обстоятельства, как использование английского, так и проведение опроса американским университетом, могли повлиять на ответы о важнейших событиях, побуждая респондентов смотреть на события войны с определенной точки зрения. Поскольку для пяти из восьми союзных стран, представители которых участвовали в исследовании 1, английский является официальным языком, то в исследовании 2 мы решили сосредоточиться на участниках из трех стран Оси, чтобы выяснить, в какой мере при ответах, представленных в ходе сокращенного опроса на родном языке и записанных от руки на бумаге, будут повторены результаты онлайн-опроса на английском языке.

Метод

Участники. Магдалена Абель, Бет Фэйрфилд и Масанобу Таканаши привлекли в качестве респондентов студентов из университетов Гер-

мании, Италии и Японии, которым за участие в опросе был предоставлен частичный курсовой кредит (partial course credit, частичный зачет по одному из дополнительных предметов). Из базы данных для анализа предварительно были исключены ответы участников, которые назвали меньше пяти событий (Германия: $n = 18$; Италия: $n = 49$; Япония: $n = 37$). После этого остались ответы 348 участников, которые были включены в отличающиеся численностью национальные выборки (Германия — 134, Италия — 143, Япония — 71; демографические детали см. в табл. 1).

Материалы. В сокращенный опрос на родном языке, в котором ответы записывались от руки на бумаге, были включены только две части исследования 1: вопрос о десяти важнейших событиях Второй мировой войны, который обсуждается в данной публикации, и вопрос о вкладе (в процентах) своей страны в общие военные действия (см.: *Roediger et al.* 2019). Тест на узнавание в данном случае не был включен, поскольку в исследовании 1 он проводился на английском и родном языках.

Процедура. После получения согласия и ответов на вопросы демографического характера студентам предлагалось, как и в исследовании 1, назвать наиболее важные события Второй мировой войны. Им предлагалось назвать как можно больше событий, но при этом от них не требовалось назвать минимум пять событий. Инструкции были такими же, как и в исследовании 1, но респонденты записывали ответы на листе бумаги, в котором пустые места для ответов были пронумерованы от 1

до 10. После респондентам предлагалось оценить вклад своей страны в общие военные усилия стран Оси (см.: Ibid.). В конце выражалась благодарность участникам, а также им была предоставлена возможность поделиться мнениями о ходе опроса и связанным с ним опытом.

Кодирование данных. Как и в исследовании 1, все события были закодированы независимо друг от друга теми же самыми кодировщиками — Магдаленой Абель и Шардой Уманат. Из выборки были удалены 122 ответа, среди которых упоминание фактов, не являющихся событиями, ошибочное отнесение событий ко Второй мировой войне, расплывчатые ответы, бессмысленные ответы, события личного характера и повторения. Оставшиеся 2293 события были подвергнуты анализу. События были закодированы, так же как и в исследовании 1, в ходе трех «раундов» теми же самыми двумя кодировщиками при степени согласия 97 %.

Результаты и обсуждение

Число упомянутых событий. В среднем респонденты упоминали 7,31 идентифицируемых событий ($SD = 2.24$; range: 1–10). Для определения различий между странами и исследованиями был проведен дисперсионный анализ (ANOVA) для двух языков и 3 стран: 2 (язык опроса: родной в исследовании 2 и английский в исследовании 1) \times 3 (страны: Германия, Италия, Япония). Среднее число называемых событий различается в зависимости как от языка опроса ($F(1, 742) = 78.88$, $MSE = 4.22$, $p < .001$, $\eta^2 = .10$), так

и от страны ($F(2, 742) = 21.51$, $MSE = 4.22$, $p < .001$, $\eta^2 = .06$). Неожиданно участники исследования 1, которым вопросы задавались на английском, назвали больше событий ($M = 7.93$, $SD = 2.24$), чем участники исследования 2, отвечавшие на вопросы, заданные на родном языке ($M = 6.59$, $SD = 2.00$; см. подробнее рисунок D1 в Приложениях). Мы предполагали, что, благодаря лучшему владению родным языком, испытуемые смогут вспомнить больше событий, но это предположение не оправдалось. Возможно, это различие объясняется тем, что участники исследования 1 не имели никакой дополнительной мотивации, в то время как участники исследования 2 — университетские студенты, получали за участие в опросе дополнительные баллы к зачетам по дополнительным предметам. Другая возможная причина — разница в возрасте участников, которую мы обсудим далее. Результаты анализа с Бонферрони-коррекцией показывают, что, независимо от языка опроса, немецкие ($M = 7.74$, $SD = 2.09$) и итальянские ($M = 7.40$, $SD = 2.16$) участники в среднем назвали больше событий, чем японские ($M = 6.57$, $SD = 2.41$) участники. Это соотношение согласуется с тем, что зафиксировано в исследовании 1 (подробнее см. Приложение D).

15 важнейших событий, названных немецкими участниками. Так же как и в исследовании 1, большинство участников исследования 2 назвали в качестве ключевых событий Холокост (64%) и Германское вторжение в Польшу (55%). День «Д» (43%), атомные бомбардировки (28%) и Перл Харбор (18%) не вошли, в отличие от исследования 1, в число

ключевых событий, но тем не менее оказались в числе 15 важнейших событий исследования 2 (см. также таблицу E1 в Приложениях). В целом в исследованиях 1 и 2 совпали 14 и 15 важнейших событий. Появилось лишь одно отличие: в исследовании 2 назван захват власти нацистами в 1933 г., в исследовании 1 упомянуты бомбардировки Дрездена.

15 важнейших событий, названных итальянскими участниками. Итальянские участники исследования 2, так же как и участники исследования 1, включили в число ключевых событий Холокост (78%) и атомные бомбардировки (62%). Перл Харбор (32%), германское вторжение в Польшу (30%) и День «Д» (17%) на этот раз не вошли в число ключевых событий, но вошли в число 15 важнейших событий (см. также таблицу E2 в Приложениях). В итальянском случае мы также видим заметное пересечение двух списков (совпадают 11 событий из 15). В исследовании 2 появились 4 новых события в сравнении с исследованием 1: Расовые законы, Хрустальная ночь, приход Гитлера к власти, Тройственный пакт. В то же время исчезли: Итальянское сопротивление, Сталинградская битва, Германское вторжение в СССР, капитуляция Италии, упомянутые в исследовании 1.

15 важнейших событий, названных японскими участниками. Японские участники исследования 2, так же как и участники исследования 1, включили в число ключевых событий только два — атомные бомбардировки (86%) и Перл Харбор (55%). 12 из 15 важнейших событий совпа-

дают в обоих списках (см. также таблицу E3 в Приложениях). В исследовании 2 появились 3 новых события в сравнении с исследованием 1: приход нацистов к власти в 1933 г., послевоенная оккупация Японии, огромные потери в ходе войны. Исчезли: День «Д», германское вторжение в Польшу и битва за Иводзиму.

Сравнение результатов исследований 1 и 2 по трем странам. Сравнение результатов двух исследований указывает, что списки наиболее важных событий во многом совпадают, т.е. не зависят от языка опроса. Тем не менее отличия есть. В двух из трех стран уменьшилось количество ключевых событий, что указывает на уменьшение согласованности ответов респондентов из этих стран. Возможно, это связано с тем, что в опросе на родном языке участники упомянули меньше событий, чем в опросе на английском, тем самым уменьшив вероятность согласованности ответов.

Кроме того, средний возраст немецких и японских участников исследований 1 и 2 не сильно отличался, в то время как итальянские участники исследования 1 были на 17 лет старше тех, кто принимал участие в исследовании 2 (см. табл. 1). В обоих исследованиях возраст в расчет не брался, тем не менее данные двух итальянских опросов позволяют считать, что возраст не играл большой роли, т.к. их участники, независимо от возраста, упоминали сходные списки событий. Эти данные отличаются от результатов предшествующих исследований, которые показали, что воспоминания о Второй мировой войне зависят от возра-

ста, в связи с тем, что современники войны вспоминают больше чрезвычайных (*idiosyncratic*) событий, чем более молодые участники опросов, которые напрямую не сталкивались с опытом войны (*Schuman, Akiyama, Knäuper* 1998; *Scott, Zac* 1993; см. также: *Zaromb et al.* 2014). В нашем исследовании 1 только 75 участников (5,6%) из общей выборки были в возрасте 70 лет и старше, т.е. лишь немногие из них родились до конца войны. Возможно, возраст объясняет, почему участники исследования 1 на английском назвали больше событий, чем участники исследования 2 на родном языке. Но это предположение может прилагаться только к итальянским респондентам, но не к немецким и японским.

Итоговая дискуссия. В ходе этого проекта мы сравнивали памяти о Второй мировой войне респондентов из 11 стран. В большинстве стран существует консенсус по поводу главных событий, к которым относят Перл Харбор, атомные бомбардировки, День «Д» и Холокост. Исследование 2, проводившееся на родном языке в Германии, Италии и Японии, показало значительное, хотя и не полное, совпадение 15 упомянутых важнейших событий с исследованием 1, где опрос проводился на английском языке. Количество ключевых событий уменьшилось, по сравнению с исследованием 1, в двух странах из трех. На выбор важнейших событий родной язык повлиял незначительно.

Наличие значительного числа событий, упоминаемых в качестве ключевых во многих странах, где проводились опросы, поразитель-

но и указывает, что послевоенные десятилетия привели к заметному международному согласию по поводу того, какие события Второй мировой войны считать важнейшими (см. также: *Schuman, Akiyama, Knäuper* 1998; *Scott, Zac* 1993). Перечень важнейших событий позволяет предположить, что «консенсус» достигнут благодаря распространению по всему миру точки зрения западных Союзников. При этом события, протекавшие на Восточном фронте, попросту отсутствуют в поле зрения респондентов 10 из 11 стран. Правдоподобным объяснением того факта, что в качестве наиболее значимых упоминаются те события, в которых непосредственно участвовали западные Союзники, может быть идейное доминирование Запада, часто проявляющееся в сфере образования и в СМИ. США сразу после войны оказывали прямое воздействие на Европу и Азию и оказывают его до сих пор с помощью инструментов популярной культуры. Кроме того, нельзя исключить, что в выборе многими респондентами американской перспективы сказалось также такое обстоятельство, как проведение опроса на английском языке по инициативе американского университета. Однако результаты исследования 2 позволяют считать, что это обстоятельство не оказало существенного влияния на респондентов, хотя между двумя исследованиями существуют различия в выборе ключевых событий.

Значительные различия, которые, несмотря на то, что опрос проводился на английском, продемонстрировали русские участники, также могут объясняться тем, что преобладающая в большинстве стран

точка зрения западных Союзников не распространяется на Россию. Из десяти стран только британские и французские респонденты назвали по одному свойственному только их стране ключевому событию. Русские не только назвали наибольшее (7) число ключевых событий, но 6 из этих 7 событий являются уникальными, т.е. отражающими исключительно советский опыт войны. Единственное ключевое событие, присутствующее в списках других стран (День «Д»), русские в большинстве случаев именовали по-своему «Открытие второго фронта», т.е. вкладывали в него иной, чем представители других стран, смысл. Анализ других событий из первых десятков каждой из стран показывает, что некоторые из специфических русских ключевых событий (имеются в виду Сталинградская битва и германское вторжение в СССР) входят в число важнейших событий в других странах, но степень их согласованности у русских — намного выше. Это свидетельствует, что память большинства русских респондентов заметно отличается от коллективных памятей большинства стран, представители которых участвовали в опросе.

Тест на узнавание событий исследования 1 показал, что все участники, скорее всего, получили некие базовые знания по поводу событий войны. Тем не менее русские респонденты продемонстрировали самые обстоятельные познания в сравнении с остальными, упомянув больше всех событий, в том числе и ключевых. Этим доказывается, что их уникальная точка зрения на войну не является порождением невежества. На самом деле их ответы отра-

жают более полные знания о Второй мировой войне (особенно в Европе), если принимать во внимание не только потери русских, но и тот ущерб, который они нанесли германским войскам. Блокада Ленинграда и Сталинградская битва стоили русским, каждая в отдельности, большего числа жертв, чем все американские потери в ходе Второй мировой войны. Этот факт объясняет, почему эти два события включены русскими в число ключевых. Кроме того, коммеморация Второй мировой войны приобрела в России несопоставимый с другими странами сакральный характер (см.: *Bernstein 2016; Uldricks 2009*) и, по всем признакам, находится в центре проекта русской национальной идентичности. Этот фокус на Второй мировой войне хорошо согласуется с данными нашей русской выборки: наилучшие базовые знания о войне, наименьшее число ошибок, невероятно высокое внутригрупповое согласие по поводу важнейших событий и развитая в целом форма коллективной памяти о событиях.

Изменения в коллективной памяти, происшедшие в последние десятилетия, свидетельствуют в пользу гипотезы, что США повлияли на представления о войне по всему миру, исключая Россию. Данные, полученные Французским институтом общественного мнения (IFOP) в период 1945–2015 гг., свидетельствуют, что общественное мнение по поводу того, какая страна сыграла решающую роль в победе над нацистской Германией, со временем изменилось. В 1945 г. 57% французов считали главным победителем СССР. Согласно последним опросам, 54% респондентов считают, что

главный вклад в победу внесли США (Berruyer 2015). Сходные представления о том, что решающий вклад в победу внесли не русские, а американцы, зафиксирован также в исследовании Х.Л. Редигера и его коллег (Roediger et al. 2019). Эти данные позволяют предположить, что выводы настоящего исследования согласуются с изменениями взглядов, произошедшими во многих странах, результатом которых стала недооценка решающих событий войны на Восточном фронте. Как уже говорилось, это, возможно, произошло под влиянием американских фильмов, романов и других медиа, которые в ходе послевоенных десятилетий сделали американскую точку зрения популярной и влияющей на общественное мнение в других странах. Один из способов изучения этого влияния в будущих исследованиях мог бы состоять в поиске данных о популярности американских и российских фильмов о войне или, в более общем виде, о частоте упоминания тех или иных военных событий в ведущих периодических изданиях разных стран. Это позволило бы проверить, в какой мере медиа влияют на коллективную память. Кроме того, было бы полезно изучить, в какой степени другие международные события воспринимаются в согласии с американской/западной перспективой.

Настоящее исследование отличается несколькими ограничениями. Хотя наши методы сбора данных позволили привлечь достаточно разнообразную выборку (по меньшей мере в исследовании 1), вынужденным компромиссом стало отсутствие экспериментального контроля. В результате выборки по странам отлича-

лись количеством респондентов, их возрастом и гендерным составом, что могло повлиять на различное среднее число событий, названных участниками из различных стран. Данное различие могло не только сказаться на степени согласованности ответов внутри каждой страны, но также затруднить международное сопоставление списков наиболее значимых событий. Кроме того, хотя выборки размером около 100 человек для каждой страны могут показаться крупными, все-таки для измерения коллективной памяти отдельных стран предпочтительнее располагать более обширными (и случайными) выборками. Кроме того, формулировка вопроса о 10 важнейших событиях Второй мировой войны должна быть тщательно проработана в будущих исследованиях, т. к. результаты могут отличаться в зависимости от формулировки вопроса, особенно если подчеркивается точка зрения на войну, присущая одной из стран. Тем не менее Х. Шуман и его соавторы привели свидетельства, что подобные вопросы устойчивы к незначительным различиям формулировки (Schuman, Akiyama, Knäuper 1998). Наша достаточно общая формулировка вопроса, возможно, привела к тому, что респонденты в меньшей мере упоминали специфические события, относящиеся к собственной стране.

О чем, несмотря на указанные ограничения, сообщает нам это исследование коллективной памяти? О чем свидетельствует полученная нами информация по поводу того, как разные страны вспоминают прошлое? Как пишет Я. Дудай, коллективная память представляет собой совокупность знаний, разделяемых группой,

и этот подход частично разделяется нами (Dudai 2002). Как показано на рис. 1, представители различных стран разделяют представления о важнейших событиях со своими соотечественниками. Это согласие, однако, существует не только внутри стран, но и в международном масштабе, что указывает на коллективные влияния, которые выходят за пределы национальных рамок. Дудай также отмечает, что коллективные памяти как проекты идентичности связаны с «образами» народов (Ibid.; см. также: Hirst, Manier 2008; Wertsch, Roediger 2008). Наши данные позволяют обнаружить эту перспективу в уникальных ключевых событиях участников из России, Великобритании и Франции, а также в достаточно большом количестве уникальных событий, представленных в списках первых десятков важнейших событий каждой из стран (см. рис. 3). Эти уникальные события почти всегда относятся к событиям, затрагивающим участие в войне своей страны, т.е. подчеркивающим роль группы. Кроме того, Дудай обсуждает, в какой мере коллективное воспоминание может рассматриваться как борьба за прошлое и как оно должно вспоминаться (Dudai 2002). Значительный консенсус, достигнутый между разными странами, которые в большинстве следуют перспективе западных Союзников, может свидетельствовать, что определенился победитель протекавшей все послевоенные десятилетия борьбы за память. Уинстон Черчилль часто цитируется как автор афоризма: «История пишется победителями». Согласно данным нашего исследования, этот афоризм можно перефразировать: «Коллективная память в большей

мере пишется некоторыми из победителей».

В настоящем исследовании мы отметили не только удивительный консенсус, но также некоторые различия как внутри стран, так и в международном масштабе, по поводу того, какие события Второй мировой войны воспринимаются в качестве важнейших. Хотя мы проводили исследование в 11 важнейших странах-участниках войны, в ней как в военные (например: Польша, Румыния и Нидерланды), так и в послевоенные (например: бывшие британские колонии в Азии и Африке) годы также участвовали или были затронуты многие другие страны. Люди из этих стран могут иметь иные взгляды на войну. Поэтому требуются новые более широкие исследования того, как и почему разные группы в разное время по-разному вспоминают решающие события войны. Согласно афоризму Наполеона Бонапарта, процитированному во вводной части этой статьи, такая работа может позволить нам понять, как люди «решают» согласиться по поводу той или иной версии прошлого и как коллективные памяти различных групп влияют на членов этих групп в ходе восприятия и интерпретации ими современных событий.

Желающие получить файл с Приложениями могут обратиться к Магдалене Абель: magdalena.abel@ur.de

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Bernstein 2016 — Bernstein S. Remembering war, remaining Soviet: Digital commemoration of World War II in Putin's Russia // *Memory Studies*. 2016. 9, 422–436.

- Berntsen, Thomsen* 2005 — *Berntsen D., Thomsen D.K.* Personal memories for remote historical events: Accuracy and clarity of flashbulb memories related to World War II // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2005. 134, 242–257.
- Berruyer* 2015 — *Berruyer O.* The successful 70-year campaign to convince people the USA and not the USSR beat Hitler. 2015, May 9. Retrieved from <https://www.les-crises.fr/the-successful-70-year-campaign-to-convince-people-the-usa-and-not-the-ussr-beat-hitler/>.
- Brewer, Nakamura* 1984 — *Brewer W.F., Nakamura G.V.* The nature and functions of schemas. In R. S. Wyer Jr., & T. K. Srull (Eds.) *Handbook of social cognition*. 1984 (Vol. 1). P. 119–160. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Coman et al.* 2016 — *Coman A., Momennejad I., Drach R. D., Geana A.* Mnemonic convergence in social networks: The emergent properties of cognition at a collective level // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2016. 113, 8171–8176.
- Congleton, Rajaram* 2014 — *Congleton A. R., Rajaram S.* Collaboration changes both the content and the structure of memory: Building the architecture of shared representations // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2014. 143, 1570–1584.
- Cuc, Koppel, Hirst* 2007 — *Cuc A., Koppel J., Hirst W.* Silence is not golden: A case for socially shared retrieval-induced forgetting // *Psychological Science*. 2007. 18, 727–733.
- Dudai* 2002 — *Dudai Y.* *Memory from A to Z: Keywords, concepts and beyond*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2002.
- Halbwachs* 1980 — *Halbwachs M.* *The collective memory* / F. J. Didder Jr., V. Y. Ditter, Trans. New York, NY: Harper & Row, 1980.
- Halbwachs* 1992/1925 — *Halbwachs M.* *On collective memory* (L. A. Coser, Trans.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. [Original work published 1925].
- Hirst, Manier* 2008 — *Hirst W., Manier D.* Towards a psychology of collective memory // *Memory*. 2008. 16, 183–200.
- Hirst, Yamashiro, Coman* 2018 — *Hirst W., Yamashiro J. K., Coman A.* Collective memory from a psychological perspective // *Trends in Cognitive Sciences*. 2018. 22(5), 438–451.
- Liu, Hilton* 2005 — *Liu J. H., Hilton D. J.* How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics // *British Journal of Social Psychology*. 2005. 44, 537–556.
- Liu et al.* 2009 — *Liu J. H., Paez D., Slawuta P., Cabecinhas R., Techio E., Kokdemir D., Sen R., Vincze O., Muluk H., Wang F., Zlobina A.* Representing world history in the 21st century: The impact of 9/11, the Iraq war, and the nation-state dynamics of collective remembering // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2009. 40, 667–692.
- Luhmann, Rajaram* 2015 — *Luhmann C. C., Rajaram S.* Memory transmission in small groups and large networks: An agent-based model // *Psychological Science*. 2015. 26, 1909–1917.
- Olick, Vinitzky-Seroussi, Levy* 2011 — *Olick J. K., Vinitzky-Seroussi V., Levy D.* (Eds.). *The collective memory reader*. Oxford University Press, 2011.
- Pennebaker, Páez, Deschamps* 2006 — *Pennebaker J. W., Páez D., Deschamps J. C.* The social psychology of history // *Psicología Política*. 2006. 32, 15–32.
- Rajaram, Maswood* 2017 — *Rajaram S., Maswood R.* *Collaborative Memory: A selective review of data and theory*. In J. H. Byrne (Ed.) *Learning and memory: A comprehensive reference*. Oxford: Academic Press, 2017.
- Roediger, Abel* 2015 — *Roediger H. L., III, Abel M.* Collective memory: A new arena for cognitive study // *Trends in Cognitive Sciences*. 2015. 19, 359–361.
- Roediger et al.* 2019 — *Roediger H. L., III, Abel M., Umanath S., Shaffer R. A., Fairfield B., Takahashi M., Wertsch J. V.* Who

won World War II? Competing national memories of the war // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2019. 34, 16678–16686.

Schuman, Akiyama, Knäuper 1998 — *Schuman H., Akiyama H., Knäuper B.* Collective memories of Germans and Japanese about the past half-century // *Memory*. 1998. 6, 427–454.

Scott, Zac 1993 — *Scott J., Zac L.* Collective memories in Britain and the United States // *Public Opinion Quarterly*. 1993. 57, 315–331.

Uldricks 2009 — *Uldricks T.J.* War, politics and memory — Russian historians reevaluate the origins of World War II // *History & Memory*. 2009. 21, 60–82.

Wertsch 2002 — *Wertsch J.V.* Voices of collective remembering. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002.

Wertsch 2008 — *Wertsch J.V.* The narrative organization of collective memory // *ETHOS*. 2008. 36, 120–135.

Wertsch 2009 — *Wertsch, J.V.* Collective memory. In P. Boyer, & J. V. Wertsch (Eds.) *Memory in mind and culture* (2nd ed., Vol. 1, pp. 117–137). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009.

Wertsch, Karumidze 2009 — *Wertsch, J.V., Karumidze Z.* Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008 // *Memory Studies*. 2009. 2, 377–391.

Wertsch, Roediger 2008 — *Wertsch J.V., & Roediger H.L., III.* Collective memory: Conceptual foundations and theoretical approaches // *Memory*. 2008. 16, 318–326.

Zaromb et al. 2014 — *Zaromb F., Butler A. C., Agarwal P.K., Roediger H.L.* Collective memories of three wars in United States history in younger and older adults // *Memory & Cognition*. 2014. 42, 383–399.

COLLECTIVE MEMORIES ACROSS 11 NATIONS FOR WORLD WAR II: SIMILARITIES AND DIFFERENCES REGARDING THE MOST IMPORTANT EVENTS

Magdalena Abel — Department of Experimental Psychology, University of Regensburg, Regensburg (Germany);

Sharda Umanath — Department of Psychological & Brain Sciences, Washington University in St. Louis, MO (USA);

Beth Fairfield — Department of Psychological Sciences, “G. d’Annunzio” University of Chieti, Chieti (Italy);

Masanobu Takahashi — Department of Psychology, University of the SacredHeart, Tokyo (Japan);

Henry L. Roediger III — Professor of Department of Psychological & Brain Sciences, Washington University in St. Louis, MO (USA);

Wertsch James V. — Professor of Department of Anthropology, Washington University in St. Louis, MO (USA)

Key words: Collective memory, National memory, Public event memory, Ethnocentrism, National narcissism.

Abstract. Magdalena Abel, Sharda Umanath, Beth Fairfield, Masanobu Takahashi, Henry L. Roediger III and James V. Wertsch. Collective Memories across 11 Nations for World War II: Similarities and Differences Regarding the Most Important Events. To understand how people of different nations view and in-

terpret the world, it is useful to know what they remember of events from past conflicts. We examined collective memories of World War II of people from 11 countries (8 Allies, 3 Axis) by assessing general knowledge of the war and asking people to nominate the ten most important events that occurred during the war. Two different narratives emerged from our survey: a Russian view, and a separate scenario that might be called a Western Allied, or perhaps even an American, view. Russians knew more about the war on an objective test than did people from most other countries, but they mostly focused on events on the Soviet side of the war when recalling the 10 most important events (e.g., the Battle of Stalingrad and the Battle of Kursk). Participants from the other ten countries showed a high degree of consensus across countries regarding which events were considered important and remembered events that could be seen as consistent with an American view on the war (e.g., Pearl Harbor, or the atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki). In contrast, the list of events that Russians provided had only one event in common with those of people in most other countries: D-Day, or, as many Russians remembered it, the opening of the second front. We discuss how different interpretations of the same events and of the war in general are plausible, and why this particular split may have developed. We hypothesize that the dominance of American and other western media (books, movies, television, blogs) may shape collective understanding of important international events and make the western perspective highly accessible.

REFERENCES

- Bernstein S. Remembering war, remaining Soviet: Digital commemoration of World War II in Putin's Russia. *Memory Studies*, 2016, 9, 422–436.
- Berntsen D., Thomsen D. K. Personal memories for remote historical events: Accuracy and clarity of flashbulb memories related to World War II. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2005, 134, 242–257.
- Berruyer O. *The successful 70-year campaign to convince people the USA and not the USSR beat Hitler*. 2015, May 9 Retrieved from <https://www.les-theses.fr/the-successful-70-year-campaign-to-convince-people-the-usa-and-not-the-ussr-beat-hitler/>.
- Brewer W. F., Nakamura G. V. The nature and functions of schemas. In R. S. Wyer Jr., T. K. Srull (Eds.), *Handbook of social cognition*, 1984, vol. 1, pp. 119–160. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Coman A., Momennejad I., Drach R. D., Geana A. Mnemonic convergence in social networks: The emergent properties of cognition at a collective level. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2016, 113, 8171–8176.
- Congleton A. R., Rajaram S. Collaboration changes both the content and the structure of memory: Building the architecture of shared representations. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2014, 143, 1570–1584.
- Cuc A., Koppel J., Hirst W. Silence is not golden: A case for socially shared retrieval-induced forgetting. *Psychological Science*, 2007, 18, 727–733.
- Dudai Y. *Memory from A to Z: Keywords, concepts and beyond*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2002.
- Halbwachs M. *The collective memory* (E. J. Ditter Jr., V. Y. Ditter, Trans.). New York, NY: Harper & Row, 1980.
- Halbwachs M. *On collective memory* (L. A. Coseriu, Trans.). Chicago: University of Chicago Press, 1992 [Original work published 1925].
- Hirst W., Manier D. Towards a psychology of collective memory. *Memory*, 2008, 16, 183–200.

- Hirst W., Yamashiro J.K., Coman A. Collective memory from a psychological perspective. *Trends in Cognitive Sciences*, 2018, 22(5), 438–451.
- Liu J.H., Hilton D.J. How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics. *British Journal of Social Psychology*, 2005, 44, 537–556.
- Liu J.H., Paez D., Slawuta P., Cabecinhas R., Techio E., Kokdemir D., Sen R., Vincze O., Muluk H., Wang F., Zlobina A. Representing world history in the 21st century: The impact of 9/11, the Iraq war, and the nation-state dynamics of collective remembering. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2009, 40, 667–692.
- Luhmann C.C., Rajaram S. Memory transmission in small groups and large networks: An agent-based model. *Psychological Science*, 2015, 26, 1909–1917.
- Olick J.K., Vinitzky-Seroussi V., Levy D. (Eds.). *The collective memory reader*. Oxford University Press, 2011.
- Pennebaker J.W., Páez D., Deschamps J.C. The social psychology of history. *Psicología Política*, 2006, 32, 15–32.
- Rajaram S., Maswood R. Collaborative Memory: A selective review of data and theory. In J.H. Byrne (Ed.), *Learning and memory: A comprehensive reference*. Oxford: Academic Press, 2017.
- Roediger H.L., III, Abel M. Collective memory: A new arena for cognitive study. *Trends in Cognitive Sciences*, 2015, 19, 359–361.
- Roediger H.L., III, Abel M., Umanath S., Shaffer R.A., Fairfield B., Takahashi M., Wertsch J.V. Who won World War II? Competing national memories of the war. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2019, 34, 16678–16686.
- Schuman H., Akiyama H., Knäuper B. Collective memories of Germans and Japanese about the past half-century. *Memory*, 1998, 6, 427–454.
- Scott J., Zac L. Collective memories in Britain and the United States. *Public Opinion Quarterly*, 1993, 57, 315–331.
- Uldricks T.J. War, politics and memory – Russian historians reevaluate the origins of World War II. *History & Memory*, 2009, 21, 60–82.
- Wertsch J.V. *Voices of collective remembering*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002.
- Wertsch J.V. The narrative organization of collective memory. *ETHOS*, 2008, 36, 120–135.
- Wertsch J.V. Collective memory. In P. Boyer, J. V. Wertsch (Eds.), *Memory in mind and culture* (2nd ed., Vol. 1, pp. 117–137). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009.
- Wertsch J.V., Karumidze Z. Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008. *Memory Studies*, 2009, 2, 377–391.
- Wertsch J.V., Roediger H.L., III. Collective memory: Conceptual foundations and theoretical approaches. *Memory*, 2008, 16, 318–326.
- Zaromb F., Butler A.C., Agarwal P.K., Roediger H. L. Collective memories of three wars in United States history in younger and older adults. *Memory & Cognition*, 2014, 42, 383–399.

А. В. Королев

О НОВЕЙШИХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ГЕРОЯМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Первая мировая война, пропагандистское искусство, патриотизм, современное монументальное искусство, официальное искусство.

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ патриотического пропагандистского искусства времен Первой мировой войны и тех памятников, которые были воздвигнуты к ее столетнему юбилею. По мнению автора, выраженный параллелизм образов, принадлежащих двум очень далеким друг от друга культурно-историческим типам, имеет концептуальное значение. Таким спекулятивным способом отсекается необходимость вспоминать о тех страшных противоречиях, которыми на самом деле наполнена историческая память о Первой мировой войне.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-43-52

В 2014 г. весь мир отмечал столетие начала Первой мировой войны. Во многих странах прошли выставки и конференции, были изданы книги, появились новые произведения искусства. Россия как одна из ведущих стран — участниц Великой войны также не осталась в стороне от событий, но если в других странах сосредоточились на книгах и историко-художественных экспозициях, то здесь едва ли не главный акцент был сделан на монументальном

искусстве. В нескольких городах Российской Федерации при участии первых лиц государства были открыты памятники, посвященные делам столетней давности. Самый значительный по масштабам — в Москве, на Поклонной горе (скульптор А. Ковальчук), еще по одному в Пскове и Липецке, но в наибольшей концентрации они располагаются на территории современной Калининградской области, поскольку там, на землях бывшей Восточной Прус-

сии, находился один из центральных плацдармов Первой мировой. Среди них более всего выделяется памятник в городе Гусеве (бывший Гумбиннен), созданный по проекту Михаила Шемякина.

Специфика отечественного способа вспоминать ту войну вполне объяснима. Во-первых, требование справедливости. Несмотря на то, что Первая мировая война оказала величайшее воздействие на судьбу России в XX в. и стоила ей громадных жертв, ничем кроме нескольких скромных, организованных главным образом на основе частной инициативы, монументов память о ней не увековечена. В других европейских странах — участницах Первой мировой, вне зависимости от того, оказались они в числе победителей или побежденных, такие монументы есть, а в России, ввиду своеобразного отношения к ней советской власти, долгое время не было. Советская власть отрицала как экономические задачи России в той войне (расширение сферы влияния русского национального капитала и сокращение немецкого), так и ее идеологические цели (защита собственных религиозных и этнических интересов в различных регионах Европы и Азии). Более того, самым желанным для себя результатом той войны будущие творцы советской власти видели не победу, но исключительно поражение, поскольку именно оно давало им исторический шанс. Поэтому, когда война, наконец, закончилась, даже о простом увековечивании памяти о погибших речи быть не могло. Наоборот, те скромные памятники, которые были установлены еще в период военных действий (например, монумент 1916 г.

в Вязьме), безжалостно уничтожались. Таким образом, только конец советской эпохи, а затем и столетний юбилей войны дали необходимый повод для восстановления исторической справедливости. Вторая причина, объясняющая обилие монументальных проектов, связана с идеей преемственности. Для современной России то государство, которое погибло в огне Великой войны, в вопросах культуры, религии и национальных отношений является своего рода ориентиром, и чествование памяти о последнем значительном событии его истории — это своеобразный способ исторической идентификации.

За всю постсоветскую эпоху, пожалуй, не было в России подобного государственного проекта, за исключением продолжающейся мемориализации памяти о Великой Отечественной войне (и, вероятно, кампании 2012 г. к 200-летию разгрома Наполеона). Это едва ли не самое крупное официальное высказывание в том монументальном жанре, произведения которого со временем будут восприниматься как символы эпохи. Как они выглядят? С формальной точки зрения все получилось достаточно традиционно (реализм, элементы классики), однако при более внимательном рассмотрении обнаруживается неожиданная вещь. Все, что мы видим сегодня, взято из русского пропагандистского искусства столетней давности. По каким-то особым причинам поэтика, иконография и стилистика плакатов, военных лубков и прочих подобных изображений 1914–1916 гг. перекочевала в бронзу, сменив свой прежний пропагандистский статус на иной (искусство, связанное с юбилейной коммеморацией).

Памятник Героям Первой мировой войны. А.Ковальчук. Фигура солдата. 2014

Русский солдат. Почтовая открытка. 1914 г.

Памятник Героям Первой мировой войны. Рельеф. А.Ковальчук. 2014.

Немцы, разбитые лошадьми.
Военный лубок. 1914 г.

Помогите увечным войнам.
Плакат С. Виноградова. 1916.

архив "Вексиллография" www.veksillo.org.ru

источник: А. Художин (фотооткрытка)

Новый русский национальный флаг. Почтовая открытка. 1914 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

О том, в какой зависимости от визуальных прототипов 1914 г. находятся новейшие монументы, можно судить на примере упомянутой работы Ковальчука на Поклонной горе. Этот монумент возводился по итогам большого многоэтапного конкурса, в ходе которого определились возможности самого искусства, призванного сегодня увековечить память о той войне, а также были выяснены задачи, которые ставят государство и общественное мнение перед художниками, взявшимися за тему. После своего открытия этот проект возымел массу провинциальных подражаний, закрепив за собой статус наиболее репрезентативного образца. Монумент занимает обширную территорию на северном склоне Поклонной горы, распадаясь на три самостоятельных элемента. Это отдельно стоящая на высоком постаменте фигура, глыбообразный рельеф (многофигурные группы на двух сторонах российского флага) и огромная гранитная панель с надписью: «ГЕРОЯМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ». Практически все мотивы этого многословного монумента могут быть идентифицированы как воспроизведение элементов языка пропагандистского искусства 1914 г.

Пехотинцы на марше, в бою и на привале, георгиевские кресты и государственные флаги с монархическими орлами, сцены с сестрами милосердия и казаками в седле — так выглядели плакаты и почтовые карточки 100-летней давности на патриотическую тему. Достаточно сравнить этот антикварный материал с тем, что мы видим у Ковальчука, чтобы убедиться в их идентичности. Поза, внешний вид, типаж головы, выражение лица

центральной фигуры выглядят как прямые цитаты из открыток и плакатов 1914 г. Изображение мужественного и вместе с тем вполне прозаического солдатского типа — характерный прием для пропагандистской графики. Российский флаг, который служит фоном для фигур рельефа, также исторически и семантически тесно связан с патриотической графикой. Его особенностью является наличие в его левом верхнем углу геральдического орла Романовых. Как писал в брошюре «Российский Герб и Флаг», изданной в Париже в 1956 г., профессор-эмигрант В. Абданк-Коссовский, такой тип флага был официально принят «в 1913 году, когда Россия торжественно праздновала трехсотлетие Дома Романовых». Тогда «по указу Государя Императора, в знак единения Царя с народом, в правом верхнем углу бело-сине-красного флага было помещено изображение черного двуглавого орла на желтом поле». Изготовлением образцов нового флага должны были заняться уже после начала войны (сочетание государственного штандарта с бело-сине-красным флагом было подтверждено высочайшей волей 9 сентября 1914 г.), но это так и не было осуществлено. Таким образом, по сути единственное место последнего флага России в истории — на плакатах и открытках времен войны. Рельеф включает в себя сцены двух атак (кавалерийской и штыковой), изображение сестры милосердия (портрет великой княгини Елизаветы Федоровны) и «народа» во главе со священником под сенью церкви. И то, и другое, и третье можно рассматривать как прямые цитаты из открыток, выпускавшихся Общиной Святой Евгении

и полиграфической фирмой «Шерер и Набогльц». Конники, летящие в бешеной атаке, сметающие пулеметные гнезда и даже захватывающие аэропланы — типичный образ начала войны. Этот тип открыток активнее всего тиражировался в первые месяцы войны. Одному из всадников скульптор придал черты легендарного героя Первой мировой Козьмы Крючкова¹. Этот человек действительно существовал, но имя его стало нарицательным исключительно благодаря бесчисленным изображениям на патриотических открытках, лубках, конфетных обертках. Изображения императрицы и великих княжон в одеяниях сестер милосердия — другой популярный тип почтовых карточек. Особенно много их стало появляться после провала операции в Восточной Пруссии. Когда же война вошла в свою критическую фазу, Козьму Крючкова вовсе сменили религиозные символы и речения. Что касается колоссальной панели с текстом — то этот вполне плакатный прием также напоминает графику Первой мировой. Только там в тексте к словам «Героям Первой мировой» добавлялась фраза «окажи помощь». Такими призывами чаще всего сопровождалась плакаты, рекламирующие государственный военный 5,5-процентный заем и сборы Красного Креста.

В других памятниках героям Первой мировой, тех, что воздвигнуты в Петербурге, Калининградской области и т.д., мы обнаруживаем те же признаки заимствований из патриотической графики 1914 г., примеры подражания ее образцам и типам.

Разумеется, в истории искусства велико число примеров, когда группа художников выбирала как образец для подражания какое-то явление в художественной культуре прошлого. Особенность ситуации с патриотической графикой заключается, на наш взгляд, в некоторой *протоестественности* такого рода заимствований. Никогда до сих пор в истории монументальная скульптура не подражала графике. Графика — это камерный вид искусства со своими собственными базовыми понятиями художественной формы (доминирующая роль линий, акцентуация плоскости, значение ритмического рисунка). Монументальная скульптура с ее специфическими принципами *статуарности, трехмерности, монументальности и тектоники* предельно далеко отстоит от графики. Соединение одного с другим — довольно опасная идея, способная обернуться эстетической катастрофой. Это, впрочем, не остановило авторов новейших памятников, в результате чего были возведены монументы, которые с *эстетической точки зрения* могут быть теперь отнесены к самому слабому, что есть в истории отечественной монументальной скульптуры. Наподобие графических листов эти вещи рассчитаны на восприятие с одной — фронтальной — точки зрения, что для круглой скульптуры совершенно неприемлемо. Все они имеют дробный силуэт с множеством случайных ракурсов, включают в себя измельченные детали и ненужные подробности. В композиционном смысле (организация монументальных масс) все они носят весьма невнятный ха-

¹ URL: tvkultura.ru/article/show/article_id/115042/ (дата обращения: 26.12.02019).

ракти. На символическом и историческом уровне шаблонность образов оборачивается не меньшей катастрофой. Ведь каждая эпоха производит свои монументы, своеобразие их художественной формы справедливо идентифицируется как признак своеобразия самой исторической эпохи. Монументы же Первой мировой часто лишены таких качеств и больше похожи на призраки истории, чем на *подлинные вещи*. Они воспринимаются странной цитатой, взятой из источника настолько болезненного и противоречивого, что ничего хорошего из такого цитирования выйти не может.

Учитывая, что создатели новейших памятников вышли из обладавшей высокими ремесленными стандартами советской школы, трудно не задать вопрос, что заставило их пойти на довольно грубое нарушение традиций, выбрав столь странный объект для подражания. Вряд ли причина находилась внутри искусства — слишком большой урон качеству. Остается внешняя среда, которой для монументального искусства является прежде всего *идеология*. Парадоксальным образом ситуацию с идеологией проясняет загадочная адресация монументов «героям Первой мировой войны». Как уже было сказано выше, в 2014 г. перед российским обществом не стояло вопроса: отмечать столетие войны или не отмечать, и в силу исторических обстоятельств (отсутствия памятников) идея монументального увековечивания памяти о войне напрашивалась сама. Однако Первая мировая война недаром занимает в истории России столь противоречивое место: сразу вставал вопрос, *кому* ставить памят-

ник. Великой армии? Но эту войну в России вели три разных армии — Российской империи (1914–1917), Российской республики (1917), Советской России (1917–1918), и все три в ней в конечном итоге проиграли. Ветеранам? Но солдаты и офицеры, которые участвовали в той войне, оказались вовлечены и в другие исторические события, память о которых плохо стыкуется с памятью о Первой мировой. Тот, кто сначала героически воевал на фронтах Пруссии и Галиции, затем в феврале 1917 г. стал республиканцем и сверг государственную власть, а после октября 1917 г. должен был принять (не столь уж важно в данном контексте, на чьей, красной или белой, стороне) участие в страшной Гражданской войне. Казалось бы, проблема адресации неразрешима, но как раз *стилизация* под патриотическую графику и предложила необходимый выход из ситуации. Герои войны — это воины того короткого периода времени, когда дух общества выражали открытки с казаком Крючковым, когда в армии еще не было ни белых, ни красных, ни диктаторов, ни республиканцев, ни эсеров, ни большевиков. Честь этих солдат ничем не запятнана, помыслы чисты, сердца полны героической решимости и отваги. Именно они достойны памятника, так же как его достойны герои Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны. Поэтому многие памятники выглядят как своего рода патриотические открытки и имеют название «Героям Первой мировой войны». Герои войны — это те, кто похож на людей из 1914 г.

Итак, именно идеологические потребности объясняют нам необходи-

мость воспроизведения в новейших монументах патриотических образов 1914 г., однако о рискованности таких решений позволяет судить не только эстетическая слабость этого искусства. Вопросы возникают и по идейной части. Патриотический подъем начала войны, олицетворением которого может считаться пропагандистская графика, хотя и был настоящим, глубинным, сам был вызван к жизни прежде всего глубоко ложной роковой убежденностью в необходимости большой европейской войны. Монументы 2014 г. предлагают нам видеть через зыбкую призму патриотизма людей, которые сначала ослепленно поверили во благо войны, а спустя три года, захлебнувшись кровью на ее фронтах, полностью разочаровались в ней и свалили всю вину за эту неудачу на монархию. Какой смысл в том, чтобы именно *так* этих людей сегодня воспринимать? С другой стороны, зловещий оттенок придает новейшим монументам Первой мировой войны их связь с темой смерти. Если им верить, то *истинно* достойным славы героем войны является тот, кто имеет отношение к 1914 г. и никак не скомпрометирован теми событиями, которые начались после февраля 1917 г. Это автоматически означает, что идеальным героем (а это всегда и есть главный адресат памятника) может быть только тот, кто, как, например, великий князь Олег Константинович, погиб на фронте до начала смуты. Таким образом, истинные герои Первой мировой войны — это все те, кто на ней *вовремя* погиб. На первый взгляд, ничего

особенного в таком решении нет: памятники в честь погибших — обычное дело в истории монументальной скульптуры. Однако в данном случае идея смерти предстает перед нами в совершенно особом обличье. Как правило, памятники в честь павших героев рассматривают смерть в диалектическом смысле. Герой отдает жизнь (меняет ее на смерть), чтобы ценой этой жертвы совершить нечто значительное. Смерть в таком случае служит мерилom деяния. Памятники Первой мировой образца 2014 г. устанавливают совершенно другую, в определенном смысле позитивную точку зрения на смерть как таковую. Чтобы, учитывая специфику русской истории, стать настоящим «героем Первой мировой войны», нужно на ней вовремя умереть (наличие подвига при этом не принципиально). Именно смерть (а не подвиг²) становится условием звания героя, дает право на чествование. Таким образом, смерть сама по себе оказывается положительной ценностью: памятник создает условия для символической фетишизации смерти. Последний момент выглядит особенно тревожным, потому что заставляет вспомнить про те немецкие мемориалы 1920-х гг., которые внушали мысль о том, что истинными героями Первой мировой являются те, кто погиб до позорного Версальского мира. Такую идею, например, утверждал главный немецкий мемориал Первой мировой войны, возведенный на месте Танненбергской битвы (Восточная Пруссия). Несмотря на то, что это сражение было выиграно немцами почти без потерь, мемориал был

² Например, Буденный стал на Первой мировой войне полным георгиевским кавалером, однако его невозможно чествовать как ее героя, потому что на более позднем этапе он поддержал тех, кто сделал поражение в этой войне неизбежным.

связан с культом погибших. Так же как в Танненбергском мемориале, в новых российских памятниках может быть угадана идея прославления смерти как лучшего жребия на этой войне.

Сказанное выше может быть применено к любому памятнику описанного круга, единственное, на наш взгляд, исключение — это монумент М. Шемякина в Гусеве-Гумбиннене. В его названии нет адресации героям Первой мировой войны, по стилю он совсем не зависит от пропагандистских открыток, его идея связана не с фигурой бравого солдата, а с образом павшего. В основе монумента, который называется «Памяти забытой войны, изменившей ход истории», лежат древние мотивы христианского искусства (деисис и оплакивание), только фигуры Богородицы и Иоанна заменили две женщины (одна молодая, другая старая), а на месте креста с телом Спасителя оказалось колесо (символ пытки-войны) с фигурой юноши (павший солдат). Таким образом, монумент призывает к памяти о жертвах войны, направляя сознание в сторону христианских ценностей.

Учитывая след, оставленный Первой мировой войной в отечественной истории, этот памятник выглядит гораздо более адекватной попыткой символического и эстетического овладения темой, однако и он не избежал противоречий. Парадоксальным

образом как раз на его месте другие памятники смотрелись бы более уместно, тогда как его концепция плохо отвечает контексту. Под Гумбинненом состоялось одно из крупнейших на Северо-Западном фронте сражений, увенчавшееся победой русских войск. Поэтому, возможно, триумфальные мотивы здесь были бы более «по делу», чем образы покаяния. С другой стороны, Гумбиннен — территория, находившаяся в тот момент несколько в глубине от линии фронта, и русская армия в этом сражении совершала наступательное действие. Таким образом, не абстрактный молох войны, который олицетворяет железное колесо³, а собственные действия российской стороны привели к потерям (под Гумбинненом погибло около десяти тысяч российских солдат). Однако перечисленные противоречия не отрицают у этого памятника несомненных преимуществ по сравнению с остальными. Он избегает героизации/мифологизации памяти о войне, вводит отвечающие исторической правде мотивы жертвы и оплакивания, критически оценивает идею милитаризма, опирается на эстетический язык, не нарушающий грубо законов монументальной пластики. Поскольку шемякинский проект, так же, например, как проект Ковальчука, получил поддержку государства и соответствующих идеологических инстанций (например, Российского военно-исторического общества⁴), есть повод говорить о том, что

³ Поскольку железное колесо имеет в своем изображении утрату, можно также подумать, что оно олицетворяет немецкую военную машину, в которой гумбинненская победа проделала брешь. Однако такая трактовка только усложняет понимание целого. Одно дело говорить о жертвах молоха войны, другое дело — о превосходстве чужой военной техники.

⁴ Памятник в Гусеве-Гумбиннене открывал министр культуры Российской Федерации, председатель Российского военно-исторического общества Владимир Мединский.

возможности для альтернативы открыточному варианту памятника к столетнему юбилею войны реально

существовали. Жаль, что ими никто не сумел воспользоваться.

ABOUT THE LATEST DOMESTIC MONUMENTS TO THE HEROES OF THE FIRST WORLD WAR

Korolev Alexander V. — Candidate of Philosophical Sciences, senior researcher, the Russian Institute of History of Arts (St. Petersburg)

Key words: World War I, propaganda art, patriotism, modern monumental art, official art.

Abstract. The article provides a comparative analysis of the patriotic propaganda art of the times of the First World War and those monuments that were erected on its centenary. According to the author, the pronounced parallelism of images belonging to two very distant from each other cultural-historical types is of conceptual significance. In such a speculative way, the need to recall the terrible contradictions with which the historical memory of the First World War is actually filled is cut off.

«МОЙ ОТЕЦ РАССКАЗЫВАЛ, ЧТО ВЫЖИЛ В ЛАГЕРЕ, ПОТОМУ ЧТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОРОШО ЗАПОМНИЛ УРОК “ЗАПИСОК ИЗ МЕРТВОГО ДОМА” ДОСТОЕВСКОГО».

Интервью с Я. Броккеном

Ключевые слова: Нидерланды, «золотой век» голландской культуры, голландская национальная память, протестантизм, память об эпохе колониализма, память о Второй мировой войне, коммеморация Холокоста.

Аннотация. Известный голландский писатель размышляет над ключевыми проблемами национальной памяти своего народа.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-53-60

Ян Броккен является автором книг:

2008 — *In het huis van de dichter* («В доме поэта»); 2010 — *Baltische zielen* («Души Балтии»); 2015 —

De kozakkentuin («Казачий сад»); 2016 — *De gloed van Sint-Petersburg* («Сияние Санкт-Петербурга»); 2018 — *De rechtvaardigen* («Праведник»).

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Дорогой господин Броккен, прежде всего поздравить вас с Анциферовской премией! Ваш замечательный путеводитель

по нашему городу *De gloed van Sint-Petersburg* («Сияние Санкт-Петербурга») только что получил эту престижную награду в номинации

«За лучшую зарубежную книгу о Санкт-Петербурге».

Я.Б. Я чрезвычайно счастлив, что награжден премией, названной в честь замечательного историка и литератора Николая Анциферова, а также тем, что эта премия учреждена фондом имени Лихачева. Эти два выдающихся жителя Санкт-Петербурга, города, который я люблю даже больше, чем мои родные места, оба были приговорены к годам заключения в Соловецком лагере. Я испытываю к ним величайшее почтение. Я воспринимаю эту премию как своего рода благословение!

Лучшим другом моей жизни был русский пианист Юрий Егоров. Он умер совсем молодым, в 33 года, но я уверен, что он был бы горд тем, что я получил эту премию. Лучшие страницы этой книги посвящены Нине Берберовой и Юрию, который подтолкнул меня к тому, чтобы встретиться с этой замечательной писательницей.

С.Э. **Ваша страна расположена на перепутье немецких, британских и французских влияний. Как выпускник Института политических исследований в Бордо вы прекрасно знаете, что во Франции проблема противодействия англосаксонскому культурному доминированию рассматривается как приоритетная задача. Для Нидерландов, с населением в четыре раза меньше, чем во Франции, «голливудизация», видимо, является чрезвычайно серьезным вызовом.**

Я.Б. Я из старой гвардии. Когда я учился в средней школе, изучение

английского, немецкого и французского было обязательным, что обеспечивало прямой доступ к европейской культуре. Более того, три этих языка представляют три способа мышления: абстрактную философию (немецкий), практическую экспрессию (английский) и восходящее к латыни аналитическое рассуждение (французский). Можно сказать, что тогда мы опережали свое время. Но по мере расширения европейской интеграции Голландия все больше ориентировалась на США.

После реформы образования 1968 г. остался один обязательный иностранный язык и второй по желанию. В результате мы потеряли наше огромное преимущество. Ныне лишь незначительное меньшинство голландцев говорят на немецком и французском. Примерно 25 процентов курсов в системе высшего образования преподаются на английском языке. Под такой языковой политикой подразумевается, что для выживания маленькая страна должна быть «интернационализованной». Но я не думаю, что это правильный путь. Мы не стали получать больше нобелевских премий после того, как английский стал языком преподавания в наших университетах, скорее наоборот. Американцы и англичане смотрят на нас сверху вниз. Сейчас ситуация меняется. Долгое время у нас доминировали американские музыка, кино и книги. Вся жизнь шла на англосаксонский манер. Сейчас это, видимо, уже не так. Обама был последним американским президентом, чрезвычайно популярным в Нидерландах. Молодежь ненавидит Трампа. С другой стороны, маленькой стране трудно

сохранить свой язык и культуру. Одна из причин того, что я написал книгу «Души Балтии», состоит в том, что Эстония, Латвия и Литва не только вернули независимость, но и сохранили язык, культуру и музыку.

С. Э. Маленькая голландская нация создала великую культуру всемирного значения. В число корифеев мировой культуры входят Эразм Роттердамский, Рембрандт, Антони ван Левенгук, Ван Гог и многие другие ваши соотечественники. А современные голландцы считают себя наследниками этих великих предков?

Я. Б. Несмотря на то, что число практикующих протестантов сегодня невелико, Голландия все еще является обществом, проникнутым идеями протестантизма. Согласно учению Кальвина, гордыня — дурное чувство, или, как пишется в Библии, «суета сует». Описывая наш Золотой век, британский историк Саймон Шама (Simon Schama) верно назвал этот феномен: *The Embarrassment of Riches* («Смущение богатства»). Богатому должно быть стыдно демонстрировать свое богатство. Так было в 1650 г., но и сегодня ситуация не изменилась. Примечательно, что молодое поколение голландских историков отказывается пользоваться понятием «Золотой век» и требует запретить его использование в музейных экспозициях. Рембрандт — великий художник Золотого века? Нет, Рембрандт великий художник эпохи рабства и колониализма. Мы все критичнее относимся к нашему прошлому. С другой стороны, я был очень рад, когда узнал, что среди моих предков — художник Иохан-

нес Кристиан Схотел (Johannes Christiaan Schotel, 1787–1838), известный своими морскими пейзажами. Николай I считал, что его картины достойны украшать Эрмитаж. А еще в XIX в. один из Броккенов породнился с Ван Гогами. Это замечательно. Мне нравятся не только картины Ван Гога, но и его письма. Я не читал Эразма Роттердамского, но Ван Гог... Он истинный гений, и я уверен, что все голландцы согласятся с этим. Музей Ван Гога одно из тех мест, что обязательно надо посетить. Я прихожу туда по меньшей мере раз в год.

С. Э. А что вы сами думаете о Золотом веке?

Я. Б. Это был один из интереснейших экспериментов в европейской истории. Недавно я был на выставке картин Питера де Хоха (Pieter de Hooch, 1629–1684). Он не так знаменит, как его земляк Ян Вермеер (Вермеер Делфтский), но с исторической точки зрения он, пожалуй, интересней Вермеера. Де Хох специализировался на городских пейзажах, уличных сценах и интерьерах. Его работы позволяют приобщиться к жизни Голландии XVII в. Обращает внимание, что в его изображениях интерьеров двери *никогда* не бывают закрытыми, они либо распахнуты, либо полуоткрыты. Республика семи соединенных провинций действительно была открытым и в значительной мере эгалитарным обществом. На картинах де Хоха наряду с богатыми горожанами изображены прачки и служанки, т.е. не только герцоги и герцогини. Вольтер восхищался Голландской республикой XVII в., которая была федерацией провинций, обладавших региональ-

ной идентичностью. В Фрисландии, например, сохранялся особый язык. Можно сказать, что это прообраз Евросоюза.

С.Э. Жива ли в Нидерландах память о Первой мировой войне? Ваша первая книга была посвящена Мата Хари, которая во время той войны была приговорена к смертной казни как германская шпионка. Она стала иконой глобальной массовой культуры. В чем причины ее посмертной популярности? Какую роль она играет в современной голландской памяти?

Я.Б. Полное название моей книги *Mata Hari: De ware en de legend* («Мата Хари: реальность и легенда»). Мне были интересны обе стороны ее феномена: танцовщица, которая вместе с Айседорой Дункан стала символом Прекрасной эпохи (*Belle Époque*) в Париже, и шпионка, чья роль безмерно преувеличена. Она была знакома со многими важными лицами не только в Париже, но и в Берлине и в Вене. Она была идеальным двойным агентом и для Франции, и для Германии. Во время Первой мировой войны Нидерланды занимали нейтральную позицию, но Мата Хари больше симпатизировала Франции. Несмотря на это, она была арестована французами и приговорена к смертной казни. Это произошло в 1917 г., когда Франция переживала ряд тяжелых поражений. В марте это была беспрецедентная «мясорубка» у Шмен де Дам (*Chemin des Dames*), в апреле союзники потеряли 350 000 солдат. Французские газеты ежедневно повторяли «враги среди нас», и Мата Хари была идеальной жертвой. Звезда, красивая женщина

без предрассудков. Задним числом ее записали в стриптизерши, но в действительности она была признанным мастером танца, и даже Дягилев хотел пригласить ее в свой балет. Реальная Мата Хари много интересней своей легенды. Девушка из Фрисландии, северной провинции Нидерландов, вышла замуж за колониального чиновника, провела четыре года на Яве и без всякого драматического образования стала звездой восточных танцев в Париже. Она начала заниматься шпионажем, т.к., постарев, перестала пользоваться прежним успехом.

С.Э. Нидерланды были великой колониальной державой. Как это время освещается в голландской национальной памяти? Является ли эта память источником национальной гордости и ностальгических чувств?

Я.Б. Ностальгия присуща людям, которые были частью этой огромной колониальной империи. Вообразите, что в 1935 г. Нидерланды были страной с наибольшим числом мусульман! Это была настоящая империя Востока и Запада. Но молодое поколение стыдится этого времени, времени господства, подавления, отвратительных колониальных войн. Я стараюсь нюансировать этот общепринятый образ. Смотреть на XVIII и XIX вв. взглядом XXI ст., на мой взгляд, означает исказить действительность. История — это процесс подавления и освобождения. Ее черная, с точки зрения голландцев, страница может быть замечательной эпохой для индонезийцев, и наоборот.

С.Э. Голландская Индия (современная Индонезия) является ча-

стью вашей семейной памяти, поскольку ваши родители долгое время жили там и ваши старшие братья там родились. Могли бы вы рассказать об опыте колониальной жизни вашей семьи и о том, как ваши родители вспоминали о заключении в японских концентрационных лагерях в годы Второй мировой войны?

Я.Б. Мой отец специализировался в исламской теологии, и он был командирован правительством для научного исследования исламистских движений. Следовательно, он жил там не в качестве бизнесмена, фермера или плантатора, а был своего рода культурным антропологом. Он с интересом общался с местным населением — моряками и рыбаками Южного Сулавеси, говорил на их языке и в определенной степени был с ними солидарен. С точки зрения голландских властей он был опасно близок с местными националистами. Когда началась война, мой отец в течение трех с половиной лет находился в японском концентрационном лагере для мужчин, а мать с моими братьями в лагере для детей и женщин. Это было время голода, болезней и страданий. Американская авиация бомбила лагерь, где находились моя мать с братьями, приняв его за японский военный лагерь. После войны отца попросили принять участие в работе христианской миссии. Он действительно был убежденным христианином. В 1947 г. он был вынужден вернуться в Нидерланды. Он не хотел, его сердце было в Индонезии на Сулавеси, но он был отправлен с женой и детьми в Нидерланды. Я родился в 1949 г., но вырос, как моя мать и старшие братья, с так называемым синдромом концентраци-

онного лагеря (KZ syndrome). Таким образом, война, в которой я просто не мог принимать никакого участия, оставила свою отметину и на мне.

С.Э. Как это повлияло на ваше литературное творчество?

Я.Б. Мой отец рассказывал, что выжил в лагере, потому что действительно хорошо запомнил урок «Записок из мертвого дома» Достоевского. Он считал, что это невероятно позитивная книга. Возможно, что благодаря этому я написал книгу о жизни Достоевского в Сибири «Казачий сад». Эта книга рассказывает о дружбе молодого стряпчего по уголовным и гражданским делам Александра Егоровича фон Врангеля и ссыльного Достоевского. Это Врангель побудил Достоевского написать «Записки из мертвого дома» и о судьбе политических заключенных. Для моего отца, как и для узника Освенцима философа Примо Леви, эта книга служила своего рода Библией. Я стал понимать это, когда писал свою книгу.

С.Э. Сколь сильна голландская память о Второй мировой войне? Ваша книга *De vergelding* («Расправа») посвящена нацистским репрессиям против жителей голландского села Роон (Rhoon), в котором вы выросли. Могли бы вы рассказать об этой трагической истории?

Я.Б. Вечером 10 октября 1944 г. взвод немецких солдат патрулировал дамбу рядом с моим родным селом. В полной темноте передовой солдат наступил на высоковольтный электропровод, который был сорван штормом. Восемнадцатилетний сол-

дат погиб. Германское командование немедленно пришло к выводу, что это был саботаж и что провод был перерезан умышленно. Семеро юношей — жителей села были арестованы в тот же вечер, и на следующий день их расстреляли на месте гибели немецкого солдата. В 2004-м я написал об этом военном преступлении в автобиографическом романе о поре моей юности, проведенной в этом селе. После этого мне несколько раз звонили лидеры сопротивления из моего села, они отправили секретный доклад об этих событиях. В реальности это был не взвод, патрулирующий дамбу, а двое солдат и сержант, которые возвращались с вечеринки, устроенной одной дамой, состоявшей в любовных отношениях с кем-то из этих немцев. Я начал расследование. Выяснилось, что никакого шторма в то время не было на протяжении тридцати дней. Накануне люди в кафе обсуждали, что надо перерезать провод, чтобы наказать *фрицев* и тех девушек, которые развлекаются с врагами. Это действительно был акт саботажа, но кто его совершил? Я несколько лет занимался расследованием, не могу со стопроцентной уверенностью назвать подозреваемого, но предложил три возможных сценария случившегося. Вышла детективная история, но с реальными фактами и участниками. Этот триллер позволил в деталях показать, как протекала жизнь небольшого села в условиях нацистской оккупации. Жизнь, страхи, сопротивление и коллаборационизм простых людей, мужчин и женщин. Я особо выделил женщин, потому что из военных повествований мы почти ничего не узнаем о судьбе простых женщин, занятых воспитанием и добычей пропитания для своих детей.

С.Э. «Расправа» имела огромный успех. В Голландии, в Бельгии и также в Германии она считается одной из наиболее впечатляющих книг о войне. Это сочетание истории, журналистского расследования и литературы. Что послужило источником вдохновения при написании этой книги?

Я.Б. «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. Меня вдохновило его «микроскопически» подробное описание событий. История не только генерала, выигравшего битву, но и простого солдата, не только победителей, но и побежденных.

С.Э. Даже эпитафия вашей книги из Гроссмана!

Я.Б. Да. «Почему мне так больно за прошлую жизнь?»

С.Э. Почему именно эти слова?

Я.Б. Потому что мы не знаем, как это в точности было. И поэтому чрезвычайно сложно объяснять, понимать или судить о событиях прошлого. 70 процентов описанного в «Расправе» не было известно моим односельчанам и другим соотечественникам, хотя в других голландских селах и поселках ситуация была схожей.

С.Э. Людям не нравится истина?

Я.Б. Нет. И что есть истина? За каждой истиной скрывается другая. Очень легко сказать по поводу войны или репрессий: «Да, были плохие и хорошие парни и хорошие в итоге победили». Но это не так. История чрезвычайно сложна, сложна, как жизнь.

С. Э. Ян Звартендейк, герой вашей последней книги *De rechtvaardigen* («Праведник») был «хорошим парнем». Он в качестве голландского консула в литовском Ковно спас жизнь тысячам евреев.

Я. Б. Он был образцом. Один из тех, кто оказался в нужное время в нужном месте. Чрезвычайно хороший человек во всех смыслах. Примерно через двадцать лет он получил выговор от министерства иностранных дел. По мнению чиновников, он не имел права делать то, что сделал. Он, видите ли, нарушил инструкции. Правда, звучит невероятно? Это произошло в 1964 г., когда было хорошо известно, что во время Второй мировой войны шесть миллионов евреев были уничтожены посредством тщательно спланированных мер.

Ян Звартендейк предвидел, что это произойдет. Он сказал своим детям: «Если я ничего не сделаю — эти люди погибнут». Он сказал это летом 1940 г.! И этот человек впоследствии получил выговор. Да, он был признан Праведником народов мира, но это произошло через 21 год после его смерти. Этот человек умер с мыслью, что он совершил что-то дурное. По этой причине я написал книгу о нем. Нам должно быть стыдно, что так поступили с этим человеком, который является примером не только для нынешнего, но и будущих поколений.

С. Э. Ваша книга вызвала бурные отклики и не только в Нидерландах!

Я. Б. Израильские газеты вышли под заголовками: «Голландский дипломат был наказан за то, что спасал ев-

реев в годы Второй мировой войны». В голландском парламенте обратились к министру иностранных дел, после чего он извинился перед семьей Яна Звартендейка.

С. Э. Дневник Анны Франк — одно из главных свидетельств о Холокосте. Могли бы вы рассказать о проектах коммеморации Холокоста (выставки, музеи, учебные программы) в Нидерландах?

Я. Б. Почти каждый голландский ребенок прочел Дневник Анны Франк. Ее музей в Амстердаме — Дом Анны Франк — посещают примерно один миллион человек в год. Я живу в пяти минутах от этого музея, и каждый день у меня спрашивают дорогу три, четыре, пять человек в основном юного возраста. Однажды я повел туда трех моих французских племянниц от 11 до 13 лет и купил им французский перевод ее дневника. Вечером они начали его читать, а утром я застал их в слезах. Дом Анны Франк — *живая память*.

С. Э. Разве вы не занимаетесь тем же самым, пытаясь сделать память живой?

Я. Б. Чрезвычайно сложно представить давние события как нечто происходящее на наших глазах, но это лучшее, что может сделать с прошлым автор. Я старался показать это в «Расправе», в «Праведнике» и в «Душах Балтии». Мой рассказ о книгопродавце Янисе Розе (Janis Roze) из числа тех, что делают историю живой. Я считаю, что мы нуждаемся в живых историях о пережитом, чтобы понять что-то о себе самих или наших родителях.

"MY FATHER TOLD ME THAT HE DID SURVIVE THE CAMP BECAUSE HE DID REMEMBER VERY WELL THE LECTURE OF DOSTOEVSKY'S NOTES OF THE HOUSE OF THE DEAD". INTERVIEW WITH J. BROKKEN

Brokken Jan – writer, Amsterdam (Netherlands)

Key words: Netherlands, the “golden age” of Dutch culture, Dutch national memory, Protestantism, memory of the era of colonialism, memory of World War II, Holocaust commemoration.

Abstract. Famous Dutch writer ponders key issues of Dutch national memory.

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА — ЭТО ТА ЧАСТЬ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, КОТОРАЯ ВСЕГДА ХОЧЕТ ПРИНАДЛЕЖАТЬ К ЗАПАДУ, НО ВСЕ-ТАКИ ОСТАЕТСЯ ЧАСТЬЮ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ».

Интервью с Т. Кенде

Ключевые слова: Венгрия в XX веке, Холокост, Восточная Европа в эпоху коммунизма, семейная память, антисемитизм, исследования по истории еврейства в XX веке.

Аннотация: Венгерский историк Тамаш Кенде рассказывает о своих семейных корнях, об историческом опыте, пережитом членами его семьи в XX веке. Он делится также собственным опытом вхождения в профессию, выводами своих исторических изысканий и планами новых научных работ.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-61-74

Тамаш Кенде является автором книг:

Vérvád. Egy előítélet működése az újkori Kelet-Európában. Osiris, Budapest, 1995 (Кровавый навет. Механизм предрассудка в Восточной Европе эпохи Модерна); Az intézményes forradalom. Adatok a kommunista párt kulturális és társadalmi történetéhez Borsod-Abaúj-Zemplén megyében (1945–1956). Magyar nemzeti levéltár Borsod-Abaúj-Zemplén Megyei levéltára, Miskolc-Budapest, 2014 (Институциональная революция. Социаль-

ная и культурная история Коммунистической партийной организации области Боршод-Абауй-Земплен в 1945–1956 годах).

Соавтор пионерской по жанру истории сербско-венгерского города Сентендре. Kép, önkép, múltkép: a modern Szentendre. = Erdősi, Péter – Majorossy Judit (szerk.): Kép, önkép, múltkép. Fejezetek Szentendre történetéből. FM, Szentendre, 2014. 11–102 (Образ, самовосприятие и воображение прошлого. Сентендре в эпоху Модерна).

Беседовал С. Е. Эрлих.

С.Э. Наш журнал в большой мере посвящен проблемам памяти, и первый традиционный вопрос: расскажите, пожалуйста, о своих семейных корнях.

Т.К. Я не считаю, что моя семья и моя личность могут вызывать у кого-то интерес, но раз вы попросили, расскажу. Я запустил первый в Европе сайт, который на основе геодат собирал всякие цифровые истории — от фотодокументов до оцифрованных текстов. Смысл этого вебсайта в том, чтобы собрать материалы, которые могли бы заинтересовать людей. Что сейчас интересует людей в Интернете? Секс, политика и сплетни. А что такое история? История состоит из сплетен! Мы живем в Восточной Европе, в разных домах. Но в таких домах, где за одно-два поколения до нас жили совершенно неизвестные нам люди. У тех семей, которые раньше жили в наших домах, наверное, тоже накапливались память, воспоминания и предметы о людях, которые жили в том же самом месте до них. Я запустил этот сайт, чтобы метаданные могли взаимодействовать. При запуске сайта у нас был лозунг: «Как интересно, что средний человек знает больше об античной Греции, чем о своей семье, о своих предках, о своих дедах!»

Возвращаясь к своей семье, скажу, что мои родители разошлись, когда мне было 13 лет. Я и мои братья остались с отцом. Но, естественно, у нас до сих пор живая связь с мамой и с ее семьей. Что поделать, так бывает — брак у родителей не получился.

Мой отец из ассимилированной еврейской семьи. Его родители были членами нелегальной коммунистиче-

ской партии в Венгрии с начала 30-х гг. Дедушка успел даже несколько раз отсидеть в тюрьмах Миклоша Хорти. Отец родился в 1936 г. Он был единственным ребенком в семье. Жили они скромно и зарабатывали на жизнь где придется. В те времена мой дед, который был не только членом нелегальной компартии, но и несколько раз осужденным, по понятным причинам не мог устроиться на приличную работу. Он очень хорошо играл в шахматы и карты и во время мирового экономического кризиса зарабатывал этим в будапештских кафе.

Во время войны деда забрали в рабочий батальон. Разумеется, он не мог служить в венгерской армии. Будучи еврейским членом рабочих батальонов, во время Второй мировой войны он успел побывать на Украине и в России. Это было особенно опасно не только потому, что у них не было оружия, главная опасность состояла в том, что венгерские солдаты, выполнявшие функции надзирателей, были заинтересованы в том, чтобы личный состав батальона был полностью уничтожен. Это было трудно, но дед выжил.

С.Э. А чем занимались эти батальоны?

Т.К. Они строили, рыли траншеи, занимались погрузочными работами. Это был такой стройбат, который не воюет, но против которого воюют все! Моему деду повезло, он вернулся. Но потом его служба продолжилась, и вместе с другими венгерскими рабочими — в основном евреями — войну он закончил на территории Сербии, на рабской работе в шахтах на медных рудниках.

Конечно, в этих батальонах служили и иеговисты, и представители различных нацменьшинств, и другие элементы, бывшие под подозрением у режима. Но в основном в таких батальонах служили евреи.

Большую часть войны бабушка с отцом провели в Будапеште. Именно благодаря тому, что они жили в Будапеште, у них было больше шансов пережить Холокост! Я думаю, что после прихода к власти в 1944 г. венгерских фашистов, когда снова началась охота на венгерских евреев, бабушке помог выжить ее подпольный опыт.

С.Э. То есть они прятались, чтобы их не отправили в Аушвиц?

Т.К. Они жили в защищенных домах. Это дома, которые были под защитой шведского, швейцарского или испанского послов. Бабушка с отцом жили под охраной шведского посольства. Конечно, это была формальная охрана, так сказать — охрана «на бумаге», потому что нацисты могли зайти и расстрелять любого. Что и случилось в одном из домов, в котором они жили. Но отца и бабушку не тронули. Такова их история вплоть до освобождения Венгрии.

А семья моей мамы жила на территории Пушты — венгерской равнины. Занимались они в основном земледелием и были довольно богаты, по-русски это называется — кулаками. Мой дед и прадед были *старшинами* — деревенскими судьями. Деревня была очень большая и богатая. Прадед был выходцем из Моравии. У венгерской аристократии было очень модно иметь егермейстеров (старших охотников) из Моравии. Маркграф

Паллавичини пригласил моего прадедушку из Моравии и потом женил его на богатой красивой крестьянке.

Если говорить о связях с Россией, то надо сказать, что мой прадед с материнской стороны был гусаром в венгерской армии во время Первой мировой войны. У него были очень высокие боевые награды и медали. Наверное, будучи гусаром, он убивал казаков. Он дожил почти до ста лет, и мы много с ним общались. Каждое лето, когда меня отправляли к бабушке в деревню, мы на день останавливались у прадеда. Он всегда рассказывал разные истории о том, как охотился на медведей в Турции, часто вспоминал Первую мировую войну. Интересно, что чем старше он становился, тем большим в его рассказе становилось число убитых им казаков!

Заканчивая эту историю, скажу, что дед по материнской линии — тот, что был богатым крестьянином, — попал под коллективизацию. Его очень сильно избили во время коллективизации. Надо отметить, что до того он никогда в жизни не пил, хотя у него были свои виноградники и сам он держал деревенский кабак. Но после того случая он начал сильно пить и поэтому очень рано умер. Я вообще не помню его. В деревне вдовой жить трудно, да и просто не положено, и поэтому после смерти деда (мне было года два-три) моя бабушка вышла замуж за одинокого человека, который во время войны служил в венгерской жандармерии. И тут надо знать, что жандармы самым активным образом участвовали в депортации провинциального еврейства — а это около полумиллиона человек! Так что не исключено, что

мой «не совсем дед», мы его звали Тага и он, конечно, был членом нашей семьи, мог участвовать в депортации евреев. Все переплелось!

Потом, после освобождения, отец с бабушкой жили два года в Клуже в Румынии. Там была своя непростая история... У моего дедушки всегда была сложная личная жизнь, и поэтому еще в 1948 г. его исключили из партии. После освобождения он познакомился и сошелся с одной бывшей эмигранткой, вернувшейся из Советского Союза, дочкой венгерского троцкиста. Они жили вместе в течение двух лет. В это время он отправил моего отца с бабушкой жить в Клуж. И уже после того, как их выгнали из Румынии, семья снова воссоединилась.

Большой карьеры в новой социалистической Венгрии дедушка и бабушка сделать не успели. А отец поступил в университет. Его взяли, несмотря на то, что родители были подозрительными, с точки зрения новой — так же как прежде для старой — власти, элементами. Он окончил университет в 1959 г., в первый раз женился. Это был университетский брак, в котором родилась моя старшая сестра. После окончания кафедр истории и венгерской филологии отец начал работать в архиве. Он стал довольно хорошим архивистом и проработал в архиве до того момента, пока не выяснилось, что у него очень серьезная астма. Из-за астмы ему пришлось уйти с архивной работы.

С. Э. Ваш отец учился в университете в 1956 г., во время Венгерского восстания. Что он рассказывал об этом?

Т. К. Он не был баловнем судьбы, но все-таки остался левым, хотя участвовал в разных критически настроенных к коммунистам кружках с начала 1956 г., в основном — в университете. Тем более он был из старой марксистско-коммунистической семьи, которая, мягко говоря, не без критики смотрела на тогдашние реалии. В 50-е гг. родители моего отца снова жили не очень легко — дедушка опять либо был без работы, либо работал не в самых престижных местах. В 1956 г. мой отец — пусть не самым активным образом — участвовал в событиях. Он даже держал в руках оружие, но стрелять не успел. Он часто рассказывал о том, что, как участники народного ополчения при университете, он и другие студенты получили задание захватить редакцию партийной газеты «Szabad Nép». Им выдали оружие, которое было еще в масле, загрузили в грузовик и повезли к редакции. Но через несколько минут их остановили уличные повстанцы, отобрали все оружие, «поддали под зад» и разогнали. Так что оружием они воспользоваться не сумели. Но он все время событий был либо в университете, либо в общежитиях. Можете себе представить молодого человека с революционным нравом в революционное время?! Конечно, он много времени проводил в общежитиях! Я не сказал бы, что он был большим революционером, но он не был и пассивным свидетелем.

С. Э. Получается, что вы историк во втором поколении. Это отец повлиял на ваш выбор профессии?

Т. К. Дома у нас была довольно большая библиотека с интересными венгерскими и немецкими изданиями, но меня никогда не интересовало то,

чем занимался мой отец, да и вообще — история. Мне никогда не пришло бы в голову, что когда-нибудь я буду историком. У нас еще до начала 90-х гг. у обычного студента всегда было две базовых специальности. И получилось так, что я изучал историю и русскую (славянскую) филологию. Я знал, что не хочу работать после гимназии, и потому хотел поступить в университет. И почти случайно попал на философский (по сути общегуманитарный) факультет, куда входили и кафедры истории. Поэтому я стал историком не под влиянием отца. Наша семейная жизнь была всегда очень открытая — друзья моего отца и деда, которые приходили в дом, всегда открыто разговаривали на разные темы. Так что уже в раннем возрасте я хорошо знал, кто такой Лев Давидович Троцкий, кто такой Каутский, кто такой Рауль Валленберг и т.д. Библиотека была не маленькая, и поэтому, если у меня возникали вопросы, я мог пойти взять книгу и обо всем прочесть. Помню, была даже книга «Азбука коммунизма» Бухарина — Преображенского. Хотя книга была ужасная!

Отец никогда не говорил мне, что я должен стать историком! Он всегда верил в свободное воспитание. Нас в семье пятеро детей, но историком стал я один. Никто из моих братьев и сестер даже близко не подходил к истории. Это, наверное, случайность и результат того, что, уже будучи студентом университета, я встретился с двумя чудесными профессорами! Один из них — Эмил Ниедерхаузер (Emil Niederhauser) был еще со старой довоенной школы. Другая — Вера Бачкай (Vera Bácskai) окончила Ленинградский университет между 1948

и 1953 гг., она изучала там средневековую историю и получила чудесное образование! Конечно, она преподавала нам не Средневековье, а социальную и экономическую историю, в основном — XVIII–XIX вв. Это было такое обучение, что она отобрала студентов, интересовавшихся данной тематикой, и просто гоняла нас в архив! Для нас, третьекурсников, это было очень интересно — впервые в жизни попасть в архив и взять в руки источник! Но надо понимать, что источники XVIII–XIX вв. по городской истории Венгрии — в основном либо на немецком языке, либо на латыни. Так что это была отличная школа! Кстати, профессор Бачкай очень ценила мою историю города Сентендре. Сказала (как основоположник городской истории Центральной Европы), что моя история Сентендре — это лучшая городская историческая монография последних двух десятилетий. Я писал эту монографию начиная с 1980-х гг. Каждую главу начинал с актуального самообраза города, как этот образ отражал социально-культурный строй города. Я писал главы, тематика которых уходила от 1980-х гг. вглубь до первой половины XIX в., включая сербское самосознание города, его горожан.

С.Э. В каком году вы поступили в университет?

Т.К. Я поступил в 1983-м, но потом еще год должен был отслужить в армии, поэтому начал в 1984 и окончил в 1989 г.

С.Э. Еще при социализме?

Т.К. Да. Но никакого социализма в самом духе нашего университетского

обучения не было! Хотя меня очень интересует марксизм — в основном как метод познания истории, — у меня не было ни одного марксистского преподавателя. Но, по-моему, это не только в Венгрии в то время было так.

С. Э. А когда вы выучили русский язык?

Т. К. Мы изучали русский язык на кафедре славянской филологии. И хотя я с трудом говорю на русском (это утверждение не соответствует действительности. — С. Э.), но почти ежедневно читаю по-русски. Я умею читать не только на русском, но в силу моих профессиональных интересов больше всего я читаю именно на русском языке.

С. Э. Вы начали учить русский язык только в университете, а до этого не знали его?

Т. К. Нет, русский язык был у нас обязательным иностранным языком еще в общей школе. И здесь выросло почти три поколения венгров, которые учились русскому языку как минимум 8–9 лет, но не научились ничему, даже тому, как сказать «стакан воды», не говоря уже о том, чтобы читать. А во мне просто был интерес к обучению.

С. Э. Русской историей вы начали заниматься в университете?

Т. К. Там были — в кавычках — «курсы по русской истории», но это было частью всеобщей истории. Меня больше всего всегда интересовала Восточная Европа, в которую, по моему мнению, входит даже Венгрия. Хотя на этот счет до сих пор идут так называемые «интеллектуальные спо-

ры» — Восточная или Центральная. Центральная Европа — это та часть Восточной Европы, которая всегда хочет принадлежать к Западу, но все-таки остается частью Восточной Европы. По моему мнению, это так.

С. Э. Вы начали заниматься научной работой сразу после университета?

Т. К. Я не называл бы это работой. Профессор Вера Бачкаи, та, что гоняла нас в архив, позвонила, когда я был на пятом курсе, и предложила мне поступить в аспирантуру. Надо понимать, что после 1956 г. ее на протяжении 30 лет не пускали работать в университет (муж Веры Бачкаи публицист и социолог Габор Танцош был в 1956 г. одним из организаторов знаменитого Кружка Петефи, после поражения революции они оба подверглись депортации в Румынию вместе со свергнутым премьер-министром Имре Надем и его близкими соратниками, после возвращения оттуда Танцош провел несколько лет, вплоть до амнистии 1962 г., в заключении. Позже, во второй половине 1970-х, после подписания Хельсинкского соглашения с его большой правозащитной «корзиной», Танцош стал одним из лидеров венгерского правозащитного движения, выступил в поддержку знаменитой чехословацкой Хартии-77. Его самоубийство в декабре 1979 г. в ожидании новых преследований имело в венгерском обществе немалый резонанс. — *Прим. отв. редактора ИЭ*), и я был одним из ее первых студентов, когда в 1986 г. она снова начала преподавать. Так вот, она позвонила и сказала, что грядут перемены и на 1989 г. она получила право иметь одного аспиранта в Институте истории Центральной и Вос-

точной Европы, в котором она тогда работала. Она предложила мне стать этим аспирантом. Я даже не знал, что такое аспирантура, но так как я безумно любил эту старую профессоршу, я согласился! Так я стал ее аспирантом. Наверное, из-за интереса к Восточной Европе и моего семейного происхождения я выбрал аграрную тему. Я некоторое время провел в изучении аграрной истории, в центре которой стояла судьба русской поземельной общины начиная с отмены крепостного права вплоть до 1929 г. — до коллективизации. Помню, как листал сотни толстых земских статистик в Ленинке. Этим я занимался до момента, когда началось крушение социализма, и у моего научного руководителя уже просто не было времени со мной заниматься. В научных институтах люди тогда занимались политикой. И я просто задумался, чем мне заполнить время. Можно было ходить в кабаки, можно было ходить в архивы, можно было ходить в библиотеки. Конечно, я написал историю про общину, но уже знал, что меня никогда больше не будет интересовать традиционная социальная история. И тогда я начал в секрете от научного руководителя изучать другую тему. Это была работа «Кровавый навет. Механизм предрассудка в Восточной Европе эпохи Модерна».

С. Э. Но диссертацию вы защищали по «Общине»?

Т. К. Нет, диссертация была уже по «Предрассудкам». Это была очень сложная история, потому что я был еще очень молодым, когда опубликовал свою первую книгу «Кровавый навет», из-за которой моя научная руководительница меня очень

невзлюбила. Хотя не читала книгу. Но прошло время... На одной из конференций по социальной истории, которую она организовала, выступал коллега — восходящая звезда венгерской исторической науки, — он говорил об «охоте на ведьм» (это была тогда модная тема). Читая свою лекцию, он отметил, что он написал свой доклад благодаря одной гениальной модели о предрассудках, которую предложил Тамаш Кенде. После этого мой научный руководитель позвонила мне и сказала: «Ну, пусть будет по-вашему! Я больше на вас не сержусь за то, что вы написали эту книгу!» И эта книга очень быстро стала обязательной литературой во всех венгерских вузах для антропологов, этнографов, историков и т. д.

С. Э. На каком материале вы ее писали?

Т. К. Как вообще изучать эту тематику? В основном по судебным протоколам. Можно изучать один кейс, но тогда надо глубоко погружаться в социальную и ментальную историю одной местности. Но тогда ты напишешь не о механизме предрассудка, а о социальной истории одной местности. А можно брать много кейсов из разных местностей и культур, в которых нужно отыскать то, что я называю «повторяющиеся мотивы». И если их найти, то будет понятно, что кровавые наветы — в большинстве антиеврейские, но не только, и в Литве, и в Венгрии, и в Польше, и в Германии и т. д. — несут в себе много повторяющихся моментов. Почему они повторяются? Традиционная историография всегда видела в этих случаях антиеврейский заговор. Но какой антиеврейский

заговор был в случае кровавого навета в Старом Мултане, где в ритуальном убийстве обвиняли удмуртов? Вообще, разве существует общий заговор, который одинаковым образом влияет в Грузии, Германии, Чехии, в России, в Польше и Венгрии, не говоря о Дамаске?! Это исключено! И тогда надо задаться другим вопросом: каков вообще механизм предрассудка, как действуют массовые инстинкты и массовые движения, как из доисторических вещей делается история. Эту модель подробно я описал в своей работе. Такой была моя первая книга. Она до сих пор самая известная в Венгрии.

Недавно вышла объемная монография замечательного венгерского историка Дьердя Кевера (György Kövér) о кровавом навете в Тиса-эсларе, благодаря которой он стал членом Академии наук. В своей монографии он доказывает, что моя модель дееспособна. В начале и в конце своей вступительной речи перед академиком он ссылаясь на меня как на первоисточник.

С. Э. После аспирантуры вы работали в Институте истории Центральной и Восточной Европы?

Т. К. Нет. В начале 90-х гг. в Венгрии, как и по всей Восточной Европе, организовывались новые университеты. И один специалист по социальной истории организовал кафедру истории в одном провинциальном, но относительно большом городе Мишкольце. Он пригласил меня. Но как это случается с молодыми преподавателями, я преподавал там такие предметы, которые не очень знал. Иногда в университете приходится препода-

вать не то, что знаешь, а то, что поручают. Порой это были хорошие и интересные темы, а иногда довольно скучные. Просто я не люблю преподавать то, что не знаю, и не люблю делать вид, что знаю больше других! И при первой возможности я оттуда ушел. Кроме того, были некоторые семейные обстоятельства — я развелся с первой женой и должен был найти работу, на которой можно было зарабатывать деньги, чтобы выкупить собственную квартиру у бывшей жены... Это продолжалось в течение нескольких лет, я занимался различными делами, но думаю, что и за это время не переставал быть историком. Потому что я никогда в жизни не считал, что историк — это тот, кто получает зарплату за то, что называется «историком». Наверное, вы знаете великого французского историка Филиппа Арьеса? Он называл себя «историк по воскресеньям», поскольку работал вне академии и занимался историей в свободное время. Он всегда мне импонировал. В истории меня всегда интересовали так называемые пограничные ситуации. Даже когда я служил в армии, я всегда думал о том, что если вдруг, не дай бог, что-то случится, я пойду в партизаны! Я всегда хотел стать партизаном.

С. Э. Вы — историк-партизан!

Т. К. Да, это моя доктрина! Я очень рано осознал, что это мой путь. Я помню, что мой первый и единственный научный руководитель однажды — еще в Институте истории Центральной и Восточной Европы во время одного из споров — сказала мне: «Тамаш, помолчите! Мы все знаем, что вы анархист!» Я ответил: «Откуда вы знаете? Я еще не показывал вам свой

членский билет партии анархистов». Но она, конечно, попала в точку. Просто я не институтский человек.

Потом я занимался различными другими делами. Наверное, все мои книги и статьи так или иначе связаны с неосознанной семейной историей. Потому что, помимо предрассудков, я писал немало о социальной и культурной истории коммунизма — это всегда меня очень интересовало. Думаю, что я написал первую научную книгу о социальной истории венгерских коммунистов «Институциональная революция. Социальная и культурная история Коммунистической партийной организации области Боршод-Абауй-Земплен в 1945–1956 годах». Меня очень интересовало массовое членство компартии уже после 1945 г., когда из микроскопической нелегальной партии в течение нескольких месяцев она стала партией масс. Меня интересовали мотивы этого массового вступления в партию. Причем мы говорим о таких временах, когда людей не загоняли в партию энкавэдэшники или кагэбисты с автоматами в руках. Так что, наверное, эти люди, которых в начале лета 1948 г. было 1 миллион 120 тысяч человек, что-то там искали. А что они там искали? Вероятно, на то были разные причины. И поэтому надо было снова сидеть в разных архивах и читать скучнейшие повторяющиеся источники, много статистики. Я вообще очень люблю статистику! Для меня история — это всегда алгоритм. При работе над этой темой у меня возникало много споров с коллегами, с бывшими и с молодыми партийными историками, с антикоммунистическими историками. У меня вызывало инте-

рес: откуда они берут свои аргументы. Мне неинтересен подход, когда историк обзывает своих оппонентов «старыми большевиками» или «молодыми антикоммунистами». Меня больше интересовало — почему они так думают? И я начал изучать историографию коммунизма. И по этой тематике у меня немало, смею надеяться, интересных публикаций. Говорить об этом довольно просто, но читать восточнонемецкие, советские, чешские, польские, венгерские и бог знает еще какие тексты и что-то интересное из них вылавливать!.. Надеюсь, я в этом преуспел, хотя, повторюсь — это было очень скучно!

С. Э. Это тоже книга?

Т. К. Нет, это были статьи. Одну статью по этой тематике даже опубликовала «Storia della Storiografia»: The (anti-) Marxist Geistesgeschichte of Party Histories in Eastern Europe (Presentation at the International Congress of Historical Sciences in Amsterdam, August 2010) Storia della Storiografia — Histoire de l’Historiographie, 2012. 2. 151–164. Не последний, как мне кажется, журнал по исторической тематике. Но книга когда-нибудь будет. Материалов у меня достаточно. Я написал по этой теме немало статей. Кстати, две историографические мои статьи доступны на английском на моей страничке в academia.edu. Помню, когда мой бывший научный руководитель прочла мою книгу о коммунизме и мои историографические статьи, она сказала, что никогда не думала, что история партии может быть такой интересной.

С. Э. Это комплимент!

Т.К. Надеюсь, что это так. Онашла там даже юмор. Юмор и вообще мне не чужд, потому что я не люблю скучные истории!

С.Э. В статье «*Jewish Communism versus Bolshevik Antisemitism. The Quest for the Right Adjective*» (От еврейского коммунизма до антисемитского большевизма. В поиске правильного прилагательного) вы, если я правильно понял, выдвигаете следующую концепцию: после русской революции коммунизм осмысливался его недоброжелателями на основе «Протоколов сионских мудрецов». На этот «документ» ссылался не только Гитлер, но и Черчилль. После войны Ханна Арендт ввела новую рамку: Гитлер и Сталин одинаково плохие, потому что оба антисемиты. В Америке эта рамка стала господствующей где-то к 70-м гг. и уже после этого стала «метанарративом» для многих советских евреев?

Т.К. В 60–70-е гг. в Америке появляются «толстые» научные труды об этом. В своих работах я писал о том, как вообще создается эта память и как создается эта историография. Конечно, я думаю, что в Советском Союзе антисемитизм не исчез после 1917 г. Но говорить об антисемитизме Восточной Европы настолько же интеллектуально интересно, как говорить о плохой погоде в Англии! Об этом интересно говорить в контексте марксизма, даже в контексте ленинизма: почему не исчезает наемный труд, почему не исчезает проституция и т.д., которые в принципе должны были исчезнуть при социализме?! Вот так же не исчезает и антисемитизм. Но антисемитизм

(я в этом глубоко уверен!) не стал в Советском Союзе государственной идеологией, как это было в нацистской Германии. Даже во время антикосмополитической кампании это было не так. Встает вопрос: почему тема антисемитизма становилась центральной при изучении советской истории. И опять же, будучи специалистом (простите за нескромность) в историографии коммунизма, я вспоминаю, что до Второй мировой войны ключевой темой при описании всех исторических явлений вокруг коммунизма был «еврейский вопрос» в виде «еврейского засилья» в мировом коммунистическом движении. После войны тема трансформировалась в антиеврейские гонения коммунистической власти. То, что раньше было белым, становится черным. Это описание коммунизма настолько же глубоко, как и довоенный антисемитский подход, в центре которого стоял жидомасонский заговор.

С.Э. Согласно этим построениям, до войны коммунисты были евреями, а после войны они стали антисемитами?

Т.К. Да. Это самое поверхностное описание истории! Вообще, к сожалению, это характерно не только для венгерской историографии: историки очень склонны к поискам прилагательных «хороший», «плохой». Пусть «хороший», пусть «плохой», но это ничего не говорит о том, как существовала система. Мне, конечно, интересно — плохая или хорошая. Просто у нас словарный запас несколько шире, чем нужен для того, чтобы разбирать эти метафоры. Я глубоко убежден в том, что долг историка — понимать историю, а не

искать там подходящие слова. И вот я хотел понять, почему для историков тот же самый режим, который был до войны «жидовским», позже становится «антисемитским». Конечно, и сами режимы немало делали для этого. Но лично для меня недостаточно этих метафор. Я не хочу никого огорчать, но ведь и до, и после моих публикаций и моей книги, которая — я надеюсь! — выйдет уже в следующем году на английском под названием «Класс и раса. Внутренние фронты в Советском Союзе во время Второй мировой войны», можно, конечно, и дальше писать об истории государственного антисемитизма в СССР. Но людям, которых интересует существование и механизм государственной социалистической системы, наверное, придется искать другие подходы. Если, конечно, они хотят понимать, как существовала система. Еврейская тематика очень интересна тем, что дает историку интересное и полезное окно. Я уже говорил, что начинал свою карьеру как историк, занимающийся социальной историей, но очень скоро осознал, что та социальная история, к которой стремились немецкая, английская и французская школы, — это та тотальная социальная история, которую невозможно написать. Зато через определенные окна мы можем что-то почувствовать и осознать о возможной социальной истории. Допустим, какой она была в военное и послевоенное время в Советском Союзе и т. д. Так что я воспользовался этим «еврейским окном», чтобы посмотреть на внутренние механизмы и социальные противоречия в советском обществе во время и после войны. Если изучать социальные противоречия, эти окна, конечно, до-

вольно трудно найти в ГАРФе, или в РГАСПИ, или в другом архиве. Потому что нет такого специального фонда. Но если смотреть через другое «окно», то эти материалы, эти социальные противоречия можно найти. Я в этом глубоко уверен.

С.Э. Расскажите о своей книге «Класс и раса».

Т.К. Я закончил ее, но она пока не вышла. Последнее время я живу на немецких грантах. Я получил грант на эту книгу, так что официально я еще пока не могу говорить, что книга закончена. Надеюсь, что следующим летом я уже официально смогу ее издать. Есть издательства, которые уже интересуются этой рукописью, поэтому я надеюсь, что она выйдет. А пока не вышла, я могу публиковать готовые главы из нее. Всего их девять. Две из них: *Jewish Communism versus Bolshevik Antisemitism. The Quest for the Right Adjective* (= Ed. Carstocea, Raul — Kovács, Éva: *Moderne Antisemitismen an der Peripherien Europas und seine Kolonien 1880–1945 / Modern Antisemitisms in the Peripheries of Europe and its Colonies 1880–1945*. New Academia Press, 2019. 67–96); *Anti-Semitism and Inner fronts in the USSR during World War II* (*European Review of History*, в печати) — вы видели. В книге, правда, они не такие короткие, просто там больше места. Современные англоязычные журналы не публикуют слишком длинные манускрипты. В основном они взяты из этой будущей книги. Это меня интересует, но как историк я занимаюсь уже другой темой. А еврейскую тему я до следующей весны пока остановил и сейчас занимаюсь опять

венгерской историей. Я взял совершенно другую тему. И как минимум раз в неделю езжу за совершенно другими источниками в разные будапештские архивы, сижу там и читаю источники. Я безумно люблю сидеть в архивах! Это просто подарок для историка!

С.Э. О чем будет ваша новая работа?

Т.К. Это своеобразный коллективный портрет уходящего класса венгерских аристократов и промышленников-капиталистов в 1944–1945 гг. Сейчас очень модно заниматься праведниками, спасавшими евреев во время Холокоста. Есть самый известный человек, который уже был виртуальным членом нашей семьи, — лютеранский пастор Габор Стэло (Gábor Sztehló). Он действительно спас около 1500 еврейских детей и около 500 взрослых летом — осенью 1944 г. в Будапеште. Самое интересное, что этот пастор был из невероятно богатой буржуазной семьи. Они владели самым крупным пивным заводом в Венгрии и занимались другими бизнесами. Они играли большую роль в экономике и принимали активное участие в политике Центральной и Восточной Европы. И вот выходец из той семьи — лютеранский пастор — решил спасать евреев! Надо иметь в виду, что в Аушвиц до июля 1944 г. успели депортировать провинциальных евреев, которые жили не в Будапеште. И этот пастор, несмотря на свои старания спасти евреев, не смог спасти ни одного еврея до отъезда последнего поезда с венгерскими евреями в Аушвиц. Из-за этой неудачи с ним случилось психическое расстройство. И он прятался в одной глухой де-

ревне, из которой в августе 1944 г. его забрал представитель швейцарского Красного Креста.

К тому времени евреи оставались в основном только в Будапеште. Он начал, как делал это и до июля, искать приюты и дома спасения для евреев. И вдруг в конце августа ему повезло — члены его семьи и представители того же социального класса предложили свои невероятно богатые виллы в горах Буды для укрытия евреев. В чем же был смысл? В том, что определенные члены венгерской элиты после перехода Румынии на сторону союзников и после освобождения Парижа осознали, что, возможно, нужно что-то предпринять на случай, если Венгрия потерпит поражение в войне. Наверное, они понимали, что освобождать Венгрию будут не англичане и даже не американцы, а придут ужасно-страшные красноармейцы «жидо-большевики»! Поэтому нужно было что-то придумать для спасения своего имущества и капиталов. Я думаю, что это решение сыграло немалую роль в создании сети приютов и домов этого пастора.

И вот я сейчас как детектив сижу в архивах и читаю немецкие и венгерские документы для того чтобы найти доказательства. Но я уверен, что все так и было. Хоть пастор и был очень храбрым, честным человеком и настоящим христианином, но у него не было вилл! А у представителей его социального класса эти виллы были! А на виллах были невероятные богатства, картины и всякое другое. И так вышло, что спрос и предложение там нашли друг друга. Был один богатый человек, который не решал-

ся пока отдавать свою виллу, и осенью 1944 г. «мой» пастор сказал ему: «Господин такой-то, подумайте, если придут русские, они в этой вилле увидят не дом буржуа, а детский дом, где спасали еврейских детей!» И таким образом вопрос был решен.

С. Э. А до августа, когда он пытался обращаться к этим людям, они не шли ему навстречу?

Т. К. До этого даже члены его семьи отказывали ему в помощи! Он даже за деньги не мог нанять дома. Хотя у него было немало денег, потому что, повторюсь, он был из очень богатой семьи. Плюс несчастные (из-за сложившейся ситуации) богатые евреи давали ему свои деньги. Но даже на все эти средства он не мог нанять ни одного дома. И все потому, что он откровенно говорил, для каких целей ему нужен тот или иной дом. А вот с конца августа ему начали уже сами предлагать! И уже не он давал деньги, а сами владельцы домов и вилл предлагали деньги ему и представителям швейцарского Красного Креста, лишь бы он взял дома, а они получили иммунитет! В подвалах и на первых этажах могли размещаться еврейские дети, а у входа была надпись, доказывающая, что эта вилла под иммунитетом швейцарского Красного Креста.

Интересно, что после освобождения, когда уже не было ни немцев, ни венгерских нацистов (которые, вообще-то, есть всегда!), когда Красная армия освободила Будапешт, наш герой встретился в Будапеште с одним-единственным членом еврейской семьи промышленников Вейс. Дама из этой семьи осталась в Будапеште

одна, потому что остальные члены семьи по договоренности с представителями СС уехали в Швейцарию. И вот эта дама передаст пастору в марте 1945 г. большие санатории. В чем была суть? Понятно, что СС здорово обокрал эту семью еврейских промышленников. У них почти ничего не осталось, кроме этого обширного курортного места в Буде, которое она и отдала пастору для беспризорников. Там, конечно же, были не только еврейские дети, но и дети погибших венгерских нацистов и другие дети. В 1945 г. по всей Европе было несколько миллионов беспризорников!

Так пастор продолжил свою деятельность, а в 1946 г. он получил письмо от главы этой семьи из Швейцарии, в котором к нему обращаются на ты. И это объяснимо, т.к. они из того же социального класса. «Ты — наш друг! — пишут ему из Швейцарии. — Мы глубоко тронуты твоими поступками и тем, что ты делал во время войны и делаешь сейчас для детей. Но мы уверены и надеемся на то, что ты не забудешь о представлении наших интересов». В чем же был их интерес? Разумеется, хоть каким-нибудь образом спасти этот курорт! Они боялись, что его национализируют. А если это просто детский дом для беспризорников, у них оставался шанс как-то сохранить свое имущество.

С. Э. Как оказалось, зря надеялись!

Т. К. Да, конечно! Кстати, в этом детском доме жил и мой отец, так что причина моего личного интереса еще и в этом. После того, как бабушка и отец вернулись из Румынии, у них не было квартиры — хотя бабушка

и был старым коммунистом, своего жилья у них не было. И поэтому мой отец прожил в этом детском доме полтора года. Между прочим, в то время в этом детском доме провели довольно свободный педагогический эксперимент. Интересно, что этот детский дом национализировали только в 1950 г., во время сталинизации всей системы образования. Так что их очень долго не трогали! Вообще и коммунисты, и социал-демократы, и представители буржуазных партий помогали этому детскому дому. Было престижно помочь этому пастору деньгами, оказывая разные жесты! Кстати, он стал прототипом героя всемирно известного венгерского фильма «Где-то в Европе» (режиссер Г. Радвани по сценарию Б. Балажа, 1947. — *Прим. отв. редактора ИЭ*), в котором пожилой мужчина учит беспризорников в послевоенное время. Этот фильм был снят кинокомпанией коммунистической партии, потому что в то время так называемые коалиционные партии, руководившие страной — от коммуни-

стов до крестьянской партии, — имели закрытые акционерные общества. У всех партий были и спортивные клубы, и всякие фирмы, и кинокомпании. И у коммунистов была своя кинокомпания, и этот фильм показывали в коммунистическом кинотеатре. Кинотеатры тогда тоже были разделены по партийному принципу. Были коммунистические кинотеатры, были и другие.

Вот этой темой я занимаюсь. Что будет через два года — не могу сказать. Дело в том, что меня очень многое интересует, и я надеюсь, что через два года я буду заниматься чем-то, связанным с историей. Но на каком языке и в какой стране — это уже настолько новейшая глава нашей так называемой центральноевропейской (но на самом деле — восточноевропейской!) истории, что ты не можешь предсказать, что будешь делать через два года!

С. Э. Спасибо огромное за интересное интервью!

“CENTRAL EUROPE IS THAT PART OF EASTERN EUROPE THAT ALWAYS WANTS TO BELONG TO THE WEST, BUT STILL REMAINS PART OF EASTERN EUROPE”. INTERVIEW WITH T. KENDE

Tamás Kende — historian, museologist, Budapest (Hungary)

Key words: Hungary in the XX century, the Holocaust, Eastern Europe in the era of communism, family memory, anti-Semitism, studies on Jewish history in the XX century

Abstract. Hungarian historian Tamás Kende talks about his family roots, about the historical experience of his family in the 20th century. He also touches his own experience of entering the profession, presents the conclusions of his historical researches and plans for new historical works.

«МЫ В ПОЛЬШЕ СОЖАЛЕЕМ, ЧТО В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЯ ПОЛНОСТЬЮ ОТОЖДЕСТВЛЯЕТСЯ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ».

Интервью с А. Новаком

Мнение крупного польского историка. Краков, 6 марта 2020 г.

Ключевые слова: войны памяти, советско-польская война, красноармейцы в польском плену, пакт Молотова — Риббентропа, Катынь, Волынская резня.¹

Аннотация. Тема беседы: в канун столетнего юбилея битвы под Варшавой 1920 г., в которой польские войска остановили экспансию Красной армии на запад, видный польский историк Анджей Витольд Новак в своем эксклюзивном интервью для ИЭ представил свое видение наиболее острых вопросов российско-польских, польско-украинских и польско-литовских отношений в Новейшее время, а также оценил достижения как польской, так и российской исторической науки в исследовании этих трудных тем за последнее десятилетие.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-75-94

Беседовала Д. Короткова (Институт славяноведения РАН).

Д. К. В августе этого года исполняется сто лет решающему сражению советско-польской войны 1919–1920 гг., битве под Варшавой, которую называют «чудом на Висле» и даже, подчеркивая ее значение, «18-й решающей битвой в мировой истории». Эта битва с самого начала, вот уже сто лет, пользуется неизменным интересом исследователей, поэтому хочу вас спросить,

господин профессор, как сейчас к этому событию относятся польские историки? Остались ли еще какие-то неисследованные аспекты, на которые следует обратить внимание?

А. Н. В последние годы, действительно, историки обращались к некоторым интересным моментам, которые ранее не привлекали внимания.

© Историческая Экспертиза, 2020

Новак Анджей Витольд — польский историк, публицист, советолог, заведующий кафедрой истории Восточной Европы Ягеллонского Университета (Краков), профессор Института истории Польской академии наук (Польша)

Один из них касается роли радиоразведки, т. е. того, как новая на тот момент технология, метод радиопрослушивания, позволила польской разведке получать депешки советского военного командования, командования Красной армии, и это оказало определенное влияние на развитие событий на фронте. По моему мнению, это влияние не было таким уж значительным, но, разумеется, Гжегож Новик, автор монографии¹, посвященной этой теме, — большого двухтомника, размером более чем в 2000 страниц, считает, что роль эта была принципиальной. Действительно, для многих конкретных операций радиоразведка имела значение, однако мне кажется, что не менее принципиальное значение имели другие факторы, о которых, может быть, еще будет возможность рассказать. Несомненно, радиоразведка оказалась важным фактором, и о ней стали писать в последние 10–15 лет. Другой аспект, к которому обращались польские историки в последние годы, это судьба военнопленных — как судьба красноармейцев в польском плену, так и солдат польской армии в советском. Конечно, судьба красноармейцев очень интересует российских историков. Частично это результат политического заказа, который берет начало еще в 1990 г., когда в ноябре этого года Михаил Горбачев принял решение, что поскольку мы (Советский Союз. — Д. К.) позволяем гово-

рить о Катynie, то нужно придумать и противовес, анти-Катынь, чтобы уравновесить вину.

Д. К. Кто сейчас занимается в Польше темой красноармейцев в польском плену, кроме профессора Збигнева Карпуса?

А. Н. В целом профессор Карпус остается в этой сфере главным авторитетом, и я считаю, что его работа действительно заслуживает признания². Думаю только, что вот еще что следует в этой связи подчеркнуть. Сейчас вышло в свет много российских работ, они там меняют данные (о количестве пленных. — Д. К.), более или менее имеют научное значение, но очень редко в них обращается внимание на тот факт, что главной причиной смерти советских солдат в польском плену были инфекционные заболевания, прежде всего тиф. Между тем еще в 1993 г. в Москве опубликована книга под названием «Гриф секретности снят», в которой приводятся сравнительные таблицы, касающиеся потерь Красной армии, потом Советской армии в различных войнах XX в., в том числе, конечно, и в советско-польской войне 1920 г. Эта таблица потрясает³. В 1920 г. Красная армия насчитывала 5 млн человек, на бумаге, конечно, но тем не менее. Из этих 5 млн 207 тыс. умерло от тифа. Особенно это поражает сейчас, когда мы переживаем

¹ Nowik G. Zanim złamano “Enigmę” rozszyfrowano Rewolucję. Polski radiowywiad podczas wojny z bolszewicką Rosją 1918–1920. Warszawa: Wydawnictwo Rytm, 2010.

² Karpus Z. Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski w latach 1918–1924. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 1999; Карпус З., Резмер В., Матвеев Г. Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов. М., 2004.

³ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / составители В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин и др.; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

страх перед эпидемией коронавируса, количество жертв которого исчисляется сотнями человек (на 6 марта, момент беседы. — Д. К.).

Д. К. Будем надеяться, что эта эпидемия не окажется настолько смертоносной, как та столетней давности.

А. Н. Но именно это показывает, что когда мы говорим о том, что в польском плену погибло, по данным профессора Карпуса, 16–18 тыс. человек, а по данным части российских исследователей — около 30 тыс., хотя эти данные мне кажутся преувеличенными...

Д. К. В данном случае вы имеете в виду, видимо, работу профессора Матвеева⁴, потому что другие авторы указывают значительно большие цифры...

А. Н. Да, но это уже чисто пропагандистские произведения, о которых не стоит говорить. Но даже если согласимся на самые низкие оценки числа погибших, это, разумеется, не будет поводом для похвалы, а скорее повод к стыду польских властей. Однако сравнение этих жертв с Катынью не выдерживает критики, поскольку не принималось никаких решений об убийстве этих людей, которые умирали от плохих условий содержания и от эпидемии болезни, которая собрала свою страшную жатву в рядах Красной

армии и в целом среди населения. Это вторая основная тема исследований. Третья тема, которую разрабатываю я, это отношение западных держав к Польше и к советско-польской войне; 4 года назад у меня вышла книга на эту тему, может быть, вы ее видели...

Д. К. «Первое предательство Запада»⁵.

А. Н. Да, именно. А сейчас, т. е. 2–3 года назад, российские ученые издали четырехтомное собрание документов по истории советско-польских отношений в 1917–1945 гг. в Москве. Первый том фактически редактировал профессор Матвеев. И как раз это направление в нем освещается⁶. Там только документы. Можно сравнить мою книгу с теми материалами, которые приводятся в московском издании. Картина получается похожая: британская политика действительно была исключительно недоброжелательной по отношению к Польше, можно так сказать, независимо от того, как это оценивать; я анализирую эту ситуацию, чтобы показать, насколько ограниченным было поле маневра у Польши. Ну и становится ясно, насколько далеко от правды утверждение советской историографии, особенно сталинского времени, о «третьем походе Антанты».

Д. К. Насколько я помню, вы утверждаете, что Польша начала поход на Восток не только не по

⁴ Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С. Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 гг. М.: Родина медиа, 2011.

⁵ Nowak A. Pierwsza zdrada Zachodu. 1920 — zapomniany appeasement. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2015.

⁶ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сборник документов в четырех томах. Т. 1. М.: Аспект Пресс, 2017.

распоряжению Антанты, но наоборот, вопреки ее прямому запрету?

А. Н. Да это так. Но надо различать политику французов и британцев в этот период, может быть, еще американцев. Я еще не писал об этом, но сейчас занимаюсь этой темой.

Д. К. Вы будете писать об этом?

А. Н. Может быть. Так вот, с точки зрения британской политики, как я пишу в своей книге, в результате анализа материалов британских архивов на эту тему, архива Ллойд Джорджа, архива Черчилля и других политиков, целью британской политики в этот период было соглашение с Москвой, с Лениным. Англия хотела начать торговые переговоры, которые очень скоро превратились в политические. Ллойд Джорджу очень важно было заключить именно политический договор, не торговый, а политический, с Лениным, важно было провести ревизию Версальского трактата на новой конференции в Лондоне, которую Ллойд Джордж собирался созвать осенью 1920 г., и он об этом говорил с третьим человеком в структуре Советского государства и партии — Львом Каменевым, членом политбюро. Ну а политика Пилсудского была направлена совершенно в другую сторону, можно сказать; с Лениным он договариваться не хотел. Иной была французская политика. Французы, как известно, не хотели соглашения с большевиками по причине того, что национализация банков и предприятий с французским участием приносила им колоссальные убытки. Французским гражданам, держателям акций. Поэтому Фран-

ция не поддерживала идею соглашения с большевиками. Но при этом Франция не поддерживала и наступательную политику Польши. Маршал Фош, главнокомандующий французской армией, говорил однозначно: «Польша должна только обороняться от большевиков». Никаких наступательных действий, ведь Польша не справится, у нее нет на это ресурсов. Короче говоря, очень отговаривал от наступления. Я это подчеркиваю не для того, чтобы оценивать как-то действия Польши, но чтобы показать, что они на 100% не совпадали ни с тем, что предлагала Англия, ни с тем, чего хотела Франция. Так что в этом смысле можно сказать, что тезис о третьем походе Антанты развенчан. Хотя, наверное, сейчас и российские историки этот тезис не поддерживают.

Д. К. В связи с этим, как вы думаете, не было ли политической ошибкой Польши то, что весь межвоенный период она держалась Англии и Франции как основных союзников? Ведь Польша в результате не получила от великих держав никакой поддержки в своем соперничестве с Россией, — тут я цитирую ваши слова: вы пишете в своей книге, что Польша является не жертвой России, но ее побежденным соперником.

А. Н. Да, да. В геополитическом смысле это действительно так. Но думаю, что в межвоенный период у Польши не было особого выбора. Кроме того, стоит помнить, что, несмотря на то, что Пилсудский решение о походе на Киев принимал самостоятельно, а не под диктовку Парижа или Лондона, Польша зависела от военных по-

ставок, особенно из Франции, за которые потом должна была платить. Но без военных поставок из Франции Польша не выдержала бы войны с Советской Россией. У Польши в это время не было своей военной промышленности, ее строили следующие 20 лет. Так что Польша, предоставленная сама себе, не могла бы функционировать в тех геополитических условиях. Германия была абсолютно враждебна Польше; немцы хотели вернуть земли, переданные Польше согласно Версальскому договору: Поморье, великопольские земли и Силезию, прежде всего Поморье и Силезию. Советская Россия, естественно, тоже не была довольна геополитической ситуацией, которая сложилась после Рижского договора. Так что, в этом смысле, к кому еще Польша могла обратиться? Я знаю, что российская историография, прощу прощения, что так скажу, политически ангажирована; российская историография пытается обосновать тезис, что Польша обречена была на выбор между Германией и Россией, фактически современная российская историография выдвигает идею, что Польша выбрала Германию, что была ее союзницей, что, конечно, просто неправда. Суть политики, которую проводил Пилсудский после майского переворота в 1926 г., была однозначна: равноудаленность от Москвы и от Берлина. Последовательно держать дистанцию и от Москвы, и от Берлина. Собственно, заключение практически одновремен-

но, в течение чуть более года, очень похожих договоров о ненападении с Москвой в июле 1932 г., с Берлином в январе 1934 г., как раз отражало принцип сохранения одинаковой дистанции от обеих держав.

Д. К. Тогда как объяснить поведение Польши в 1938 г. по отношению к Чехословакии, как сейчас эти события оцениваются польскими историками? Каково ваше мнение, какую роль играла Польша в той ситуации? Это главный пункт, на котором основаны российские обвинения Польши в сотрудничестве с Германией.

А. Н. Современная волна публикаций, не могу ее назвать историографией проблемы, потому что в последнее время каких-то серьезных исторических исследований по этой теме не проводилось, но есть много статей в прессе насчет этой темы. Однако, вышло несколько монографий в Польше на тему 1938 г., одна из них очень критически оценивает политику Польши в это время...⁷

Д. К. Может, напомните название?

А. Н. Не могу в данный момент припомнить, но это историк из Варшавского университета, Петр М. Маевский. Другая работа, посвященная событиям 1938 г., это книга моего друга, он уже на пенсии сейчас, профессора Марека Казимежа Каминьского⁸, в ней он скорее защищает

⁷ Обсуждение литературы по данному вопросу: *Andrzej Essen*. Stosunki polsko-czeskie (czechosłowackie) w historiografii polskiej po 2000 roku *Historia Slavorum Occidentis*. 2011. 1 (1). S. 187–199; например: *Michał Przeperski*. “Nieznosny ciężar braterstwa. Konflikty polsko-czeskie w XX wieku”. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2016.

⁸ *Kamiński M. K.* Szkice z dziejów Polski i Czechosłowacji w latach trzydziestych XX wieku. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2014.

логику властей Польской республики. В каком смысле? Он напоминает очевидный факт — Чехословакия таким же образом в 1919 г. ударила в спину, использовала момент, когда Польша боролась одновременно с Германией и с Советской Россией, поскольку решение о присоединении Тешинской Силезии было принято в июле 1920 г., точно в тот момент, когда Красная армия подошла к Варшаве, т.е. Чехословакия использовала критическое положение Польши, чтобы занять эту территорию, населенную в большинстве своем поляками. Таковы факты. Это не оправдывает, однако, как утверждает Каминский, а тем более Маевский, автор нескольких монографий на эту тему⁹, не оправдывает того, что сделала Польша в 1938 г. Это была ошибка, не преступление, но, как говорил Талейран, нечто худшее, чем преступление, это была ошибка.

Д. К. То есть, получается, Польша не признавала границ, установленных в 1920 г.?

А. Н. Нет, Польша их признавала, Польша же установила абсолютно нормальные дипломатические отношения с Чехословакией. Она должна была признать эти границы, поскольку ей это навязали западные державы. Не было такой ситуации, как с Литвой, где была проблема взаимного непризнания¹⁰. С Чехословакией такой проблемы не было. Дипломатические отношения были, военные круги Чехословакии хотели

сотрудничать с Польшей. Однако чехословацкие политики совершенно не хотели никакого сотрудничества с Польшей. Президент Бенеш был против. Похожая ситуация была и в Польше. Политические круги не хотели сотрудничать с Чехословакией, военные считали, что стоило бы, что было бы естественно наладить совместное противодействие немецкой угрозе. Этого не случилось, можно об этом сожалеть. Дошло до того, о чем вы сказали, т.е. Польша использовала Мюнхенский кризис, чтобы занять Тешинскую Силезию, что выглядело очень плохо и было очень неразумно с точки зрения политики. Напомню, что этот поступок осудил и публично попросил за него прощения у Чехословакии польский президент Лех Качиньский 1 сентября 2009 г., в 70-ю годовщину начала Второй мировой войны. Сказал об этом, стоя рядом с премьер-министром Путиным. Только еще одно хочу тут добавить, что, если кто-то пытается сравнивать вступление польских войск на территорию Тешинской Силезии с тем, что сделал Советский Союз в сентябре 1939 г., тот, говоря коротко и ясно, негодяй. Почему? Потому что в сентябре 1938 г. ни один человек не погиб и не попал в тюрьму, когда польская армия вошла в Тешинскую Силезию. В то же время жертвы советской интервенции и того, что за ней последовало, исчисляются в конечном итоге сотнями тысяч человек. Так что если кто-то говорит, что можно на одну доску поставить эти два события,

⁹ Например: *Majewski P. M. Nieozograna kampania. Możliwości obronne Czechosłowacji jesienią 1938 roku*, Warszawa, 2004; *Ibidem. Kiedy wybuchnie wojna? 1938. Studium kryzysu*, Warszawa, 2019.

¹⁰ Это было связано с польско-литовским конфликтом из-за Вильно. В октябре 1920 г. Литовско-Белорусская дивизия польского генерала Л. Желиговского заняла город; была образована формально независимая Срединная Литва. В 1922 г. она была официально присоединена к Польше.

то я его спрошу, где вдовы и сироты чешских жертв польской агрессии? Таких нет. Пострадавших же из-за советской интервенции были миллионы.

Д. К. Да, это аргумент. Возвращаясь к теме войны 1920 г., вы ее касались в книге «Польша и три России», сейчас вышло ее, кажется, третье издание?

А. Н. Выходит четвертое.

Д. К. Четвертое издание. Скажите, что-то изменилось в вашем видении тех событий? Первое издание опубликовано в 2001 г., т.е. 19 лет назад. Появились новые взгляды, новые источники?

А. Н. В новом издании, оно выйдет в свет примерно через два месяца, будет добавлен большой раздел, почти 100 страниц, посвященный решениям Москвы в апреле — октябре 1920 г. Изначально моя книга заканчивалась событиями апреля 1920 г. Почему только решения Москвы, а не Варшавы? В Варшаве в это время уже не принималось принципиальных решений, после заключения союза с Петлюрой и решения о походе на Киев. Потом уже не было никаких политических изменений, никаких изменений стратегии, только уже продолжалась война. Издавались только чисто военные приказы, как атаковать, как обороняться. Зато Москва должна была принимать принципиальные решения относительно политики и стратегии. Будем ли разговаривать с Ллойд Джорджем? Ведь как раз в это время начинаются эти переговоры. Будем ли договариваться на условиях Ллойд

Джорджа, которые означали ликвидацию независимой Польши и подчинение Польши Москве с согласия Великобритании, но без открытой советизации, и уж точно без похода на Берлин? Таков был первый сценарий. Удовольствуется ли Москва подчинением Польши и не пойдет на Берлин, а тем более еще дальше, на юг.

Д. К. Как вы считаете, это были продуманные стратегические решения или скорее реакция на происходящие события?

А. Н. Для меня очень интересно было писать этот раздел, т.к. я собрал много материалов еще тогда, когда архивы были более открытыми, чем теперь, т.е. в 1990-е гг. Сейчас я их просто использовал в своей работе. Использовал, конечно, и публикации источников, их тоже в 1990-е достаточно много выходило, в России и не только. Так что источников, которые можно использовать, много, и можно проследить, как советские вожди принимали решения. Была очень живая дискуссия. Не было так, что Ленин единолично принял решение, это все-таки было не сталинское время. Очень интересно, были разные варианты, как поступить. Парадоксально, но Троцкий был среди них наибольшим реалистом, он совершенно не был сторонником в это время, можно сказать, прямого удара на капитализм, прямого завоевания Европы. Меньше всего в этот момент считался с действительностью как раз Ленин.

Д. К. В общем-то Ленина тоже можно в этой ситуации понять. Он считал, что Советская Россия не была

в состоянии выдержать бой одна против всех, не устояла бы без помощи Германии. А Польша... несчастье Польши в том, что она находится между Россией и Германией.

А. Н. Да, между, это так. Нет-нет, сам Ленин позже признавал свою ошибку в сентябре 1920 г., что, согласно позднему определению Сталина, поддался «головокружению от успехов». Каменев поддерживал Ленина, Сталин, сначала критически отнесшийся к этой идее (идти на Берлин. — Д. К.), в конце июля 1920 г. уже был полностью на стороне Ленина. Прежде всего он думал, что соберет лавры победы не в походе на Берлин, но на Будапешт, Вену и Рим, он прямо об этом писал Ленину. Так что видно, как сильно закружились головы советских лидеров от успеха в этот момент. Ну и страшно интересно было читать, как они переписывались между собой, как обменивались комментариями на заседаниях политбюро, ну и прежде всего самый главный, на самом деле, момент, это заседание ЦК 16 июля. Это увлекательный момент, благодаря записям Преображенского можно это заседание подробно проанализировать. До тех пор у нас не было подробного описания, кто как брал слово. А Преображенский, секретарь ЦК, к счастью, точно записал, как шло заседание, и это необыкновенно интересно. Даже Калинин возражал Ленину и говорил, что мы не выдержим, что у нас обуви в армии не хватает. С такой практической, крестьянской точки зрения отговаривал.

Д. К. Очень практично, босиком трудно воевать, действительно.

А. Н. Да. Как раз прослеживается в этих записях это столкновение позиций, видно, как в конце концов перевешивает авторитет Ленина, и все голосуют «за». Преображенский забавно резюмирует: «Черт побери, ну пусть Ленин снова будет прав». Преображенский был тоже против похода на запад, но в конце концов согласился, что, раз Ленин считает так, что поделаться, надо следовать за Лениным. И это очень, по-моему, интересно, можно проанализировать и увидеть, как была советским руководством совершена эта ошибка, очень удачно для Польши. Ведь если бы было сделано то, с чего я начал, если бы было подписано соглашение с Ллойд Джорджем...

Д. К. То есть если бы Польша получила в 1920 г. современную границу...

А. Н. Да, но это была бы советская Польша! То есть не было бы свободы вероисповедания, свободы слова, множества других свобод, не было бы просто Второй Речи Посполитой, Второй республики, а Вторая Речь Посполитая дала нам, полякам, огромный культурный багаж, наследие тех деятелей культуры, в конце концов, Иоанн Павел II, не было бы Иоанна Павла II, если бы он не ходил в школу, где были уроки религии. Не было бы оригинальной, прекрасной несоциалистической литературы, не было бы знаменитых польских кабаре, других замечательных явлений бы просто не было. Польша была бы совсем другой. Существовала бы, но была бы гораздо слабее духовно, развивалась бы по коммунистическим лекалам с 1920 г. К счастью, Ленин поставил на вариант «все или ничего», т.е. борьбы за овладение

всей Европой, как минимум Берлином, ну и Польша остановила этот сценарий. Второй вопрос, который тут возникает, возвращаясь к началу нашей беседы, вы спрашивали, какие сейчас ведутся исследования. До сих пор нет единого мнения, почему же Красная армия проиграла в 1920 г. Польские историки подчеркивают, и думаю, что правильно, что этому способствовали усилия польской армии, что это результат, в частности, удачного маневра Пилсудского, перехода с реки Вепш. Ну и, разумеется, учитывается, что линии Красной армии были уже слишком растянуты, что логистика препятствовала ее дальнейшему продвижению.

Д. К. Ну и, наверное, радиоразведка помогла, ведь были известны шифры всех подразделений армии.

А. Н. Да, но это не имело такого принципиального значения, правда.

Д. К. Но ведь благодаря расшифровке переговоров поляки знали точно, что происходит в Красной армии.

А. Н. Да, но эта информация была известна не за две недели, например, до наступления, а максимум за несколько часов. Конечно, некоторое значение это имело, но не ключевое. Однако в российской историографии до сих пор не решен спор, виноват ли Сталин, что не отдал Конармии Тухачевскому, согласно приказу командующего Красной армией Сергея Каменева, или здесь ошибка самого Тухачевского, который думал, что легко возьмет Варшаву. Это интересный спор, и до сих пор однозначно не решенный, как мне кажется.

Д. К. А современные польские историки тоже считают, что большевики проиграли войну из-за ошибок командования, а не благодаря героизму польского народа случилось «чудо на Висле»?

А. Н. Не могу сказать за всех польских историков, т.к. историки по-разному считают, могу сказать, что я думаю.

Д. К. Вы могли бы оценить, какие сейчас позиции в этом вопросе существуют?

А. Н. Во Второй республике было основное политическое разделение на пилсудчиков, сторонников маршала, и эндеков, национал-демократов, как известно, и это принципиальное разделение оказывает некоторое влияние до сих пор. Слабое, но все еще есть эхо этого разделения в историографии. Пилсудчики подчеркивают, что было организованное Пилсудским усилие армии, которую маршалу удалось относительно быстро создать и сделать ее силой, способной задержать Красную армию. Эндеки подчеркивают, в свою очередь, значение добровольческой армии Галлера, сформированной только в июле — августе 1920 г., ну и, конечно, подчеркивают, что помогло вмешательство Провидения, Божьей помощи, отсюда и «чудо на Висле». Понятие «чудо на Висле» изначально понятие политическое, направленное против Пилсудского, суть его в том, что это не Пилсудский, не польская армия, но Мать Божья спасла Польшу. И когда вы используете понятие «чудо на Висле», то занимаете совершенно определенную

позицию во внутрипольском споре. Хотя уже первоначальное значение забывается, люди это выражение часто употребляют. Мое же мнение в этом вопросе таково, что, конечно, организация войска, в котором было более 900 тыс. солдат, организация такой массы и превращение ее в боеспособную силу — это определенный успех, и Польша добилась этого успеха, в отличие от своих восточных соседей. Еще важнее тут то, что на 70–80% эта армия состояла из крестьян. И 30% из них было еще неграмотных. И они в большинстве не дезертировали. Конечно, дезертирство было, но было нечастым явлением, максимум несколько процентов. И это было совершенно новым явлением в опыте Красной армии. Ведь Красная армия, идя на Украину, на Белоруссию, на другие страны, всегда призывала к классовой мести, к классовой борьбе, и армия противника разваливалась. Так, Петлюре не удалось создать украинской армии. Не было такого сильного национального самосознания. А в Польше национальная идея распространилась уже и в крестьянской массе настолько, что крестьяне были готовы бороться и умирать за свободную Польшу. И делали это.

Д. К. То есть можно ли сказать, что эта борьба с большевиками, эта война способствовала распространению национальной идеи среди народных масс, крестьян, которые до того таким национальным самосознанием, можно сказать, в такой степени не обладали?

А. Н. Я бы сказал, что, с одной стороны, эта война стала испытанием этого самосознания — если бы крестьяне уже не имели такого представления о нации, то просто дезертировали бы. Была же еще и пропаганда, тысячи листовок Красной армии с уговорами бунтовать против офицеров и т. д.

Д. К. Об этом я пытаюсь сказать, что польские крестьяне в этот момент осознали, что они не только крестьяне, но прежде всего поляки.

А. Н. Они не могли этого осознать только в момент решающей битвы, они должны были уже иметь в своем сознании нечто, что заставило их не отвернуть штыков в тот момент. Это был результат, мне кажется, многолетней воспитательной работы, которая велась на протяжении конца XIX — начала XX в. В Галиции, понятно, там были возможности, была просто польская школа, а в Конгресовке, Царстве Польском ситуация была обратная, однако действовали разнообразные нелегальные общества народной школы, народного просвещения. Мария Крисань из Москвы писала на эту тему, как нелегальная польская агитация все-таки доходила до крестьянства¹¹. Эту работу, конечно, выполнили главным образом эндеки. В свою очередь социалисты, ППС, проводили ту же деятельность, провозглашали национальные лозунги, а не только классовые, среди рабочих. Проверкой эффективности этой деятельности оказался 1920 г., который одновременно, как вы сказали, укрепил это убежде-

¹¹ Например: *Крисань М. А.* Крестьяне в Январском восстании 1863–1864 гг. // *Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши.* М.: Индрик, 2014.

ние, что национальная идентичность важнее, чем классовая.

Д. К. Могли бы вы сказать пару слов на тему международного значения этого поражения Советской России и победы Польши, как эти события выглядели с точки зрения Антанты, считали ли Польшу спасительницей Европы от коммунизма?

А. Н. Конечно, нет. Поляки не сразу, но достаточно скоро стали так это интерпретировать: мы задержали большевизм, который шел походом на Европу, и это, в принципе, соответствовало действительности, это подтверждают сегодня источники, как, например, та переписка Ленина со Сталиным на Юго-Западном фронте, с другими членами Политбюро, они действительно писали, что «мы должны идти дальше на Берлин, на Прагу и Будапешт», так что действительно такие цели были. И действительно их остановила Польша. Только в это в Европе никто не верил. Ни в Праге, ни в Италии не было никого, кто бы боялся прихода Красной армии. В Германии несколько иная была ситуация, ведь там было достаточно много коммунистов, и они ориентировались на Москву. Но в немецких настроениях доминировала враждебность к Польше из-за территориальных потерь, а не благодарность, что Польша заслонила Германию от большевиков. Скорее наоборот, немцы жалели, что Красной армии не удалось ликвидировать Польшу и вернуть довоенные границы, когда Польши не было на карте. Такие были настроения. Во Франции никто не думал, что Красная армия

дойдет до Парижа, это воспринималось как фантазия. В Англии царило неприязненное отношение к Польше из-за того, что она противодействовала Красной армии, потому что как раз Лейбористская партия тогда еще не обладала большим влиянием в парламенте, но усиливала свои позиции и вскоре добилась власти, и благодаря ее влиянию доминировало такое представление, что, может быть, это немного такой дикий эксперимент в Советском Союзе, но интересный, общественно прогрессивный. Поэтому лучше быть на стороне Советов, а не Польши, которая тормозит этот эксперимент. Так что не было даже симпатии к Польше в Европе, не то что благодарности. Тут можно привести пример часто цитируемой, и вы ее тоже упомянули, книги лорда д'Абернона¹². Напомню, что Эдгар виконт д'Абернон, британский посол в Берлине, был направлен Ллойд Джорджем с миссией в Польшу в июле 1920 г. Я читал его бумаги, в частности отчеты, которые он писал Ллойд Джорджу в конце июля — начале августа 1920 г. Они были пропитаны таким пренебрежением, такой неприязнью к Польше: поляки тут ничего не смогут сделать, проиграют точно, безнадежная нация. Написал дословно так: «К каждому поляку надо приставить по одному англичанину, чтобы был какой-то результат», от самих поляков ничего ждать не приходится. Только спустя годы д'Абернон, решив, что он может поднять себя в глазах будущих поколений, сказав, что был очевидцем великой битвы, с этой целью стал ее пропагандировать как событие неслыханной важности. Поляки его

¹² *D'Aberton E. V. The Eighteenth Decisive Battle of the World: Warsaw 1920. London, 1931.*

цитируют, это определение «18-я решающая битва в истории», а я показываю, что д'Абернон в то время, в 1920 г., думал совсем иначе. Так что хотя я действительно считаю, что Польша заслонила собой Европу, таково мое мнение как историка, который читал советские источники, советские планы. Большевики на самом деле хотели дойти до Берлина, и это была, бесспорно, главная цель Ленина. История Европы выглядела бы совершенно иначе, если бы им это удалось.

Д. К. Вы думаете, что в принципе было возможным такое развитие событий? Что если бы Польша проиграла, то Красная армия дошла бы до Берлина? Англия или Франция не вмешались бы?

А. Н. Мое мнение таково, что такой ход событий, безусловно, вызвал бы новое столкновение, потому что Англия охотно бы согласилась на советизацию Польши, но не Германии. Германия все-таки слишком большая страна, это изменило бы баланс сил на континенте, за чем всегда следит Англия.

Д. К. Так что, думаю, такого бы просто никто в Европе не позволил бы.

А. Н. Я тоже так думаю, и так писал д'Абернон в июле 1920 г.: «Польша падет, что поделать, но не можем позволить такого же падения Германии». Так он писал Ллойд Джорджу, так были настроены многие западные лидеры, но мы не можем знать, что бы было, это уже из области альтернативной истории. Однако если представить, что вот в Германии началось такое брожение в обществе, и в этот

момент пришла радостная весть, что Польша ликвидирована, что Красная армия на блодечке приподнесла Германии прежние границы, т. е. вернула Поморье и Силезию, ясно, что значительная часть германского общества поддержала бы наступление большевиков, и тогда началась бы какая-то игра, политическая борьба. Чем бы она закончилась, неизвестно, однако ясно, что на это рассчитывал Ленин, и он хотел хотя бы попробовать. Интересным комментарием к ситуации стали слова первых евразийцев. В это время в Болгарии, Софии, появляется движение евразийцев. Евгений Трубецкой, основатель этого движения, так прокомментировал ход советско-польской войны в письме к Роману Якобсону, сочувствовавшему евразийскому движению в Праге, великому лингвисту. В конце 1920 г. он написал: «Какое счастье, что поляки выиграли». Он так выразился во все не потому, что болел за поляков, нет, но он считал, что, если бы Россия соединилась с Германией, для России это стало бы катастрофой. Потому что тогда коммунистическая Россия подчинилась бы коммунистической Германии. Так он это интерпретировал. Хотя он и ненавидел коммунизм и большевизм, Трубецкой не был просоветским, как известно, однако считал, что, пока коммунизм победил только в России, это означает, что она снова противостоит Западу. И это меньшее зло: лучше, чтобы Россия была коммунистической, чем подчиненной Западу.

Д. К. Чтобы сохранила свой особый характер.

А. Н. Свое своеобразие, да. И он верил, что рано или поздно коммунизм

будет свергнут. Самое худшее — это снова подчиниться Западу, а если бы Красная армия дошла до Берлина, то тогда уже немцы стали бы руководить мировым коммунистическим движением. Трубецкой не сомневался, что тогда бы коммунизм стал бы немецким, а не российским движением, и тогда русские стали бы зависимы от немцев. Так на это смотрел Трубецкой, и я об этом пишу в новой редакции книги «Польша и три России». С этой точки зрения, может быть, стоит вспомнить, и я в книге это подчеркиваю, что Россия была в то время поделена, что касается политических симпатий, и существовала небольшая группа политических деятелей, считавших, что с большевиками следует бороться любой ценой, в том числе ценой союза с Польшей. Это была группа Бориса Савинкова. Сейчас, впрочем, в России вышла огромная, около 1000 страниц, книга «Три брата», посвященная братьям Савинковым¹³. Это сборник документов, касающийся всех братьев, но большая часть посвящена Борису Викторовичу. И эту группу русских, которая была готова на союз с Польшей, она как раз отлично документирует. Я, конечно, тоже об этом пишу, но тут, пожалуй, российские историки имеют большие заслуги.

Д. К. Как вы думаете, была ли советско-польская война вызвана именно большевистской идеей мировой революции, желанием Ленина идти на Берлин? Или более существенными противоречиями государственных интересов обеих стран? Другими словами, если бы к власти

в России пришла другая партия, было бы тогда неизбежным столкновение ее с Польшей? Немного еще в сторону альтернативной истории.

А. Н. Об этом я довольно подробно пишу в своей книге. О том, что Пилсудский рассчитывал еще перед Первой мировой войной, что когда царская власть в России будет свергнута, то к власти придут не большевики, а как раз эсеры, которые были тогда более популярны, у них была значительно большая поддержка в обществе, среди крестьян, например. На это рассчитывал Пилсудский. Он считал, что с эсерами будет все-таки несколько легче договориться, на той основе, что эсеры согласились бы на федерализацию Российского государства. Эту же мысль он развивал в беседах с Савинковым уже после 1918 г., мысль о том, что эсеры вынуждены будут допустить больше, чем автономию, из-за ослабления России после 1917 г., в конце концов должны будут согласиться на независимость Украины. Это было для него ключевым пунктом. Если будет провозглашена независимость Украины...

Д. К. Без Украины Россия переставала быть империей, так считал Пилсудский?

А. Н. И переставала быть угрозой для Польши. Таков был взгляд Пилсудского. Какова была бы тогда перспектива войны с Россией? Думаю, что войны бы не было. Думаю, что могла бы начаться, впрочем, она и так началась, в 1918 г., польско-украинская

¹³ Три брата (То, что было): сборник документов / составители, авторы предисловия и комментариев К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М.: Новый хронограф, 2019. 1016 с.

война за Львов. Не потому, что Пилсудский этого хотел, а потому, что этого хотело все польское общество. Пилсудский хотел скорее какого-то соглашения с Украиной, но для как минимум 90% поляков было ясно, что Львов должен был принадлежать Польше, раз, как известно, большинство его жителей были поляками, его традиции были польскими. Так что таков был генезис польско-украинской войны за Львов. Но, во всяком случае, не было бы польского похода на Киев, а самое главное, российско-го похода на Варшаву.

Д. К. А что касается северного направления, Вильно, Белоруссия, как обычно, незаметная между Украиной и Литвой? Получила бы она тогда автономию?

А. Н. Под властью эсеров она могла бы на это рассчитывать. Не знаю, требовала бы она этого так же энергично, как Украина с ее уже достаточно сильным национальным движением. Белоруссия же сформулировала свои национальные требования уже, собственно, в ходе Первой мировой войны, в 1917–1918 гг. Так что, конечно, эти требования были бы слабее. Однако я думаю, что если бы был проведен в жизнь принцип федерализма, то какое-то место для Белоруссии бы нашлось. Это что касается эсеровского правительства в России. Что же касается Польши под руководством Пилсудского... Пилсудский больше всего хотел возродить, как известно, Великое княжество Литовское в его исторических границах, т. е. включая современные Литву и Беларусь. Это было его мечтой. И уже летом 1919 г. было ясно, что она не исполнится. Не из-за России. Россия вообще тут

была ни при чем. Литва на это не согласилась, литовское национальное движение. После неудачной попытки переворота в Ковно, когда Польская военная организация (POW, Polska organizacja wojskowa. — Д. К.) Пилсудского попробовала захватить власть в Литве, было понятно, что не удастся возобновить унию с Литвой. И тогда уже было известно, что возобладает позиция большинства поляков, польских политиков различных ориентаций, что Вильно должно быть связано с Польшей. Это означало спор с Литвой, ведь, как известно, даже в исторической действительности Литва осталась на карте. То есть Ленин согласился, разумеется, временно, он подчеркивал, что ликвидировать балтийские республики можно мановением пальца, так что нечего волноваться, что они появились на карте. Так что, раз Литва в любом случае существовала бы в межвоенный период, спор о Вильно был бы исключительно польско-литовским, не был бы связан с польско-российскими отношениями в этой ситуации. А белорусский вопрос тогда бы не имел значения. Белоруссия не могла бы тогда стать частью Великого княжества Литовского в федерации с Польшей.

Д. К. Насколько я помню, в книге «Польша и три России» вы как раз писали, что Юзеф Пилсудский не видел потенциального союзника в белорусах.

А. Н. Да, звучит это некрасиво, но таковы факты. Он считал, например, что Минск это русско-еврейский город, такие комментарии отпускал после визита в Минск в августе 1919 г., так что, конечно, он хотел занять

определенные территории, но только из военных соображений, желая отодвинуть границы от Варшавы, а не для того, чтобы реализовать какие-то большие планы, потому что с белорусскими землями он их не связывал.

Д. К. В последние годы Польша позиционирует себя как союзника и в известной мере покровителя Украины перед лицом российского диктатора. Однако ни для кого не секрет, какие проблемы Польше создавала в межвоенный период проблема вышедшего из-под контроля украинского национализма в его радикальных формах и насколько кровавые распри разворачивались в Галиции и на Волыни уже на завершающих этапах Второй мировой войны. Сохранились ли в польской исторической памяти какие-либо следы жестких польско-украинских конфликтов? Проявляются ли разногласия между польскими и украинскими историками при обращении к проблемам прошлого? И какова ваша позиция в связи с этими столкновениями исторической памяти?

А. Н. Конечно, это очень глубокая рана в польской исторической памяти, которую можно кратко назвать «украинская» или «волынская рана», хотя слова «Воле» тут недостаточно. Такая резня происходила не только на Волыни, но и в Восточной Галиции. Так что память об этих жертвах — а это около 100 тыс. поляков, убитых украинскими националистами в 1943–1945 гг., жива и культивируется в части польского общества. Поставлено множество памятников этим жертвам; потомки, семьи этих жертв, живы, и они хранят эту память. Также и те, кто

был изгнан с юго-восточных крепостей, с этих украинских территорий, изгнан Красной армией, тоже носят в себе эту память о резне и об украинской угрозе. В свою очередь, с украинской стороны цветет... не во всей Украине, а в части общества, связанной с западной ее частью, цветет культ Бандеры как борца за свободу и независимость Украины. И тут, собственно, есть принципиальное несогласие между Польшей и Украиной. Странники культа Бандеры говорят, что ведь они чтят его не как убийцу поляков, но как героя, который боролся за независимость Украины. Поляки это не очень понимают. Однако мне кажется, что ситуация, которую вы описали в своем вопросе, была более явно выражена лет десять-пятнадцать назад, когда Польша действительно пыталась выступать в роли какого-то патрона или адвоката Украины, прикрывать глаза на эти исторические проблемы, о которых вы спрашивали. В период президентства Виктора Ющенко Украина четко заявила, что не хочет видеть Польшу в качестве патрона, единственным ее патроном является Германия, это было очень четко сказано. После чего наступило явное охлаждение в польско-украинских отношениях, которое совершенно не было следствием польской политики, а только украинского выбора. «Польша не является важной страной для нас, важны Германия и Соединенные Штаты». Польша, конечно, не пришла из-за этого в отчаяние, но только, раз уж было принято такое решение, раз президент Ющенко выбрал такую радикально националистическую формулу исторической политики, то тем труднее было оживить эти отношения. В связи с этим,

по моему мнению, сейчас польско-украинские отношения находятся на гораздо более нормальном уровне, т.е. Украина не ожидает какой-то значительной помощи от Польши.

Д.К. А если говорить о последних пяти годах, о периоде «после Крыма», можете сказать, как изменились отношения?

А.Н. Если говорить о кейсе Крыма, то это принципиальный вопрос. Польша, как и все европейские страны, осуждает аннексию Крыма как изменение границ в Европе, отрыв территории от одной страны и присоединение к другой. Это очень опасная ситуация.

Д.К. Однако это не означает, что польско-украинские противоречия больше не имеют значения?

А.Н. Думаю, что сегодня они имеют гораздо меньшее значение, чем раньше. Почему? Потому что, напомним, что президент Зеленский несколько изменил принципы исторической политики по сравнению со своим предшественником. Он сместил г-на Вятровича с должности шефа Института национальной памяти; Вятрович представлял такой крайне националистический нарратив, так что эти кадровые изменения несколько исправляют перспективу польско-украинского исторического диалога. Они не снимают проблемы, о которой вы говорите, разумеется, нет, но меняют атмосферу, несколько ее улучшают. Одновременно то, что Польша уже, а в особенности те, кто вспоминает главным образом жертвы украинских преступлений в Польше, не настолько захвачены этим, как хотя бы 10 лет назад. То есть

такие разговоры, как «у нас нет памятников, говорят только о Катыни, а о Вольни нет». Сейчас уже все в Польше знают об этом, знания об украинских преступлениях в Польше теперь распространились повсеместно, так что несколько утихло это ощущение несправедливости по отношению к жертвам вольнской резни.

Д.К. А как Украина теперь трактует эти жертвы?

А.Н. Украина позволяет, по крайней мере в последние месяцы, проводить работы по эксгумации тел. Это очень важно. Началась работа по выяснению имен погибших по каждой могиле. Это важно для Польши, для польской исторической политики, чтобы каждый погибший, русский ли он, поляк или украинец, имел могилу с именем и фамилией, насколько это возможно. Так что в этом направлении ситуация несколько улучшилась, но в целом видно, что для Украины Польша по-прежнему не является каким-то главным партнером, и в связи с этим нет какого-то давления, что Польша должна всегда Украине помогать любой ценой, нет, в рамках каких-то реальных общих интересов, конечно, но мы не должны, так сказать, в любой ситуации умирать за Украину, и, по моему, ситуация сегодня в польско-украинских отношениях вполне нормальная.

Д.К. А какова сейчас ситуация с исторической политикой в отношении Беларуси и Литвы, как там обстоят дела с решением трудных вопросов в общей истории?

А.Н. Тут тоже можно сказать, что отношения с Литвой сейчас скла-

дываются так хорошо, как никогда в течение последних 30 лет. Литва просто убедилась, что Польша не собирается каким-либо образом вторгаться с оружием на территорию Литвы, отбирать Вильно. Литовцы поняли, что такой опасности нет, что поляки хотят ездить в Вильно как туристы и наслаждаться красотой города и тем, что там есть многочисленная польская диаспора.

Д. К. То есть отношения складываются в абсолютном согласии?

А. Н. Да, исключительно, польское меньшинство не преследуется, говорю об этом, потому что в прошлом оно преследовалось в Литве, фактически первые 20 лет. Сейчас эта ситуация совершенно нормализовалась, Польша и Литва тесно сотрудничают на форуме Европейского союза. Думаю, что это сотрудничество цементируется ощущением угрозы для Литвы и вообще балтийских государств со стороны России.

Д. К. В чем выражается эта угроза?

А. Н. Независимо от того, считаете ли вы эту угрозу реальной или нет, страх существует.

Д. К. То есть просто тем, что Россия тут есть...

А. Н. Что Россия есть, что Россия проводит военные операции в соседних странах, на территории Украины, на территории Грузии происходили боевые действия с участием российской армии.

Д. К. В Грузии боевые действия были не потому, что этого хотела Россия.

А. Н. На эту тему могут быть споры, у меня свое мнение, отличное от вашего, но здесь речь не об этом. Речь о чувстве страха. Страх может быть не рациональным, вы можете его считать совершенно не обоснованным, но это чувство существует, и оно способствует налаживанию отношений со странами, которые могут этот страх успокоить.

Д. К. Роман Дмовский всегда подчеркивал опасность для Польши не только со стороны России, но и со стороны Германии. Есть ли сейчас какие-то польско-немецкие конфликты на почве исторической памяти?

А. Н. Думаю, что польско-немецкие отношения в части исторической памяти сейчас лучше, чем польско-российские, что не является неожиданностью, поскольку Германия признает свою ответственность за развязывание Второй мировой войны и за преступления, совершенные в отношении в том числе поляков. Каждый немецкий политик, приезжая в Польшу, это подчеркивает. В то же время есть определенного рода спор о том, какое место в немецкой исторической памяти занимают польские жертвы. Есть ли место в этой памяти только для жертв Холокоста, и нет ли попыток спихнуть ответственность за Холокост на Польшу, на польский народ. Здесь есть определенного рода деликатная проблема, и я бы сказал, что шокирующе циничной, с моей точки зрения, оказалась в этом смысле беседа российских историков и политологов, опубликованная в январе этого года в журнале «Россия в глобальной политике», где много лет бывший

моим другом Алексей Миллер вместе с другим историком, Федором Гайдой из Московского университета, выдвигают тезис, который можно, пожалуй, свести к следующей мысли: «Мы, русские, должны сейчас использовать нынешнюю волну критики Польши за общую с Германией ответственность за Холокост, должны сотрудничать с Израилем, с еврейским лобби, чтобы показать Польшу главным антисемитским государством в мире, как страну, несущую ответственность за развязывание Второй мировой войны и за Холокост»¹⁴. Ошеломляюще, шокирующе циничная беседа, я бы сказал, в своей прямоте. Как нужно играть историей, чтобы скомпрометировать Польшу, чтобы всякую ответственность за развязывание Второй мировой войны снять с Советского Союза, т. е. отвлечь внимание от пакта Молотова — Риббентропа. И эта же задача стоит в польско-немецких отношениях: как вернуть память о том, что немцы убивали евреев; что Германия, гитлеровское государство называлось немецким рейхом, не нацистским, а немецким рейхом. А говорится только о том, что евреев убивали нацисты, поляки и нацисты. Конечно, это шокирующая манипуляция историей, и тут появляются опасения части польских кругов, и на них, собственно, отвечают Алексей Миллер и его коллеги.

Д. К. Если говорить о выступлении Миллера, то оно, мне кажется, скорее является реакцией на обвинения в адрес России об ответствен-

ности за развязывание Второй мировой войны, которые, по-моему, являются огромной натяжкой.

А. Н. Тут интересно, что вы говорите об ответственности России. Здесь никто не говорит об ответственности России. Говорим об ответственности Советского Союза, об этом мы в Польше сожалеем, что в российской исторической политике полностью отождествляется Россия с Советским Союзом, причем на самом худшем историческом отрезке, в сталинское время, когда было совершено столько жутких преступлений. Я думаю, что польский взгляд, который представил премьер-министр Моравецкий в своем ответе на формулировки президента Путина, и там, в этой речи, было четко сказано, что Россия является самой большой жертвой Советского Союза. Таково наше мнение. Если Россия этого не хочет увидеть, увидеть, что больше всего Сталин уничтожил именно русских... Хорошо, но тогда получается, что Россия признает, что Сталин уничтожил больше всего русских, но не хочет при этом признавать, что он уничтожал поляков.

Д. К. Но ведь Россия признала ответственность за Катынь и те жертвы, которые понесла Польша в 1939–1941 гг.

А. Н. А вы знаете позицию Генеральной прокуратуры РФ, последнюю, самую актуальную? От 2011 г.? Официальная позиция сейчас такова: мы можем установить судьбу

¹⁴ Речь идет о следующей вызвавшей бурную дискуссию публикации: «Историческая память — еще одно пространство, где решаются политические задачи». Круглый стол в редакции. // Россия в глобальной политике. 2020. № 1. URL: globalaffairs.ru/articles/istoricheskaya-pamyat-eshe-odno-prostranstvo-gde-reshayutsya-politicheskie-zadachi-2/ (дата обращения: 07.05.2020).

только 1800 человек из так называемого катынского списка, что касается остальных, неизвестно, что с ними произошло, в связи с чем мы не можем никого реабилитировать из этих 22 тыс. человек. Это официальная позиция.

Д. К. Но ведь есть актуальные исследования¹⁵.

А. Н. Однако официальная позиция такова, официальная позиция Российского государства сегодня. Мы не знаем, что случилось с этими людьми. Ничего больше [до сих пор] не сказано.

Д. К. В одном из интервью вы сказали, что Россия, являющаяся частью Европы, существует, и Россия не обречена на авторитаризм и вечную войну с соседями.

А. Н. Конечно, конечно. Надеюсь на это.

Д. К. Вы считаете, что какое-то соглашение России с Западом возможно? На какой основе?

А. Н. На основе совместного расчета с преступным прошлым со стороны коммунистической системы. Пока что Российская Федерация, однако, больше ее защищает, в определенных аспектах политики Сталина. Защищать пакт Молотова — Риббентропа — нельзя, нельзя его защищать, это был пакт с преступником, который включал договор о разделе б европейских государств. Нет друго-

го такого соглашения, и он действительно зажег Гитлеру зеленый свет к агрессии. Гитлер хотел войны, и так бы начал ее, скорее всего, но Сталин ему очень помог в тот момент.

Д. К. А как быть с тем, что Сталин хотел оттянуть начало войны, поскольку Советский Союз не был готов воевать в тот момент...

А. Н. Понимаю, да.

Д. К. И у Советского Союза не было никакой поддержки со стороны западных держав.

А. Н. Да, но Польша отказала Гитлеру в ответ на предложение совместного нападения на Советский Союз. Это ясно. Если бы было иначе, так, как говорят российские пропагандисты сегодня, собственно, на этом основан абсурд сегодняшней российской исторической политики, когда говорят, например, что Польша была союзницей Гитлера, потому что договаривалась с Гитлером, ну и я спрашиваю, почему тогда она не пошла с Гитлером на Советский Союз. Гитлер это предлагал еще в январе 1939 г. Польша этого не сделала. Зато Сталин сделал, договорился с Гитлером и занял вооруженной силой половину Восточной Европы, согласно этому договору. Пока Россия будет продолжать это оправдывать сегодня, она так и не сможет разобраться с преступным наследием Сталина. Когда, наконец, разберется, думаю, мы будем в состоянии разговаривать дальше.

¹⁵ Например: Убиты в Калининe, захоронены в Медном. Книга памяти польских военнопленных — узников Осташковского лагеря НКВД СССР, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года / отв. сост. А. Гурьянов. В 3 т. М.: Общество «Мемориал», 2019.

"WE IN POLAND REGRET THAT IN RUSSIAN HISTORICAL POLITICS RUSSIA IS COMPLETELY IDENTIFIED WITH THE SOVIET UNION". INTERVIEW WITH A. NOWAK

Nowak Andrzej Witold – Polish historian, publicist, sovietologist, Head of the Department of Eastern European history at the Jagiellonian University (Cracow), Professor at the Institute of history of the Polish Academy of Sciences (Poland)

Key words: memory wars, Soviet-Polish war, Red Army war prisoners in Poland, Molotov – Ribbentrop Pact, Katyn, Volyn massacre.

Abstract. On the eve of the centenary of the battle of Warsaw in 1920, in which Polish troops stopped the expansion of the Red army to the West, an outstanding Polish historian Andrzej Witold Nowak in his exclusive interview for HE presented his vision of the most sensitive issues of Russian-Polish, Polish-Ukrainian and Polish-Lithuanian relations in modern times, and also evaluated the achievements of both Polish and Russian historical science in the study of these difficult topics over the past decade.

«В МОЕМ ВЕЛИКОДУШНОМ СОЗНАНИИ ЕСТЬ МЕСТО ДЛЯ ВСЕХ МОИХ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ».

Интервью с Л. Коробка

Ключевые слова: история Бессарабии, история Советской Молдавии, семейная память, локальная память, национальная идентичность, румынская культура, русско-румынские отношения и культурные связи.

Аннотация. Румынская писательница молдавского происхождения (одновременно профессиональный историк-исследователь) Л. Коробка рассказывает о своих семейных корнях, о детстве, проведенном в СССР, о непростом процессе адаптации к литературной и культурной жизни Румынии.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-95-106

Лиана Коробка — румынская писательница молдавского происхождения. И одновременно историк, сотрудница одного из исторических институтов Бухареста, занимающегося проблемами новейшей истории.

Восходящая звезда современной румынской художественной прозы, чьи произведения не раз переводились на другие языки (немецкий, итальянский, словенский), издавались в разных странах.

Автор монографий, статей и документальных публикаций по истории цензуры в коммунистической Румынии («Институция коммунистической цензуры в Румынии. 1949–1977» в 2 томах; «Цензура литературы в коммунистической Румынии» и др.). Занималась также

депортациями населения из Буковины в 1940-е гг.

В последнее десятилетие на первый план в сфере исследований Л. Коробки вышло изучение истории румынской политической эмиграции на Западе. Среди наиболее значительных работ в этой области — серия бесед с интеллектуалом-эмигрантом Раду Негреску-Суцу (Иллюзия кристаллизации. Коммунизм, судьба, ссылка. Бухарест, 2019).

В том же 2019 г. под редакцией Л. Коробки вышел фундаментальный труд «Панорама коммунизма Советской Молдовы», в работе над которым принимали участие не только историки, но и литературоведы, искусствоведы, культурологи, этнографы, музыковеды, архитекторы.

Основные художественные произведения: «Негриссимо» (2003), «Год в Раю» (2005), «Киндерланд» (2013), «Тетрадь цензора» (2017), «Конец

дороги» (2018). Только что вышла в свет беллетризованная биография Эжена Ионеско.

Беседовал А. Стыкалин.

А.С. Вы родились в Советской Молдавии, в учительской семье, в селе между Оргеевым (Орхеем) и Каларашем, это самое сердце Бессарабии. Наш журнал много занимается проблемами исторической памяти, и в том числе памяти локальной, семейной. Поговорим немного о корнях. На какие глубины восходит семейная память в вашей семье? Сохранились ли в вашем роду какие-то семейные предания о том, чем занимались ваши предки в XIX в., когда существовала Бессарабская губерния Российской империи, или позже, уже в XX в., сначала под царской, а после 1918 г. под румынской властью? Рассказывали ли вам деды что-то о событиях 1940–1944 гг., когда Бессарабия три раза меняла свою государственную принадлежность? Пережил ли кто-то в вашей семье депортации 1941 и 1949 гг., голод 1946–1947 гг.?

Л.К. В детстве я была почти влюблена в писателя Алеку Руссо (его настоящие имя и фамилия Александру Русу). Он мало писал, мало вообще жил, но похож был на Арамиса и немножко на Портоса, т.е. оснований мечтать о нем было достаточно. Он родился в центральной Бессарабии, свои поместья имел неподалеку от наших мест, а моя бабушка по отцу — Екатерина Русу, так что я его не только любила, но и считала сво-

им почти близким родственником. А дедушку, Александру Коробка (это был отец моего отца), я мало помню, он умер, когда мне было всего 6 лет. Призванный во время войны в румынскую армию, он попал в плен, оказался где-то в Кургане или в Курганской области, уголь добывал не по своей воле. На самом деле, семейных сказок у меня было мало, меня воспитали мои родители, к бабушкам и дедушкам меня приводили только в гости. Но отец много рассказывает. Например, он помнит из своего детства большой настоящий танк. Он остановился, немного не доехав до огромной ямы, в которую, наверное, должен быть упасть. Но не упал, потому что сломался за несколько метров до нее. Этот танк был настоящей радостью для сельских детей, пока он не исчез. А дело в том, что прямо через мое село Сэсень прошла линия фронта (Яско-Кишиневская операция). Людей эвакуировали, в наших местах велись настоящие бои. Говорят, даже в каких-то важных советских военных мемуарах задавались вопросом: мол, что там в этих Сэсенах ничего не продвигается? Знаю еще, что к нам сбросили на парашютах партизан. Среди них были и журналисты — из Ленинграда. Неподалеку от села — большой лес, это зона известных молдавских Кодр. Два партизанских отряда у нас воевали, об этом и книжки потом писались.

Помню из своего детства, как выжившие и дожившие до 1980-х гг. ветераны войны, партизаны, приезжали к нам в село на 9 мая. У нас музей тогда открылся, и прилежные пионеры, и я среди них, учили историю села, и мы были гидами. Но только музей был тогда в нашей красивой сельской церкви, и я тогда впервые узнала, что девочкам не разрешается подходить к алтарю. Мы там всё изучали, повсюду совали нос, интересно было. Музей у нас есть и сейчас, но только, конечно, уже не в церкви. Даже в наши дни люди находят в огородах или в поле старые монеты и даже сокровища. Ведь оползень все ещё идет прямо через село.

С материнской стороны у меня семейные предания вроде бы более глубокие, хотя моими «корнями» их все же не назовешь.

Моего дедушку, Василия Коробчану, очень уважали в его селе. Он был бригадиром, потом прорабом и не крал совсем. Был очень честный, царство ему небесное. Ему уже было 70 лет, а его еще просили поработать, и он работал. Он был ветераном войны и труда, у него было много медалей, и фронтовых тоже. И вот однажды попадает мой дедушка Василе Коробчану в больницу. А вокруг него такая суета, все о нем заботятся. И какая-то медсестра спрашивает его: «А правда, что вы родня Анатолия Коробчану?» А дедушка уверенно ответил: «Конечно». Когда я эту историю услышала, я решила, что тот Коробчану, наверно, очень хороший доктор был, только позже я узнала, что он был в 1960-е годы вице-председателем Совета министров Молдавской ССР и имел боль-

шой авторитет, кому-то показалось, что даже слишком большой, и его убрали с высоких должностей, умер он в 54 года. Наверно, дедушка хотел, чтобы его лучше лечили, вот он и сказал, что тот ему родня. Когда я его потом в лоб спросила: правда это или нет, отвечай, он не ответил, что-то пробубнил невнятное. Я знала, что они всегда были довольно богатыми, и спрашивала, а почему их не депортировали в 1940-е, но ни он, ни бабушка не ответили мне. Может быть, всё быстро отдали в колхоз. Много наших родственников бежало в Румынию, а то и еще подальше. Маму дедушки звали Олимпиада Калмыш (румыны говорят: Кэлмаш). Про нее у нас родители рассказывали. Про Калмышей я кое-что нашла. Это были очень богатые помещики (свои поместья они тоже имели в центральной Бессарабии, даже в городе Оргееве). В XVIII в., когда Молдавским княжеством управляли греческие фанариоты, один из них, сменив фамилию на эллинский лад, становится господаром Молдавского княжества. От него пошла известная династия Каллимаки, которая дала несколько правителей Молдавии.

Потом я нашла еще одного интересного Калмышу, этот жил уже позже, когда Бессарабия была русской губернией, т.е. после 1812 г. Один достойный и богатый человек из рода Калмышей (тоже из центральной части нашей провинции) едет учиться в Польшу, там он тоже меняет фамилию, возвращается оттуда как Калмышцкий (или Калмуцкий). Этот Василий Калмуцкий родился в 1823 г., а умер в 1888 г. в Ницце. Если верить источникам, он помогал строить больницу, приют в Кишиневе, другие

подобного рода здания. Поставил условия своему сыну Егору: если тот останется без потомства, должен будет все поместья завещать земству, а в одном из поместий построить сельскохозяйственное училище. И кроме того, помочь детям-сиротам. В 1912 г. этот Егор совершает самоубийство. Это я знаю уже по литературе. Про это в нашей семье никто не знал.

А вот другую свою прабабушку я хорошо помню. Мы ее звали «бабушкой Машей». Она была женой Некулая Буду. Его убили во время войны вроде бы за помощь партизанам. Мне не понятно, что там были за партизаны, там лес вообще очень далеко от тех мест, деталей я не знаю. Знаю лишь, что Некулай Буду был известным коммерсантом, а не помещиком. Он торговал успешно и имел тесные связи с коммерсантами-евреями (в нашей семье это считалось знаком того, что он был важным и серьезным купцом). Когда я входила в дом прабабушки, то чувствовала себя как в музее: росписи на стенах. Помню облака, ангелов, всё на фоне голубого цвета. Мне казалось это странным. Она была старенькой, за 90 лет, маленькой, но очень красивой. У прабабушки Маши в доме были ожерелья, много серебра и золотые браслеты. Мама их помнит, но после смерти прабабушки все куда-то исчезло. Ее дочь, мою бабушку, звали Анастасия Буду. От нее остались фотографии, где она и ее сестры были одеты как настоящие барыни. Добрейшее сердце у нее было, верующая, но про свою семью мало говорила. Так получилось, что от голода особенно не страдали — ни в семье отца, ни в семье матери. Меня разговоры

об этом в детстве не очень интересовали, но я чувствовала, что воспитание у моей матери какое-то особенное. А в те времена, когда я росла, богатством вообще не было принято кичиться, особенно при детях. До падения коммунизма я не знала даже, что я крещена и что мои сверстники были тайно крещены. Меня крестили у бабушки Насти дома, в одном деревянном корыте. Тогда в корытах стирали. Конечно, в том корыте, где меня крестили, больше не стирали, его бережно хранили и потом мне показали, как музейную реликвию.

А. С. Вам было 13–14 лет, когда в вашем родном крае начались бурные политические перемены конца 1980-х. Ваш соотечественник, родившийся в Советской Молдавии, но давно живущий в Румынии писатель Василе Ерну написал книгу «Рожденный в СССР», в которой интересно, не без чувства ностальгии, размышляет о советском проекте. Книга была переведена и на русский язык. Между тем в Румынии она была воспринята как определенный вызов национальным ценностям, книга задела за живое даже одного из «властителей умов», ныне покойного академика-историка Флорина Константиу, он откликнулся на нее неравнодушно заметками.

Еще один ваш земляк, историк и видный политик (а в молодости известный спортсмен, вице-чемпион Европы по боксу) Октавиан Цику посвятил одну из книг своей бабушке, предварив ее примерно следующим эпиграфом: «Посвящаю памяти своей бабушки (имя и фамилия), благодаря которой я все-таки не стал Homo Sovieticus Moldavicus». Вы то-

же родились, хотя немногим позже Ерну или Цику, в обычной советской семье, и ваши родители, советские учителя, получили в октябре 1975 г. в советском ЗАГСе метрику о лучезарном появлении на свет нового советского гражданина, Коробки Лилианы Васильевны. Вы учились в советской школе. А какой след оставила в вашей памяти советская эпоха? Каков ее образ, с чем прежде всего она ассоциируется в вашем сознании? Насколько глубоко сидит в вас ощущение этой «советскости» — независимо от того, вызывает ли это в вас некие ностальгические чувства или, напротив, чувство отторжения и преодоления? И насколько плавно происходил в вашей душе процесс осознания себя румынкой, формирования в вас румынской идентичности, испытывали ли вы когда-нибудь конфликт или хотя бы напряженность между этой формировавшейся в вас в 1990-е гг. румынской идентичностью и советским background'ом? Конфликт, который вам приходилось в себе преодолевать.

Л. К. Память у меня была очень хорошая. С раннего детства мама заставляла меня стихи наизусть выучить...

А. С. Да уж знаю, видел, как вы «синхроните» на румынский с русского...

Л. К. Быстро все учила, была круглой отличницей, только пятерки, а потом (по новой системе) «десятки». Много читала и чуть не с раннего детства уже знала, что буду романы писать. Пробовала любовный роман написать, осталась недовольной резуль-

татом и поняла, что нужен жизненный опыт, и решила ждать и читать. Коммунистов у нас в семье не было, политика не обсуждалась. Мама была моим классным руководителем, а я руководила пионерским отрядом имени Юрия Гагарина (просто мама физиком была и астрономию тоже преподавала, а потому отряды называла в честь космонавтов). Она меня ставила руководить пионерами, чтобы я научилась говорить перед публикой, и я научилась. Моя «советская эпоха» совпадает с моим счастливым детством. Кабинет физики моей матери был оборудован фантастической лабораторией, там было искрообразующее устройство, а еще был огромный лунный шар, большой телескоп и много чего очень интересного. Иногда мама давала мне ключи, и я проводила там волшебные моменты жизни... Все мои приятели завидовали мне. Но свою «советскость» я вдруг почувствовала в себе очень поздно, во время одной стипендии в Германии. Там я вообще много по-русски говорила, раньше негде и не с кем было. К прошлому своему я совершенно спокойно отношусь, при этом «ностальгик» из меня неважный, «бои отторжения» с собой не веду. Преодолевать кое-что приходилось, но очень мирно, даже слишком.

Я прекрасно помню, чего я ждала в бурные перемены конца 1980-х. Я жила в красивой тихой деревне, каждый вечер выходила, на небо пристально смотрела и ждала инопланетян. И сейчас на них обижена, что никакого знака мне не дали. Могли же мигать мне как-то, светить, хотя бы один раз! Я даже дебютировала в прессе повестью «Космеллауза», там любовная история между

девочкой с другой планеты и прилежным, чувствительным пионером.

Что касается «румынской идентичности», я про Румынию тогда мало что знала, но раз оказалось, что наши любимейшие с детства писатели Эминеску и Крянгэ — стопроцентные румыны, значит, мы тоже румыны. Для меня это было и в некоторой степени осталось чистой, если можно так сказать, конвенцией. То есть остался тот же человек, что был, просто название у него уже другое. Зачем мне или ему что-то менять, если он уже от рождения по культуре — румын, да и что именно менять? Я все просто для себя решила. Признаюсь, внутренних конфликтов у меня не было. Да, думаю, у меня и времени для этого не было. Поступила в Кишиневе в университет, ужасно много училась, некогда было задавать себе такие вопросы. Я знаю книги Василия Ерну и Октавиана Цыку. Эта тематика идентичности была модной и денежной (т.е. стипендии давали на это). Людей интересовало, насколько молдаване чувствуют себя румынами, иногда в этом был, да и есть политический интерес. Строили там теории разные, как и саму проблему идентичности выстраивали. А в моей жизни — это второстепенный вопрос. В Румынии я видела, что я не как все, что у румын своя история и свой особенный «background». Хотела их понять, знать историю, литературу. Но быть как они, как все, мне незачем. При всей скромности моей особы, скажу, что вокруг меня другие ничем особенным не блистали, да и от моего идеала совершенства были очень далеки, так что я совсем не страдала от чувства неполноценности. По мо-

ей логике, они должны были мне подражать, а не я им. Очень много общалась с людьми из самых разных стран и видела, что с русскоговорящими (из стран бывшего Союза) у меня строится особый разговор. Это все интересно с научной точки зрения, но это не моя тема. Пока что.

А.С. Университет вы окончили в Кишиневе. Однако свою диссертацию, посвященную проблемам цензуры, вы писали уже в Румынии и защитили ее в Бухарестском университете. Запомнился ли вам ваш первый приезд в Румынию? Понятно, что вы воспитаны с детства на той же литературной классике, общей для румын и бессарабских молдаван (это трудно было отрицать и в советское время, так, Михай Эминеску считался и румынским, и молдавским великим поэтом). А было ли у вас приезде в Румынию ощущение того, что это часть вашей родины, может быть, исторической родины? И насколько плавно, легко и безболезненно происходил процесс вашей адаптации, интеграции именно в румынскую университетско-академическую среду, а потом и в литературную жизнь? Не сохранилось ли в среде румынской интеллигенции некоторое предубеждение в отношении бессарабских молдаван как своего рода «румын второго сорта», не обладающих подлинной и глубокой румынской — опять употребим это давно заезженное слово — идентичностью из-за того, что после вхождения края в 1812 г. в состав Российской империи они оказались под очень сильным влиянием русской культуры? Не испытали ли вы на себе такого отношения?

Л. К. Я еще студенткой была, и мы посетили город Яссы, первая короткая экскурсия. В художественном музее были. А там картина великого румынского художника Николае Григореску, быки с телегой, сельский пейзаж. Я бы быстро мимо прошла, но одна из наших коллег странно вела себя перед картиной, ходила туда-сюда, то направо, то налево. Мы ее спрашиваем, в чем дело, а она удивленным тоном: «Эти быки смотрят на нас как Ленин! Прямо в глаза и со всех сторон!» Это было уже в 1994 г., но нашего Ленина мы хорошо помнили, ведь у нас в школе стоял трехметровый Ильич и строго смотрел на нас, наверняка все знал про всех и т.д. Григореску раньше своих быков нарисовал, а то у нас наверняка его запрещали бы.

Какая цензура? Диссертация моя была филологическая, про румынский роман межвоенного периода, это был золотой век румынской прозы. Чисто литературоведческая тема. Потом, когда взяли в Институт Румынской академии наук, оказалось, что там не было специального отдела, занимавшегося именно межвоенным периодом, так что меня распределили заниматься румынской литературой послевоенного изгнания. А вот это уже не только литература, ведь уезжали на Запад по политическим мотивам. Интересно было и много было работы, но в 2006 г. отдел был расформирован, закрыт, и мне предлагали найти себе какую-то новую тему. А между тем я много работала в архиве и мечтала найти какой-нибудь незнакомый литературный шедевр. Так я начала изучать фонд цензуры. Шедевр так и не нашла, проект не был одобрен, но материал оказал-

ся увлекательным, важным, и я продолжала его изучать.

Что касается «исторической родины», не помню, у меня, наверное, с таким понятием проблемы. Ну да, при первом приезде я, наверное, именно так хотела все ощущать. Но Бухарест был чужой для меня город, в аспирантуре не соприкасаешься с коллегами, работаешь в одиночестве. Я должна была догонять моих румынских сверстников, много работать. Вернуться обратно в Молдову не хотела. В Румынии я говорила на своем родном, материнском языке, и это был самый главный для меня аргумент — того, что я у себя дома. Полной интеграции и адаптации у меня никогда не было и не будет. Я против этого, как писатель, как личность. Язык мой румынский, на нем говорю, я православная по религии, как и все румыны, трудолюбивая, вежливая, по-моему, этого более чем достаточно. Ну и какие ко мне, казалось бы, могут быть замечания? Что? Если за работу тяжелую берешься, так пожалуйста, а если премии и деньги, то только нашим? Несколько лет тому назад румыны позволяли себе упрекнуть молдован, что, дескать, если вам что-то тут не нравится, так возвращайтесь в свою любимую страну. А теперь, с такой миграцией и нехваткой рабочей силы, такое больше не услышишь. Да, конечно, вьетнамцы приехали работать, но братьями они быстро не станут. В моей среде есть конкуренция, как и везде; откуда ты пришел — не так уж и важно, раз пишешь ты очень хорошо. Предубеждение относительно «румын второго сорта», наверное, есть, но такой опыт у молдаван в их истории, как я думаю, уже был, если иметь в виду это ощущение

своей второсортности в разные времена — при русской ли власти, при румынской... А вообще про нас мнения разделяются, одни считают, что мы русские, которые говорят по-румынски, другие — что мы «румынистее», чем сами румыны. Но при этом ни те, ни другие зачастую толком не знают, а что в Бессарабии, в ее истории в реальности происходило. Меня тоже «русской» прозвали, а иногда, с большой осторожностью, спрашивают, не являюсь ли я еврейкой, из-за моего очень интеллектуального носа, наверное. Но я не то и не другое. Кстати, наши молдаванки в недалеком прошлом иногда претендовали на то, чтобы их считали русскими. Чтoб поскорее замуж выйти. Спрос был такой. Ведь какую-то «второстепенную» неинтересно взять себе в жены, вот девицы и сориентировались.

А. С. Да, времена меняются... Много было в нашей и вашей истории. Была Бессарабская губерния, был и Советский Союз. Времена, власти, нравы — все это действительно меняется. Но что-то остается. Вы довольно хорошо знаете русскую культуру, особенно литературу. Мне запомнился ваш рассказ о том, что одним из ярких впечатлений школьных лет для вас стало посещение в группе молдавских школьников Ленинграда. А поддерживаете ли вы сейчас связи с российскими коллегами? И насколько внимательно следите за современной русской литературой и в том числе за отражением в ней советской эпохи, ставшей уже историей?

Л. К. Да, такие экскурсии были. Первая — в Ригу, «дом Штирлица» нам показали, помню то окно из филь-

ма «17 мгновений весны», где если есть цветы, это значит опасность, не входить. Мы фотографировались там. Цветов в окне не было. Потом Ленинград, две недели! «Девятый вал» Айвазовского до сих пор остался в моем сердце. Потом Минск, Краснодар. Вот Москву не видела, но должна была. В детстве много по-русски читала. Не люблю читать переводы с русского.

А. С. Знаю. Вот в вашей библиотеке на русском Водолазкин, Улицкая, многие. Прочитано в оригинале.

Л. К. Классиков много, современных мало. Моим русским языком я очень горжусь, отвечаю на вопросы без перевода. Вообще языки очень люблю. Но времени совсем нет для более тесных связей. Коллеги бывали здесь, общались. Но чтобы внимательно следить за чем-то — надо иметь какую-то цель. У меня ее сейчас нет. Надеюсь когда-нибудь перевести что-то с русского, наверное, когда на пенсии буду. Современные фильмы иногда смотрю, в том числе меня интересует отражение в них советской эпохи. Часто это выходит упрощенно, как-то по-пропагандистски, большие советские режиссеры смотрят и плачут, наверняка.

А. С. Перейдем теперь к разговору о событиях румынской истории, а точнее исторической памяти. Какое место, на ваш взгляд, занимает в румынской исторической памяти 1812 г. и насколько сильна в сознании румынской интеллигенции ностальгия по Бессарабии?

Л. К. Если бы был проведен опрос общественного мнения, больше было бы ностальгии по Чаушеску, чем

по Бессарабии. Это была запрещенная тема при коммунизме. И в Молдавии, и в Румынии тема Бессарабии была табу для широкой публики, а иногда и для специалистов. В Румынии была запрещена даже книга о винах, где имелась глава о прекрасных бессарабских винах. Да и теперь редко на первой странице что-то об этом говорится. А если кто-то оттуда и пользуется успехом, то это наверняка какая-нибудь красивенькая певица, которая ничего в политических делах не смыслит. Но иногда, конечно, можно услышать как бы сильный аргумент — о том, что у нас все хорошо и все идет «по плану». А план заключается в том, чтобы ждать. Вот праздновали недавно создание Великой Румынии, столетие унии 1918 г. А про 1812 г. мало слышала. По-моему, «ностальгия по Бессарабии» — это вообще слишком сильно сказано. *Нет такой буквы* (как выразился бы ваш земляк на «Поле чудес»), к сожалению. Я бы так сказала. Чтоб такое иметь, надо знать, что эта за страна. Те, которые знали, давно умерли, а эти новые прагматичные люди, у них есть только интерес, а совсем не ностальгия.

А. С. В прошедшем году у вас отмечалось 160-летие объединения Молдавского и Валашского княжеств, что привело к образованию единого румынского государства. В какой мере в умах современной румынской интеллигенции присутствует осознание своей принадлежности к молдавской, валашской и трансильванской культурным традициям? (Говорю прежде всего про культурные традиции, ведь с государственными традициями дело обстоит чуть сложнее, трансильван-

скую государственную традицию нельзя считать в полной мере румынской.) Как уживаются сегодня в вашем сознании румынская и молдавская — опять употреблю это бывшее оскмину слово — идентичность? И насколько сильно в вас как в писателе ощущение своей принадлежности не только к румынской культуре, но именно к той части румынской культурной, литературной традиции, которая развивалась в Молдавском княжестве и дала немало замечательных имен, включая М. Эминеску, И. Крянгэ?

Л. К. И это осознание в себе тоже воспитывается, меняется, развивается. Ну, например, румынские молдаване считают, что государство не инвестирует в эту часть страны, не вкладывает достаточно средств для развития, как в случае с другими регионами. Не знаю, так ли это, но есть действительно регионы беднее, есть и разные предубеждения. Так и советские власти вкладывали и развивали промышленность прежде всего в Приднестровье, а уже потом во всей Советской Молдавии... По-моему, в умах современной румынской интеллигенции осознание своей принадлежности к тому или иному — не такая уж важная проблема, особенно если учесть, что большая часть ее находится в Бухаресте. А те, кто не здесь, они тем более не хотят показаться провинциалами и не настаивают на принадлежности к той или иной традиции.

В моем великодушном сознании есть место для всех моих многочисленных идентичностей. На самом деле мне никогда не приходилось выбирать между румынской и молдавской

идентичностью. В Молдове я родилась. В Румынии я живу. Там дом, здесь дом. В литературном плане я не ощущаю себя как-то связанной традицией, которая развивалась в Молдавском княжестве. Да, в моих романах есть кое-какие «молдавские», специфические слова, Крянгэ я особенно обожала в детстве, но если мой главный герой в романе «Тетрадь цензора» — бухарестский цензор, то этого больше нет. Я даже Дмитрия Кантемира интенсивно читала, но ни с кем себя не связываю и не особенно люблю, чтоб другие это делали за мой счет. Но если мои книги румынским критикам нравятся, то они мне говорят, что я иду по линии традиции Чехова. Вот настоящий комплимент!

А. С. Память о Холокосте и насилиях над евреями во времена режима Антонеску в период Второй мировой войны присутствует сегодня только в сознании выходцев из румынского еврейства? А в румынской среде насколько сильно чувство вины? Иными словами, Холокост воспринимается как исключительно еврейская трагедия или одновременно и как румынская?

Л. К. Несколько лет тому назад меня пригласили участвовать в румынском проекте по преподаванию новейшей истории в школе. Я подготовила короткий материал про учебники истории в России. Это было после 2014 г., когда в России интенсивно обсуждался концепт о «едином учебнике истории». В то же время в Интернете стали доступны десятки учебников, которые можно было бесплатно скачать. Есть и целые книги о том, каким должен быть учебник

(Багдасарян В.Э. и др. Школьный учебник истории и государственная политика. 2009), где авторы приводят примеры других стран, например, в Японии учебник истории должен «укреплять патриотизм», а в американских учебниках не найдешь информации про то, «что отцы-основатели США почти все были рабовладельцами», «что американские банкиры финансировали национал-социалистов» и что «проживающие на тихоокеанском побережье Америки японцы подверглись во время Второй мировой войны массовой депортации» и т.д. (<http://rusrand.ru/analytics/krizis-prepodavanija-istorii>). Я к чему клоню: «чувство вины» — это и политическая, государственная проблема. Первый раз, когда я слышала о Холокосте, это звучало в контексте: нет, это не мы, такие ужасы у нас не совершались (это было в конце 1990-х гг.). А в последние годы ситуация, по-моему, изменилась. Об этом больше говорят, пишут. Евреев в Румынии осталось немного, и об этой трагедии говорят и румыны, конечно. Фильмы есть, в новых учебниках об этом упоминается.

А. С. Мне приходилось видеть хорошие румынские фильмы на эту тему, даже художественные. Есть у вас и институт, занимающийся проблемой Холокоста. Еще один вопрос. Наш журнал брал интервью у историка Иоана-Аурела Попа, президента Румынской академии, многолетнего ректора Клужского университета. В ходе беседы с И.-А. Попом ему был задан вопрос и о его полемике с другим видным румынским историком, Лучианом Бойя. Как говорил Поп, «после коммунистического режима,

который был в Румынии в недавний период, после националистического коммунизма Чаушеску, возникла потребность в равновесии. Но мне не нравится, когда вместо равновесия мы приходим к новому перекоосу. Я считаю, что мы можем подчеркивать наши поражения, наши провалы в истории, но все же Румыния существует, и нужно показывать и наши успехи, радости, победы, наряду с плохими вещами». Трудно с этим спорить, вопрос лишь в том, как соотносятся в истории Румынии и румынской культуры Восток и Запад, внимание к национальному своеобразию и выявлению исконных национальных корней, а с другой стороны, подчеркивание плодотворных внешних влияний и признание значимости принадлежности вашей нации и культуры к романскому, латинскому миру. Вы много ездите по Европе, ваши романы переводятся на западные языки. Как соотносятся в вас осознание себя румынкой и чувство принадлежности как к латинскому (романскому) миру, так и к европейской общности в ее широком понимании?

Л. К. Чтоб в ответ на такой вопросище не писать целый роман, могу кратко сослаться на свой опыт, я особенно много ездила в Германию и Австрию. Знаю, как там читают и уважают писателей, как деньги дают, чтоб они свои книги писали. И проекты по цензуре финансировали. Считаю, что латинского темперамента во мне не так много, а когда я встречаюсь с коллегами из разных стран, то чувствую себя европейкой, конечно. Только с румынского мало переводчиков, есть страны, где вообще ни одного переводчика нету

(Дания, например), а во многих других с давних времен остался один пенсионер, который в свободное время иногда переводит с румынского. Я люблю Румынию, видела другие части Европы, здесь тоже ничего, мне не хотелось бы покидать эту страну. Румыния, как и Молдова — части Европы. И здесь так интересно жить, иногда аж дух захватывает!

А. С. Событием литературной жизни в Румынии стал ваш роман «Киндерланд», он удостоивался литературных премий, переводился на иностранные языки. Есть и другие ваши художественные произведения. Вот вы пишете о судьбах детей трудовых мигрантов из Молдовы, чьи родители на долгие месяцы уезжают за рубеж на заработки. Вот типичная коллизия вашей прозы: 12-летняя девочка, которая заботится о двух своих младших братьях, в то время как их бабушка лежит при смерти. В Молдавии ведь есть неписанный закон: летом родители, которые работают за границей, как правило, приезжают к своим семьям, детям, в свои села. В книге описывается особая ситуация: родители знают, что бабушка умирает, а так как два раза в год приехать домой не могут, то ждут, когда это случится... У вас болит душа за земляков. Вопрос прямой: есть ли у вашей родины, Республики Молдова шанс стать одним из цветущих уголков Восточной Европы?

Л. К. Шанс есть наверняка, и мечтать не вредно. Но, при всей моей богатой фантазии, я вообще Европу очень цветущей не вижу в недалеком будущем.

А. С. Держу в руках толстый исторический труд под вашей редакцией о разных сторонах жизни советской Молдавии. А каковы ваши научно-исследовательские планы на обозримое будущее?

Л. К. Недавно закончила романтическую биографию об Эжене Ионеско, моя дипломная работа в университете была именно о нем. Много новых документов читала, надеюсь, читателям это интересно будет. Это было приглашение от престижного румынского издательства «Полиром», у них новая биографическая серия открылась. Ну а кроме этого,

как только закончила «Панораму коммунизма в Советской Молдавии», начала мечтать о «Панораме коммунизма в Румынии», по той же схеме. Мечтательный период быстро закончился, и сделала проект, нашла авторов, новая схема давно готова, половина авторов уже свои тексты прислали, прекрасные тексты, настоящий шедевр будет, если, конечно, никто не помешает. Много работы, но и радости много.

А. С. Что же, мы тоже внимательно прочитаем и дадим свой отзыв в журнале ИЭ. Больше спасибо вам за интервью.

"IN MY GENEROUS MIND THERE IS ROOM FOR ALL MY NUMEROUS IDENTITIES". INTERVIEW WITH L. COROBCA

Corobca Liliana – doctor of Philology, prose writer, Bucharest (Romania)

Key words: history of Bessarabia, history of Soviet Moldova, family memory, local memory, national identity, Romanian culture, Russian-Romanian relations and cultural ties.

Abstract. A Romanian writer of Moldavian descent (at the same time a professional researcher) Liliana Corobca talks about her family roots, about her childhood spent in the USSR, about the difficult process of adaptation to the literary and cultural life of Romania.

«ВОСПРИЯТИЕ СЕРБИИ В МИРЕ КАК “МАЛОЙ РОССИИ” ВО МНОГОМ ОПРЕДЕЛЯЕТ НАШУ СУДЬБУ».

Интервью с М. Белаяцем*

Ключевые слова: Сербия, Косово, Югославия, международные отношения на Балканах, сербско-российские отношения, монархия Габсбургов, истоки Первой мировой войны.

Аннотация. Авторитетный специалист по югославской военной проблематике директор Института новейшей истории Сербии Миле Белаяц рассуждает о том, как те или иные сюжеты сербской истории сегодня у него на родине воспринимаются широкими общественными кругами и профессиональными историками. Говоря о последних, собеседник ИЭ противопоставляет приверженцев ответственного научного подхода тем, кто руководствуется «веяниями времени», «национальными интересами» и иными псевдоэтическими соображениями. Кроме того, рассматривается настоящее и прошлое отношений сербов с соседями по Балканскому полуострову — албанцами, хорватами, Оттоманской и Габсбургской империями, а также с Россией.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-107-120

На вопросы ИЭ отвечает Миле Белаяц, директор белградского Института новейшей истории Сербии. Его фундаментальные монографии посвящены истории югославской армии как во времена Королевства СХС / Югославии в межвоенную эпоху, так и в период правления Й. Броза Тито: *Vojska Kraljevine SHS/Jugoslavije 1923–1935*, Institut za noviju istoriju Srbije, Beograd 1994 (Армия Королевства СХС); *Jugoslovensko iskustvo sa multietničkom armijom 1918–1991*, UDI, Beograd, 1999 (Опыт мультиэтничности в Югославской армии, 1918–1991); *Generali i admirali*

Kraljevine Jugoslavije (1918–1941), INIS, Beograd 2004 (Генералы и адмиралы Королевства Югославия); *Diplomatija i vojska, Srbija i Jugoslavija 1901–1999*, Beograd 2010 (Дипломатия и армия в Сербии и Югославии 1901–1999). Большой резонанс имела его полемическая книга о предпосылках развязывания Первой мировой войны и роли сербского фактора: *1914–2014: Zašto revizija? Stare i nove kontroverze o uzrocima Prvog svetskog rata, Odbrana*, Beograd 2014 (В русском переводе — *Белаяц М. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015*).

Беседовал и перевел беседу с сербского на русский язык А. А. Силкин.

А. С. Поговорим для начала о средневековой сербской государственности, довольно мощной вплоть до прихода турок и распространявшей свое влияние на те территории, над которыми Сербия к настоящему времени утратила контроль. Насколько сильна в современном сербском обществе ностальгия по землям, утраченным в ходе последующего исторического развития? Каково место этих земель в национальной исторической памяти? И каково значение для сербской национальной культуры тех памятников, которые остались на территории Старой Сербии, т. е. Косова и Метохии, части Санджака, Вардарской Македонии и т. д.?

М. Б. Косово и косовский миф сыграли важнейшую роль в формировании сербской национальной идентичности. На протяжении более 800 лет он представлял своего рода вертикаль, позволявшую сербам осознавать принадлежность свою и окружающих к единой общности. Некоторые хотят представить косовский миф как конструкцию. Он действительно является конструкцией, которая возникла после Косовской битвы усилиями сербской православной церкви, сознательно формировавшей культ князя Лазаря. Благодаря церкви сербскому народу удалось сохранить себя, уцелеть. Со временем этот культ стал частью народного наследия. Что касается отношения современного сербского общества, то, отвечая на ваш вопрос, я могу оттакаиваться от того, что думаю я сам, мои друзья, окружение и некоторые публичные персоны. В конце концов,

имеет место некий внутренний диалог, в котором участвует интеллигенция, профессура, историки, юристы, экономисты и т. д. Я лично присутствовал на одном круглом столе, 90% участников которого согласились с тем, что невозможно признать, смириться с оккупацией этой части государственной территории. Потому что она представляет собой нарушение международного права, прежде всего, Хельсинкской декларации 1975 г. Поэтому большая часть граждан современной Сербии, граждан Европы, а также европейских и даже американских интеллектуалов полагают, что имело место военное преступление. Вопреки позиции ООН, на основании доктрины о гуманитарной интервенции осуществлена оккупация части югославской территории, чему предшествовал ряд политических махинаций. Поэтому мы не считаем, что эти земли окончательно утрачены. Границы на Балканах часто менялись в результате как войн, так и мирных соглашений... Официальная позиция Сербии и ее общественное мнение не соглашаются с изъятием Косова из нашего государства. Вопрос статуса Косова внутри Сербии, например, как некоей федеративной единицы, на сегодня можно считать открытым. Интересно, что старшие поколения историков, а также историк Славенко Терзич (до недавнего времени посол Республики Сербия в РФ) на основании турецких и российских архивных документов установили, что христиане-сербы составляли большинство населения Косова вплоть до 1896 г. Доля мусульман в населении увеличилась в течение отрезка времени

от 1896 г. до начала Балканских войн 1912–1913 гг. Говоря о мусульманах, мы имеем в виду и албанцев, и турок. При этом процент албанцев в совокупной массе мусульман растет. Интересно и то, что после войн 1878 г. славянское население подвергается все более активному давлению, имеющему целью их албанизацию. Географ и антрополог Йован Цвиич использует термин «арнауташи» для обозначения таких албанизированных сербов. Это не его изобретение, а имя, которым тогдашние сербы называли своих земляков, поддавшихся указанному давлению. Только в период социализма албанское население стало доминирующим. Обращаю ваше внимание, что в 1961 г. состоялась последняя перепись населения Косово, осуществленная под контролем государства. Перепись 1971 г. проведена полностью под контролем местных албанских органов власти. И ее результаты демонстрируют полное исчезновение турецкого национального меньшинства и 50-процентный рост, по сравнению с 1961 г., албанской популяции Косова и Метохии (КиМ). Тут, очевидно, что-то не в порядке. В 1981 г. впервые происходит открытый вооруженный мятеж, который государственные органы, к сожалению, обозвали «контрреволюцией» вместо того, чтобы использовать адекватное определение — вооруженный мятеж, имевший целью отделение территории и поставивший под угрозу права сербско-черногорского национального меньшинства, проживавшего в КиМ. Напоминаю, что после 1999 г. осуществлена этническая чистка в отношении цыган КиМ. Итак, для сербов, где бы они ни жили, Косово имеет то же значение,

что и Иерусалим, храмовая гора — для евреев, рассеянных по всему миру. Для каждого, кто считает себя сербом, неразрывна связь с Косово, безотносительно того, каков его сегодняшней статус. В конце концов, оно 500 лет находилось под «эффективным турецким управлением».

А. С. К числу культовых дат сербской национальной истории относятся 1804–1815 гг., эпоха восстаний. Какие факторы позволили сербам сохранять свою идентичность на протяжении трех с половиной столетий османского господства и первыми из балканских народов в XIX в. встать на борьбу за восстановление государственности?

М. Б. Активизацию сербского фактора и начало восстания обусловили как внутренние, так и внешние обстоятельства. Уже в конце XVIII в. сербы в пределах Османской империи располагали, особенно в приграничных районах, известной автономией. Что самое важное, в центральной Сербии на низшем уровне существовало местное самоуправление, а именно, территориальные единицы «кнежины», во главе которых стояли «кнезы». Сербь, будучи христианами, в рамках турецкой административной системы были обязаны сами собирать и отправлять в казну налоги и подати, что в определенной мере защищало их от местных турецких властей. Естественно, так было не все время. Одним из факторов послужило и то обстоятельство, что старое сербское население, проживавшее в сегодняшней Македонии, под давлением турок постепенно переселялось на северо-запад. В результате западное Поморавье опустело. После

тех войн население Старой Сербии бежало в Австрию — в западную Славонию, в которой сербы жили до 1995 г. С собой переселенцы уносили деревянные церкви, иконостасы, даже названия сел. В старых местах проживания оставались могилы и фундаменты церквей, как свидетельства сербского присутствия. Даже албанцы в Западной Македонии и на Косово до последнего времени их не трогали, потому что существовало поверие, что нельзя разрушать кладбище или перемещать церковный порог. Впоследствии эти уцелевшие материальные памятники позволили Цвиичу и другим археологам и этнологам реконструировать, как происходила албанская колонизация этих территорий. Таким образом, в Сербии накануне восстания происходил двусторонний процесс. С одной стороны, население уходит, с другой — заселяются выходцы из тех районов Османской империи, где условия были еще тяжелей, — из Черногории и Герцеговины. Западное Поморавье накрыла волна переселенцев, генотип которых заметно отличался от прежних жителей этой области. Так на просторах Старой Сербии появился динарский элемент, пришедший на смену тем, кто эмигрировал в современные Банат, Бачку, Баранью, южную Венгрию. Возвращаясь к вашему вопросу — почему именно здесь происходит восстание, — отмечу, что лишение сербского населения даже тех минимальных прав, которыми оно располагало, возвращение к устаревшей практике, особенно в Белградском пашалыке, которое инициировали мятежные по отношению к султану главари янычар (аги), — все это привело к спонтанному взрыву. Напомню, что сначала

Первое сербское восстание (1804 г.) пользовалось молчаливой поддержкой со стороны турецкой верховной власти, которая была заинтересована в поражении этих узурпаторов, лишивших сербскую райю тех прав, которые были санкционированы изданными султаном фирманами. В то же время сербское национально-освободительное движение совпало с некоторыми процессами, протекавшими в Европе в то время. Действительно, Первое сербское восстание некоторое время происходило параллельно с наполеоновскими войнами и с русско-турецкими войнами. А именно до вторжения Наполеона в Россию, когда русская армия вынуждена уйти с Балкан, что и послужило главной причиной поражения сербских повстанцев в 1813 г. Только когда международные обстоятельства снова поменялись и Наполеон был разгромлен, Россия смогла вернуться в регион, чтобы оказывать давление на Порту, вынуждая ее к уступкам. Не будь этого давления, не произошло бы Второго сербского восстания во главе с князем Милошем Обреновичем. Таким образом, все эти изменения статуса Сербии — от васального княжества до княжества независимого (1878 г.) — следствие как восстаний и войн, которые вели сами сербы против Порты, так и вмешательства великих держав. Долгое время Россия выступала в роли защитницы, гаранта прав Сербии.

А. С. Если я вас правильно понял, то обстоятельство, что сербы жили на периферии Османской империи и располагали вторым центром собирания и развития сербской нации, располагавшимся на территории Австрийской империи, позволило

им сохранить собственную идентичность и первыми из балканских народов встать в XIX в. на путь освобождения от власти османов.

М. Б. Да.

А. С. К числу болевых точек сербской национальной истории, бесспорно, относится лето 1914 г. Тезис о сербской ответственности за развязывание Первой мировой войны стал общим местом в определенных западных политических кругах и в западной литературе определенного направления, что отчетливо проявилось в те месяцы, когда отмечалось 100-летие начала войны и во всем мире состоялись десятки международных конференций. В рамках интервью нет места для приведения многочисленных аргументов, опровергающих многие расхожие обвинения. Вопрос более общий: какую позицию должны занять в сложившихся условиях объективные сербские историки, приверженные национальным ценностям и в то же время не склонные к идеализации собственного прошлого? Относительно сараевского покушения 1914 г., какова ваша оценка полемики, развернувшейся вокруг выхода книги Р. Люшича «Принцип» (2014)?

М. Б. Как вам известно, я об этом написал книгу, которая в переводе на русский язык опубликована 4 года назад в московском издательстве «Алгоритм»¹. И в русском варианте, и в 3-м дополненном сербском издании я останавливаюсь на кни-

ге коллеги Р. Люшича. Он не единственный историк, который готов пойти на некий компромисс, дабы сербская историография выглядела более привлекательной или приемлемой в глазах общественности центральноевропейских государств и в целом на Западе. Может, мои слова прозвучат слишком грубо, но, исходя из сорокалетнего опыта работы историком, я смею утверждать, что за несколько месяцев нельзя написать серьезное аналитическое исследование, основываясь лишь на результатах поверхностного ознакомления с темой или на воспоминаниях о том, что когда-то приходилось читать. Тема, о которой мы говорим, требует огромных усилий, способности предпринять компаративистский подход, осмыслить колоссальный массив архивных материалов. Невозможно наспех за 2–3 месяца написать адекватное исследование, руководствуясь лишь представлением о злободневности или желанием пойти навстречу пожеланию покойного немецкого историка Хольма Зюндхаузена, заявившего, что «в сербской историографии еще не появился свой Фриц Фишер». И теперь один из нас позиционирует себя как эдакий доморощенный Фриц Фишер.

Если проследить политику примирения между Францией и Германией, которая начала осуществляться, в том числе и в историографии, в начале 1950-х гг., пережила всплеск в 1980-е гг. и не прекращалась вплоть до столетней годовщины начала войны (2014), можно сделать вывод, что она, эта политика, была в научном

¹ Миле Белаяц. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015.

плане контрпродуктивной, т.е. препятствовала развитию критической историографии. Перед глазами пример Герда Крумайха и Жан-Жака Бекера, которые, во исполнение пожеланий или соглашений Ф. Миттерана и Г. Коля, попытались сформулировать некую франко-немецкую компромиссную позицию, которая не разделяла бы народы. Мы с подобными конструкциями познакомились в Югославии, которая позиционировалась как «страна примирения». И это накладывало отпечаток на интерпретацию прошлого. Однако, как показала история, подобный подход ни к чему хорошему не приводит, если наукой своевременно не определены исходные ориентиры, способствующие формированию у общества зрелого исторического сознания. Другими словами, если отсутствует представление о том, что было на самом деле и с чего начинается путь «примирения». К сожалению, новейшая история демонстрирует, что добрые намерения иногда бывают и контрпродуктивны, не приносят успеха. Неважно — идет ли речь о германо-французских, германо-польских, сербско-австрийских или сербско-хорватских отношениях. В интересах выявления истины всегда предпочтительней иметь критическую, а не компромиссную историографию.

С научной исторической точки зрения несостоятельны попытки как «похоронить» или проигнорировать работы, в которых реконструируется ход событий и действий, послуживших причиной войны, а именно, германско-австро-венгерский фактор, так и силой навязать представление о мнимой симметрии. В духе: все мы,

дескать, одинаково виноваты, или это всё Балканы, из-за которых началась война. Мы в Сербии представляем собой, условно говоря, малую историографию, однако мы не одиноки. По всему миру жили и работали представители школы Фрица Фишера и их последователи, опубликовавшие многочисленные архивные источники, а также собственные монографии и обобщающие работы, на которые могут опереться сербские историки. Говоря о реакции со стороны отечественной науки на попытки ревизии прошлого, нельзя не упомянуть Владимира Дедиера с его книгой «The Road to Sarajevo» (1966), публикация которой была приурочена к 50-летней годовщине начала Первой мировой войны. Уже в то время набирал силу противоположный тренд, приверженцы которого использовали в своих интересах и то, что произошло на Балканах в 1990-е гг. Сербь превратились в париев, в виновников всего плохого, что происходит в Европе. И Балканам снова стало отводиться особое место в интерпретациях европейской истории в целом и мировых войн в частности. Итак, я полагаю, что ревизия причин Первой мировой войны, а также утверждение, будто и первая, и вторая начались исключительно на Балканах, будучи абсолютно непродуктивными и ошибочными, в то же время помогают «отмыть» историческую память в некоторых странах, освободить некоторые большие нации от обременительного чувства вины. Я достаточно внимательно следил за полемикой, связанной с Первой мировой войной, и заметил, что вся эта ревизия сводится к реанимации той аргументации, к которой Германия прибегала в межвоенное вре-

мя и посредством которой позднее оправдывалось начало Второй мировой войны. В реальности Балканы не то место, из-за которого суждено было начаться Первой мировой войне. И не политика Сербии послужила ее причиной. К чему бы Сербия ни стремилась, она в той ситуации была объектом и мишенью. Перспектива возможной войны приводила в страх Сербию, нуждавшуюся в мире и восстановлении после изнурительных Балканских войн (1912–1913). Современная ревизионистская историография вступает в противоречие с собственно австрийскими и чешскими исследованиями, со всеми работами, написанными на основе венских архивов. А они свидетельствуют, как и наша литература, что именно Сербия требовала от своих соплеменников в Боснии и Хорватии вести себя спокойно, всячески пыталась умиротворяюще воздействовать на Австро-Венгрию и установить с ней добрососедские отношения на долгосрочную перспективу.

А. С. Можно много говорить о травматическом для сербов опыте взаимоотношений с хорватами и в 1940-е, и в 1990-е гг., т. е. и на памяти живущих поколений. Есть ли точки примирения в исторической памяти сербов и хорватов, продуктивны ли войны исторической памяти между этими нациями, говорящими на одном языке, и что должно быть предпринято с разных сторон для того, чтобы между двумя соседними странами установились если не добрососедские, то предельно рациональные отношения, основанные на взаимовыгодном экономическом сотрудничестве? С некоторыми модификациями такой же вопрос мог

бы касаться и сербо-болгарских отношений, в которых тоже много травматического опыта.

М. Б. История располагает примерами подобных «точек примирения». Югославия — королевская межвоенная и послевоенная социалистическая — дважды была «страной примирения». На протяжении длительных отрезков времени она демонстрировала, что является устойчивой дееспособной системой. И это соответствовало представлению большей части общества о том, что Югославия может «функционировать». Я — выходец из районов Хорватии, до недавнего прошлого населенных сербами. Как ребенок и позднее как студент и взрослый человек я пожил в нескольких хорватских городах. Исходя из собственного опыта, могу сказать, что главное условие «примирения» — чтобы с младенчества вас не воспитывали в ненависти к другому народу. Моя некогда многочисленная семья сильно пострадала в результате геноцида, которому сербы подверглись в так называемом Независимом государстве Хорватия в 1941–1944 гг. Многие родственники погибли, сражаясь на стороне партизан во главе с Й. Брозом Тито. В моем роду из всех мужчин только мой отец пережил Вторую мировую войну. То, что произошло в 1941 г., представляло собой кульминацию антиюгославской и антисербской пропагандистской войны. В Королевстве Югославия не существовало словенского движения за отделение. Словенцы не обвиняли Белград в гегемонии, тем более в экономической. И каждый в Словении отдавал себе отчет, что государство, в котором они пользуются равноправием,

обеспечивает им экономическое процветание. Ничуть не хуже было положение и в межвоенной Хорватии. В конце 1930-х гг. даже газета Хорватской крестьянской партии призывала крестьян не ездить на сезонные работы во Францию, потому что в Хорватии и поденная плата, и уровень жизни в целом были выше того, на что они могли рассчитывать там. Однако в социалистическое время все это умалчивалось. Доминировали, в том числе в историографии и в учебниках, не подлежавшие критике партийные коммунистические стереотипы, негативные в отношении королевской Югославии. Всякое лько было в строку, если оно способствовало очернению и делегитимизации режима, с которым в межвоенное время боролась компартия. Все это продолжалось до 1980-х гг., когда все это подверглось переоценке. Когда в 1980-е гг. мы приступили к написанию истории Югославии, исходя из иных представлений, консервативные элементы восприняли это как рецидив сербского национализма. Имеется в виду пересмотр догматов о монархической Югославии, о революции и гражданской войне. Однако потенциал для примирения всегда существует. США пережили гражданскую войну, Франция прошла через серию гражданских войн. В 1930-е гг. французы находились на грани гражданской войны, пережили своего рода гражданскую войну во время Второй мировой. И все равно в повестке дня возникал вопрос примирения. Посмотрите на Грецию... Если вы настаиваете на невозможности совместного проживания представителей различных народов и конфессий, как тогда объясните существование Новой Зелан-

дии, Аргентины, США, Канады или другого мультikonфессионального и многонационального государства? Главное условие для примирения: не заниматься бесконечно военной пропагандой, не воспроизводить взаимные стереотипы, не обременять ими сознание поколения, которое не жило во время войны.

А. С. От кого это зависит?

М. Б. От правящих кругов и партий, которые накануне выборов принимают решение — к какому электорату они обращаются. В Хорватии, например, принято угождать одной группе — двумстам тысячам так называемых бранителей (защитников. — А. С.). А многие из них инвалиды, получившие увечья, защищая, как им кажется, Хорватию. Они верят, что Югославия — самое худшее, что случилось с хорватским народом, что сербы хотели истребить хорватов и т. п. Поэтому политики, апеллируя к ним, превозносят усташеский фашистский режим (1941–1945), который и сами немцы во время Второй мировой войны считали самым кровавым.

А. С. Какова роль историков в создании негативных взаимных сербско-хорватских представлений?

М. Б. В период примирения, о котором мы говорили, было просто неприлично воспроизводить некоторые грубые стереотипы в отношении того или иного народа. Однако в 1980-е и тем более в 1990-е гг., когда каждый почувствовал, что вправе использовать сильные выражения и аргументы, оказалось немало таких, кто, как в случае со столетием начала

Первой мировой войны, поспешил насрещать книжку, рассчитанную на массового читателя, — какую-нибудь краткую историю Югославии, Хорватии или Сербии. При этом, как правило, за основу бралась старая литература, откуда черпались стереотипы и предрассудки, снова вошедшие в обиход. Мало кому приходило в голову, что чувствительные исторические темы заслуживают того, чтобы приложить максимум усилий, дабы представить более современное их видение.

А. С. Мы знаем, какое количество сербов проживало в пределах Габсбургской монархии, какую роль в качестве центра национальной культуры играл Нови-Сад и каково было значение Карловацкой митрополии. С другой стороны, монархия оказывала на православных и религиозное, и административное давление... Так было ли попадание части сербского населения под габсбургскую юрисдикцию в начале XVIII в. фактором, способствовавшим в определенной мере общественному прогрессу и развитию национальной культуры? Отношения между двумя фракциями сербского этноса (пречанами, жителями Габсбургской монархии, и сербиянцами) были порой неравными, присутствует ли интерес к габсбургскому наследию в современной Сербии, и как оно оценивается?

М. Б. То население, которое прошло процесс социализации в Австро-Венгерской монархии, давно не существует. Современные жители бывших австро-венгерских территорий, вошедших в состав Югославии и Сербии, в том числе и сербы,

социализировались в условиях социалистической Югославии и современной Сербии. Идеологической базой этого процесса служили школьные программы социалистического и постсоциалистического периода. Кроме того, на территорию Баната, Бачки, Бараньи, Срема после Первой и Второй мировых войн массово переселяется наш динарский элемент, а позднее это пространство захлестнула целая волна беженцев из Герцеговины и Хорватии и т.д. С другой стороны, после 1945 г. подверглось депортации немецкое национальное меньшинство. Что касается венгров, то они под воздействием разных обстоятельств — гражданской войны и экономического кризиса 1990-х гг. — массово пользовались возможностями, предоставляемыми двойным гражданством, т.е. уезжали в Венгрию. Хотя, надо отметить, что многие венгры бежали в Югославию после 1956 г. Поэтому современное население территорий, о которых идет речь, можно назвать плодом новейшего времени. Если говорить об истории сербского населения Австро-Венгрии, то его культурные центры находились в Пеште, Сентендрэ, Вене и Триесте, а также некоторых далматинских городах, в которых сербы жили еще до того, как турецкое завоевание Балкан вызвало массовые миграционные процессы. Разумеется, в Османской империи отсутствовали условия для формирования сербской общественной элиты. Ситуация изменилась только в 1840-е гг., когда состоятельные люди стали отправлять своих сыновей учиться в Европу, и начала развиваться местная система школьного образования. Но таких людей было немного. Напомню, что Досифей

Обрадович стал первым образованным сербом из Австрии, который прибыл в Сербию еще во время Первого сербского восстания. Он не только дал толчок развитию образования, но и привил местному населению новые европейские навыки, как, например, выращивание картофеля. Поэтому, конечно, сербы Османской империи и сербы монархии Габсбургов жили на разных уровнях цивилизации. Однако если абстрагироваться от городской культуры Австрийской империи, уровень жизни сельских жителей, проживавших по обе стороны границы, не слишком отличался. Разумеется, отдельный разговор — то, как жили крестьяне где-нибудь в Штирии, Чехии и т.п. В целом, конечно, население сербских земель в составе Турции стояло на более низкой ступени цивилизационного развития. В то же время Сербия в течение XIX в. быстро усваивает все европейские обычаи и стандарты, особенно со времени обретения независимости. Неуклонно рос уровень образования сербской интеллигенции, представители которой участвовали в развитии образовательной, правовой, административной систем. С точки зрения образования уже не было такой разницы между сербами из княжества и сербами из Австрии.

В Австро-Венгрии сербы сформировали несколько партий, как и сербы в Боснии и Герцеговине, когда им было позволено это сделать. Эти партии можно условно разделить на две группы. Одни занимали оппортунистическую позицию, не видя в обозримом будущем возможности национального освобождения. Другие вопреки всему мечтали о нем.

Некоторые занимали лояльную позицию в отношении Вены. Имелись и активные, выступавшие за сотрудничество с другими югославянскими народами. Объединяющим фактором служило стремление дать отпор политике мадьяризации, которую Будапешт осуществлял в отношении разных народов — немцев, евреев, югославян и т.д. Сегодня только молодое поколение венгерских историков признает ошибочность политики ассимиляции, а также тот факт, что она вызвала оправданное сопротивление и желание освободиться из-под власти Венгрии. В Славонии и Хорватии одним из результатов этой политики венгерских властей нередко становилась конфронтация сербских и хорватских партий. При этом надо учитывать, что сербы не представляли собой однородную социальную группу. Среди них имелись и так называемые магнаты, которые заседали в хорватском саборе, в совместном хорватско-венгерском саборе. Дабы защитить свои экономические интересы и интересы сербов в целом, они поддерживали меры, осуществляемые Будапештом и Веней.

Напомню, что на протяжении десятилетий, которые разделяли две войны с Турцией в XVIII в., Австрия удерживала под своей властью Белград, который начал отстраиваться в центральноевропейском барочном стиле. Сегодня о нем напоминают только часть городской крепости Калемегдан и одна арка. Повторный приход турок привел к стиранию следов пребывания австрийцев в Белграде, который снова приобрел восточный облик. Только после 1867–1868 гг. сербские города снова

начали приобретать отдельные центральноевропейские черты.

Некоторые аспекты процесса модернизации сербская историография, в том числе и Институт новейшей истории Сербии, изучает около 30 лет, результатом чего стала систематизированная база данных. Она позволяет сравнивать положение в Сербии с тем, что происходило в соседних странах — на Балканах, в Центральной Европе. Без учета этих данных несостоятельным представляется умозрительное утверждение, будто одна Австрия была высокоразвитой и цивилизованной, и все ее население было грамотным. По грамотности населения Белград занимал одно из первых мест. Если посмотреть, сколько в Австрии женщин и девочек было охвачено школьной системой образования, ситуация не сильно отличалась от той, что имела место в Сербии перед 1878 г. В образовательном отношении Сербия до расширения ее территории в 1878 г. находилась примерно на одном уровне с южными областями Австро-Венгрии. Разумеется, с точки зрения грамотности населения ситуация изменилась в худшую сторону после присоединения новых территорий по итогам Берлинского конгресса и Балканских войн 1912–1913 гг. Позднее низкий показатель грамотности населения, установленный на основании переписей, произведенных после Балканских войн и Первой мировой войны, стал ошибочно трактоваться как свидетельство «отсталости» Сербии. Не учитывается при этом, какова была ситуация в более раннее время, когда в стране доминировало однородное христианское население, осуществ-

лялась программа развития среднего и высшего образования, а начальное школьное образование охватывало и города, и села. Кроме того, государство отправляло молодежь учиться в европейские университеты.

Не могу не остановиться на одном опрометчивом, но распространенном суждении, будто во время Первой мировой войны был уничтожен весь сербский образованный слой, что сделало невозможной более интенсивную модернизацию Сербии в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Однако совокупное число лиц с высшим образованием, погибших в 1914–1918 гг., относительно невелико. Потери удалось компенсировать еще в ходе войны за счет того, что во Франции, в Швейцарии, Италии и даже в Англии получали образование молодые сербы. А в послевоенное время число студентов различных факультетов значительно выросло. Во многом это стало возможным благодаря русским профессорам-эмигрантам. Можно сказать, что Сербия и Югославия извлекли выгоду из русской революции и гражданской войны, потому что получили «сливки» из той волны беженцев, захлестнувшей Европу.

А.С. Отношения между русскими и сербами были многогранны на протяжении многих веков, можно много говорить о церковных, культурных, политических связях, приводить обилие конкретного материала по разным эпохам. А каково сегодня доминирующее в сербской исторической памяти отношение к России и опыту русско-сербской солидарности на тех или иных этапах истории?

М. Б. В Сербии существует традиционное отношение к России — «матери всех славян». И это несмотря на то, что иногда Россия больше, чем Сербию, любила другую свою дочь — Болгарию. Однако эта обида проходила. И всегда на Петербург и Москву смотрели с надеждой на защиту, которую сильный может оказать более слабому. В то же время одно событие на долгие годы и даже десятилетия нарушило расположение к России, а именно, ее поведение в 1948 г. (разрыв СССР с Югославией и развязанная Сталиным масштабная антиюгославская кампания. — А. С.), или то, как оно трактовалось в Сербии. Со школы в нас воспитывали настороженное отношение к СССР, которое усугублялось в результате венгерских событий 1956 г., вторжения в Чехословакию в 1968 г. и т. д. Политические обстоятельства такого рода, а также сотрудничество с Западом в интересах обороны от возможного нападения со стороны СССР и стран Варшавского пакта обусловили напряженность на межгосударственном уровне. Поэтому традиционное отношение к России отошло на второй план и проявлялось только где-нибудь в семейном кругу. У многих имелись какие-то воспоминания, личные контакты и т. п. Кроме того, усугублял положение бюрократический подход к развитию культурных советско-югославских связей, не способствовавший улучшению отношений. Наверное, наши эстрадные исполнители, гастролировавшие по СССР, сделали больше, чтобы познакомить советских граждан с Сербией/Югославией, чем это удалось сделать вашим артистам. Не только спортивных соперников мы видели

в советских спортсменах — футболистах, баскетболистах и пловцах. Если вспомнить школьные годы в Хорватии, то там о России/СССР вспоминали крайне редко и, как правило, в негативном ключе. Как, впрочем, и о Сербии. Это не могло не отразиться на отношении подрастающих поколений хорватов. И сегодня мы наблюдаем, как снова риторика холодной войны подпитывает враждебное отношение к русскому народу. Возвращаясь к Сербии, отмечу, что, несмотря на политику Ельцина во время югославского кризиса 1990-х гг., большинство населения интуитивно верит, что русский народ действительно близок нам. Безотносительно национальных интересов, сербы никогда бы не вступили в конфронтацию с теми, кого они считают самыми близкими. Даже языковой барьер не мешает подобному восприятию. Что с того, что мы говорим почти на одном и том же языке с хорватами и боснийскими мусульманами... Тот факт, что мы никогда не воювали друг с другом, можно считать важнейшим фактором наших отношений. Если бы Америка не развязала войну с Югославией/Сербией, не было бы таких негативных чувств в ее адрес. Важно отметить, что восприятие Сербии в мире как «малой России» во многом определяет нашу судьбу.

А. С. Как подмечено исследователями исторической памяти, в ней сочетается в меняющихся пропорциях память героическая и память жертв. В некоторых случаях они оказываются почти идентичными, как, например, в том же Косовском мифе. Тем не менее каждый раз в процессе актуализации на первый

план выходит тот или иной аспект. Как оценить текущую ситуацию? Насколько сербское общество восприимчиво к чужим жертвам — этот тренд А. Ассман считает признаком перехода от национальной к транснациональной памяти. В этой связи интересным маркером является отношение к беженцам с Ближнего Востока и из Северной Африки, поскольку в недавнем прошлом Сербия сама столкнулась с проблемой «своих» военных беженцев из Хорватии и Боснии. Как соотносятся в общественном сознании эти эпизоды?

М. Б. Сегодня имеется более ста каналов кабельного телевидения, из которых около тридцати — сербские. Некоторые из них представляют следующую картину недавнего прошлого: сербы потерпели поражение в 1990-е гг., потому что вовремя не переориентировались на Запад; во главе Сербии находился националистический режим, который реализовывал свое стремление к гегемонии посредством этнических чисток в Косово, Боснии и Хорватии. Этот нарратив не устают повторять определенные авторитетные НПО, получающие бюджетное финансирование из иностранных источников. Часть сербского общества, веря в эту историю, испытывает раскаяние, чувство вины за все, что приписывают сербскому фактору. Если смотреть каналы иной ориентации, на которых бывают другие представители интеллигенции, где приводятся свидетельства людей, оказавшихся в момент распада Югославии за пределами тогдашней Республики Сербия, то получится принципиально отличающаяся картина. Если смотреть

государственное телевидение БиГ, транслируемое из Сараево, вам расскажут о геноциде нами мусульман и т. д. Однако есть и такие упрямы, которые полагают, что истина где-то посередине. Они пытаются анализировать медийную пропаганду, сопровождавшую события на Балканах в 1990-е гг., установить, что происходило на самом деле, что можно считать причинами происшедшего, а что реакцией на них, последствиями... Лично я принадлежу к кругу тех, кто находится между крайних точек зрения. Полагаю, что у истории нельзя ничего ни отнимать, ни добавлять. Потому что и то, и другое, продиктованное оппортунистическими политическими соображениями, ведет к искажению картины прошлого.

Что касается беженцев из Сирии, то это специфическая проблема. Существуют обоснованные подозрения относительно конечной цели проекта их переселения, которое обрачивается такими проблемами для Европы. Существуют специальные исследования (Global research), анализирующие смс-сообщения, в которых мигрантам указывается, куда им держать путь. Эти сообщения по большей части отправляются или из США, или из Великобритании. Что касается Сербии, то она в рамках соглашения о безвизовом въезде в шенгенскую зону приняла около полумиллиона цыган из всех концов Европейского союза. Часть из них сбежала обратно, а те, кто остался, не знают даже, как называется столица Сербии. Не говоря уже о языке. Все местные цыгане — из КиМ и Македонии — говорят по-сербски. Поэтому я считаю, что к проблеме

мигрантов в нашей стране нельзя подходить, руководствуясь лишь соображениями гуманности. Я опасаюсь, что мы имеем дело с определенным проектом. Таким же, как проект заселения КиМ, БиГ арабами, многие из которых — ветераны войны в Сирии. У нас, в отличие от других европейских государств, нет возможностей обеспечить мигрантов рабочими местами. Хотя мы видим, что сирийские беженцы работают

на белградских стройках. На протяжении истории Сербия традиционно принимала беженцев, поэтому нельзя говорить о какой-либо присущей ей нетолерантности. Однако, учитывая численность населения страны, состояние ее экономики, а также принимая во внимание проблемы безопасности, нельзя рассматривать эту проблему только с гуманитарной точки зрения. Имеются и иные ее аспекты, которые нельзя игнорировать.

“THE PERCEPTION OF SERBIA IN THE WORLD AS A ‘SMALL RUSSIA’ LARGELY DETERMINES OUR FATE”. INTERVIEW WITH M. BELAYAC

Mile Belayac — Director of the Belgrade Institute of modern history of Serbia, Belgrade (Serbia)

Key words: Serbia, Kosovo, Yugoslavia, international relations in the Balkans, Serbian-Russian relations, the Habsburg monarchy, the origins of the First World War.

Abstract. A prominent specialist on Yugoslav military issues, the director of the Institute for Contemporary History of Serbia, Mile Belayac, discusses how certain plots of Serbian history are perceived today in his homeland by broad public circles and professional historians. Speaking about the latter, the Historical Expertise interlocutor contrasts the adherents of a responsible academic approach with those who are guided by “trends of the time”, “national interests” and other pseudo-ethical considerations. In addition, the present and past relations of Serbs with their neighbors in the Balkan Peninsula — Albanians, Croats, the Ottoman and Habsburg empires, as well as with Russia are examined.

СЕРБСКАЯ ИЛИ ЮГОСЛАВЯНСКАЯ ПРОГРАММА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: «НАЧЕРТАНИЕ» ИЛИИ ГАРАШАНИНА И ЕГО ТРАКТОВКА В ИСТОРИОГРАФИИ

Ключевые слова: «Начертание», Илия Гарашанин, польские эмигранты, национализм, консерватизм, историзм, самоопределение народов, историческая интерпретация, Сербия, Югославия, «Великая Сербия».

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния политики на историографию. Автор обращает внимание на некоторые заблуждения, а также предлагает интерпретацию возникшего в 1844 г. документа — «Начертания», которое представляло собой план внешней политики Княжества Сербия. Документ создавался в эпоху преобладания консервативных идей, и поэтому принцип самоопределения народов не нашел в нем отражения. В его написании участвовали польские политические эмигранты, представители хорватского Иллирийского движения, а также британские и французские дипломаты. Автор итоговой версии — министр внутренних дел Сербии Илия Гарашанин. В зависимости от идеологической и политической конъюнктуры историки оценивали «Начертание» как план создания сербского национального государства, многонациональной Югославии или проект «Великой Сербии».
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-121-137

Если бы потребовалось назвать наиболее значимый для истории Сербии XIX в. документ, то это, разумеется, «Начертание»¹. Речь идет о тайной программе внешней политики Княжества Сербия, сформулированной

в 1844 г. Слово «Начертание» означает «набросок» или «проект», из чего следует, что документ лишь намечает некоторые ориентиры, а его содержание подлежит корректировке. В нем можно проследить общее

© Горан Р. Милорадович, 2020

Горан Милорадович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт современной истории, Белград (Сербия); goranm065@gmail.com

¹ О «Начертании» см.: (Вукићевић 1906; Стрљаковић 1931; 1937; 1939; Šimunić 1944; Valentić 1961; Перовић 1963; Stančić 1968–1969; Чубриловић 1982; Мекензи 1987; Љушић 2004; Žurek 2006; Vrkić 2009; Никифоров 2015; Батаковић 2016; Цветаровић 2017 и др.).

направление внешней политики Сербии до 1918 г., когда на карте появилась Югославия. С этого времени считалось, что «Начертание» отложено *ad acta*, потому что почти все сербы оказались в границах одного государства. Однако после распада Югославии в 1991 г. документ снова привлек к себе внимание.

В ретроспективе создание югославянского государства привело к прекращению процесса интеграции сербской нации и построения национального государства сербов. Именно югославский период сербской истории и породил противоречивые оценки «Начертания». На первый план вышел вопрос: оно представляло собой сербскую или югославскую программу? Опираясь на исторические факты, а также достижения историографии, в данной статье мы попытаемся пролить свет на причины возникновения различных трактовок документа. При этом мы исходим из того, что смысл «Начертания» по-разному виделся до, во время и после существования Югославии, а на его интерпретацию накладывали отпечаток идеологические и политические предпочтения исследователей.

Историография по-разному трактовала «Начертание» — в зависимости от того, кто и в каком контексте намеревался представить его общественности². Давно отмечено, что существует «разброс в оцен-

ках «Начертания»» (*Екмечић* 1989: 462–464). В период существования Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС) / Югославии (1918–1941) такие авторы, как Джордже Елинич, Фердо Шишич, Драгослав Странякович, Федор Никич, Слободан Йованович и Хенрик Батовски (*Henryk Watowski*), утверждали, что «Начертание» представляло собой программу югославянского объединения. Тем самым перечисленные стремились легитимизировать возникновение этого многонационального и многоконфессионального государства. Только в 1939 г. Еремия Митрович, обвинив Страняковича «в неумелой или предвзятой трактовке источников и документов»³ (*Митровић* 1939: 298), высказал мнение, что Гарашанин склонялся в пользу «Великой Сербии». В Независимом государстве Хорватия (НГХ, 1941–1945) Петар Шимунич утверждал, что «Начертание» представляло собой «великосербскую программу». После Второй мировой войны подобная трактовка доминировала в историографии как в социалистической Югославии, так и за ее пределами. О «великосербском» характере «Начертания» писали Ярослав Шидак, Никша Станчич, Мирко Валентич, Чарльз Елавич (*Charles Jelavic*), Иво Банац, Мiroслав Джорджевич, Майкл Боро Петрович (*Michael Boro Petrovich*) и Дэвид Маккензи (*David Mackenzie*). Как сербскую национальную программу, лишенную великодержавного оттенка, «Начертание» оце-

² Данный обзор основывается на двух анализах более ранних трактовок «Начертания» (*Stančić* 1968–1969: 184–195; *Љушић* 2004: 23–52, 115–116). При этом мы внесли дополнения, учитывающие новейшие работы по интересующей нас теме.

³ В заголовке рецензии, написанной Митровичем, указана ошибочная дата — 1833 г. Правильно — 1834 г. Ср.: (*Страняковић* 1937).

нивали Радослав Перович, Йован Миличевич и Веселин Трайков, в то время как Лиляна Алексич и Воислав Вучкович по-прежнему называли его программой югославянского объединения.

Особняком стоял Васа Чубрилович, усматривавший в документе элементы как югославянские, так и великосербские. Этот факт многое говорит как о нем самом, так и об общественно-политическом климате того времени. После распада Югославии в Хорватии наблюдалась новая волна критики «Начертания», на которое был наклеен ярлык «великосербской» концепции (Šović 1991; Grmek, Gjidara, Šimac 1993; Murgić, Bogdanić, Budimir 1997). Одновременно в Сербии возобладало мнение, согласно которому «Начертание» представляло собой первую программу создания сербского государства (Константиновић, Павићевић 2002). По сей день мы наблюдаем появление различных толкований. Так, Петр Журек, пытаясь оспорить распространенное среди хорватских историков представление, будто именно князь Чарторыйский инспирировал «современную великосербскую агрессию» (?!), утверждает, что «и «План», написанный Захом, и «Начертание» были великосербскими программами» (Žurek 2006: 629, 646, 647). С другой стороны, Константин Никифоров приходит к выводу, что Гарашанин «главным всегда считал решение сербского вопроса. В его планах было создание именно сербского государства» (Никифоров 2015: 226).

Согласно некоторым трактовкам, сформулированным в период кризи-

са и распада Югославии, «Начертание» было одновременно и сербской, и югославянской программой, в соответствии с которой Сербии надлежало стать «ядром будущего югославянского сообщества» (Екмечић 1989: 468, а также: 475, 484). Подобное представление в дальнейшем трансформировалось в тезис о том, что «программа Гарашанина была сербской, а не великосербской». При этом подчеркивается, что «главной целью виделось создание сербского государства, а затем и югославянского» (Љушић 2004: 117, 122, 125. Первое издание 1993). Чуть позднее появилась еще более сложная версия, будто Гарашанин «умел совмещать узкие сербские интересы с масштабными югославянскими», т.е. «полагал, что объединение следует осуществить поэтапно. Первый он ясно обозначил в “Начертании”, а про второй умолчал, но не из-за того что не хотел его реализации, а потому что оставил его на откуп будущим поколениям. История распорядилась именно так, как он планировал» (Крестић 2017: 9, 17. Первое издание 1999). Теорию о «двух фазах объединения» отстаивал и Чедомир Попов (Попов 2006: 618; 2014: 52–55. Первое издание книги 2007). Однако в самом «Начертании» не упоминается ни «второй этап» («южнославянский»), ни «две цели» («сербская» и «южнославянская») (Љушић 2004: 121–124).

Љушич приходит к выводу о двойственности планов Гарашанина, отталкиваясь от его плана пропагандистской деятельности в Хорватии, Славонии и Далмации, который, по мнению автора, «нельзя оправдать» никак иначе, кроме как намерением объединить перечисленные территории

с Сербией «в благоприятный исторический момент» (Там же: 120). Однако объяснение может быть совсем иным. Планирование пропаганды указывает лишь на то, что Гарашанин хотел иметь в своем распоряжении средства для осуществления деятельности за пределами Сербии. Время и способы их употребления зависели от объективных обстоятельств. Согласно одной из версий, с помощью пропаганды Гарашанин намеревался нейтрализовать влияние, оказываемое Австрией и хорватами (*Starčević* 1936: 29–30). Кроме того, две названные концепции были взаимоисключающими. Не представлялось возможным одновременно создавать и сербское, и «южнославянское» («югославянское») государство. Оба они «претендовали» бы примерно на одну и ту же территорию и население, из которого предстояло сформировать нацию. Какую — сербскую или югославянскую? Или несколько наций? Сам Илия Гарашанин в «Начертании» констатировал, что существует «возвышенное и пламенное чувство народности, единое происхождение, один язык» (*Ђушић* 2004: 191). На таком основании не создается многонациональное государство. А прилагательное «сербский» он употребил столько раз, что не остается сомнений в том, что он имел в виду.

Наряду с геополитическим у «Начертания» имелось еще одно не менее важное измерение — модернизационное. Лазар Вркатич, исходя из того, что внутренним связующим элементом каждого народа служит «именно его мифологическое сознание», преподносит «Начертание» как «попытку заменить догражданские

и даже более того дофеодалные мифологические этнические связи современными политическими. Тот факт, что христианство не стало определяющим фактором бытия этих людей, что у них не получили развития какие-либо формы коллективного сознания, присущие современному миру, что отсутствовали даже наметки установлений и институтов новой эпохи, подтолкнул Гарашанина к тому, чтобы распространить на них сербскую государственность, «завоевать» их и познакомиться с элементарными современными навыками и обычаями, которые прижились в Сербии. А была ли идея великосербской, или югославянской, или какой-то третьей — ни Гарашанин, ни то население не имели к этому никакого отношения. Навешивание подобных ярлыков продиктовано политической ориентацией более поздних историков» (*Vrkatić* 2009: 122–123).

Именно в силу того, о чем пишет Вркатич, стала возможной ситуация, при которой журналист Миомир Миленович писал в «Народной энциклопедии», что Гарашанин «предвидел лишь освобождение христиан от турок. В Н[ачертании] не упоминается освобождение наших соплеменников от Австрии» (*Milenović* 1929: 2–3). А профессор Белградского университета Слободан Йованович утверждал прямо противоположное: согласно «Начертанию», «Сербии предстояло действовать в интересах создания большого югославянского государства, в котором ей отводилась главная роль» (*Jovanović* 1929: 708). Ответственный редактор энциклопедии историк Станое Станоевич принял обе версии.

Документ, который на протяжении столь продолжительного времени вызывает столь противоречивые суждения, заслуживает, чтобы ему снова уделить внимание.

Сербский министр внутренних дел Илия Гарашанин (1812–1874) создал «Начертание» в конце 1844 г. Документ не был оригинальным, потому что в его основе лежал «План славянской политики Сербии»⁴, написанный для Гарашанина представителем польской политической эмиграции в Сербии Франтишекком Захом⁵. Тот в своем тексте развил идеи, которые уже были сформулированы в двух более ранних документах: «Донесении о Сербии Дэвида Уркварта»⁶ (21 декабря 1833 г.), которое этот британский дипломат отправил князю Адаму Чарторыйскому; и «Советах Сербии по проведению внешней политики» (*Conseils sur la conduite suivre la Serbie*), написанных Чарторыйским для князя Александра Карагеоргиевича⁷. Оба документа вышли из-под пера людей, настроенных враждебно в отношении Российской империи. По словам Милорада Экмечича, идею освободить Сербию от русского влияния и переориентировать ее на Францию и Великобританию Уркварт озвучил в 1833 г. в разговоре с князем Милошем Обреновичем (Экмечич 1989: 470–471, 479). Князь

Чарторыйский, стремившийся к восстановлению Польши, развил активную деятельность по всей Европе. Ею оказались охваченными как сербское правительство, так и Иллирийское движение (1835–1848) в Хорватии (Экмечич 1989: 460–484; Агиčić 2004: 51–53, 58–60). Однако какую бы роль ни сыграли иностранные и внутренние советники (Заху в написании «Плана» помощь оказывали Тома Ковачевич, Стеван Хркалович и Атанасие Николич), Илия Гарашанин окончательную версию документа составил самостоятельно, приняв только те предложения, которые, по его мнению, соответствовали интересам и возможностям Сербии (Льюшич 2004: 88). Поэтому главным автором «Начертания» следует считать Гарашанина безотносительно вклада, который внесли все перечисленные.

Работая над «Планом», Зах дополнил его некоторыми идеями, с которыми к нему в Белград прибыл Степан Цар — «доверенное лицо» лидера движения хорватского народного возрождения (Иллирийского движения) Людевита Гая (1809–1872) (Žáček 1963: 44; Stančić 1968–1969: 190; Чубриловић 1982: 133; Льюшич 2004: 31, 33, 88; Žurek 2006: 638–642). Об отношениях Цара с Гаем можно судить на основании письма от 23 ноября 1842 г., в котором вождь иллирийцев

⁴ Документ с таким заголовком упоминает Журек (Žurek 2006), а Льюшич называет его «Захово сочинение» («План») (Льюшич 2004: 161).

⁵ Франтишек Александр Зах (1807–1892) — чех, правовед, участник Польского восстания 1830 г., в Белграде работал переводчиком во французском консульстве. Позднее — сербский генерал, профессор артиллерийской школы, член Сербского ученого общества.

⁶ Дэвид Уркварт (David Urquhart, 1805–1877) — секретарь британского посольства в Стамбуле. В Сербии побывал четыре раза — в то время, когда сербско-русские отношения переживали кризис (Экмечич 1, 1989: 470–471; Льюшич 2004: 86; Milojković-Djurić 2014: 203–219).

⁷ Льюшич называет документ «Сочинение, которое Гарашанин передал князю Александру в 1845 г.» (Льюшич 2004: 152).

«молит и заклиняет» Стевана Хркаловича⁸ к Царю в Белграде «относиться так же, как и ко мне относились бы <...> Его сердце — мое сердце, его уста — мои уста, его жизнь посвящена истине вечной и спасению единокровных братьев и общего нашего отечества. Прислушайтесь и сделайте так, чтобы слова его не остались без успеха» (*Дурковић-Јакшић* 1966–1967: 116). И не остались. Четвертую главу своего документа «Отношение Сербии к Хорватии» Зах написал после консультаций с Царем, о чем 24 февраля 1844 г. доложил своему куратору в «Отеле Ламбер» Михаилу Чайковскому-Чайке⁹. Примерно в то же время был заключен и договор между «Отелем Ламбер» и Народной партией Гая, подписанный Захом и Царем, в соответствии с которым «хорваты практически полностью приняли польскую концепцию создания южнославянского государства на основе Княжества Сербия» (*Žurek* 2006: 639). Об этом событии Зах известил свое руководство 23 марта 1844 г. Приезд Царя имел для Заха такое значение, что он в ожидании гостя даже приостановил работу над «Планом». Согласно донесению Заха Чайковскому от января 1844 г., центральным вопросом, требовавшим согласования, оставалось отношение к Боснии, которую, по замыслу Чарторыйского и Заха, Сербии предстояло «ассимилировать», потому что именно Сербия «служила центром, вокруг которого однажды должны будут консолидироваться все южные

славяне» (*Žáček* 1963: 55–56; *Šidak* 1970: 408). Впрочем, ожидалось, что и самая Сербия до того, как это случится, не только поменяет свою политику, но и изменится сама.

О том, как это замышлялось, мы узнаем из главы «Плана», посвященной отношениям Сербии и Хорватии: в Боснии «надлежит всегда поддерживать гармонию между хорватским и сербским влиянием»; «об этом следует прийти к соглашению с наиболее значимыми хорватскими патриотами»; Сербия «не располагает в лице австрийских сербов <...> такими друзьями, на которых она могла бы в любой момент рассчитывать или опереться»; «напротив хорваты намного лучше понимают политическое будущее Сербии»; «только малосведущим о деле людям может мешать имя Иллиризма, ибо они не знают, что оно означает объединение всех южных славян в одном государстве»; в Сербии следует «в школах наряду с кириллической и хорватско-латинскую азбуку преподавать <...> Посредством этого уже в детях укоренится мысль, что сербы и хорваты один и тот же народ, и что они говорят на одном языке и только две письменности используют» (*Љушић* 2004: 177–178). Гарашанин отверг эти предложения, а об их практической реализации позволяет судить период социалистической Югославии, в которой до ее распада все перечисленные пожелания были выполнены!

⁸ Стеван Хркалович (1810–1860) — друг Гая, офицер австрийской службы. В 1837 г. перешел на сербскую службу. Есть основания полагать, что был австрийским агентом (*Дурковић-Јакшић* 1966–1967: 109–112, 118).

⁹ Чайковский Михаил (Czajkowski Michał — Czajka, на турецкой службе — Mehmet Sadik Paşa, 1804–1886), польский дворянин и политический эмигрант, действовал в Сербии, Боснии, Стамбуле и на Кавказе.

Пытаясь укрепить свои позиции в Сербии, «Отель Ламбер» во многом опирался на Иллирийское движение. Зах познакомился с Гаем в Вене еще в 1838 г. (*Šidak* 1970: 408). Когда Зах прибыл в Белград в конце 1843 г., здесь его уже ожидал сотрудник Гая журналист и бывший клирик Паво Чавлович, приехавший в Сербию с иллирийцем и бывшим францисканцем Степаном Верковичем (*Doklešić* 1971: 479; *Žáček* 1973: 142; *Žurek* 2006: 636). Тогда же Зах познакомился с иллирийцем Стеваном Хркаловичем, которого он считал хорватом и который в 1837 г. представлялся князю Милошу как православный серб (*Дурковић-Јакшић* 1966–1967: 109). В 1844 г. в Сербию также приехал дубровчанин литератор Матия Бан (1818–1903), ставший помощником Гарашанина в вопросах национальной политики. Выходец из Шотландии граф Альберт Ньюджент (*Albert Nugent-Westmeath*, 1816–1896) — иллириец, принадлежавший к ближайшему окружению Гая, и офицер австрийской службы — прибыл в Белград в 1844 г. с целью издания и нелегального распространения иллирийского журнала «*Branislav*» (*Nugent-Westmeath, Albert* 1965: 318; *Žurek* 2004: 609–620). В том же обществе вращался и бывший францисканец Томо Ковачевич (1820 — до 1865), с 1842 г. состоявший на службе в сербском Министерстве иностранных дел. В течение 1845 г. в Белград приехали и другие францисканцы: писатель, иллириец и политик Иван Франо Юкич (1818–1857), Филип Пашалич, Степан Марьянович, Блаж Йосич и Мартин Недич (*Кестановић* 1962: 356; *Žáček* 1963: 44–45; 1973: 142, 146–149; *Ćorić* 1973: 11, 15, 19, 28–29; 70–71, 94–95,

98–101; *MacKenzie* 1990: 45; *Никифоров* 2015: 110, 120–124).

Когда Гай в 1846 г. впервые посетил Сербию, к этому времени здесь уже осело немало католиков — членов Иллирийского движения, связанных друг с другом принадлежностью к «тайному демократическому панславянскому клубу». Некоторые из них обзавелись и должностями в сербских ведомствах. В Белград приезжали и другие иллирийцы, как, например, Матия и Антун Мажураничи — братья политика и литератора Ивана Мажуранича. По прибытии они сразу же вступали в контакт с прочими членами этого кружка (*Никифоров* 2015: 126). Существование подобных связей позволило Вацлаву Жачеку констатировать, что «в первой половине 1844 г. основные сербские и хорватские центры народно-политической деятельности так или иначе были знакомы с главными идеями плана осуществления югославянского единства, который разрабатывался как раз в это время» (*Žáček* 1963: 49). Речь идет о «Плане» Заха. Однако его окончательная версия, «Начертание», никогда не была доступна ни иллирийцам, ни польским эмигрантам.

В «Плане», написанном Захом, отчетливо прослеживается стремление отвлечь Сербию от сотрудничества с Россией и переориентировать ее на Францию и Англию, потому что они «должны противиться» экспансии Австрии и России за счет Османской империи (*Љушић* 2004: 164). Альтернативу разделу Турции между Россией и Австрией «Отель Ламбер» видел в создании нового государства («царства») южных славян, которое выглядело предпочтительным

решением и для них самих, и для западноевропейских держав (*Žurek* 2006: 640). Составленный Захом меморандум «о славянском движении на Балканском полуострове с точки зрения и позиции интересов европейских великих держав» через Ньюджента попал к британскому послу в Константинополе Стратфорду Канингу (Stratford Canning) (*Žáček* 1973: 145). Англичане, как всегда, были в курсе событий. В конце 1844 г. Гарашанин принял от Заха «План», высказав ему признательность за проделанный труд (*Льушић* 2004: 89). Однако исходную версию сербский министр подверг серьезной переработке, в корне изменив смысл всего документа: где бы Зах ни писал «южные славяне» и «славянская политика», Гарашанин вставлял «сербов» и «сербскую политику» (*Льушић* 2004: 161–202). Еще одно серьезное изменение касалось главы «Отношение Сербии к Хорватии», которую Гарашанин целиком выбросил из «Начертания». В результате южнославянский «План» Заха преобразился в проект сербского национального государства — территориально менее обширного, но более компактного в этническом, культурном, политическом, религиозном и географическом отношении.

Географические обстоятельства во многом определили то, как мог произойти раздел балканских владений Османской империи, который становился все более вероятным. В «Начертании» об этом говорится в самом начале: «Турецкое царство

[должно] распасться, и этот распад может произойти только двумя путями. 1. Или царство будет разделено; или 2. Будет оно заново обустроено его христианскими жителями» (*Льушић* 2004: 189)¹⁰. Осознавая роль России и Австрии в этом процессе, авторы «Начертания» констатировали: «Эти две державы легко могли бы договориться, какие земли и пределы кому достанутся. Австрия может претендовать только на западные, а Россия — на восточные земли. [И поэтому может выйти так, что] прямая линия, проведенная от Видина до Салоник, решила бы вопрос к удовольствию обеих сторон. Таким образом, в случае раздела все сербы оказались бы в австрийской части» (*Льушић* 2004: 189). Следовательно, в «Начертании» предпринята попытка определить то, как Сербии уцелеть и продолжить развиваться в условиях, которые оценивались вышеописанным образом.

В «Начертании» отсутствовало точное указание территорий, которые предстояло охватить в процессе его реализации. Однако не вызывает сомнений, что имелись в виду населенные славянами области Османской империи, которые Гарашанин считал сербскими или преимущественно сербскими. Некоторые районы этого обширного пространства входили в состав средневековых сербских государств (*Журечек* 2000; *ИСН* 2, 2000; *Туркович* 1995). Предполагалось, что с Сербией объединятся Босния и Герцеговина, Черногория и Северная Албания¹¹. Остальные

¹⁰ Та же мысль сформулирована в книге «Чаяния Италии» пьемонтского государственного деятеля Чезаре Бальбо, у которого Зах заимствовал идеи (*Balbo* 1844: 147; *Льушић* 2004: 161; *Екмечић* 1989: 356–357; *D'Alessandri* 2017: 7–24).

¹¹ Люшич «Северную Албанию», упомянутую в «Начертании», отождествляет со Старой Сербией, а Попов — с Косово и Метохией. Обе версии противоречат историческим и географическим

области, упоминавшиеся в «Начертании» (Славония, Хорватия, Далмация, Срем, Банат и Бачка), в то время входили в состав Австрийской империи, и в их отношении предполагалось проводить иную политику: об этих областях надлежит быть хорошо осведомленными и с их населением поддерживать самые хорошие отношения (*Льушић* 2004: 192, 199, 201–202). Не более того. Будучи реалистом, Гарашанин не планировал расширение Сербии за счет владений Габсбургов, хотя знал, что в Среме, Банате и Бачке живут сербы, чьи «происхождение, язык, вера, право и обычаи — те же, что и сербские в Сербии» (*Льушић* 2004: 201–202).

Земли средневековых сербских правителей — Старую Сербию и Македонию — Гарашанин не назвал своими именами. Почему? С интересами болгарскими и российскими интересы Сербии пересекались в областях, лежащих к югу от ее границ, т. е. именно там, где находились Старая Сербия и Македония. В том числе и о них шла речь в главе «Прежде всего, обозначим наше отношение к Болгарии». Россия в ней предстает угрозой сербским интересам, в чем просматривается влияние Заха, «Отеля Ламбер», Уркварта, британской и французской дипломатии. Сам Гарашанин в отличие от них полагал, что союз Сербии и России был бы «самым естественным», но его заключению мешала российская внешняя политика (*Льушић* 2004: 195). К 1871 г. свои взгляды пересмотрел и Зах, написавший в письме к другу

Вильяму Габлеру, что только Россия может стать подлинным другом Сербии (*Žaček, Petrović* 1987: 439). После Балканских войн Сербия, пользовавшаяся дипломатической поддержкой со стороны России, именно в южном направлении расширила свои владения, потому что Австро-Венгрия, аннексировав в 1908 г. Боснию и Герцеговину, перекрыла западное направление экспансии Белграда.

Наконец, в «Начертании» присутствовала и религиозная составляющая. Согласно одной из версий, подозрения у сербов вызывал не столько югославянский характер хорватского возрождения, сколько «либеральный католицизм» хорватов. Поэтому Гарашанин и не включил в «Начертание» главу о Хорватии (*Екмечић* 1989: 367–371). Однако у Гарашанина имелись основания сомневаться и в том, и в другом. Обе идеи были взаимосвязаны и отстаивались одними и теми же людьми. Не следует также забывать, что Гарашанин возглавлял Министерство полиции. В отличие от Экмечича Журек объяснял опасения Гарашанина тем, что тот усмотрел в Иллирийском движении политического конкурента, а в католицизме — угрозу православной вере: «Зах в своем “Плане” большое внимание уделяет свободе вероисповедания южных славян. При этом особая роль в будущем южнославянском государстве отводится католицизму. Эта позиция служила отражением далеко идущих планов “Отеля Ламбер”, связанных с распространением на Балканах церковной унии.

фактам: никогда не существовало сомнений в том, где находится Северная Албания. Откуда взялась уверенность в том, что Гарашанин не был знаком с политической географией Балкан? (*Льушић* 2004: 120, 129; *Понов* 2014: 49–50. Сравни: *Vujević, Vulić, Anastasijević* 1929: 731–749; *Ćorović* 1929: 35–37).

В выполнении этой масштабной задачи Зах главную роль отводил хорватам. Это обстоятельство было неприемлемо для сербов. Зах усматривал в православии фактор, способствовавший распространению российского влияния среди южных славян» (Žurek 2006: 646–647). Это значит, что Зах сознательно или неосознанно проводил политику в интересах Австрийской империи и католической церкви.

В Европе в первой половине XIX в. «идея исторического права народов представляла собой политическую идею эпохи», и именно поэтому это право «стало стратегической основой сербской политики» (Vrkatić 2009: 120). Зах и Гарашанин шли в ногу со временем. В то же время в связи с «Начертанием» следует помнить, что из апелляции к историческому праву вытекает еще одно значимое обстоятельство. А именно что «новое государство может появиться не посредством реализации права на самоопределение живущей по соседству сербской или славянской популяции, а в результате расширения существующей сербской автономии — территориального и идейного» (Vrkatić 2009: 120). В результате государствообразующим потенциалом наделялась исключительно Сербия. «План» Заха и «Начертание» ни в коем случае не рекомендуют предоставление Боснии наследственного княжеского достоинства, т.к. оно могло бы стать препятствием для ее интеграции с Сербией (Љушић 2004: 173, 198). Эта проблема уже бросила тень на отношения Сербии со вторым сербским государством — Черногорией. Сопоставление с «Планом» указывает, что идею исторического

права привнесли в «Начертание» поляки, действовавшие в Сербии в интересах французской и британской дипломатии, Иллирийской партии, а может быть, и самой Австрии.

Апеллируя к средневековой традиции, Гарашанин стремился легитимизировать в глазах правящих консервативных европейских кругов расширение и усиление сербского государства. Поэтому и «Начертание», и «План» начинаются со следующих слов: «Сербское государство, начало которого было счастливым, но которому нужно и расширяться, и усиливаться, имеет крепкое основание в царстве сербском XIII–XIV столетий, а также в богатой и славной сербской истории». Следовательно, «тогда мы, сербы, предстанем перед всем светом подлинными наследниками великих отцов наших, которые не делают ничего другого, кроме как обновляют собственное родовое гнездо» (Там же: 164, 190). Если все дело поставить на подобное основание, — полагали Зах и Гарашанин, — «наши устремления нельзя упрекнуть в том, что они представляют собой что-то новое, лишённое оснований, что они — революция и мятеж. Каждый вынужден будет признать, что они политически целесообразны, берут начало в стародавних временах, в прежнюю государственную и народную жизнь сербов уходят корнями» (Там же: 166, 190–191). В данном тезисе прослеживается влияние Чарторыйского, который в своих «Советах» озвучил опасение в связи с тем, что в случае конфликта правителя с вассалами, т.е. султана с сербами, Россия может вмешаться на стороне первого «под предлогом восстановления порядка» (Там же: 153).

Гарашанин также выступал продолжателем политической линии, начало которой положили вожди Первого сербского восстания: «В 1806 г. повстанческий Совет выступил в роли легитимного наследника средневекового государства. Он заседал в Смедерево — “городе деспотов и царей наших”; в его зале висел портрет Душана; австрийский маршал Симбшен говорил о сербских намерениях воссоздать царство Душана. Действительно в 1808 г. лидеры повстанцев потребовали восстановления границ средневекового сербского государства. На их гербах и знаменах фигурировали символы государства Неманичей» (*Ђорђевић* 1989: 92–93)¹². В том же году, в конце которого Гарашанин во второй раз возглавил правительство (1861–1867), в официальных «Сербских новинах» появилась серия анонимных статей под заголовком «Взгляд на историю всесербского государственного права в турецком царстве» (*Гильфердинг* 1868: 169–180). Что касается Заха, то он не знал, что его «План» так и не был утвержден в качестве программы югославянского объединения. Однако в начале 1861 г. в письме Франтишеку Ригеру он отмечает, что «память историческая о царстве сербском повсюду преобладает». А в письмах Вильяму Габлеру, написанных в 1861 и 1865 гг., присутствует констатация, что югославянская идея в Сербии не вызывает большого интереса (*Žaček, Petrović* 1987: 36, 49, 284–285).

По мнению М. Экмечича, «Начертанию» «князь Милош дал содержание, а поляки — форму» (*Екмечич* 1

1989: 479). Это только отчасти верно, потому что Гарашанин скорректировал и «форму», и «содержание». Он сохранил внешнеполитическую ориентацию Сербии на Запад, но отверг создание югославянского государства. С течением времени исходное намерение придать сербскому внешнеполитическому курсу определенную форму претерпело эволюцию: «Донесение Уркварта» о разговоре с князем Милошем «Советы» Чарторыйского «План» Заха с дополнениями от иллирийцев «Начертание» Гарашанина. Только узкий круг доверенных лиц имел доступ к последней редакции тех идей, которые зародились в Сербии, затем приняли облик политических концепций на Западе с тем, чтобы снова вернуться в Сербию (*Шушић* 1937: 97; *Stančić* 1968–1969: 179). Зах не входил в их число.

Сербские притязания легитимизируются в «Начертании» как в результате отсылки к средневековой сербской государственности, так и посредством определения народа на основании языка, обычаев и происхождения (*Љушић* 2004: 190–191). Этот новый либеральный принцип утвердился в Европе в эпоху Французской революции 1789 г., а в Сербии пустил корни после революции 1848–1849 гг. и публикации статьи Вука Караджича «Сербы все и повсюду» (*Караџић* 1849). В течение 1860-х и 1870-х гг. «все дефиниции нации, присутствовавшие в сербской культуре, опирались на общность языка и происхождения» (*Екмечич* 2 1989: 160). Так постепенно начал меняться «центр тяжести» в аргументации сербских

¹² Имеется в виду маршал барон Йозеф Антон фон Симбшен (Joseph Anton von Simbschen, 1746–1820).

национальных требований. При этом нельзя сказать, чтобы новые критерии были полностью проигнорированы в «Начертании». Тот раздел, в котором о них идет речь, не столь обширен и не располагается в начале документа, в отличие от того, что посвящен сербскому историческому праву. Причина этого — в том, что представляется главным принципом «Начертания»: «На основании исторического права распространить на соседнее славянское и сербское население институты сербского государства и тем самым создать на его основании новую нацию. В отношении этого населения нельзя применить концепцию самоопределения народов, потому что оно само по себе не является субъектом. Впрочем, Гарашанин таковым не считал народ даже в самой Сербии» (Vrkatić 2009: 123). «Начертание» — продукт консервативного ума.

После Берлинского конгресса 1878 г. Австро-Венгрия взяла под контроль внешнюю политику Сербии. Главным шагом в этом направлении стала Тайная конвенция (28 июня 1881 г.), подписав которую князь Милан Обренович полностью подчинил Сербию интересам северного соседа (ИСН 6-2 1994: 60–61; Vrkatić 2009: 164–165, 428–430). Новый австро-фильский курс вступил в противоречие с духом «Начертания». При этих обстоятельствах в 1883 г. переводы документа на немецкий и венгерский языки поступили в Государственные архивы в Вене и Будапеште (Шушић 1937: 97; Љушић 2004: 17). Сербской общественности «Начертание» представил историк Миленко Вукичевич, опубликовавший его в журнале Радикальной партии «Дело» (Вукичевић

1906: 321–336). То есть это произошло уже после смены династии на сербском престоле и в тот период, когда во главе правительства прочно встала Радикальная партия. В том же 1906 г. Никола Пашич назначен главой кабинета и министром иностранных дел. В это время «Начертание» стало «публичной актуальной программой сербской политики, безотносительно того, проводил ее Пашич, или кто-то другой» (Vrkatić 2009: 116). Следующим шагом были приготовления к войне с Османской империей.

* * *

Пытаясь освободиться от довлеющего российского влияния, Сербия оказалась вовлеченной в отношения с Западом, в которых ее снова ожидала участь объекта чужих интересов. Стремясь идти в ногу со временем, сербская элита в 1844 г. составила «Начертание» — план внешней политики Сербии, основанный на консервативных ценностях. Однако уже революция 1848–1849 гг. в корне изменила ситуацию в Европе, продемонстрировав потенциал принципа самоопределения народов. Тогда же свет увидела статья В. Караджича «Сербы все и повсюду», в которой общность языка и происхождения представлена основанием сербских притязаний. С того времени сербская государственность созидалась в опоре на оба принципа, которые попеременно выходили на первый план в зависимости от обстоятельств. В Балканские войны Сербия вступила под лозунгом исторического права, однако ситуация распорядилась так, что в 1918 г. сербское национальное объединение осуществилось в соответствии с либеральным

принципом народности, а именно в рамках многонациональной Югославии. С тех пор в сербской историографии доминирует представление о «Начертании» как о программе югославянского объединения. В то же время в хорватской историографии, формировавшейся после 1941 г., а также в научной литературе социалистического периода интересующий нас документ заклеен как проект «Великой Сербии». В годы кризиса, ознаменованного распадом Югославии, в сербской историографии появилась неубедительная амбивалентная трактовка, преподносящая «Начертание» как одновременно и сербскую, и югославянскую программу. В этом просматривается влияние политики на историческую науку, а также долговременная инерция наследия Югославии, которая самим фактом своего существования неумолимо влияла на историческое сознание своих граждан.

Перевод с сербского А. Силкина

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Батаковић 2016 — *Батаковић Д.* Начертаније Илије Гарашанина: програм спољашње и националне политике Србије на концу 1844. године. Београд: Ethos, 2016. С. 61.

Вукићевић 1906 — *Вукићевић М.* Програм спољне политике Илије Гарашанина на концу 1844. год. // Дело. Београд, 1906. Год. XXXVIII. С. 321–336.

Гильфердинг 1868 — *Гильфердинг А.* Государственное право Сербского народа въ Турци // Собрание сочинений П. Санкт Петербургъ: Печатня В. Головина, 1868. С. 169–180.

Дурковић-Јакшић 1966–1967 — *Дурковић-Јакшић Љ.* О Стевану Хркаловићу //

Историјски часопис. Београд. (1966–1967). Но. 16–17. С. 109–132.

Ђорђевић 1989 — *Ђорђевић Д.* Улога историцизма у формирању балканских држава у деветнаестом веку // Огледи из новије балканске историје. Београд: Српска књижевна задруга, 1989. С. 87–103.

Екмеић 1989 — *Екмеић М.* Стварање Југославије 1790–1918 1–2. Београд: Просвета, 1989. С. 662, 842.

ИСН 2, 2000 — *Историја српског народа, књ. 2.* Доба борби за очување и обнову државе (1371–1537). Београд: Српска књижевна задруга, 2000. С. 505.

ИСН 6-2, 1994 — *Историја српског народа, књ. 6-2.* Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд: Српска књижевна задруга, 1994. С. 584.

Јиречек 1990 — *Јиречек К.* Историја Срба до 1537. године (Политичка историја). Београд: Змај, 1990. С. 512.

Караџић 1849 — *К[араџић] В.С.* Срби сви и свуда. // Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона. Беч: Штампарија Јерменског манастира, 1849. С. 1–27.

Константиновић, Павићевић 2002 — *Гарашанин: сусрети и виђења: 2001*, (ур. Зоран Константиновић, Слободан Павићевић), Крагујевац: „Јефимија“ 2002. С. 259.

Крестић 2017 — *Крестић В.* Знаменити Срби о Хрватима. Београд: Српска књижевна задруга, 2017. С. 350. (Издање 1999)

Љушић 1986 — *Љушић Р.* Кнежевина Србија (1830–1839). Београд: САНУ, 1986. С. 508.

Љушић 2004 — *Љушић Р.* Књига о Начертанију. Београд: Белетра, 2004. С. 240. (И издање 1993)

Мекензи 1987 — *Мекензи Д.* Илија Гарашанин, државник и дипломата. Београд: Просвета, 1987. С. 540.

Митровић 1939 — *Митровић Ј.* Др. Драгослав Страняковић: Србија од 1833 до 1858 год., Београд 1937 // Гласник

Југословенског професорског друштва. Београд. 1938–1939. Год. XIX, No. 4. С. 297–300.

Никифоров 2015 — Никифоров К. „Начертаније“ Илијe Гарашанина и внешнеја политика Србије: в 1842–1853 г. М.: Индрик, 2015. С. 256.

Перовић 1963 — Перовић Р. Око „Начертанија“ из 1844 године // Историјски гласник. Београд. 1963. No. 1. С. 83–94.

Попов 2006 — Попов Ч. Гарашанин, Илија // Српски биографски речник. 2, В–Г. Нови Сад: Матица српска, 2006. С. 616–624.

Попов 2014 — Попов Ч. Велика Србија: стварност и мит. Сремски Карловци: ИК З. Стојановића, 2014. С. 52–55. (1 издање 2007)

Страњакковић 1931 — Страњакковић Д. „Начертаније“ Илије Гарашанина // Гласник Историјског друштвау Новом Саду. 1931. Год. IV. С. 392–418.

Страњакковић 1937 — Страњакковић Д. Србија од 1834. до 1858. године. Београд: Штампарија Д. Грегорића, 1937. С. 135.

Страњакковић 1939 — Страњакковић Д. Како је постало Гарашаниново „Начертаније“ // Споменик СКА. Београд. 1939. Т. 91, бр. 70. С. 63–115.

Ђурковић 1995 — Ђурковић С. Срби у средњем веку. Београд: Idea, 1995. С. 272.

Џетнаровић 2017 — Џетнаровић А. Тајна дипломатија Адама Јежија Чарториског на Балкану: Отел Ламбер и српска криза 1840–1844. Београд: Славистичко друштво Србије 2017. С. 352.

Чубриловић 1982 — Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд: Народна књига 1982. С. 430.

Шпишић 1937 — Шпишић Ф. Југословенска мисао. Историја идеје југословенског народног јединења и ослобођења од 1790–1918. Београд: Балкански институт 1937. С. 442.

Агићић 2004 — Агићић Д. Podijeljena Poljska 1772.–1918. Zagreb: Srednja Europa, 2004. С. 126.

Balbo 1844 — [Balbo C.] Delle speranze d'Italia. Capolago: Tipografica Elvetica, 1844. P. 459. (II издање)

Ћорић 1973 — Ћорић В. Ogled o Ivanu Franji Jukiću // Jukić I. F. Sabrana djela III, Sarajevo: I. P. Svjetlost, 1973. S. 7–101.

Ћовић 1991 — Izvori velikosrpske agresije: rasprave, dokumenti, kartografski prikazi / ur. Čović B. Zagreb: August Cesarec, Školska knjiga, 1991. S. 380.

D'Alessandri 2017 — D'Alessandri A. Cesare Balbo e la Serbia // Rassegna storica del Risorgimento, 2017. No. II, Vol. CIV. P. 7–24.

Doklešić 1971 — Doklešić, Lj. Verko- vić, Stjepan-Stefan // Enciklopedija Jugoslavije, 8. Srbija–Ž. Zagreb: Jugoslavenski leksikografski zavod, 1971. S. 479.

Grmek, Gjidara, Šimac 1993 — Etničko či- šćenje: povijesni dokumenti o jednoj srpskoj ideologiji / priredili Mirko Grmek, Marc Gjidara i Neven Šimac. Zagreb: Globus, 1993. S. 226.

Jovanović 1929 — Jovanović S. Garašanin, Ilija // Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. I, A–H. Zagreb: Bibliografski zavod, 1929. S. 708–709.

Kecmanović 1962 — Kecmanović I. Kovačević, Tomo // Enciklopedija Jugoslavije, 5, Jugos–Mak. Zagreb: Leksikografski zavod FNRJ, 1962. S. 356.

MacKenzie 1990 — MacKenzie D. Ilija Garsanin: Man and statesman // Serbian studies. Chicago. 1990. Vol. 5. No 3. P. 41–55.

Milenović 1929 — Milenović M. Načertanije // Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. III, N–R. Zagreb: Bibliografski zavod, 1929. S. 2–3.

Milojković-Djurić 2014 — Milojković-Djurić J. David Urquhart's Perceptions of the Eastern Question // Balcanica. Beograd 2014. God. XLV. P. 203–219.

Murđić, Bogdanić, Budimir 1997 — Murđić S., Bogdanić T., Budimir S. Kontrapunkt slobode: kritika „Načertanija“ Ilije Garašanina. Zagreb: Pisànni-Nikkal, 1997. S. 141.

- Nugent-Westmeath* 1965– *Nugent-Westmeath*, Albert // Enciklopedija Jugoslavije. 6, Maklj–Put. Zagreb: Jugoslavenski leksikografski zavod, 1965. C. 318.
- Šidak* 1970 — *Šidak J.* „Tajna politika“ Lj. Gaja i postanak njegovih „memoranduma“ knezu Metternichu 1846–47. // Arhivski vjesnik, Vol. 13, No. 1, 1970, S. 397–434.
- Šimunić* 1944 — *Šimunić P.* „Načertanije“: tajni spis srbske nacionalne i vanjske politike. Zagreb: Tipografija 1944. S. 116.
- Stančić* 1968–1969 — *Stančić N.* Problem „Načertanija“ Ilije Garašanina u našoj historiografiji // Historijski zbornik. Zagreb. 1968–1969. God. XXI–XXII. S. 179–196.
- Starčević* 1936 — *Starčević M.* Dr. Ante Starčević i Srbi. Zagreb: Matica hrvatska, 1936. S. 120.
- Valentić* 1961 — *Valentić M.* Konceptija Garašaninova „Načertanija“ (1844) // Historijski pregled. Zagreb. 1961. VII. C. 128–137.
- Vrkatić* 2009 — *Vrkatić L.* Pojam i biće srpske nacije. Novi Sad: Mediterran Publishing-USEE, 2009. S. 872.
- Vujević, Vulić, Anastasijević* 1929 — *Vujević P., Vulić N., Anastasijević D.* Makedonija (i Stara Srbija) // Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. II, I–M. Zagreb: Bibliografski zavod, 1929. S. 731–749.
- Žáček* 1963 — *Žáček V.* Češko i poljsko učesće u postanku Garašaninova „Načertanija“ (1844) // Historijski zbornik. Zagreb. 1963. God. XVI. S. 35–56.
- Žáček* 1973 — *Žáček V.* Suradnja Ljudevita Gaja s Františekom Zachom // Radovi. Zagreb. 1973. No. 3. S. 139–159.
- Žáček, Petrović* 1987 — *Žáček V., Petrović N.* Epistolarni dnevnik Františka Zaha 1860–1878. Novi Sad: Matica srpska, 1987. S. 640.
- Žurek* 2006 — *Žurek P.* Nova interpretacija geneze Načertanija: srbocentrizam Hotela Lambert i Hrvati // Scrinia Slavonica. Slavonski Brod. 2006. No. 6. S. 629–648.

BETWEEN SERBIAN AND YUGOSLAV PROGRAM OF UNIFICATION OF THE STATE: ILIJA GARAŠANIN'S NAČERTANIJE AND ITS INTERPRETATION IN HISTORIOGRAPHY

Miloradović Goran R. — doctor of historical sciences, senior research associate, Institute for contemporary history, Belgrade (Serbia)

Key words: *Načertanije*, Ilija Garašanin, Polish immigrants, nationalism, conservatism, historicism, self-determination of the nation, historical interpretation, Serbia, Yugoslavia, “Greater Serbia”.

Abstract. The plan of the foreign policy of the Principality of Serbia, *Načertanije (The Draft)*, made in 1844, is an important document of Serbian history. It was written in the period of predominance of conservative ideas, and it did not include principle of self-determination of nation. Polish political emigrants, representatives of Croatian Illyrian movement and British and French diplomats took part in writing it. The final version was shaped by Ilija Garašanin, foreign minister of the Principality of Serbia. Due to the ideological and political circumstances, historians have interpreted it either as a plan for creation of Serbian national state, or multinational Yugoslav state, or the project of “Greater Serbia”. The article points to the consequences of interpretation of the historical source under the influence of the political circumstances, corrects some misapprehensions, and interprets the document.

REFERENCES

[Balbo C.] *Delle speranze d'Italia*. Capolago: Tipografica Elvetica, 1844, p. 459. (II издање)

Agičić D. *Podijeljena Poljska 1772.–1918*. Zagreb: Srednja Europa, 2004, p. 126.

Bataković D. *Načertanije Ilije Garašanina: program spoljašnje i nacionalne politike Srbije na koncu 1844. godine*. Beograd: Ethoc, 2016, p. 61.

Čubrilović V. *Istorija političke misli u Srbiji XIX veka*. Beograd: Narodna knjiga 1982, p. 430.

Ćorić B. Ogljed o Ivanu Franji Jukiću in Jukić I.F. *Sabrana djela III*, Sarajevo: I.P. Svjetlost, 1973, pp. 7–101.

D'Alessandri A. Cesare Balbo e la Serbia. *Rassegna storica del Risorgimento*, 2017, no. II, vol. CIV, pp. 7–24.

Dokleštić, Lj. Verković, Stjepan-Stefan. *Enciklopedija Jugoslavije*, 8. Srbija–Ž. Zagreb: Jugoslavenski leksikografski zavod, 1971, p. 479.

Durković-Jakšić Lj. O Stevanu Hrkaloviću. In: *Istorijski časopis*. Beograd. (1966–1967), no. 16–17, pp. 109–132.

Ekmečić M. *Stvaranje Jugoslavije 1790–1918 1-2*. Beograd: Prosveta, 1989, p. 662, 842.

Etničko čišćenje: povijesni dokumenti o jednoj srpskoj ideologiji, priredili Mirko Grmek, Marc Gjidara i Neven Šimac. Zagreb: Globus, 1993, p. 226.

Garašanin: susreti i viđenja: 2001, (ur. Zoran Konstantinović, Slobodan Pavićević.), Krajujevac: “Jefimija”. 2002, p. 259.

Gil'ferding A. Gosudarstvennoe pravo Serbskago naroda v” Turtsii. *Sobranie sochine-nii II*. Sankt Peterburg”: Pechatnia V. Golovina, 1868, pp. 169–180.

Ćirković S. Srbi u srednjem veku. Beograd. Beograd: Ideja, 1995, p. 272.

Istorija srpskog naroda, knj. 2. Doba borbi za očuvanje i obnovu države (1371–1537).

Beograd: Srpska književna zadruga, 2000, p. 505.

Istorija srpskog naroda, knj. 6-2. Od Berlin-skog kongresa do ujedinjenja 1878–1918. Beograd: Srpska književna zadruga, 1994, p. 584.

Izvori velikosrpske agresije: rasprave, dokumenti, kartografski prikazi, ur. Čović B. Zagreb: August Cesarec, Školska knjiga, 1991, p. 380.

Jovanović S. Garašanin, Ilija. In: *Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka*. I, A–H. Zagreb: Bibliografski zavod, 1929, pp. 708–709.

K[aradžić] V.S. Srbi svi i svuda. In: *Kovčević za istoriju, jezik i običaje Srba sva tri zakona*. Beč: Štamparija Jermenskog manastira, 1849, pp. 1–27.

Kecmanović I. Kovačević, Tomo. In: *Enciklopedija Jugoslavije*, 5, Jugos–Mak. Zagreb: Leksikografski zavod FNRJ, 1962, p. 356.

Krestić V. *Znameniti Srbi o Hrvatima*. Beograd: Srpska književna zadruga, 2017, p. 350. (I izdanje 1999)

Ljušić R. *Knjiga o Načertaniju*. Beograd: Beletra, 2004, p. 240. (I izdanje 1993)

Ljušić R. *Kneževina Srbija (1830–1839)*. Beograd: SANU, 1986, p. 508.

Mekenzi D. *Ilija Garašanin, državnik i diplomata*. Beograd: Prosveta 1987, p. 540.

MacKenzie D. Ilija Garasanin: Man and statesman. *Serbian studies*. Chicago. 1990, vol. 5, no. 3, pp. 41–55.

Milenović M. Načertanije. In: *Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka*. III, N–R. Zagreb: Bibliografski zavod, 1929, pp. 2–3.

Milojković-Djurić J. David Urquhart's Perceptions of the Eastern Question. *Balkanica*. In: Beograd, 2014. God. XLV, pp. 203–219.

Mitrović J. Dr. *Dragoslav Stranjaković: Srbija od 1833 do 1858 god.*, Beograd 1937 In: Glasnik Jugoslovenskog profesorskog društva. Beograd. God. XIX, #. 4, pp. 297–300.

- Murgić S., Bogdanić T., Budimir S. *Kontrapunkt slobode: kritika "Načertanija" Ilije Garašanina*. Zagreb: Pisànni-Nikkal, 1997, p. 141.
- Nikiforov K. „Nachertanie“ Ilii Garashanina i vneshniaia politika Serbii: v 1842–1853 gg. Moscow: Indrik, 2015, p. 256.
- Nugent-Westmeath, Albert. In: *Enciklopedija Jugoslavije*. 6, Maklj–Put. Zagreb: Jugoslavenski leksikografski zavod, 1965, p. 318.
- Perović R. Oko „Načertanija“ iz 1844 godine In: *Istorijski glasnik*. Beograd. 1963. #. 1, pp. 83–94.
- Popov Č. Garašanin, Ilija. In: *Srpski biografski rečnik*. 2, V – G. Novi Sad: Matica srpska, 2006, pp. 616–624.
- Popov Č. *Velika Srbija: stvarnost i mit. Sremski Karlovci*: IK Z. Stojanovića, 2014, pp. 52–55. (I izdanje 2007)
- Šišić F. *Jugoslovenska misao. Istorija ideje jugoslovenskog narodnog ujedinjenja i oslobođenja od 1790–1918*. Beograd: Balkanski institut 1937, p. 442.
- Šidak J. „Tajna politika“ Lj. Gaja i postanak njegovih „memoranduma“ knezu Metternichu 1846–47. In: *Arhivski vjesnik*, vol. 13, no. 1, 1970, pp. 397–434.
- Šimunić P. „Načertanije“: tajni spis srbske nacionalne i vanjske politike. Zagreb: Tipografija 1944, p. 116.
- Stančić N. Problem „Načertanija“ Ilije Garašanina u našoj historiografiji. In: *Historijski zbornik*. Zagreb. 1968–1969. God. XXI–XXII, pp. 179–196.
- Starčević M. *Dr. Ante Starčević i Srbi*. Zagreb: Matica hrvatska, 1936, p. 120.
- Stranjaković D. Kako je postalo Garašaninovo „Načertanije“ In: *Spomenik SKA*. Beograd. 1939. T. 91, #. 70, pp. 63–115.
- Stranjaković D. *Srbija od 1834. do 1858. godine*. Beograd: Štamparija D. Gregorića, p. 135.
- Stranjaković D. „Načertanije“ Ilije Garašanina. In: *Glasnik Istorijskog društva u Novom Sadu 1931*. God. IV, pp. 392–418.
- Cetnarović A. Tajna diplomatija Adama Ježija Čartoriskog na Balkanu: Otel Lamber i srpska kriza 1840-1844. Beograd: Slaviističko društvo Srbije 2017. P. 352.
- Valentić M. Konceptija Garašaninova „Načertanija“ (1844). In: *Historijski pregled*. Zagreb. 1961. VII, pp. 128–137.
- Vrkatić L. *Pojam i biće srpske nacije*. Novi Sad: Mediterran Publishing-USEE, 2009, p. 872.
- Vujević P, Vulić N., Anastasijević D. Makedonija (i Stara Srbija). In: *Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka*. II, I–M. Zagreb: Bibliografski zavod, 1929, pp. 731–749.
- Vukićević M. Program spoljne politike Ilije Garašanina na koncu 1844. god. In: *Delo*. Beograd, 1906. God. XXXVIII. P. 321–336.
- Žáček V. Češko i poljsko učešće u postanku Garašaninova „Načertanija“ (1844). In: *Historijski zbornik*. Zagreb. 1963. God. XVI, pp. 35–56.
- Žáček V. Suradnja Ljudevita Gaja s Františekom Zachom. In: *Radovi*. Zagreb. 1973, no. 3, pp. 139–159.
- Žáček V., Petrović N. *Epistolarni dnevnik Františkega Zaha 1860–1878*. Novi Sad: Matica srpska, 1987, p. 640.
- Žurek P. Nova interpretacija geneze Načertanija: srbcenrizam Hotela Lambert i Hrvati. In: *Scrinia Slavonica*. Slavonski Brod. 2006, no. 6, pp. 629–648.
- Đorđević D. Uloga istoricizma u formiranju balkanskih država u devetnaestom veku In: *Ogledi iz novije balkanske istorije*. Beograd: Srpska književna zadruga, 1989, pp. 87–103.
- Jireček K. Istorija Srba do 1537. godine (Politička istorija). Beograd: Zmaj, 1990, p. 512.

«ТОЛЬКО СКУЛЬПТОРЫ ЗНАЮТ, КАКИМ ТУДЖМАН БЫЛ?» ПАМЯТНИК В ФОКУСЕ ПУБЛИЧНЫХ ДЕБАТОВ ОБ АКТУАЛЬНОМ ПРОШЛОМ ХОРВАТИИ¹

Ключевые слова: историческая политика, памятники, Хорватия, Франьо Туджман, проект Памятника Родине в Загребе.

Аннотация. Возведение памятника Франьо Туджману в Загребе в декабре 2018 г. вызвало бурные споры в медиа о прошлом и настоящем Хорватии. Они продемонстрировали раскол, берущий начало из времени правления первого президента. Впоследствии полемика вылилась в действия, приведшие к осквернению памятника, что спровоцировало новые споры. А следующий акт мемориальной политики — проект Памятника Родине, закладной камень которого был установлен в сентябре 2019 г., — сопровождался очередной волной критики. Историческая политика правящей хорватской элиты, очевидно, продиктована благими намерениями: охладить «горячую» память о войнах 1990-х и сгладить ее конфликтный потенциал. Но в актуальном социальном контексте имитационный характер таких усилий слишком очевиден.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-138-160

10 декабря 2018 г., в ознаменование 19-й годовщины со дня смерти первого президента независимой Хорватии, в ее столице Загребе на пересечении улицы г. Вуковара и Хорватского братства (на соединении Старого и Нового города) был торжественно открыт памятник Франьо Туджману. В церемонии открытия участвовали и выступили с речами

первые лица государства: президент Колинда Грабар-Китарович, премьер-министр Андрей Пленкович, а также спикер Хорватского сабора Гордан Яндроквич. Вместо загребского градоначальника Милана Бандича, отсутствовавшего на церемонии по болезни, перед присутствовавшими выступила его заместительница Елена Павичич-Вукичевич

© М. В. Белов, 2020

Белов Михаил Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижегород); belov_mihail@mail.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

(Otkriven spomenik... 2018; Pozitivno političko naslijeđe... 2018).

Памятник Туджману увенчал собой ряд из около 80 полнофигурных скульптур и бюстов, установленных первому президенту Хорватии по всей стране². Ранее его имя было присвоено загребскому аэропорту. Что уж говорить о множестве улиц, площадей и прочих топографических объектов, названных в честь первого президента. Хорватский феномен напоминает волну мемориализации Бисмарка в Германии конца XIX — первых десятилетий XX в. или ленинизацию всех сколь-нибудь значимых населенных пунктов в Советском Союзе. Подобные названия и изваяния призваны символически маркировать новообретенное государственное пространство и связать идентичность населяющих его граждан с образом «отца нации». В случае монументов метафора «строительства идентичностей» обретает зримые черты. И пока скульптура не потеряется в ландшафте и не станет «незаметной» в силу привычки, механизм материализованных усилий в этой области оказывается предельно обнаженным³. Способы и агенты осуществления таких усилий, а также лежащие за ними смыслы попадают в зону активного общественного внимания.

² С некоторыми из них можно ознакомиться в интернет-подборках. URL: www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/spomenici-franji-tudmanu-u-hrvatskoj/8097080/; www.tportal.hr/kultura/clanak/pogledajte-spomenike-franji-tudmanu-diljem-hrvatske-foto-20181207/slika-50abdfed7088926e8aacfe937683d429 (дата обращения: 30.03.2020).

³ См. рассуждения о мемориальной функциональности городской скульптуры, отталкивающиеся от парадоксального наблюдения Р. Музиля о «незаметности» памятников: (Ассман 2019: 60–65).

⁴ На сайте правительства выделена следующая характерная фраза из этого выступления: «Под визионерским водительством д-ра Туджмана Хорватия осуществила свои наивысшие достижения». Президент К. Грабар-Китарович руководствовалась той же традицией, когда говорила на открытии памятника: «Мало кто имел предвидение в решении хорватского вопроса, еще меньше тех, кто умел его реалистично формулировать и проводить в жизнь. Франьо Туджман умел».

Возведение памятника Туджману в Загребе вызвало бурные споры в медиа о прошлом и настоящем Хорватии, продемонстрировав раскол, берущий начало из времени его правления. Впоследствии полемика вылилась в действия, приведшие к осквернению памятника, что спровоцировало новые споры. А предзаданная логика дальнейшей политики памятников сделала споры перманентными, цементируя, взамен единства, тот самый общественный раскол.

ПАМЯТЬ И ПАМЯТНИК: ЗАЩИТА И НАПАДЕНИЕ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Проблематичность фигуры первого президента косвенно проявилась даже в речи премьер-министра, сделавшего акцент на «позитивном политическом наследии» Туджмана. Хотя она целиком выдержана в духе национально-романтической риторики⁴, подразумевалось, возможно, что в наследии былого «вождя нации» есть и своя негативная сторона.

Защитную стратегию, с целью нейтрализовать сомнения, накануне открытия памятника использовал «Вечерний лист» в корреспонденции под заголовком «Что нам оставил Франьо Туджман?» (Galic 2018). Ее

автор Мирко Галич начинает с констатации неутрачивающих страстных споров вокруг наследия первого президента, и это «...не может удивить никого, кому известно, что и как генерал, и как историк, и как государственный деятель он шел, преодолевая большое сопротивление, и “писал ровно по кривой черте”». Тем не менее главная его заслуга — «основание национального государства» — перекрывает счет неразрешенных противоречий, доставшихся в наследство от Югославии или порожденных собственным десятилетним правлением Туджмана. В выборе между престижем государства («не самым лучшим, но своим») и благополучием его граждан колумнист голосует за первое. Он не допускает возможности, что это лишь ложный выбор. Для излечения от депрессии, охватившей хорватское общество, предлагается посмотреть на соседей (повидимому, из бывшей Югославии), чтобы убедиться, что «у нас [все] не так уж и плохо».

Туджмановский авторитаризм противопоставляется далее нынешнему дефициту ответственности и мелочности политиков, когда даже его бывшие оппоненты (критики антидемократизма, национализма и приватизации) вынуждены признать величие ушедшей фигуры. «Туджман — это прошлое, к которому обращаются в страхе за будущее». При этом «людьми владеет уверенность, что он заботился о Хорватии даже тогда, когда действовал ей в ущерб». Такие парадоксы, разбросанные по статье, снижают пафос высказывания и создают иллюзию объективности. Играя на них, автор обсуждает «вину» Туджмана, объявившего ам-

нистией сербам, совершившим военные преступления во время Отечественной войны.

Туджман стал порождением перемен, вызванных падением Берлинской стены и окончанием холодной войны. Будучи историком, он лучше других «...распознал сигналы истории и выступил перед народом с программой основания собственного государства». Он не смог бы так поступить ранее, поскольку после смерти Тито на протяжении 10 лет «...все институты сербского народа, политические, культурные и духовные, работали над проектом Великой Сербии». Поэтому со «смертной постели Югославии» (в новых обстоятельствах конца 80-х) Хорватию мог поднять лишь радикальный национализм. В гражданской войне виноваты хорватские сербы и Белград, а ошибка Туджмана заключается лишь в том, что он не привлек на свою сторону ту нейтральную часть сербского населения, которую волновали вопросы гражданства и собственности. Однако преувеличенный триумфализм в победе над Книном компенсирован чисто дипломатическим успехом в Вуковаре.

Исторические ревизионисты имели бы проблемы с Туджманом, останься он жив, ибо он оставался антифашистом, некогда сражавшимся против усташеского Независимого государства Хорватия (НГХ). И это отразилось в преамбуле конституции 1990 г., которую он сам написал. Потому-то Туджман и сохранил памятник Тито на лучшей площади Загреба, который убрал с нее его нынешний градоначальник.

Образцом для Туджмана служил де Голь («республиканский монарх»), и это сравнение, похоже, импонирует колумнисту⁵. В заключение, в соответствии с натурализированным взглядом на историю как на стихийное явление, он замечает: «Хорватия имела счастье начать процесс обретения государственной самостоятельности и несчастье, что не смогла осуществить его без войны». В этой упрощенной державнической перспективе жертвы и разрушения превращаются всего лишь в досадную помеху на «великом пути», а любая политическая ответственность за них (не считая козней «врагов нации») снимается. Приходилось выбирать: «державу с войной или мир без державы». Вся ответственность за войну падает на Милошевича и «велико-сербский национализм», в то время как национализм Туджмана и поддержавших его хорватских избирателей был лишь реакцией на эту угрозу. В случае с боснийской войной Туджман опять же ни в чем не виноват, ему просто не повезло, и лишь вступив в сговор с Милошевичем, он «чуть не продал душу». А все последующие события в усеченной Югославии только оправдывают Туджмана, бескомпромиссно освободившего от нее Хорватию.

Именно такая история «из одного угла» с перепутанными причинами и следствиями стала ключевой стратегией в постъюгославских государствах. Публикация собрала 195 ком-

ментариев. И помимо высказываний апологетов, которые преобладают, среди них были и ернические отклики. Некоторые комментаторы специально отметили лукавство журналиста, другие — отвергли культ государства в ущерб благополучию граждан.

Ранее та же газета опубликовала данные опроса (*Balija* 2018), согласно которым 15,63% принявших участие в анкетировании одобрили памятник, почти 56% он не понравился, поскольку созданный скульптором образ совсем не похож на Туджмана, и 28,45% сочли, что деньги можно было бы потратить с большей пользой⁶ (затраты определяются в 4,5 млн кун). В материале подчеркнута величина памятника, призванного доминировать над окружающим пространством (4,27 м — высота скульптуры и 1,45 — постамента). Журналистка взяла интервью у скульптора Кузмы Ковачича, автора множества патристических монументов, в *третий раз* обратившегося к образу первого президента. Он рассказал о трудоемкости изготовления скульптуры (работа заняла около 6 месяцев) и отметил, что хотел показать Туджмана в движении, так, чтобы он «смотрел» на плоды своего труда. Его взор будет обращен к будущему Памятнику Родине между концертным залом им. В. Лисянского и городской управой.

Большинство комментаторов сосредоточились на несходстве скульптуры с «реальным» Туджманом, каким

⁵ Здесь не обошлось без оговорки, снижающей апологию: «Туджман любил власть, делился ею, насколько необходимо, и злоупотреблял ею, когда... это было в его интересах».

⁶ Мнение раздраженных эпидемией памятников выразил один из комментаторов («*vidum*»): «Надо в каждом городе, селе и местечке поставить такую статую, тогда не будет больше голодных хорватов». Другой актуальный, судя по комментариям, для жителей Загреба вопрос — городской мусор, проблему которого никак не может решить мэр Бандич, увлеченный строительством памятников.

он запомнился по фотографиям и телетрансляциям⁷. Особенно раздражал плащ, облегающий тело под воображаемым ветром («как будто в болоте валялся»)⁸, и отсутствие привычных очков, с которыми президент никогда не расставался. Однако были и такие комментаторы, которые сравнивали мемориальную туджманизацию с советской ленинианой, культом Тито в Югославии и с Северной Кореей, или испытывали стыд «...за хорватский народ, осужденный на соучастие в этом преступном предприятии» («sindarela»).

Критический взгляд на политику увековечивания туджмановского культа представил в еженедельнике «Глобус» накануне открытия памятника провозвестник борьбы с «историческим ревизионизмом», публичный интеллигент и историк с оспоренной научной репутацией Иво Гольдштейн: «Звучит грубо, но это правда: заслуга Туджмана — все, что мы теперь имеем» (*Goldstein* 2018). Иными словами, отношение к эпохе Туджмана рассматривается в этой статье как симптом состояния хорватского общества.

«Агрессивная глорификация» туджмановского наследия продолжается, несмотря на единодушные исследователей из разных стран и областей знания, осудивших авторитарные, недемократические аспекты прав-

ления первого президента Хорватии. Культ Туджмана превратился в местный мейнстрим, а его противники подвержены осуждению, вопреки правилам цивилизованного общества, которому следовало бы открыто обсуждать свое прошлое, чтобы двигаться вперед. «Хорватская публика еще долгое время не найдет в себе сил разобраться с догмой о Туджмане, поскольку она глубоко засела в нашей политической жизни, культуре и повседневности». Вина за это лежит и на политической элите, повернувшейся к туджманизму, который является анахроничным феноменом и с самого начала был «не в ладу с эпохой». Этот реакционный поворот — проявление идеологического и интеллектуального дефицита. Он обрекает Хорватию на провинциальное самодовольство страны — окраины Евросоюза, вытесняемой в «балканскую корчму», поскольку она не готова к принятию современных экономических и политических вызовов.

Култ Туджмана является продолжением саморепрезентации этого «экстремально нарциссического человека», по выражению биографа Дарко Худелиста. В стремлении встать вровень с великими находится корень его амбиций по разделу Боснии и Герцеговины (БиГ). Вскормленный коммунистической идеологией, Тудман не был ни ти-

⁷ Ернический комментарий Ренато Баретича в канун открытия памятника начинается с цитаты из социальных сетей: «Похоже, только скульпторы просекают, каким Туджман действительно был». И поскольку в жизни первый президент так походил на карикатуру, а как модель плохо поддается портретированию, не пора ли уже подумать об абстрактной скульптуре в честь Туджмана. Намек на вероятную форму такой абстракции грубо издательский: (*Baretić* 2018).

⁸ На эту стилистику, заимствованную из 70-х, когда в бронзе отливали героев освободительной борьбы и партийных функционеров, обратили внимание и специалисты: «Бессмысленно смоделированная бронзовая фактура дает впечатление налипшей грязи» (*Duhaček* 2018a).

пичным консерватором, ни либералом и оставался равнодушен к идеям разделения властей или уважения прав и мнения меньшинства. Как реальный политик, он умел договариваться с жестокими противниками, но это не освобождало его от навязчивой идеи. Вместо свободы он одарил Хорватию культом государства, взамен индивидуализма — национализмом (в форме шовинизма) и вместо модерности — традиционализмом. Вместо открытости он насаждал мелкобуржуазную ограниченность, вместо свободы слова — язык вражды, вместо свободного рынка — экономику клана, а на место «здоровой политической жизни» поставил партийную клиентелу и коррупцию.

Гольдштейн далее привел ряд ярких примеров авторитарной практики Туджмана, распоряжавшегося страной как своей вотчиной и вмешивавшегося в работу органов власти как на государственном, так и на местном уровне. В частности, он напомнил о конфликте со скупщиной Загреба, где в конце 1995 г. одержала верх оппозиционная Хорватская социал-либеральная партия, а Туджман заблокировал всех предложенных ею кандидатов на пост мэра. Приведен и отрывок из его интервью от февраля 1996 г. с грубыми комментариями деревенского остролова по поводу этой ситуации: «Что значит, оппозиция в Загребе имеет 60% голосов?.. Это свинья или гусь? Это куры или гуси? Это крупный или мелкий рогатый скот? Всякий рассудительный крестьянин и человек понимает, что в сравнении с этим одна, а лучше пара породистых лошадей или коров будет стоять больше, чем целое стадо».

Все выборы после 1990 г. в Хорватии были так или иначе подтасованы в пользу правящего Хорватского демократического содружества (ХДС). При этом после операция «Буря» (1995), когда военная опасность уже миновала, наступила самая тяжелая фаза туджманизма. Пропаганда манипулировала мнимыми угрозами во имя удержания ХДС у власти, и были потеряны четыре года, отодвинувшие Хорватию далеко от демократического транзита (и ближе к «восточной деспотии»). Президентская кампания 1997 г. сопровождалась грубой диффамацией конкурентов и даже прямым насилием и угрозами расправы. Хотя сербская агрессия в Хорватии не была спровоцирована национализмом ХДС, он оттолкнул лояльных республике сербов, а преступления хорватских военнослужащих в войнах 1990-х были релятивизированы.

Подводя итог, Гольдштейн связывает туджманизм с «девиантной системой ценностей», основанной на преувеличенном национализме в ущерб институтам гражданского общества, а также с «опустошенной экономикой» как следствием «мутной трансформации и приватизации». С консервативным поворотом 2012 г. и выборами представительницы ХДС Колинды Грабар-Китарович в президенты (2015) «туджманизм вновь ударил в головы» граждан Хорватии.

Публикация получила множество враждебных комментариев, которые, впрочем, сосредоточились в большей степени на репутации Гольдштейна, а не на смысле его слов. Но были и те, кто солидаризировался с его диагнозом.

Статья в «Утреннем листе», появившаяся также еще накануне церемонии открытия памятника, относится к жанру политической сатиры с элементами стеба (Pavičić 2018). Ее автор Юрица Павичич, писатель, сценарист и журнальный обозреватель, отталкивается от высказанного скульптором в одном из интервью намерения добиться такого художественного решения, чтобы «с нами был живой Туджман»⁹. И именно это самое ужасное, по мнению автора материала.

С окончанием войны как «продолжения политики иными средствами» (Клаузевиц) начинается политика памятников как «продолжение войны иными средствами». «Когда Восточная Европа освободилась от объятий прежде монополярной и гегемонистской идеологии, на ее месте возникли десятки враждующих, пубертатных и напыщенных национализмов». Памятники стали для них со временем заменой оружия. На конях и без коней, в камне и бронзе Восточную Европу стали насаждать памятники средневековым или античным правителям, Степану Бандере или Мирю Барешичу¹⁰ и прочим национальным героям. «Бриллиантами в короне» этой «вновь скомпонованной истории» (Иван Чолович) стали «Скопье-2014» македонского экс-премьера Николы Груевского

и Каменград (Андричград) Эмира Кустурицы на Дрине. «В обоих случаях две националистические идеологии построили “еще более красивый и более старый” город, с целью создать иную, параллельную историю, историю без турок и мусульман, в которой Балканы имели бы свой Ренессанс, Сецессион, Ринг [как в Вене], [своего] Вобана и Музейную площадь [как в Амстердаме]». Такой же муляж фиктивного прошлого создается ныне и в Загребе, городе со вполне реальной историей. Памятники и фонтаны — это все, что останется от более чем десятилетнего монархического правления его нынешнего мэра Бандича, которому не интересны реальные городские проблемы.

Вообще, памятники дают «истинную картину общественного развития»¹¹. В нынешней мемориализации усматривается возврат к провинциальному национализму, в котором только и чувствует себя комфортно подавленное общество. Тогда как многие стали спорить, похоже ли изображение скульптора на «настоящего Туджмана», проблема заключается не в том, что К. Ковачичу не удалось его замысел, а в том, что он в нем слишком преуспел. В современный ландшафт Загреба внедрена крупная ростовая статуя государственного деятеля на постаменте, чудесным образом

⁹ См., например: (Kovačić 2018).

¹⁰ Хорватский националист, застреливший в 1971 г. югославского посла в Швеции Владимира Ролвича. Памятник ему был установлен в г. Драга (между Задаром и Шибеником) в 2016 г.

¹¹ В своем интервью в «Венаце» скульптор К. Ковачич, в принципе, соглашается с такой констатацией, хотя дает своему творению диаметрально противоположную трактовку. Противники памятника или критики его Алтаря хорватского отечества (1994) в пригороде Загреба Медведграде — это одновременно и «противники хорватской свободы и самостоятельности». С подсказки интервьюера Ковачич связал собственные достижения в искусстве с верностью национальной традиции. При этом хорватскому наследию в нынешних обстоятельствах, по мнению скульптора, угрожает серьезная опасность.

переселившаяся из XIX в. Такой радикальный анахронизм сильно напоминает туджмановскую эстетику и общественные вкусы 1990-х.

«Однако Загреб — это не Скопье, и Бандич понимает, насколько не “комильфо” быть похожим на Груевского. Поэтому мэр Загреба и не заказывает статую у какого-нибудь Ичи Маленича, опытного скульптора-реалиста, который бы украсил Туджмана пуговицами и очками. Нет, вместо этого он берет бывшего модернистского скульптора, который придаст загребскому Туджману щепотку импрессионизма, чуточку “пуха и перьев”, чтоб показать: мы не крестьяне с какой-то реалистичной скульптурой. В то же время эта ложь квазимодернистского, импрессионистского шага скрывает глубокую сущность памятника, который по замыслу и вдохновению принадлежит XIX веку». Так и нынешнее хорватское общество лишь поверхностно имитирует современность. А за ее «пухом и перьями» скрывается архаичное «...общество с клерикальной идеологией, самоцензурой в искусстве, патриархатом, “запретом на мышление” по историческим вопросам, вероучением в школе и противодействием науке». Так что, действительно, в новый памятник Туджману «воткана душа», как выразился Ковачич, того самого «...фрустрированного, разочарованного и растерянного общества».

Ежедневная «24 часа» откликнулись колонкой Томислава Клаушкого в день открытия памятника, которая собрала 227 комментариев читателей на сайте издания. В заголовок вынесен диагноз: «Памятник Тудж-

ману — не только эстетический, но и политический ужас» (Klauški 2018). Ниже пояснение: «Что же должен символизировать и чему служить памятник Франьо Туджману перед концертным залом им. В. Лисинского? Во всяком случае он должен напомнить нам о том, чем Хорватии как государству и обществу не следовало бы быть». Единственный его практический смысл — в истеричной предвыборной кампании еще хоть немного послужить опорой политическим карлика, стоящим на плечах этого «гиганта».

Парадокс заключается в том, что памятник установлен в столичном городе, с властями которого Туджман вошел в самый острый политический конфликт. И его заказал мэр, начинавший карьеру столичного политика как функционер социал-демократов (СДП), с которыми тот конфликтовал. Далее перечислен ряд пикантных обстоятельств сегодняшнего дня и годовщин, свидетельствующих о проблематичности туджмановского наследия, даже положительная часть которого «стремится к дезавуированию».

Вписанные в конституцию Туджманом ценности антифашистской борьбы активно подрываются, но ведь именно он на первом съезде ХДС в том же зале им. В. Лисинского назвал НГХ «выражением исторического стремления хорватского народа к государственности». Фигура Туджмана не может быть объединяющим символом, поскольку именно он насаждал «деление на хорватов и всех остальных. Разделение между хорошими и плохими хорватами. Между националистами и “коммунистами”».

Между верными хорватами и “зелеными и желтыми дьяволами”. Между ХДС и оппозицией. Этому списку нет конца». Он душил демократию и превратил Хорватию в «...обозленное, изолированное и не внушающее сочувствия государство». Памятник Туджману — это олицетворение той хорватской реальности, из которой многие хотели бы сбежать.

Диспут о том, кто более ценен для хорватской истории — Тито или Туджман, среди читателей этой статьи, оставивших комментарии под ней, стал длинной «веткой». Решить дилемму оказалось нелегко, поскольку спорщики разошлись в измерительных системах. Многие иронизировали над мегаломанией и демагогией нынешних властей и над невнятностью смыслового посыла скульптуры¹². Комментарии вновь демонстрировали общественный раскол с перевесом в пользу критической аудитории.

Портал «Index» как будто заимствовал заголовок своей колонки от 10 декабря из финала заметки Клаушкового: «Наилучший памятник Туджману — это Хорватия, из которой люди массово убегают» (*Duhaček* 2018b). Гордан Духачек сперва напомнил читателям о последних днях первого президента, чья тяжелая болезнь скрывалась от публики вопреки правилам открытости, присущим демократиям. Вообще же автократическим проявлениям не было ни конца, ни края. «Бывший суровый коммунист и генерал ЮНА просто не понимал или не любил демократию».

¹² «Может быть, назвать его памятником “неизвестному загребчанину” или “загребчанину на ветродусе”. Загребчанцу? Загребчанец на беспутие исторической реальности?» («vx123»). Последняя фраза — аллюзия на название книги исторических размышлений и одновременно националистического манифеста Туджмана (см. далее).

Он проводил преступную политику в БиГ, как это признал Гаагский трибунал позднее, Отечественная война омрачена такими же преступлениями, а Вуковар Туджман «проспал». Он дышал ненавистью к хорватским сербам и тем не менее был очарован, по свидетельству ближайших соратников, своим сербским визави Слободаном Милошевичем.

Главной заслугой Туджмана являлось национальное государство, границы которого его не удовлетворяли, поэтому он собирался расширить их за счет БиГ. При этом его гораздо меньше интересовали люди и общество, а Хорватия рассматривалась лишь как продолжение его самого. «Свое мещанство и ограниченность он демонстрировал в пренебрежении к хорватской культуре, которая в восьмидесятых была такой яркой и соответствовала мировым тенденциям, а при Туджмане сведена к несмотрительным фильмам и “чуду хорватского наива”. Все эти гротескные памятники Туджману по всей Хорватии являются прямым выражением его эстетики». Он же «приоткрыл ворота» для реабилитации НГХ, и теперь ностальгия по усташам хлынула широким потоком в общественное пространство.

Туджман никогда не имел абсолютной поддержки граждан Хорватии и до сих пор разделяет их на два лагеря: одни мечтают о возвращении славных времен, а другие проклинают его имя. Опрос читателей «Индекса» показал, что Туджман и его

партия ХДС лидируют среди других виновников нынешней кризисной ситуации (АНКЕТА 2018). Поразительно, но политические элиты, в отличие от граждан, пришли к консенсусу в отношении наследия Туджмана и единогласно именуют его «отцом отечества». СДП преуспела в этом больше ХДС, поскольку она на самом деле никогда и не думала о реальном выходе за узко националистические рамки и о превращении Хорватии в «нормальную» европейскую страну. Пропаганда промывает мозги, а граждане покидают родину, где католическая церковь получила исключительные права морального арбитра и где «...преобладают апатия, депрессия, ненависть и страдания, так что целые территории Хорватии становятся безжизненными». В конце материала журналист цитирует эксперта по истории искусств из Загребского университета Ясну Галер, с которой беседовал ранее: «Новый памятник Туджману — еще одно проявление болезненного невежества, отсутствующих критериев, утраченных ценностей, что связано с [общественной] отсталостью и интеллектуальным небрежением» (Duhaček 2018a)¹³.

Выходящий в Риеке «Новый лист» откликнулся на событие в столице комментарием под заголовком «Девятнадцать лет после ухода “отца отечества” Хорватия все еще повторяет

ошибки Туджмана» (Duka 2018). Следование его курсом проявляется и в создании касты ветеранов Отечественной войны (1991–1995), и в националистической политике, и в экономических неурядицах, в коррупции и nepотизме, и во всеобъемлющем политическом контроле. Автор материала Зденко Дука отметил идеализацию образа первого президента в исполнении скульптора Ковачича и вспомнил отклик самого Туджмана на один из его портретов («слишком светлый»). По мере удаления от 90-х все больше граждан склонны безоговорочно рассматривать его как «отца отечества». И хотя, действительно, Туджман внес превосходящий вклад в достижение независимости Хорватии, также верно и то, что путь к ней лежал через кровавую войну (и вовсе не обязательно отсутствовал какой-то другой путь)¹⁴. Важно и то, какое государство было создано Туджманом, насколько преуспела экономика или социальная сфера Хорватии, каковы законы, суды и администрация. Печальное состояние страны — это тоже его заслуга. «Всякая новая самостоятельная держава должна иметь некий фундамент, на который могла бы исторически опираться. Поэтому первый хорватский президент — ее естественный выбор».

В Хорватии постоянно идет война за «улучшенное прошлое». Миф

¹³ Галер также констатировала: «Обращение к патриотическим ценностям, которые внедряются более чем 4-метровой фигурой Туджмана, как бы открывающего в шаге путь к свободе, не смягчает неубедительность работы. Его шаг неуверен, он словно бы спотыкается, а его рука прижата к груди, как будто он болен. Его “язык тела” посылает сообщения, которые не понравились бы президенту, и лишь какая-то часть нынешнего электората Хорватии интерпретирует это так, как хотелось бы автору [скульптуры]».

¹⁴ Автор напоминает, что ряду югославских республик удалось избежать масштабных военных действий на пути к независимости. Он вспоминает о распаде СССР в 1991 г. и «цивилизованный развод» Чехословакии в 1992-м.

о тысячелетней мечте хорватского народа, которая осуществилась в 1991 г., был удобен Туджману, который оказывался триумфатором в точке этого «конца истории» или «настоящего начала». Он систематически продвигал такой неисторичный взгляд, но теперь националистической ревизии все более агрессивно подвергается история Второй мировой войны. С точки зрения шовинистов, хорваты вообще не могли быть такими плохими, какими были на самом деле преступники-ушасты в НГХ. Туджманисты после Туджмана утверждают, что виноват всегда только кто-то другой. Все это указывает на двусмысленность культа Туджмана, ставшего мейнстримом в сегодняшней Хорватии. И даже если войн 90-х было не избежать, именно он подстегнул волну ксенофобии, которая выливается теперь в расизм и антисемитизм у его последователей. Его книга «Беспутье исторической реальности» (*Tudman 1990*) косвенно оправдывала этнические чистки ради предотвращения дальнейших межэтнических конфликтов, которые в противном случае слишком вероятны.

Дукич почти дословно повторил некоторые пассажи из колонки Иво Гольдштейна в «Глобусе». Из его статьи и из комментариев читателей видно, что арсенал возможных высказываний «за» и «против» Туджмана и новоустановленного памятника уже исчерпан¹⁵.

¹⁵ Критические суждения составили матрицу для оценки последующих политических шагов. См., например, комментарий Х. Класича, связавшего два события: открытие памятника «отцу современной Хорватии» и принятие в парламенте страны через четыре дня, 14 декабря, Декларации о положении хорватов в БиГ как «одностороннего, необязательного и несамокритичного документа» (*Klasić 2018*).

И все же полемика на этом не закончилась. Журналистка и автор нескольких документальных фильмов на исторические темы Вишня Старешина опубликовала свой комментарий в «Фейсбуке», и его перепечатал полностью портал «Narod» (*Starešina 2018*). Она использовала в стратегии защиты тонкую иронию с ноткой меланхолии. Вспоминая о церемонии похорон Туджмана, международное присутствие на которых она освещала как корреспондентка «Вечернего листа», Старешина выделила фигуры Ганса-Дитриха Геншера, Сулеймана Демиреля и Виктора Орбана. Особенно последнего, хотя и признает, что в тот момент не вполне понимала, что связывает молодого венгерского либерала, выпускника «соросовской школы», с покойным хорватским президентом. «Теперь знаю: их связывает страсть к политике, преданность государству и народу, чувство политического момента, способность смотреть вперед, упорство и решимость в осуществлении своего видения наперекор и вопреки тому, что сильнее их самих». Вопреки диффамациям и критике, Туджман, как и Орбан сегодня, олицетворяют собой «народный мейнстрим» Центральной Европы, который на наших глазах превращается в общеевропейский. Иными словами, на волне правого популизма в Евросоюзе воздвижение памятника Туджману вполне актуально.

Тонкости полумемуарных и полусерьезных оправданий в такой манере

призваны скорее не преодолеть «негатив», но защититься от него в позе достоинства (для этого упомянуты зарубежные политики) и «народной мудрости». Спустя некоторое время апологеты перешли в наступление. «Узурпировавшие свободу слова критики Туджмана неосознанно признают за ним ту величину, какую Тито не имел. Таким образом, они участвуют в строительстве того живого памятника Туджману, который, если мы будем разумны и усердны, вырастет до неба», — эту максиму вынес под заголовок колумнист «Вечернего листа» Мате Мийич (*Mijić* 2018).

В его логике все еще существуют лишь две альтернативы: коммунистическая Югославия или независимая Хорватия, Тито или Туджман¹⁶. Поэтому все критики памятника, эти мнимые «защитники прав человека», имеют коммунистическую подкладку. «О вкусах не спорят, но насколько эти люди действительно защищают права человека и насколько подрывают общую идеологию, безусловно, следует спорить». Режим Туджмана не клеймил их как «иностранных агентов» и не сажал в тюрьмы, как это делал режим Тито со своими противниками¹⁷.

«Живым» памятником Туджману станет свободная демократическая Хорватия, успех которой зависит от людей, уважающих его наследие. «В этой Хорватии люди могут свободно протестовать и не соглашаться

с мнением большинства». Значит ли это, что успех демократии зависит и от меньшинства, или ему следует помалкивать, дожидаясь подобного совершенства? Великодушные комментатора допускает критику лишь как доказательство величия Туджмана, предоставившего свободу слова. Такая изворотливость в высказываниях убивает двух зайцев: идеализирует первого президента как зачинщика хорватской демократии и квалифицирует его врагов как предателей национального дела.

ОСКОРБЛЕНИЯ ДЕЙСТВИЕМ И РЕАКЦИЯ НА ВАНДАЛИЗМ

Накануне открытия памятника около 20 активистов из неправительственных организаций и оппозиционных партий встали в пикете с растяжкой: «Нынешняя Хорватия — лучший памятник Туджману» (*Vaić* 2018). Именно это, как мы видели, стало лейтмотивом многих критических высказываний в прессе.

Оттесненные полицейскими и прикрытые микроавтобусами, пикетчики находились вне зоны видимости высокопоставленных лиц, присутствовавших на церемонии, но они вошли в невольный контакт с несколькими недовольными пожилыми прохожими. Рада Борич, депутат скупщины Загреба от «новых левых», пояснила, что речь идет о символической акции, которая представляет «другую

¹⁶ Некоторые комментаторы отметили ложность альтернативы и ангажированность колумниста (например, «la_54», «lokalpatriot ri», «tramontana» и др.). Некоторые вспоминали эпизоды притеснения журналистов во времена Туджмана. Но были и те, кто полностью согласился с Мийичем.

¹⁷ Впрочем, журналист не ласков и к тем, кто пытается заработать политический капитал, а заодно и прикарманить бюджетные деньги при возведении памятника, т. е. к нынешним представителям власти. Они-то и повинны в том, что памятник не похож на оригинал.

Хорватию», а не ту, что замыслил Туджман. Участники пикета, дававшие пояснения журналистам, указывали на необходимость задуматься о собственных преступлениях, вместо того чтобы бесконечно пенять на чужие, и переосмыслить трагический путь к независимости. Триумфализму памяти об Отечественной войне они противопоставили решимость той части молодежи, которая, вопреки трудностям, не собирается покидать Хорватию, чтобы вывести ее на современный путь развития.

День открытия памятника (девятнадцатая годовщина смерти Туджмана) был по совпадению еще и Международным днем прав человека, учрежденным ООН еще в 1950 г. Поэтому К. Грабар-Китарович пыталась представить Туджмана как последовательного правозащитника, ставшего жертвой коммунистического режима, когда он попал за решетку. Такое преувеличение встретило недовольство в левой печати. Совпадение дат провоцировало креативность. На странице в социальной сети «Фейсбук» сплитского подразделения Форума молодежи при СДП появился известный коллаж из еженедельника «Feral Tribune»¹⁸. На нем Туджман изображен в обнимку с Милошевичем, а надпись гласит: «За то ли мы боролись?» К перепечатке был добавлен комментарий: «Два старых добрых приятеля...» (Forum mladih... 2018).

На самой церемонии были задержаны два человека «за нарушение общественного порядка и спокой-

ствия» (Dva incidenta... 2018; Tko je muškarac... 2018). Впоследствии один из задержанных, Зоран Эрцег, участник войн 90-х, выкрикнувший: «Туджман — военный преступник», был приговорен к 15 суткам ареста. Вопреки наложенному судом запрету нахождение у памятника Туджману, который, правда, не вступил силу, поскольку мог быть оспорен в высшей инстанции, Эрцег, выйдя из-под ареста, сразу отправился к памятнику и пообщался с полицейскими и журналистами. Этот судебный прецедент и последующий демарш ветерана стали предметом дебатов об уровне демократии, правовой справедливости и качестве судебной системы в Хорватии. Однако читатели, оставившие комментарии, сомневались в репутации скандалиста и провокатора, каким зарекомендовал себя Эрцег ранее ('Tudman je zločinac...' 2019).

Внимание к памятнику в медиа возвратилось после некоторой паузы в связи с актами вандализма в отношении него. В первый раз это случилось в январе 2019 г. когда у подножия памятника на надпись с именем Туджмана было нанесено граффити с изображением серпа и молота (Srp i čekić... 2019). По подозрению в преступлении был ненадолго задержан 24-летний студент философского факультета Загребского университета и левый активист Филип Драча. При этом его быстрому задержанию способствовали предположения о личности подозреваемого, опубликованные особо активными гражданами в социальных сетях. Они

¹⁸ Сатирическое издание левой направленности, издававшееся в 1993–2008 гг. журналистами «Свободной Далмации».

откликнулись на призыв полиции, разместившей изображения с камер наблюдения в средствах массовой информации¹⁹. Так было положено начало долгому следственному и судебному разбирательству, в котором обвинение затребовало 10 месяцев заключения и 3 года условно.

Во второй раз памятник был осквернен в феврале, когда его закидали яйцами (*Tudmana pogodili jajima...* 2019). Это случилось сразу после демонстративного визита освобожденного из-под ареста Эрцега к ненавистному памятнику, и по случаю акция совпала с днем святого Валентина. Этот праздник «всех влюбленных» не отвлек политизированную аудиторию от инцидента (под публикацией в «24 часах» набралось 354 комментария). Дискуссия развернулась на этот раз вокруг самой формы протеста (ее допустимости или неадекватности). Но комментаторы часто сворачивали на старые рельсы: нужны ли Хорватии столь многочисленные памятники Туджману, как общество может вовлекаться в процесс мемориализации, выбор имен, объектов и способов увековечивания памяти, насколько бесспорен вклад первого президента в государственность? Бурный отклик («ветку» из 57 комментариев) вызвала запись одного из «сомневающихся» пользователей (под ником «Misko022»), указавшего дату своего рождения — 1996 г. Такой акцент смоделировал «конфликт поколений», в котором старшие принимали обретение независимости

через войну, свидетелями которой были, гораздо ближе к сердцу. А патриотическим эмоциям противостояли доводы рассудка, высказанные в солидарность с «младшим» поколением. При этом именно «старшие» формально ссылались на опыт и мудрость.

В апреле 2019-го произошел третий инцидент с памятником²⁰. Под надписью на постаменте вновь с помощью красочного баллончика было начертано «Бандич вор», а на правой стороне имя Мила внутри символического сердца (*Raknić* 2019).

Побочным эффектом акций вандализма явилось напоминание о разрушении иных мемориальных объектов. Левые организации выступили с протестом против кампании преследования подозреваемого в январской акции, организованной Министерством внутренних дел, которое провоцирует истерию ненависти справа, подобную «суду Линча». В то время как Драчу обвиняют в ущербе городской собственности, властям нет никакого дела до разрушения около трех тысяч памятников народно-освободительной борьбе 1941–1945 гг., среди которых — шедевры социалистического модернизма. Например это памятник Войны Бакича Победе народа Славонии в Каменской, разрушенный в 1992 г. после девяти минирований. Вспоминается и безразличие властей к актам вандализма с использованием усташеской и нацистской символики, которая, в отличие от коммунистической, законодательно

¹⁹ Такой откровенный призыв к доношению стал поводом для фельетона одного из авторов «Feral Tribune» (*Ivančić* 2019).

²⁰ Ранее в марте был осквернен памятник Туджману в Сплите.

запрещена. Не говоря уже об обилии идеологически нейтральных граффити на общественных зданиях и иных объектах Загреба. В общеполитическом контексте и сам новый памятник Туджману, и неадекватная реакция властей на его осквернение расценивались антифашистами как знак фашизации Хорватии. Это атака против левых сил, которые угрожают «прогнившему» режиму (Pravda u Hrvatskoj... 2019; Režimska hajka... 2019).

Драган Марковина, лидер «новых левых», в публичном заявлении, в свою очередь, отметил: «Напоминание крошечным граффити о том, что Туджман когда-то был частью борьбы за лучший мир, очевидно, вскрывает самые глубокие комплексы хорватского общества и уничтожает тщательно выстроенное отрицание фундаментальных ценностей этой страны» (Nova ljevica 2019).

Комментатор консервативного «Вечернего листа» был в отчаянии от провалов Хорватии, которые больше нельзя приписать коммунистическому прошлому, хотя она, действительно, заимствовала у Югославии ее худшие черты. Он констатировал, что будущее страны, ее молодежь, отказывается строить ее настоящее, уезжая за границу. А политическое поле подрывают оголтелые националисты, с одной стороны, и левые радикалы — с другой. «Хорватское государство потерпело поражение, и необходимо смотреть этой правде в глаза (выделено автором колонки. — М.Б.), если все еще есть надежда попытаться спасти те крохи идеи, которая ныне имеет смысл только для

узкого круга беззащитных насильников. В противном случае болтовня о Югославии и реминисценции Тито воплотятся в легитимные политические силы и программы, вокруг которых мы соберемся на выборах или референдумах» (Gerovac 2019). Автор предсказывал, что подожгие памятника может превратиться в «доску политических объявлений», а омовения после очередной вандализации станут повторяющимся ритуалом, если только не приставить к статуе постоянную полицейскую охрану. Хорватия даром потратила время независимости, а ее общество так и не повзрослело, оказавшись теперь на руинах национальной мифологии. «Истории о [средневековом] хорватском праве и многовековой государственности туманны и бесполезны вне содержания, а этой стране как никогда нужно содержание». Предложить его некому, и автор вместе со всей страной чувствует себя «как бы повисшим в пустоте». Он в страхе шарахается и от национальной исключительности, и от «растворения» в многонациональном пространстве, но единственная «математическая» определенность, которая приходит ему на ум, — людские потери Хорватии «...в казнях, изгнаниях, выселениях». Иными словами, удел критически настроенного патриота — безысходная национальная меланхолия, высказанная от имени «простых людей».

ДОВЕРШЕНИЕ КОМПОЗИЦИИ: ПАМЯТНИК РОДИНЕ

23 сентября 2019 г. перед концертным залом им. В. Лисинского был положен закладной камень будуще-

го Памятника Родине²¹ — к нему-то и будет «шагать» установленный ранее бронзовый Туджман.

В церемонии закладки принимали участие премьер-министр Хорватии А. Пленкович и мэр Загреба М. Бандич. По замыслу автора проекта Ненада Фабиянич, мемориал будет состоять из трех символических элементов: широкого портала высотой 30 метров, алтаря в виде наклонного монолита (из природного хорватского камня «зеленый ядран») в три метра и стеклянной «стены боли». Комплекс, имеющий откровенные, хотя и внеконфессиональные отсылки к религиозно-культовым сооружениям, выполнен в модернистской манере и предназначен для проведения государственных церемоний.

Премьер Пленкович выразил мнение, что с возведением памятника Хорватия обретет достойное место для того, чтобы выразить уважение всем тем, кто внес жертвенный вклад в ее независимость. А мэр Бандич был уверен, что комплекс станет «новыми городскими воротами». Он заверил на закладке камня: «Это будет памятник всей [национальной] истории и место хорватской идентичности, основанной на страданиях. Он представит каждому наши ценности, традиции, обычаи и культуру, стимулирует эмоции и напомним о доблести воинов и жертве, которую мы должны были принести, чтобы у нас была независимая и суверенная Хорватия» (Bandić i Plenковиć... 2019).

²¹ Изображения проекта в компьютерной графике размещены на сайте г. Загреба (Spomenik domovine 2019).

²² Одна из известных журналисток Санья Модрич задавалась вопросом, «почему бы вместо Памятника Родине не поставить просто статую осла», имея в виду молчаливость и терпение хорватского общества в отношении коррупции под завесой официального патриотизма (Modrić 2019).

Стоимость работ была оценена в 34,7 млн кун. Журналисты обратили внимание, что выигравшие тендер на установку памятника компании превысили первоначально заданную стоимость проекта, к тому же они связаны с мэром Бандичем по прежним проектам и кумовством. Беспокоило и то, что 30-метровый портал из полимеров (для Памятника Родине!) заказан в Нидерландах, а стеклянная «стена боли» прибудет в Загреб из Чехии (*Balija* 2019). Работы планировалось завершить к началу лета (Бандич надеялся даже на начало мая) или, в крайнем случае, к осени 2020 г.

Затратность и претенциозность проекта беспокоила как журналистов²², так и читателей. Один из них в комментариях под вышеуказанной публикацией в «Вечернем листе» резонно задавался вопросом: «Разве памятники не устанавливают тому, чего уже нет? Насколько видим, “родина” еще есть. Конечно, на последнем издыхании, но все же еще есть» («Zveinjak»). Другой добавлял: «Надо бы поставить памятник грабежу хорватского народа...» («theodor8»). Но больше всего возмущала активность Бандича, который прикрывает коррупцию, подозреваемую за ним, дорогостоящими патриотическими проектами. Монументализм его замыслов некоторые сравнивали с древнеегипетскими масштабами («Mraz»).

Против «бандичева памятника» выступили и ветераны Отечественной войны (FOTO VIDEO 2018).

На «портале защитников» он назван памятником «покойной Хорватии», издевкой над памятью жертв и попыткой принизить акты их мемориализации, предпринятые при жизни Туджмана (Алтарь Отечества в Медведграде и Памятник хорватской победе в операции «Буря» 1995 г. в Книне). Поэтому его можно рассматривать как попытку детуджанизации и принижения подвига хорватских защитников, поскольку в абстрактном памятнике *всем* хорватским жертвам подвиг воинов Отечественной войны 1990-х будет растворен и нивелирован. Речь идет, на самом деле, о забвении, изгнании памяти об этой конкретной войне.

Ветеранов беспокоило и то, что заказанная в Чехии стеклянная «стена боли» является бутафорским муляжом разрушенного ранее (в 2005-м) места памяти — стены из красных и черных кирпичей, построенной под эгидой тогдашнего Центра защиты прав человека, заключенных и пропавших без вести граждан Хорватии (Arel) в основном матерями жертв войны в 1993 г. на тротуаре вдоль Сельской дороги в Загребе. Это был живой мемориал, у которого люди с зажженными свечами собирались не по государственному распоряжению, а по зову сердца.

Созданный руками простых людей, мемориал был слишком сильным напоминанием о трагедии войны, при этом увиденной лишь с одной стороны. Поэтому стена была разобрана, таблички с портретами, стоявшими вдоль нее, сброшены, а кирпичи «захоронены» на кладбище Мирогой в мраморном склепе по проекту архитектора Душана Джамони (Голос хорватских жертв — Стена боли), задуманного еще в 2003-м. Имена 13 500 жертв вырезаны на мраморе, но не указаны даты их рождения или смерти и не даны пояснения для посетителей.

Националисты подчеркивали, что архитектор-модернист Джамоня был македонского происхождения и прославился при коммунистах памятниками, посвященными «национально-освободительной борьбе народов Югославии», т.е. титовским партизанам. Они видели в мемориалах, подобных тому, что установил Джамоня или спроектировал Фабиянич, экуменический жест (на склепе в Мирогое нет креста), стремление проигнорировать этническую и конфессиональную идентичность жертв в угоду глобализму и мультикультурализму. Вопреки им, по мнению националистически настроенных авторов, Хорватии следует быть не «кирпичом в стене», а «фрагментом идентичности в мозаике» европейских наций²³. Между тем поименованные кирпичи в «стене боли», построенной вдоль Сельской дороги, символизировали каждую конкретную жертву в единстве национальной трагедии, что представлялось вполне приемлемым.

Искусствооведам еще на стадии победы в конкурсе проект Фабиянича показался неубедительным по выразительности формы (Gavrilović 2017). Они раскритиковали сам замысел («нелепое брюшко», свисающее с портала как вывеска казино или навес на автобусном терминале). Критик Ф. Гаврилович при этом указывал на соци-

²³ См., например, блог: (Kačunko 2018).

альную значимость любого памятника: «Каждая скульптура формирует не только пространство, в котором она находится, но и социальную память, публичный дискурс, модель властных отношений и отношений власти с гражданами или подданными, иными словами, каждый памятник представляет собой концентрат идеологии, которая его продуцировала».

Проект Фабияновича обнажает гротеск нынешней ситуации. В памятнике заметен диссонанс между идеей поминовения жертв и функционалом площадки для официальных мероприятий. А сакральные мотивы несовместимы с секулярной культурой гражданского общества. Близость памятника к мэрии и отмеченной крестом пирамиде Бранко Силаджины, установленной в честь 900-летия Загреба (1994), угрожает еще большим «...загрязнением политического пространства испарениями [религиозных] благовоний».

В свою очередь аллюзия на «стену боли», этот «многократно изнасилованный» монумент, установленный перед резиденцией миротворческих сил ООН в Хорватии как «жалкий упрек мировому сообществу», вступает в явный диссонанс с дальнейшей политикой евроинтеграции. При этом стена из стеклянных кирпичей, утопающая в бассейне, подсвеченная разноцветными огнями и отражающаяся в воде, будет походить на лобби казино — «...не достает только золотых рыбок». Пространственная ориентация монумента выдвинула критику столь же неудачной, поэтому он предлагал отцам города, пока не поздно, еще раз крепко задуматься, чтобы спасти граждан от «этого безжалостного мастодонта».

ОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: КРИТИКА И АЛЬТЕРНАТИВА

Историческая политика правящей хорватской элиты, оказавшаяся под огнем критики справа и слева в связи с дорогостоящими мемориальными проектами, вполне очевидно, продиктована стремлениями облагородить воспоминания о кровавой заре независимости, охладить «горячую» память brutальных 90-х, перенаправив ее разрушительную энергию в санкционированный сверху ритуал гражданской литургии. Для этого следовало поэтизировать образ противоречивого отца-основателя суверенной Хорватии, превратив его в святого патрона официальных столичных мероприятий. Поверхностная реконструкция актуальной исторической памяти, так же очевидно, обращена к иностранным партнерам Хорватии, с тем чтобы предстать перед ними в подобающем виде респектабельных европейцев, не чурającychся нетривиальных решений и транснациональных коллабораций.

Эта скороспелая гламуризация недавнего прошлого и косметический «евроремонт», помимо устойчивых подозрений в коррупции, столкнулись с целым рядом иных препятствий. Прежде всего, такая политика слишком диссонировала с затяжным кризисом в экономике и социальной сфере, несовершенством институтов и механизмов демократии. Неудовлетворенность результатами независимого развития и посткоммунистической трансформации усиливала ощущение фиктивности и отторжение предложенного варианта официальной памяти. Попытка пропустить этап глубокой проработки прошлого

во имя социального мира оборачивалась реакциями возврата или как минимум глухим недоверием.

Ощущение подмены в массовом сознании выразилось в бесконечных сомнениях относительно сходства скульптурного изображения с хорошо известным обликом реального Туджмана. Неужели только скульпторы знают, каким он был? Разумеется, дело было не в них, а в заказчиках их работ. Принимавшие решение о выборе того или иного проекта (и составители конкурсной документации) руководствовались не только эстетическими критериями, но и задачами исторической политики, требующими определенного художественного воплощения. Именно поэтому загребский Туджман облачился в тот вызвавший недоумение импрессионистский плащ, взятый на прокат у парадной скульптуры титовских времен. Он должен был символизировать одновременно преемственность, разрыв и стабильность. Скульптору нелегко было соединить эти опции в окружающем социальном ландшафте, что предопределило критику его работы.

Показательно, что защитники памятника и самого Туджмана в печати использовали по большей части маневренную и оборонительную тактику. Столичная мемориализация резче, чем где бы то ни было, обозначила межпоколенческие и культурно-политические различия, накопившиеся в результате посткоммунистического транзита. Авторы-традиционалисты испытывали дефицит аргументации, иногда растерянность и разочарование, скрывались за ложно демократической риторикой или лукаво указывали на «выбор народа», явно не относя

себя к нему. Палитра критиков-либералов и левых была гораздо богаче, им проще было связать сегодняшние провалы с тяжелым наследием туджманизма, на фоне которого негативные воспоминания о поздней Югославии угасали. Раздражение от инертности общества, занятого будничными проблемами, с неизбежностью отливалось в сатирические формы.

В свою очередь для нового поколения, родившихся в 90-х или в начале нулевых, противопоставление Тито и Туджмана было уже мало актуальным, оба они воспринимались как герои одной ушедшей эпохи, которую молодые не застали. Голоса правых радикалов (среди них, вероятно, находились и представители младшей когорты неусташества), конечно, тоже звучали в комментариях под электронными публикациями. Но их язык вражды, профильтрованный модераторами, облекался по необходимости в оскорбительные эвфемизмы, поэтому обсуждение Туджмана и всего, с ним связанного, скатывалось здесь на периферию.

Сторонники «другой», современной Хорватии использовали полемику вокруг загребского памятника Туджману и иных мемориальных инициатив властей для выдвижения проекта содержательной реформы публичной памяти. Взамен формальной смены акцентов в ней, вместо эстетизации официального национализма они предложили перспективу коренного переосмысления прошлого и переноса памяти с жертв, понесенных своей нацией, на жертвы, учиненные ею в отношении соседей. Такая работа памяти (и соответствующая ей историче-

ская политика) рассматривалась как возможность преодоления вражды и национальной замкнутости для эмансипации гражданского сознания и достижения социального прогресса. Однако готово ли к переменам само хорватское общество? Как подчеркивает А. Ассман, они не могут быть навязаны сверху, поскольку трансформация памяти — результат сложных и многогранных процессов, медленных шагов и поколенческих сдвигов²⁴.

Стремлением избежать покаяния и лишь имитировать приверженность европейским стандартам памяти продиктован, по оценке еврейских организаций и ряда экспертов, проект загребского памятника жертвам Холокоста, обсуждавшийся в 2018–2019 гг.²⁵ Вместо того, чтобы увековечить память евреев, а также сербов и цыган, уничтоженных усташами в НГХ, в данном случае предлагается формальной знак лояльности политической культуре Европы. Тем самым неудобная память о преступлениях хорватских усташей будет сокрыта за этим монументом.

Резкую критику вызвал и проект памятника жертвам Второй мировой войны (2019) за идею уравнивания усташей и их противников. На этот раз стремление властей преодолеть конфликтную память о событиях середины XX в. вело к «смешению костей» — забвению подвига борцов с фашизмом и обелению палачей. Невзирая на критику, официальная политика памятников следовала избранному курсу.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ANKETA 2018 — ANKETA: Tko su krivci za propast Hrvatske? Tuđman i HDZ-ovci uvjerljivo vode // Index.hr. 23.06.2018. URL: <https://www.index.hr/vijesti/clanak/anketa-tko-su-krivci-za-propast-hrvatske-tudjman-i-hdzovci-uvjerljivo-vode/2006530.aspx> (дата обращения: 30.03.2020).

Bačić 2018 — Bačić M. Prosvjed u Zagrebu: Tuđman ne zaslužuje spomenik // Novosti. 10.12.2018. URL: <https://www.portalnovosti.com/prosvjed-u-zagrebu-tudjman-ne-zasluzuje-spomenik> (дата обращения: 30.03.2020).

Balija 2018 — Balija P. ANKETA: Najveći Tuđmanov kip u Hrvatskoj — Svida li vam se? // Vecernji list. 28.11.2018. URL: <https://www.vecernji.hr/zagreb/najveci-tu-manov-kip-u-hrvatskoj-visok-4-27-metara-stize-3-prosinca-1284452> (дата обращения: 30.03.2020).

Balija 2019 — Balija P. Spomenik domovini gradit će i Tigra, tvrtka Bandićeva kuma // Vecernji list. 13.08.2019. URL: <https://www.vecernji.hr/vijesti/spomenik-domovini-gradit-ce-i-tigra-tvrtka-bandiceva-kuma-1338176> (дата обращения: 30.03.2020).

Bandić i Plenković... 2019 — Bandić i Plenković zajednički položili temeljni kamen za Spomenik domovini // Tportal.hr. 23/09.2019. URL: <https://www.tportal.hr/vijesti/clanak/bandic-i-plenkovic-zajednicki-polozili-temeljni-kamen-za-spo-menik-domovini-foto-20190923> (дата обращения: 30.03.2020).

Baretić 2018 — Baretić R. Zašto još nitko nije napravio apstraktni spomenik Franjo Tuđmanu // Tportal. 08.12.2018. URL: <https://www.tportal.hr/komentatori/clanak/zasto-jos-nitko-nije-napravio-apstraktni-spo-menik-franji-tud-manu-foto-20181208> (дата обращения: 30.03.2020).

²⁴ См. подробнее о такой транснациональной перспективе: (Ассман 2016: 153–216).

²⁵ См. подборку материалов на эту тему: URL: www.historiografija.hr/?p=15734.

Duhaček 2018a — *Duhaček G.* Stručnjakinja o spomeniku Tuđmanu: “Još jedan prišt kvazi-spomeničke plastike” // Index.hr. 06.12.2018. URL: [https://www.index.
hr/vijesti/clanak/strucnjakinja-o-spo-
meniku-tudjmanu-jos-jedan-prist-kvazi-
spomenicke-plastike/2047724.aspx](https://www.index.hr/vijesti/clanak/strucnjakinja-o-spo-
meniku-tudjmanu-jos-jedan-prist-kvazi-
spomenicke-plastike/2047724.aspx) (дата обращения: 30.03.2020).

Duhaček 2018b — *Duhaček G.* Najbolji spomenik Tuđmanu je Hrvatska iz koje ljudi masovno bježe // Index.hr. 10.12.2018. URL: [https://www.index.hr/vijesti/clan-
nak/najbolji-spomenik-tudjmanu-je-hrvat-
ska-iz-koje-ljudi-masovno-bjeze/2049042.
aspx](https://www.index.hr/vijesti/clanak/najbolji-spomenik-tudjmanu-je-hrvat-
ska-iz-koje-ljudi-masovno-bjeze/2049042.
aspx) (дата обращения: 30.03.2020).

Duka 2018 — *Duka Z.* Devetnaest godina od odlaska “oca domovine”: Hrvatska i dalje slijedi sve Tuđmanove greške // Novi list. 10.12.2018. URL: [http://www.
novolist.hr/Vijesti/Hrvatska/Devet-
naest-godina-od-odlaska-oca-domovine-
Hrvatska-i-dalje-slijedi-sve-Tudma-
nove-greske?meta_refresh=true](http://www.novolist.hr/Vijesti/Hrvatska/Devet-
naest-godina-od-odlaska-oca-domovine-
Hrvatska-i-dalje-slijedi-sve-Tudma-
nove-greske?meta_refresh=true) (дата обращения: 30.03.2020).

Dva incidenta... 2018 — Dva incidenta na otkrivanju spomenika Tuđmanu // Vecernji list. 10.12.2018. URL: [https://www.
vecernji.hr/zagreb/dva-incidenta-na-otkri-
vanju-spo-
menika-tu-manu-1288109](https://www.vecernji.hr/zagreb/dva-incidenta-na-otkri-
vanju-spo-
menika-tu-manu-1288109) (дата обращения: 30.03.2020).

Forum mladih... 2018 — Forum mladih SDP-a na obljetnicu smrti predsjednika dr. Franje Tuđmana s nostalgijom objavio Feralovu provokativnu naslovnicu // Narod.hr. 10.12.2018. URL: [https://narod.hr/
hrvatska/forum-mladih-sdp-a-na-obljet-
nicu-smrti-predsjednika-dr-franje-tud-
mana-s-nostalgijom-objavio-feralovu-pro-
vokativnu-naslovnicu](https://narod.hr/hrvatska/forum-mladih-sdp-a-na-obljet-
nicu-smrti-predsjednika-dr-franje-tud-
mana-s-nostalgijom-objavio-feralovu-pro-
vokativnu-naslovnicu) (дата обращения: 30.03.2020).

FOTO VIDEO 2018 — FOTO VIDEO: Bandić izgradnjom spomenika domovini zabija zadnji čavao u lijes proslavi Dana pobjede, obrambenom Domovinskom ratu, Tuđmanu i Hrvatima!? // Braniteljski portal. 6.09.2018. URL: [https://
https://
www.braniteljski-portal.com/foto-bandic-
izgradnjom-spo-
menika-domovini-zabija-za-
dnji-cavao-u-lijes-proslavi-dana-pobjedeo-](https://www.braniteljski-portal.com/foto-bandic-
izgradnjom-spo-
menika-domovini-zabija-za-
dnji-cavao-u-lijes-proslavi-dana-pobjedeo-)

brambenom-domovinskom-ratu-tudmanu-
i-hrvatima (дата обращения: 30.03.2020).

Galic 2018 — *Galic M.* Što nam je ostavio Franjo Tuđman? // Vecernji list. 10.12.2018. URL: [https://www.vecernji.
hr/premium/danas-ga-zazivaju-i-protivni-
ci-s-tu-manom-se-znalo-da-je-pilot-u-avio-
nu-1287665](https://www.vecernji.hr/premium/danas-ga-zazivaju-i-protivni-
ci-s-tu-manom-se-znalo-da-je-pilot-u-avio-
nu-1287665) (дата обращения: 30.03.2020).

Gavrilović 2017 — *Gavrilović F.* Spasite Zagreb od ‘Spomenika domovini’ Nenada Fabijanića: to je smiješni podbačaj, nalik nadstrešnici pred kockarnicom // Arteist. Prvo slovo kulture. 09.06.2017. URL: [https://
arteist.hr/spomenik-domovini/](https://arteist.hr/spomenik-domovini/) (дата обращения: 30.03.2020).

Gerovac 2019 — *Gerovac G.* Srp i čekić na spomeniku Franji Tuđmanu najbolje mjesto za početak revolucij // Vecernji list. 14.01.2019. URL: [https://www.vecernji.hr/pre-
mium/srp-i-cekic-na-spo-
meniku-franji-tu-
manu-najbolje-mjesto-za-
pocetak-revoluci-
je-1294321](https://www.vecernji.hr/pre-
mium/srp-i-cekic-na-spo-
meniku-franji-tu-
manu-najbolje-mjesto-za-
pocetak-revoluci-
je-1294321) (дата обращения: 30.03.2020).

Goldstejn 2018 — *Goldstejn I.* Zvuči grubo, ali je istina: Tuđman je zaslužan za sve ovo što danas imamo // Globus. 09.12.2008. URL: [https://www.jutarnji.hr/globus/
Globus-komentari/zvuci-grubo-ali-je-isti-
na-tudman-je-zasluzan-za-sve-ovo-sto-da-
nas-imamo/8153141/](https://www.jutarnji.hr/globus/
Globus-komentari/zvuci-grubo-ali-je-isti-
na-tudman-je-zasluzan-za-sve-ovo-sto-da-
nas-imamo/8153141/) (дата обращения: 30.03.2020).

Ivančić 2019 — *Ivančić V.* Bilježnica Robija K.: Odgovorni građanin // URL: Pescanik. 18.01.2019. [https://pescanik.net/bilje-
znica-robija-k-odgovorni-gradjanin/](https://pescanik.net/bilje-
znica-robija-k-odgovorni-gradjanin/) (дата обращения: 30.03.2020).

Kaćunko 2018 — *Kaćunko A.* Hrvatski “Zid boli” — 25. 'in memoriam // Vecernji list. 26.09.2018. URL: [https://blog.vecernji.hr/don-kacunko/hrvatski-zid-boli-
25-in-memoriam-10458](https://blog.vecernji.hr/don-kacunko/hrvatski-zid-boli-
25-in-memoriam-10458) (дата обращения: 30.03.2020).

Klasić 2018 — *Klasić H.* Iz najkontroverznijeg dijela Tuđmanove vladavine nismo naučili ništa, nego ga prešućujemo i zanemarujemo // Net.hr. 18.12.2018. URL: [https://net.hr/danas/hrvatska/komen-
tar-hrvoja-klasica-iz-najkontroverzni-
jeg-dijela-tudmanove-vladavine-nismo-](https://net.hr/danas/hrvatska/komen-
tar-hrvoja-klasica-iz-najkontroverzni-
jeg-dijela-tudmanove-vladavine-nismo-)

naucili-nista-nego-ga-presucujemo-i-zanemarujemo/?utm_source=Midas&utm_medium=Widget&utm_campaign=Razmjena%2Bprometa (дата обращения: 30.03.2020).

Klauški 2018 — *Klauški T.* Spomenik Tuđmanu nije samo estetski, nego i politički užas // 24 sata. 10.12.2018. URL: <https://www.24sata.hr/kolumne/spomenik-tu-manu-nije-samo-estetski-nego-i-politicki-uzas-604053> (дата обращения: 30.03.2020).

Kovačić 2018 — *Kovačić K.* Spomenik Tuđmanu simbol je nade // Vijenac. Br. 646. URL: <http://www.matica.hr/vijenac/646/spomenik-tumanu-simbol-je-nade-28493/> (дата обращения: 30.03.2020).

Mijić 2018 — *Mijić M.* Tuđmanovi kritičari nesvjesno mu priznaju veličinu koju Tito nije imao // Vecernji list. 13.12.2018. URL: <https://www.vecernji.hr/premium/tu-manov-je-spomenik-slobodna-hrvatska-1288634> (дата обращения: 30.03.2020).

Modrić 2019 — *Modrić S.* Zašto umjesto Spomenika domovini naprosto nismo postavili kip magarca? // Telegam.hr. 24.09.2019. URL: <https://www.telegram.hr/price/zašto-umjesto-spomenika-domovini-naprosto-nismo-postavili-kip-magarca/> (дата обращения: 30.03.2020).

Nova ljevica 2019 — Nova ljevica: Nevidena rabrost države // Novosti. 20.01.2019. URL: <https://www.portalnovosti.com/nova-ljevica-nevidjena-hrabrost-drzave> (дата обращения: 30.03.2020).

Otkriven spomenik... 2018 — Otkriven spomenik Franji Tuđmanu // HRT-Vesti. 10.12.2018. URL: <https://vijesti.hrt.hr/477084/obljetnica-smrti-franje-tumana-na-otkrivanje-spomenika-stize-drzavnivrh> (дата обращения: 30.03.2020).

Pavičić 2018 — *Pavičić J.* Tuđman uz prometnicu koja spaja novi i stari Zagreb: Tvorac tog djela rekao je što bi želio postići. I uspio je. Upravo je zato taj pothvat jeziv! // Jutarnji list. 08.12.2018. URL: [https://www.jutarnji.hr/komentari/tudman-uz-prometnicu-koja-spaja-novi-i-sta-](https://www.jutarnji.hr/komentari/tudman-uz-prometnicu-koja-spaja-novi-i-sta-ri-zagreb-tvorac-tog-djela-rekao-je-sto-bi-zelio-postici-i-uspio-je-upravo-je-zato-taj-pothvat-jeziv/)

ri-zagreb-tvorac-tog-djela-rekao-je-sto-bi-zelio-postici-i-uspio-je-upravo-je-zato-taj-pothvat-jeziv/8148749/ (дата обращения: 30.03.2020).

Pozitivno političko naslijeđe... 2018 — Pozitivno političko naslijeđe dr. Franje Tuđmana temelj je moderne Hrvatske // Vlada Republike Hrvatske. 10.12.2018. URL: <https://vlada.gov.hr/vijesti/pozitivno-politicko-naslijedje-dr-franje-tudjana-temelj-je-moderne-hrvatske/24924> (дата обращения: 30.03.2020).

Pravda u Hrvatskoj... 2019 — Pravda u Hrvatskoj je spora i nedostižna, osim ako je u službi dominantne ideologije // Mreža antifašistkinja Zagreba, 18.01.2019. URL: <http://www.maz.hr/2019/01/18/pravda-u-hrvatskoj-je-spora-nedostizna-osim-ako-je-u-sluzbi-dominantne-ideologije/> (дата обращения: 30.03.2020).

Raknić 2019 — *Raknić D.* FOTO: SPOMENIK FRANJI TUĐMANU OPET VANDALIZIRAN // Jutarni list. 02.04.2019. URL: <https://www.jutarnji.hr/vijesti/zagreb/fo-to-spomenik-franji-tudmanu-opet-vandaliziran-netko-je-pod-okriljem-noci-poslao-poruku-zagrebackom-gradonacelniku-amilino-ime-zaokruzio-je-srcem/8680901/> (дата обращения: 30.03.2020).

Režimska hajka... 2019 — Režimska hajka u službi tuđmanizma // Radnička fronta. 17.01.2019. URL: <https://radnickafronta.hr/citaonica/clanci/1008-rezimska-hajka-u-sluzbi-tudmanizma> (дата обращения: 30.03.2020).

Spomenik domovine 2019 — Spomenik domovine // Grad Zagreb. 25.09.2019. URL: <https://www.zagreb.hr/spomenik-domovini/149713> (дата обращения: 30.03.2020).

Srp i čekić... 2019 — Srp i čekić osvanuo na spomeniku Franji Tuđmanu // N1. 06.01.2020. URL: <http://hr.n1info.com/Vijesti/a360507/Srp-i-cekic-za-Franju-Tudjana-Vandali-Zagrebu-napali-spomenik-prvom-predsjedniku.html> (дата обращения: 30.03.2020).

Starešina 2018 — *Starešina V.* Tuđman i Orban kao mainstream naroda // Narod.

hr. 11.12.2018. URL: <https://narod.hr/hrvatska/visnja-staresina-tudman-i-orban-ka-mainstream-naroda> (дата обращения: 30.03.2020).

Tko je muškarac... 2018 — Tko je muškarac koji je danas napadnut jer je viknuo “Tuđman zločinac”? // Index.hr. 10.12.2018. URL: <https://www.index.hr/vijesti/clanak/tko-je-muskarac-koji-je-danas-napadnut-jer-je-viknuo-tudjman-zlocinac/2049044.aspx> (дата обращения: 30.03.2020).

Tuđman 1990 — *Tuđman F.* Bespuća povijesne zbiljnosti : rasprava o povijesti i filozofiji zlosilja. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske, 1990.

‘Tuđman je zločinac...’ 2019 — ‘Tuđman je zločinac, ne mogu me spriječiti da to govorim...’ // 24 sata. 13.02.2019. URL: <https://www.24sata.hr/news/tu-man-je-zloci->

nac-ne-mogu-me-sprijeciti-da-to-govorim-614005

 (дата обращения: 30.03.2020).

Tuđmana pogodili jajima... 2019 — Tuđmana pogodili jajima nakon što su ga pošarali i vrijedali... // 24 sata. 14.02.2019. URL: <https://www.24sata.hr/news/tu-mana-pogodili-jajima-nakon-sto-su-ga-posarali-i-vrijedali-614239> (дата обращения: 30.03.2020).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ассман 2016 — Ассман А. Новое недо-вольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Ассман 2019 — Ассман А. Забвение истории — одержимость историей / сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

“DO ONLY SCULPTORS KNOW WHAT KIND OF PERSON TUĐJMAN WAS?” THE MONUMENT IN THE FOCUS OF PUBLIC DEBATE ON THE RECENT PAST OF CROATIA

Belov Michael V. — Ph.D., the Head of the Chair of Modern and Contemporary History at the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Key words: politics of history, monuments, Croatia, Franjo Tuđman, the project of The Motherland Monument in Zagreb.

Abstract. The erection of the monument to Franjo Tuđman in Zagreb in December 2018 caused heated debate in the media about the past and present of Croatia. They demonstrated a split that dates back to Tuđman's presidency. The controversy resulted in actions leading to the desecration of the monument, and this provoked a new dispute. The next act of memorial politics — the project of The Motherland Monument, the foundation stone of which was installed in September 2019, was accompanied by another wave of criticism. It is clear that the politics of history pursued by the ruling Croatian elite has good intentions: to cool the “hot” memory about the wars in the 1990s and soften its conflict potential. However, in the current social context, the imitational nature of such efforts is too obvious.

REFERENCES

Assman A. *Novoye nedovol'stvo memorial'noj kulturoj*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016.

Assman A. *Zabveniyе istorii — oderzhimost istoriyej*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019.

Вероника Жобер

ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА ВОЕЙКОВА-ИЛЬИНА (1887–1965). МОЯ БАБУШКА

Ключевые слова: семейная память, русская эмиграция в Китае, крестьянские волнения в России начала XX в.

Аннотация. Французская славистка Вероника Жобер рассказывает о судьбе своей бабушки Екатерины Дмитриевны Воейковой-Ильиной и публикует ее письмо, повествующее о событиях 1906 г. в русской провинции.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-161-176

Я познакомилась с ней весной 1961 г., мне еще не было шестнадцати лет... Это была вообще первая моя поездка в СССР, и я тогда встретила не только с бабушкой, но и с тетушкой, Наталией Иосифовной Ильиной, писательницей, оказавшей такое сильное на меня влияние, приобщившей меня к России, к ее культуре, к истории моей русской семьи. На протяжении последующих четырех лет, до ее смерти в декабре 1965 г., я виделась с бабушкой, пожалуй, три или четыре раза, летом, когда, будучи уже студенткой на кафедре славистики Сорбонны, ездила в СССР со студентами.

С этого времени прошло больше полувека, я сделала своей специально-

стью русский язык, историю страны моих русских предков, постоянно ездила сначала в СССР, а затем зачастила в Россию. Следуя примеру моей тетушки, автобиографическая проза которой меня вдохновила, я стала заниматься историей семьи благодаря богатому семейному архиву, опубликовала, в частности, несколько сотен писем моей прабабушки Ольги Александровны Толстой-Воейковой. Я сначала интересовалась только теми семейными архивными документами, которые освещали историю Советского Союза. Ведь Наталия Иосифовна не смогла и не сумела, например, использовать до конца всю богатую информацию, представленную в письмах Ольги Александровны. Во-первых, она подходила

к этому источнику не как историк, а как литератор, использующий материал в литературных целях. Во-вторых, до горбачевской гласности многое из того, что так подробно описывала Ольга Александровна, а именно советский быт сталинского времени в семье «бывших» в Ленинграде, нельзя было отразить в публикациях, вышедших в СССР.

И получилось так, что я только теперь вплотную подошла к разбору архивных документов, касающихся лично моей бабушки. И попыталась собрать все нужные сведения, дабы описать ее сложный жизненный путь. А это уже совершенно другой пласт, это история русской эмиграции в Китае.

Автобиографии, составленные Екатериной Дмитриевной Ильиной в Шанхае в начале 1950-х гг., дают возможность проследить за главными вехами ее жизни, со скидкой на неизбежную автоцензуру, поскольку они писались для советского консульства, куда она в те годы подавала прошения на въезд в СССР.

Екатерина Дмитриевна Воейкова родилась 3 мая 1887 г. в Самайкине, в родной усадьбе Воейковых в Сызранском уезде Симбирской губернии. Ее родители Дмитрий Иванович Воейков и Ольга Александровна Толстая были симбирскими дворянами. В семье было семь человек детей. Любимым братом ее был Дима, на два года ее старше. Раннее детство ее прошло в деревне, в три года она стала учить английский язык с английской гувернанткой. Когда умер отец в 1896 г., вся семья переехала в Петербург, в квартиру дяди Александра Ивановича Воейкова,

известного географа-климатолога. Екатерина Дмитриевна получила прекрасное образование. Она окончила в 1904 г. с серебряной медалью восемь классов частной женской гимназии Людмилы Степановны Таганцевой. Сохранился ее диплом. После этого она два года слушала лекции на юридических курсах при гимназии Марии Николаевны Стоюниной. В 1907 г. поступила на Историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов. В 1914 г. окончила полный курс наук группы всеобщей истории.

В 1912 г. она вышла замуж за Иосифа Сергеевича Ильина, поручика.

В мае 1914 г. родилась ее старшая дочь Наталия, репатриировавшаяся в конце 1947 г. в СССР, где она стала впоследствии писательницей.

Во время Первой мировой войны Е. Д. работала в лазарете при усадьбе в Самайкине и преподавала русский язык, географию и историю на курсах садоводства для инвалидов в школе, основанной ее старшим братом Александром, агрономом и ботаником.

В марте 1917 г. в Петрограде родилась ее вторая дочь Ольга, о чем не упоминается в автобиографии мая 1954 г., вероятно, потому, что Ольга была уже иностранкой, замужем за французом, жила в недружественной стране, ведь тогда был разгар холодной войны. А бедная Екатерина Дмитриевна, после неудачной попытки воссоединиться с младшей дочерью, уже несколько лет пыталась получить визу в СССР. Каждый раз, когда она получала очередной отказ,

приходилось ждать лишних шесть месяцев, прежде чем снова подавать прошение. И в 1952 г. Екатерина Дмитриевна даже попросила свою дочь Наталию написать тов. Швернику, председателю Президиума Верховного совета, по этому поводу.

В этой автобиографии, конечно, обращает на себя внимание и, мягко говоря, удивляет лаконичность следующей записи:

«1918 г. Выехала на Дальний Восток». Это, разумеется, требует пояснений.

На самом деле после Октябрьской революции муж Екатерины Дмитриевны Иосиф Ильин бежал из своей воинской части Юго-Западного фронта и воссоединился с семьей в Самойкине в январе 1918 г. Он очень быстро понял, что помещикам грозит смертельная опасность и решил в июле с семьей отправиться в Самару, где обосновался Комуч. Там он записался в ряды народной армии, а осенью последовал на Восток в составе армии адмирала Колчака. В конце концов, семья Ильиных очутилась в феврале 1920 г. в Харбине. Всю эту эпопею Иосиф Ильин подробно и красочно описал в своем дневнике, опубликованном в 2016 г. в России.

В Харбине Иосиф Ильин и Екатерина Дмитриевна открыли детский сад, который просуществовал всего лишь три года. Все 18 лет в Харбине, с 1920 до 1938 г., Екатерина Дмитриевна работала свыше сил, преподавала, переводила, писала. Она давала уроки английского, французского, истории в разных институтах и школах, а также частным порядком, работала в русскоязычных журналах и газетах. Ее положение стало особенно

трудным в 1930-е гг., после развода с мужем в 1930 г., да еще в связи с оккупацией Харбина японцами.

В 1938 г. она переехала в Шанхай, где уже была ее старшая дочь. До 1941 г. она опять зарабатывала себе на жизнь переводами и частными уроками. С 1941 по 1946 г. она была преподавателем всех предметов на английском языке в муниципальной школе. В связи с этим в ее автобиографии дана интересная подробность. У нее в документах был указан неправильный год рождения. Эта ошибка была оставлена ею в китайском переводе ее бумаг, потому что ей необходимо было поступить на работу в муниципальную школу, а там существовал возрастной ценз. Дело в том, что младшая дочь Ольга тяжело заболела воспалением легких, и Екатерине Дмитриевне очень нужны были деньги. Затем она преподавала английский язык сотрудникам Шанхайского отделения военного атташе при посольстве СССР в Китае. В 1946 г. она получила паспорт СССР и до 1949 г. занималась общественной деятельностью в советских клубах, кружках, ассоциациях. Напомним, что в 1949 г. кончилась гражданская война в Китае, установилась власть Мао Цзэдуна и была создана КНР. И в последние годы ее жизни в Китае, вплоть до отъезда в Москву, когда Екатерина Дмитриевна наконец получила визу в СССР (несмотря на наличие советского паспорта!), она преподавала русский язык китайцам в Институте русского языка при Народно-революционном университете Восточного Китая.

В декабре 1954 г. китайские студенты ее проводили до Тяньцзиня, откуда

она на поезде отправилась в Москву. Сохранился даже ее железнодорожный билет, за номером 003210, приобретенный 7 декабря 1954 г. в Китайском интуристе города Шанхай, в котором несколько талончиков и все надписи на трех языках: китайском, немецком и русском. Ее маршрут пролегал через Читу и Иркутск.

В Москве ее сперва приютила семья петербургской подруги юности Анны Евгеньевны Стратонитской, урожденной Лозинской. Но она ее не застала в живых, Анна Евгеньевна скончалась за два года до ее возвращения на родину. Пристанищем Екатерины Дмитриевны стала полуподвальная квартира в Трубниковском переулке, 26, где также жила некоторое время, в начале 1950-х гг., Наталия Иосифовна, когда переехала из Казани в Москву. А прописка стала возможна благодаря семейной няне Марии Гармазовой, которая всю жизнь жила вместе с Лозинскими и Стратонитскими. И вот эта семья приютила также мою бабушку вплоть до ухода на вечный покой. Она похоронена вместе с ними со всеми на Введенском кладбище.

Какие у меня сохранились о ней воспоминания? Их не так много, и они очень разбросанные, да и очень разные. Вот, например, летний вечер, вероятно 1964 г., мы возвращались откуда-то с бабушкой, и она захотела взять такси. На площади Свердлова, перед зданием Малого театра, была стоянка, как сейчас вижу, и выстроилась некоторая очередь. И вот Екатерина Дмитриевна, подойдя, попросила ее пропустить без очереди. Вот, мол, приехала внучка из Парижа и уже завтра уезжает назад. Я очень хорошо помню, как

мне стало неловко, даже стыдно. Непонятно было, зачем обращать на себя внимание незнакомых, да еще за счет моего присутствия. Полагаю, что моя реакция была довольно-таки естественной для юной девушки, слегка напуганной тем, что она знала, слышала, читала про эту необычную страну, название которой состоит только из четырех букв: СССР.

Моя бабушка была человеком сдержанным, довольно холодным, всю жизнь сохранявшим свое достоинство, несмотря ни на какие жуткие условия жизни, а их было немало. Она была образованной, начитанной, великолепно владела тремя иностранными языками, и этим она, конечно, импонировала окружающим, особенно в Советском Союзе тех лет. Очень хорошо помню ее комнату в довольно приличной (в том смысле, что кроме нее там жила только одна семья) коммунальной квартире, на Кутузовском проспекте, 18. Ее там соседи буквально боготворили, всячески опекали, она там держала роль «grande dame» (настоящая дама). Я только сейчас, на склоне лет, понимаю, что это значит и с чем это связано. Для нее, воспитанной в дворянской семье, где соблюдались твердые принципы поведения, к тому же англичанкой, незыблемым принципом было английское: «Never complain, never explain» («Никаких жалоб, никаких объяснений»). Екатерина Дмитриевна сама признается 23 июня 1906 г. в своем дневнике, что «я воспитана англичанкой, это воспитание сразу сделало меня сдержанной, холодной, но эта сдержанность дорого далась мне».

На самом деле Екатерина Дмитриевна заплатила высокую цену за свою сдер-

жанность, если учесть, что она вышла замуж без любви, за человека абсолютно не способного ее понять, ей помочь, на которого никак нельзя было опираться. Она это вполне осознает, и об этом можно найти отчаянные строки (на английском) в ее дневнике 1913 г.

Зато в 1906 г. было так много надежды! Увлекающаяся юная барышня участвует в бурной политической жизни, собирает вокруг себя летом в имении компанию сверстников — кузенов и друзей. Сочиняются стихи, поются песни, пишутся экспромты. Все эти молодые люди сумели запечатлеть эти незабываемые дни, кто рисунками, кто фотографиями, в прелестном альбоме, именуемом «Самайкинская шайка».

Самайкинская шайка

Как в Симбирской губернии
Есть Воейковых именье
Основалась в ней шайка,
У которой есть хозяйка:
Мара толстая девица.
Поразительные лица:
Катя — сонная кадетка,
Миша, что стреляет метко,
И прелестная Вераша —
Обольстительница наша
И ее поклонник верный
Ваня — глупый непомерно,
Вот — Надюша амазонка,
Что кричит, смеется звонко,
<...>

Вс. Пыльский¹,
Самайкино, 16 июня 1906 г.

Этот альбом сохранился и находится сейчас в Ульяновске (бывшем Симбирске), в архиве известного местного краеведа Сергея Львовича Сытина.

А в архиве² Екатерины Дмитриевны Ильиной, среди дневниковых записей, я нашла интересный документ, относящийся к тому же на самом деле беспокойному лету 1906 г.

Речь идет о совершенно пожелтевших листочках. Двенадцать страниц, как будто вырванных из тетради, исписанных правильным, ровным и слегка угловатым почерком на страшно потрепанной бумаге в линейку. Черные чернила удивительно сохранились, ведь прошло больше ста лет! Это — письмо, написанное Екатериной Дмитриевной Дмитрию Дмитриевичу³, своему любимому брату, всего лишь на два года ее старше.

Екатерина Дмитриевна подробно описывает случившееся в родной деревне в ночь Ивана Купалы с 23 на 24 июня 1906 г. События, развернувшиеся в ту ночь, как нельзя лучше говорят о том, какие настроения царили в тот год в России среди крестьян и рабочих. У всех на слуху слова «митинги», «погромы», «костер», «пожар».

Молодая барышня (ей исполнилось девятнадцать лет в мае) недавно вернулась из Петербурга, где она усердно

¹ Псевдоним Всеволода Георгиевича (1885–1939), двоюродного брата детей Воейковых, литератора.

² Личный архив Вероники Жобер. Париж.

³ Дмитрий Дмитриевич Воейков (1885–1938), горный инженер, с 1922 г. работавший на заводе «Красный выборжец» в Ленинграде. Арестован в 1937 г., расстрелян в сентябре 1938 г.

посещала собрания Думы⁴, будучи ревнительницей Партии народной свободы⁵. Вот ее первая «деревенская» дневниковая запись от 1 июня:

В Самайкине⁶ все так тихо, спокойно, жара страшная, много ягод, много верховых лошадей, так что иногда кажется, не сон ли все это было, эта Дума и т.д. Но нет, все-таки отпечаток нынешнего времени лег и на наши палестины: крестьяне недовольны, травят луга, сожгли плетень, отделяющий луга от деревни, в селе стоят стражники. Вряд ли все это кончится особенно благополучно. Известия из Петербурга приходят так поздно и дают так мало. В Думе идут разговоры по аграрному вопросу, но пока только еще разговоры. Как мне бы хотелось написать моему Дмитрию Дмитриевичу⁷, спросить

его, что он думает о положении дел, что будет дальше <...>, все-таки мне будет очень пусто в этом году летом без политических тревожений. Здесь мне приходится выдерживать страшные нападения от всех за к-д <кадетские> убеждения <...>.

А вот само письмо:

Самайкино, 24-го июня⁸

Дорогой Дима, посылаю тебе описание ночи Ивана Купалы⁹ в Самайкине, которая чуть не кончилась для нас очень трагически. Еще за несколько дней до 23-го мы решили устроить с Надей¹⁰ костер на Лысой Горе¹¹, т.к. это место очень высокое и красивое. 23-го мы остались дома Мара¹², я, Надя и сестра¹³. Мама¹⁴ уехала в Сызрань, Ваня¹⁵ был в Пензе с Вар-

⁴ 1-я Государственная дума, избранная весной 1906 г., насчитывала, из общего числа 448 депутатов, 153 кадета.

⁵ Или партия кадетов.

⁶ Село Сызранского уезда Симбирской губернии, где находилась родная усадьба Воейковых.

⁷ Дмитрий Дмитриевич Протопопов (1865–1934), землевладелец Симбирской губернии, в марте 1906 г. был избран депутатом от Самарской губернии в 1-ю Государственную думу. Был членом и активным деятелем Конституционно-демократической партии.

⁸ Сохранена пунктуация оригинала.

⁹ Иван Купала, народный праздник восточных славян, посвященный летнему солнцестоянию, отмечаемый 24 июня (7 июля).

¹⁰ Надежда Александровна Башмакова (1885–1938), будущая жена Александра Дмитриевича Воейкова. Училась вместе с Екатериной Дмитриевной в Таганцевской гимназии. Арестована в марте 1935 г. в Ленинграде, сослана в Астрахань. Расстреляна в Сталинграде в январе 1938 г.

¹¹ Лысая гора, местное название одного из холмов, примыкающих к Фабричным Выселкам, где находился суконный завод.

¹² Мария Дмитриевна Воейкова (1890–1977), младшая сестра Екатерины Дмитриевны. В 1909 г. вышла замуж за Василия Андреевича Денисова, крестьянина села Томышево, рядом с Самайкином. В годы Первой мировой войны управляла имением Воейковых и школой садоводства А. Д. Воейкова. После смерти матери (1936) уехала в Ленинград, работала в ВИРе. Арестована в 1951 г., освобождена в 1955 г.

¹³ Евдокия Николаевна Урядова (?–1957), бывшая швея Воейковых, медсестра, фактический член семьи, жившая с Воейковыми в Петербурге с 1896 г.

¹⁴ Ольга Александровна Воейкова (1858–1936), симбирская дворянка, вдова Дмитрия Ивановича Воейкова, брата известного климатолога Александра Ивановича Воейкова. О. А. всю жизнь вела обширную переписку со множеством корреспондентов.

¹⁵ Иван Дмитриевич Воейков (1889–1962), младший брат Екатерины Дмитриевны, ученый-агроном.

варой Петровой¹⁶. Приехали накануне Сережа и Коля Ушаковы¹⁷. Вераша¹⁸, Миша Пушкин¹⁹, так что мы после ужина довольно большой и шумной компанией двинулись на гору. Для удобства все были в мужских костюмах, даже я надела тетину черкеску (т.е. скорее белый кафтан, к которому приделали патроны) и папаху. Развели костер, уселись возле него в самых непринужденных позах, затянули песни, болтали... Почему-то все сели лицом к югу и спиной к Репьевской горе, а не вокруг костра. Прошло около получаса... Вдруг откуда ни возьмись летит камень, ударяет Колю Ушакова в ногу и после этого являются несколько теней: татары и русские, которые упрекают нас в том, что мы зажгли костер. «Вы нас так перепугали, говорят они, что это вы выдумали костер теперь жесть! Ведь это нас Маковцев²⁰ будут обвинять в том, что мы это сделали, если что-нибудь случится. Тушите сейчас!» Мы все, к счастью, почти совсем не испугались, хотя пугаться было чего. Перед нами стояло человек шесть фабричных с очень озлобленными лицами и с камнями в руках, за ними слышались еще голоса. Можно было предположить, что их было еще больше. К счастью, они появились перед нами, а не из-за спины, что дало нам возможность очень быстро освоиться с положением и ответить

очень спокойно. «Отчего же мы костер не можем разложить?» «Костер» подхватили они, «напугал он народ — ваш костер-то. Издали кажется, что звезда какая-то светится, а не то пожар. Долго ли до греха теперь». Здесь я уже поняла, что наша затея в такое время была несколько безрассудной и очень миролюбиво сказала: «Ну, жалею, что напугали вас своим баловством, очень жалею». Но один из стоявших сзади злобно засмеялся. «Хорошо, мы не будем бояться вашего костра, но зато и вы не бойтесь нашего, он только побольше вашего будет, да и потеплее». «Ну, что же, посмотрим ваш костер», спокойно ответили мы, хотя на сердце было нехорошо. В первый раз нам пришлось слышать прямо из уст мужиков, что они подождут нас. Вообще держали они себя более, чем непринужденно, один подошел к огню, прикурнул папиросу и, увидев лежащие на полу сапоги Сережи, он толкнул их ногой: «А это что?» «Сапоги, бери их, надевай, баре и так дойдут», послышались голоса. Парень хотел надеть сапог, но Сережа спокойно встал. «Будет вам казенное добро то разбрасывать», крикнул он. «Нет ничего казенного», буркнули ему в ответ, «все крестьянское. Что с ними разговаривать то, бери сапоги да и только» «Набаловать вас», ответил Сережа и влез в свои сапоги.

¹⁶ Варвара Петровна Шнейдер (1860–1941), искусствовед, педагог, была учительницей рисования Н. А. Башмаковой и Екатерины Дмитриевны Воейковой.

¹⁷ Сергей Алексеевич (1887/88 — после 1967) и Николай Алексеевич (1886–1918) Ушаковы, двоюродные братья детей Воейковых, сыновья Анны Александровны Толстой-Ушаковой, сестры Ольги Александровны Толстой-Воейковой.

¹⁸ Вера Владимировна Ивановская (1888–1972), будущая жена Михаила Юрьевича Мусина-Пушкина.

¹⁹ Михаил Юрьевич Мусин-Пушкин (03.04.1889 — 1918), троюродный брат детей Воейковых.

²⁰ Рабочие суконной фабрики т-ва Тибербулата Акчурина на Маковке, в деревне Фабричный Выселок, в Самайкинской волости.

Они не посмели оспаривать их и, после нескольких пререканий, они ушли с приказанием тушить костер. Мы не сомневались в том, что они уже не вернуться, и так как мы очень мало испугались, то в нас появился задор и желание показать, что мы их не боимся. «Подложим еще хвороста», предложила Надя. Благоразумие Миши Пушкина одержало верх, однако, и мы решили затушить костер и идти по Репьевской дороге²¹, как наиболее безопасной. Захватив непромокаемки, накидки и т.д. двинулись очень спокойно по направлению к дому. Мы как-то все по одиночке, не торопясь. Не успели мы отойти несколько шагов по направлению к кустам за Лысой Горой, как послышался дикий крик, гиканье. «Бей их, держи!» И громадная ватага бросилась на нас. Первое движение у меня было встать на месте, не бежать, все равно догнать, но сзади послышался голос одного из Ушаковых: «бегите, скорей бегите» и наши в паническом страхе, спотыкаясь, бросились в кусты. Бог знает, прямо страшно подумать, чем могло бы кончиться это дикое бегство нескольких девушек от 6-ти чел. фабричных, они бы догнали нас, это конец. У меня в голове проносились мысли, неужели мы, которые сейчас только смеялись, пели вокруг костра, будем ранены, неужели кто-нибудь из нас будет убит. Это была минута ужасная. Но тут произошел случай, изменивший все. Мара, которая вместе с Мишей и Верой бежала около меня, видя, что нас настигают, вдруг с диким ужасом прошептала: «Неужели... неужели они нас бить будут?» Это было сказано таким ужасным

тоном, с какой-то мольбой в голосе, что мне сразу вспомнилось ее слабое сердце, страшные последствия испуга для нее, представилась невозможность всем убежать, и я решила, что необходимо кому-нибудь остаться и задержать погоню. Я круто обернулась. Передо мной стояла толпа рабочих без шапок, пьяных, с камнями в руках. Один из них держал в руках мою папаху. «Чья шапка?» спросил грубый голос. «Моя», ответила я после минутного колебания. Жребий был брошен, я осталась. Остался и Миша, Марин голос оказал на него такое же влияние как на меня, он раздвинул руки, чтобы закрыть Мару и Верашу от глаз мужиков, шепнул им: «Спасайтесь» и остался возле меня. Мара и Вераша услышали мой несколько дрожащий голос: «Моя», и бросились опростетью в кусты. Мы остались с Мишей вдвоем перед 30-ью человеками, которые грозно подступали на нас, но бросили погоню за другими. Это сразу успокоило меня, я боялась, что они только часть шайки оставят около меня, а другая часть будет продолжать погоню. Но нет, моя жертва не была бесполезна и я уже спокойно продолжала. «Шапка моя — отдайте мне ее». Не знаю, спокойный ли голос подействовал на них или они вообще спохватились, что пересолили, но они сейчас же вернули мне папаху и я, нахлобучив ее на прическу и приняв снова боевой черкесский вид, уже строго продолжала: «Что это вы с ума сошли так пугать людей? Что вам нужно?» «А вы это что?» задорно подскокил ко мне молодой ткач с засученными рукавами «вам велели потушить костер, тол-

²¹ Дорога, ведущая из Самайкина, где была усадьба Воейковых, в Репьевку, где находилась усадьба Бестужевых/Толстых/Мертваго.

ком вам это говорили, артель в 20 чел. приходила, а вы и не подумали тушить». «И все это ты, братик, врешь», презрительно ответствовала я. «Как только пришли ваши и сказали нам, что наш костер принимают за пожар, то мы сейчас же пожалели о том, что их заставили пробежаться из-за нашей глупой затеи и потушили. Ну а теперь-то вам что надо, что вы бежите за нами и пугаете только. Здесь барышни больные, одна со слабым сердцем, другая сестра милосердия, вы их умирить можете». «Небось своих-то жалеют», подхватил все тот же мальчишка, «а нас нет. Кто из нас кровь пил столько десятков лет, да и теперь еще пьете. Кто за наших телят штрафы огромные берет, кто стражников вызвал, вы, все вы...» Этот ткачишка окончательно бесил меня. «И опять врешь» громко крикнула я, «опять врешь. Мало мама для вас Маковцев делала? Не давала она вам собирать хворост даром в лесу, не заступалась за вас? Нет, скажите? А что касается стражников, то ведь не я же их вызывала, что ж вы ко мне из-за них пристаёте?» (Когда говорили про стражников то слышались голоса: «бить их, чего глядеть».) «Ну не вы, так мамаша ваша». «Да и не мамаша, а брат²²». «А с братом мы еще разделаемся»²³, злобно прошептали они. «Так он вам родной что

ли, вы за него и отвечайте». «Что же вы женщину, что ли, бить будете, трусы» спокойно прозвучал рядом голос моего спутника Миши. «Или меня? Я здесь чужой, не здешний». «Нет, зачем бить?» смущенно ответили те «Вот что, барышня, мы вас трогать не будем, а вы нам за беспокойство пожалуйста на пол ведерчика». «Да я и рада может дать», сказала я, успокоенная таким поворотом дела, «да у меня сейчас ничего нет». «И у меня тоже», сказал Миша. «Нет так мы и поверим, чтобы такие господа без денег ходили. Давайте нам деньги да и все тут, а то по карманам пошарим». «Ну и шарьте», крикнула я, «нет у нас с собой, да и все тут. Хотите завтра дам, а сегодня не могу. Скажите ваши фамилии». Я сама удивилась наивности последней просьбы. Разве спрашивают у разбойников фамилии? «Фамилии?» злобно пробурчал ткаченок, «это для того, чтобы вы на нас доносили потом». Час от часу не легче. «Да черт с ними с вашими фамилиями», вышла я наконец из терпения, «да только как же переслать вам деньги-то? На улице что ли положу я вам их?» «Да это Катерина Дмитриевна никак», послышался сзади голос и русая борода в красной рубашке поднялась из-за куста, чтобы разглядеть мое лицо. «И впрямь Катерина Дмитриевна. Ну, ей можно поверить.

²² Имеется в виду Александр Дмитриевич Воейков (1879–1944), самый старший брат. Агроном, ботаник, организовал в Самайкине крупный научно-акклиматизационный помологический питомник и в начале 1906 г. открыл при нем частную научную школу садоводства. После 1922 г. переехал с Дальнего Востока в Маньчжурю, семь лет работал заведующим опытным полем на станции Эхо, на КВЖД. Умер в Харбине.

²³ И на самом деле в 1907 г. была попытка покушения на А. Д. Воейкова. Как известно из архивного документа (ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 851. Л. 401. 12 ноября 1907 г.), 14 сентября были приняты меры к розыску шайки злоумышленников, намеревавшихся произвести покушение на жизнь землевладельца Сызранского уезда Воейкова. Екатерина Дмитриевна тоже рассказала об этом в своем дневнике. Благодарю Татьяну Гронову за предоставленную мне архивную информацию.

Присылайте вы завтра деньги через учителя Петра Федоровича²⁴, он для нас самый хороший человек, он передаст». «Верно, верно, Петру Федрычу», раздалась голоса. «Ну, хорошо, завтра пришло», обещала я, но перед тем как идти я не могла упустить случая устроить митинг, хотя и при довольно романтической обстановке. Уже поворачиваясь идти, я сказала им: «Ну, а насчет большого пожара это вы повремените малость. Вам же хуже будет. Не забывайте, что войска...» «Это вы насчет того, чтобы не доносить о том, что вы костер-то разводили. Ну, так и быть, не донесем». «Да вы и впрямь с ума сошли», уже не на шутку вспыхнула теперь я «что вы доносить-то будете? Что я на своей земле (так эта земля пока что еще наша) развела костер. Доносите на здоровье!» Но парню очевидно не понравился мой тон. «Вы хорошо говорите, а я скажу еще лучше», ответил он, «земля должна принадлежать крестьянам и будет им принадлежать рано или поздно. А вашего здесь нет ничего». «Ну, ну. Пойдем, пойдем домой», слышались голоса. «Нет, послушайте еще меня, не поджигайте хутора. Не поджигайте ничего, не забудьте, что есть еще войска, что не все они на вашей стороне. Разгромы и поджоги вселяют только анархию. Теперь нужно ждать решения Думы и если она скажет взять у нас часть земли, то мы, конечно, отдадим ее, беспрекословно. Поддерживайте Думу, не забывайте этого». «Думу» — опять звучит голос того же ткача, «да мы эту Думу самую

может втрое больше чем вы чтим. А уж против ее решения вам ничего сказать нельзя будет». «Да и не скажем», продолжаю я в том же духе, «я может быть внятеро больше вас за Думу стою...» Но остальным надо едет эта история. «Ну, идемте, братцы, домой, говорят они, сказала, что придет деньги Катерина Дмитриевна ну, значит, и придет. Нечего нам больше здесь делать». «Да Катерина ли это Дмитриевна?», выразил кто-то свое подозрение из задних рядов. «Не веришь», спросила я, «ну смотри» и, скинув шапку, я сделала несколько шагов в сторону голоса. «Не нужно, не нужно» слышались голоса, верим. «Прощайте». И ватага с говором скрылась в темноте. Мы с Мишей остались стоять, пока они не исчезли в кустах, а потом уже двинулись домой. У меня было страшно радостное чувство. Мы не отступили от позиций, держали себя с достоинством и всё же спасли остальных. Не торопясь и весело гуторя, мы двинулись еще раз к дому, т. е. к Репьевской дороге. «Однако, Катя, ты деляга, как я на тебя посмотрю», одобрительно произнес Мишук, «никогда я этого от тебя не ждал». А «сонной»²⁵ кадетке это была самая лучшая похвала. Мы подходим уже к Репьевской дороге не к настоящей от креста, а к боковой²⁶, как вдруг услышали сзади себя голоса. Признаюсь, я струсила на минуту, подумала, что это нас опять ищут фабричные. Но, верная своему принципу: «не бежать», остановилась и даже крикнула: «Ау» «Э.э э», слышались голоса. «Да это Коля

²⁴ Кудрявцев.

²⁵ В своем дневнике Екатерина Дмитриевна часто жалуется на свою нерешительность, стеснительность.

²⁶ В оригинале письма здесь стоит рисунок с крестом, дорогами и холмом Лысой горы.

и Сережа» сказал Миша. Действительно, к нам подскакали два верховых брата Ушаковы. «Где остальные?» было первым вопросом. Они не знают. «Как, да разве вы не вместе были?» испугались мы. «Нет», несколько смущенно ответили храбрые братья, «мы скорее домой побежали за подмогой. Мы всех скорее...» — «Тото, всех скорее! Эх, вы!», невольно вырвалось у меня. «Ну что же делать, ищите их по лесу, а мы пойдем домой». Мы скорыми шагами направились к дому. «А у у», слышался голос Миши. Дома, очевидно, все перепугались. Как хорошо, что мамы нет. «У-у» ответили мы. Пришли наши? Нее-т. «Да где же они?» и мы бегом спустились с горы в объятия Минаевны²⁷ и Маши. Кто послан за ними? «Андрейка, да двое Ушаковых. Демин с оружием пошел. Слышали выстрел?» скороговоркой докладывает Миносозна. «Куда же они девались?» Мы садимся все около конюшни на Репьевской дороге и начинаем прислушиваться. Кучер Михайла скачет в сторону Алакаевской²⁸ дороги, другие в различные стороны. Из леса появляется Надя с сестрой милосердия. Они сделали большой круг, долго плутали, и наконец вышли к дому. Веры и Мары они не видели от самой опушки. Все наши опасения сконцентрированы только на них двух. Надя рассказывает, что у опушки леса она видела два силуэта, приняла их за Веру и за меня. Хотела окликнуть, но сестрица²⁹ испугалась, думая, что му-

жики могут быть близко. Так они и расстались.

Начинается время томительного ожидания, пятеро верховых скачут со всех сторон, но найти не могут. «А-у» раздаётся по нашему лесу, непривычное оживление царит везде. Мы бабушке, Минаевна, горничные, стряпки, я сидим около дома, чтобы женскими голосами в лесу не спутать ищущих (это оказалось страшной глупостью в конце концов) и кричим: «А у, Вера, Мара а а» Эхо раздаётся со всех сторон, но ответа нет. Мы теряемся в догадках, куда они могли деваться, если даже они сидят где-нибудь в овраге, но крики и топот лошадей должен быть слышен версты за 3 от дома. Коля Ушаков скачет на хутор и через несколько минут двор наполняется народом. Приехал Хотенко, обездчики, старосты, прибежали кузнецы, Парфен. Прибежал испуганный Valentin³⁰. Вид последнего меня приводит в ярость. Про него все время говорили, что он собирает рабочих, готовится погром имения и вдруг он здесь в такую минуту. Я подзываю его... «Скажите, пожалуйста, что значит вся эта история?» Val³¹ бледнеет! «Т.е. как это?» «Ну да, не знаете ли вы в чем дело?» Он понял, наконец, и отвечает: «Е.Д., даю честное слово, что я сделаю все возможное, чтобы расследовать завтра же эту историю. А я здесь совершенно ни при чем». И он срывается с места, бросается по направлению к Лысой Горе...

²⁷ Кухарка. Она упоминается в семейном альбоме «Самайкинская шайка»: Шайку кормят до отвала / А она кричит все «Мало!» / А Минаевна в ответ: / «Вы уж съели весь обед»...

²⁸ Алакаевка, сельцо в Самайкинской волости.

²⁹ Е. Н. Урядова.

³⁰ Это загадочное лицо, фамилия неизвестна. Екатерина Дмитриевна всегда пишет его полное (Валентин) или сокращенное (Валь) имя латиницей.

³¹ Валь.

«Мария Дмитриевна, а-у». Слышит-ся его отчаянный голос, уже далеко от дома. 10 всадников разъехались в разные стороны, рыщут по лесу, кричат. Время от времени кто-нибудь подъезжает к нам. «Что, нет?» «Не-ет!» Безнадёжно махает рукой и скачет дальше. Мы все, Хотенко, Миша Пушкин и вся женская половина дома, кроме Нади, ускакавшей искать пропавших, и Веры с Марой, сидим на сене за конюшней в диком отчаянии: где они?.. Прошло часа 2 в томительном ожидании. Было уже около 3-х, когда вдруг на Репьевской дороге послышались разговоры, смех. «На-а-шли?» кричу я. «Да-а», радостно отвечают нам. Мы бросились встречать. Несколько смущенные, но радостные фигуры пропавших девиц появляются в сопровождении целой толпы искавших. Начинаются расспросы, рассказы. Оказывается, что после того, как мы остались с толпой, наши девочки потеряли из виду и остальных. Они бросились бежать по направлению к Репьевской дороге, но побоялись вернуться к дому, думая, что толпа пойдет туда и решили пройти Алакаевской дорогой. Они бежали тихо, по временам останавливаясь, прислушивались, не слышно ли наших криков. Но все было тихо, и они опять продолжали путь. «И зачем это Катя там осталась?» спрашивали они. «Ведь они убьют, изувечат и ее и Мишу». «И все из-за шапки» негодовала Вераша, которая слышала мой ответ. Они решили уже потихоньку вернуться домой, как вдруг совершенно явственно для них послышались мужские голоса в лесу: «А-у» и топот лошадей. У страха глаза велики. И девочки, вспомнив о том, что мы говорили о костре на Лысой Горе, как о вероятном сигнале для «сбора

всех частей» и для погрома, решили, что это собираются мужики из Самайкина и с Маковки. Они бросились в кусты и скрылись там. Но крики не переставали, слышались отовсюду. «Барышни!» слышался совершенно близко мужской незнакомый голос, «а-у!» «Они нас ищут, убьют нас», мелькает в головах бедных девочек, и они прячутся все дальше в кусты. «Мара, Вера» опять слышат они. «Наши!» является у них мысль, но нет, голос незнакомый. «Они это нарочно» решают девочки. «Из наших могут нас искать только Сережа и Коля да Надя с Катей. Слушай, нет ли женских голосов?» И они слушают долго, мучительно долго слушают, но женских голосов нет, а где-то не вдалеке опять гаркнул чей-то грубый голос: «А-у товарищи!» как им кажется. «Идут, идут на митинг» испуганно шепчет Мара и жметесь ближе к Вере. «Нет, нельзя откликаться, нельзя подавать голоса». И в их воображении уже встает картина, как будут их искать, наткнутся на их куст, найдут. И вдруг совершенно явственно для той и для другой слышится тревожный свисток фабрики. Этого не было, и вероятно почудилось им только. «Пожар, хутор горит, ой ой ой», чуть не рыдает Мара, неужели нам больше никогда не увидеть нашего дома целым. Они силятся увидеть зарево, но боятся встать и остаются в кустах. Вдруг они слышат Надин голос: «Мара, Вера, где вы?» В страшной радости они откликаются, но им никто не отвечает. «Может быть, они нарочно заставляют Надю кричать, чтобы нас заполучить», мелькает в их уставших головах страшная мысль, которая подкрепляется тем, что опять слышится незнакомый мужской голос невдалеке. Они остаются в кустах,

решают сидеть там до рассвета, а потом идти к Ребровским³² в Алакаевку. Но тут опять слышатся голоса Нади и Коли. «Ну уж все равно, пойдем», и уставшие девицы бредут, спотыкаясь в паутине, по лесу опять по направлению к Репьевской дороге. Мужские голоса их окружают, при каждом из них они замирают, бросаются в кусты, потом бредут дальше. Наконец они выходят на Репьевскую дорогу, решают, будь что будет, идти по ней до дома. И вдруг навстречу им три попыхивающих папирасы. Они решают, что это Миша, радуются... но нет, три незнакомых грубых голоса. «Марья Дмитриевна», слышится им, «это вы?» «Да», замирает она на месте. А кто говорит? Фабричные, мелькает у них в головах. «Я Андрей» — «Сын Игнатия?» радостно вопрошает Марья. «Да!», и гордый своей находкой Андрей столяр и его спутники ведут барышень домой. Рассказ кончен, но здесь подъезжают Надя и Коля с сенсационной новостью. «Слушай», говорит Надя и ее глаза блестят от интересного приключения, «опасность все-таки была около боковой Репьевской дороги. Проезжая с Колей по опушке, мы встретили Valentin'a, он бежал с расстегнутым воротом рубашки, с перекошенным лицом. "Скорей, скорей, на перерез", крикнул он нам, показывая в сторону Репьевской дороги. "Сейчас три мужика на меня бросились, затреещину дали", и побежал их искать». Val скрылся в лесу, а Коля с Надей ускакали. «Я думала, что сейчас увижу Веру и Мару связанными», захлебываясь

рассказывала любительница приключений Надина, «что их отбивать придется». Слава Богу это не было так, и девочки были целы. Но история с Val. мне вовсе не понравилась. Оказывается, когда он кричал в лесу имя Мары, то наткнулся на трех мужиков. «Наши?» спросил он. «Да ваши», злобно ответили ему, «будешь знать, как хозяйское добро стеречь» и тяжелая рука опустилась ему на спину. Когда он обернулся, мужики уже исчезали в лесу. Он страшно испугался, что такая же участь постигнет Мару и Веру и предупредил верховых.

Однако, все уже было кончено, мы выпили чая с Хотенко, потом вышли на двор, где все еще был народ, отпустили стражников, прискакавших предложить свои услуги, распрощались с хуторскими³³ (совсем позабыли о том, что им нужно было дать за поиски), и пошли спать. Нечего и говорить, что заснуть мы не могли раньше пяти часов.

На другой день я вскочила в восемь. Передо мной была еще трудная задача: как покончить дело с Маковцами. К репрессивным мерам я решила не прибегать, дать деньги нужно, раз я дала свое слово. Но как это тогда? Они подумают, что мы испугались, выкупаемся, что же делать? Мамы не было, посоветоваться было не с кем. И вот мы решили сделать так. С Петром Федоровичем «премудрым пескарем»³⁴ говорить я не хотела, так что решено было ехать на Маковку около 12-ти во время обеда, вызвать

³² В 5 км от Фабричных Выселок в сторону Алакаевки находилось имение Евсталии Васильевны Ребровской.

³³ В той же Самайкинской волости два хутора числились за Воейковыми: Холмы и Полянка. Вероятно речь идет здесь о крестьянах, живших в Холмах.

³⁴ Ссылка на героя сказки Салтыкова-Щедрина.

его на улицу, и когда соберется кучка народа из Маковцев, отдать ему 3–4 р. со словами: «Вчера я обещала каким-то разбойникам дать им деньги на водку через вас. Вот эти деньги, но я даю их не потому, что я боюсь их, а потому что я дала свое слово». Это, может, было очень красиво, но очень глупо. Довольно идиотский был и другой план: созвать на Маковке сход и спросить стариков, что значит вся эта история и солидарны ли они с ней. Но то-то и дело, что задача была трудна, нужно было и сдерживать слово и сохранить свое достоинство. К счастью, утром, пойдя в сад, мы встретили Val., который объяснил, что вся эта история была предпринята шайкой головорезов, желавших напугать нас и выманить на водку деньги и что к его рабочим они отношения не имели. Это не уменьшало опасности для нас, в тот вечер скорее увеличивало ее, но успокаивало нас в том отношении, что это не первый признак аграрного волнения, а просто так нападение. «Но как же быть с деньгами?» спросила я, «давать их или нет, ведь меня связывает слово». «Как хотите», усмехнулся тот, «если хотите поддержать черносотенные разбойничьи элементы Маковки, то давайте. Но пеняйте на себя тогда, если такая история повторится. Странно только, что они просили передать деньги Петру Федоровичу». «А что?»

«Да ведь П.Ф. удивительно честный и прямой человек, он всеми силами

старается сдерживать их, не допустить их до кровопролития, до поджогов, а они его вешивают в эту историю, получается такое впечатление, как будто он с ними заодно». Может быть, эти слова относились столько же к самому Valentin³⁵, сколько к Петру Федоровичу, но они во всяком случае навели нас на мысль, что вместо идиотской демонстрации на улице лучше всего будет прямо поехать к П.Ф. рассказать ему все происшедшее и оставить ему деньги в его распоряжение. Сказано сделано. П.Ф. внимательно выслушал наш обстоятельный рассказ, посмеялся над некоторыми комическими эпизодами его, но в общем посмотрел на дело очень серьезно. «И нужно же было вам теперь костер разводить», пожурил он нас. «Ведь теперь настроение такое, что всякое подобное действие способно произвести взрыв. Теперь только Дума несколько поддерживает спокойствие, доверия к правительству никакого и это неминуемо влечет за собой анархию. Мне иногда страшных трудов стоит восстановить спокойствие, удержать их озлобление страшное. Слава Богу, ваша семья мало подает поводов ненавидеть ее, но теперь восстанавливает себя Александр Дмитриевич. Теперь вам нечего бояться Маковцев, но осенью вряд ли можно будет остановить их». И, вспомнив про костер, он сказал то, о чем я еще раньше думала: «вчерашним происшествием вы очень много испортили, уважение к вам было; теперь оно несколько подорвано. Не нуж-

³⁵ В Государственном архиве Ульяновской области нашлись сведения об этом загадочном Валентине. Земский начальник 5-го участка Сызранского уезда докладывает г. симбирскому губернатору по поводу волнений и крестьянских беспорядков: «По некоторым имеющимся у меня данным участниками, если не руководителями, митингов являются садовник питомника А.Д. Воейкова Валентин (фамилия не известна), уже бывший в тюрьме за революционную пропаганду, и учитель Самайкинской фабричной школы (Ф.И.О. не известны)». ГАУО. Ф. 76. Оп. 9. Д. 159. 1906 г. Благодарю Татьяну Грому за предоставленную мне информацию.

но было бросаться бежать с самого начала, спокойное слово всегда действует на толпу. Много напортили вы этим и мне; они примут этот костер как вызов, как провокацию, трудно будет убедить их, что это только детская забава». А я стояла уже не как вчерашний храбрый черкес, или демагог, рассуждающий с толпой и останавливающий ее одним словом, а как набедакуривший ребенок. «Что же с деньгами то делать, П.Ф.?» вертела я злосчастные 3 рубля в руках, «ведь я обещала их дать». «Гм», задумался он. «Это самое неприятное из всего, на водку этих денег я им не дам. Но раз уж вы должны сдержать свое “дворянское” честное слово, то я предложу выписать на них газету, пожертвовать в церковь. Ну, прощайте, постараюсь все устроить, но не забудьте, что настроение очень серьезное, что на Маковке есть элементы, прямо ожидающие всякого повода к погрому. Ваш поступок может быть легко истолкован ими в свою пользу».

Мы уехали, оставив дело в руках опытного адвоката и радуясь, что наша роль в нем кончилась.

25го Июня. Дело мало по малу разъясняется. Почти все фамилии участников его известны. Последние не смеют даже пикнуть на Маковке об этом, односельчане хотели их вздуть за «озорство». Деньги мне П.Ф. сегодня благополучно вернул, т.к. за ними никто не пришел. Так. обр. вся эта история отразилась глав. обр. на Val'e, обидевшемся на мои злосчастные слова и желающим уходить.

Прощай. Крепко целуем.

Боевая Шайка.

П.С. Пожалуйста, сохрани эти манускрипты и верни мне их по приезду в Самайкино.

Как мы знаем, 1-я Государственная дума, избранная весной 1906 г., на которую возлагалось столько надежд со стороны Конституционно-демократической партии (кадетов), просуществовала недолго. 8 июля был принят высочайший манифест о роспуске Государственной думы. Для Екатерины Дмитриевны, которая с таким энтузиазмом принимала участие в политическом процессе на стороне кадетов, роспуск Думы был сокрушительным ударом. Ведь она весной ходила на все заседания Думы в Таврическом дворце, помогала членам бюро партии, ее хвалил Дмитрий Дмитриевич Протопопов, называя ее «M-Ile Energie» (барышня Энергия). Будущее казалось и для нее самой, и для страны в целом радужным.

Это знаменательное событие, естественно, было отмечено в Самайкинском альбоме. 13 июля 1906 г. Екатерина Дмитриевна записывает:

*Шайка распадается
Разгон Думы разогнал шайку*

и подписывается: *Кадетка*

Можно, пожалуй, считать, что роспуск Думы явился первым провалом в судьбе молодой кадетки. После этого ей на долю выпадут страшные испытания: Первая мировая война; ранение мужа; революции 1917 г.; Гражданская война; великий исход через Сибирь; эмиграция в Харбине; японская оккупация Маньчжурии; переезд в Шанхай; китайско-японские

сражения; Вторая мировая война; создание КНР. Но Екатерина Дмитриевна выжила, вернулась на родину

и продолжала всю жизнь писать дневник, который, к нашему счастью, сохранился в семейном архиве.

EKATERINA DMITRIEVNA VOYEYKOVA-ILYINA (1887–1965). MY GRANDMOTHER

Jobert Veronique – professor emeritus of the university of Paris-Sorbonne, doctor of Slavic sciences, editor-in-chief of *La Revue russe* (France)

Key words: family memory, Russian emigration in China, peasant unrest in Russia at the beginning of the 20th century.

Abstract. The French expert in Slavic Studies Véronique Jobert talks about the fate of her grandmother Ekaterina Dmitrievna Voyeykova-Ilyina and publishes her letter, telling about the events of 1906 in the Russian province.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Воейкова-Ильина Е.Д. «Нам не уйти от родины навеки...»: дневники, письма, воспоминания. М.: Русский путь, 2010.

Громова Т. «Климаты земного шара, в особенности России» О первом русском климатологе Александре Ивановиче Воейкове // *Культура и время.* № 3. 2012. С. 166–175.

Громова Т. Барышня крестьянка // С Симбирском связаны судьбой. Изд. «Корпорация технологий продвижения». Ульяновск, 2015. С. 193–203.

Громова Т. Воейковы из Самайкина (отец и сын) // *Симбирский вестник.* Выпуск III. Ульяновск: Симбирская книга. 1996. С. 64–77.

Громова Т. Симбирский Мичурин // *Ульяновск. Мономах.* 2009. № 4. С. 18–19.

Дмитрий Воейков (1843–1896) общественный деятель // *Самарские судьбы. Биографическая энциклопедия.* Самара: Издательский дом «Добрусич», 2011. С. 108–109.

Жобер В. Бабушкин дом казался странным // *Ульяновск. Мономах.* 1997. № 2. С. 23–25.

Жобер В.П. Репьевка, Самайкино, Золино и другие... Исчезнувшие усадьбы Симбирской губернии // *Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы.* Выпуск 24 (40). СПб.: Издательский дом «Коло», 2018. С. 283–294.

Когда жизнь так дешево стоит... Письма О.А. Толстой-Воейковой, 1931–1933 гг. / публ. и коммент. В.П. Жобер. СПб.: Нестор-История, 2012.

Русская семья «dans la tourmente déchaînée...»: Письма О.А. Толстой-Воейковой, 1927–1930 гг. / публ. и коммент. В. Жобер. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Нестор-История, 2009.

Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920 / Иосиф Ильин; [подгот. текста, вступ. ст. В.П. Жобер, примеч. В.П. Жобер и К.В. Чащина, разработка карт-схем Т.В. Русиной]. М.: Книжница: Русский путь, 2016. 480 с.: ил.

«ТЕПЕРЬ Я ПОНИМАЮ — ОН РАССКАЗАЛ МНЕ О СВОЕМ АВТОРСТВЕ, ПОТОМУ ЧТО ЧУВСТВОВАЛ, ЧТО ЕГО АРЕСТУЮТ».

Интервью с А. Ю. Даниэлем

Ключевые слова: Юлий Даниэль, суд по делу Синявского и Даниэля, диссидентское движение в СССР, самиздат, общество «Мемориал».

Аннотация. Известный правозащитник и историк диссидентского движения в СССР Александр Даниэль делится воспоминаниями о своем отце писателе Юлии Даниэле, рассказывает о собственном участии в диссидентском движении и самиздате. В беседе нашли также отражение проблемы изучения в современной России истории оппозиционных движений в СССР 1950-х — начала 1980-х гг.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-177-202

Александр Юльевич Даниэль, сотрудник НИПЦ «Мемориал» (Москва) и НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург). Принимал и принимает участие в ряде исследовательских и публикаторских проектов «Мемориала». Автор ряда работ, посвященных главным образом истории становления и развития независимой общественной активности в СССР, состоянию исторической памяти в современной России, а также статей и заметок на актуальные общественно-политические темы.

Основные публикации: В поисках несуществующей науки: диссидентство как историческая проблема. (совместно с Л.И. Богораз) // Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1993. № 37–38. С. 142–162. То же, на нем. яз., в сб.: *Rusland heute:*

von innen gesehen. Politik. Recht. Kultur. Moskau-Bremen: Temmen, 1993; История самиздата // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М.: Рудомино, 1994. С.86–93. То же, на нем. яз.: *Die Geschichte des Samizdat // Stasi, KGB und Literatur. Beiträge und Erfahrungen aus Rußland und Deutschland.* Koeln: Heinrich-Böll Stiftung e.V. (Hg), 1993. Z. 142–157; Диссидентство: культура, ускользающая от определений // Россия — Russia. М.; Венеция, 1998. Вып. 1 [9]: Семидесятые как предмет истории русской культуры. С. 111–124; *Wie freie Menschen. Ursprung und Wurzeln des Dissens in der Sowjetunion // Samizdat — alternative Kultur in Zentral- und Osteuropa; die 60-er bis 80-er Jahre.* Bremen: Temmen, 2000. Z. 38–50. То же, на рус. яз. (сокр.

вариант): Истоки и корни диссидентской активности в СССР // Неприкосновенный запас. 2002. № 1/21. С. 51–65; Chruščëv: gli aggiustamenti del potere // L'altro novecento. La Russia nella storia del ventesimo secolo. Atti del Convegno promosso da Fondazione Russia Cristiana e Diesse. Seriate, 16–17 ottobre, 13–14 novembre 1999. Bergamo: La casa di Matriona, 1999. То же, на рус. яз.: Н. С. Хрущев: реформа и утопия // Горбачевские чтения. Вып. 4: XX съезд и доклад Н. С. Хрущева «О культе личности» в российской истории: к 50-летию XX съезда КПСС. От Фултона до Мальты: как началась и закончилась холодная война. М.: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), 2006. С. 139–155; Идеология и андерграунд: стадии взаимодействия // Художественная культура 1970-х как самосогласованная целостность. М.: Институт искусствознания, 2000; От диссидентов — к «неформалам», от самиздата — к «новому самиздату». Пробуждение общественной активности в годы перестройки (совм. с Б. И. Беленкиным) // Перестройка — наше прошлое или будущее?: Конференция. М.: Международный общественный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), 2001; Обыватель — россиянин — подданный Великой Державы (совм. с А. Б. Рогинским) // Общество на фоне. М.: ОГИ, 2001. С. 75–80. То же, на нем. яз.: Der Russländer — Bewohner und Untertan einer Großmacht // Von Lehrte zum Lehrter Bahnhof. West-Östliche Exkursionen zu Helmut Lippelts 70. Geburtstag. Berlin, 2002; Россия и европейский либе-

рализм (совм. с А. Б. Рогинским) // Общество на фоне. М.: ОГИ, 2001. С. 86–89. То же, на нем. яз.: Russlands Zivilgesellschaft. Zwischen westlichen Erwartungen und östlichen Realitäten // Reflexion und Initiative. Band IV zur Arbeit der Körber-Stiftung. Hamburg: Körber-Stiftung. [б/д]. Z. 73–62; Диссидентская активность и правозащитное движение // История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. Книга для учителя. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2002; Концепция реабилитации в контексте политического развития конца 1980-х — начала 1990-х // Мир после Гулага: реабилитация и культура памяти. Второй международный симпозиум памяти В. В. Иофе. Сыктывкар, 10–11 сентября 2003; Сборник докладов. СПб., 2004; Еще раз о либеральных ценностях и их интерпретациях // Пределы светскости: общественная дискуссия о принципе светскости государства и о путях реализации свободы совести. М.: Центр «Сова», 2005. С. 175–184; Самиздатская биография текста // Право на имя: Биография вне шаблона. Третьи чтения памяти Вениамина Иофе. 22–24 апреля 2005. Сборник докладов. СПб.: Научно-информационный центр «Мемориал», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006. С. 45–56; Geburt der Menschenrechtsbewegung. Das Jahr 1968 in der UdSSR // Osteuropa, Juli 2008. Z. 47–55; Sovětský Svaz a Pražské Jaro // Za vaši a naši svobodu. Praha: Torst/Ústav pro stadium totalitních režimů, 2010. L. 27–53; Positionen und Richtungen in politischen Samizdat der UdSSR // Ringen um Autonomie. Dissidentendiskurse in Mittel- und Osteuropa. (Das andere Osteuropa.

Dissens in Politik und Gesellschaft, Alternativen in der Kultur. 1960er — 1980er Jahre. Beiträge zu einer verglei-

chenden Zeitgeschichte. Band 3). Berlin, Lit 2017. Z. 13–99.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Из биографии вашей матери — известной правозащитницы Ларисы Иосифовны Богораз, я узнал, что ваш дед был двоюродным братом революционера-народника и выдающегося антрополога — исследователя народов Крайнего Севера — Владимира Германовича Тана-Богораза.

А. Д. Я никогда не мог разобраться в степени родства с Таном-Богоразом, но ясно, что оно довольно-таки отдаленное. Он был то ли троюродным дядей моего деда, то ли его троюродным братом. По рассказам деда, они никогда не виделись. Все Богоразы родом из города Овруча. По семейным преданиям, это был большой разветвленный еврейский род, который делился на две ветви: «богатые Богоразы» и «бедные Богоразы». Мой дед относился к бедным Богоразам. А Владимир Германович — к богатым и был выкрестом. Это известно. Но малоизвестно то, что отец Владимира Германовича (я не помню, был ли он сам выкрест или остался в иудаизме) детей своих разделил: одних оставил в иудаизме, а других на всякий случай перевел в христианство. Так Тан-Богораз и оказался православным. Это то, что я знаю.

Моя мать была лингвистом, поэтому очень интересовалась Таном-Богоразом, но не как своим предком и не как революционером, а как лингвистом и антропологом. Он одним из пер-

вых описал чукотский язык. В экспедиции под руководством одного из «отцов» современной антропологии Франца Боаса он исследовал язык и культуру чукчей, коряков, ительменов и эскимосов. Говорят, что Тан-Богораз внес значительный вклад не только в русскую, но и мировую антропологию.

С. Э. В «Википедии» написано, что ваша бабушка во время Гражданской войны служила в политотделе одной из Красных армий.

А. Д. Они воевали с Деникиным (в смысле — против Деникина) где-то на юге.

С. Э. Она была большевичка?

А. Д. Да.

С. Э. С дореволюционным стажем?

А. Д. Нет, уже с послереволюционным. И дед тоже был большевиком с 1918 г.

С. Э. Расскажите, пожалуйста, об их воспоминаниях о революции и Гражданской войне.

А. Д. Бабушку свою со стороны матери, Марию Самуиловну Брухман, я никогда не видел: она умерла до моего рождения. Знаю, что у нее была страшная тайна. Дело в том, что она была тоже убежденная партийка

(кажется, так и осталась ею до смерти в 1950 г.). Вступила она в партию в этом самом политотделе в 1918 г., а потом ее и нескольких ее подруг из партии исключили за «буржуазное разложение»! Кто они были в политотделе, я не знаю, ну, вероятно — секретарши. Но все равно, наверное, ходили с маузерами на поясах. А буржуазное разложение состояло вот в чем: проводя реквизиции в буржуйских квартирах, они поотдирали там с окон тюлевые занавески и из этих занавесок сшили себе платья. Причем не за «грабировку» их выгнали, не за то, что под видом реквизиций что-то себе присвоили, а за эти самые тюлевые платья! Ходить в тюлевом платье — это и было буржуазное разложение.

С. Э. То, что взяли себе — не страшно, а то, что сшили платья — уже преступление.

А. Д. Конечно! Потому что тюлевое платье — это пережиток проклятого прошлого. А они были молодыми девчонками, лет по 18. Как удержаться?! Вот их и выгнали. Потом она снова вступила в партию, но при этом скрыла, что ранее была из нее исключена. Вот это и было страшной тайной, которую она хранила до гроба! То ли ее грызло, что она солгала партии, то ли она просто боялась, что обман всплывет и ее опять выгонят. Но с дочерью она все же поделилась: моя мать об этом знала.

В общем, по-видимому, она была твердокаменная большевичка.

С. Э. Она была на парработе?

А. Д. Хуже того — она была преподавателем марксизма-ленинизма

и прочих «общественных дисциплин» в системе среднего профтехобразования.

С. Э. Получается, что бабушка начинала большевистские репрессии в 1918 г., а дед попал под эти репрессии в 1936-м. Я где-то прочел, что он был мемуаристом. Расскажите, пожалуйста, о нем.

А. Д. Ну, я надеюсь, что Мария Самуиловна ни к чему большему, чем реквизиция тюлевых занавесок, не причастна. А дед, Иосиф Аронович, мемуаристом не был. Он уже на старости лет занялся литературой, написал несколько повестей и рассказов. Некоторые из них имеют отчасти автобиографический характер, но все же по жанру это художественная литература.

С. Э. Что он рассказывал про свой арест? Ему все же повезло, что его освободили в 1941 г.

А. Д. Его очень удачно посадили. Его посадили в мае 36-го, когда большая волна репрессий против партийцев только поднималась и приговоры были еще не столь жестокими. Деду дали пять лет, что тоже везение. Если бы его арестовывали в 37-м (его же обвинили в троцкизме), то все было бы гораздо печальней.

С. Э. Троцкизм — это было стандартное обвинение, не имевшее отношения к действительности?

А. Д. По-моему, никакого реального отношения к троцкистской оппозиции он никогда не имел. Он, насколько это было возможно, держался в стороне от политических интриг.

С.Э. Он работал экономистом?

А.Д. Да, он работал в Госплане Украины. Ранняя посадка привела к тому, что он был освобожден в мае 41-го, до начала войны. А после начала войны срок заключения осужденным по политическим статьям продлевали автоматически, «до особого распоряжения». После освобождения он остался на Воркуте.

С.Э. Это такое местное выражение — на Воркуте?

А.Д. Дед именно так говорил; и все воркутяне, которых я встречал, говорили: «на Воркуте», а не «в Воркуте». Так вот, он остался жить на Воркуте, поскольку был в «минусах», т.е. не имел права селиться в крупных городах. Фактически находился в ссылке. Когда в 1948 г. начались повторные аресты, его эта волна, может быть, и миновала бы: теперь мы знаем, что по Указу от 21 февраля 1948 г. арестовывали главным образом тех, кого освободили после окончания войны. Но ведь тогда никто не понимал, по какому принципу идут эти аресты. И поскольку это было непонятно, то он счел за благо уехать из Воркуты на еще более Крайний Север — на Игарку. Это было в самом конце 40-х гг.; в 47-м он еще был на Воркуте, потому что мать к нему туда ездила.

С.Э. А что он вспоминал о Воркуте, с кем из известных людей встречался?

А.Д. Время от времени он вспоминал каких-то интересных людей, с которыми его сталкивала судьба, но я запомнил Алексея Капле-

ра — известного киносценариста. Каплер был арестован из-за своего романа с дочерью Сталина. Дед довольно плотно общался с Каплером и со многими другими интересными людьми. Он был известной фигурой в Воркутлаге: еще в лагере его назначили заведующим аптекобазой, и после освобождения он продолжал заведовать ею. Уже потом старые воркутяне рассказывали мне, что он был ключевой фигурой в не очень легальном деле — через него шла «левая» переписка между лагерями.

С.Э. То есть он, как свободный, мог писать, а сидевшие не имели права писать?

А.Д. Нет, писать-то они могли, но они не могли писать из лагеря в лагерь. Тем более миную цензуру.

В 1954-м, после отмены «минусов», они с Аллочкой — его женой, с которой они познакомились в лагере, — приезжали в Москву. Я помню этот их приезд. Но вскоре его опять потянуло на Север, и он завербовался в Архангельскую область экономистом на лесопильный, кажется, завод. И еще некоторое время проработал там, в Коряжме. Они окончательно возвратились в Москву, уже когда он вышел на пенсию, где-то в 56-м. То ли это был «зов Севера», то ли он хотел заработать северную пенсию, которая была выше.

Надо сказать, что из лагеря он вышел абсолютно разочарованным во всех идеях своей большевистской юности. Не знаю, когда именно он в них окончательно разочаровался. По его рассказам, в 1936 г., перед арестом, у него все еще были какие-то

иллюзии. Помню его рассказ о том, что он — уже выгнанный из партии, но еще не арестованный — советовался со своим свояком, мужем старшей сестры. А свояк был большой шишкой — Данила Егорович Сулимов, председатель Совнаркома РСФСР, член ЦК. И вот, когда он проезжал через Киев в своем салон-вагоне, Иосиф Аронович приходил к нему советоваться: как, мол, ему бороться за свое восстановление в партии? И Сулимов сказал: «Ты что, не понимаешь, что творится? Сиди тише воды, ниже травы, не пытайся апеллировать — будет гораздо хуже». То есть Сулимов точно никаких иллюзий уже не питал, он к тому моменту все понимал. (Это ему, впрочем, не помогло: через год с небольшим его арестовали и расстреляли.) А Иосиф Аронович все еще думал, что что-то можно сделать.

С. Э. Какой срок прошел с момента его исключения из партии до ареста?

А. Д. Может, месяц-два. Когда он уже освобожден, вернулся в Москву и был реабилитирован, ему предложили восстановиться в партии. И хотя он говорил, что уже ни во что это не верит, но побоялся отказаться.

С. Э. В каком году это было?

А. Д. После смерти Сталина — в 56–57-м. Предложили восстановиться с восстановлением партийного стажа. А он был членом ВКП(б) с 1918 г., еще в родном Овруче вступил. Он побоялся отказаться и восстановился, но в конце 1960-х все-таки вышел из партии. Сам написал заявление и положил партбилет.

Ему уже ничего было не страшно: дочь — известная диссидентка, находилась в ссылке, он уже ни себе, ни другим навредить не мог. Я его тогда дразнил известным двустишием Мандельштама: «Юношей Публий вступил в ряды ВКП золотые, / Вышел из партии он дряхлым, увы, стариком»...

К тому времени он уже что-то писал и читал друзьям, а в 1970-е начал публиковать написанное.

С. Э. Его публиковали в советское время?

А. Д. За границей. В журнале «Континент» был опубликован его рассказ «Наседка». В Иерусалиме была опубликована его повесть «Отщепенец», про Воркуту. Вот такой замечательный был у меня дед!

С. Э. Мы поговорили о судьбе вашего деда по материнской линии. Ваш дед со стороны отца был еврейским писателем, писал на идиш. Расскажите, пожалуйста, о нем.

А. Д. С этим дедом — детективная история. Причем детективом она обернулась совсем недавно — в этом году.

Начнем с того, что мне всегда было непонятно, как на самом деле этого моего деда звали. Марк Даниэль — это его литературный псевдоним; настоящая его фамилия была Меерович, это я знал. Он умер в 1940 г. Между его смертью и моим рождением прошло 11 лет, поэтому я знал его историю только благодаря нечастым упоминаниям о нем моего отца. Отец говорил, что имя-отчество его

было Марк Менделевич. Но во всех справочниках и литературных энциклопедиях он — Марк Наумович. К тому же тетю Машу, его младшую дочь, единокровную сестру отца, полностью зовут Мария Абрамовна. Я долго ломал голову, как же звали деда — Марк или Абрам, и как звали прадеда — Наум или Мендель. Знал, что они родом из Двинска. Мой отец очень мало знал о происхождении деда. Известно, что прадед жил в Двинске, был портным и еще большим деятелем тамошней синагоги. Но как же его звали? Я решил, что, наверное, его звали Нахум-Мендель — через дефис, как это водится у евреев.

А дальше произошла следующая смешная история: в начале этого года один мой молодой приятель, который увлекается всякого рода ДНК-тестами, предложил проверить, что найдется в моем ДНК. Ну, плюнул я в эту пробирку... Результат теста заносится в некую базу данных, и если в базе есть кто-то, кто по ДНК близок, то сообщают и об этом. И обнаружилось, что есть некая дама, которая живет в США в штате Айова, и по ДНК у нас с ней 25-процентное совпадение — это очень высокий коэффициент. У этой дамы есть сайт, а на сайте ее родословие. И вот ко мне пришел знакомый, подбивший меня на это исследование, и говорит: «Александр Юльевич, а фамилия Меерович вам ни о чем не говорит?» Я отвечаю: «Вообще-то говорит». Он мне показывает генеалогию этой самой Рейчел Гудман, которая нашлась в штате Айова. И там я нахожу все. Рейчел эта оказалась моей троюродной сестрой, внучкой одной из сестер моего деда. А нашего с нею общего прадеда звали, оказывается, не На-

хум-Мендель, а Ноах-Мендель. То есть я почти угадал. Дед, стало быть, должен был быть по отчеству Ноевич, а не Наумович.

Самого деда я там тоже нашел, он там значился под именем Абрам, а в скобках — Мордке-Абрам-Даниил, тройное имя, вот так!

Тут же рассыпалась легенда, которую я слышал со слов отца: будто бы дед взял свой литературный псевдоним в честь пророка Даниила. Ничего подобного! Просто одно из его имен и было Даниил. А Мордке превратился в Марка. Так и получился писатель Марк Даниэль. «Абрам» же сохранился только в отчестве вышеупомянутой тети Маши.

Но самое интересное другое: в этом американском генеалогическом древе против его имени стояла, правда под вопросом, дата смерти: 1918 г.! А в комментарии говорилось, что Абрам, он же Мордке, он же Даниил пропал без вести во время Гражданской войны на Урале, в Пермском крае, куда во время Первой мировой семья эвакуировалась из Двинска (наверное, была принудительно эвакуирована — как известно, верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич отдал приказ о депортации из прифронтовой полосы всех евреев как потенциальной «пятой колонны»). И вот, согласно воспоминаниям моих внезапно обнаружившихся американских родственников, во время боев между белыми и красными мальчишка Абрам — ему было лет 16–17 — пропал (не исключено, что сбежал из дому и примкнул к красным). Они его искали, но не нашли, и решили, что он погиб. Ни

о каком Марке Даниэле и тем более его потомках они не знали.

А дед, по-видимому, самостоятельно вернулся в Прибалтику, во всяком случае, похоже, что в 1919-м он уже оказался в Вильнюсе. А в 1920-м, после того, как Виленский край заняли поляки, уехал в Москву. Но еще раньше остаток семьи — его мать и младшая сестра, отец умер еще в 1917 г. в Пермском крае, — так и не сумев найти Абрама, эмигрировали в Америку, где уже жили почти все другие дети Нахум-Менделя. Такая вот история.

К слову, из этой американской генеалогии я выяснил еще одну историю, совершенно зеркальную предыдущей. Согласно нашей семейной мифологии, у Марка Даниэля был старший брат, который до революции будто бы был революционером-подпольщиком и носил, как водилось у революционеров, красивую партийную кличку «Карл Либертэ», а в 1920-е стал агентом Коминтерна, т.е. попросту советским шпионом. И якобы этот Карл сгинул в Германии в 1923 г., во время «пивного путча»; считалось, что он погиб. Здесь, в Москве, у него осталась семья. В повести Марка Даниэля «Юлис» несколько очень теплых страниц посвящено этому старшему брату Карлу: «...неизвестно, где ты, дорогой Карл, жив ли ты...» и т.д. И вот я этого Карла в американской генеалогии тоже нашел: Шмуэль Меерович, он же Карл Либертэ, он же Петр Розов, он же еще кто-то... Но, согласно этой генеалогии, ничего он не сгинул в пивном путче, а благополучно скончался в Ницце в весьма, по-видимому, преклонном возрасте,

аж в 1974 г. У него, как выяснилось, еще и в Париже была семья, еще с до-революционных времен. Похоже, что этот Шмуэль, он же Карл, находясь на задании, просто слинял и стал не-возвращенцем!

С. Э. Или, наоборот — был глубоко внедрен? Тогда у НКВД были длинные руки. Почти всех отступников «ликвидировали».

А. Д. Кстати, да, мне это в голову не приходило! Может быть... Видимо, этот мой двоюродный дедушка Карл, он же Шмуэль, был большой авантюрист. И насчет революционного прошлого я не вполне уверен; есть данные, что он просто бежал от призыва в армию.

Но, согласитесь, какая симметричная получается картинка. Американская ветвь Мееровичей числит в пропавших без вести брата Абрама, а советская — брата Шмуэля. Оба между тем живехоньки и относительно благополучны.

С. Э. Там есть еще дети? Вы нашли родственников?

А. Д. Да. Кузина Рейчел постаралась восстановить все. Потом я списался с нею и другими американскими родственниками, их оказалась целая куча: прадедушка мой, Ноах-Мендель, был плодовитый патриарх, у него было штук десять детей, и большинство из них эмигрировали в Штаты еще до Первой мировой войны. Короче говоря, вдруг на меня свалилось огромное количество еврейских родственников по линии деда. И все это произошло в этом году. Благодаря развитию генетики.

С.Э. И благодаря Интернету...

А.Д. Я с ними теперь переписываюсь, несколько раз по «Скайпу» разговаривали. Очень интересно оказалось. Как говорится: «Не было ни гроша, да вдруг алтын» — куча родственниковов.

С.Э. Им повезло, что они уехали до 1924 г., когда жестко ограничили иммиграцию в США. После этого, даже в годы Холокоста, въезд, в том числе и для евреев, был чрезвычайно затруднен.

А.Д. Они почти все уехали до революции. И только прабабка и младшая дочь — младшая сестра моего деда Марка-Даниэля — уехали в 1919 или 1920 г. Но уезжали они из Латвии, из Двинска. Так что, можете себе представить, сколько интересного я узнал! Прабабка, оказывается, умерла в Массачусетсе аж в конце 1940-х, а мы о ней ничегошеньки не знали...

С.Э. Вы родились в 1951 г. В каком возрасте вы перестали себя чувствовать советским человеком?

А.Д. Когда у меня исчезли пионерские иллюзии? Вы знаете, они исчезали постепенно. Они у меня вытеснялись, во-первых, книжками и, во-вторых, общей атмосферой тех лет. Мне было лет 12–13, и это было начало 1960-х. Меня никто политически не воспитывал: родители, видимо, считали неправильным воспитывать меня в этом плане, мол — сам поймет. Я сам и начал постепенно соображать.

Но еще в 10 лет я был истовый пионер. Помню один свой разговор

с родителями: я пришел из школы, полный энтузиазма, — меня только-только приняли в пионеры, — и сказал, что у нас был пионерский сбор, где нам рассказывали про Павлика Морозова. У отца стало каменное лицо, и он спросил: «И кто же этот твой Павлик Морозов?» Я говорю: «Герой-пионер!» Тут подключается мать, и лицо у нее тоже каменное: «И что же героического сделал твой герой-пионер?» А я был такой простой ребенок; то, что говорили сложными словами на пионерском сборе, я перевел на человеческий язык и сказал: «Он донес на своего отца». «Ага!» — говорят.

И тут они меня начали мучить! Это был единственный раз, когда они вмешались в мое политическое воспитание. Я им до сих пор простить не могу, как они меня мучили. Они мне говорят: «А ты бы донес на своего отца?» Я отвечаю: «Но ведь отец Павлика Морозова был кулак, а ты же не кулак!» А я же не знал, что он хуже кулака — он же в это время публиковался за границей. Какой там кулак?! Естественно, он воспринял это очень лично — вырастил в доме «Павлика Морозова», когда сам занимается такими рискованными вещами. «А если бы я был кулак?» — спрашивает отец. И вот такой казуистикой они довели меня до рыданий. Потому что сказать: «Донес бы» — невозможно, язык не выговорит; а пионерский долг говорит, что, конечно, надо донести. В общем, все кончилось рыданиями, а я с тех пор не полюбил Павлика Морозова просто потому, что он мне доставил столько отрицательных эмоций.

С.Э. Ваш отец начал публиковаться за рубежом уже в 1958 г., всего

лишь через пять лет после смерти Сталина?

А. Д. Передавал он в 1958–1959 гг., а первые книги вышли в 60-м или 61-м, не сразу.

С. Э. Можно сказать, что Синявский и Даниэль проторили дорожку для советских авторов «тамиздата»? А как им пришла в голову идея публикации за рубежом, и как технически удавалось передавать свои материалы?

А. Д. Технически просто: у Андрея Донатовича Синявского была добрая знакомая, Элен Пельтье. Когда-то, в конце 1940-х, она училась на филфаке МГУ (а он, кажется, был уже аспирантом), единственная иностранка на факультете. И вот Синявского вызвали в МГБ и велели за этой Пельтье следить, «окучивать». Похоже, что она была у них в какой-то сложной разработке, поскольку имела несчастье быть дочерью военно-морского атташе Франции в Москве. Синявский сказал: «Есть!» и... рассказал все это Элен. Естественно, под страшным секретом. А своим МГБ-шным патронам он говорил, что она не поддается разработке, уходит, и вообще у него как-то не получается с ней работать. С тех пор они дружили. А спустя несколько лет Андрей через Элен стал передавать свои рукописи, когда она приезжала в СССР. Были и другие каналы.

С. Э. Передавалось дипломатической почтой?

А. Д. Не думаю. Вроде бы отец Элен тогда уже не работал в посольстве. Еще и у друга Андрея, Николая

Кишилова, была жена-француженка, Анн Кариф, и она иногда ездила во Францию. Иностранцев на границе не особенно обыскивали.

С. Э. Почему они решили передавать свои литературные работы для зарубежной публикации? До них этого вроде никто не делал.

А. Д. А Пастернак? История с «Доктором Живаго», который вышел в Италии в 1957-м?

С. Э. То есть они вдохновились опытом Пастернака?

А. Д. Вряд ли. У Синявского это было давно задумано, и первые свои произведения он передал вроде бы раньше, чем Пастернак — «Доктора Живаго». Он был такой теоретик и экспериментатор одновременно, Андрей Донатович, ему было это интересно. Сначала он придумал некий литературный проект, более адекватный, по его мнению, советской действительности, чем социалистический реализм, и назвал его «фантастическим реализмом». Для осуществления этого проекта он придумал себе «альтер эго» — писателя-уголовника Абрама Терца, и начал писать рассказы и повести от его имени. А где-то году в 56-м он рассказал об этом моему отцу. Уже были готовы первые рассказы Абрама Терца; может быть, он их даже уже тогда и передал.

Андрей рассказал об этом моему отцу, и тот захотел тоже попробовать. Вот так и началось. Но Юлий Маркович не из историко-литературоведческих соображений в это ввязался, а из чистого авантюризма. Ему просто стало интересно устроить

в своей жизни такую игру в «тайное писательство». И проза у него, конечно, далеко не такая необычная, как у Терца. Вполне себе в русле советской городской прозы.

С. Э. «День открытых убийств» немного не в советском русле.

А. Д. Конечно, и у Николая Аржака — это был псевдоним Юлия Даниэля — попадают элементы фантастики. «День открытых убийств» в повести «Говорит Москва». Или в «Человеке из МИНАПа» при зачатии регулируют пол будущего ребенка. В рассказе «В районном центре» — он этот рассказ за границу не передавал — секретарь райкома оборачивается котом. Но у него это вторично. А в целом — это все-таки обычная городская проза 1950–1960-х. Но опубликовать ее все равно было невозможно: она была политическим криминалом. И отец решил тоже отправлять ее для публикации за границу. По тем же каналам, что и Синавский. Они дружили; и они решили делать это вместе.

С. Э. То есть независимо от примера Пастернака?

А. Д. Я думаю, что независимо от опыта Пастернака. И даже, может быть, Синавский передал раньше. Опубликовали, конечно, Пастернака раньше, все-таки — это Пастернак!

С. Э. Тогда никому в голову не приходило, что можно публиковаться за рубежом. Люди боялись.

А. Д. В 1959 г. уже Александр Сергеевич Есенин-Вольпин передал свой сборник «Весенний лист» за границу

для публикации под своим именем. Пастернак тоже передавал под своим именем, не под псевдонимом. У людей уже было желание выйти из этой закупоренной бутылки.

С. Э. Судя по вашему рассказу о семейном допросе по поводу «подвига» Павлика Морозова, вы не подозревали, что отец передает за границу свои произведения?

А. Д. До того, как он сам мне сказал, — нет, не подозревал. А сказал он мне об этом в январе 1965 г. Мне уже было 14 лет, я был вполне себе понимающий мальчик. Не то чтобы я был как-то сильно заинтересован политикой, нет, я уже понимал, что литература не сводится к политической направленности, что она больше, интереснее и важнее, чем политика.

Мы тогда жили врозь: мать уехала в 1964 г. в Новосибирск и меня с собой забрала, а к отцу я приехал в Москву на зимние каникулы. И он мне говорит: «Хочешь почитать *такую* литературу?» и дал мне книжки. Но не сказал сначала, что это его книжки.

С. Э. Это были книги, привезенные с Запада?

А. Д. Да. Я прочел, мне понравилось, о чем я и сообщил отцу в несколько снобистской манере, типа: «талантливо» или «неплохой автор». Тут я, конечно, понты гонял, как положено интеллигентному подростку. И тогда отец объяснил, что он — автор этих книжек.

Мне почему-то это страшно понравилось. Я, конечно, уже понимал

в 14 лет, что это может обернуться плохо, что за это могут посадить. Для меня это было понятно. Но почему-то не испугался. Я об этом как-то вообще не очень думал, хотя головой понимал, что это может плохо кончиться. Но мне страшно понравился сам факт, что мой отец — писатель. Не просто поэт-переводчик, который переводит чужие стихи с подстрочника, а сам пишет свою собственную прозу.

С. Э. До этого он только переводами занимался?

А. Д. Да.

С. Э. А в СССР до ареста у отца ничего не было опубликовано?

А. Д. У него была одна детская историческая повесть под названием «Бегство» — об одном малоизвестном персонаже екатерининской эпохи, Иване Свешникове — крестьянине-самоучке и полиглоте; Н. К. Загряжская, рассказывая о нем впоследствии Пушкину, называла его «Ветошкиным». Повесть была принята «Детгизом» к изданию, даже тираж успели отпечатать. Но это было как раз в сентябре 1965 г.: тираж отпечатали, а автора посадили. И весь тираж пошел под нож. Один экземпляр сохранился в КГБ, позже этот экземпляр подарил отцу его гэбэшный куратор Б. М. Когут. Он был, кажется, подполковник и «курировал» Юлия Марковича после его освобождения. Эту книжку я держал в руках.

С. Э. Получается, что отец рассказывал вам о своих зарубежных публикациях, а через несколько месяцев его арестовали?

А. Д. Да. И теперь я понимаю — он рассказал мне о своем авторстве, потому что чувствовал, что его арестуют.

С. Э. Уже были какие-то предпосылки для беспокойства?

А. Д. Какие-то вибрации уже в воздухе носились. Я думаю, отец просто хотел, чтобы его арест не был для меня шоком и неожиданностью. Поэтому он и поделился со мной — все-таки еще совсем сопляком — этой своей тайной.

С. Э. Вы ходили на суд?

А. Д. Меня не пускали как несовершеннолетнего. Я шатался возле суда.

С. Э. Была ли на суде группа поддержки — видные люди, писатели? Или они боялись?

А. Д. Тут надо кое-что предварительное объяснить про публику на суде.

Дело в том, что осенью 1965-го, после ареста Синявского и Даниэля, в московской интеллигентской среде возникло некое брожение: люди заволновались, начали обсуждать эту новость, переговариваться, кое-кто даже писал вопросительные или протестующие письма. И где-то в ноябре — следствие еще шло — товарищ Семичастный, председатель КГБ, обратился с запиской в ЦК КПСС. Главная идея этой записки, ее ключевое слово было: «Гласность». Процессу Синявского и Даниэля нужно придать *гласность*.

С. Э. Интересно, где они нашли это слово? Это слово из эпохи реформ Александра II.

А. Д. Откуда-то нашли. Не знаю, кто им готовил эту записку. Так вот, писал Семичастный, интеллигенция волнуется, потому что боится, не наступают ли опять сталинские времена. Надо им объяснить, что обвинения против Синявского и Даниэля не сфальсифицированы, что эти мерзавцы действительно делали то, в чем их обвиняют, что их посадили не просто так, а за то-то, то-то и то-то. Тогда интеллигенция успокоится и опять полюбит советскую власть. И в декабре было заседание Секретариата ЦК, который с этой запиской согласился и распорядился сделать этот процесс таким, каким он и был: с максимальным освещением в прессе, и вообще, с максимальной гласностью. В частности, в Союзе писателей давали пропуска на заседания суда. Обычно давали на одно-два заседания. Конечно, вся либеральная писательская общественность кинулась брать эти пропуска. Ну, может, не вся, но многие. Отец вспоминал, что он постоянно видел сочувствующие кивки, одобряющие улыбки в зале. Почему-то у Андрея Донатовича было другое восприятие. Видимо, один обратил внимание на одно, другой на другое.

С. Э. Оптимист и пессимист...

А. Д. Похоже. Отец вспоминал о сочувственной улыбке Н. В. Панченко, о том, как Е. А. Евтушенко демонстративно подошел к скамье подсудимых и раскланялся с ними, хотя не был тогда знаком с моим отцом (а Синявский совсем незадолго до ареста обругал его в критической статье). По-видимому, всеобщего озверения в зале не было, хотя Синявский наверняка не придумывал,

когда писал, что приговор встретили овацией. Но не все аплодировали, не все.

Очень важным оказалось присутствие на нескольких заседаниях Бориса Борисовича Вахтина. Моя мать и Мария Васильевна Розанова, жена Синявского, записывали ход суда. Не знаю, записывал ли что-нибудь Вахтин; но у него, как известно, была фотографическая память. И когда по этим записям Мария и моя мать восстанавливали ход судебного процесса, то они подключили к этому делу Вахтина. Мария даже в какой-то момент поехала на несколько дней к нему в Ленинград, чтобы вместе поработать над этими записями. Так что Вахтин может вполне считаться соавтором опубликованной позднее записи суда, вместе с Ларисой Богораз и Марией Розановой.

С. Э. Потом эта стенограмма вышла на Западе в виде книги?

А. Д. Да. А чуть позже вышла на Западе «Белая книга» Александра Гинзбурга, в которую эта стенограмма вошла как ее часть.

С. Э. Были ли со стороны общественности выступления в защиту?

А. Д. Конечно, это же была первая такая общественная кампания. Еще раньше была кампания вокруг дела Бродского, но петиции в защиту Бродского не попадали в самиздат, так что та кампания прошла под сурдинку.

С. Э. Они выступали прямо в зале или потом? Какой уровень смелости был у людей?

А. Д. Потом, конечно. В зале шел суд, свидетели были расписаны заранее. Наоборот, были общественные обвинители от Союза писателей — Зоя Кедрина и Аркадий Васильев. Впрочем, и на суде среди свидетелей были люди, которые вели себя очень смело и стойко, твердо давали показания в защиту подсудимых: искусствовед Игорь Голомшток, филолог Виктор Дувакин, художник Саша Петров... Нет, не буду всех перечислять, потому что боюсь кого-нибудь пропустить и получится нехорошо.

С.Э. Когда отец сидел, вы ездили к нему на свидания? Что он рассказывал?

А. Д. Раз в год полагалось длительное свидание — личное — от суток до трех. Я не помню, давали ли нам когда-то трое суток, но двое бывало. Это выглядело так: к вахте примыкает такой длинный барак, разгороженный на комнатки — «дом свиданий»; нас, родственников, там поселяют, в одной из комнаток, туда же к нам приводят заключенного, и он тоже там с нами живет. С выводом или без вывода на работу.

Но не всегда свидания давали. Был год, когда отца вообще лишили личного свидания, за «плохое поведение». Однажды или дважды дали всего сутки, да еще с выводом на работу.

Кроме того, раз в четыре месяца давали так называемые «общие свидания» — от получаса до четырех часов. Общее свидание происходит в присутствии надзирателя, через стол. И, опять-таки, вначале по четыре часа давали, но потом стали сильно уре-

жать, а то и вовсе могли лишить очередного свидания.

Да, конечно, он много чего рассказывал каждый раз, особенно на личных свиданиях, когда явных ушей нет.

На первом личном свидании, в марте 1966 г., у меня была специальная задача. Дело в том, что отец, как только его арестовали, начал писать стихи. Довольно обычный феномен для заключенного. Отец раньше писал стихи очень редко, в основном какие-то эксперименты и ранние юношеские пробы пера. А в лагере — уже в Лубянской тюрьме — он начал писать сразу, как только его посадили, и закончил свою поэтическую эпопею буквально за несколько дней до освобождения уже во Владимирской тюрьме, из которой он выходил. Позже он к стихотворчеству никогда не возвращался...

С.Э. Он мог передавать стихи на свободу, или это было запрещено?

А. Д. Более или менее запрещено. В письма он иногда вкладывал какое-нибудь стихотворение, но его запросто могли не пропустить, а то и все письмо конфисковать.

...Так вот, пока шло следствие, Юлий Маркович написал кучу стихов и еще успел в лагере до нашего приезда кое-что сочинить. И нужно было все это как-то вывезти. Конечно, он все это заранее записал крохотными буквами на четвертушках тетрадных листов и пронес в «дом свиданий». И я, конечно, сунул эти бумажки себе в носок. Но кто ж их знает — на выходе со свидания обыскивают, — могут

найти и отобрать. А память у меня была тогда молодая и очень хорошая, особенно на поэзию. И я на всякий случай эти полтора-два десятка стихотворений запомнил наизусть, со слуха. Это и была моя главная задача на том свидании.

С.Э. То есть они сохранились в истории благодаря вашей памяти?

А.Д. Да. То есть на самом деле нет, потому что бумажки в носке мне тоже удалось вынести, обыскивали в тот раз небрежно.

Потом, в начале 1970-х, эти и другие лагерные и тюремные стихи были опубликованы за рубежом.

С.Э. На какой работе отец был в лагере?

А.Д. Пока он был в Мордовии, в Дубравлаге, он побывал в двух лагерных зонах. Сначала он попал на 11-е лаготделение, оно находилось в поселке Явас, «столице» Дубравлага. Это большая политическая зона, тысячи на полторы заключенных. А потом, когда начальству стало ясно, что лучше бы Даниэля из такой разнообразной и обширной среды убраться, то его и еще нескольких известных бузотеров перевели в маленькую, человек на 150, зону — лагпункт 17-а, километрах в 15 от Яваса, в поселке Озерный. И там он отбывал свой срок вплоть до перевода в тюрьму летом 1969-го.

В Явасе его сначала поставили на очень тяжелую работу, в бригаду грузчиков-аварийщиков; их вызывают по мере производственной необходимости, и они должны были

разгружать то уголь, то бревна, то еще что-то — в Явасе был мебельный комбинат. На этой работе его продержали месяца четыре. Потом у него начался остеомиелит — на фронте ему прострелили руку, была задета кость — через рубец начали выходить костные осколки. Его, правда, тут же обвинили в симуляции — «это у Вас щепки выходят, Вы сами их туда себе загнали» — и посадили в карцер. Но мать подняла большой скандал, об этой истории заговорили в Москве, об этом написали газеты за границей. После чего отцу дали другую работу — на станке в мебельном цеху. Но работа была тоже паршивая, потому что снова была нагрузка на руку, это тяжело ему давалось. И если в аварийной бригаде ему помогали товарищи, то на станке это уже было гораздо труднее. А в маленьком лагере в Озерном у него была другая работа. Вы не поверите, он — как впоследствии Михаил Ходорковский — шил брезентовые рукавицы.

С.Э. Выходит, он все время был на тяжелой работе.

А.Д. Я не знаю, насколько тяжелой работой было шитье рукавиц, но там тоже был план и совершенно неподъемные нормы, которые он, конечно, никогда даже отдаленно не мог выполнить. Вот такая была работа.

Потом его перевели во Владимирскую тюрьму.

С.Э. А почему, кстати, его перевели из лагеря в тюрьму?

А.Д. За все прегрешения против лагерного режима в совокупности. Это высшая ступень наказания в ходе

отбывания срока. Заключенному меняют режим и из лагеря переводят в «крытую» тюрьму. Вот так и его перевели.

С.Э. Считается, что в тюрьме сидеть намного хуже, чем в лагере?

А.Д. Да. И это, скорее всего, действительно, так.

С.Э. В каком году вышел ваш отец и что было в это время с матерью?

А.Д. Отец вышел в сентябре 1970-го, мать уже к тому времени была в ссылке.

С.Э. Когда в 68-м она вышла на Красную площадь, сколько лет вам было? Расскажите, почему она решилась на такой шаг?

А.Д. Впоследствии она не раз говорила об этом, в публичных выступлениях, в интервью, в воспоминаниях. У меня нет нужды повторяться, она сама обо всем сказала. Мне было 17 лет, я уже окончил школу. В частности, она говорила, что я был уже большой мальчик, самостоятельный, в любом случае не пропал бы, да и уверенность была, что друзья не оставят. И еще она вот что говорила: «Я ответственна перед сыном за будущее, в котором ему жить. И я вышла на площадь отчасти из-за этой ответственности». Я вполне понимаю и принимаю эту логику.

С.Э. После школы вы поступали в вуз, но приняли вас не сразу. Какие были проблемы с поступлением?

А.Д. В 1968-м я поступал дважды. Сначала — в МГУ, на мехмат, и аб-

солютно самостоятельно провалился на первом же экзамене, потому что был шалопай и плохо готовился. А потом я поехал поступать в Тартуский университет. И вот там была очень изящная история. Почему-то мы решили, что там будет легче поступить. Я никому об этом не говорил и просто уехал. И очень хорошо сдал экзамены на тамошний физмат: у меня была одна четверка, остальные все пятёрки — я шел в первых рядах поступающих. Тут они спохватились, видимо узнали, что отпрыск этого ужасного семейства «тихой сапой» поступил в вуз. В Тартуском университете каждый факультет имеет русское и эстонское отделение. Естественно, я поступал на русское отделение. А они вот что сделали (очень изящное решение, на мой вкус): уже после экзаменов взяли и сократили число мест на русское отделение физмата с 15 до 5. А я в списке был шестым. Четверо льготников, один кто-то сдал на все пятёрки, а шестой был я.

С.Э. Чтобы вы туда не поступили?

А.Д. Нет, если бы этим дело кончилось, то это была бы топорная работа!

Сдав экзамены, я вернулся в Москву и собирался 1 сентября ехать учиться в Тарту. А я за время экзаменов успел подружиться с массой всякого тартуского народа, в основном, естественно, филологов тамошних. И вот 20 августа они мне звонят и говорят: «Саня, ты не поступил, приезжай!» Я приезжаю, мне объясняют ситуацию, я, конечно, говорю: «Как так?!» Но делать нечего, и я забираю документы. А как только я это сделал, администрация университетская восстановила прежнее число мест

на русском отделении. И тут выяснилось, что остальных абитуриентов, оказывается, предупредили, чтобы они не торопились забирать свои документы.

С. Э. Значит, была разработана целая спецоперация. Интересно, сколько человек решали эту стратегическую задачу?!

А. Д. Уж не знаю, кем и где это было придумано. Я, когда это узнал, пошел к ректору объясняться по этому поводу. Говорят, что этот ректор — Ф. Д. Клемент, физик — был хорошим человеком. Разговаривал он со мной, не поднимая глаз, и фактически подтвердил, что да, это была спецоперация, чтобы не допустить в вуз 17-летнего пацана.

С. Э. И вас забрали в армию?

А. Д. Нет, от армии я *отмазался*. А в вуз поступил много позже. Сначала работал — в вычислительном центре, потом на заводе, в 1970-м поступил в техникум, очень хороший — Московский математический техникум, окончил его в 1972 г. с красным дипломом (еще бы, я ведь все-таки в математической школе учился) и после этого поступил в МГПИ на вечернее отделение матфака, который благополучно и окончил.

С. Э. Уже во время учебы вы начали заниматься «Хроникой текущих событий»?

А. Д. «Хроникой» я начал заниматься в 1973 г.

С. Э. Вы учились на вечернем, а где работали в это время?

А. Д. Я работал программистом в разных НИИ, в вычислительных центрах, проектных шарашках и т. д. В 70-е все работали программистами «где-нибудь».

С. Э. А родители знали о том, что вы попали в число участников «Хроники текущих событий», они поддерживали вас в этой деятельности?

А. Д. Знали. Я не то чтобы попал. Это не та модальность. Я стал участвовать.

Честно скажу, поначалу я не собирался всерьез к этому подключаться. Дело было так: конечно, мне очень нравилось, что есть «Хроника», что она выходит. Но с конца 1972-го она перестала выходить, был долгий перерыв в издании. Долго рассказывать, почему случился этот перерыв... И вот, где-то летом 1973-го приходит к мне один мой друг, такой Марик Гельштейн, и спрашивает: «Слушай, а что, “Хроника” перестала выходить?» Я говорю: «Ага, перестала». Он: «Это же плохо очень, как же без нее-то?» Я говорю: «Да». И сам чувствую, что мне от этого действительно неуютно. И не то чтобы я в это время читал запоем каждый номер «Хроники». Но все-таки сам факт, что есть такое издание, единственное, где можно узнать о диссидентском противостоянии режиму, как-то держал на плаву. Я ему объяснил, что она перестала выходить, т. к. тех, кто ее выпускал, шантажировали, что будут сажать других, не причастных. А он говорит: «Может, ее надо делать вообще каким-то третьим людям, например, нам с тобой?» Я отвечаю: «Может быть». В общем, мы с Мариком решили, что попробуем этим

заняться, но, конечно, сначала надо получить благословение тех, кто ее делал раньше. И я пошел к Татьяне Великановой — сестре моей тогдашней жены, я знал, что она, Татьяна то есть, была причастна к изданию «Хроники» — и сказал: «Таня, народ считает, что “Хронику” надо возобновлять». Она говорит: «Я и сама так считаю». Я ответил: «Мы с приятелем попробуем». Она говорит: «А, валяйте! Попробуйте». И дала нам огромный редакционный портфель, который накопился за время этого молчания. И мы попробовали. Слепили три выпуска — ретроспективных, покрывающих образовавшуюся паузу. Лепили долго и не очень умело, несколько месяцев, потом Сережа Ковалев, Сергей Адамович, еще пару месяцев их причесывал.

Если честно, то ни я, ни Марик, который меня на это подбил, не имели в виду, что мы теперь всегда будем этим заниматься. Идея была запустить процесс, а там уже подключится либо прежний народ, либо новый появится. Но оказалось, что все происходит по типу «подержите ребенка»: люди, конечно, образовались, но их было мало, а объемы информации росли. И в результате я этой «Хроникой» аж до 1979 г. занимался, а эпизодически — еще дольше. Потом она еще несколько лет выходила уже без моего участия. У меня возникли более интересные для меня занятия.

С. Э. А как собирали материалы для «Хроники»?

А. Д. По цепочкам. Я об этом много рассказывал. Ну, как распространяется самиздат? По ветвящимся цепочкам, от человека к человеку, раз-

множаясь на ходу. Так же и с «Хроникой» было. Но с ней было еще другое: обратно по этим же цепочкам приходила информация. Этот механизм описан, по-моему, в 7-м выпуске «Хроники»: «Если у вас есть, что сообщить “Хронике”, дайте эту информацию тому, кто дал вам “Хронику”, он передаст тому, кто дал ему, и так это дойдет до людей, которые готовят очередной выпуск».

С. Э. Но это было не то, чтобы присылали письма на указанный адрес?

А. Д. Нет, конечно: «Хроника» ведь готовилась анонимно. Подготовка выпуска выглядела примерно так: мы собирались (во второй половине 1970-х это уже была группа в несколько человек, между которыми распределялась работа), на столе — куча бумажек, записок, коротких сообщений, которые нужно превратить в выпуск информационного бюллетеня.

С. Э. В Интернете это сейчас все вывешено?

А. Д. Да, на старом сайте «Мемориала».

С. Э. А печатное издание еще готовится? Там все-таки нужны комментарии, потому что многое непонятно.

А. Д. Готовится комментированное интернет-издание. Мой коллега Геннадий Кузовкин уже много лет его готовит, справочный аппарат подбирает и т. д.

С. Э. Вы также участвовали в сборнике «Память», расскажите о нем.

А. Д. Я изменил «Хронике» прежде всего именно со сборником «Память». Сначала функционировал и там, и там, но в «Хронике» все меньше, а в «Памяти» все больше. А началось с того, что в январе 1976 г. приехали из Ленинграда несколько молодых людей. Одного из них, Сеню Рогинского, я шапочно знал и раньше, по тартуским своим контактам.

С. Э. Он уже отсидел к тому времени?

А. Д. Нет еще. Он сел намного позже и как раз за «Память». А без него ничего бы и не вышло, потому что он сразу стал мотором всего этого предприятия. Саша Добкин появился в моем поле зрения позже. То есть с Арсением Рогинским он договорился обо всем еще до того, как тот съездил в Москву, но с ним Арсений свел меня чуть позже, уже в Ленинграде. А в Москву Арсений ездил вместе с Сергеем Дедюлиным, и, по-моему, тогда же появился Алеша Коротаяев — он, как и я, был москвич. Приехали-то они к Ларисе Иосифовне, а Лариса Иосифовна им уже предложила меня подключить к этому делу. В общем, мы встретились, обдумали эту идею и придумали этот исторический сборник. В позапрошлом году вышла хорошая книжка о том, как делалась «Память». Материалы собрали два исследователя: Кирилл Свешников и Барбара Мартин. Там все это подробно рассказано, есть и несколько больших интервью с участниками, в частности — с Арсением, с Сережей Дедюлиным, со мной, с Димой Зубаревым. На самом деле в это предприятие было вовлечено очень много народу, и в качестве авторов, и в качестве пу-

бликаторов, и, эпизодически, в качестве «внутренних рецензентов», комментаторов, редакторов отдельных материалов.

Ну а дальше — работа...

С. Э. Суперфин там тоже участвовал?

А. Д. Конечно, нет. Суперфин не мог участвовать, по той извинительной причине, что он тогда уже давно сидел.

Его имя появилось в первом выпуске совсем в другом контексте. Текст «От редакции», предваряющий наше издание, заканчивался фразой: *«Признавая исключительные заслуги в деле сбора и сохранения живых фактов прошлого и настоящего, редакция посвящает первый выпуск Габриэлю Гавриловичу Суперфину и Сергею Адамовичу Ковалеву»*. То есть Гарик был одним из адресатов посвящения, но никак не участником. И имелась в виду прежде всего их работа в «Хронике текущих событий» — в первую очередь Ковалева (он уже тоже сидел); но и Гарик в 1970–1972 гг. тоже ведь очень многое делал для «Хроники». Вообще, Арсений, и мы все вслед за ним, рассматривал «Хронику» и «Память» как издания в определенном смысле занимающиеся похожим делом: «Память» — в отношении сюжетов, относящихся к прошлому, к периоду до 1968 г., а «Хроника» — к настоящему, после 1968-го.

С. Э. Может быть, я ошибаюсь, но Суперфин вроде говорил, что для «Памяти» добывали материалы даже из «закрытых» архивных фондов?

А. Д. Да, некоторые материалы тайком добывали из фондов, доступ к которым был ограничен или закрыт. Это было довольно сложное и опасное дело, Арсений сел в 1981-м в сущности как раз за это. Но в «Память» попадали далеко не только архивные документы. Все-таки основной корпус составляли «материалы неофициального происхождения»: бóльшая часть мемуаров, дневники, письма — то, что хранилось в личных и семейных архивах. Много писалось специально для сборника, по нашему заказу: очерки, аналитические статьи, некоторая часть воспоминаний, короткие заметки для раздела «Varia».

По-моему, получилось очень неплохое для того времени историографическое издание. Мы сделали пять томов, а потом издание прекратилось. В первой половине 1980-х был вчерне подготовлен шестой том, но выпускать его не стали: в начале 1985 г. Саше Добкину передали предупреждение из госбезопасности, что если выйдет шестой том, то Рогинский не выйдет из лагеря. Тогда Саша переправил все эти материалы в Париж Владимиру Аллою, который публиковал наши сборники в своем издательстве, и Аллой на базе этого портфеля начал выпускать свое «Минувшее» — альманах, аналогичный «Памяти», но готовившийся главным образом на зарубежных материалах. Но первые тома «Минувшего» в значительной мере были сделаны на материалах «Памяти», которые Добкин передал Аллою.

С. Э. Вы были одним из учредителей «Мемориала»?

А. Д. Не совсем так. Отцами-основателями ни я, ни Арсений Рогинский не были. Идея «Мемориала» возникла в начале осени 1987 г. в среде тогдашних «неформалов» — клуб «Демократическая перестройка» и т. д. — и выглядела немножко по-другому: речь шла об организации массового обращения к власти, с призывом создать мемориальный комплекс памяти жертв политических репрессий, включающий в себя музей, архив и библиотеку. К сожалению, инициаторы выбрали название, которое сильно отдавало кладбищем, — теперь-то все к нему привыкли, но тогда оно здорово резало ухо. Несмотря на это, идея моментально получила большой отклик в регионах, повсюду возникли инициативные группы. Где-то к концу 1987 г. это уже было довольно массовое движение.

А мы с Арсением пришли несколько позже, весной 1988-го, и нам эта «мемориальная» публика понравилась. Арсений немедленно включился в работу, а несколько позже, уже летом 1988 г. — и я. Как мне кажется, мы — прежде всего, конечно, Арсений — внесли в мемориальскую активность некую новую компоненту: самостоятельную историко-исследовательскую работу, независимую от традиционных советских академических институций. Наверное, тут сыграл свою роль и наш опыт работы в «Памяти». И вообще, в это время наметился такой общий поворот мемориальской активности: от призывов к властям «сделайте нам то-то и то-то» — к «только не мешайте и откройте для независимых исследователей доступ к засекреченным партийным, государственным и ведомственным архивам — а дальше мы сами все сде-

лаем». Мне кажется, что вот в этом повороте мы с Рогинским тоже сыграли определенную роль; но вообще-то многие мемориальские активисты и без нас уже были к такому переосмыслению внутренне готовы.

И вот в августе 1988-го я вошел в оргкомитет; с тех пор я уже плотно в «Мемориале».

С. Э. Вы как-то говорили, что до августа 1991 г. Ельцин и другие «прорабы перестройки» проявляли интерес к «Мемориалу», потому что это был некий таран для сноса коммунистической власти, допустившей кровавые репрессии против собственного народа, но когда так называемые демократы пришли к власти, они потеряли интерес к памяти о репрессиях. Расскажите, пожалуйста, об этом.

А. Д. Да, у «прорабов перестройки» поначалу был большой интерес к нашему движению. Что до Ельцина, то в 1988-м он даже вошел в общественный совет «Мемориала». (Кстати, припоминаю, что в июле 1991-го Ельцин заявил, что поскольку его избрали президентом России, то он приостанавливает свое членство во всех общественных организациях, но добавил: «кроме «Мемориала».) Но после 21 августа 1991 г. не только «прорабы» потеряли интерес к памяти о советском терроре и вообще к советской истории — все общество потеряло. Да его не было, в сущности, и раньше: интерес к преступлениям советской эпохи — это был на самом деле интерес к вопросу о легитимности текущей власти. С какого момента эта власть была преступной: с 1937? С 1929? С 1922? И когда она

перестала быть преступной: в 1953? 1956? 1985? В конце концов активная часть населения заметным консенсусом осознала, что эта власть с самого начала, с 25 октября 1917 совершала преступления. А путч ГКЧП 18 августа 1991 г. и его провал поставили точку и во втором вопросе. После этого общество надолго перестало интересоваться советской историей как таковой. Общественное внимание стали занимать только текущие экономические проблемы и текущая политика.

Новый подъем общественного интереса к исторической проблематике — это уже начало 2000-х, когда история опять стала полем политического сражения.

С. Э. То есть когда снова начали реанимировать Сталина?

А. Д. Не только Сталина. Тогда общественная атмосфера вообще изменилась, начал активно оживать «советский миф». И тут многим из тех, кто не принимал этой реанимации советской мифологии, вдруг стало ясно, что без хорошего осмысления прошлого ничего не получится ни в настоящем, ни в будущем. И интерес к работе «Мемориала» опять начал расти.

С. Э. Расскажите, пожалуйста, о проектах, реализованных вами в рамках «Мемориала».

А. Д. Примерно в 1990 г. я выбрал себе некий профиль: история инакомыслия, история сопротивления в послесталинскую эпоху, история диссидентов. Была создана исследовательская программа «История

инакомыслия в СССР», мы начали собирать архивную коллекцию, ставшую частью архива «Мемориала». Я запустил эту программу, долгое время, где-то до 2008-го, был ее руководителем, и позже остался в ней в качестве научного консультанта. Но большинством проектов руководят уже другие, более молодые и продвинутые исследователи.

За 30 лет в рамках этой программы мы собрали очень обширный архив, выпустили довольно много книг мемуарного и документального жанра. Что касается меня лично, то на эту тему я опубликовал в России и за рубежом довольно много — наверное, десятка два с лишним — статей как научно-аналитического, так и популярного, описательного характера — главным образом в разных сборниках, а также в научной и общественно-политической периодике. И продолжаю этим заниматься.

С.Э. Мемуары диссидентов можно найти в Интернете, они собраны вместе?

А.Д. Да, можно. Много мемуаров — на сайте Сахаровского центра (www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=list). Правда, они размещают мемуары только тех, кто сидел.

Свою собственную книжную продукцию мы тоже иногда размещаем на сайте «Мемориала» (www.memo.ru) — их можно найти на страничке, посвященной мемориальной библиотеке. Ну, просто для примера могу назвать несколько подготовленных и выпущенных нами книг: «Мы предчувствие... предтеча...»

(1997) — сборник интервью и документов, составленный Л.В. Поликовской, исследователем истории «Маяковки» (сходок московской литературной молодежи на площади Маяковского в конце 1950-х и начале 1960-х); «Пятое декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий» (2005) — аналогичный сборник, посвященный «митингу гласности», первой правозащитной демонстрации в СССР; «Заступница» (1997) — сборник материалов, посвященный адвокату С.В. Каллистратовой, прославившейся своими выступлениями по «политическим» делам; «Золотому веку не бывать» (2003) — аналогичный сборник, посвященный известному деятелю правозащитного движения Г.С. Подъяпольскому; «Я все сбиваюсь на литературу...» (2000) — письма из заключения Ю.М. Даниэля; «На смену декабрям приходят январь...» (2003) — воспоминания ленинградского подпольщика и политзаключенного В.Е. Ронкина. Да, еще в 1997 г. мы выпустили отечественное издание мемуаров П.Г. Григоренко «В подполье можно встретить только крыс». Ну, ладно, остановлюсь на этом, у нас ведь интервью, а не книжный каталог.

С.Э. Это важно — собрать весь этот материал вместе. А что лично вы посоветовали бы прочесть о диссидентском движении, которое является примером ненасильственного сопротивления мирового значения? Скажем, есть книга французенки Сесиль Вессье, но, на мой взгляд, она больше может представлять интерес для иностранцев, для тех, кто вообще ничего не знает о диссидентском движении.

А. Д. На мой взгляд, единственная вышедшая на русском языке серьезная монография, обобщающая опыт диссидентства, — это «История инакомыслия в СССР: Новейший период» Людмилы Алексеевой. Но она написана в начале 1980-х гг., и, конечно, ее можно и должно дополнять и корректировать. Собственно, фактографическая канва событий вряд ли при этом сильно изменится: диссидентская активность проходила по большей части «на свету», и диссиденты сами ее старательно и подробно документировали; причем, как правило, они это делали достаточно добросовестно, не передергивали. Но ведь теперь открылось довольно много документов «официального происхождения», проливающих свет на мотивы и стратегии госбезопасности и партийной верхушки в отношении диссидентов и их деятельности.

Однако пока, к сожалению, нет современной монографии типа той, что выпустила Алексеева в 1984-м, но с учетом новых материалов.

Сейчас мы в «Мемориале» закончили подготовку к печати двухтомника «Биографический словарь диссидентов Центральной и Восточной Европы». Это итог большого международного проекта, многолетней коллективной работы. Еще в 2007 г. первая версия этого двухтомника вышла в Варшаве, на польском языке. Мы подготовили новое издание, на русском, заметно откорректированное: биографические очерки, библиография, справочный аппарат — все обновлено и отредактировано, в особенности — второй том «Словаря», посвященный советским дис-

сидентам. Надеюсь, что вскоре этот «Словарь» выйдет.

С. Э. **К сожалению полноценного осмысления этого феномена пока нет. А это очень важно, т. к. движение советских диссидентов — одно из первых в мире, когда люди требовали от власти соблюдения собственных законов, были разработаны идеология и этика ненасильственного сопротивления. Ведь это был полный разрыв с «тремя поколениями» русских революционеров, которые считали, что террор целесообразен. Победив, большевики не преминули им воспользоваться в непредставимых прежде масштабах, прежде всего, против тех «униженных и оскорбленных», за чьи интересы они на словах боролись**

А. Д. Совершенно верно. В разных своих публикациях в различных сборниках и периодических изданиях я пытался осмыслить это явление в целом. В «Словаре», о котором я говорил, кроме биографий есть исторические очерки, где тоже присутствуют такие попытки. Но там весь материал разнесен по странам, и эти очерки представляют собой вступления к соответствующим главам, типа «Диссиденты в ГДР», «Диссиденты в Румынии», «Диссиденты в Чехии», «Диссиденты в Литве», «Диссиденты в Украине», «Диссиденты в России» и т. д. Я до сих пор не уверен, что это правильный подход (по крайней мере, для СССР), но это было общее решение, принятое в ходе обсуждений с зарубежными коллегами. И вступления к разным главам писали, естественно, разные авторы. Не знаю, можно ли будет вычлени-

из совокупности этих вступлений какое-то общее понимание феномена диссидентства в целом. Да и в самом деле, национальные диссидентские движения в социалистических странах Восточной и Центральной Европы очень разные, и в республиках СССР — тоже. Ну, что выросло, то выросло.

С. Э. Очень интересен антропологический аспект диссидентского движения. Ведь родители от вас не скрывали то, чем они занимаются?

А. Д. В смысле — отец? Мать до 1965 г. чуралась всякой общественной деятельности («Политика — это зачумленная область», — так она говорила не раз), а ее диссидентская активность после 1965-го была почти целиком публичной, чего уж там скрывать. А что касается отца, то он вообще не считал себя «деятелем», а только и исключительно литератором. Я ведь уже рассказал, когда и как он мне сообщил о своем подпольном писательстве.

С. Э. Тем не менее они вас поддерживали в занятиях «Хроникой» и «Памятью», несмотря на угрозу, что вас могут посадить?

А. Д. Конечно, опасения у них были. Но ведь в сборнике «Память» Лариса Иосифовна так же участвовала, как и я. Она не только была одним из постоянных авторов этого сборника, но и занималась редакционной работой, комментированием, справочным аппаратом и т. д. У Юлия Марковича там тоже была пара публикаций. Так что отчасти это был семейный, как бы сейчас сказали, проект.

С. Э. А русские академические исследователи за диссидентскую тему сейчас берутся?

А. Д. Есть довольно много исследователей, особенно молодых. Их работы выходят не только в Москве и Питере, но и в Екатеринбурге, Перми, Саратове, Нижнем Новгороде, Воронеже, Пензе, Чебоксарах, Новосибирске, Омске, Кемерово и т. д. В библиографии к советскому разделу «Словаря» мы перечисляем некоторые из них, в том числе и самых последних лет. Конечно, у всех этих работ разный уровень, разное качество, разная степень проникновения в материал и т. д.

Что касается бывших союзных республик, то кое-где этой темой занимаются научные учреждения достаточно высокого статуса, финансируемые из госбюджета: например, Центр изучения геноцида и резистенции жителей Литвы имеет в Литовской республике министерский статус; в Латвии эти сюжеты разрабатываются республиканским Национальным архивом; в Украине этим занимается Институт национальной памяти. (Конечно, диссидентство — это только одна из многих тематик, разрабатывающихся в этих крупных исследовательских центрах.) О чем это говорит? Это говорит о том, что диссидентская тема там является частью государственной политики памяти (со всеми достоинствами и недостатками подобного статуса). Ну, в других странах на постсоветском пространстве это пока не так. В Беларуси, например, раньше было издательство «Наша Нива», которое вело эту тему; сейчас его, кажется, вовсе не стало. Но исследования все

равно продолжают выходить, даже и в Минске.

Между прочим, возникновение нескольких исследовательских групп там, где их раньше не было, было стимулировано проектом нашего «Биографического словаря диссидентов», о котором я уже несколько раз упоминал.

С.Э. В завершение, поделитесь, пожалуйста, своими творческими планами.

А.Д. Я как-то не привык планировать вперед. В продолжение «Словаря» у нас в «Мемориале» разработана идея сайта, посвященного диссидентской тематике; предполагается, что я выступлю там с циклом аудиолекций на эту тему. Подобный проект я когда-то делал на «Арзамасе».

Есть кое-какие планы по подготовке к печати ряда переводных книг. Была недавно мысль выпустить русский перевод очень интересного сборника, составленного чешским историком Адамом Градилеком. Называется этот сборник «За вашу и нашу свободу», и он посвящен протестным откликам в странах, чьи войска участвовали во вторжении в Чехословакию, — СССР, Польше, Венгрии, Болгарии, ГДР. Советский раздел здесь как раз не самый

интересный, поскольку уже вышла по-русски книга Йозефа Паздерки «Вторжение», в которой реакция советских людей на интервенцию освещена достаточно подробно. Самое интересное для русского читателя в сборнике Градилека — это рассказ о том, что происходило в Венгрии, Польше, ГДР и Болгарии; мы в России об этом очень мало знаем. К сожалению, дело сейчас застопорилось из-за недостатка финансирования.

А вообще-то я ведь не только историей диссидентов занимаюсь. В питерском Научно-информационном центре «Мемориал» я когда-то плотно работал в проектах «Виртуальный музей ГУЛАГа» и «Некрополь террора», да и сейчас время от времени что-то для этих проектов делаю. Кроме того, есть кое-какие наработки — скорее просветительского жанра, чем исследовательские, — по истории Большого террора 1937–1938 гг., по некоторым эпизодам сопротивления 1920-х, есть несколько текстов про состояние исторической памяти в современной России. Кое-что мы еще вместе с Арсением Рогинским начинали, да так и не закончили до его смерти. Надо бы все это собрать и довести до ума, если сил хватит.

С.Э. Спасибо огромное за интересное интервью!

“NOW I UNDERSTAND — HE TOLD ME ABOUT HIS AUTHORSHIP, BECAUSE HE FELT THAT HE WOULD BE ARRESTED”. INTERVIEW WITH A.YU. DANIEL

Key words: Julii Daniel, Sinyavsky and Daniel trial, dissident movement in the USSR, samizdat, Memorial society.

Abstract. A prominent human rights activist and historian of the dissident movement in the USSR Alexander Daniel shares his memories of his father, writer Julii Daniel, talks about his own participation in the dissident movement and samizdat. The conversation also reflects the problems of researches in contemporary Russia of the history of opposition movements in the USSR in the 1950s – early 1980s.

МНОГОЛИКИЙ ЛЕНИН: ТЕОРЕТИК, ИНТУИТИВИСТ, ФУТУРИСТ. Интервью с В. П. Булдаковым

Ключевые слова: В. И. Ленин, В. П. Булдаков, революция 1917.

Аннотация. В интервью доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН Владимир Прохорович Булдаков рассказывает о роли личности В. И. Ленина в 1917 г. Он отмечает, что именно 1917 г. сделал его как политика: из малоизвестного широким кругам революционера он превращается в один из символов русской революции. Одна из причин этого — политическая интуиция Ленина, позволявшая предчувствовать момент.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-203-213

Беседовал В. Б. Аксенов.

В. А. Здравствуйте, Владимир Прохорович. Сегодня хотелось бы поговорить о В. И. Ленине, реальном и выдуманном. Лидер большевиков, безусловно — одна из центральных фигур российской революции, отчасти ею и порожденный, но что он представлял собой в предшествующее время, можно ли отнести его к числу известных политиков?

В. Б. Прежде всего, хотелось бы заметить, что сегодня мы, как правило, обсуждаем не реального Ленина, а соответствующий миф — Ленин

и Революция. Это глубоко закономерно. Массовое сознание не может представить ситуацию иначе. Любой человек, оказавшийся в центре грандиозного события, оказывается заложником массовых представлений о случившемся. В данном случае в отношении к Ленину господствуют две противоположные точки зрения: гений и злодей. На иной уровень исследовательской культуры в связи с этим трудно вернуться даже профессиональному историку. Увы, человеку трудно отважиться на то, что противостоит мифу. Победила

революция — Ленин стал великим, в положительном и отрицательном смысле. Все, что было до этого, и особенно что было «внутри», остается в тени. Так удобнее для обывденного сознания. Между тем без демифологизации Ленина нельзя надеяться на когнитивный прорыв в понимании революции.

Для начала стоило бы усвоить, что до 1917 г. Ленина как крупного, масштабного публичного политика вообще не существовало, он был известен лишь в партийных, преимущественно эмигрантских, кругах. И здесь начинаются загадки: как человек, проведший основную часть своей политической жизни за границей, в 1917 г. в России сразу выдвинулся на первый план? Почему такое стало возможным? Известно, что Февральскую революцию Ленин, как и другие революционеры, «проглядел», но вернувшись в Россию в апреле 1917 г., он сразу стал заметной величиной. С июля 1917 г. почти до конца октября он вновь отсутствовал, но в советское время историки настаивали: Ленин — руководитель октябрьского революционного восстания. Обычному политику такая «карьер» бы не удалась. Как видно, загадка, парадокс Ленина в его личности, точнее во взаимодействии его персональных качеств с ныне трудноразличимыми императивами времени, а не с расхожими представлениями о демократии или социализме...

В. А. Владимир Прохорович, о революции 1917 г. мы еще сегодня поговорим, а сейчас мне стало интересно, что вы можете сказать о Ленине как о теоретике? Потому что если мы вспомним его теорию рево-

люционной ситуации, бесконечные попытки в 1912–1914 гг. предсказать начало революции в России, а потом его неожиданное признание в январе 1917 г., что «мы, старики, быть может не доживем» до начала революции, возникают определенные сомнения в его теоретических способностях.

В. Б. Принято считать, что Ленин все знал, все предвидел. На мой взгляд, все было сложнее. Теоретик он вовсе не столь оригинальный, можно даже сказать, что он не теоретик, а человек, уверовавший в непреложные законы истории, на которые указал его идейный гуру — К. Маркс. Впрочем, к «законам» последнего тогда подходили по-разному: кто-то твердо усвоил представление о эволюционном восхождении от одной стадии экономического развития к другой — более высокой, кто-то считал Маркса проповедником социализма, который притаился за ближайшим поворотом истории. С Лениным было сложнее. Его восприятие Маркса решительно обновила мировая война. Именно в это время он начал досконально изучать Гегеля, которого ранее знал скорее в переложении Маркса. (С этим поклонники Ленина, конечно, не согласятся — Ильичу подобает знать «все»). Между тем в связи с общеевропейской катастрофой Ленина осенило: согласно Гегелю (в противовес или в «дополнение» к Марксу), в экстремальных обстоятельствах можно внедрить в людские умы неведомые им идеи, которые непременно осуществляются. Понятно, что все это из области «философии чуда». Бывают, однако, времена, когда остается надеяться только на «чудо истории». Ленин на-

чал действовать по законам, как ему казалось, диалектики: нечто превращается в свою противоположность, «империалистическая» война — это канун мировой революции. Для него это стало выдающимся прозрением: оказывается, исторический процесс можно прищипорить, заставив работать на идеал, казавшийся отдаленным. А потому война — войне, причем отнюдь не в пацифистском смысле. И этот фактор сработал...

Но дело даже не в этом. В переломную эпоху побеждает человек «из прошлого», который способен думать и действовать соответственно с вызовами будущего. Ленин оставался человеком эпохи Просвещения, которая, как казалось, претерпела «надлом» из-за пресловутого империализма. Мне кажется, нужно исходить из «многоликости» Ленина. С одной стороны, он поклонник Маркса (учение которого «всесильно, потому что верно»), с другой — прагматик, ориентирующийся на собственную интуицию. А интуиция подсказывала: если есть война — абсолютное зло (так примерно думали все), то ему может противостоять только «абсолютное добро». Не только бытие определяет сознание. «Греховный» мир перевернет «светлая» идея. Конечно, это из области религиозных, а не «научных», по тогдашним меркам (тем более — «материалистических»), представлений. Как бы то ни было, Ленин вышел на иной познавательный уровень. Выбравшись из «прогрессистско-эволюционной» ментальности ушедшего века, он мысленно подключился к представлениям «переломного» времени. Другие к этому оказались не способны. Отсюда готовность импровизиро-

вать, провозглашать «невероятные» вещи. В этом и состояло его преимущество перед тогдашними политиками. В общем, его мысль стала резонировать с «хаосом» эпохи. Мне кажется, что в 1917 г. Ленину помогла не теория (которая все же «се-ра»), а интуиция, которая оказалась настроена на психику возбужденных масс.

Эта новая ипостась Ленина — «прагматик-интуитивист», способный на «авантюру». Впоследствии появится Ленин — фантазер-технократ, но это уже после революции. Благодаря тому, что его мыслительный аппарат словно пребывал в нескольких измерениях, ему удалось добиться того, что казалось невероятным. Правда, это была пиррова победа, но об этом потом.

В. А. Переходя от Ленина-теоретика к Ленину-практику: какие, на ваш взгляд, главные, наиболее символические шаги, как ошибочные, так и победные, совершил Ленин в 1917 г? Путь-то к власти был тернист...

В. Б. По-моему, главной его «ошибкой» стали апрельские тезисы. Это странно звучит, до сих пор считается, что пресловутые тезисы — нечто выдающееся...

В. А. Он восстановил против себя практически весь Совет солдатских и рабочих депутатов...

В. Б. Да, всех социалистов он восстановил против себя. Те (в соответствии с Марксом!) считали Февраль буржуазно-демократической революцией и планировали подождать,

а он требовал ускорения. В своих тезисах выступил как некий проповедник, следующий логике собственных фантазий, направленных на «движение к социализму» на волне мировой антивоенной революции. Известны его слова: «Доверьтесь нам, мы дадим вам нашу программу». Но навязывать «научную» программу — как политикам, отставшим от революционных реалий, так смятенным традиционалистским массам — было заведомо бесполезно. Для современников то, что он говорил, казалось настоящим бредом сумасшедшего. Политика, особенно доктринерская, всегда отстает от запросов времени. Российская политика — вялое производное от европейских образцов — оказывалась в хвосте дикого хаоса «красной смуты». Политики-пародисты европейского склада не понимали происходящего, не могли они понять и Ленина. А последний, словно намеренно, отталкивал их, включая бывших союзников, от себя. При этом в апреле он делал нелепейшие прогнозы типа невозможных «Советов батрацких депутатов». Однако авторитет Ленина «спас» отнюдь не запланированный им, а стихийно возникший (благодаря упрямому политикой старого пошиба) Апрельский кризис. Далее он не раз попадал впросак. На Первом Всероссийском съезде Советов ленинское заявление: «Есть такая партия» также звучало нелепо.

В. А. Но вообще эта фраза часть сконструированного впоследствии мифа. Церетели говорил, что нет такой партии, которая готова была взять всю власть в свои руки и не развязать при этом Гражданскую войну. На что Ленин отреагировал

лишь на следующий день, заявив, что есть такая партия...

В. Б. В действительности такой партии не было — среди большевиков не было единодушия на протяжении всего 1917 г. Но Ленину на сей раз действительно «помогла» грандиозная июньская демонстрация, на которой преобладали антивоенные лозунги. Весь период 1917 г. оказался отмечен чередой тактических «провалов» Ленина, которые, однако, обернулись конечным стратегическим «триумфом».

В. А. Июнь, июль 1917 г., как эти беспорядки отразились на большевиках?

В. Б. Ленин, как ни парадоксально, не только «спешил», но и выжидал. Работала интуиция. Когда в Кронштадте проявил себя известный феномен революционного «забегания вперед», он одернул нетерпеливых матросов. Это оказалось оправданным. Все должно идти своим чередом — разумеется, по законам хаоса, который поселился в сознании и душах людей. Плод должен созреть — пока в «мирной» обстановке. Все должно совершиться в свое время, тогда все задуманное произойдет — словно само собой.

В. А. Но все же июль — это проба сил или какая-то авантюра?

В. Б. Нет, конечно. Ничего подобного Ленин не планировал, это потом ему приписали. Более того, большевикам это и не нужно было, т. к. он придерживался (оставаясь «авантюристом») тактики выжидания, ждал, что «плод созреть». Власть

должна сама упасть в руки «людей будущего». В начале июля 1917 г. даже Ленин «запоздал». В эти дни на балконе особняка Кшесинской он выглядел, по некоторым свидетельствам, растерянным, неуверенным человеком, которого опередили события. Вероятно, так и было: массы революционнее нас, как признавал он сам...

В. А. Если мы обратимся к лексике современников, то увидим, что в 1917 г. в обывательской среде происходило любопытное противопоставление большевиков и ленинцев. Отчасти это можно объяснить низкой политической осведомленностью современников, но, возможно, массовое сознание улавливало какие-то неуловимые течения в революционной среде?

В. Б. К лету 1917 г. Ленин и ленинцы превратились в некий миф, метафору большевизма, анархизма и даже «революционного алкоголизма»... Слухи, домыслы, фантазии — «естественная» атмосфера 1917 г. Пьяные бунты и погромы связывались с Лениным и ленинцами... Одно дело партийные большевики, другое — «стихийный» большевизм, подгоняемый не только «ленинской гвардией» (ее по большому счету и не было), но и левыми эсерами и, конечно, анархистами. «Большевиками» в 1917 г. называли даже церковных реформаторов — любых нетерпеливых людей, взламывающих прежние социокультурные сдержки. Многие наблюдатели, особенно на Западе, считали, что Ленин вовсе не социал-демократ, даже не большевик, он — то ли анархист, то ли его подобие. Ленина образца 1917 г. нельзя описывать

в партийно-политических понятиях обычного времени.

В. А. Но его даже на карикатурах изображали в черной широкополой шляпе, с черным флагом анархии...

В. Б. Да, да... Было и такое. Согласно западным политическим представлениям, российские либералы были социал-демократами, а российские социал-демократы — анархистами. В любом случае ленинизм становился мифом. Ленин ворвался в историю на волне мифа, со временем он сам превратился в миф. А политическая ситуация словно складывалась сама собой, «красная смута» развивалась по собственным «законам», прописанным в душах людей. Ленину нужно было в определенный момент подключиться к «точке невозврата». Понято, что со временем создалось представление, что он «руководил», когда как на деле скорее оставался «ведомым» событиями. Это и дало конечный результат, в возможность которого очень сложно поверить человеку «спокойного» времени — и это несмотря на то, что сей феномен был известен со времен Французской революции. Конечно, нужно учитывать, что Ленину повезло с Троцким, который на организационном уровне использовал этот фактор. В известном смысле именно Троцкий привел Ленина к победе.

В. А. А вот что касается имиджа Ленина. Вы в «Красной смуте» обратили внимание, как менялся гардероб Ленина после приезда в апреле 1917 г. в Петроград. В частности, появилась его знаменитая кепка. Насколько ему помогла смена имиджа?

В. Б. Я думаю, что пресловутая кепка — это было довольно наивно с его стороны. Сам-то он своим гардеробом не занимался (на бытовом уровне он вообще был беспомощен); его Надежда Константиновна и прочая родня обслуживали... Причем не в смысле имиджа, а просто хотели одеть «поприличнее»...

В. А. Керенский-то надел френч не случайно, это произошло в период агитации за летнее наступление...

В. Б. Конечно, Ленин мог догадаться, что «буржуазный» котелок, в котором он приехал на Финляндский вокзал, — некий анахронизм, нелепость. Но тем, кто его встречал, было безразлично, во что и как он был одет; многие пришли посмотреть на него из банального любопытства — явился «большой» человек, можно сказать, полумифическое существо. Сложно выяснить, случайно он нашел новый образ в кепке или нет, но очевидно, что вождь мировой революции в котелке был бы абсурдом. Мне кажется, что пресловутая кепка стала частью ленинского мифа уже после революции. При этом костюм-тройка, кажется, купленный в Стокгольме, у него остался. Между прочим, и у Ленина в 1917 г. появился френч темно-зеленого цвета. Но он почему-то остался тогда незамеченным. Революция развивается и закрепляется в сознании по каким-то своим собственным, в том числе эстетическим, законам. Увы, мы над этим все еще не задумываемся.

В. А. То есть костюм-тройка и кепка формировали эклектичный ленинский имидж?

В. Б. Если обратиться к иконографии петроградских рабочих того времени, включая красногвардейцев, то окажется, что многие выглядели как настоящие мелкие буржуа. Отнюдь не как горьковские босяки. Конечно, вопросы имиджа, гардероба тех или иных политиков порой приобретали весьма существенное значение. Но нужно учитывать, что в революции все перемешалось, в том числе стилистика действующих лиц. А на многочисленных карикатурах Ленина изображали совсем не так, как он выглядел в действительности. Его и «одевали», и «причесывали» так, как подсказывало воображение — в том числе и антиленинское. Как бы то ни было, в большевистской историографии маленький, толстенный, плешивый и картавый человек стал выглядеть как большой громогласный «вождь».

В. А. Кстати, что касается карикатур. Если мы попытаемся с точки зрения политтехнологического подхода взглянуть на Ленина, то обнаружим любопытный парадокс: в визуальной пропаганде 1917 г., наверное, не было более явного антигероя (после Николая II, Александры Федоровны и Распутина), чем Ленин. Вся пропагандистская машина Временного правительства, различных общественных сил работала на дискредитацию Ленина, кем только его не называли — и немецким шпионом, и Иудой, и Антихристом, — но это не помешало ему прийти к власти. Чем можно объяснить данный феномен?

В. Б. Это, наверное, сам Ленин объяснил бы законами диалектики. В патерналистской системе такие

метаморфозы представлений естественны. Как говорится, от великого до смешного — один шаг. Но случается и наоборот. Я думаю, что антиленинская пропаганда только сыграла ему на руку. Все твердили — он мелкий, ничтожный (таким и изображали на карикатурах 1917 г.), но крайне вредоносный. Но оказалось, что «мелкий бес» воплощает в себе некое «инфернальное» величие, перед которым пасует обычное воображение.

В.А. В своих публикациях Октябрьское вооруженное восстание большевиков вы называете «хроникой заранее объявленной революции». Что имеется в виду под этим понятием?

В.Б. Это в общем-то образ. Есть известная повесть Г.Г. Маркеса «Хроника объявленной смерти»: человек действует так, как предписывает ему людская молва, опирающаяся на обычай. Ленин стал функциональной величиной пугающих общественных ожиданий. В 1917 г. сработал именно этот фактор. Ленин победил как интуитивист, не как теоретик. Поэтому он, после выступления Корнилова, и подгонял руководство партии, заявляя, что нельзя медлить с вооруженным восстанием. И оказался по-своему прав. В этом он ориентировался не на Маркса, а на собственное ощущение: момент назрел, пора от слов перейти к делу, именно этого ожидают от большевиков и бунтующие низы, и перепуганные обыватели, и беспомощные политики.

В.А. «Вчера было рано, завтра будет поздно». Какую роль в этом сыграли массовые слухи о том, что

большевики готовят вооруженное восстание?

В.Б. Ленин читал газеты, из которых узнавал, что большевики, несмотря на июльское поражение, только и делают, что готовят новое выступление. Возник образ некоей напасти, с которой невозможно бороться, невозможно остановить. Ленин этим воспользовался. В августе 1917 г. современникам виделась альтернатива: ленинцы или корниловцы. Историки партии в свое время выстраивали аналогичную дилемму: либо Корнилов, либо Ленин. Между тем Корнилов был обречен. Он опоздал. Опоздали, а потому «помогли» Ленину, все «европеизированные» российские политики.

В.А. Мой следующий вопрос кому-то может показаться странным, но все-таки, когда большевики победили? Ведь приход к власти 25 октября самим Лениным не мыслился в качестве окончательной победы, многие сомневались, что большевикам удастся продержаться до конца года. Когда они ощутили себя победителями?

В.Б. Это сложный вопрос, ответ также лежит в области психологии масс. Я думаю, что большевики ощущали себя зыбко и неуверенно вплоть до окончания Гражданской войны. Они привыкли жить ожиданием мировой революции, но она «запаздывала». И это сказывалось на их психике. Уверенность пришла только в начале пресловутого нэпа — именно к этому времени они «расслабились». Впрочем, тут возникли иные, внутренние проблемы. А то, что большевики разбили Деникина,

Колчака, еще ничего не значило. Оставалась недовольна гигантская крестьянская масса, с рабочими также было все не просто.

В. А. В современной историографии уже утвердилась концепция долгой Великой российской революции 1917–1922 г., но некоторые дискуссии о внутренних отрезках сохраняются. И здесь конкурирующими, в качестве перехода от одного этапа к следующему, оказываются два события: 25 октября 1917 г. и 6 января 1918 г. На ваш взгляд, с политической точки зрения какое событие более важно?

В. Б. Я отвечаю просто: около 35 лет назад в Институте российской истории в Секторе Октябрьской революции и Гражданской войны договорились о том, что Гражданская война началась 25 октября 1917 г. На этом сошлись очень разные историки. Было признано, что такое представление логично во всех отношениях. Когда одна часть общества, от лица государственной власти, объявляет другую часть вне закона, а другая часть отвечает ей тем же — это и есть начало гражданской войны. Эта война поселилась внутри некогда единого, пусть относительно единого, социального пространства. Гражданская война — это не просто «пиф-паф», как до сих пор склонны думать некоторые не в меру наивные авторы, воображающие себя историками. И не было с самого начала никакой «малой» гражданской войны, как выдумывают другие сочинители, пытающиеся примирить сталинские представления о «походах Антанты» с реалиями жуткого противостояния двух миров, двух культур. Окончи-

лась Гражданская война, конечно, не с окончанием масштабных военных действий. Есть символический акт — образование СССР, восстановление единой власти над воссозданным старым социальным пространством. Не важно, что возрождение бывшего имперского организма произошло в своеобразной, даже нелепой, как казалось современникам, форме. Это произошло. Утвердилась новая государственность, с этим вынуждено было согласиться подавляющее большинство населения России. Конечно, после этого продолжались конфликты в Средней Азии, на Кавказе. Но это была инерция бунтарства, исторически характерная для всякого имперского организма — особенно выстроенного на архаичных патерналистских основаниях.

В. А. Интересны изменения отношения большевиков и Ленина, в частности, к Гражданской войне. Ведь с началом Первой мировой войны Ленин призывал к превращению войны империалистической в войну гражданскую. Но когда по вине большевиков гражданская война была развязана, Ленин этому не обрадовался?

В. Б. Конечно, ведь говоря о превращении войны империалистической в войну гражданскую, Ленин имел в виду начало мировой революции. В 1917–1918 гг. Ленин, конечно, тешил себя надеждами на стимулирование мировой революции от лица воображаемой «пролетарской» государственности. На фоне октябрьской победы и подобных иллюзий возникло представление о «триумфальном шествии советской власти». Последнее, на деле, и было Гражданской

войной в ее большевистско-наступательной фазе. После этого не мог не последовать «откат». Надежды простых людей сменились разочарованием. Чуда не произошло. Отсюда неслучайная активизация самых различных антибольшевистских сил. Поэтому весь период Гражданской войны приобрел перманентно импульсивный характер (то там, то здесь; то одни «враги», то другие). Это продолжающаяся «смута», если угодно, очередная российская Смута — часть системного кризиса, характерного для сложноорганизованных социальных систем, внутренне тяготеющих к «застою». Иначе и быть не могло. В этом смысле Ленин — наша неизбежность. С этим следовало бы смириться, а не выстраивать благостные умозрительные «альтернативы». Важно попытаться понять: почему? Для этого требуется иной уровень исторического сознания. А потому до сих пор внятного ответа нет.

В. А. Совсем недавно, 10 декабря 2019 г., В. В. Путин, выступая перед Советом по правам человека, назначил Ленина ответственным за политические репрессии 1930-х гг., протянув причинно-следственную цепочку от Ленина до печально известного Бутовского полигона. Не кажется ли вам, что в этом можно обнаружить некую попытку реабилитации Сталина за счет демонизации Ленина? И вообще, насколько Ленина можно считать виновным в выстраивании сталинской репрессивной машины?

В. Б. Если Ленин миф, то можно назначить его кем угодно — соответственно нынешним эмоциональным

предпочтениям. Но если всерьез говорить об отношении Ленина к террору, то все проще: насилие должно идти снизу, массы сами должны разобрататься кто друг, а кто враг... Однако мы продолжаем мыслить по схеме: виноват тот, кто наверху. Так «понятнее».

В. А. Но убийству Шингарева и Кокошкина Ленин тем не менее не обрадовался?..

В. Б. Конечно, это ведь была отнюдь не большевистская акция, их убили анархисты и просто бандиты, Ленина это убийство могло только взбесить. Он не случайно мобилизовал силы, включая старую полицию, для раскрытия этого преступления. Тогдашним большевикам, в отличие от анархистов, дикий террор не мог нравиться. Им казалось, что террор должен носить более «классово-сознательный», планомерный характер. Но можно ли «оседлать тигра»?

В. А. А то, что сегодня встречается сочетание «Ленинский ГУЛАГ»?

В. Б. В годы Гражданской войны концлагеря существовали и с той, и с другой стороны, но это нечто иное, нежели система Главного управления лагерей сталинского времени. Ленин считал, что революцию в белых перчатках делать нельзя. Отсюда красный террор. Кстати, взятие заложников в те времена казалось не столь противоестественным явлением, как представляется нам сегодня. А лимиты на расстрелы, пожалуй, самое отвратительное, что могло быть, появились только при Сталине. Террор Гражданской войны и сталинский террор — феномены разных

исторических эпох. Одно дело революционный (или контрреволюционный), по большей части спонтанный террор, и другое дело террор государственный (хотя сталинский террор пытался прикинуться революционным). Не стоит на Ленина лишнее вешать. Он не страшнее своей эпохи.

В. А. А какие образы Ленина и Сталина сегодня доминируют в массовом сознании, в исторической политике, на ваш взгляд?

В. Б. Массовое сознание исходит из того, что «если после, значит вследствие». Но так не бывает. К истории подобный образ мысли не имеет никакого отношения. Конечно, Ленин, как я уже говорил, давно превратился в миф. Для одних он черный, для других — белый, что определяется отношением к революции. Но историку приходится докапываться до того, что было на самом деле, какой был подлинный Ленин. Еще раз повторю, что «одномерного» Ленина не существовало, несмотря на то, что это был человек, перманентно устремленный к революции. Ленин, с одной стороны, фанатичный последователь Маркса, с другой стороны — интуитивист, даже обладатель сверхполитической интуиции, с третьей — «социалистический» фантазер, технократ. Причем технократ наивный. Готов был шишками всю Россию отопить, на тракторах электрических пахать и тому подобное, вплоть до деревянного нефтепровода — разные были заморочки. В этом смысле он был футуристом.

Порой это напоминало «футуризм отчаяния».

В. А. Большевиков, кстати, сравнивали с художниками-футуристами...

В. Б. Да, хотя сам Ленин футуристов не терпел. Он считал, что все, что касается революции, решает его партия, а не какие-то поэты с художниками, не их это дело. К тому же он оставался человеком классического образования. Он любил не только Пушкина, но и Тютчева и даже Надсона. Он в чем-то оставался человеком XIX в. Интересно, когда он находился в Польше, в нем до такой степени выиграла эмигрантская ностальгия, что он, как писала Надежда Константиновна, стал «националистом»: не желал ходить на выставки польских художников, хотел «русской» живописи.

В любом случае Ленин был продуктом своего времени, выдающимся продуктом, как со знаком плюс, так со знаком минус. Но расставлять эти знаки — не дело историков. Как профессионал, я должен разобраться, что было на самом деле. А то, что мне нравится или не нравится в прошлом, не имеет отношения к истории как к науке. У нас по-другому: я противник революции, значит, вправе приписать Ленину любые грехи. Это не профессионально. Ленина нужно соотносить с его историческим временем, изучать в разных его ипостасях. Как теоретик он, на мой взгляд, ограничен и мелковат, а вот как интуитивист и революционный импровизатор — нечто иное.

THE MANY FACES OF LENIN: THEORIST, INTUITIONIST, FUTURIST. I
INTERVIEW WITH V. P. BULDAKOV

Buldaikov Vladimir P. — doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of Russian history, RAS (Moscow)

Key words: V. I. Lenin, V. P. Buldaikov, Revolution 1917.

Abstract. In an interview, Vladimir Prokhorovich Buldaikov, Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, talks about the role of Lenin in 1917. He notes that it was 1917 that made him a politician: being a revolutionary, little known to the general public, he becomes one of the symbols of the Russian revolution. One of the reasons for this was Lenin's political intuition, which allowed him to feel the moment.

«ЛЕНИН — ЭТО ПРЕКРАСНЫЙ ТАКТИК ЭПОХИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, И ОН БЫЛ ГОТОВ К ЭТОМУ СОСТОЯНИЮ ЗНАЧИТЕЛЬНО ЛУЧШЕ, ЧЕМ КАКИЕ-ЛИБО ДРУГИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ».

Интервью с Б. И. Колоницким

Ключевые слова: Ленин, революция 1917 г. в России, революционное движение в России, советский проект.

Аннотация. В преддверии юбилея В.И. Ленина Б.И. Колоницкий оценивает историческую роль создателя советского государства. По мнению историка, мировая война обострила экономические, социальные и национальные противоречия, чем и смог воспользоваться Ленин, талантливый тактик. Уже после смерти вождя его фигура была мифологизирована и поставлена в центр исторического нарратива как в коммунистической, так и антикоммунистической идеологии. Тактическая гибкость позволила большевикам привлечь на свою сторону национальные элиты, переформатировать Российскую империю в Союз Советских Республик. Следует отметить, что к Ленину восходят такие основы политической культуры, как нетерпимость и догматизм, во многом взятые на вооружение и идейными противниками ленинизма. Это наследие сказывается и сейчас, мешая построению гражданского общества в нашей стране.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-214-226

Борис Иванович Колоницкий — известный специалист по истории революции 1917 г. в России. Доктор исторических наук. Профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-

Петербургского института истории РАН.

Среди важнейших работ: на русском языке: *Колоницкий* Б.И. Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года / Рос. акад. наук.

© Историческая Экспертиза, 2020

Колоницкий Борис Иванович — доктор исторических наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург); boris_i_kol@mail.ru

Ин-т рос. истории. С.-Петерб. фил. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 349 с., ил. (переиздание: Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Российская акад. наук, Санкт-Петербургский ин-т истории. СПб.: Лики России, 2012. 319 с.); *Колоницкий Б.И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб.: Остров, 2001. 84 с.; *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. / Санкт-Петербургский ин-т истории Российской акад. наук, Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. М.: НЛЮ, 2010. 664 с.; *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года) /

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. М.: НЛЮ, 2017. 520 с.: ил.; *Колоницкий Б.И.* 1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 144 с.: ил.; *Колоницкий Б.И.* Революция 1917 года: [главное, что нужно знать о переломном моменте российской истории: лекции Бориса Колоницкого и другие материалы]. М.: Эксмо, 2018. 127 с.

на английском языке: *Figes O.G., Kolonitskii B.I.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London: Yale University Press, 1999. 198 p.

Беседовал В. В. Ведерников.

В. В. Борис Иванович, этот год у нас юбилейный. Приближается 150-летие со дня рождения В. И. Ленина. На ваш взгляд, какое место занимает эта фигура в истории нашей страны?

Б. К. Честно говоря, я думаю, что значение Ленина крайне преувеличено. Это объясняется тем, что Ленин находился в центре советского мемориального проекта, который рассматривал революцию как важнейшее историческое событие XX в., а Ленина как ее вождя. Вполне естественно, что сторонники коммунистической идеологии склонны к тому, чтобы идеализировать фигуру Ленина и поставить его в центр исторического нарратива. В советское время были революционные имена, созданные в честь Ленина — Вилорк (Владимир

Ильич Ленин — организатор коммунизма) или Вилсор (Владимир Ильич Ленин совершил октябрьскую революцию). Такое преувеличение роли лидера было присуще и пониманию истории революции. И в антикоммунистической мифологии Ленин также занимает центральное место, но уже с отрицательным знаком, хотя оценка масштаба его деятельности остается такой же — он уникальный творец истории.

Мысль о том, что только Ленин мог гениально определить время начала наступления на Временное правительство («сегодня рано, завтра — поздно»), странным образом сочеталась с марксистским пониманием роли личности в истории. Разумеется, роль авторитетного лидера, роль

руководства была чрезвычайно велика в истории, в особенности — в кризисных ситуациях. Но если бы на голову Ленина в начале октября 1917 г. упал кирпич, а Троцкий одновременно попал под трамвай, то столкновение Петроградского совета с Временным правительством все равно было неизбежно, и у Петроградского совета было гораздо больше шансов победить в этом столкновении. Так или иначе, но страна уже находилась на пороге гражданской войны. Конечно, Ленин — это фигура, идеально подготовленная к гражданской войне, но все-таки ситуацию гражданской войны создал не он, хотя и он несет ответственность за эскалацию этого конфликта.

То же можно сказать и о других переломных моментах истории, связанных с фигурой Ленина. Например, необходимость перехода к новой экономической политике, во всяком случае отхода от некоторых особо жестких мер военного коммунизма некоторые лидеры большевиков осознавали раньше своего вождя (даже Троцкий предлагал некоторые меры), а Ленин выступал против.

Где же воздействие Ленина на ход истории оказалось наибольшим? Его влияние оказалось решающим во время дискуссий о выходе России из войны. Чтобы убедить в необходимости Брестского мира, он бросил весь свой авторитет на колеблющиеся весы. И мир был подписан. В остальных случаях существовал коридор возможностей, который определялся все-таки не им.

В. В. В перестройку была опубликована повесть В. Гроссмана «Все

течет». Главный герой, рассуждая о выборах пути развития в 1917 г., использует такую метафору: Россия — это сказочная принцесса, которая выбирает прекрасных женихов, приходят разные люди, и в том числе, конечно, и блестящий Александр Федорович Керенский, но, по словам Гроссмана, великая раба Россия остановила свой взгляд на Ленине, и он стал ее избранником. Для меня лидерство Ленина остается загадкой. Он не был ярким оратором, в речах с поразительным постоянством варьируются одни и те же идеи, разжигающие классовую ненависть к «буржуям». Почему же вождем стал именно Ленин? Тот же Троцкий, несмотря на свою известность в качестве одного из лидеров Петербургского совета в 1905 г., человек, чей литературный талант и ораторское искусство не подлежат сомнению, все же оказался на вторых ролях.

Б. К. Можно задать вопрос так, что любой ответ будет неправильным. Сама метафора Гроссмана не только неточна, она отражает достаточно пошлое содержание: свадьба невесты-рабыни и ее избранника, интимная близость — эту метафору можно разворачивать самым разным образом. Могу предположить, что образ Гроссмана связан с российским отношением к власти — монарх, восходя на престол, «венчался с Россией». По-моему, это полная чепуха, и использование такого языка и такой метафоры объективно способствует развитию патернализма в России. Но если говорить по существу, то она и не верна при описании ситуации 1917 г., потому что никакого такого выбора у Рос-

сии не было, Россия не выбирала Александра Федоровича, или Лавра Георгиевича, или Павла Николаевича, или еще кого-то... С какого-то момента людей не очень уже беспокоил вопрос о том, кого следует «посадить на трон», сделать правителем и т.д., их волновал вопрос выживания. Еще до революции этот вопрос был актуален для семей депортированных, для беженцев, для фронтовиков, для инвалидов, для жертв этнических столкновений — достаточно вспомнить мятеж в Средней Азии и Казахстане, где мы точно даже не знаем количества жертв, это, по всей видимости, сотни тысяч людей. Люди выживали, и разные стратегии выживания миллионов людей влияли на большую российскую историю. Свержение монархии вызвало волну энтузиазма, что проявлялось и в интересе к политике, люди стали задумываться о выборе России (другое дело, что суждения даже и образованных людей были порой довольно наивными), но к осени 1917 г. от этой эйфории уже не осталось и следа, что проявлялось и в нарастании аполитичности. Без этой массовой политической демобилизации миллионов невозможно понять и успехи политической мобилизации большевиков, призывавших к «углублению революции».

В. В. Попробую переформулировать вопрос. Победа Ленина — это не только выбор несвободы и гражданской войны, это в конечном счете и выбор тех ужасных последствий, с которыми война связана, я имею в виду прежде всего ужасный голод 1921 г. И тем не менее это не помешало Ленину и его команде сохранить свою власть.

Б. К. Люди о голоде начали говорить задолго до прихода Ленина к власти; если обратиться к источникам личного происхождения (письма, дневники), то мы найдем немало упоминаний о голоде уже в 1916 г. Но что такое голод? Разумеется, есть какие-то объективные критерии — количество калорий, необходимых для поддержания жизни, падение веса, уровень смертности и т.д. Но голод — это и культурный конструкт: если бы люди в 1916, 1917 гг. знали, что их ждет в 1918–1921 гг., то они бы поняли, что находятся не в состоянии голода, а испытывают некий дефицит некоторых видов продовольствия, но люди сравнивали свою жизнь с довоенным прошлым, тяжелое будущее им неизвестно, они надеются на более оптимистичный сценарий. Ну а такие вещи, как реквизиция продовольствия, это вообще-то не большевики придумали. И не только в России это происходило. Продразверстка министра земледелия А. А. Риттиха в 1916 г., конечно, отличалась от продразверстки большевиков, но термин был им введен.

В. В. В. В. Шульгин был непримиримым противником Владимира Ильича, называл лидера большевиков гениальной гориллой. Но в позднем тексте 1958 г. «Опыт Ленина» он пересматривает свое отношение к создателю советского государства. По его, Шульгина, мнению, безусловной заслугой Ленина был Брестский мир и новая экономическая политика. И Шульгин писал, что на суде истории он готов выступить адвокатом В. И. На ваш взгляд, что еще можно было бы добавить к списку благодеяний и к списку

**преступлений Владимира Ильича?
И каков бы оказался баланс?**

Б.К. Мне не очень нравится эта модель, где одни выступают в роли прокуроров, другие в роли адвокатов, третьи в роли судей, я думаю, что нужно просто по возможности понять, хотя понять — это не означает простить или оправдать акторов того времени.

Ленин — это прекрасный тактик эпохи Гражданской войны, и он был готов к этому состоянию значительно лучше, чем какие-либо другие политические деятели. Лучше даже, чем многие большевики. Его действия обуславливались не желанием делать добро или зло, они в первую очередь объяснялись желанием победить в Гражданской войне. Все остальное — производное. Ну, скажем, то, что он сказал: не расстреливать военспецов, а использовать их в Красной армии — это благо или это зло? Ни то, ни другое. Это прагматика. Ленинские планы государственной организации постоянно менялись, государственный аппарат создавался во многом импровизационно, но с одной целью: победить в Гражданской войне. И очень многое, что существует сейчас в современной России, это из того времени, включая и федеративное устройство Советской России, Российской Федерации, это и склонность к мобилизационному характеру государства и экономики, к которому общество весьма склонно возвращаться как к весьма такому привычному и, казалось бы, оправданному.

В.В. То есть можно сказать, что он был блестящим тактиком?

Б.К. Совершенно верно

В.В. Современники по-разному оценивали ценность теоретических трудов Ленина. П.Б. Струве, сначала друг, а затем непримиримый оппонент вождя, писал: «Его идейное содержание было неоригинально, и в своей существенной неоригинальности он, как ум, был лишен даже какой-либо одаренности». А Дьердь Лукач, напротив, утверждал, что «Ленин — величайший мыслитель, которого революционное рабочее движение выдвигало со времен Маркса». «Мы только в начале понимания тех философских и социальных оттенков мысли, которые вкладывал Ленин в свои выступления, вызванные всегда острой практической необходимостью», заявлял яркий философ и публицист М. Лифшиц. В индексе переводов труды Ленина занимают почетное 7-е место (выше только Агата Кристи, Шекспир и Жюль Верн). На ваш взгляд, насколько актуальным является сегодня наследие В.И. Ленина? Продолжает ли оно оказывать влияние на современную политическую мысль?

Б.К. Значит, во-первых, сама постановка вопроса, она немножко российская, почему? Потому что в России как бы признано, что политик должен быть не только политическим руководителем, но и некоторым интеллектуалом и даже интеллектуальным лидером, духовным вождем, идейным вождем и т.д. А вот в США, наоборот, политик старается казаться менее образованным, чем он есть на самом деле, подлаживаясь под настроения избирателей, иногда даже имитируется акцент и т.д., по-

тому что избиратели не любят слишком умных. В России претензии совершенно другие. До недавнего времени политики считали необходимым обзаводиться учеными степенями, ну это какая-то такая дополнительная медаль, как бы факт, легитимирующий какую-то политическую власть, политический авторитет. Ну и в то время это было достаточно важно и не только для Ленина характерно. Но и для Ленина, в частности, подойдем вот сейчас в библиотеку и посмотрим, сколько он написал в 1917 г. По моим представлениям, это где-то там четыре тома, где-то так, 31–34-й плюс там томик переписки, допустим, плюс ленинские сборники, плюс что-то, что не опубликовали или не нашли. А ведь Ленин не только писал, но и читал, и редактировал довольно много, следовательно, значительную часть напряженного периода революции он провел за письменным столом, и это было характерно не только для него. В этом же ряду находится и Милюков, постоянно писавший передовицы для «Речи», и Чернов, который писал свои статьи даже на заседаниях Временного правительства. Такие вот писатели во власти, и это кажется странным немножко, но для той политической культуры это совершенно естественно. Единственное исключение, наверно, Керенский, который больше говорил и делал, чем писал. Ленин, конечно, укреплял свой авторитет как идейный руководитель, это было средство некоей политической коммуникации для него.

Как оценивать интеллектуальный потенциал Ленина? Ну а что еще мог сказать по поводу Ленина Струве? Они были политические враги, и уже

признавать какой-то теоретический вес Ленина Струве не мог. То же самое, только с другим знаком, можно сказать про Лукача, он коммунист, авторитет Ленина для него важен, укрепление авторитета, в том числе и для полемики с другими коммунистами, ему важно, потому что с какого-то момента в коммунистическом движении был такой спрос, кто лучше похвалит Ленина и как более изощренно, так что обоим этим свидетельствам я не стал бы уделять особенного внимания. Как я уже сказал, Ленин интересный и яркий публицист, интересный и яркий тактик. Относительно же его теоретического наследия, я думаю, могут быть разные мнения. Кто-то считает его вещи актуальными или важными для своего времени. Есть сторонники ленинских идей, которые повторяют Ленина, открыто отождествляют себя с Лениным, но вместе с тем мы должны понимать, что и в российском антикоммунизме с его нетерпимостью, догматизмом тоже очень много советской политической культуры. Вспомним популярное, почти афористичное высказывание вождя: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться». Ну разве это не о нас? Мы чемпионы мира по размежеванию, что мешает конструктивному строительству гражданского общества. Так что не только у наших левых, но и у российских консерваторов, и у либералов можно найти довольно много из идейного наследия Ильича.

В. В. Мне по этому поводу вспомнился дневник протоиерея А. Шмемана, который после высылки Солженицына встретился

с Александром Исаевичем. Он с ужасом увидел в писателе черты того Ленина, о котором Солженицын написал в «Ленине в Цюрихе». «Солженицыну, как и Ленину, — записывает Шмеман, — нужна, в сущности, партия, то есть коллектив, безоговорочно подчиненный его руководству и лично ему лояльный. <...> Лояльность достигается устрашением, опасностью быть отлученным от “дела” и его вождя. И это не “личное”, не для себя, только для дела, только для абсолютной истины цели...»

Б.К. Вы знаете, и Лев Копелев, хорошо знавший Солженицына, увидел в этом тексте писателя автопортрет автора «Архипелага». Конечно, черты Ленина можно увидеть не только в Солженицыне...

В.В. Ну, естественно.

Б.К. Вы знаете, ведь я и в себе порой чувствую какие-то элементы вот такой политической культуры, фронтизма, конфронтационности. Наверное, это нормально. Ведь и у здоровых людей могут быть какие-то наследственные предрасположенности, заболевания, о них нужно знать; если вести здоровый образ жизни, иногда принимать лекарства, тогда это не смертельно. Нужно понять, что, скинув памятники Ленину, мы от Ленина не избавимся, есть замечательная карикатура петербургского карикатуриста Виктора Богорада. Изображен памятник, окруженный кучей маленьких Лениных, которые хотят скинуть монумент. В лениноборчестве и в украинском ленинопаде, конечно, очень много от политической культуры Ленина.

В.В. Я тут с вами соглашусь, действительно, мне кажется, как раба, так и Ленина из себя надо по капле выдавливать.

Б.К. Я не знаю, выдавливать ли. Нам не очень нравится, что наши давние-давние предки были людоедами, которые, по утверждению некоторых ученых, вроде бы съели неандертальцев. Конечно, печальный факт, но нужно понимать, что сейчас мы другие или должны быть другими.

В.В. После войны на страницах «Нового журнала» развернулась острая дискуссия между Н. Валентиновым и М. Вишняком относительно того, что именно повлияло на формирование мировоззрения Ленина: русская революционная традиция — Чернышевский, Бакунин, Нечаев, как утверждал Валентинов, или западный марксизм? А на ваш взгляд, что на Ленина оказало влияние, а может быть, и то, и другое?

Б.К. Мне это напоминает нескончаемую дискуссию в педагогике о том, что важнее: наследственность или среда? Один хороший педагог сказал: наследственность — это всё. А потом, после некоторых размышлений добавил: и среда — это всё. Что в доме важнее: кирпичи или стекла? Конечно, Ленин — это сплав разных интеллектуальных традиций. Разумеется, так же как и многие его русские предшественники, он был продуктом влияния радикальной европейской мысли, а у этой мысли большая-большая генеалогия. Ну вот есть знаменитая карикатура 1917 г. на Ленина — Ленин, где он изображен как Чингисхан. Подчеркивалась

иногда пугачевщина Ленина; с другой стороны, Ленина не единожды сравнивали с Петром I, сопоставляя жестокость и насилие великого царя-реформатора с политикой военного коммунизма. Троцкий, кстати говоря, подчеркивал русскость Ленина. По Троцкому, под ленинизмом видна крестьянская подоплека, а сам Ленин был головным выражением русской национальной стихии. Конечно, у Троцкого был еще и некоторый расчет, потому что если Ленин был олицетворением русского начала революции, имеющей очевидные связи с крестьянством, с вышедшим из крестьянства рабочим классом, то себя Троцкий выдвигал на роль западного олицетворения российской революции, международного и интернационального. Я думаю, что эта оппозиция не работает. Когда нужно — Ленин был интернационалистом, когда нужно — был патриотом. Еще раз хочу сказать: Ленин в первую очередь, как его можно охарактеризовать, это идеальный лидер эпохи Гражданской войны с точки зрения техники борьбы за власть.

В. В. В период перестройки, как известно, общим местом стало противопоставление раннего и позднего Ленина, который вроде бы начал пересматривать свои догматические идеи о возможностях перехода к социализму, стал говорить о рынке, о НЭПе, из работ Ильича выделялся 45-й том собрания его сочинений, где опубликованы последние работы вождя, констатирующие необходимость коренной перемены точки зрения на социализм, переход к элементам рынка, необходимость серьезной культурнической работы и т. д. Насколько это проти-

вопоставление правомерно? Может быть, поздние работы Ленина — это контуры какой-то новой экономической и политической модели?

Б. К. Об этом сложно говорить, потому что эти поздние произведения он писал или диктовал, будучи уже очень больным. Я считаю, что, конечно, система нэпа, которая начала создаваться отчасти при Ленине, была наспигована очень острыми противоречиями, и какой-то взрыв был неизбежен. Выход, который нашли наследники Ленина, был самым жестоким и самым кровавым.

В. В. Вы имеете в виду сталинский выход?

Б. К. Да. Конечно, ряд конкретных мер напрямую связан с личностью Сталина, но в любом случае особо веселого сценария я тут не вижу.

В. В. То есть третьего пути не было?

Б. К. Бухаринская альтернатива кажется мне, конечно, очень симпатичной, но маловероятной, учитывая многие факторы.

В. В. После смерти вождя началась борьба за ленинское наследие. Духовными наследниками себя объявляют и Г. Е. Зиновьев, который уже в конце 1924 г. прочел лекции о «ленинизме», и Сталин, который в том же году тоже читает лекции об основах ленинизма, и Троцкий, который на следующий день после кончины Ленина призвал идти вперед с фонарем ленинизма в руках... На ваш взгляд, кто из указанных деятелей действительно был наследником вождя или, может быть, никто?

Б. К. Я считаю, что мы должны как-то дистанцированно использовать язык эпохи и сравнения эпохи. Конечно, каждый из упомянутых деятелей представлял себя наследником и истинным последователем покойного лидера, но мне кажется, что сама такая постановка предполагает наличие вождистской, структурно-монархической политической культуры. Однако вопрос ваш интересен тем, что позволяет взглянуть на Ленина с различных ракурсов. Был Ленин как реальный человек и политический деятель, а были образы Ленина, которые создавались на разных этапах. Ну конечно, вы правы в том, что после смерти Ленина, с 1924 г. начался такой «ленинакультострой», где разные лидеры большевиков, преследуя свои интересы и свою повестку, рисовали тот портрет Ленина, который был им выгоден, такой портрет, на фоне которого они выглядели бы как продолжатели великого дела.

Тема рождения ленинского культа имеет довольно хорошую надежную базу исследований. Это и книга Нины Тумаркин, и книга Бенно Эннкера (они переведены на русский), и книга Ольги Великановой: *Тумаркин Нина. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России = Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia.* 1983. М.: Академический проект, 1997. 288 с.; *Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе / пер. с нем. А. Г. Гаджикурбанова. М.: РОССПЭН, 2011. 438 с. (История сталинизма); Великанова О. В. The Publik Perception of the Cult of Lenin Based on Archival Materials = Образ Ленина в массовом восприятии со-*

ветских людей по архивным материалам. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen Press, 2001. 284 с.

Важно иметь в виду, что термин «ленинцы» был введен политическими противниками Ленина и широко использован в 1917 г. Это не было самоназванием для большевиков, многие не хотели отождествлять себя с персоной вождя. Трудно представить, чтобы Троцкий, который не сразу стал большевиком, сразу мог назвать себя ленинцем, особенно учитывая всю сложную историю его отношений с Владимиром Ильичом. В политической культуре социал-демократии, в том числе и для большевиков, сама идея культа вождя вызывала отторжение, это противоречило их убеждениям. На заседании Социалистической академии в 1924 г. Д. Б. Рязанов заявил: «Я не большевик, я не меньшевик и не ленинист. Я только марксист и как марксист — я коммунист»². И, таким образом, в создании культа Ленина важно то, что на первых этапах играли решающую роль политические противники, которые навязывали этот ярлык, это слово, и большевики вынуждены были его принимать, т. е. в первой половине 1917 г. Ленин и ленинизм — это синоним радикализма, и, соответственно, иногда в прессе того времени писали: полуленинцы, четвертьленинцы и т. д., ну вот как бы вот такие радикалы, и полуленинцами и четвертьленинцами ну вот, например, Плеханов так называл некоторых меньшевиков и эсеров.

В. В. Если не ошибаюсь, сторонников «Новой жизни» называли полу-

² Вестник коммунистической академии. 1924. Т. 8. С. 392.

ленинцами и большевиками второго сорта.

Б.К. Да и более того, и mainstream меньшевистско-эсеровский критиковался Плехановым как течение с оттенком ленинства. Таким образом, и слово растиражировано, и образ был растиражирован политическими противниками, т.е. не только друзья и союзники, но и враги способствовали отчасти повышению авторитета Ленина.

В.В. Но все же Троцкий, который был в числе идейных противников Ленина до революции 1917 г., после высылки из СССР основал Бюллетень оппозиции, который издавался от имени «большевиков-ленинцев».

Б.К. Ну, понимаете, Троцкий первой половины 17-го — это не Троцкий второй половины 17-го, Троцкий второй половины 17-го — не Троцкий осени 18-го, а Троцкий осени 18-го, скажем, — это не Троцкий 1922 г. и т.д. и т.д. и т.д. После смерти Ленина термин стал частью партийной идеологии и пропаганды. Широко употреблялось понятие «большевик-ленинец». Ленинец — это лучший коммунист. С этого времени спорили уже не о термине, а о том, кто из лидеров лучший и вернейший ученик и последователь Ленина. Хотя о чем они думали в действительности, как относились к Ленину и его наследию — трудно сказать.

В.В. Мне кажется очень знаменательным для понимания истинного отношения Троцкого к ленинскому наследию то, что в своем политическом завещании, написанном в конце февраля 1940 г., он, позициони-

ровавший себя как защитник ортодоксального большевизма, Ленина не упомянул ни разу.

Но вернемся к современности. Ленин совсем недавно стал объектом острой критики. Я имею в виду пресс-конференцию президента В.В. Путина 19 декабря 2019 г., где глава государства в сущности обвинил Ленина в развале страны и противопоставил «революционеру» Ленину «государственника» и централизатора Сталина. В основе обострений межнациональных противоречий, в причинах конфликта между Россией и Украиной, по мнению президента, лежит позиция Ленина. «Это всё наследие государственного строительства Владимира Ильича Ленина», — заявил президент.

Б.К. Мне кажется, что различные выступления президента Путина несколько отличаются. Когда в 2014 г., открывая монумент героям Первой мировой, он говорил об изменниках, которые, удовлетворяя свои непомерные амбиции, призывали к поражению, развалили Россию и украли у страны победу, то все-таки не конкретизировал, не уточнял, кого имеет в виду, т.е. это могло читаться совершенно по-разному. И в общем-то, как правило, президент в таких подготовленных выступлениях очень осторожен. Но мы ему должны быть благодарны, что в некоторых импровизационных выступлениях он выступает достаточно искренне. Это не первый его антиленинский текст, они были разные и какие-то разные обвинения предъявлялись создателю советского государства. Можно сказать, что в данном случае и президент Путин,

и его эксперты, с которыми он, видимо, обсуждал проблемы истории (впрочем, наверняка этого сказать нельзя), являются заложниками советского образования, которое своеобразным образом иногда вывернуто наизнанку, иногда переформатировано. На самом деле, как я уже сказал, ключевой факт российской истории — это Гражданская война, факт, который оказывал и оказывает в известной степени немалое влияние. Победу в ней, бесспорно, одержали большевики. Почему так произошло, это сложный вопрос, историк на самом деле не может дать на него однозначного ответа, который бы всех удовлетворил, потому что каждый исследователь строит цепочку причинно-следственных связей, а они у всех разные, так что очень часто тут договориться ни о чем не удается. Но в самом грубом приближении ответ будет такой: Красная армия победила в ходе Гражданской войны потому, что она обладала значительным количественным превосходством. На несколько миллионов бойцов Красной армии у белых было несколько сот тысяч. У Колчака — 300 тыс., у Деникина, если я верно помню, примерно 150 тыс., но самое главное, конечно, это не просто этих людей набрать, вооружить, снабдить артиллерией, медикаментами, едой и всем прочим. Но и большевики, и еще в большей степени белые сражались не только друг с другом. У Деникина против красных действовала лучшая, но все-таки меньшая часть его армии, а остальные разбирались с украинцами, с Махно, с грузинами, с горцами, с зелеными, с красно-зелеными, а иногда даже какие-то силы отвлекались на разборки с кубанскими казаками, было и это. Но красные пере-

играли белых не только тем, что они обладали лучшими мобилизационными способностями, могли создать мобилизационную систему, частью которой был, конечно, и аппарат принуждения, силовой аппарат террора. Большевики победили и потому, что они могли создавать систему очень гибких, иногда временных союзов на самых разных уровнях — на уездном, на волостном, на губернском, на региональном, на общероссийском. Некоторые оказались прочными и долгосрочными, оказав влияние на национально-государственное строительство. Переформатирование национальных отношений было следствием Гражданской войны, часто носило характер импровизации, связанной с желанием либо нейтрализовать местные элиты, либо привлечь их как активных союзников на свою сторону. И результат оказался не таким уж плохим. В результате возникла сначала РСФСР, а затем и Союз Советских Социалистических Республик. Можно, конечно, спорить о том, насколько СССР следует рассматривать как продолжение Российской империи, но если принять такую точку зрения, то окажется, что Советский Союз продержался дольше, чем какая-либо другая империя в мире, и распался не самым плохим образом. Конечно, не стоит забывать и конфликт в Карабахе, и гражданскую войну в Таджикистане, и ситуацию вокруг Грузии, и нынешний конфликт на востоке Украины. Вооруженные действия, этнические чистки породили массу человеческих трагедий, что очень печально. Но если сравнивать с сотнями тысяч и, может быть, миллионами человек, погибших во французском Алжире в 1954–1962 гг., то этот распад еще

не такой болезненный, да и Британская империя от Индии и Малайи до Северной Ирландии распадалась, и я бы сказал, и распадается сейчас тоже не так уж и просто.

В. В. Мне представляется, что в позиции президента Путина есть один существенный изъян. Он не учитывает, что И. В. Сталин после смерти Ленина продолжил политику федерализации. В 1936 г. получили статус советских республик Киргизия, Казахстан, а в 1940 г. Карелия. Так что Сталин в национальном вопросе выступил как продолжатель дела Ленина.

Б. К. Не только после смерти, но еще и при жизни Ленина. Именно Сталин курировал соглашение об автономии Башкирии, и он передал А.-З. Валидову права значительно большие, чем потом получили союзные республики в Советском Союзе. Подписание этого соглашения тоже было обусловлено логикой Гражданской войны. Сталин не только продолжатель, он сотворец, он курировал этот участок работы и чувствовал его очень хорошо.

В. В. Что ж, спасибо большое, будем следить за тем, как отреагируют научные круги и общественность на юбилейную дату. Я хорошо помню не только 100-летие Владимира Ильича, но и его 90-летний юбилей. В апрельские дни в нашем поселке открыли памятник Ленину, до этого у клуба стояла только фигура Сталина.

Б. К. В вашем поселке? Где это было?

В. В. Усть-Омчуг Магаданской области. Сталина демонтировали,

и памятник поставили у ремонтно-механических мастерских, а в ноябре 1961 г., после XXII съезда, окончательно сняли с пьедестала и увезли в неизвестном направлении.

Б. К. Вы рассказываете интересные вещи. Ну, я не слежу и не владею материалом. Но, насколько мне известно, памятников Ленину сейчас ставится крайне мало, если они ставятся вообще, а вот памятники Сталину появляются значительно чаще. Мы видим сталинизм без Ленина. Посмотрите на заявления церковных деятелей. Осуждения Ленина я встречаю часто, а вот осуждений Сталина не встречал. Если вы найдете, скажите, мне это очень интересно

В. В. Думаю, что в Русской православной церкви, как и в обществе, нет однозначной позиции. Церковь провела большую работу по канонизации новомучеников, на расстрельном Бутовском полигоне есть храм, посвященный исповедникам и новомученикам, там же действует мемориально-просветительский центр, большую работу по сохранению памяти о репрессированных, по межконфессиональному взаимодействию проводит настоятель храма протоиерей Кирилл Глебович Каледя, на печально известном Левашовском полигоне тоже есть церковь в память жертв массовых расстрелов.

Б. К. Это верно, и все же те самые люди, которые публично осуждают Ленина, не осуждают столь же резко и безоговорочно Сталина, а это немаложко разные вещи.

В. В. Во многом вы правы. Патриарх, освятивший храм в Левашово, назвавший Левашовский полигон Голгофой, несколько ранее призвал не забывать о несомненных заслугах в деле модернизации страны того деятеля, путь которого отмечен и несомненными злодействами. Хотя имя и не было названо, но, думаю, что речь идет о Сталине.

Б. К. Для нашей прикладной историософии характерен эклектичный подход. Наша история — история великой страны, а у каждого правителя были как достижения, так и недостатки, начиная с Ивана Грозного. Единственный неудобный провал, который в эту схему не вписывается, — это революция 1917 г. Событие,

несомненно, глобальное, о котором и плохо сказать нельзя, и хорошо сказать тоже нельзя. Отсюда так смазанно прошел юбилей 1917 г.

В. В. Может быть, что-то планируется к юбилейным ленинским дням в Европейском университете, хотя бы круглый стол?

Б. К. Я понимаю, что событие знаковое и важное, но как-то непрофессионально о глобальных вещах вспоминать только в связи с «круглыми» датами календаря.

В. В. Будем тогда считать, что наша беседа — это отклик на юбилейную дату. Большое спасибо за интервью!

“LENIN IS AN EXCELLENT TACTIC OF THE CIVIL WAR ERA AND HE WAS READY FOR THIS ROLE MUCH BETTER THAN ANY OTHER POLITICAL FIGURES”. INTERVIEW WITH B. I. KOLONITSKY

Kolonitsky Boris I. — Doctor of historical sciences, Professor of the Department of history, European university, coordinating researcher of the St. Petersburg Institute of history, RAS (St. Petersburg)

Key words: Lenin, the 1917 revolution in Russia, the revolutionary movement in Russia. Soviet project.

Abstract. On the eve of the anniversary of V. I. Lenin B. I. Kolonitsky appreciates the historical role of the creator of the Soviet state. According to the historian, the World War aggravated economic, social and national contradictions, which Lenin, a talented tactician, was able to take advantage of. After the death of the leader, his figure was mythologized and put at the center of historical narrative in both communist and anti-communist ideology. Tactical flexibility allowed the Bolsheviks to win over national elites and transform the Russian Empire into the Union of Soviet Republics. It should be noted that such principles of political culture as intolerance and dogmatism, largely taken up by the ideological opponents of Leninism, go back to Lenin. This legacy is affecting even now, hindering the building of civil society in our country.

АНТОНИН РАМЕНСКИЙ: СУДЬБА СТАРОЙ МЕДАЛИ

Ключевые слова: мистификация, музей Ленина, дар, медаль, Ульяновы и Раменские.

Аннотация. В статье излагаются подробности одной из поздних мистификаций Антонина Раменского (1913–1985), автора масштабной мистификации «учительская династия Раменских» — презентации памятного жетона в честь Карла Маркса и псевдовоспоминаний из личного архива семьи Раменских, связанных с памятью о В. И. Ленине. Автор показывает финальное развитие мистификаторского сюжета «Ульяновы и Раменские», представляющее собой попытку поддержать у публики угасающий интерес к его проекту.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-227-238

*А в Музее Ленина –
Два пальто простреленных,
Два костюма стареньких,
Да пара башмаков...*

Сорок лет назад 110-я годовщина со дня рождения Владимира Ильича Ленина отмечалась с пафосом, характерным для того времени. Помимо благодарного советского народа *en masse*, ознаменовавшего событие знаменательными достижениями и трудовыми подвигами в честь этого события, значительную интенсивность приобрел тогда и информационный поток сообщений непосредственных свидетелей Вождя, т. е. лиц прямо или косвенно наблюдавших его живьем, а то и общавшихся с ним. Жанр «рассказов о Ленине» был традиционен для всякой круглой его го-

довщины, примеры чего в изобилии хранятся в библиотеках, но к 1980 г. число свидетелей по естественным причинам существенно сократилось, а многие, наиболее яркие, свидетельства тиражировались неоднократно, почему особый интерес приобретали новые, еще неизвестные сообщения.

В числе прочих выступил в жанре «Ленинианы» и Антонин Аркадьевич Раменский (далее А. А.), нашедший повод возобновить, при сей верной okazji, претензии на особую близость своей семьи с семьей Ульяновых. С этой претензии Раменский начал за двадцать лет до того свой мистификаторский проект (см. *Рыбалка* 2019), и полный успех, сопутствовавший в тот момент проекту,

© А. А. Рыбалка, 2020

Рыбалка Андрей Александрович — начальник управления внедрения систем и средств обеспечения информационной безопасности, научно-производственная фирма «Кристалл» (Пенза); anrike@yandex.ru

давал основания А.А. надеяться на успешное же продолжение. Значительный интерес, который А.А. вызвал к себе обнародованием своих «ленинских» и «пушкинских» артефактов (см. Козлов 2001), за многие годы изрядно угас и поизносился, хотя автор постоянно был озабочен подбрасыванием свежих дров в костер своего проекта. Ныне он не располагал таким пафосным документом, как «первая программа партии с автографом Ильича» и изготовить нечто подобное не решался либо не имел возможности. Музею Ленина А.А. преподнес скромный и никем не авторизованный объект — «медаль Карла Маркса», врученную якобы самому знаменитому представителю его семьи — Алексею Пахомовичу Раменскому, «учителю Ленина»².

Бэкграунд А.А. способствовал тому, что дар его был принят с благодарностью³, а рассказ Раменского об истории медали опубликовали в одном из ближайших номеров «Правды» (Молчанов 1980). Рассказ столь характерен и для времени, и для А.А., что имеет смысл привести его целиком.

«Медаль Карла Маркса, прикрепленная к алой ленте, поступила в Центральный Музей В. И. Ленина. Она была отчеканена в 1918 году. Реликвию, хранившуюся в семье свыше 60 лет, передал музею москвич Антонин Аркадьевич Раменский — еще до войны

начал он собирать материалы о славной династии русских учителей, к которой сам принадлежит. Уютная квартира в доме в Грохольском переулке превратилась в своеобразный музей. Книжки, снимки, рукописи — все о Раменских. Судьбу династии народных просветителей удалось проследить за 500 лет — от Андриана Раменского, приехавшего в “град Москву” из Болгарии и основавшего здесь в XV веке “школярню”.

О каждом из далеких и близких предков — своя памятка. На стене — портрет Радищева. С ним был знаком Алексей Раменский, когда проходил курс наук в Москве. А потом приехал обучать ребятишек села Мологино под Тверью. О его сыне, тоже учителе, напоминает томик пушкинской “Русалки”. По семейному преданию, Алексей Алексеевич в Бернове показывал Пушкину омут, где утопилась дочь мельника. “Берновская трагедия”, как говорят на тверской земле, послужила сюжетом “Русалки”.

А кто это в парадном генеральском мундире, с орденской лентой через плечо?

— Брат моего деда, — поясняет Антонин Аркадьевич. — Алексей Пахомович работал директором народных училищ Пермской губернии. А раньше преподавал в классической мужской гимназии Симбирска, когда там учились Александр и Владимир Уль-

² См. об А. П. Раменском, как персонаже проекта А.А.: (Рыбалка 2018).

³ О том, что дар А.А. не остался без воздаяния, свидетельствует Симон Соловейчик: «...вот — благодарственное письмо из Центрального музея В. И. Ленина за “переданные в дар музею бесценные реликвии, характеризующие близкие отношения Вашей семьи — замечательной пятисотлетней династии педагогов Раменских — с Владимиром Ильичом Лениным»» (Соловейчик 1984).

яновы⁴. Раменские дружили с Ильей Николаевичем и его семьей⁵.

О судьбе Алексея Пахомовича несколько лет назад напомнила посылка, отправленная по московскому адресу из Калининской области. Земляки Антонина Аркадьевича — краеведы прислали шкатулку, считавшуюся давно утерянной. В ней хранились ценные документы семьи. На дне шкатулки лежали воспоминания А. П. Раменского о встрече с В. И. Лениным.

О том, что Алексей Пахомович в апреле 1919 года встретился с Владимиром Ильичем, известно из Биографической хроники В. И. Ленина⁶. Вернувшись из Москвы в Симбирск, старый учитель восстановил по памяти ту беседу. Писать сам он не мог — руку разбил паралич. Продиктовал приемной дочери Л. В. Алексеевой⁷.

Листы, лежавшие в шкатулке, были испорчены сыростью, слиплись. “Расшифровать” старые записи Антонину Аркадьевичу помогли добровольные помощницы — студентки Стоматологического института, расположенного недалеко от его дома.

Зимой 1919 года 73-летний Алексей Пахомович выехал из Симбирска в Тверь — соскучился по родным местам. И попал на губернский съезд работников народного образования. Его включили в делегацию к В. И. Ленину, “Поезжай, — просили земляки, — ты Ильичу знакомый, помнит, чай, еще по гимназии...”

О приезде узнала Анна Ильинична Ульянова, забрала старого учителя к себе на Манежную улицу. “Владимир Ильич очень занят, — сказала гостю. — но обещал к вечеру заглянуть”.

⁴ Весной 1879 г. директор Симбирской гимназии И. В. Вишневыский временно привлек Раменского (наряду с другим лицом) к преподаванию церковнославянского языка в IV классах вместо бывшего по болезни преподавателя. Раменский должен был провести 22 часа, но 4 часа пропустил по разным причинам. В одном из IV классов учился тогда Александр Ульянов, но преподавал ли Раменский именно у него — неизвестно. Владимир Ульянов появился в гимназии только осенью того же года. Основным местом службы Раменского в Симбирске в 1873–1882 гг. была духовная семинария.

⁵ В переписке четы Раменских с четой Фармаковских (РГИА). В. И. Фармаковский был сослуживцем И. Н. Ульянова и другом А. П. Раменского, во время службы А. П. в Оренбурге и Перми, не обнаруживается подтверждений этому.

⁶ Согласно (БХ 1975), 22 февраля 1919 г. «Ленин беседует с А. П. Раменским (бывшим сослуживцем И. Н. Ульянова), который с делегацией учителей Тверской губернии приехал в Москву ходатайствовать об оказании продовольственной помощи учителям губернии. Во время беседы Ленин передает делегации свою брошюру «Борьба за хлеб» (М., 1918); на титульном листе пишет записку с просьбой передать учителям Тверской губ., что их хлеб находится в руках кулаков и что задача Советской власти состоит в том, чтобы изъять у них хлеб и передать его трудящимся» со ссылками на «Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 261; Ленин и Тверской край. [Сб.]. М., 1969, с. 185–187». Об истории появления этого текста см. (Рыбалка 2019).

⁷ Лидия Владимировна Алексеева (р. 1884), воспитанница А. П. Раменского, выпускница Бестужевских курсов, затем преподаватель русского языка Пермской женской учительской семинарии до 1917 г., позднее проживала с семьей Раменских в Симбирске. А. А. рассматривается как посредник-транслятор текстов, исходящих от А. П. Раменского. В строгом смысле слова «приемной дочерью» она не была, и сам А. П. в письмах всегда именует ее «воспитанницей Лидочкой».

В квартире Анны Ильиничны собрались А.М. Горький, А.В. Луначарский, потом подошли Владимир Ильич с Марией Ильиничной. Уселись за стол под большим абажуром, закипел самовар. “И полилась беседа...”⁸

Владимир Ильич поинтересовался, как выглядит Симбирск после изгнания белых. Расспросил, какие заботы привели Алексея Пахомовича в Москву.

Разговор зашел об отношении интеллигенции к Советской власти. В основном — это труженики: врачи, учителя, мелкие служащие, сказал Владимир Ильич. Они, как правило, перешли на нашу сторону, честно трудятся. Имейте в виду, даже среди старого генералитета не все воюют против нас, служат и Красной Армии. И мы им доверяем. Вы вот, Алексей Пахомович, можно сказать, в “генералах” ходите, но никуда не перебежали. Мне рассказывал Яковлев⁹, что в Симбирске второй год бесплатно работаете в архивах. Кстати, в Симбирске открывается школа красных командиров — они должны быть грамотными, образованными. Попрошу, чтобы вас привлекли к преподаванию.

Алексей Пахомович поблагодарил и рассказал, как добирался из Сим-

бирска до Твери. “А в Мологине, Владимир Ильич, меня собирались повесить, даже виселицу приготовили — объявили, что будет казнен царский генерал...”

Владимир Ильич посмотрел с недоумением, потом звонко расхохотался: “А Вас-то, Алексей Пахомович, за что вешать?” Оборвав смех, сказал серьезно: Есть еще немало примазавшихся или хулиганов вроде мологинских, при определенных условиях они могут стать врагами Советской власти...

Ильич тепло вспоминал знакомые с детства места Симбирска: Венец, тихий, зеленый скверик у Карамзинской библиотеки... “Я тоже люблю этот садик, — сказал Алексей Пахомович. — Беру охапку газет и по-стариковски на солнышке читаю. Времена тяжелые — наступают интервенты, белогвардейцы. Порой даже удивляешься, из какого источника наш народ черпает силы...”. “Я о том же думаю, — отвечал Владимир Ильич. — Наша стойкость — результат накопившейся в народе энергии, классовой ненависти, революционного подъема. Другого объяснения не дашь...”

Владимир Ильич оживился, когда гость стал рассказывать о всеобщей тяге к знаниям в деревне. Алексей

⁸ В первой версии рассказа, опубликованной в начале 60-х гг., не было этих подробностей, согласно тогдашнему рассказу А.А., Раменский «вместе с еще одним или двумя товарищами отправился в Москву. Неизвестно, где проходила встреча делегатов с В.И. Лениным» (Маковеев 1963: 22). На момент старта проекта об этом визите и вовсе умалчивалось. См. (Маковеев 1961).

⁹ Предположительно, известный московский историк Алексей Иванович Яковлев (1878–1951), входящий в семью Ульяновых, старший сын знаменитого «чувашского просветителя» Ивана Яковлевича Яковлева (1848–1930), близко общавшегося с Ульяновыми в симбирский период их жизни и пользовавшегося вниманием Ленина после 1917 г. Судя по воспоминаниям А.В. Жиркевича, А.И. Яковлев еще весной 1921 г. привез в Симбирск сведения о серьезном нервном заболевании Владимира Ильича.

Пахомович наблюдал, как у его брата Николая в Мологине работает школа грамоты. Чернила делают из свеклы, пишут на старых газетах. Видал, как за школьной партией сидит 85-летний дед. Борода лопатой, крихтит, но выводит каракули...

“Хочу сказать как старый педагог, — обратился гость к Ленину. — Правильно делаете, что даже в тяжелое для страны время посадили мужика за букварь. Нельзя ему без грамоты, без культуры...” Гость передал просьбу тверских учителей. Положение их трудное — хлеба нет, обувь изнасилась, одежда латана-перелатана, стыдно в школу идти...

Лицо Ленина осунулось, стало уставшим. “Знаю,— сказал он.— в Питере, Москве рабочие голодают. Хлеб есть в глубинках у кулаков. Передайте учителям, чтобы они смелее включались в работу комитетов бедноты... А пока дам книжку о хлебе”.

На своей брошюре “Борьба за хлеб” Владимир Ильич написал. “Передайте учителям Тверской губернии, что их хлеб находится у кулаков и что задача Советской власти заключается в том, чтобы этот хлеб передать трудящимся”.

Владимир Ильич стал прощаться. Да, сказал он А. В. Луначарскому, вручите медаль Карла Маркса Алексею Пахомовичу — он заслужил...

Воодушевленный вернулся А. П. Раменский в Симбирск. По совету Владимира Ильича стал преподавать на курсах красных командиров. Вскоре их первый выпуск отправлялся на фронт. С напутствием обратился Алексей Пахомович. Не забывайте, сказал он, что вы учились воинской науке в родном городе Ильича. Свою речь старый учитель закончил словами из горьковской “Песни о Соколе”. Над волжским простором звучало: “Безумству храбрых поем мы славу!”¹⁰

Представленный в «Правду» рассказ был не единственным «рассказом о Ленине», обнародованном А. А. в те годы. Благодаря его болгарскому поклоннику, корреспонденту газеты «Труд», Христо Асерджиеву, известно, что «старый учитель» резюмировал свои отношения с Лениным в своеобразном некрологе.

«...У нас был тяжелый год: Владимир Ульянов — Ленин — умер, мой ученик. Примерно 15 лет назад (sic!) мы ездили с ним на Свягу на рыбалку, а потом я встретил его в Москве в качестве главы новой России. Ну, тогда мы много и хорошо поговорили и многое прояснилось в моем уме. Я думаю, что-то подобное произошло с миллионами россиян, и не только с россиянами. В течение шести лет в огне он был на государственном посту. Много чего с тех пор случилось, и хотя многие все еще ждут царей,

¹⁰ На упомянутых курсах преподавал не Раменский, а А. В. Жиркевич, известный в то время литератор и коллекционер, связанный приятельскими отношениями и перепиской со множеством современных ему деятелей русской культуры, автор воспоминаний о смерти симбирского математика А. В. Годнева, к которым он присоединил рассказ А. П. Раменского о последних днях Годнева, привлечший внимание А. А. (ГАУО). Песню о Соколе предложил курсантам сам Жиркевич, писавший от первого лица. В данном случае, впрочем, возможно добросовестное заблуждение Антонина Аркадьевича — текст Жиркевича трудно читаем, а рассказ Раменского помещен в начале рукописи, интерпретация ее содержания требует известных усилий.

но Россия набирает силу, и нам кажется, что наш государственный корабль идет правильным путем. Нет возврата к старому, это то, так думаю я, старик, и я думаю, что многие так думают. Враг сломлен, мы стали жить лучше, и мужика направили на путь — научиться строить новую жизнь...

(По воспоминаниям Алексея Пахомовича Раменского, продиктованным его приемной дочери Лидии Владимировне 15 декабря 1924 года в городе Симбирске)» (Асерджиев 1986: 14).

Остановиться на этом А.А. не смог и далее стал рассказывать уже о своем личном детском опыте общения с Вождем.

«Это было в ноябре 1922 года. На железнодорожном вокзале станции Бологое было множество людей — рабочих, крестьян, служащих. За множеством спин и мы, ученики местной школы. Мы с большим интересом ожидаем прибытия специального поезда из Москвы с делегатами на IV съезд Коминтерна, который открылся в Петрограде. Запланировано пребывание на станции Бологое. Поезд медленно въезжает в толпу. Появилась Надежда Константиновна Крупская. Послышались голоса: “Мы хотим, чтобы Ильич поговорил с нами!” Крупская сказала, что Владимир Ильич плохо себя чувствует. Затем пришел Буденный, который произнес пламенную речь. А вслед за ним Ва-

сий Коларов говорит очень хорошо. Поезд должен был оставаться до вечера в Бологое. Как стало известно позже, по соображениям безопасности сразу после прибытия поезда Ленин уехал с локомотивом и одним вагоном в Петроград» (Асерджиев 1986: 27)¹¹.

В последующие, 80-е гг. близость Раменских к Ульяновым и личная близость А.А. к В.И. еще более возросла, приближаясь к максимально допустимой.

«Когда Раменские в нечистые свои приезды оказывались в столице, их обязательно принимали в доме Ульяновых на Манежной. Антонин Аркадьевич вспоминает эти вечера — на скромный, даже скудный чай собиралось много народа. Приходили Ворошилов, Енукидзе, другие близкие люди. Это было уже после января двадцать четвертого. А осенью двадцать третьего на Сельскохозяйственной выставке, что открылась тогда на берегу Москвы-реки, десятилетнего мальчика Антонина подвели к машине, подняли на подножку:

— Владимир Ильич, это внук Вашего учителя Раменского...

Ленин спросил тихо: “Как там твои старики?”» (Карякина 1984)¹².

Это было опубликовано осенью 1984 г., и можно полагать, что на продолжение разговора А.А. уже не хватило времени¹³.

¹¹ В работе съезда в Петрограде Ленин не участвовал (см., например, Биохронику Ленина), на момент написания Асерджиевым своей статьи не зная об этом опытному журналисту-коммунисту было более чем странно.

¹² Ленина привозили на работавшую с августа выставку 19 октября 1923 г. См.: (Лебедев 1958).

¹³ А.А. Раменский скончался 1 сентября 1985 г.

Да, во второй половине 70-х Антонин Аркадьевич фантазировал безудержно и пафосно, не ограничивая себя никакими разумными рамками. Обаятельный манипулятор, нехитрыми, но четко опознаваемыми почтенной публикой приемами коммунистической пропаганды ухитрялся вызывать локальный ажиотаж, предлагая артефакты самого сомнительного, с точки зрения здравого смысла, качества.

Все его герои постепенно начали обретать собственный голос, передаваемый обычно через копии, копии с копий, случайно найденные, случайно присланные и т.п. В первую очередь звучно и четко заговорил д.с.с. и кавалер Алексей Пахомович Раменский, несколько десятков лет под гнетом царизма и вопреки ему просвещавший простой народ России. Хотя волею обстоятельств Антонину Аркадьевичу и пришлось парализовать своего внучатого дядю еще в конце 1916 г., тот тем не менее активно перемещался на значительные расстояния, участвовал в съездах, встречался с вождями революции, преподавал и вообще демонстрировал активность, на которую способен не всякий здоровый человек. Писать, однако, он не мог, поскольку А.А. еще в начале своего проекта, возможно, несколько неожиданно для себя, обнаружил, что в архивах наличествует множество бумаг, написанных рукой директора народных училищ Пермской губернии, и приписать ему какие-либо произвольные сведения о связях с замечательными людьми не так и просто.

Раменский решил этот вопрос, заявив, что обширное сочинение дяди об истории своей семьи погибло в революцию, а уже в 20-х гг. он надиктовал свои воспоминания приемной дочери, но и они пропали, а ныне обнаружены в случайно найденной шкапулке и т.п. Воспоминания дяди понадобились, главным образом, чтобы рассказать о «болгарской прародине» и «пятивековой истории» семьи Раменских, но, конечно, ключевое событие в жизни Алексея Пахомовича — встреча с Лениным, коего он, понятно, знал с детства, также нашло в воспоминаниях свое место. Если в версии легенды, сопровождавшей саму брошюру, за Раменского говорил «старый учитель Пастухов», то медаль сопровождали аутентичные воспоминания самого героя Биографии В. И. Ленина.

Что это, однако, за медаль? Статус ее на одном из соответствующих тематических ресурсов описывается следующим образом¹⁴:

«Памяти Карла Маркса в 1918 г. было вытиснено четыре жетона. На первом эллипсообразном погрудное изображение автора “Капитала”. В верхней части надпись: “Карль Маркс”. Внизу два листка и цветок. Жетон по краям обвит узорчатыми линиями. На обороте надпись: “В память 100 юбилея 1-го социалиста Карла Маркса”. Размер жетона 27 × 18 мм. Крапление — через ушко на бант или ленту.

На втором ромбовидном жетоне круг с погрудным изображением К. Маркса.

¹⁴ SmolBattle. Поисково-исторический форум. <https://smolbattle.ru/threads/Серебрянный-жетон-Карл-Маркс.54699/> (дата обращения: 05.04.2020).

По бокам перевитые лентой факелы, ниже две ветки с листьями. Вверху надпись: “К-Маркс”. Обратная сторона гладкая. Крепление — через ушко.

На лицевой стороне двух остальных круглых жетонов изображение К. Маркса, но надписи различны: на одном — “Карл Маркс 1818–1918”, а на другом — “1818. Да здравствует Интернационал. 1918”. Из надписей

на обратных сторонах этих жетонов видно, что они были выпущены к первой годовщине Октября. На одном жетоне в центре изображена пятиконечная звезда с эмблемой “Плуг и Молот” и надписями над нею: “РСФСР. 1917 X/25 1918”, а по кругу “В память 1-й годовщине”.

На другом такая же звезда расположена на щите, а над ней новая эмбле-

ма — “Серп и Молот” и указана дата по новому стилю — “7/XI 1918”. Надпись по кругу: “Товарищи да погибнет империализм”».

Овал и ромб можно не рассматривать, а из двух круглых жетонов разумно сделать выбор в пользу того, на коем портрет явно подписан.

Судьба жетона, однако, оказалась не столь проста, как представил музею Ленина А. А. Дело в том, что еще в августе 1968 г. в газете «Ржевская правда», в обширном материале о семье Раменских, содержались о «медали Карла Маркса» совсем иные сведения.

«Ярким представителем женской линии педагогической семьи Раменских является дочь Николая Пахомовича — Нина Николаевна Смолькова. Ее муж — Николай Яковлевич Смольков — профессиональный революционер.

Они принимали активное участие в революции 1905 года, вели революционную работу в Москве, Орехово-Зуеве, Владимире. Вместе с мужем царскими властями она была выслана на Урал.

В 1919 году Нина Николаевна вернулась в Ржев. В течение 20 лет избиралась депутатом городского Совета.

Во время немецкой оккупации сохранила документы медаль К. Маркса, которую носила на шею. Медаль Карла Маркса — первая медаль Советской власти. Ею был награжден Н. Я. Смольков, он получил ее из рук В. И. Ленина.

В настоящее время Нина Николаевна на пенсии. Живет в деревне Борисо-

во Итомлинского сельсовета» (РП 1968).

Николай Смольков, муж Антониновой тетки, с ранних этапов и до конца проекта Раменского упоминался им довольно часто с неизменной аттестацией в качестве «профессионального революционера», активного участника забастовок; он пять раз арестовывался, четыре раза высылался, потерял здоровье от побоев царских сатрапов и умер в 1938 г. чахоточным инвалидом, помогавшим описывать обширные «материалы о семье Раменских» (Маковеев 1985). Поначалу именно Смольков, якобы привезший А. П. Раменского из Перми в Мологино, в 1919 г. был участником «съезда учителей» и он рекомендовал Раменского в делегацию (Шевченко 1965: 173).

На данный момент не удалось найти сведений об участии человека с атрибутами «Н. Я. Смольков» в революционном движении. Ясно одно: к организации ржевских эсдеков, известных своей подпольной типографией, в 1900–1907 гг. Смольков отношения не имел, да и не проживал тогда во Ржеве.

Как следует из метрических книг приходов тверской епархии, Николай был сыном ржевского мещанина Якова Николаевича Смолькова, служившего земским фельдшером в селе Завидово Корчевского уезда, и его жены Анны Александровны. Семья, по тогдашнему обыкновению, была многодетна, впрочем, многие дети умерли в раннем возрасте. Николай, родившийся в 1881 г., окончил в 1901 г. учительскую семинарию и в 1903–1904 гг. служил

в селе Никитское Богородицкого уезда Тульской губернии. Раменский указывает на некую роль Льва Толстого в формировании личности своего дяди, и хотя Никитское далеко от Ясной Поляны, визит юного учителя к «матерому человечещу», любившему при случае играть роль «духовного наставника», вполне возможен.

В 1905 г. старший Смольков, несколько неожиданно для бывшего земского фельдшера, держал винную лавку в Мологино. Очевидно, что Николай приезжал в отпуск к родителям и тогда, видимо, познакомился с Ниной Раменской, ставшей его женой. Сам он в то время служил учителем в селе Луковниково того же Старицкого уезда; места службы Смольков, впрочем, менял ежегодно¹⁵.

В 1907 г. он уже служил учителем в селе Кудыкино, вблизи от Орехово и Зуево, о чем сохранилось весьма любопытное свидетельство: «*Заведующий Кудыкинским второклассным училищем К. Сергеев в своем рапорте инспектору народных училищ Владимирской губернии просил о переводе своего помощника Николая Яковлевича Смолькова на другое место. Причина такой просьбы была в том, что Н.Я. Смольков относился плохо к учебному делу: "...Редкая не-*

деля пройдет, чтобы он не был пьян. Посещает трактирные и пивные заведения, из которых возвращается домой часов в 11 или 12 ночи. Кроме того, Смольков, ссылаясь часто на головную боль, манкирует своими обязанностями, а потому мне нередко приходилось заниматься одному со всеми пятью отделениями»» (ГАВО).

В принципе, алкоголизм и революция совместимы, живым примером чему (до определенного времени) был, например, В.М. Шулятиков¹⁶, но, с другой стороны, сведения из рапорта Сергеева убедительнее объясняют проблемы со здоровьем Смолькова и частую смену им места службы. После Кудыкино Смольков служил в Костромском уезде, где в 1912 г. показан в качестве заведующего училищем в селе Левашове, а год спустя о нем говорится как о «бывшем учителе» Саметского училища. 16 августа 1913 г. Нина Смолькова, «имеющая звание домашней учительницы»¹⁷, получила место учительницы-воспитательницы Кунгурской Елисаветинской женской рукодельной школы. Кунгурский уезд — территория, курируемая директором народных училищ Пермской губернии, т.е. ее дядей. В 1915 г. Николай Смольков упоминается в качестве «допущенного к исполнению обязанностей учите-

¹⁵ По сведениям ежегодников «Начальные училища Тверской губернии в 19xx-19xx учебном году» за 1901–1906 гг.

¹⁶ Владимир «Донат» Шулятиков (1872–1912), литературный критик, переводчик и активный большевик, неоднократно подвергавшийся арестам, память которого чтит Ленин. Умер от рака желудка, приобретенного в результате известной пагубной привычки.

¹⁷ Согласно спискам выпускниц Ржевского епархиального женского училища за 1902–1917 гг., Нине Раменской в 1908 г. была назначена переэкзаменовка по сочинению за VI класс, и в том же году она выбыла из училища. Скорее всего, позднее Нина сдала квалификационные испытания на статус домашней учительницы.

ля» в Кунгурском 4-классном городском училище, но в 1916–1917 гг. его там уже нет¹⁸.

Вернувшись во Ржев, Смольковы, по словам Раменского, работали в школе №3 им. А.С. Пушкина, существующей по сей день. В 30-е Смольков, видимо, уже не работал и находился на пенсии по инвалидности. Вероятно, жетон в 1918 г. действительно получил он. Конечно, обстоятельства обретения Смольковым памятного жетона были менее пафосны, чем представил их племянник...

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГАВО — ГАВО. Ф. 1139. Оп. 1. Д. 17. Л. 237.

ГАУО — ГАУО. Ф. 842. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–14.

РГИА — РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 74.

Асерджиев 1986 — *Асърджиев Х.* Учителската династия Раменски // Труд. 30 май 1981. То же напечатано: С петвековна памет // Отечество. 1986. №5. С. 14–15, 26–27, 32.

Карякина 1984 — *Карякина, С. Степунина.* Что на роду написано // Советская Россия. 6 ноября 1984. №257 (8608). С. 4.

Лебедев 1958 — *Лебедев Г., Хейфец А. В. И.* Ленин на первой сельскохозяйственной выставке // Огонек. 1958. №6. С. 7.

Маковеев 1961 — *Маковеев Мих.* Двести лет они сеяли вечное // Красная Звезда. №287 (11587). 9 декабря 1961 г. С. 4.

Маковеев 1963 — *Маковеев М.* Династия учителей Раменских. М.: Советская Россия, 1963.

Маковеев 1985 — Обратить в пользу для потомков... / публ. М. Маковеева // Новый мир. 1985. №8. С. 195–212; №9. С. 218–236.

Молчанов 1980 — *Молчанов В.* Судьба старой медали // Правда. №158 (22588) от 6 июня 1980 г. С. 6.

РП 1968 — Рассказ о династии учителей Раменских // Ржевская правда. 25 августа 1968 г. №122 (10562). С. 2.

Соловейчик 1984 — *Соловейчик С.* Мы, Раменские... [О династии учителей Раменских] // Учит. газ. 1984. 12 янв.

Шевченко 1965 — *Шевченко Н.* По страницам «Письмовника» // Александр Чапаев и другие / сост. Г. В. Куликовская. М., 1965. С. 162–176.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

БХ 1975 — Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, 1870–1924. Том VI (июль 1918 г. — март 1919 г.). М.: Политиздат, 1975.

Козлов 2001 — *Козлов В. П.* «Бесценное собрание рукописей и книг» в последнем «акте» драматической судьбы Раменских // Обманутая, но торжествующая Клио: подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М.: Росспэн, 2001. С. 137–171; 219–221.

Рыбалка 2018 — *Рыбалка А. А.* «Мы, Раменские»: такой добрый хороший миф // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2018. №3 (16). С. 214–231.

Рыбалка 2019 — *Рыбалка А. А.* Антонин Раменский: Ленинский след // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2019. №2 (19). С. 158–171.

¹⁸ Сведения о службе четы Смольковых взяты из распоряжений, публикуемых в Журнале М. Н. П. и губернских Адрес-календарях.

ANTONIN RAMENSKY: THE FATE OF THE OLD COIN

Rybalka Andrey A. — Head of Department of Implementation of Systems and Means of information security, Scientific and Production Company “Kristall” (Penza)

Key words: mystification, hoax, Lenin museum, gift, medal, Ulyanovs and the Ramenskys

Abstract. The article sets forth the details of one of the late hoaxes by Antonin Ramensky (1913–1985), the author of the large-scale hoax “The Teacher Dynasty of Ramensky” of the presentation of a commemorative badge in honor of Karl Marx and pseudo-memories from the personal archive of the Ramensky family related to the memory of V. I. Lenin. The author shows the final development of the plot “Ulyanovs and Ramenskys” by a hoaxer, which is an attempt to maintain the public’s fading interest in his project.

REFERENCES

Kozlov V. P. "Bestsennoe sobranie rukopisei i knig' v poslednem "akte' dramaticheskoi sud'by Ramenskikh. *Obmanutaia, no to-zhestvuiuushchaia Klio: podlogi pis'mennykh istochnikov po rossiiskoi istorii v XX veke.* Moscow: Rosspen, 2001, pp. 137–171; 219–221.

Rybalka A. A. Antonin Ramenskii: Leninskii sled. *Istoricheskaia ekspertiza.* Zhurnal retsenzii, 2019, no. 2 (19), pp. 158–171.

Rybalka A. A. "My, Ramenskie': takoi dobryi khoroshii mif. *Istoricheskaia ekspertiza.* Zhurnal retsenzii, 2018, no. 3 (16). pp. 214–231.

Vladimir Il'ich Lenin. Biograficheskaia khronika, 1870–1924. Tom VI (iiul' 1918 g. — mart 1919 g.). Moscow: Politizdat, 1975.

СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА КАК ИПОСТАСЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ УТОПИИ

Ключевые слова: советский коммунистический проект, коммунистическая утопия, советская художественная литература, научно-фантастическая литература, Иван Ефремов, братья Стругацкие, эпоха оттепели в СССР.

Аннотация. Статья на основе анализа творчества многих советских писателей выявляет особенности преломления коммунистической утопии в советской научно-фантастической литературе 1920–1960-х гг.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-239-256

ПРЕДИСЛОВИЕ: О ТРЕХ КОНТЕКСТАХ «ТУМАННОСТИ АНДРОМЕДЫ»

Современный читатель, который решит прочесть роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды», сможет убедиться, что в литературном отношении этот роман совершенно чудовищен. Однако немаловажно, что роман столь подробно описывает общество будущего, что является во многом и не романом, а трактатом. Итак, перед нами роман-трактат, и не просто роман-трактат: перед нами — утопия, продолжение той великой литературной традиции, вечный образец которой дан в «Государстве» Платона и которая была «перезапущена» в эпоху Возрождения «Утопией» Томаса Мора.

В этой связи крайне характерны, на первый взгляд, противоречивые

заявления Л. Геллера и Ф. Нике, которые сначала говорят, что в 50–60-е гг. в советскую литературу под видом научной фантастики вернулась утопия, но затем сразу же утверждают, что Иван Ефремов был «единственным истинным утопистом» (Геллер, Нике 2003: 224–225). Действительно, среди других произведений фантастики той эпохи «Туманность Андромеды» — единственный роман-трактат, который, подобно утопиям XIX в., подробно описывает социум прекрасного будущего, можно даже согласиться с современными российскими авторами в том, что «Туманность Андромеды» — последняя классическая утопия в истории мировой литературы (Мартынов 2012: 212) и что Ефремов исчерпал тему социальной утопии (Комиссаров 2014: 78),

но, с другой стороны, примерно такой же социум — хотя и не так подробно и не с такой теоретической проработкой — изображается и в других произведениях советской фантастики той эпохи, так что позднейшие исследователи утверждают, что советские фантасты 60-х пришли к согласию относительно главных черт будущего (Бритиков 1970: 307) и что в произведениях Богданова, Ефремова, Мартынова, Стругацких, Гуревича, Снегова «мы имеем дело с одной и той же утопией» (Долгих 2018: 123).

Текст «Туманность Андромеды» можно рассматривать в трех отношениях: 1) как пример научной фантастики, 2) как часть культуры оттепели, советских «больших 60-х», эпохи, полной футуристических элементов, важнейшим проявлением чего было появление в программе КПСС обещания построить коммунизм, 3) как продолжение многовековой традиции европейской утопии, откуда «Туманность Андромеды» и взяла несколько важнейших тем.

Современные исследователи, изучающие культуру советских 60-х, не без некоторого удивления обнаруживают, что это было время совершенно обыденных и массовых размышлений о коммунистическом будущем, время утопических мечтаний — это, как пишут исследователи, был «период триумфа советской официальной утопии» (Фокин 2017: 102), время проникновения утопизма в общественное сознание (Буряк, Томаров 2019: 54). В частности, в эпоху оттепели коммунизм стал довольно банальной темой литературы, его постоянно обсуждают или хотя бы упоминают в разговорах герои самых

разных литературных произведений (Сидорова 2011: 86–89). В это время возникает клишированно описывающая коммунистическое общество научная фантастика и в это же время (точнее — с 1963 г.) в вузах появляется научный коммунизм — особая не то философская, не то футурологическая дисциплина, описывающая важнейшие черты коммунистического будущего. При этом, конечно, из всех появившихся в ту эпоху текстов, так или иначе описывающих будущее, «Туманность Андромеды» отличалась особой подробностью в описании коммунистического общества — и поэтому не приходится удивляться появлению в наше время утверждения, что в Советском Союзе идея коммунизма развивалась «не марксистами-ленинцами с соответствующих кафедр, и тем более не идеологами партийных комитетов», — нет, «их пытался представить в своих знаменитых утопиях И. А. Ефремов» (Ковалев 2014: 43).

Этапному значению «Туманности Андромеды» в истории фантастики в свое время также придавали огромное значение: в исследованиях советской эпохи можно прочесть, что 1957 г. — год публикации «Туманности» — «положил начало новому этапу в развитии научно-фантастической литературы и оказался для нее решающим рубежом» (Брандис, Дмитриевский 1963: 125), и даже что 1957 г. был годом рождения советской научной фантастики (Балабуха, Сморяков 1980: 187). Таким образом, «Туманность Андромеды» — роман, открывавший новую эпоху в истории русской фантастики, был одновременно завершением — или одним из завершающих текстов — в исто-

рии западной социальной утопии и при этом был одним из самых наглядных и подробных описаний коммунистического будущего в истории советской идеологии.

Впрочем, границы между упомянутыми контекстами — и, в частности, между научно-фантастическим и утопическим контекстом — довольно условны.

В русской научной фантастике XX в. мы видим целый ряд повестей и романов, которые, безусловно, — хотя и в разной степени — являются продолжением европейской традиции коммунистической утопии и которые в истории русской литературы группируются вокруг трех хронологических волн.

К первой волне, приходящейся на дореволюционный период, относятся романы Александра Богданова о коммунистическом строе на Марсе «Красная Звезда» и «Инженер Мэнни» — в этот период в русской литературе появилось несколько утопических романов, повестей, рассказов, но, кажется, только Богданов однозначно разрабатывал именно коммунистическую утопию.

Вторую волну мы наблюдаем в 1920-х — начале 1930-х гг., к ней относятся «Страна Гонгури» Вивиана Итина (1922), «Грядущий мир» Якова Окунева (1924), «Через тысячу лет» Вадима Никольского (1927), «Следующий мир» Эммануила Зеликовича (1930), «Страна Счастливых» Яна Ларри (1931).

Границы третьей волны утопической фантастики определяются как конец

1950-х — начало 1970-х, она воплотилась прежде всего в творчестве Ивана Ефремова и раннем творчестве братьев Аркадия и Бориса Стругацких, но к ней же примыкают многие фантастические романы и повести их современников — Владимира Тендрякова, Сергей Гуревича, Генриха Альтова, Георгия Мартынова, Сергея Снегова. В этот же период научная фантастика, несущая черты коммунистической утопии, создается в восточноевропейских странах, незадолго до этого попавших под советский идеологический контроль, — укажем в этой связи на некогда популярные и переведенные на русский язык книги Яна Вайсса «Страна наших внуков» и «Магелланово облако» Станислава Лема.

Что мы видим в изображаемом фантастами коммунистическом обществе?

БЕЗ АКУЛ И ЗИМЫ

Прежде всего — что человечество выступает как великий реформатор природы и географии. В «Туманности Андромеды» человеческие поселения сдвигаются к тропическим прибрежным районам, крупные известные нам города расселяются, северные средние широты отдаются под сельское хозяйство, в тайге лиственницы заменяются на секвойи, ну и в конце романа ставится вопрос об изменении наклона земной оси. Переставляются места и климатические зоны: «Суровая природа отодвинута рукой человека далеко на север, и живительное тепло юга пролилось на эти равнины, когда-то стынущие под холодными

тучами». Полностью уничтожены вредные животные — такие как акулы и гиены.

С современной точки зрения, «Туманность Андромеды» совершенно антиэкологична. Но надо учесть, что вся риторика отношений человека и природы в первой половине XX в. была построена на милитаризированных метафорах борьбы — завоевания (покорения), и в произведениях о будущем эта тема часто заострялась. Так, в «Красной звезде» Богданова марсианин отрицает, что существование их цивилизации счастливое и мирное — хотя между людьми царствует мир, но нет и не может быть мира со стихийностью природы. В 1928 г. эту мысль повторяет психолог Арон Залкинд в своей статье о психологии человека при коммунизме: противоречия даже при коммунизме останутся, но «противоречия вскроются в новой области: в отношениях человечества с окружающей средой. Мироздание, среда всего мира — вот кто будет тем жестоким новым “классовым врагом”, на которого ринется все коммунистическое человечество» (Залкинд 1928: 468).

В романе Вадима Никольского «Через тысячу лет» говорится, что мелодия гимна Единого человечества олицетворяет победу человеческой воли над инертностью природы.

Дикая идея уничтожения множества животных не оригинальна, такое же «предложение» в своих футуристических проектах выдвигали Фурье и Циолковский, позже эта идея воспроизводится в романе Георгия Мартынова «Каллистяне» (1960).

Нельзя не упомянуть и Николая Федорова, который отдельно требовал противостоять вредным климатическим явлениям — смерчам, ураганам, засухам, наводнениям — и преобразовать для этого армию с ее артиллерией в специальные силы метеорологической регуляции. В «Открытии Риэля» Вивиана Итина, романе 1920-х гг., так же как в «Туманности Андромеды», люди живут лишь в теплых районах планеты, а в более холодных — там, где вместо плодовых деревьев растут леса, — человеческого жилья нет. Идеи резкого «подогрева» северной природы развивались в публицистике Андрея Платонова, названия статей которого говорят сами за себя: «Об улучшении климата» и «Горячая Арктика». Столь же решительное преобразование природы мы находим в посвященных будущему стихах Маяковского: в стихотворении «Два мая» в будущем нет ни осени, ни зимы и есть ключи, которыми можно включать и выключать солнце, а пустыня Гоби засеяна растительностью; в поэме «Летающий пролетарий» к «промышленной продукции» отнесено и изготовление дождей.

Разумеется, тема масштабного преобразования природы и, в частности, климата широко эксплуатируется советской научной фантастикой; в «Стране счастливых» Яна Ларри обсуждается восстановление Берингова перешейка; в романе Григория Адамова «Изгнание владыки» (1946) реализуется проект растапливания арктических льдов путем перенаправления в Арктику Гольфстрима; в один год с «Туманностью Андромеды» выходит роман А. Казанцева «Полярная мечта», в котором Север-

ный морской путь избавляется от льдов с помощью гигантского мола. О герое «Магелланова облака» Станислава Лема, романа, переведенного на русский уже после издания «Туманности Андромеды», но написанного на два года раньше, говорится, что он родился в той точке Гренландии, где тропический климат переходит в умеренный. В романе Георгия Гуревича «Мы из Солнечной системы» Арктика еще не обогрета, полярные города накрыты климатическими куполами, однако среди персонажей этого романа упоминается «враг зимы, великий отоплитель, автор проекта уничтожения полярных зон», и мы узнаем, что на земле «позади столетие борьбы с пустынями, когда все безводные земли мы превратили в увлажненные; историки называют его веком орошения. Позади столетие борьбы с излишней влагой в тропиках, ликвидация ненужных нам болот, озер и морей — Северного, Эгейского, Желтого».

В «Туманности Андромеды» человечество переселяется в теплые приморские области с изменением наклона земной оси, но в написанном за четверть века до «Туманности» романе Э. Зеликовича «Следующий мир» эта же проблема решена радикально, правда, ценой очень сложных астрономических манипуляций: описываемая Зеликовичем коммунистическая планета Айю находится в двойной звездной системе, ось этой планеты обладает сильной и быстрой процессией, так что в итоге планета хорошо обогревается со всех сторон и на всей ее поверхности наблюдается тропический климат. Это, конечно, не Земля, но такой тропический рай можно устроить и на Земле: че-

рез 10 лет после «Туманности Андромеды» фантаст Сергей Снегов пишет «мягкую пародию» на космическую фантастику — роман «Галактическая разведка». В нем, явно отсылая к «Туманности», в которой опыт с земной осью для смягчения климата только обдумывается, он пишет: «Конечно, с тех пор как Управление Земной Оси научилось ориентировать в пространстве нашу планету, различия в климате разных широт смягчились. Еще на моей памяти в Антарктике в иные зимы бушевали бесконтрольные снежные бури. Лет пятнадцать назад всерьез обсуждалось, не установить ли на Земле стационарный климат — вечное лето в тропиках, вечную весну на высоких широтах».

Впрочем, в «Госте из бездны» Георгия Мартынова планируют изменить не только наклон земной оси, но и саму орбиту Земли, пока же это не произошло, в романе Мартынова все погоды контролируются и меняются только по расписанию или по заказам, а в полярных широтах светят искусственные солнца, морозы и зима во многих местах отменены.

Таким образом, все преобразования природы делаются во имя того, чтобы природный ландшафт стал совершенно безопасным и бессобытийным пространством, чтобы природа перестала быть источником беспокойства.

Экологические идеологии в момент создания «Туманности Андромеды» были еще слабы, и поэтому единственного идейного противника своей концепции преобразования природы Ефремов видел в руссоизме,

которому посвятил отдельный пассаж: «Горе-философы, мечтавшие о возвращении назад, к первобытной природе, не понимали и не любили природу по-настоящему, иначе они знали бы ее беспощадную жестокость и неизбежное уничтожение всего, не подчинившегося ее законам». Таким образом, титанизм преобразования природы — у Ефремова и в других утопиях фурьеристского типа — является обратной стороной природобоязни — можно сказать «физиофобии».

ДУРНАЯ ЕСТЕСТВЕННОСТЬ

Впрочем, понятие «природы» для Ефремова значит нечто большее, чем погода, ландшафт и животные — поскольку дикость природы даже на уровне словесных выражений неотделима от несовершенства древних обществ. Характеризуя прошлое человечества, Ефремов использует выражение «доисторическое прозябание среди беспощадной природы». Теперь же человечество освобождено «от тяжелых забот и опасностей природы или примитивного общества» — два вида «плохой естественности» здесь, таким образом, идут «через запятую». Здесь лозунгом утопии становится: все, что естественно — безобразно, включая традиционный социум и дикий ландшафт. А в романе «Час быка» (действие которого происходит в той же Вселенной, что и «Туманность Андромеды», но в более позднее время) для опасной и несущей горе природы, переходящей в «темные» века истории, придуман специальный термин — «Инферно», который понимается, в сущности, как синоним дарвиновской эволю-

ции: «Естественный отбор природы предстал как самое яркое выражение инфернальности»; «Природа не считается с жертвами в достижении цели. Человек мудрый так поступать не может».

Отталкиваясь одновременно от «ужасов» древней и средневековой человеческой истории и от ужасов живой природы, советский просветительский проект, наиболее ярко запечатленный в утопической научной фантастике, разумеется, наследовал Просвещению XVIII в., но с одной оговоркой: это было Просвещение, полностью очищенное от следов руссоизма, полностью свободное от сколько-нибудь романтического отношения к любым проявлениям естественности. Описанный в «Туманности Андромеды» Остров Забвения, куда не желающие жить «напряженным трудом» люди удаляются, чтобы заниматься земледелием, был создан именно из полемики с руссоизмом, остров был предоставлен «руссоистам» как возможность отступления и «отдыха», но на этом острове мы становимся свидетелями трех несовершенств естественного: несовершенства природы (герой подвергается опасности нападения сбежавших из заповедника тигров), несовершенства общества (земледелие и рыболовство не позволяют прокормить население острова, большой мир вынужден снабжать их консервами), несовершенства человека (мы становимся свидетелями попытки изнасилования, предпринятой бывшим ученым — «эгоистом»).

Стругацкие ближе всех к этой формуле «Тройного отвращения» подходят в повести «Трудно быть богом», где

землянин на средневековой планете вынужден смириться и с жестокостью людей, и с дикостью общества, и с грязью и запахами — как недопустимым в утопическом социуме нарушением границ между сферой разума и дикой природой. Рассказывая своей подруге Кире о далекой прекрасной Земле, герой «Трудно быть богом» дон Румата упоминает «веселые сады на много миль без гнилья, комаров и нечисти» — отсутствие комаров и гниющих растений, замена дикого леса упорядоченным садом и тут выступают признаком утопизации реальности. В карикатурном сконцентрированном виде это тройное отвращение к «ветхим» природе, социуму и человеку вышло на свет в экранизации последнего романа Алексеем Германом — так что «грязь» этого фильма оправдана прежде всего как описание страхов и «подсознания» рационализирующего, утопически ориентированного разума.

Разумеется, произведения советской фантастики создавались на фоне звучащих в советской пропаганде заклинаний о том, что революция покончила с темным прошлым, своеобразное отвращение к прошлому как к полному несправедливости и эксплуатации бедняков было константой советской официальной культуры; и в романе Георгия Мартынова «Гость из бездны» человек XXXVII в., для которого Октябрьская революция — далекое прошлое, тем не менее говорит: «Все, что было до Великой революции, кажется мне сплошным мраком. Здесь зажегся первый луч света». Однако у Ефремов и в меньшей степени у Стругацких это отвращение доходит зачастую до гностической радикальности.

ВЕТХИЙ ЧЕЛОВЕК

Отрекшись от руссоизма и естественности, Ефремов и советская утопия XX в. не могли доверять человеческой природе, Ефремов фактически видел в человеке третье проявление «безобразного естественного» — наряду с ужасами дикой природы и древней истории. Ефремова беспокоит человеческая природа, с ее темными инстинктами и, самое главное, с опасностью эгоизма, которые подлежат сложному постоянному исправлению с помощью дисциплины и воспитанию. Слово «инстинкт» очень часто употребляется в текстах и «Туманности Андромеды», и «Часа быка», и почти всегда в негативном контексте, как темное наследие, с которым следует бороться. В «Часе быка» читаем: «Инферно для души — это первобытные инстинкты, плен, в котором человек держит сам себя, думая, что сохраняет индивидуальность».

То, что боязнь греховной и эгоистической природы человека находится в тесной связи с боязнью опасной и непокоренной природы, вообще прекрасно выражается следующим абзацем из «Туманности Андромеды»: «Океан — прозрачный, сияющий, не загрязняемый более отбросами, очищенный от хищных акул, ядовитых рыб, моллюсков и опасных медуз, как очищена жизнь современного человека от злобы и страха прежних веков. Но где-то в необъятных просторах океана есть тайные уголки, в которых прорастают уцелевшие семена вредной жизни, и только бдительности истребительных отрядов мы обязаны безопасностью и чистотой океанских вод. Разве не так же в прозрачной юной душе вдруг

вырастают злобное упорство, самоуверенность кретина, эгоизм животного?» В «Туманности Андромеды» эгоизм сравнивается с чудовищами из глубин океана, а в «Часе быка» — с некими глубинными геологическими образованиями: «Подобно нефти и солям из глубин планеты, здесь изпод сорванного покрова воспитания и самодисциплины поднялись со дна душ архаические остатки звериной психологии — пережитки первобытной борьбы за выживание».

Но и эта природа подлежит реформе. Одно из самых важных понятий «Туманности Андромеды», чрезвычайно часто встречающихся в ее тексте, — это понятие «дисциплина», которое очень тесным образом связано с такими понятиями, как, с одной стороны, «эгоизм», а с другой стороны — «воспитание». Коммунистическое общество может существовать, только если его члены преодолели свой природный эгоизм, преодоление эгоизма происходит через дисциплину, дисциплина же достигается только тщательным воспитанием: «Перед человечеством, объединившим колоссальные массы людей, стоял реальный выбор: или подчинить себя общественной дисциплине, долготу воспитанию и обучению, или погибнуть». В другом месте автор «Туманности Андромеды» пишет, что «самая великая борьба человека — это борьба с эгоизмом!» Если человек, как говорит Ефремов, «не подчиняется авторитету общества, направленного к мудрости и добру...» — в результате «легко срывается покров дисциплины и общественной культуры».

Как говорит в романе педагог, обращаясь к учащимся, «перед человеком

нового общества встала неизбежная необходимость дисциплины желаний, воли и мысли. Этот путь воспитания ума и воли теперь так же обязателен для каждого из нас, как и воспитание тела». В результате такого воспитания человек лишается собственных желаний и начинает на все смотреть с точки зрения коллектива: «Изучение законов природы и общества, его экономики заменило личное желание на осмысленное знание. Когда мы говорим: “Хочу”, — мы подразумеваем: “Знаю, что так можно”. Еще тысячелетия тому назад древние эллины говорили: метрон — аристон, то есть самое высшее — это мера. И мы продолжаем говорить, что основа культуры — это понимание меры во всем...»

Что прежде всего надо сказать об этой ефремовской теории дисциплины — что она вполне «ленинская». Ленин, когда пишет о коммунистическом труде — тоже все время говорит о дисциплине, имея в виду, разумеется, внутреннюю дисциплину, самодисциплину, в результате которой достигается «победа над собственной косностью, распушенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину», в результате этой победы родится «новая общественная дисциплина» (Ленин б/д). Влияние Ленина исключать в данном случае нельзя, тем более что в 1960-х гг. специалисты по научному коммунизму писали о необходимости борьбы с оставшимися от классового общества пережитками эгоизма (Петров 1969: 185–206).

В ранних («коммунарских») произведениях братьев Стругацких нет

такой развернутой теоретической проработки, и все же моральная ориентация этих произведений не вызывает сомнений, и Марк Амусин, говоря о моральных качествах человека из «Мира Полдня», отмечает приоритет альтруизма, «готовность переступить через личные желания и интересы, солидарность и доминирование коллективистского мировоззрения» (Амусин 2013: 227). Что касается столь важной для Ефремова борьбы с эгоизмом, то в творчестве Стругацких она предстает как проходящая лейтмотивом через самые разные их тексты борьба с мещанством — герой повести «Стажеры» говорит, что мещанин опасен не только для коммунизма, но для всего человечества, мещанин — это «человек и скотина», чьи желания принимают чудовищные формы — жажды власти, поклонения и т. д.

О мещанах-скотах, способных погубить мир, порождающих фашизм — говорится и в повести Стругацких «Попытка к бегству». Символом мещанства становится жуткий спрут из недописанной повести Стругацких «Дни Кракена». Жутковатое продолжение этой борьбы с мещанством и эгоизмом находим в романе «Понедельник начинается в субботу», где человек может быть магом (а значит, полноценным сотрудником магического Института) «только тогда, когда начинает меньше думать о себе и больше о других», и далее — «стоило сотруднику предаться хотя бы на час эгоистическим и инстинктивным действиям (а иногда даже просто мыслям)» — как его уши начинали обрастать шерстью, и он начинал деградировать, превращаясь в нечто обезьяноподобное. В повести

«Хищные вещи века» мы видим целую страну, изображаемую в негативном ключе — поскольку ее жители поглощены удовольствием и потреблением и не желают работать.

Материальное благополучие в текстах Стругацких часто выступает как фактор, отвлекающий от труда. Именно поэтому Саул, герой повести «Попытка к бегству», беспокоится, что если на не прошедших все стадии исторического развития аборигенов обрушить материальное изобилие, то получатся «разжиревшие бездельники, у которых не будет ни малейшего стимула к деятельности», а в раннем варианте повести «Хищные вещи века» мы видим спор о двух концепциях революции: если некий отрицательный персонаж-путчист говорит, что «все великие революционеры дрались за изобилие», то главный герой ему возражает: «И напрасно вы ссылаетесь на великих революционеров. Они бы не приняли ваш лозунг: теперь вы свободны, развлекайтесь. Они говорили иначе: теперь вы свободны, работайте. Они ведь никогда не дрались за изобилие для брюха, их интересовало изобилие для души и головы».

Аналогичный «антимещанский» пассаж мы находим в фантастической повести Владимира Тендрякова «Путешествие длиною в век», где тоже изображается коммунистическая будущее и которая была написана в 1963 г., т. е. сразу после главных утопических произведений Ефремова и Стругацких. У Тендрякова враги названы «утилитаристами»; один из второстепенных персонажей, типичный утилитарист, заявляет, что человек «живет, чтоб жить, чтоб

существовать», что у человеческой жизни «никакой другой сверхвысокой цели нет», «а для того, чтобы жить безбедно, по возможности счастливо, вовсе не надо рваться куда-то в преисподнюю» — таким образом, утилитарист ставит под сомнение необходимость столь важной для тогдашних фантастов-утопистов космической экспансии. Как комментирует «положительный герой» Тендрякова, утилитаристы царствовали в каменном и бронзовом веке, но нынешнее, рвущееся в космос человечество отнюдь не таково, и при этом, ставя окончательный диагноз идеологическому врагу, герой Тендрякова вполне в ефремовском, анти-руссоистском духе говорит: «утилитаризм — атавистическая отрыжка, наследство животных, самых законченных утилитаристов».

Обратим особое внимание, что утилитарист у Тендрякова спорит именно о том, нужны ли человечеству полеты в космос; эта тема — своеобразная «лакмусовая бумага», которая выявляет «ветхого человека» в советской утопической фантастике. В основе сюжета «Страны счастливых» Яна Ларри (1931) лежит борьба с консерваторами за возможность развивать космический проект; в «Полдне, 22 век» Стругацких этой теме посвящен очень важный спор, в котором провозглашается, что именно в занятиях межзвездными полетами человек проявляет себя как познающее существо, а не как «скот». Герои Ефремова в финале «Туманности Андромеды» ради очередной межзвездной экспедиции готовы снизить потребление в планетарном масштабе. Можно также указать на две написанные в эту же

эпоху (конец 1950-х — начало 1960-х) новеллы — «Испытание СКИБР» Стругацких и «Звезда и женщина» Яна Вайсса (входит в сборник «В стране наших внуков»), в которых главный герой осознает, что морально обязан пожертвовать своим личным счастьем, своей любовью и любимой женщиной ради полета в космос. Космос является в некотором смысле тут синонимом «будущего» — и космос, и будущее в данном случае являются примерами отдаленных, стратегических целей, к которым настоящий человек должен стремиться — и этому мешают все текущие мелкие интересы и мещане как люди, приверженные этим текущим интересам.

ЗАЧЕМ НУЖНЫ ИНТЕРНАТЫ

У Ефремова борьба с эгоизмом происходит в системе общественного воспитания, которая в самой жесткой форме требует отрыва ребенка от семьи, так что Ефремов через своего героя предлагает совершенно чудовищную формулировку: «Одна из величайших задач человечества — это победа над слепым материнским инстинктом». За отрицание семьи Ефремова стали критиковать сразу же после выхода его романа, однако по сути Ефремов не предпринимает какой-то специальной атаки на семью — скорее, ее отсутствие в построенной им Вселенной является интегральным последствием самых разных «вводных», среди которых — свобода любви, общая редукция личной жизни и личного пространства, отсутствие собственного жилья, отсутствие социального неравенства и материальной зависимости лю-

дей друг от друга, высокая территориальная мобильность, связанная, в частности, с постоянной сменой профессий, но самое главное — полный отрыв родителей от детей и передача воспитания детей в руки общественных институций.

Тема общественного воспитания детей вообще является классической и для западной утопии, и для социалистической мысли — по словам Всеволода Ревича, коллективное воспитание представляло собой «идефикс утопистов» (Ревич 1998: 31). В интернатах разного вида («домах детей», «дворцах детей», «горных террасах») воспитываются дети во многих русских фантастических романах начиная с самого начала XX в. — в «Красной звезде» Богданова, «Грядущем мире» Окунева, в «Следующем мире» Зеликовича и, конечно, в «Туманности Андромеды» Ефремова и в «Возвращении» и «Далекой Радуге» Стругацких.

Утопия — начиная со своих античных образов — испытывает определенное недоверие к «человеку естественному», находящемуся во власти прошлого, во власти преемственности с предыдущими поколениями, воспринимающего свойства своих родителей. Для учреждения утопии нужен совершенно новый человек, чьи «нравы» и свойства должны быть смоделированы заново, и в этом может помешать любая нитка, связывающая человека с прошлым — начиная с его родителей. Поэтому нужно изолировать человека в рамках искусственного воспитательного механизма, как бы это ни было сомнительно в глазах и читателей, и даже некоторых персонажей уто-

пии (и Ефремов в «Туманности Андромеды», и Стругацкие в «Далекой радуге» выводят матерей, противящихся интернатскому воспитанию), однако это является условием существования утопии, и даже более того — одним из фундаментальных методов учреждения утопического общества.

В «Туманности Андромеды» в репликах персонажей можно найти тезисы, которые вполне ясно объясняют, почему автор — понимая явную уязвимость перед лицом критики — вынужден требовать общественного воспитания детей:

«Безвозвратно прошло время, когда общество удовлетворялось кое-как случайно воспитанными людьми, недостатки которых оправдывались наследственностью, врожденной природой человека».

«Только коллективное воспитание детей специально отобранными и обученными людьми может создать человека нашего общества».

«Новые общественные отношения без новых людей совершенно так же немислимы, как новые люди без этой новой экономики. Тогда — понимание привело к тому, что главной задачей общества стало воспитание, физическое и духовное развитие человека».

У братьев Стругацких — и в особенности у Бориса Стругацкого — в публицистике, касающейся концептов Человека воспитанного и Высокой теории воспитания, в сущности повторяются сходные тезисы: без нового человека желаемое общество

будущего невозможно, возникнуть новый человек может только в результате некоего высокопрофессионального воспитания: «Проблема формирования Человека Воспитанного — это проблема всех проблем. И фигура Учителя в этом процессе — наиглавнейшая. Высокая Теория Воспитания и реализация этой теории на практике есть фундаментальное условие нравственного прогресса, без которого человек навсегда останется «дикарем с гранатометом наперевес» (Луц б/д).

Утопия не просто порождает новых людей, она требует нового человека как релевантного конструктивного элемента своей социальной системы, эта система не рассчитана на обычных людей как слишком хороший автомобильный двигатель не рассчитан на низкокачественный бензин, так что человека нужно каким-то способом трансформировать, прежде чем идеальная система сможет быть запущена на полную мощность. Конечно, не будем забывать, что фантастика Ефремова и Стругацких появилась в государстве, чьи идеологи в течение многих десятилетий рассуждали о воспитании человека нового типа, об изменении сознания — и при этом не пытавшиеся придумать никаких новых методов этого «антропогенеза», кроме тотальной пропаганды, пронизывающей также систему образования.

Соблазнительность утопий де-факто возникает не только потому, что в них изображаются общества с другими конституциями и другими экономическими принципами, но и потому, что они населены людьми иной природы — более моральными, более

здоровыми, а кроме того — адаптированными к странной и уязвимой коммунистической экономике — готовых работать несмотря на отсутствие стимулов и сдерживать потребление несмотря на отсутствие принудительных сдержек. Именно поэтому прозвучавшие некогда в эмигрантских кругах обвинения, что для Ефремова характерен фашистский культ молодости и здоровья (Спор... 1978: 155, 164–165) — не то, чтобы не верны, а не учитывают контекст — мечта о преображенном человеке, о молодых и здоровых телах, наполнивших земные города, стандартна для утопии — и во многом составляет один из стереотипных утопических элементов, присутствующий также и в фашистской идеологии — но отнюдь не только в ней. Утопия обязательно должна включать в себя некоторую антропологию, причем антропология является обязательным дополнением к утопической экономике и важнейшим способом рекламы самого утопического проекта.

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

В тексте «Туманности Андромеды» мы дважды встречаем эпитет «научный» в качестве характеристики общества будущего — а именно в таких словесных конструкциях, как «совершенная форма научного построения общества», и «переустройство жизни на научных основах». В этих словесных выражениях Ефремов более или менее соответствует духу советской идеологии с ее культом «научного социализма», можно тут увидеть и воспоминание о понятии «просвещенное научное государство», употребленном Гербертом Уэл-

лсом в романе «Люди как боги». Однако наука и «научность» являются для «Туманности Андромеды» — как, впрочем, и для всей русской утопии второй половины XX в. — чем-то куда большим, чем просто источником плана переустройства общества.

Прежде всего, наука была источником роста могущества человечества, способом покорения природы.

Но у науки в утопиях XX в. были и другие функции: наука была пространным наилучшим из всех видов труда — научных исследований, занятие которыми объявляется Ефремовым главной работой всего населения планеты.

И, кроме того, наука должна была быть главным источником политических кадров — в сущности, способом образования политической элиты, и тут стоит особо отметить, что представление о политической власти интеллектуалов, мудрецов, носителей сакрального знания появилось в утопической литературе задолго до того, как сформировалось новоевропейское понятие о науке — но, когда это произошло, утопическая литература легко и без явных скачков перешла к концепции власти ученых и инженеров.

Говоря о культе науки в эпоху советских 60-х, Вайль и Генис так формулируют политическую «Программу», бытовавшую в рамках этого футуристического культа: «Ученые должны прийти на смену политикам. Точные науки заменят приблизительную идеологию. Технократия вместо партократии поведет страну к утопии, потому что в ее руках таблица умножения» (Вайль, Генис 1998: 103).

У идеи власти ученого в утопическом универсуме две функции. Как решение внутренних конструктивных проблем утопического социума ученый у власти должен быть залогом того, что утопический социум будет сохраняться и воспроизводиться в предусмотренном автором рационализированном разумном виде: ученый правитель является одновременно знатоком и хранителем всех рецептов утопического общежития, всей конституции счастливого общества. С другой стороны, как орудие критики социальной реальности идея ученого правителя является надеждой на интеллектуализацию власти, на разумность политики, и в этом качестве она является плодом стереотипного отвращения утопистов ко всему естественному, сложившемуся не по разумному плану.

Наука оказалась «тематическим узлом», в котором сошлось сразу нескольких совершенно фундаментальных для утопии «воображаемых благ», — не будет большим преувеличением сказать, что утопия является прежде всего повествованием о раскрытии благих возможностей науки — или, говоря точнее, и учитывая, что наука есть явление исторически сравнительно недавнее, — о раскрытии возможностей тотальной интеллектуализации человеческого бытия:

Однако тот акцент на науке, который возникает в утопических текстах XX в., имел особое значение — а именно он сблизил в пространстве утопии темы интеллектуализации и тотальной трудовой мобилизации.

Важнейший переворот в футурологических представлениях,

произошедший во второй половине XX в., заключался в том, что в роли наиболее часто приводимого образца для труда-наслаждения — и в особенности будущего коммунистического труда-наслаждения — наука встала рядом с искусством, а затем и почти вытеснила искусство.

В первой половине XX в. утопическое удовольствие от труда конструировали чаще по образцу труда деятелей искусства, но во второй половине века на роль образцовых бескорыстных энтузиастов были взяты ученые — тем более что научное исследование было признано важнейшей сферой деятельности для людей будущего. Смена образца с художника на ученого произошла на фоне резкого увеличения количества научных сотрудников и значительного увеличения интереса общества к науке, причем не только как к источнику новых технических возможностей, но и как особому социальному институту и даже особой социальной среде. В культуре было сделано «открытие» — та особая любовь, которую ученые питают к своему труду, вполне может быть образцом коммунистического труда. Об этом «открытии» точно пишут Петр Вайль и Александр Генис в своей книге о культуре 60-х: в ученом видели «новый тип личности — личность, освобожденную от корыстолюбия и страха, творческую, полноценную и гармоничную». И далее: «Царство науки казалось тем самым алюминиевым дворцом, в который звал Чернышевский. Счастливики, прописанные в этом дворце, жили уже при коммунизме» (*Вайль, Генис* 1998: 102). Свидетельство такого отношения к науке можно увидеть

в романе Даниила Гранина «Иду на грозу» (1961), где главный герой доказывает, что ученый «воплощает в себе черты человека коммунизма, поскольку работа для него — потребность, удовольствие».

Тут важно добавить, что, как пишут Вайль и Генис, «нагляднее и доступнее всего создавала и обслуживала миф о науке как бы специально для этого придуманная фантастика. Не случайно этот жанр стал самым популярным в стране» (Там же: 103).

Творчество ранних Стругацких было, наверное, наиболее чистым выражением этого мировоззрения, и тут особенно важно, что Стругацкие, как свидетельствуют многие оставленные ими тексты, считали страсть к познанию особой антропологической величиной, значимой частью человеческой природы, которая при благоприятных обстоятельствах может стать доминирующей. В Институте чародейства и волшебства в романе Стругацких «Понедельник начинается в субботу» принята «рабочая гипотеза», что счастье «в непрерывном познании неизвестного и смысл жизни в том же» — т. е. общечеловеческая формула счастья была скроена явно под вкус ученых, но, с другой стороны, труд ученого был признан способным приносить счастье — короткая формула имела, таким образом, двойной социальный смысл. Из этой формулы счастья вытекает очень жесткая трудовая мобилизация: человек, пишут авторы «Понедельника», становится магом, «когда работать ему становится интереснее, чем развлекаться в старинном смысле этого слова», название романа собственно означает от-

каз сотрудников магического НИИ от выходных, и важная часть сюжета романа заключается в том, что сотрудники института в новогоднюю ночь отказываются от празднования и приходят работать. Как говорит герой «Полдня», «Сначала он (человек. — К.Ф) говорит: “Хочу есть”. Тогда он еще не человек. А потом он говорит: “Хочу знать”. Вот тогда он уже Человек». И далее: «Это от нас не зависит. Есть закон: стремление познавать, чтобы жить, неминуемо превращается в стремление жить, чтобы познавать. Неминуемо!» В написанном в 1962 г. докладе «Человек и общество будущего» писатели утверждают, что «человек по самой своей природе стремится к познанию» — и со временем это стремление станет основной движущей силой общества (Бондаренко, Курильский 2008: 579). Очень точно в книге Ю.С. Черняховской о братьях Стругацких глава, посвященная «Миру Полдня», называется «Общество Познания» (Черняховская 2016: 185).

Эта идея распространилась по фантастике той эпохи. Герой фантастической повести Тендрякова «Путешествие длиною в век» говорит: «В нас живет потребность познать новое. Потребность как голод, как сон, без нее нет человека. Когда люди насытятся знаниями и скажут: “Хватит!” — считай — смерть. Цель жизни, смысл ее — познай непознанное!» Любопытно в этой связи замечание А. Бузгалина, что в романах Стругацких отразился «протокоммунистический образ жизни», возникший в советских наукоградах (чье появление — одно из достижений 60-х) (Бузгалин 2016: 9).

Самой способности получать удовольствие от творчества человек тоже должен научиться — в ходе все того же радикального общественного воспитания. Как говорится в «Туманности Андромеды», задача воспитания — «освободиться от власти мелких стремлений и мелких вещей и перенести свои радости и огорчения в высшую область — творчество». Ефремов таким образом ставит вопрос о соревновании «мелких вещей» и «творчества» за человеческое внимание.

Братья Стругацкие были не просто согласны с этой мыслью, но делали на ней даже больший акцент, чем Ефремов. Так, в одном из своих интервью Борис Стругацкий говорит, что цель Высокой теории воспитания — «воспитание поколения людей, главным наслаждением которых и главной потребностью является успешный творческий труд» (Offline... 2009). И тут мы сталкиваемся с коллизией, о которой много размышляли Стругацкие и которая была чрезвычайно важной для всей русской утопической фантастики XX в. Хотя страсть к познанию — фундаментальная часть человеческой природы, но ее еще надо создать, воспитать, вырастить — иначе она может не актуализироваться. Как следует из многих текстов Стругацких, эта неминуемость отнюдь не гарантирована — если не выпестована и не поддержана. В упомянутом выше докладе «Человек и общество будущего» Стругацкие, с одной стороны, утверждают, что человек стремится к познанию по своей природе, но, с другой стороны, «необходима еще и огромная воспитательная работа, чтобы помочь человеку подняться, наконец, с четверенек, освободить

его духовные силы и умственную энергию, помочь ему осознать тот факт, что он по определению является существом, живущим для того, чтобы мыслить и познавать» (Бондаренко, Курильский 2008: 142).

Утопическое коммунистическое общество обещало создать условия, где все бы наслаждались своим творческим трудом, но более того: оно обещало вас научить получать наслаждение от творчества. Платоновская академия, аристотелевский Лицей — вот чем должна была стать утопия по Ефремову — Стругацким.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Балабуха, Сморяков 1980 — Балабуха А., Сморяков В. Научная фантастика — факты и проблемы // Звезда. 1980. № 12.

Залкинд 1928 — Залкинд А. Психология человека будущего // Жизнь и техника будущего. М.; Л.: Московский рабочий, 1928.

Ленин б/д — Ленин В.И. Великий почин. URL: leninism.su/works/78-tom-39/640-veliki-pochin.html.

Луц б/д — Луц Ю. От человека разумного к человеку воспитанному. Интервью с Борисом Стругацким. URL: www.manwb.ru/articles/philosophy/filosofy_and_life/StrugatzInt_JulLuz/.

Спор... 1978 — Спор об Иване Ефремове. Круглый стол редакции // Время и мы. 1978. № 33.

Off-line... 2009 — Off-line интервью с Борисом Стругацким. Март 2009. URL: www.rusf.ru/abs/int0126.htm.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Амусин 2013 — Амусин М. От утопии к атараксии // Вопросы литературы. 2013. № 4.

Бондаренко, Курильский 2008 — Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. М., 2008.

Брандис, Дмитриевский 1963 — Брандис Е.П., Дмитриевский В.И. Через горы времени: Очерк творчества И.Ефремова. М.: Советский писатель, 1963.

Бритиков 1970 — Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970.

Бузгалин 2016 — Бузгалин А. Советский полдень: свет и тени (Заметки о потенциале и противоречиях «оттепели» 1960-х) // Альтернативы. 2016. № 3.

Буряк, Томаров 2019 — Буряк Е.М., Томаров А.В. «Призрак коммунизма» в советской литературе. Образ советского будущего эпохи оттепели // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2019. Т. 29, № 1.

Вайль, Генис 1998 — Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Геллер, Нике 2003 — Геллер Л., Нике Ф. Утопия в России. М.: Гиперион, 2003.

Долгих 2018 — Долгих А.Ю. Утопия и антиутопия: Пути развития русской научной фантастики в XX веке. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2018.

Ковалев 2014 — Ковалев В.А. Наша фантастическая политика: социально-политические утопии в современной фантастике. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014.

Комиссаров 2014 — Комиссаров В. Советская интеллигенция 1960–1970-х гг. и переосмысление общественных проблем в рамках научной фантастики // Клио. 2014. № 6.

Мартынов 2012 — Мартынов Д.Е. Роман И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» как классическая утопия // Иван Ефремов и русский космизм: сб. науч. ст. СПб.: СПбГИЭУ, 2012.

Петров 1969 — Петров Э.Ф. Эгоизм: философско-этический очерк. М.: Наука, 1969.

Ревич 1998 — Ревич В.А. Перекресток утопий (судьбы фантастики на фоне судеб страны). М.: Институт востоковедения Российской Академии наук, 1998.

Сидорова 2011 — Сидорова Г.П. Идеал коммунизма в массовой литературе «оттепели» как художественная репрезентация советской культуры // Вестник Орловского государственного универси-

тета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 1.

Фокин 2017 — Фокин А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: РОССПЭН, 2017.

Черняховская 2016 — Черняховская Ю.С. Братья Стругацкие. Письма о будущем. М.: Книжный мир, 2016.

SOVIET SCIENCE FICTION AS A HYPOSTASIS OF COMMUNIST UTOPIA

Frumkin Konstantin G. — Candidate of Culturology (Moscow)

Key words: Soviet communist project, communist utopia, Soviet fiction, science fiction, Ivan Efremov, Strugatsky brothers, thaw era in the USSR.

Abstract. An article based on an analysis of the heritage of many Soviet writers reveals the features of the refraction of communist utopia in Soviet science fiction literature of the 1920s–1960s.

REFERENCES

Amusin M. Ot utopii k ataraksii. *Voprosy literatury*, 2013, no. 4.

Bondarenko S., Kuril'skii V. *Neizvestnye Strugatskie. Pis'ma. Rabochie dnevniki. 1942–1962 gg.* Moscow, 2008.

Brandis E.P., Dmitrevskii V.I. *Cherez gory vremeni: Ocherk tvorchestva I.Efremova.* Moscow: Sovetskii pisatel', 1963.

Britikov A.F. *Russkii sovetskii nauchno-fantasticheskii roman.* Leningrad: Nauka, 1970.

Buriak E.M., Tomarov A.V. "Prizrak kommunizma" v sovetskoi literature. *Obraz sovetskogo budushchego epokhi ottepeli. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istorii i filologiya*, 2019, vol. 29, no. 1.

Buzgalin A. Sovetskii polden': svet i teni (Zametki o potentsiale i protivorechiiakh "ottepeli" 1960-kh). *Alternativy*, 2016, no. 3.

Cherniakhovskaia Iu.S. *Brat'ia Strugatskie. Pis'ma o budushchem.* Moscow: Knizhnyi mir, 2016.

Dolgikh A.Iu. *Utopiia i antiutopiia: Puti razvitiia russkoi nauchnoi fantastiki v XX veke.* Kirov: Raduga-PRESS, 2018.

Fokin A. *"Kommunizm ne za gorami". Obrazy budushchego u vlasti i naseleniia SSSR na rubezhe 1950–1960-kh godov.* Moscow: ROSSPEN, 2017.

Geller L., Nike F. *Utopiia v Rossii.* Moscow: Giperion, 2003.

Komissarov V. Sovetskaia intelligentsiia 1960–1970-kh gg. i pereosmyslenie obshchestvennykh problem v ramkakh nauchnoi fantastiki. *Klio*, 2014, no. 6.

Kovalev V.A. *Nasha fantasticheskaia politika: sotsial'no-politicheskie utopii v sovremennoi fantastike.* Syktyvkar: Izd-vo SyktGU, 2014.

Martynov D.E. Roman I.A. Efremova "Tumannost' Andromedy" kak klassicheskaia utopiia. *Ivan Efremov i russkii kosmizm: sb. nauch. st.* St. Petersburg: SPbGIEU, 2012.

Petrov E.F. *Egoizm: filosofsko-eticheskie ocherk.* Moscow: Nauka, 1969.

Revich V.A. *Perekrestok utopii (sud'by fantastiki na fone sudeb strany)*. Moscow: Institut vostokovedeniia Rossiiskoi Akademii nauk, 1998.

Sidorova G.P. Ideal kommunizma v mas-sovoi literature "ottepeli' kak khudozhestvennaia reprezentatsiia sovetskoi kul'tury.

Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Novye gumanitarnye issledovaniia, 2011, no. 1.

Vail' P., Genis A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998.

Д. В. Стратиевский

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМЕ

Ключевые слова: коллаборационизм, Вторая мировая война, «Индекс коллаборационизма».¹

Аннотация. В заметках предлагаются размышления о феномене коллаборационизма во время Второй мировой войны. Они представляют собой своего рода «ответ» на «Индекс коллаборационизма», опубликованный в российских СМИ.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-257-261

В январе 2020 г. газета «Комсомольская правда» опубликовала так называемый «Рейтинг предательства» (название редакции), или «Индекс коллаборации» (заголовок авторов), представленный Фондом «Историческая память». Соответствующие публикации появились на сайте Пятого российского канала и в некоторых других СМИ. В группе журнала «Историческая экспертиза» в сети «Фейсбук» возникла оживленная дискуссия об отдельных сегментах этого «индекса» и о его соответствии историографической методологии в целом. Пять рекомендаций авторам «индекса»:

1. Понятие «коллаборационизма». В литературе существует немало определений этого феномена применительно к военному периоду. Все определения сходятся на одном важнейшем факторе коллаборационизма: сотрудничество с враждебной державой (оккупационной и/или державой, против которой ведутся военные действия) во вред интересам своего государства. «Своим» является государство, гражданством которого обладает коллаборационист, или которое до начала военного конфликта являлось местом его постоянного проживания. (В последнем случае возникают сложности с принадлежностью коллаборационистов, эмигрировавших из страны

происхождения и проживавших на непостоянной основе в различных странах без получения гражданства, в первую очередь эмигрантов из России после 1917 г.) Крайне проблематичным (и в то же время решающим для указанного «индекса») является предлагаемое в некоторых публикациях различие между «военным» и «невоенным» коллаборационизмом. Известно, что в расчете одного зенитного орудия, особенно в завершающий период войны, нередко находился как военнослужащий вермахта, так и коллаборационист-«хиви». При этом «хиви» мог выполнять не только функции подносчика снарядов, что также фактически являлось участием в военных действиях, но и сам вести огонь из орудия. В свою очередь, полицейские формирования в оккупированной сельской местности СССР действовали на основе мультифункциональности. Они могли не только привлекаться к охране инфраструктурных объектов (по некоторым определениям «невоенный коллаборационизм»), но и принимать участие в акциях против партизан, организовывать кольцо оцепления во время карательных операций и выполнять другие «военные» функции. С другой стороны, далеко не все коллаборационисты, вступившие в национальные легионы вермахта, принимали участие в военных действиях. Часть военнослужащих привлекалась к работам в тылу, например, на строительстве и укреплении Атлантического вала. Наконец, в мировой историографии, к примеру, в германской, те лица, которые подготавливали идеологическую почву для преступных акций либо участвовали в их подготовке, наделяются не меньшей степенью

ответственности, чем их «боевые» исполнители. В связи с перечисленным было бы целесообразно учитывать всех лиц, сотрудничавших с противником, в качестве коллаборационистов.

2. Понятие «государств». Наряду со странами, временно утратившими свою государственность ввиду оккупации Германией в смысле совокупности правовых институтов и осуществления суверенитета в рамках признанных границ, например Польшей, в «индексе» приведен ряд частично признанных государств периода Второй мировой войны. К таким государствам относятся «Первая Словацкая республика» (1939–1945 гг.), признанная не только Германией и ее союзниками, но и, к примеру, СССР, Ватиканом и нейтральной Швейцарией, и, с некоторыми поправками, «Независимое государство Хорватия» (1941–1945 гг.). Оба государства, несомненно, патронировались Германией, но обладали при этом соответствующими государственными атрибутами. Это проявлялось и в военных действиях. Например, к хорватским соединениям, принимавшим участие в войне против СССР, понятие коллаборационизма неприменимо. И Словацкий экспедиционный корпус, отправленный на Восточный фронт в июне 1941 г., не может быть оценен как коллаборационистское формирование. В марте — апреле 1939 г. недавно провозглашенная «Словацкая республика» вела боевые действия против Венгрии в споре за Закарпатскую Украину. В марте 1939 г., в ходе переговоров с Берлином о формулировках договора о границе между Словакией и Венг-

рией, глава «Словацкой республики» Йозеф Тисо потребовал от Германии поставок оружия. В ответ было предложено согласовать пункт о введении германских войск в Восточную Словакию как гарант словацкой государственности. Это предложение было отвергнуто Тисо. Даже в советской историографии Словакия и Хорватия указанного периода фигурировали в качестве марионеточных, но отдельных и враждебных Советскому Союзу государств. Они указывались в списке стран, участвовавших в агрессии против СССР. Например, «Советская историческая энциклопедия» 1961–1976 гг. пишет об «участии правительства Тисо в войне против Советского Союза». В шеститомнике «Великая Отечественная война Советского Союза» (т. 1., 1960 г.) на карте «Подготовка фашистской Германии к нападению на СССР» Хорватия и Словакия указанного периода окрашены в цвета «Государств, присоединившихся к блоку агрессоров или союзные Германии». В англоязычной, германской и словацкой историографии период с марта 1939 по июль 1944 г. оценивается как «относительная независимость» или «сохранение возможности автономных действий». При этом режим Йозефа Тисо и Войтеха Туки характеризуется как авторитарный, профашистский и сателлитный Германии. Требуется объяснения и статус Вишистской Франции, которая с июля 1940 г. и как минимум до ноября 1942 г. обладала ограниченным суверенитетом и была первоначально признана СССР и США. Вашингтон и Лондон активно контактировали с вишистами, стремясь тем самым не допустить переход Анри Петена на полностью прогит-

леровские позиции, признавая их стороной переговоров. Таким образом, коллаборационистами можно считать сотрудничавших с Германией жителей оккупированных территорий (европейских районов СССР, Балкан за исключением Хорватии, Болгарии, Румынии и Турции, «Протектората Богемии и Моравии», «Генерал-губернаторства», стран Бенилюкса и Скандинавии и т. п.), но не военнослужащих подразделений частично признанных государств. В ином случае «коллаборационистами» пришлось бы считать представителей любого государства, союзного Германии в годы Второй мировой войны, т. к. Берлин оказывал значительное влияние на политику всех своих союзников, а в различные периоды времени на территории всех европейских стран, союзных Германии, находились контингенты немецких войск.

3. Границы государств и их жители. В августе 1940 г. был завершен процесс присоединения Литвы, Латвии и Эстонии к СССР. На момент нападения Германии на Советский Союз Москва считала прибалтийские республики частью своей территории, закрепив это в Конституции и в ряде других нормативно-правовых актов. Жители данных территорий, включая тех, кто не успел получить советский паспорт, рассматривались Москвой в качестве советских граждан. В «индексе» эти три республики по неназванным причинам фигурируют отдельно от остального СССР, в то время как территории Восточной Польши, Бессарабии и Северной Буковины, присоединенные к СССР в тот же исторический период, воспринимаются как неотъемлемая

часть Советского Союза. «Раздельный» подсчет коллаборационистов в Балтийском регионе и в остальном СССР ошибочен и потому, что он создает дополнительные сложности. К июню 1941 г. уже полным ходом шла советизация Балтии. На территории республик находились значительные контингенты РККА и войск НКВД. Охрану границ осуществляли советские пограничники. В города прибыло немало партийных и комсомольских работников, управленцев, служащих, инженеров, строителей. В абсолютном большинстве они не являлись уроженцами данных территорий. После нападения Германии многие из них имели потенциальную возможность пойти по пути коллаборационизма. С другой стороны, жители Литвы, Латвии и Эстонии сражались в рядах Красной армии. 15 литовцев (из них семеро партизаны), 12 латышей и 9 эстонцев стали Героями Советского Союза. Единственно верный путь — это учитывать государства в сформировавшихся границах на момент их вовлечения в войну с Германией и странами «оси».

4. «Учет» жителей СССР. Применительно к СССР, государству, включавшему в себя значительные по площади регионы в Азии, необходимо учитывать только граждан, обладавших потенциальной возможностью сотрудничества с Германией, соприкасавшихся с ее представителями. Это военнослужащие РККА в период их участия в военных действиях, советские военнопленные, жители оккупированных территорий и граждане СССР, угнанные на принудительную работу в Германию или другие подконтрольные ей государ-

ства. Даже теоретическое вовлечение в прогерманский коллаборационизм граждан Советского Союза, проживавших на Южном Кавказе, в Казахстане, Средней Азии, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, а также эвакуированных в эти регионы из зоны боевых действий и оккупации, а это в совокупности более половины населения СССР, за исключением редких случаев шпионажа, было равно нулю.

5. Возраст и национальный состав. Предложенный подход по вычислению «индекса» заставляет применять сложные демографические вычисления, которые вряд ли возможно осуществить на практике. Дети до определенного возраста не обладали возможностью участвовать в коллаборационизме. Национальный состав можно рассмотреть на примере Польской республики. Перед началом Второй мировой войны в Польше проживало 3 350 000 евреев. Почти 90% из них были убиты в Холокосте. Население Польши в 1939 г. составляло около 35 000 000 человек, т. е. 9% жителей страны по состоянию на 01.01.1939 не могли стать коллаборационистами. После вступления войск РККА в Восточную Польшу и последующего присоединения территорий к УССР и БССР часть населения Польши стала де-факто советскими гражданами. Также происходили миграционные процессы, к примеру, этнические немцы получили возможность выехать в Германию. Переселялись (добровольно либо принудительно) и граждане других национальностей. По понятным причинам, в период Второй мировой войны статистический учет

населения не проводился, поэтому в разные периоды с 1939 по 1945 г. необходимо брать за основу различ-

ное (неизвестное) общее количество населения территорий, что делает подсчет невозможным.

ONCE AGAIN TO THE ISSUE OF COLLABORATION

Stratievsky Dmitry V. — doctor of history, master of political science, researcher at the German historical Institute in Moscow (Berlin)

Key words: collaboration, World War II, “Index of collaboration”.

Abstract. The notes suggest reflections on the phenomenon of collaboration during World War II. They represent a kind of “response” to the “Collaboration Index” published in the Russian media.

«В СОВРЕМЕННОЙ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВОЙНЫ РЖЕВСКОЙ БИТВЫ НЕ СУЩЕСТВУЕТ».

Интервью с С. А. Герасимовой

Ключевые слова: военная история, Вторая мировая война, Ржев, музейное дело, коммеморация.

Аннотация. В интервью затрагивается тема изучения военных действий на московском стратегическом направлении в 1941–1943 гг. Освещается историография данных событий, поднимается проблема доступа к архивным документам.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-262-275

Герасимова Светлана Александровна — исследователь военных действий на московском направлении. Автор книг «Ржев 42. Позиционная бойня» (2007), «Я убит подо Ржевом». Трагедия Мончаловского “котла”» (2016), статей «Освещение военных действий в районе Ржевско-Вяземского выступа в новом фунда-

ментальном труде по истории войны и проблемы доступности документальных источников их изучения: спрятанная история» («Клио», 2014, № 6), «Дата завершения Московской битвы в отечественной историографии: итоги и перспективы научных поисков» («Клио», 2013, № 5) и других.

Беседовал А. Ф. Арсентьев.

А. А. Как вы пришли к исторической науке и как начали заниматься Ржевской битвой?

С. Г. В 1973 г. я окончила исторический факультет тогда еще Ленинградского государственного университета. Потом — преподаватель истории в школе на Урале, культурпросветучилище (сейчас их называют колледжами культуры), с 1976 г.

с некоторыми перерывами — Тверской государственной объединенный музей (научный сотрудник, методист, заведующий отделом, заместитель директора по науке, сейчас — главный научный сотрудник). В конце 1970-х — начале 1980-х гг. в Советском Союзе проходила централизация музеев, т. е. районные музеи объединялись с областными с целью «приведения в порядок» район-

© Историческая Экспертиза, 2020

Герасимова Светлана Александровна — историк, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Тверского государственного объединенного музея, ТГОМ (Тверь)

ных музеев. Было создано музейное объединение и в нашей области, тогда Калининской. Я получила для работы в качестве филиалов несколько музеев, в том числе Ржевский краеведческий. Сделала там три экспозиции (1983, 1998, 2005). Уже в начале работы было ясно, что то, что происходило в 1942–1943 гг. в районе Ржева, выходит за рамки города, района и области. На основе накопленного материала — кандидатская диссертация «Военные действия в районе ржевско-вяземского выступа в январе 1942 — марте 1943 г.: Ржевская битва» (2002), две научно-популярные книги (2008, 2016), статьи в научных журналах, научный консультант фильма «Ржев 42: неизвестная битва Жукова» (А. Пивоваров, НТВ, 2009).

А. А. То есть к военной истории вы пришли не сразу? А каков был круг научных интересов до этого?

С. Г. История СССР, краеведение (советский период, Великая Отечественная война, в частности история края в годы войны).

А. А. Как вы можете охарактеризовать состояние военно-исторического направления в нашей науке в те годы, когда вы начали заниматься Ржевом? Были ли какие-нибудь исследователи, работы которых вы использовали, или все приходилось делать самостоятельно?

С. Г. Я «не скажу за все» военно-историческое направление в науке, это — огромная тема. Что касается историографии военных действий на московском направлении после Московской битвы, то я постаралась

выявить и изучить все, что об этом было написано начиная с 1942 г.: научно-исследовательскую, мемуарную литературу, публицистику, немецкие издания, которые удалось получить.

Безусловно, я использовала официальные исследования: шеститомник «История Великой Отечественной войны» 1960-х гг., «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» под ред. В. Д. Соколовского 1964 г., двенадцатитомник «История Второй мировой войны» 1970-х гг., Советскую военную энциклопедию, работы различных авторов: Д. М. Проэктора, Д. З. Муриева, В. А. Анфилова, воспоминания военачальников — участников событий: Г. К. Жукова, Л. М. Сандалова, М. Д. Соломатина, А. И. Радзиевского, Н. Н. Воронова и массу другой литературы.

В те годы речи о Ржевской битве не шло, такого понятия не существовало. К концу 1970-х — началу 1980-х гг. более-менее были освещены три операции в районе выступа, упоминалась, но не была освещена операция «Марс».

В то же время в середине 1960-х гг. в военно-исторической науке была своеобразная дискуссия о дате окончания Московской битвы. До этого времени ее окончание относилось к январю 1942 г. В книге 1964 г. «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» под редакцией В. Д. Соколовского говорилось о конце января, а еще в 1961 г. в статье «О советском военном искусстве в битве под Москвой» В. Д. Соколовский четко определил ее окончание — 8 января 1942 г. «Крамолой» авторов кни-

ги было утверждение, что уцелевшим остаткам войск группы армий «Центр» «удалось с трудом спастись от полного разгрома». Это утверждение шло вразрез с оценкой итогов действий советских войск в декабрьском контрнаступлении 1941 г. и даже с названием книги, но соответствовало действительности. Кроме того, после рассказа о неудачном наступлении войск Красной армии в январе — апреле 1942 г. говорилось, что на западном направлении вопрос освобождения от противника Ржева, Вязьмы и последующего наступления на Смоленск был решен только весной и летом 1943 г. Все это вместе свидетельствовало о том, что Соколовский объединял военные действия на московском направлении после января 1942 г., что вполне позволяло говорить еще об одной битве на центральном участке советско-германского фронта.

С середины 1960-х гг. официально окончание Московской битвы стало датироваться 20 апреля 1942 г., т.е. Ржевско-Вяземская операция 1942 г. стала частью Московской битвы. До сегодняшнего дня.

Продолжаю отслеживать публикации по теме и сегодня.

А. А. Кто был вашим научным руководителем?

С. Г. Никакого научного руководителя у меня не было, но был хороший наставник — Николай Алексеевич Якиманский. Участник войны, Парада Победы, полковник, два высших образования — военное и военно-историческое (Академия им. Фрунзе), доцент Калининской ака-

демии ПВО, кандидат исторических наук. После увольнения работал в советском отделе Тверского государственного объединенного музея. Поскольку имел доступ к секретным документам, в 1990-е гг. работал в ЦАМО. Его наработки мы использовали при создании военных экспозиций в филиалах объединения. В 1990-е гг. вышли статьи Д. Гланца об операции «Марс», позволившие закрыть этот пробел в ходе военных действий на московском направлении, а также книга «Гриф секретности снят» о потерях Красной армии, поставившая в один ряд по потерям Сталинградскую битву и военные действия на Ржевско-Вяземском выступе. После этого я стала говорить о том, что эти военные действия вполне можно называть битвой. Именно Николай Алексеевич посоветовал мне обратиться к работам В. Д. Соколовского, что свидетельствовало о том, что в свое время в военно-исторической среде говорили о «непослушании» маршала и его особой точке зрения.

Кстати, он же говорил о том, что В. Д. Соколовский отказался писать воспоминания из-за жесткой цензуры мемуаров военачальников. Не знаю, насколько это верно.

Когда я стала работать над диссертацией, у меня, конечно, был научный руководитель — декан исторического факультета Тверского государственного университета Вадим Александрович Смирнов, но был очень недолго. Был болен, ушел из жизни, защищалась без него. Он помог мне в продвижении диссертации к диссертационному совету и защите. Я все-таки была посторонним чело-

веком на историческом факультете Тверского государственного университета.

А. А. Какова была ситуация с доступом к архивным материалам? Вам пришлось столкнуться с какими-либо трудностями?

С. Г. Я стала работать в ЦАМО с 2000 г., когда Н. А. Якиманский уже не смог ездить в архив. Ездил почти каждый год до 2014 г. Ситуация была разной. Как рядовой исследователь я имела доступ к материалам оперативных отделов, политуправлений, политотделов фронтов, армий, дивизий и ниже. Поскольку речь шла о битве, я использовала в основном материалы именно фронтов и армий. Материалов было много, до многих фондов, даже открытых, зачастую руки не доходили. Доступа к материалам направлений, Генерального штаба, Ставки, материалам прокуратуры, военных трибуналов я не имела. Так, в начале 2000-х гг. я еще смотрела, например, журналы боевых действий (ЖБД) Западного фронта (командующий — Г. К. Жуков), потом их сделали секретными. Я пользовалась материалами политуправлений и политотделов, что потом тоже засекретили. Когда что-то мне не давали, я искала какие-то обходные пути, т. к. армия — большая бюрократическая машина, документы издавались не в одном экземпляре и оседали совершенно в разных фондах. Закрытие ряда фондов в 2010-е гг., конечно, вызывало недовольство, потому что в 2014 г. в «Клио» и появилась моя статья о спрятанной истории («Освещение военных действий в районе Ржевско-Вяземского выступа в новом фундаментальном

труде по истории войны и проблемы доступности документальных источников их изучения: спрятанная история» // Клио. 2014. № 6 (90)).

Безусловно, были финансовые трудности; на музейную зарплату не поездишь, особенно когда после 2005 г. музей прекратил оплачивать поездки в ЦАМО.

А. А. Почему, на ваш взгляд, закрывают фонды? Кому нужно прятать документы 80-летней давности?

С. Г. С этим вопросом лучше обратиться не ко мне. Но закрытые фонды существуют не только у нас, а во многих странах. Недавно узнала, что в Великобритании есть закрытые для исследователей документы периода Кромвеля, XVII в. Не знаю, насколько это верно.

Возможно предположить, что недоступность некоторых архивных материалов — это попытка поддерживать официальную версию исторического события.

А. А. Приходилось ли вам как-либо взаимодействовать с официальными историками Минобороны?

С. Г. Только заочно. Я благодарна сотрудникам Института военной истории (тогда еще) за положительный отзыв о моей диссертации. Писал его Борис Ильич Невзоров, главный специалист по Московской битве и боям на московском направлении (масса работ и монография о Московской битве). Не соглашась с моим определением военных действий в районе ржевско-вяземского выступа в январе 1942 — марте

1943 г. как битвы, он и его начальник В.И. Фесенко (сейчас он — старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, доцент Научно-исследовательского института военной истории ВАГШ ВС РФ) поддержали в целом результат моей исследовательской работы и защиту кандидатской.

Вероятно, мне удалось в чем-то убедить Б.И. Невзорова. В 2000-е гг. в своих статьях и выступлениях он соглашался со спорностью 20 апреля 1942 г. как даты завершения Московской битвы, предлагал отнести завершение Московской битвы к ликвидации ржевско-вяземского выступа, т.е. к марту 1943 г. То есть события января 1942 — марта 1943 г. на московском направлении он предлагал рассматривать как продолжение Московской битвы.

Кроме того, я находилась в заочном споре с М.А. Гареевым (генерал армии (1989), доктор военных и доктор исторических наук, профессор, военный теоретик). Он долгое время был главным специалистом МО по истории войны. Будучи знаком или дружен (?) с генеральным директором нашего музейного объединения генерал-полковником Ю.М. Бошняком, после очередной конференции или статьи он звонил ему и выказывал недовольство моими суждениями, о чем мне тут же сообщал директор. Но постепенно критика несколько менялась. Так, после моей статьи о спорности современной даты окончания Московской битвы («Дата завершения Московской битвы в отечественной историографии: итоги и перспективы научных поисков» // Клио. 2013.

№ 5 (77)), выступая на конференции по Ржеву в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе, он сказал, что можно согласиться с существованием Ржевской битвы, но для этого надо изменить датировку Московской битвы. К сожалению, материалы той конференции не были опубликованы, но свое мнение он высказал при полном зале.

В принципе, на данный момент главное препятствие для признания Ржевской битвы — это то, что современная официальная военно-историческая наука не желает менять периодизацию Московской битвы, а следовательно, концепцию войны.

В 2005 г. на мое письмо с критикой готовящейся книги «Регионы России — фронту» в ВИЖ отвечал Г.Ф. Кривошеев, кандидат исторических наук, генерал-полковник в отставке.

На мою статью о спрятанной истории в «Клио» (2014 г.) мне отвечали аж два доктора исторических наук (Н.В. Агеев, М.В. Винниченко) и один действительный член (академик) РАЕН (О.В. Саксонов) из Москвы. Мне это было приятно. Но их критика моих исследований меня не убедила, прежде всего, потому, что они не являются специалистами по истории боевых действий на московском направлении, их статья продемонстрировала недостаточное знание ими источников и историографии по теме (Агеев Н.В., Винниченко М.В., Саксонов О.В. Огромное желание, не подкрепленное всесторонним исследованием // Клио. 2014. № 6 (90)). Увы!

А. А. Вы упомянули, что вступали в дискуссию с Г. Ф. Кривошеевым. Скажите, как вы оцениваете его работу по подсчету потерь? Какие, на ваш взгляд, там есть неточности?

С. Г. Критики исследований группы Кривошеева, его методики было

уже достаточно много. Я могу сказать о том, что существуют подсчеты потерь в операциях на ржевско-вяземском выступе, альтернативные статистике Кривошеева. Они наглядно показывают спорность статистики, представленной группой Кривошеева.

Общие потери в операциях

	Группа Кривошеева	Альтер. подсчеты
Ржевско-Вяземская 8 января — 20 апреля 1942 г.	776 889 чел.	948 000 (С. Н. Михалев, ИВИ)
Оборонительная операция в р-не г. Белый 2–27 июля 1942 г.	20 360, из них безвозвратно 7432	Только без вести пропало 47 000, из них только по окруженным 39-й А и 11-му кк более 36 000 (ЦАМО). Более 10 000 трупов (немцы)
Ржевско-Сычевская 30 июля — 23 августа 1942 г.	193 683 чел.	300 000 (без потерь тк, С. А. Герасимова)
Ржевско-Сычевская 25 ноября — 20 декабря 1942 г.	215 674 чел.	335 000 (Д. Гланц)
Ржевско-Вяземская 2–31 марта 1943 г.	138 577 чел.	мне не известны

А. А. С каким современными военными историками вам приходилось работать?

С. Г. Горжусь заочным знакомством с А. А. Здановичем, доктором исторических наук, генерал-лейтенантом в отставке, президентом Общества изучения истории отечественных спецслужб, членом научного совета РВИО. Он присылал ко мне на консультацию соискателей, пересылал мне книги, где есть новые материалы о событиях на ржевско-вяземском выступе, за что я ему очень благодарна, т. к. новые материалы позволяют по-новому посмотреть на ряд событий на выступе.

Нахожусь в заочном споре с историками РВИО.

А. А. Вы упомянули Дэвида Гланца. Скажите, какие еще иностранные исследователи занимались Ржевской битвой, и насколько ценны их работы с точки зрения отечественной исторической науки?

С. Г. Д. Гланц не занимался Ржевской битвой в целом. Он исследовал в основном операцию «Марс» — 2-ю Ржевско-Сычевскую операцию.

Мне не известны иностранные авторы, которые бы писали о Ржевской битве. В то же время сотни исследователей освещали отдельные события, боевые действия, происходившие на московском направлении, в частности Ржевско-Вяземскую операцию 1942 г., летние и зимние сражения 1942 г., отход вермахта с выступа, историю отдельных

формирований вермахта, которые участвовали в боях на выступе и др. На мой взгляд, в нашем разговоре интересны, прежде всего, работы немецких авторов, в том числе участников войны, которые представляют взгляд на события бывшего противника, т.е. взгляд с другой стороны. Здесь следует назвать работы генерала Х. Гроссманна, командира 6-й пехотной дивизии (пд) и, прежде всего, его работу «Ржев — краеугольный камень Восточного фронта», работы Г. Бухзайна (129-я пд), Е.-М. Райна (18-й пш 6-й пд) и множество других. Безусловно, интересны работы К. Типпельскирха, К. Рейнгарда, Б. Мюллера-Гиллебранда и масса других исследований. Вряд ли здесь возможно представить всю зарубежную историографию темы.

А. А. Ржевская битва традиционно считается «белым пятном» в истории войны. Насколько это соответствует действительности? Есть ведь и гораздо менее изученные события — например, Смоленская операция.

С. Г. Вопрос не корректен. В современной официальной истории войны Ржевской битвы не существует. Так интерпретируют военные действия в районе ржевско-вяземского выступа некоторые ветераны, историки и др. Правильнее спросить: военные действия в районе ржевско-вяземского выступа считаются «белым пятном»?

Так можно было говорить в советское время. Тогда информация о событиях появлялась постепенно. 1990–2000-е гг. дали много новых документов, исследований, которые

позволили в целом восстановить общий ход событий 1942 — начала 1943 г. на московском направлении после Московской битвы. В наши дни спор идет о том, как оценивать эти события: как отдельные операции, первая из которых — Ржевско-Вяземская 1942 г. — считается частью Московской битвы, или все ржевские операции рассматривать как отдельную битву, развернувшуюся после Московской и параллельную Сталинградской.

Освещен целый ряд отдельных эпизодов, происходивших здесь, например, окружения 39-й, 33-й, 29-й армий, действия в тылу противника группы Белова, потери Красной армии в операциях на выступе и др.

Безусловно, есть масса не изученных отдельных эпизодов, действий, есть много спорных, дискуссионных моментов, решить которые возможно только при доступности архивов. В частности, например, ответить на вопрос, была ли операция «Марс» отвлекающей или основной. Нужно знание текста первичной директивы Ставки или каких-то других первичных документов на проведение этой операции. Эта директива позволит ответить и на вопрос о том, была ли это отдельная операция, или это был план, по которому осуществлялись три операции. То есть нужна доступность материалов Ставки и Генерального штаба.

А. А. Итак, в отечественной историографии Ржевскую битву рассматривают не как одно сражение, а как серию операций. Насколько правомерен, по вашему мнению, такой подход?

С.Г. Действительно, на московском направлении в районе ржевско-вяземского выступа войсками Красной армии в 1942 — марте 1943 г. были осуществлены четыре крупные наступательные операции с целью нанести поражение группе армий «Центр» и ликвидировать опасный для столицы плацдарм, с которого могло быть повторено наступление на Москву: Ржевско-Вяземская 1942 г., 1-я Ржевско-Сычевская, 2-я Ржевско-Сычевская 1942 г. (операция «Марс»), Ржевско-Вяземская 1943 г. В Военной энциклопедии (2003, т.7) они описаны последовательно, друг за другом. В Большой Российской энциклопедии они также представлены в статье «Ржевские операции» (2015, т. 28). Но битвой официальная военно-историческая наука их не называет.

Я, опираясь на существующее в современной военно-исторической науке определение «битвы», предлагаю вернуться к существовавшей до середины 1960-х гг. периодизации Московской битвы: ее окончание — начало января 1942 г., а все ржевские операции рассматривать как самостоятельную битву. На мой взгляд, все параметры битвы присутствуют в военных действиях в районе ржевско-вяземского выступа. Я опираюсь также не только на мнение В.Д. Соколовского, но и на слова Сталина — верховного главнокомандующего, когда он отделял бои за Москву и под Ржевом, ставя их в один ряд с другими самыми значительными событиями войны. В приказе верховного главнокомандующего от 23 февраля 1943 г. говорилось: «Навсегда сохранит наш народ память о героической обороне Севастополя и Одессы, об упорных

боях под Москвой и в предгорьях Кавказа, в районе Ржева и под Ленинградом, о величайшем в истории войн сражении у стен Сталинграда». Существует целый ряд других факторов, которые заставляют вернуться к прежней периодизации Московской битвы. Они изложены у меня в статье по этому вопросу в журнале «Клио» («Дата завершения Московской битвы в отечественной историографии: итоги и перспективы научных поисков» // Клио. 2013. № 5 (77)).

Вероятно, из-за нежелания изменений в существующей концепции войны в 2010-е гг. появилась тенденция замалчивания некоторых событий на московском направлении в 1942 — начале 1943 г. Это проявилось в новом 12-томном труде по истории Великой Отечественной войны. Там значительно уменьшился объем информации о целом ряде событий в районе ржевско-вяземского выступа, даже по сравнению с «Историей второй мировой войны» 1970-х гг., исключая, естественно, 2-ю Ржевско-Сычевскую операцию, описание которой появилось только в конце 1990-х гг. Подробный анализ этого явления я сделала в статьях в «Независимом военном обозрении» в 2012 г. («Незамеченная катастрофа» // Независимое военное обозрение. 2012. № 231) и в журнале «Клио» в 2014 г. («Освещение военных действий в районе Ржевско-Вяземского выступа в новом фундаментальном труде по истории войны и проблемы доступности документальных источников их изучения: спрятанная история» // Клио. 2014. № 6 (90)).

Но особенно наглядно эта тенденция проявилась в совместном издании

РВИО и Института всеобщей истории РАН «Великая Отечественная война. Энциклопедия» (2015). Определение «энциклопедия» заставляет предъявлять к изданию высокие требования. Увы, здесь не говорится об опасном для столицы ржевско-вяземском плацдарме противника, в статье «Ржевские операции» названы только две: Ржевско-Вяземская 1942 г. и 1-я Ржевско-Сычевская. Не удостоилась упоминания Ржевско-Вяземская операция 1943 г., когда был ликвидирован ржевско-вяземский выступ. По своему размаху, по числу участвующих в ней 12 армий двух фронтов она практически повторяла Ржевско-Вяземскую операцию 1942 г. Более того, ее результат — стратегического значения — ликвидация более чем годовой угрозы для Москвы. В издании есть отдельная статья «Операция “Марс”», где говорится о 2-й Ржевско-Сычевской операции. Сомневаться в знании составителей издания о том, что города Сычевка, Белый, поселок Оленино, в районе которых разворачивались действия этой операции, находятся на ржевско-вяземском выступе, вряд ли стоит. Но операция вынесена за рамки ржевских, следовательно, это сделано намеренно.

Описанная тенденция говорит о желании авторов названных работ исключить из истории военных действий на московском направлении какие-либо серьезные события после Московской битвы и, следовательно, прекратить всякие разговоры о Ржевской битве. Отброшены многие наработки отечественной и западной историографии, да и сама народная память о «ржевской мясорубке».

А.А. Расскажите подробнее про ваш спор с историками РВИО. Что вы можете сказать насчет данной организации?

С.Г. Начало этому спору положило создание РВИО экспозиции в доме в д. Хорошево Ржевского района, в котором 4–5 августа 1943 г. останавливался Сталин. Как у музейщика у меня были претензии к отношению создателей к мемориальному дому, к экспозиции, о чем я и написала в РВИО. Несколько лет назад РВИО передало этот музей Центральному музею Великой Отечественной войны на Поклонной горе (Музей Победы).

Также меня удивляет сведение военных действий в районе ржевско-вяземского выступа к боям за Ржев, что выразилось, на мой взгляд, в увековечении на плитах созданного Мемориала только погибших на территории Ржевского района. Когда началось создание мемориала, ко мне обращались десятки людей, чьи родные погибли в районах Белого, Оленино, под Зубцовом, Сычевкой, Гжатском, с вопросом, будут ли увековечены их родственники. Я их направляла в РВИО.

Также при встречах с представителями РВИО я задавала вопрос о том, по какому принципу будет производиться отбор фамилий для увековечения.

По данным облвоенкомата Тверской области, на 1 января этого года на территории Ржевского района учтено похороненными более 106 000 воинов, имена более 70 000 из них известны. В то же время СМИ, со слов представителей РВИО, сообщали

о нанесении на плиты Мемориала более 62 000 фамилий.

Сказать что-то в целом о работе РВИО я не могу, т. к. слежу за их работой только по ржевскому направлению.

А. А. Вы сказали, что изменение периодизации Московской битвы приведет к смене всей концепции войны. Каким образом?

С. Г. Загляните в оглавление учебника по истории войны, там в сжатом виде представлена концепция, структура войны: приграничные сражения, оборонительные сражения, Московская, Сталинградская битва, битва за Кавказ, Курская битва и т. д.

А в нашем случае после Московской битвы надо вставлять еще одну битву — Ржевскую. Если вспомнить, что она связана с неудачами — все наступательные операции наших войск на выступе не были завершены, не достигли поставленных целей, а следовательно, были неудачными, вермахт ушел с выступа сам, притом все это сопровождалось большими человеческими потерями, и все это — под командованием ведущих советских полководцев — как-то не складывается у подрастающего поколения представление о победоносном шествии советских войск. Это нужно государству?

А. А. Какие новые материалы по боевым действиям на ржевско-вяземском выступе стали доступны в последнее время?

С. Г. Масса. Огромная благодарность Министерству обороны за сай-

ты «ОБД Мемориал», «Подвиг народа», объединенные на сайте «Память народа». Там выставлено множество документов военного времени, от «Именных списков потерь» до карт, ЖБД, оперативных сводок воинских формирований разного уровня. Теперь в ЦАМО можно не ездить, хотя в архиве работать с документами значительно результативнее. Кроме того, ЦАМО открыл 500-й фонд, где хранятся трофейные материалы.

В Интернете появилось много немецких документов, хранящихся в Национальном архиве США. Там исследователи покупают их копии и выставляют в Интернет, и обмениваются ими. Так, например, мне прислали ролик с документами 27-го армейского корпуса ноября 1941 — марта 1942 г. Корпус воевал у Калинина и у Ржева. Также мне прислали немецкие документы октября 1941 г, когда немцы вошли в Ржев, и т. д.

Кроме того, продолжают появляться исследования по истории войны, где освещаются и события, и операции на московском направлении. Там есть новые факты, ссылки или цитирование неизвестных документов. Мне, например, понравилось совместное трехтомное издание Института всеобщей истории РАН и Института истории Национальной АН Беларуси «Страна в огне» (2018).

В очередной раз благодарю А. А. Здановича за присланную монографию В. М. Соймы «Немецкая военная разведка от создания Германской империи до краха Третьего рейха (на основе трофейных документов вермахта)» (2019). Интереснейшие

факты о действиях агентов абвера на ржевско-вяземском направлении, в частности, знаменитого двойного агента Макса-Гейне. Правда, для меня эта книга не столько ответила на какие-то мои вопросы, сколько заставила поставить массу новых.

К сожалению, из-за того, что здание головного музея нашего объединения — Тверского — находится на ремонте и научным сотрудникам приходится работать над подготовкой новой экспозиции, моя работа «по Ржеву» несколько уменьшилась. Хотя я все-таки стараюсь следить за публикациями.

А.А. Цели советской стороны при проведении операции «Марс» мне ясны. А каковы были цели немцев в их упорной борьбе за выступ? Намеревались ли они использовать его для нанесения удара на Москву или просто навязывали Красной армии позиционное сражение, чтобы истощить ее резервы — как они делали в Первую мировую под Верденом?

С.Г. Думаю, они всеми силами старались удержать удобный плацдарм в центре советско-германского фронта, вблизи столицы противника. На плацдарме была железная, шоссейная дороги, что помогало немцам маневрировать войсками, осуществлять их снабжение.

Что касается изматывания сил Красной армии: немцы в этих боях, сражениях, операциях изматывали собственные силы. Уже в первой половине 1942 г. они вынуждены были использовать для отражения наступления войск КА вспомогательные части. То же было и в период лет-

него сражения, когда они писали о том, что в их войсках практически уже не осталось «ветеранов», т.е. тех, кто пришел в Советский Союз в 1941 г. После зимней операции 1942 г. (операции «Марс») командование группы армий «Центр» просило у Гитлера разрешения вывести войска с выступа, т.к. те были измотаны и обескровлены до крайности. Обобщенных данных о потерях немецких войск на выступе у нас нет. Но, по данным германской стороны, только 9-я армия вермахта потеряла здесь убитыми 120 тыс. человек, а санитарные потери были, естественно, больше.

Да и кто кого изматывал, это еще вопрос. Дело в том, что на этом участке фронта стратегическая инициатива была у КА. Ее войска здесь наступали — 8 из 15 месяцев боев на выступе, заставляя вермахт обороняться. На выступе немцы наступали лишь в мае — июле 1942 г.: их операции по очистке тылов от регулярных советских войск (операции «Ганновер» 1 и 2, «Зейдлиц»).

Остальные немецкие наступательные действия на центральном участке фронта, например, летом 1942 г. либо были действиями советских войск полностью сорваны (Осташковское направление), либо были осуществлены немцами не в полном объеме (направления на Киров (райцентр Кировского района Калужской области) и Сухиничи).

Так что можно с полным основанием говорить, что советские войска в 1942 — начале 1943 г. на московском направлении уничтожали живую и материальную силу противни-

ка. Причем настолько, что, по мнению некоторых авторов, немецкие дивизии, выведенные с выступа в район Орла, так и не смогли восстановиться к лету 1943 г., т.е. к Курской битве.

А.А. Расскажите про работу в Ржевском краеведческом музее. Насколько значимое место там отводилось событиям Второй мировой?

С.Г. Я работала не в Ржевском музее, а на него. В нашем музейном объединении сложилась практика, когда научно-исследовательскую и экспозиционную работу в филиалах ведут, за очень редким исключением, сотрудники головного, областного музея. Это понятно, т.к. в районах нет хороших библиотек, естественно, архивов. Все-таки в ЦАМО легче ездить из областного центра. Из-за недостатка финансирования в большинстве наших филиалов до сих пор нет Интернета. Увы! Для Ржева события Великой Отечественной войны до сих пор занимают главное место. Именно поэтому долгое время — с 1993 по 2005 г. — единственной экспозицией музея была экспозиция по истории 1941–1945 гг. Чисто краеведческая экспозиция была сделана только в 2006 г.

А.А. Как вы оцениваете материальное наполнение Ржевского краеведческого музея? Какие наиболее исторически ценные экспонаты там представлены? Из каких источников пополняются фонды?

С.Г. Как достаточно бедное. Это объясняется многими факторами, в частности:

— разоренностью города и края в целом в годы войны, что привело к физической гибели многих вещей, которые могли бы стать музейными предметами;

— восстановлением серьезной работы Ржевского краеведческого музея только к концу 1950-х гг.;

— отсутствием научного целенаправленного комплектования в Ржевском музее до конца 1970-х гг., т.е. пока музей не стал филиалом нашего объединения.

Проведение в конце 1970-х — начале 1980-х гг. нескольких комплексных экспедиций по комплектованию не дало богатых сборов. За 30 лет, прошедших после окончания войны, вещи, материалы, хранившиеся в домах, в семьях, были либо утрачены (в деревнях многим вещам не придавалось значения, даже боевым наградам, в которые часто играли дети и ломали, повреждали их), остатки одежды военного времени были доношены, «железки» с полей сражений были собраны и сданы в металлолом и т.д.

Пополнение фондов происходило и происходит, чаще всего, из семей фронтовиков, людей, переживших войну.

Безусловно, в РКМ есть не просто интересные, но уникальные материалы. Например, карта-схема Ржевского района 1942 г., где нанесены места расположения немецких карательных органов: отделений СД, ГФП, акварель, написанная солдатом вермахта Лангером в Ржеве в 1942 г., умывальник, сделанный

из самолетного алюминия, ордер на проживание в землянке на месте немецкого бункера и др.

Сейчас передача в музей подлинников военного времени — редкое явление. После появления названных сайтов МО люди стараются отдать в музей сканы наградных листов, других документов своих родственников, скачанные из Интернета, предлагают оцифрованные фотографии. Мы отказываем им, т.к. музей не может повторять ЦАМО и не заинтересован в хранении копий, а не подлинников. Вряд ли в последующем посетителям музея будет интересно смотреть в музее копии, при том что их оригиналы можно увидеть в Интернете. Музей — это, прежде всего, коллекция оригинальных материалов.

А. А. Работая в музее, вы как-либо взаимодействовали с участниками военно-поискового движения?

С. Г. С самого возникновения поискового движения в 1980-е гг. наши музеи сотрудничают с поисковиками районов и области. Поисковики передают в музеи находки, которые нужны для наших экспозиций, помогают нам, когда что-то нужно при реставрации музейных предметов, например, пуговицы для френча немецкого унтер-офицера. Мы проводили сов-

местные научные конференции. Областной центр поискового движения свои мероприятия проводит на базе музеев, в частности, Музея Калининского фронта. Конкретно Ржевский и областной музеи теснейшим образом сотрудничают с поисковиками Ржева и Ржевского района, с поисковым отрядом «Память 29-й армии». Когда у отряда был юбилей, музей делал выставку об отряде. Когда в конце 2000-х гг. создавался музей на Ржевском мемориале (имеется в виду старый мемориал в г. Ржев), основой стали материалы, поднятые поисковиками. Поисковики помогают материалами и общественным музеям районов и области, например, Музею воинского захоронения в д. Полунино Ржевского района.

Самый последний пример: мы сейчас (дата интервью — 29.04.20) в Ржевском краеведческом музее немного подновляем, чистим экспозицию. В частности, меняем экспозиционный комплекс 1-го зала — инсталляцию «Крах немецкого похода на Москву». Для него ржевские поисковики передали в музей фрагменты немецкого бомбардировщика He-111: части крыльев, колесо, ящик для инструментов из самолета. Самолет был подбит на подлете к ржевскому аэродрому.

А. А. Спасибо за уделенное время!

"IN THE MODERN OFFICIAL HISTORY OF WAR THE RZHEV BATTLE DOESN'T EXIST".
INTERVIEW WITH S. A. GERASIMOVA

Gerasimova Svetlana A. — historian, Candidate of Historical Sciences, principal research scientist of Tver governmental united museum, TGUM (Tver)

Key words: military history, WWII, Rzhev, museums, commemoration.

Abstract. The interview deals with the researches of the military operations at Rzev-Vyazma strategic direction in 1941–1943. It elucidates the historiography of these events and touches the problem of access to archive documents.

А. И. Свиридонова

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ПОГРЕБЕНИЯ ОСТАНКОВ СЕМЬИ ПОСЛЕДНЕГО ИМПЕРАТОРА

Ключевые слова: царская семья, расстрел, погребение, церемониал.¹

Аннотация. В статье рассмотрены история идентификации останков членов царской семьи, организация и церемониал их погребения. Освещены факторы влияния на РПЦ, долгое время не способную четко выразить свою позицию по этому вопросу, в том числе линия официальных властей, которые в итоге выполнили поставленную задачу, хотя и не без конфликта с РПЦ. DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-276-289

Как известно, в ночь на 17 июля 1918 г. по решению руководства Уральского областного совета были расстреляны бывший император Николай Романов и его близкие (жена Александра, дети Ольга, Мария, Анастасия, Татьяна и Алексей) и их приближенные: лейб-медик Е. С. Боткин, лейб-повар И. М. Харитонов, комнатная девушка А. С. Демидова и камердинер полковник А. Е. Трумп (*Шубин* 2019).

В июле 1991 г. в Ганиной Яме, недалеко от Екатеринбурга, под насыпью Старой Коптяковской дороги группа геофизиков А. Н. Авдонина

и Г. П. Васильева вскрыла захоронение и извлекла 9 скелетов, полагая, что это останки убитых в 1918 г. членов императорской семьи (*Кочергин* 1991). Останки были очищены и переданы на хранение в Свердловское бюро судебной медицины. 22 июля 1991 г. глава администрации Свердловской области Э. Э. Россель направил в ООН и ЮНЕСКО предложения об участии в экспертизе свердловских останков. При раскопках было извлечено около 500 костных фрагментов, которых было недостаточно для восстановления девяти скелетов (скелет человека содержит в себе 206 костей, т.е. для девяти

© А. И. Свиридонова, 2020

Свиридонова Анна Игоревна — аспирант кафедры вспомогательных исторических дисциплин и археологии Историко-архивного института РГГУ (Москва); svridonovahram@gmail.com

человек должно было быть найдено 1854 костных фрагмента). Раскопки пришлось возобновить, было найдено еще около 300 костных фрагментов, 13 зубов, 11 пуль и другие материалы (Митров 2016).

23 октября 1993 г. была создана Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков императора Николая II и членов его семьи (Распоряжение Правительства 1993), которую возглавлял заместитель председателя Правительства РФ Ю.Ф. Яров. Состав комиссии был следующим: доктор геолого-минералогических наук А.Н. Авдонин, член-корреспондент РАН В.В. Алексеев, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН С.А. Беляев, заместитель министра культуры РФ В.И. Брагин, руководитель Государственной герольдии при президенте РФ Г.В. Вилинбахов, художник И.С. Глазунов, общественный деятель А.К. Голицын, первый заместитель министра иностранных дел И.С. Иванов, советник президента РФ С.Н. Красавченко, директор ГАРФ С.В. Мироненко, заместитель министра финансов И.П. Молчанов, министр правительства Москвы А.И. Музыкантский, заместитель директора ФСБ О.М. Особенков, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, писатель Э.А. Радзинский, губернатор Свердловской области Э.Э. Россель, заместитель начальника Экспертно-криминалистического центра МВД В.Г. Савенко, заместитель руководителя Аппарата Правительства РФ А.Е. Себенцов, заместитель министра здравоохранения В.И. Стародубов, директор Респу-

бликанского центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава РФ В.В. Томилин, академик А.А. Фурсенко, губернатор Санкт-Петербурга В.А. Яковлев. В 1997 г. по должности комиссию возглавил первый вице-премьер Б.Е. Немцов. Одним из советников Немцова в тот период работал А.В. Шубин, благодаря личному архиву которого в наши дни есть возможность уточнить некоторые подробности работы комиссии.

В связи с тем, что для установления личностей погибших, обстоятельств смерти требовалось проведение экспертных исследований, Генеральной прокуратурой Российской Федерации 19 августа 1993 г. было возбуждено уголовное дело. За дело взялся следователь-криминалист прокуратуры В.Н. Соловьев, который интересовался этим вопросом с 1991 г. Ознакомившись с материалами предыдущих следствий, Соловьев пришел к выводу о подлинности останков. Однако Соловьев был недоволен тем, как расследование велось в 1991–1993 гг.: «первые раскопки проводились вне рамок уголовного дела. Проводила их прокуратура. Это называли материалом проверки. В прокуратуре, а сейчас и в следственном комитете, работают в целом неплохие специалисты. Но это точно не специалисты в области археологии... Вскрыто захоронение, прямо скажем, было действительно не очень. Возможности были все: предоставили солдат, палатку, освещение. Надо было археологу проявить некую волю и сказать, что не надо торопиться. Но сделано было все очень быстро за два дня — с обеда 11 июля по середину дня 13 июля 1991 года. Откопали и вывезли

эти кости в течение двух дней. Потом оказалось, что чего-то не дорыли. И на протяжении нескольких месяцев судебные медики потом проводили там еще раскопки. Они вытащили всю землю и промыли ее...» (Пушкарев 2017). Член госкомиссии по идентификации царских останков академик РАН, профессор В.В. Алексеев не удержался от того, чтобы упрекнуть в этом специалистов прокуратуры и счесть это весомым аргументом против подлинности останков: «радость обретения останков страстотерпцев омрачилась варварским способом их извлечения из болотной хляби Поросенкова Лога» (Алексеев 2015). Следователю Соловьеву было, что ответить своему главному критику: «Так кто виноват, что плохо вскрыли? Я думаю, что академик Алексеев, который отвечал за деятельность своего института. Археолога я не буду называть. Но академик забыл как-то, что на тот момент именно он был руководителем ответственного за работы учреждения» (Пушкарев 2017).

Подлинность останков сразу же стала подвергаться сомнению. Член госкомиссии по идентификации царских останков С.А. Беляев, горячо подогревавший общественную дискуссию, предполагал, что хоронить собираются семью екатеринбургского купца. Этот вывод он сделал на основании рассказа участника расстрела, некоего Парамонова, заявлявшего, что «ради сокрытия истинного места ее захоронения они расстреляли и закопали поблизости купеческую семью — примерно того же состава по полу и возрасту» (Историк Беляев сомневается... 2008). Е.В. Клещенко отмечает: «Следст-

венная группа проверила и эту версию. В Екатеринбурге на тот момент проживало около 50 000 человек, и среди богатого купечества, служащих и мещан не было семей с детьми, подходящими по возрасту» (Клещенко 2019). Критики подлинности останков больше доверяли выводам «законного» расследования 1919 г., в соответствии с выводами которого останки были полностью уничтожены большевиками (Соколов 1925).

Со слов советника Немцова В.В. Аксучица, «с конца 80-х существовала так называемая зарубежная комиссия, занимающаяся останками императорской семьи», которая подливали масла в огонь: «Руководители этой комиссии были сотрудниками различных спецслужб США. Они пытались вбить клин и развести Русскую православную церковь и российскую власть. Зарубежная комиссия всячески пыталась опровергнуть наше расследование. Кстати, следствие было закончено в 1995 году, и все экспертизы уже подтвердили принадлежность останков к царской семье. Но тут в Россию приехали члены зарубежной комиссии, а с ними О.Н. Куликова-Романова — жена родного племянника Николая II. И она сказала, что генетические исследования биоматериалов ее мужа и останков не совпали. Хотя это была ложь. И Синод почему-то поверил этой группе» (Голованов 2018). Позиция Куликовой-Романовой может вызвать лишь улыбку.

На заседании комиссии 15 ноября 1995 г. были суммированы результаты предыдущих исследований и сформулированы вопросы, требующие дальнейших исследований.

Однако в дальнейшем работа комиссии фактически приостановилась до 3 ноября 1997 г. После прихода в Правительство Б. Е. Немцова работа комиссии возобновилась и вышла на финишную прямую. На этом примере и Б. Е. Немцов, и стоявший за ним президент Б. Н. Ельцин надеялись продемонстрировать деловитость первого вице-преьера, его способность решать сложные запутанные проблемы.

На заседании комиссии 3 ноября были приняты решения о том, что необходимо для завершения работ. После этого состоялась пресс-конференция, на которой были подтверждены предварительные итоги экспертиз о принадлежности останков семье Романовых и предложена дата захоронения — 25 февраля 1998 г., на которую выпадало Прощеное воскресенье. Местом погребения был выбран Екатерининский притвор Петропавловской крепости (Проект доклада... 1998).

Церковь находилась между двух факторов влияния — с одной стороны, верующие, считавшие останки орудием некоего заговора против памяти Николая II или ошибкой, а с другой стороны — Кремль, стремившийся поскорее закончить это дело.

К встрече патриарха и председателя правительственной комиссии Б. Е. Немцова, которая должна была состояться в январе 1998 г., комиссией и В. Н. Соловьевым был подготовлен документ «Ответ на десять вопросов Патриархии. Письмо Святейшему Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию II», который должен был убедить руководство

РПЦ в подлинности останков. В «Ответах» содержались ответы на вопросы, заданные руководством РПЦ на заседании комиссии 15 ноября 1995 г. (Журналы заседания... 1997): результаты стоматологической экспертизы и антропологического исследования костных останков, снятие расхождений результатов отчетственной экспертизы и заключения профессора У. Мейплза по вопросу идентификации останков великих княжон, анализ выводов следствия правительства Колчака, сопоставление результатов следствия 1918–1924 гг. и современного следствия, «записка Юровского», экспертиза костной мозоли на черепе Николая Романова, выяснение судьбы останков Алексея и Марии Романовых, в том числе возможности их полного уничтожения, ритуальный характер убийства, отчленение головы Николая Романова (Покаяние 1998). После предоставления документа Соловьев и Немцов рассчитывали на поддержку Алексея II.

Республиканский центр судмедэкспертизы Минздрава РФ пришел к следующим выводам:

— костные объекты являлись останками девяти человек (4 мужчин и 5 женщин);

— все скелеты значительный срок (не менее 50–60 лет) находились в условиях одного захоронения;

— пять скелетов принадлежали лицам, составляющим одну конкретную семейную группу, а именно: скелет №4 — Романову Николаю Александровичу, №7 — Александре Федоровне, №3 — Ольге Николаевне,

№5 — Татьяне Николаевне, №6 — Анастасии Николаевне;

— не принадлежащие к одной семье скелеты являлись останками: №1 — Демидовой Анны Степановны, №2 — Боткина Евгения Сергеевича, №8 — Харитонов Иван Михайлович, №9 — Труппа Алоизия Егоровича;

— останки Романовой Марии Николаевны и Романова Алексея Николаевича среди исследованных костных объектов найдены не были;

— повреждений шейных позвонков, свидетельствующих о возможном отторжении голов, не обнаружено (Покаяние 1998).

30 января 1998 г. состоялось очередное заседание Комиссии по исследованию и захоронению останков царской семьи. На него не прибыл Э.Э. Россель. Русскую православную церковь представлял митрополит Ювеналий Крутицкий и Коломенский, который заявил: «В настоящее время не нахожу оснований не отнестись с доверием к изложенной позиции Генеральной прокуратуры и судмедэкспертов. Одновременно считаю, что вся научная, историческая и нравственная ответственность целиком ложится на авторов заключения, которые представили в Комиссию свои выводы... При захоронении “екатеринбургских останков”, если и будут наличествовать сомнения, принадлежат ли они Царской Семье, или впоследствии наука изменит сделанные сегодня выводы, для России все равно будет важно существование даже символической могилы в память о последнем Российском Императоре, Его Семье

и их верных слугах, принявших мученическую кончину, где будут совершаться и молитвы, и которая станет символом покаяния. Дабы избежать любых недоразумений, считаю необходимым заявить, что мое данное мнение не является выражением официальной позиции Русской Православной Церкви в этом вопросе» (Покаяние 1998). В качестве явных противников подлинности останков выступили старший научный сотрудник ИВИ РАН С.А. Беляев и член-корреспондент Академии наук, директор Института истории археологии Уральского отделения РАН В.В. Алексеев, которые сочли уровень проведения экспертиз крайне низким (Максимова 1998).

Дискуссионным стал вопрос о месте захоронения — из вариантов были озвучены следующие: Москва (Новоспасский монастырь, где покоятся первые Романовы; главными инициаторами предложения были мэр Ю.М. Лужков и префект ЦАО г. Москвы А.И. Музыкантский), Екатеринбург (версия Э. Росселя), Санкт-Петербург (Петропавловский собор). Советники первого вице-премьера Б.Е. Немцова в записке ему так комментировали возможные места захоронения останков расстрелянных: «Достоинства предложений: хоронить в Петербурге — значит соблюсти традицию, идущую от петровских времен. Кремлевское захоронение подчеркнет историческую связь эпох.

Недостатки захоронения в Петербурге — достаточно критическая позиция тамошней общественности, нехватка места для девяти гробов. Такая же нехватка места и в Крем-

ле. Храм Христа Спасителя плох тем, что не имеет никакого отношения к историческим захоронениям российских правителей. Екатеринбургский проект связан с проблемой канонизации. Однако прямой зависимости между проблемой канонизации и захоронения не существует» (Об останках... 1998). Позиция президента была такова: «Для меня же как раз все было ясно: фамильный склеп семьи Романовых находится в Петербурге, в Петропавловской крепости, в кафедральном соборе Св. Петра и Павла. Тут двух мнений быть не могло: могилы предков должны быть священны для любой семьи» (Ельцин 2008).

Обсуждение даты прошло более спокойно, что позволило назначить погребение на июль 1998 г. — к 80-летию расстрела. В докладе президенту были приведены следующие цифры: большинство членов комиссии (16 человек) считают, что захоронение должно быть осуществлено в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге. В пользу захоронения в Москве высказался 1 человек, в пользу захоронения в Екатеринбурге — 4 человека. Большинство членов комиссии (12 человек) считают, что останки должны быть захоронены 17 июля. В пользу захоронения 1 марта («Прощеное Воскресение») высказалось 9 человек. 1 член Комиссии считает, что захоронение должно произойти не позднее шести месяцев со времени принятия решения (Проект доклада... 1998).

Однако вердикт о захоронении решено было вынести позже: в прессе всю писали о том, что в феврале планируется обсуждение вопроса

останков президентом Ельциным и патриархом Алексием II тет-а-тет (Решение о захоронении... 1998).

15 января 1998 г. в резиденции патриарха в Чистом переулке состоялась встреча его святейшества и председателя правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи, Б.Е. Немцова. Во встрече участвовали также его советники А.В. Шубин и В.В. Аксюциц, следователь В.Н. Соловьев. Патриарху были переданы результаты следствия Генеральной прокуратуры, два тома с историческими и судебно-медицинскими материалами. «Его Святейшество внимательно прочитал записку, просмотрел материалы, задал уточняющие вопросы. Затем патриарх отодвинул от себя папки, положил на них руку и сказал: “Вы меня убедили. Этот вопрос можно считать решенным. Обсудим место и время захоронения”» (Аксюциц 2016). Помимо участия РПЦ в похоронах обсуждались и другие вопросы сотрудничества церкви и государства, в частности — ситуация с борьбой за храмы на Украине (Шубин 2017).

26 февраля 1998 г. состоялось очередное заседание Священного Синода, на котором был заслушан доклад преосвященного митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, члена государственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи, о завершительном этапе работы комиссии.

По имевшимся суждениям постановили: «1. Принять к сведению информацию о решениях Государственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи, от 30 января 1998 г.

2. Оценка достоверности научных и следственных заключений, равно как и свидетельство об их незыблемости или неопровержимости, не входит в компетенцию Церкви. Научная и историческая ответственность за принятые в ходе следствия и изучения выводы относительно “екатеринбургских останков” полностью ложится на Республиканский центр судебно-медицинских исследований Минздрава России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

3. Решение Государственной Комиссии об идентификации найденных под Екатеринбургом останков как принадлежащих семье Императора Николая II вызвало серьезные сомнения и даже противостояния в Церкви и в обществе. Вместе с тем, есть основания считать, что обнаруженные останки принадлежат жертвам богоборческой власти. Известно, что многие из таких жертв были мучениками, исповедниками и страстотерпцами, которые ныне нашей Церковью причисляются к лику святых по мере установления их личностей, биографий и обретения соответствующих житийных материалов. Затянувшаяся процедура криминалистической экспертизы привела к тому, что екатеринбургские останки остаются без христианского погребения в течение недопустимо долгого времени.

4. В связи с этим Священный Синод высказывается в пользу безотлагательного погребения этих останков в символической могиле-памятнике. Когда будут сняты все сомнения относительно “екатеринбургских останков” и исчезнут основания для смущения и противостояния в обществе, следует вернуться к окончательному решению вопроса о месте их захоронения.

5. Одобрить работу Преосвященного митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия в Государственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи, за весь период ее деятельности» (Заседание Священного Синода... 1998).

Таким образом, руководство Русской православной церкви отказывалось признать, что останки принадлежат Николаю Романову и его близким, и прямо выступило против проведения церемонии в Петропавловском соборе. Это был неожиданный удар по планам Ельцина и Немцова.

Относительно причин такого решения высказывались различные мнения.

Так, советник Б.Е. Немцова — монархист В. Аксюциц видит причину во внутренних интригах церковного руководства. Он считает, что после заседания Синода 26 февраля патриарх остался с тем же мнением, которое сформировалось у него по итогам встречи с Немцовым. Однако прежний союзник правительственных сил митрополит Ювеналий

мог доложить членам Синода нечто иное. «Трудно сказать... Быть может, им руководила обида за то, что он не был приглашен на итоговую встречу с Патриархом. Но мнение Патриарха на этом заседании Синода оказалось в меньшинстве. Синод отметил, что не дело Церкви решать проблему идентификации. А заключение государственной комиссии вызывает серьезные сомнения и разномыслия в Церкви и в обществе» (Аксюцц 2016).

На наш взгляд, активность противников подлинности останков не могла сыграть решающей роли в изменении позиции руководства РПЦ, т.к. их аргументы уже были хорошо известны патриархии и раньше. Также сомнительно, что позиция Ювеналия в дальнейшем могла кардинально измениться от неприглашения на одну встречу.

Советник вице-премьера А.В. Шубин считает, что одной из причин стало невыполнением Немцовым договоренностей на встрече с патриархом. После обсуждения вопросов, связанных с идентификацией останков, патриарх «вдруг завел разговор на другие темы. Его волновало, что на Западной Украине униаты отбирают храмы у православных, просил Немцова посодействовать решению этой международной проблемы. Немцов, может быть, скоропалительно, но твердо согласился посодействовать. Патриарх, словно получив то, что хотел, вернулся к теме похорон. Он согласен с нами и готов обсудить срок церемонии... Но когда мы обсуждали итоги встречи... были уверены, что дело в шляпе. Я скорее в порядке рутинны напомнил, что

необходимо предпринять какие-то заметные для РПЦ меры давления на Украину по поводу церквей. Немцов кивнул, но конкретных заданий мы не получили...» (Шубин 2017). После того, как на заседании Синода 26 февраля РПЦ вынесла вердикт о непризнании останков, что, соответственно, снимало вопрос об участии патриарха в церемонии похорон, Шубин решил, что причиной этого стало невыполнение Немцовым обещания по украинским делам, однако, по словам Шубина, люди, приближенные к патриарху, рассказывали, что Алексей II «не был энтузиастом канонизации Николая II» и попытка привлечь его к участию в церемонии могла быть «одним из многих факторов в колебаниях руководства РПЦ начала 1998 года» (Там же).

Советниками Немцова были подготовлены компромиссные предложения: «На наш взгляд, компромисс, позволяющей Патриархии “сохранить лицо” перед верующими и, вместе с тем, провести захоронение на достойном уровне, возможен на следующих условиях:

1. Патриархия публично не подтверждает, но и не отрицает идентичность “екатеринбургских останков” на том основании, что все вопросы уже разъяснены Священным Синодом.

2. Патриарх и члены Священного Синода воздерживаются от публичных заявлений о том, что захоронение “екатеринбургских останков” вносит раскол в ряды верующих, раздор в общество и служит сиюминутным политическим целям.

3. В церемонии захоронения «екатеринбургских останков» принимает участие иерарх не ниже викарного епископа Санкт-Петербурга» (О положении с захоронением... 1998). Однако в итоге отпевание в Петропавловском соборе проводил протоиерей В. Сорокин.

Из-за позиции РПЦ некоторые видные государственные и политические деятели от участия в траурной церемонии отказались, как писал «Коммерсантъ», «практически все — от Егора Строева и Геннадия Селезнева до Юрия Лужкова и Эдуарда Росселя, которые еще совсем недавно устраивали чуть ли не публичные разборки за право похоронить останки именно в своих городах» (Тимакова 1998).

Ветвь «Кирилловичей» (так называемые Гогенцоллерны) не присутствовала на церемонии, по причине непризнания их главенства в Доме Романовых (О письме Великой... 1998). Из записки советников Немцова ясно, что российская пресса нанесла «существенный урон репутации этого семейства (документальное доказательство отсутствия каких-либо прав на престол, беспринципности и т.п.)», из-за чего «Леонида и ее семейство публично заявили об отказе» участвовать в официальных мероприятиях, а исключительно в московских, организованных мэром Ю.М. Лужковым. Было принято решение реагировать на это следующим образом: «целесообразно оставить Леониду и потомков Лужкову и воздержаться от направления письма» (О письме Леониде... 1998).

Ельцин решил не уступать давлению со стороны РПЦ и двигаться преж-

ним курсом. 2 марта 1998 г. пресс-секретарь президента Ельцина С. Ястржембский объявил официальную позицию власти: похороны назначены на 17 июля 1998 г. в Санкт-Петербурге (Максимова 1998).

19 мая 1998 г., в 130-летний юбилей Николая Романова, Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи, приступила к утверждению сценария церемонии захоронения останков царской семьи. Начало траурной церемонии должно было состояться в Царском Селе у Александровского дворца, далее кортеж должен был отправиться непосредственно в Санкт-Петербург, где в Исаакиевском или Петропавловском соборе предполагалось провести панихиду. Само захоронение намеревались произвести в склепе, в полу Петропавловского собора (Соколов 1998). После реставрации 1993 г. собор еще не был доступен посетителям, и сам Екатерининский придел еще пустовал. Выбор придела был обоснован статусом захораниваемых лиц: Николай Романов отрекся от престола и за себя, и за сына Алексея, что превращало их в частных нецарственных особ. Кроме того, в едином склепе предполагалось произвести погребение слуг и доктора Боткина — людей, никогда не обладавших царственным статусом (Логунова 2018).

Неоднократно подчеркивалось, что «похороны должны носить скромный характер и совершиться в течение одного дня. Необходимо избежать длительного прощания, помпезных шествий и т.п.» (Концепция церемонии...

1998). Скромный характер был обусловлен и скромным бюджетом похорон, ограниченным 50 млн рублей, сформированным на долевом участии из федерального бюджета и бюджета Санкт-Петербурга и Свердловской области. В связи с такой концепцией финансирования, зарубежным гостям были разосланы приглашения, в которых говорилось с сожалением, что «правительство Российской Федерации не располагает средствами для финансирования прибывающих на церемонию гостей. Надеемся, что Вам удастся изыскать необходимые средства» (Шаблоны приглашений 1998). Также было решено провести реставрационные работы в предполагаемом месте погребения останков и прилегающей к нему местности («восстановительных работ требует брусчатая мостовая, идущая от Кронверкского моста до Штольских ворот. Ее ремонт влечет за собой приведение в порядок летних вдоль мостовой газонов. Необходимо восстановить систему наружного освещения и подсветки памятника в целом... Екатерининский придел, иконостас, фасад собора... витраж Великокняжеской усыпальницы...»), которые обошлись государству в 17 млн деноминированных рублей (Распоряжение министра... 1998).

Церемония погребения должна была проходить по четко оговоренному плану (Предложения по церемониалу... 1998). 15 июля в храме Вознесения Господня в Екатеринбурге в 17 часов начинается заупокойное всенощное бдение. При вносе гробов в храм начинается колокольный звон. Также для участников церемонии была запланирована широкая культурная программа до 21 часов.

16 июля в 8 часов начинается литургия, причем доступ для приглашенных на церемонию открывается в 10 часов. В 11 часов производится три одиночных оружейных выстрела, чем объявляется начало панихиды по усопшим. По окончании панихиды гробы загружаются в автокатафалки, доставляются в аэропорт и в 14 часа вылетают в Санкт-Петербург, с приземлением в Пулковое. В плане был подробно расписан маршрут движения автокатафалков от аэропорта до Троицкой площади, с указанием мест, где должны были производиться орудийные выстрелы, а также порядок музыкального и строевого сопровождения. Траурная процессия начинается на Иоанновом мосту Петропавловской крепости. В 17 часов рота почетного караула покидает собор и начинается всенощное бдение. Каждый час у постаментов с гробами меняется караул. Все это время вплоть до 11 часов 18 июля доступ в собор для посторонних будет закрыт (Предложения по церемониалу... 1998).

Гробы находились в центре собора на специальном постаменте: на нижней ступени — с останками слуг и доктора, на средней — дочерей Романовых, на верхней — Николая Романова и его жены Александры. Дубовые гробы были орнаментированы православными крестами (за исключением католика А. Е. Труппа), а гроб Николая Романова — еще и моделью офицерской сабли с ножнами образца 1909 г. (Логунова 2018).

17 июля в 8 часов состоялась литургия, в 11 часов вместе с колокольным звоном началась официальная церемония похорон. В 12 часов после

трех выстрелов началась заупокойная панихида, затем опускание гробов в установленном порядке в место захоронения в приделе. Для символического предания земле рядом со склепом была установлена чаша с песком на треножнике.

На церемонии присутствовали политики, общественные и культурные деятели, «более полусотни членов рода Романовых и их родственников со всех уголков мира — из Австралии, Северной и Южной Америк и Европы. Из Великобритании прилетел принц Майкл Кентский, а из Германии — члены династии Ольденбургов, тесно связанной с Романовыми» (Логунова 2018). Торжественной речью панихиду открыл президент Б. Ельцин.

Закончив символически бросать землю на гробы, родственники уступили дорогу президенту и другим деятелям политики и культуры, приглашенным на церемонию. Затем началась процедура укладки плит поверх гробов. Вторая плита оказалась рыхлой и сорвалась с крюка. Она могла проломить гробы со всеми вытекающими последствиями, но, к счастью, упала ровно в то место, куда должна была быть уложена. Большинство присутствующих ничего не заметили. Плиты уложили, постелив сверху временную имитацию мрамора и надгробие (Похороны царя 1998).

По воспоминаниям очевидцев событий, «не обошлось и без протестующих против похорон, однако их не пропустили даже на Иоанновский мост, ведущий в крепость со стороны Троицкой площади» (Логунова 2018).

Так 17 июля 1998 г. останки Николая Романова и членов его семьи были погребены в склепе Петропавловского собора.

В 16 часов все участники церемонии были приглашены на официальный прием в Георгиевском зале Зимнего дворца. В 17 часов те же лица направляются на поминальную трапезу в зал памяти Александра III Музея этнографии народов России. Штандарты с гробов Николая II и Александры Федоровны были переданы на вечное хранение в Государственный музей истории Санкт-Петербурга (Там же).

Надежды на то, что после похорон исчезнут все противоречия, снимутся все вопросы и общество услышит единую точку зрения светских и духовных властей, рухнули. Для высшего руководства Русской православной церкви могила так и осталась символической. Главный научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга и исследователь истории погребения царских останков М.О. Логунова, вспоминая свои личные впечатления от присутствия на церемонии погребения, считает, что участие президента Б.Н. Ельцина в церемонии похорон обусловлено убеждениями академика Д.С. Лихачева, без которого бы государственное посещение погребения не состоялось (Там же). Однако нам это мнение кажется необоснованным, т.к. изначально президент Ельцин был заинтересован в этом вопросе как в одном из направлений культурной и мемориальной политики государства.

Вице-премьеру Б. Немцову удалось справиться с поставленной задачей,

но избежать скандала и неприятного для власти конфликта с РПЦ не удалось.

В 2006 г. сообщалось о находке останков Алексея и Марии Романовых, тела которых по прежней версии были сожжены. Но это уже совсем другая история.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Аксюциц 2016 — *Аксюциц В.* Раскрыл тайну предвзятого отношения РПЦ к царским останкам // *Партия Родина* [Электронный ресурс]. М., 2016. URL: rodina.ru/novosti/statii/Viktor-Aksyuchicv-MK-raskryl-tajnu-predvzyatogo-otnosheniya-RPC-k-carskim-ostankam (дата обращения: 09.01.2019); *Аксюциц В.* Реабилитация и захоронение останков семьи Николая II — это наш гражданский долг // *Партия Родина* [Электронный ресурс]. М., 2016. URL: rodina.ru/novosti/statii/Aksyuchic-Reabilitaciya-i-zaxoronenie-ostankov-semi-Nikolaya-II-ehto-nash-grazhdanskij-dolg (дата обращения: 09.01.2019).

Алексеев 2015 — *Алексеев В.* Без исторических документов подлинность царских останков не определить // *Православие* [Электронный ресурс]. URL: pravoslavie.ru/88154.html (дата обращения: 09.01.2019).

Голованов 2018 — *Голованов Р.* Почему не признавали царские останки: все дело в сокровищах Николая Второго? Интервью с В. Аксюцицем // *АО ИД «Комсомольская правда»* [Электронный ресурс]. URL: www.krsk.kp.ru/daily/26855/3897637/ (дата обращения: 09.01.2019).

Ельцин 2008 — *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. М., 2008.

Журналы заседания... 1997 — *Журналы заседания Священного Синода от 17 июля 1997 года* // Официальный сайт Мо-

сковского Патриархата [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4971881.html> (дата обращения: 09.01.2019).

Заседание Священного Синода... 1998 — *Заседание Священного Синода 26 февраля 1998 г. Протокол* // *Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей* [Электронный ресурс]. URL: mospat.ru/archive/1998/05/sr260281/ (дата обращения: 09.01.2019).

Историк Беляев сомневается... 2008 — *Историк Беляев сомневается, что найденные под Екатеринбургом останки принадлежат царской семье* // *NEWSRu.com* [Электронный ресурс]. М., 2000–2018. URL: www.newsru.com/russia/23jun2008/ostanki.html (дата обращения: 09.01.2019).

Концепция церемонии... 1998 — *Концепция церемонии похорон последнего российского императора Николая II, членов его семьи и лиц из их окружения, расстрелянных в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в г. Екатеринбург. Проект* // *Личный архив Шубина А. В. Папка 1997–1998.*

Кочергин 1991 — *Кочергин К.* Останками императора займется ООН // *Коммерсантъ Власть*. 1991. № 30. С. 2.

Логунова 2018 — *Логунова М.* Как прошли «самые странные похороны XX века» // *Санкт-Петербургские ведомости* [Электронный ресурс]. URL: spbvedomosti.ru/news/nasledie/tochka_ne_nbsp_postavlena/ (дата обращения: 09.01.2019).

Максимова 1998 — *Максимова Э.* Кого будем хоронить. Свято-Данилов монастырь и Белый дом не находят общего языка // *Известия*. 1998. № 39 (25139). С. 3; *Максимова Э.* Неожиданностей более не ожидается. Вердикт об останках царской семьи и их захоронении наконец-то вынесен (интервью с В.Н. Соловьевым) // *Известия*. 1998. 3 февраля. С. 3.

О письме Великой... 1998 — *О письме Великой княгине Леониде* // *Личный архив Шубина А. В. Папка 1997–1998.*

О письме Леониде... 1998 — О письме Леониде // Личный Архив Шубина А. В. Папка 1997–1998.

О положении с захоронением... 1998 — О положении с захоронением останков Николая II // Личный архив Шубина А. В. Папка 1997–1998.

Об останках... 1998 — Об останках Императорской Семьи // Личный архив Шубина А. В. Папка 1997–1998.

Покаяние 1998 — Покаяние: Материалы Правительств. комис. по изучению вопр., связанных с исследованием и перезахоронением останков Рос. имп. Николая II и членов его семьи : Избр. док. М., 1998.

Похороны царя 1998 — Похороны царя // Личный Архив Шубина А. В. Папка 1997–1998.

Предложения по церемониалу... 1998 — Предложения по церемониалу прощания с останками императора Николая II, его Августейшей семьи, их верных слуг и переноса останков к поезду на Санкт-Петербург. Сокращенный вариант. // Личный Архив Шубина А. В. Папка 1997–1998.

Проект доклада... 1998 — Проект доклада Комиссии Президенту «Об идентификации останков Николая II, членов его семьи и слуг (результаты работы Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи)» // Личный архив Шубина А. В. Папка 1997–1998.

Митров 2016 — *Протоиерей Митров О.* Следствие о гибели царской семьи и лиц из их окружения // Interfax [Электронный ресурс]. URL: www.interfax-religion.ru/?act=analysis&div=218 (дата обращения: 09.01.2019).

Пушкарев 2017 — *Пушкарев И.* «Сейчас я раскрою некоторые секреты». Следователь Соловьев в Екатеринбурге рассказал подробности дела об убийстве Николая II // Информационное агентство Знак [Электронный ресурс]. М., 2013–2019. URL: www.znak.com/2017-10-02/sledovatel_solovev_v_ekaterinburge_

[rasskazal_podrobnosti_dela_ob_ubiystve_nikolaya_ii](#) (дата обращения: 09.01.2019).

Распоряжение министра... 1998 — Распоряжение министра культуры РФ Н. Дементьевой №755-01-28 от 30.04.1998 (копия) // Личный архив Шубина А. В. Папка 1997–1998.

Распоряжение Правительства 1993 — Распоряжение Правительства РФ от 23.10.1993 N 1884-р «О создании комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков императора Николая II и членов его семьи» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. М., 1997–2019. URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=226892#05969942208294783 (дата обращения: 16.11.2018).

Решение о захоронении... 1998 — Решение о захоронении будет принято в феврале // Известия. 1998. 6 февраля. С. 1.

Соколов 1925 — *Соколов Н.А.* Убийство царской семьи. Берлин, 1925.

Соколов 1998 — *Соколов Ю.* Рассматривается сценарий царских похорон // Известия. 1998. №91 (25191). С. 1.

Тимакова 1998 — *Тимакова Н.* Все на похороны! // Коммерсантъ. 1998. № 128. С. 1.

Шаблоны приглашений 1998 — Шаблоны приглашений // Личный архив Шубина А. В. Папка 1997–1998.

Шубин 2017 — *Шубин А.В.* Как мы царя хоронили // Федеральный портал «История. РФ» [Электронный ресурс]. URL: histrf.ru/biblioteka/b/kak-my-tsaria-khoronili (дата обращения: 21.03.2018).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Клещенко 2019 — *Клещенко Е.* ДНК и ее человек : краткая история ДНК-идентификации. М., 2019.

Шубин 2019 — *Шубин А.В.* 1918 год. Революция кровью омытая. М., 2019.

FROM THE HISTORY OF IDENTIFICATION AND BURIAL OF THE REMAINS OF THE FAMILY OF
THE LAST EMPEROR

Sviridonova Anna I. — post-graduate student of the Department of auxiliary historical disciplines and Archeography of the Historical and archival Institute of RSUH (Moscow)

Key words: royal family, execution, burial, ceremonial.

Abstract. The article presents the history of identification of the remains of the members of royal family, the preparation and the ceremonial of their burial. The author touches the factors of influence on the Russian Orthodox Church, which for a long time was not able to express clearly its position on this issue, including the line of the official authorities, which eventually completed the task, although not without conflict with the Russian Orthodox Church.

REFERENCES

Kleshchenko E. *DNK i ee chelovek : kratkaia istoriia DNK-identifikatsii.* Moscow, 2019.

Shubin A. V. *1918 god. Revoliutsiia krov'iu omytaia.* Moscow, 2019.

А. А. Тесля

ГИТЛЕР — ЕЩЕ НЕ СТАВШИЙ ГИТЛЕРОМ

Рец.: *Хаманн Б.* Гитлер в Вене. Портрет диктатора в юности / пер. с нем. О. Козонковой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 568 с.

Ключевые слова: Гитлер, Австро-Венгерская монархия, Вена, канун Первой мировой войны.

Аннотация. Рецензируется монография, посвященная жизни Гитлера в молодые годы в Вене в канун Первой мировой войны.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-290-293

О жизни Гитлера в Вене до работы Бригитты Хаманн мы знали не очень много — в смысле знали достоверно, не из рассказов самого Гитлера и немногих мемуаристов. После ее работы — знаем существенно больше, благодаря и открытым ею новым источникам, и в первую очередь строгой критической проверке уже имевшихся свидетельств.

Однако, в сущности, объем этих сведений и теперь весьма невелик — юный Гитлер, впервые оказавшийся в Вене в 1907 г. и затем проживший в ней с 1908 по 1913 г., был человеком малозаметным и не очень

общительным. Благодаря высококлассной австрийской бюрократии и уровню сохранности архивов удалось установить, где именно он жил в Вене эти годы, равно как удалось скрупулезно проследить, как складывались обстоятельства его жизни с материально-денежной стороны. Но все это — лишь крупинки информации: Гитлер жил эти годы без ярких происшествий, зарабатывал себе на совсем скудную жизнь скромными художественными поделками — рисуя в основном небольшие акварели, размером с почтовую открытку, которые покупали туристы в поисках недорогих сувениров, да

© А. А. Тесля, 2020

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

перерисованные с книг виды Вены для торговцев рамами, поскольку рама со вставленным в нее рисунком продается лучше. По скромным средствам, не так часто, как хотел — ходил в Придворную оперу, но, несмотря на скудость средств, покупал стоячие места внизу, а не на 3-м или 4-м ярусах, что было существенно дешевле, но там приходилось бы смешиваться с разнополой публикой (дамы в партер не допускались), а это претило его чувству стиля или представлениям о должном. О годах, проведенных в мужском общежитии, вспоминали, что он особенно любил одну книгу — иллюстрированную историю Франко-прусской войны 1870–1871 гг. — его сосед сохранил эту деталь, а из других источников, характеризующих детство Гитлера в Линце, выясняется, что это была особенно ценяемая его отцом книга, едва ли не единственная в доме (правда, другие источники говорят о существовании некоторой «библиотеки», но есть основания полагать, что среди прочих, явно не очень многочисленных книг, эта помпезная «история» действительно выделялась). Через эту книгу осуществлялась сентиментальная связь с домом, с отцом — о котором Гитлер, впрочем, не любил вспоминать, в отличие от матери.

Подробности такого рода можно перечислять еще долго, но главный итог рецензируемой книги, дающей многогранный и целостный образ молодого Гитлера — в ином, а именно в тщательной реконструкции той культурной, политической, экономической реальности Вены конца XIX — начала XX в., в которой существовал, которую воспринимал

и которой затем — воспроизводя или отталкиваясь — следовал уже Гитлер-политик.

Этот образ Вены принципиально отличен от хорошо известного и многократно описанного «Австрийского [в сущности — именно Венского] ренессанса». Это история небольших газет, почти совершенно забытых, в отличие от знаменитой «Нойе Фрайе Прессе», история партий, которые когда-то были на слуху, но так и остались не только в прошлом, но и в стороне от большой политической истории — с несколькими депутатами в парламенте, шумными заявлениями, склоками — и без (или почти без) влияния на принятие политических решений. Лишь несколько имен из того круга, значимых для юного Гитлера, вышли за эти рамки. Например, имя Отто Вейнингера, чья книга «Пол и характер» после самоубийства автора стала общеизвестной, повлияв на многих — от Витгенштейнов до Музиля и Кафки, или Карла Люэгера, самого популярного бургомистра Вены. Циник, антисемит, Люэгер радикально преобразил облик Вены, создав современный мегаполис, — это был человек, чья популярность в какой-то момент в определенном смысле превосходила популярность императора, вынужденного вопреки себе утвердить, после четвертого подряд избрания Люэгера бургомистром, его в должности.

Прочие события и обстоятельства прочно забылись — и тем ценнее их реконструкция, произведенная в исследовании Бригитты Хаманн. Как, например, описание хаоса, в который погрузился Рейхсрат после введения

в 1907 г. всеобщего избирательного права — с неработоспособным регламентом, позволявшим меньшинству блокировать работу большинства, массой партий, разбитых по национальным, классовым, религиозным принципам, неспособных договориться между собой, с правительством, которое на все предвоенные годы окажется фактически чередой «технических» кабинетов. Гитлер затем, уже в «Майн кампф» (1924) будет вспоминать, что это зрелище — а в первый свой год в Вене он часто ходил в Рейхсрат слушать прения, пока его одежда это позволяла и пока еще было достаточно свободного времени — начисто смело его прежнее, подростковые иллюзии относительно парламентаризма. Здесь он мог наблюдать и бессилие большинства парламентариев, и грубое использование тех возможностей, что давала парламентская процедура, противниками большинства и противниками самой существующей формы правления.

То, что достигнуто в итоге тщательного изучения биографических сведений в наложении на плотный исторический контекст — это в общем-то предсказуемый, но тем более ценный в силу своей документальной доказанности вывод о том, что Гитлер в Вене был еще сильно далек от тех взглядов и представлений, которые будут ему присущи с начала 1920-х гг. Он увлекается немецкими националистами — но в этом увлечении одновременно впечатлен и Шённерером, мечтающим о Великой Германии, ненавидящим католиков и требующим как неперемного условия партийного членства — принятия лютеранства, которое понимает как

истинно-немецкую религию, и Вольфом — отрекшимся от Шённерера, расколовшим партию и ведущим отчаянную борьбу с чехами. И Люэгером — напротив, заключившим тесный союз с Ватиканом и при этом старательно осуществлявшим «германизацию» Вены. Райнхольд Ханиш, осенью 1909 г. подружившийся с Гитлером — чтобы затем решительно с ним поссориться к лету 1910 г., — будет затем и удивляться, и пытаться опорочить своего венского соседа, на тот момент уже сделавшегося фюрером, повествуя, что в те годы тот не только не был антисемитом, но его знакомыми и приятелями были преимущественно евреи. Хотя Ханиш, будучи сам ярким антисемитом, и пытался опорочить своего сначала приятеля, а затем врага, исследования подтверждают, что в этом отношении он был прав — в венские годы Гитлер часто сближался с евреями, не оставляя никаких следов своей идиосинкразии. Впрочем, и для немецких националистов тех лет основным врагом выступали скорее чехи — или, в более общей рамке, славянская угроза, перспектива ослабления империи. Антисемитизм станет основополагающим для Гитлера существенно позднее — видимо, в результате кризиса, пережитого им в конце 1918 г. И чему он научится у Люэгера и, от обратного, на примере неудач Шённерера — так это не разбрасываться, выбирать одного врага — там, где прагматика политического действия и собственная помраченность на какое-то время окажутся в согласии.

Венские годы зложат основы позднейших взглядов Гитлера — из Вены он вынесет и расхожие представле-

ния, и странные теории, почерпнутые в давно забытых небольших газетах и копеечных брошюрах, в популярных книгах, взятых в читальнях. Эти взгляды будут казаться в гораздо большей степени новыми и оригинальными его немецким слушателям в 1920–1930-х гг., чем были на самом деле. В Вене Гитлер их впитывает — из них затем он сложит свою систему представлений, но это произойдет существенно позднее, после военного опыта Первой мировой войны и воен-

ного поражения, в атмосфере 1918–1920 гг. В Вене он получает почти все то, из чего сложится его последующий взгляд и его способ действия как политика. И именно поэтому, хотя в Вене еще нет «Гитлера», но без этих лет, их повседневного опыта и тех идей, образов и представлений, которые он там и тогда получил, невозможно представить себе последующее — там, в Вене будет располагаться основной ресурс, из которого он будет черпать до конца своей жизни.

HITLER — STILL NOT HITLER

Rev.: Hamann B. Gitle v Vene. Portret diktatora v yunosti, per. s nem. O. Kozonkovej. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 568 p.

Teslya Andrei A. — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Key words: Hitler, Austro-Hungarian monarchy, Vienna, the eve of the First World War.

Abstract. The monograph paper on Hitler's life as a young man in Vienna on the eve of World War I is reviewed.

С. А. Михайлов

Рец.: Тимофеев А. Ю., Драгишич О., Тасич Д. Война после войны. Движение сопротивления на Балканах 1945–1953 гг. М.: Вече, 2020. 528 с.

Ключевые слова: повстанческое движение, противопартизанские операции, ранняя холодная война, советско-американские отношения, история Балкан.

Аннотация. Рецензируемая книга является компаративной историей повстанческого движения на Балканах в первое послевоенное десятилетие, написанной с опорой на архивные материалы балканских стран, СССР и США и соответствующую литературу.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-294-299

В издательском доме «Вече», одном из старейших частных исторических российских издательств (основано в 1991 г.), в серии «Военные тайны XX века», которую само издательство оценивает как свою ведущую серию по военной истории, вышло монографическое исследование о малоизвестном феномене резкой вспышки повстанчества в первом послевоенном десятилетии на Балканах. Речь идет о русско-сербском коллективе исследователей из нескольких исследовательских центров. А. Ю. Тимофеев является профессором истории в Университете Белграда (Сербия), О. Драгишич — старшим научным сотрудником в Институте новейшей истории Сербии (Сербия), а Д. Тасич — научным сотрудником Университета Градец-Кралове (Чехия). Результаты исследования были рекомендованы к печати решением ученого совета Института славяноведения РАН. Рецензентами книги выступили ученые из Белграда и Москвы: ведущий научный

сотрудник Института современной истории (Сербия) Г. Милорадович, доцент Университета обороны (Сербия) подполковник Д. Денда, профессор МГИМО (У) МИД России Я. В. Вишняков, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН Б. С. Новосельцев. Перевод исследования на русский язык был выполнен старшим научным сотрудником Института славяноведения РАН А. А. Силкиным при финансовой поддержке РФФИ.

Компаративное исследование проблем Балканского полуострова соответствует отечественной историографической традиции, и в силу этого общий подход авторов выглядит органичным в рамках российской исторической науки. Предмет исследования авторов гораздо шире коммерческого названия книги. Авторам удалось рассмотреть весь комплекс формирования, организации, развития и ликвидации повстанческих выступлений в странах Балканского

© С. А. Михайлов, 2020

Михайлов Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований (Москва); micalic@yahoo.com

региона. В то же время авторы проанализировали процесс становления и укрепления антиповстанческих органов, а также динамику подавления повстанческих выступлений в балканских государствах разных типов: в странах под советским управлением, под западным контролем и в государстве, обладавшем определенной самостоятельностью, т.е. титовской Югославии.

Нижней хронологической границей исследования стало освобождение Балкан от немецкой оккупации осенью 1944 г. Верхняя граница фактически определена исследователями более условно и в определенной мере была связана с ослаблением накала холодной войны после смерти И.В. Сталина в 1953 г., вскоре после которой был закончен перемирием опосредованный вооруженный конфликт США и СССР в рамках Корейской войны. В Балканском регионе в результате этих событий произошло улучшение дипломатических отношений между СССР и прозападными правительствами Греции и Югославии, а конкуренция между блоками на несколько десятилетий была трансформирована в культурную, экономическую и дипломатическую плоскость, с отказом от прямых силовых действий.

Естественным выбором авторов стало написание обширного введения о положении дел на Балканах в годы Второй мировой войны. Был дан обзор военных действий, характера оккупации балканских стран в зонах влияния Германии и ее союзников (Италии, Албании, Венгрии, Болгарии и Хорватии), а также показан процесс развития движения антифа-

шистского Сопротивления. В рамках развития антифашистского движения Сопротивления возникло два неравноценных по значению, но заметных направления — более многочисленное и активное просоветское движение коммунистов-партизан, а также более осторожные и склонные к сбережению народа от мести оккупантов пробританские (позднее проамериканские) движения антикоммунистического характера, имевшие различные названия у сербов, греков и албанцев. При этом авторы рассматривают события, условно разделяя их на происходившие на западе (в Югославии) и на востоке Балканского полуострова (Болгария, Греция, Албания). С географической точки зрения согласиться с таким разделением сложно. Лишь обратив внимание на интенсивность, многогранность и жестокость гражданской войны и борьбы против оккупантов в Югославии, можно понять причину этого структурного решения исследователей. Любопытным дополнением вводной главы является повышенное внимание авторов к «глобальным интересам» крупных игроков (СССР, Германии, США и Англии) на Балканах в годы Второй мировой войны. Особенно интересным представляется вопрос о планах обороны и «активных действий» Красной армии на Балканах в 1944–1945 гг., в рамках которого исследователям, базируясь на редких документах ЦАМО РФ, удалось обнаружить и реконструировать планы советского руководства по подготовке к отражению предполагаемого удара союзников в южный фланг советских войск в 1944–1945 гг., а также планы по контрударам в направлении

Салоник и Царьграда. Советские планы были связаны с опорой на местное повстанческое движение в Греции. В то же время активизация антисоветской деятельности англо-американцев напрямую связывалась советским военным командованием с ростом повстанческих выступлений в населенных мусульманами приграничных с Грецией и Турцией районах Болгарии. Авторы сделали обоснованный вывод о том, что гражданская война периода оккупации между движениями антифашистского сопротивления разного толка, а также конкуренция между супердержавами в регионе заронили те семена, из которых и выросло кровавое послевоенное десятилетие нестабильности и повстанчества.

В следующей главе авторы начали свой анализ с динамики формирования силовых структур в титовской Югославии. После краткого введения о структуре государственного аппарата были детально рассмотрены особенности развития вооруженных сил и органов государственной безопасности новой Югославии, сформировавшихся из различных структур аппарата коммунистических партизанских отрядов в годы Второй мировой войны. Авторы не преминули отметить особую роль советского влияния на развитие политической полиции, контрразведки и внутренних войск. В то же время авторы не забывали и о роли иностранного влияния на активизацию повстанцев в традиционно спокойных приграничных областях. Все же наиболее многочисленным и активным движением антикоммунистического сопротивления было движение четников, которое в 1944–1947 гг., по оценкам

местных органов правопорядка, превосходило по численности и размаху повстанческие выступления в Польше или на Украине. Интересно, что повстанческие проявления среди македонцев и славян-мусульман в Югославии в послевоенные годы были крайне незначительными. Авторы объясняют это рядом причин, самой важной из которых они считают ослабление традиционных иностранных покровителей этих движений в то время (Болгарии и Турции). Концом активной фазы повстанчества в Югославии стал разрыв между Сталиным и Тито в 1948 г. В результате этого часть повстанцев вышла через намеренно оставленные коридоры на границах на Запад. Оставшиеся были деморализованы происходившими переменами. Несмотря на пропаганду, советская сторона не предприняла реальных шагов по организации просоветского повстанчества в Югославии, в силу чего незамедлительно подавлялись отдельные повстанческие группы коммунистов-анти Titoистов, хотя они и имели место в Сербии, Черногории и Боснии в 1949–1950 гг.

В третьей главе речь идет о феномене горянского движения сопротивления. В силу уже упоминавшихся причин, турецкая активность в поддержке славян-мусульман в Болгарии также была с 1945 г. крайне ограниченной, в результате чего антикоммунистическое повстанчество в Болгарии было более типичным для представителей титульной нации. Численность повстанческих выступлений и масштабы политического бандитизма в Болгарии были намного более низкими, чем в Югославии. Авторы подробно рассмо-

трели манипуляции современных болгарских исследований, направленных на то, чтобы искусственно преувеличить роль и значение горян в послевоенной истории Болгарии. В Югославии речь шла о десятках отрядов (банд) с сотнями повстанцев в каждом горном районе страны в 1944–1947 гг. В Болгарии же на пике движения местному МВД были поименно известны почти все отряды. На пике численность горянского движения одномоментно не превосходила десятка повстанческих групп на всю страну, причем даже в крупных отрядах было не более двух десятков повстанцев. Авторы подробно рассмотрели эволюцию болгарского карательного аппарата и меры, принимавшиеся государством для борьбы с повстанцами. Отдельное внимание авторы уделили влиянию иностранных разведывательных структур на повстанческое движение в послевоенной Болгарии и особенно на преемственность, которая образовалась между немецкими организаторами болгарского повстанчества в 1945 г. и их преемниками в среде англо-американцев.

В следующей главе авторы продолжают свое исследование тактики повстанцев, а также антипартизанских действий на примере Румынии. Сделан вывод о том, что советские военные ни в виде технических специалистов (авиация, артиллерия, радиосвязь), ни в виде инструкторов или штабных офицеров не привлекались на широкой основе к местным антиповстанческим операциям. Это разительным образом отличалось от происходившего в Греции, где англичане (а потом и американцы) изначально взяли на себя роль ру-

ководства и спонсорства в местных противоповстанческих операциях, а в критические моменты не чурались и прямого участия в боевых действиях. Румынская историография, как и болгарская, пытается преувеличить численность и значимость местного повстанчества. С этой целью румынские исследователи оперируют сконструированным ими собирательным термином «Румынское антикоммунистическое движение сопротивления», в которое объединяют как повстанцев, так и подпольщиков, саботажников и других осужденных по политическим статьям. Также румынские исследователи очень неохотно говорят о присутствии в общей массе осужденных дутых и сфальсифицированных дел, неизбежных в сталинской традиции ведения следствия. Еще одним важным выводом является прямая преемственность между немецкими и англо-американскими организаторами повстанчества на территории Румынии. Важным фактором в разобщенности местного повстанчества стал многонациональный характер страны. В то же время авторы отметили, что, как и в Болгарии и Югославии, участники Румынского движения антикоммунистического сопротивления в большинстве своем принадлежали именно к титульной нации.

Партизанская война в послевоенной Греции (1946–1949), так же как и частые повстанческие выступления греческих левых активистов в более спокойные годы (1944–1945, 1950–1951), стала предметом заключительной главы исследования. С опорой на работы греческих авторов и мемуары участников событий с обеих

сторон конфликта, а также на огромный массив американских отчетов и обзоров, составленных в годы войны и после ее окончания, авторы детально реконструируют ход войны и историю развития ДАГ (связанной с компартией Демократической армии Греции). Особое внимание, как и во всем исследовании, авторы обращают на вклад иностранной помощи в формировании ДАГ. Не забывают авторы и о роли англо-американцев в формировании греческих структур безопасности, изначально слабых и почти разбитых греческими коммунистами, а в дальнейшем все более накаченных силами, средствами, продовольственными пайками и техникой. Авторы дискутируют и с устоявшейся в югославской историографии версией о том, что якобы поворот Тито к Западу не повлиял на поражение ДАГ. Исследователи также обратили внимание на негативное влияние на развитие в стратегии ДАГ опоры на национальные меньшинства, в ущерб вниманию к общенациональным интересам, как и на гибельность для повстанцев перехода к тактике оборончества.

Авторы заключили свой труд рядом важных выводов, опирающихся на промежуточные выводы о статистической картине повстанчества на Балканах в первое послевоенное десятилетие, о проблемах формирования и организации повстанческого движения. На протяжении всего исследования авторы не упускали из виду эволюцию органов антиповстанческих операций, развития их тактических приемов. Исследователи особо указали на роль взаимоотношений между повстанцами и широкими крестьянскими масса-

ми, от укрепления которых зависели рост и усиление повстанцев. Разрыв связей между народными массами и повстанцами стал главной целью успешных противоповстанческих мероприятий. Авторы подробно рассмотрели не только роль иностранного фактора в формировании повстанчества, но и такие факторы, как ограниченные возможности непосредственной координации деятельности повстанцев, важность подготовки кадров организаторов повстанческого движения, значимость последовательной идеологической поддержки и реальности поставленных целей, а также обреченность повстанчества, слишком тесно связанного с иностранным государством (в силу невозможности самостоятельной борьбы за интересы местного населения и, соответственно, превращения таких повстанческих движений в марионетки с неминуемо падающим авторитетом). Вместо сводной историографии, каждая глава имеет отдельные историографические экскурсы в рамках всего исследования. В конце труда помещен внушительный список литературы и источников, который включает 10 архивов, 63 опубликованных сборника источников и мемуаров, а также 447 изученных авторами исследований на английском, немецком, румынском, болгарском, русском, словенском, сербо-хорватском и греческом языках. Исследователям удалось справиться с поистине колоссальным объемом информации и дать читателю целостную и lapидарную картину важного феномена, до недавнего времени неизвестного отечественным военным историкам. При этом авторам удалось удержаться от пристрастности по отношению

к отдельным балканским народам. Несколько менее успешной была их попытка дистанцироваться от двух противостоявших сил холодной войны, одна из которых явно вызывает у них бóльшие симпатии. В то же время это не помешало авторам

сохранить объективность в рассмотрении взлетов и падений повстанческо-партизанского движения на всей территории Балкан, вне зависимости от того, на каких землях оно происходило.

Rev.: Timofeev A.Yu., Dragishich O., Tasich D. Voyna posle voyny. Dvizheniye soprotivleniya na Balkanakh 1945–1953 gg. Moscow: Veche, 2020. 528 p.

Mikhailov Sergey A. — Ph.D. in History, Senior Researcher, Russian Institute for Strategic Studies (Moscow)

Key words: guerrilla movement, counterinsurgent operations, early cold war, Soviet-American relations, history of the Balkans.

Abstract. The book under review is a comparative history of different guerrilla movements in the Balkans in the first post-war decade, based on archival materials from the Balkan countries, from former Soviet and American archives. Researchers used significant modern literature on the subject in five Balkan languages, as well as the opinions of historians reflected in Russian, English and German. The researchers have made important comparative findings opening a fresh look at the early history of the Cold War in the Balkans.

Н. П. Таньшина

ПЛАСТИЧЕСКОЕ БЕЗВЕСИЕ ИЛИ ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНЫЙ ДИССОНАНС: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ С. Р. МАТВЕЕВА¹

Рец.: *Матвеев С. Р.* Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 232 с.

Ключевые слова: Франсуа Гизо, Реставрация, Июльская монархия, французский умеренный либерализм, доктринеры, орлеанизм, историография.

Аннотация. На основе анализа монографии С. Р. Матвеева «Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо» в статье исследуется комплекс проблем, связанных с французским умеренным либерализмом в годы существования во Франции режимов Реставрации (1814–1830) и Июльской монархии (1830–1848). В центре внимания — интеллектуальное наследие известного французского историка, политика Франсуа Гизо, с именем которого связана не только разработка либеральных принципов, но и их реализация на практике в годы Июльской монархии, а также дискуссии, происходящие в историографии относительно интерпретации взглядов и деятельности Ф. Гизо.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-300-310

*«Низа и верха нет, это живет
лишь в мозгу человека, в отечестве
или иллюзий».*

Герман Гессе, «Степной волк»

Появление новой книги — это всегда событие. Появление книги к.ф.н., старшего научного сотрудника Института гуманитарных историко-теоретических исследований им.

© Н. П. Таньшина, 2020

Таньшина Наталия Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института Общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры новейшей истории стран Европы и Америки Московского педагогического государственного университета (Москва); horoshovo@mail.ru

¹ Работа была выполнена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС на 2020 г.

А. В. Полетаева (ИГИТИ) ВШЭ Сергея Рафисовича Матвеева «Порядок и свобода» — это особое событие для меня, на протяжении уже почти четверти века занимающейся изучением взглядов и деятельности Франсуа Гизо и в целом политической историей Франции первой половины XIX в. Появление этой книги означает, что в нашем очень немногочисленном полку исследователей, изучающих этот этап в истории Франции, прибыло. Ведь годы существования во Франции режимов Реставрации (1814–1830) и Июльской монархии (1830–1848) долгое время «выпадали» из поля зрения исследователей, не только отечественных, но и французских, являлись неприоритетными, «немодными» темами (Таньшина 2019: 155-173). Сейчас, конечно, историографическая ситуация существенно изменилась, и, начиная с работ известного французского исследователя Рене Ремона, годы Июльской монархии воспринимаются как время формирования набросков современных политических институтов Франции; время, когда были сформулированы политические правила и традиции, пережившие режим Июльской монархии. По словам Р. Ремона, «парламентаризм, который Франция практикует до сих пор, своими корнями уходит в конституционную монархию» (*Rémond* 1965: 319).

Возрождение научного интереса к изучению интеллектуального наследия Франсуа Гизо началось с книги видного французского историка Пьера Розанваллона «Момент Гизо» (*Rosanvallon* 1985), опубликованной в Париже в 1985 г. Розанваллон справедливо отмечал, что почти в столет-

нем «карантине» оказался не только Гизо, но и многие другие философы и публицисты первой половины XIX в., в основном представители либеральной или либерально-консервативной политической мысли. Розанваллон же анализирует эпоху Реставрации и Июльской монархии как важный этап в процессе модернизации Франции, укрепления основ либерализма, ставшего доминирующей идеологией индустриального общества. А Гизо для него является связующей нитью, неким проводником, через политическое наследие которого можно понять развитие либеральной политической культуры во Франции в XIX в. (*Ibid.*: 29).

То есть во взглядах специалистов на интеллектуальное наследие Гизо произошли кардинальные перемены, однако для французов как таковых, да и зачастую для историков, по крайней мере тех, с которыми мне доводилось общаться, Гизо — это скучный персонаж. «Франция — это скучающая нация», — в 1839 г. произнес литератор и политик Альфонс Ламартин. И когда мои коллеги узнают, что я начинала свою научную биографию с изучения Франсуа Гизо, они, все как один, говорят: «Гизо? Но это же протестант, аскет, это скучно!» А потом заговорщицки подмигивают своим товарищам: «Вы знаете, чем занимается наша русская коллега? Гизо?!» И ситуация повторяется буквально дословно: «Гизо — это скучно...» Поэтому появление еще одной книги о Гизо и в целом о политической истории Франции XIX в. — это, несомненно, важно.

Книга С. Р. Матвеева написана весьма тщательно, добросовестно,

с опорой на значительное количество литературы. Автор глубоко изучил и проанализировал работы Ф. Гизо, и за все это его можно только похвалить. Книга выросла из кандидатской диссертации С. Р. Матвеева, посвященной анализу взглядов Гизо и Токвиля — двух важнейших представителей либеральной мысли Франции XIX в. (Матвеев 2014)

И здесь мы переходим к ключевому термину — либерализм. А между тем как называется книга С. Р. Матвеева? «Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо». И вот здесь мало-мальски подготовленный читатель, не говоря уже о специалистах, оказывается в состоянии когнитивного диссонанса. Ведь все мы знаем о «либеральной школе эпохи Реставрации», историки прекрасно знают о *либералах-орлеанистах* Июльской монархии, которые выросли из *либералов-доктринеров* эпохи Реставрации, французские исследователи много писали о развитии *французской либеральной мысли*; в России рубежа XX–XXI вв., когда возрос интерес к проблемам классических западных идеологий XIX в., также появился ряд работ по *французскому либерализму*. Но, открывая книгу С. Р. Матвеева, мы читаем: «консерватизм», путь и либеральный.

Но для специалистов, как писал еще Марк Блок, важно договориться о терминах, если история хочет именоваться наукой. Конечно, можно называть Гизо консерватором, но надо это доказать и показать специфику консерватизма Гизо. Иначе получается, что мы нарушаем всю систему координат, переворачиваем все с ног на голову, но ничего не предлага-

ем взамен. Это, может, хорошо для искусства, вспомним Германа Гессе, чьи слова из «Степного волка» приведены в эпиграфе: «*Ниша и верха нет, это живет лишь в мозгу человека, в отечестве иллюзий*». То есть это программа абстрактного искусства. История — тоже искусство, и об этом говорил еще В. И. Герье. Но чтобы окончательно не запутаться, историки должны договориться о терминах. Иначе перед нами парадокс: Июльская монархия — либеральный режим, орлеанисты — либералы, ценности — либеральные, кризис либеральной идеологии, непопулярность либерализма — и вдруг мы узнаем, что все это — консерватизм и консерваторы. Но кто же тогда либералы и что такое либерализм? (А. де Токвиль, как следует из кандидатской диссертации, тоже консерватор...)

Действительно, в советское время Гизо именовали консерватором и режим Июльской монархии называли консервативным, но с другим значением. Не в связке либерализм/консерватизм, а консерватизм — как синоним реакции, с негативной коннотацией. Консервативная политика — не как антипод политики либеральной, а как реакционная политика, которая и привела страну к Революции в 1848 г.

При этом сам Гизо говорил, что он проводит политику либеральную, консервативную и антиреволюционную. Но в каком смысле? Либералом он был с молодости, он был либералом-доктринером и защищал идеи, характерные для либерализма. После Июльской революции 1830 г. он реализует либеральные идеи на практике. Консерватором он себя на-

зывал в том плане, что он выступал за сохранение уже достигнутого, а не за то, чтобы постоянно модернизировать-реформировать-оптимизировать общество. Он выступал против необдуманных и поспешных реформ. Отсюда и девиз либералов-орлеанистов: «Свобода и порядок» (в книге С.Р. Матвеева это, понятно, девиз консерваторов). То есть, именуя свою политику «консервативной», Гизо тем самым лишь подчеркивал ее умеренный, компромиссный характер, но с точки зрения взглядов, приоритетов себя он, конечно, всегда считал либералом.

То есть, анализируя деятельность французских умеренных либералов Реставрации и Июльской монархии, следует учитывать специфику французского классического либерализма, его отличие от либерализма англосаксонского. Для французского умеренного либерализма были характерны ценности, традиционно рассматриваемые как консервативные. Уже упоминавшийся Р. Ремон отмечал, что подобная концепция либерализма не исключала того, что этот либерализм был консервативным. Политический либерализм и социальная консервация — вот два столпа программы орлеанизма (*Rémond* 1963: 93). Но ключевое слово здесь — либерализм, и именно либералом себя именовал Гизо. «Я был в одно и то же время либерал и антиреволюционер, предан основным началам нового французского общества и исполнен уважения к старой Франции» (*Феоктистов* 1858: 363–364). Исходя из этого, политику Сопротивления, т.е. либералов-орлеанистов правого фланга (в отличие от группы Движения — либералов

левого толка), Гизо именовал «либеральной и антиреволюционной» (*Guizot* 1858–1867: 524).

Поэтому, читая книгу, я ловила себя на мысли, что оказываюсь в какой-то ситуации абсурда, поскольку на ее страницах то и дело опровергаются очевидные вещи: режим Июльской монархии — это режим либеральный, орлеанисты — либералы... Точнее, все это не опровергается, просто называется «консервативным». Или это сходно с ситуацией, описанной Е. Замятиным в его романе «Мы», и знаменитыми лозунгами: «Война — это мир, свобода — это рабство». Вроде бы абсурд, но люди в это верят. Историки, конечно, тоже люди, но тезис: «Все то, что до этого считалось и называлось либерализмом, отныне есть консерватизм», нуждается в доказательствах. Но в книге никаких доказательств нет, просто констатация.

Например, на с. 7 мы читаем: «Таким образом, история и теория французского *либерального консерватизма* (выделено курсивом здесь и далее мною. — Н.Т.) является важной частью политической мысли и общественной жизни Реставрации (1814–1830) и Июльской монархии (1830–1848)». Или на с. 8: «В монографии проведена реконструкция философских оснований французского *либерального консерватизма* через анализ ключевых понятий, а также проблем свободы, равенства, власти, суверенитета, телеологии и историософии в работах Франсуа Гизо». Аналогично на с. 9: «Июльская монархия, правление Луи-Филиппа Орлеанского, стала временем политического воплощения *либерального*

консерватизма». И таких примеров, когда все, что прежде называлось «либерализмом», а теперь стало «консерватизмом», множество.

Как я уже отметила, автор хорошо знаком с историографией и приводит работы своих предшественников, занимавшихся изучением либерализма и либеральной идеологии. При этом С. Р. Матвеев, который сам-то изучает «либеральный консерватизм», никак этот диссонанс не комментирует. Так, например, происходит при анализе книги известного российского исследователя В. А. Бутенко (1877–1931), изучавшего французских либералов эпохи Реставрации. На с. 213 С. Р. Матвеев утверждает: «Либеральный консерватизм стал центристской политической доктриной, приверженцы которой — в первую очередь члены общества доктринеров». Но, пожалуйста, Бутенко изучал либералов, и его книга так и называется: «Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации», а тут, оказывается, он изучал консерваторов. При этом С. Р. Матвеев в итоге сам настолько запутался, с кем он: с красными или белыми, с либералами или консерваторами, что у него то и дело проявляются эти противоречия и несогласования. Поэтому на с. 19 он пишет, что В. А. Бутенко все-таки изучал либералов: «Исследователь рассматривает также две тенденции в развитии французского либерализма: умеренную, истоки которой восходят к Монтескье, а в XIX в. ее развивал Гизо, и радикальную, восходящую к философии Руссо, нашедшую продолжение в работах Констанана».

И таких примеров — много. На с. 14 читаем: «Усугубила ситуацию

“вторичность” эпохи Реставрации и Июльской монархии, “серого молеетного межвременья”. Однако именно в эти годы многие *либеральные принципы* впервые были опробованы на практике и стали неотъемлемой частью французской, а затем и европейской политической культуры». То есть речь идет о либеральных принципах. И через одно предложение: «Таким образом родилась модель французского *либерального консерватизма*, она же стала теоретическим фундаментом Июльской монархии». Но на с. 49 снова: «Оформление политической доктрины *либерализма*, в отличие от его институционализации, проходило в течение длительного времени. *Либерализму* суждено было стать важнейшей идеологией XIX в.». И на с. 56: «*Либералы* занимали значительное место в легальном политическом пространстве в канун и в первые годы Реставрации, а при Июльской монархии одержали решительную победу и вступили в борьбу с демократами-республиканцами во имя порядка и спокойствия». Но на с. 77 мы узнаем о том, что либералы-орлеанисты вообще-то являются консерваторами: «Орлеанизм — это светская парламентская монархия... Их идеология — либеральный консерватизм...». То есть С. Р. Матвеев окончательно запутался сам, а читатель, даже подготовленный, никак не успевает за этой сверхподвижной логикой автора!

Случай с В. А. Бутенко повторяется и со всеми другими исследователями, писавшими о либерализме. То есть автор книги ни с кем не спорит: все исследуют одно и то же явление, просто С. Р. Матвеев пишет о консер-

ватизме, остальные — о либерализме, но верха и низа ведь не существует... Например, на с. 26 мы читаем: «Именно в это время (речь идет о рубеже XX–XXI вв. — *Н. Т.*) российские исследователи начали воспринимать Гизо как одного из центральных персонажей в процессе формирования и развития французского либерализма первой половины XIX в.». Далее, на той же странице: «Федосова полагает, что либеральное движение во Франции дало политического деятеля и философа такого масштаба, которого требовала конкретная политическая ситуация». Или на с. 27: «Вступительная статья М. М. Федоровой не только привлекает внимание к богатству политической мысли Гизо, но и содержит серьезный анализ французской либеральной традиции».

То есть автор вроде как просто констатирует, что все эти исследователи пишут о либералах, и ему как-то невдомек, почему он-то пишет о консерваторах? И нет никакого спора, дискуссии. Еще раз повторюсь: термины, они, может быть, и условны, но без них нельзя обойтись, иначе это будет не наука, а разговор на кухне. Если мы все, что было до нас, не принимаем, тогда надо это обосновать и аргументировать.

Я могу предположить, почему так происходит. Говоря словами Марка Блока, каждый историк копает свою яму, и стены столь высоки, что он не видит, что происходит в соседней яме. Поэтому порой заново изобретаем велосипед, особенно часто этим грешат студенты. Или, загнанные в рамки наукометрии, кто-то ссылается на тех, на кого «надо» ссы-

латься, как правило — на «своих», из «своих» университетов и научных центров. А то, что за пределами этого мира тоже есть научная жизнь и, более того, многое уже исследовано, остается неведомо.

Еще одно объяснение: С. Р. Матвеев смотрит на Гизо, прежде всего, глазами англосаксонских авторов и в своих выводах следует за ними. Например, на с. 8 мы читаем: «Философия Гизо долгое время оставалась малоизвестной политическим теоретикам англоязычного мира». «Теоретикам англоязычного мира» Гизо, может быть, и не был особо известен, но зачем же идти только за ними? Или на с. 13: «Несмотря на внушительное количество исследований, Гизо до сих пор не воспринимается специалистами в качестве оригинального политического мыслителя, недостаточно изучен его философский вклад в разработку теоретического обоснования политической системы орлеанизма, а также мало известна степень влияния идей Гизо на французскую политическую философию. Исследователи в массе своей не придали значения факту существования непосредственной связи между исторической концепцией, политической философией и государственной деятельностью Гизо». Простите, но что это за специалисты? Кем Гизо «до сих пор не воспринимается в качестве оригинального политического мыслителя»? Как уже отмечалось, во французской науке все уже очень давно пересмотрено, воспринято и оценено по достоинству. Или на с. 193: «Отталкиваясь от анализа современных исследований классовой проблематики, можно заключить, что

идеи Гизо относительно вопросов формирования, состава и роли среднего класса либо неизвестны, либо имеют очень малое влияние на современную социальную теорию». И далее, что логично, упоминание о канадском политическом философе К. Макферсоне, который, кстати, либерализм, а не консерватизм изучает. Или на с. 194: «В целом существование концепции среднего класса Гизо в значительной степени осталось незамеченным профессиональным сообществом». Каким сообществом? Кто это не заметил, кому это неизвестно? Мне — известно, специалистам, занимающимся этой эпохой, — тоже давно известно. Неизвестно, вероятно, лишь автору книги и каким-то англоязычным специалистам, на незнание которых регулярно ссылается С. Р. Матвеев. Непонятно лишь, зачем вводить читателя в заблуждение, он и так уже во всем этом либерализме-консерватизме совсем запутался...

Вероятно, на восприятие С. Р. Матвеевым Гизо как консерватора повлияли работы коллег-философов, специалистов в области консервативной мысли. И сквозь эту консервативно-философскую призму С. Р. Матвеев и увидел идеологию Гизо, просто не подозревая о том, что он, вообще-то, либерал. И так со времен кандидатской диссертации и пошло, и поэтому автор и не обращал внимания, что все, вообще-то, пишут о либерализме и либералах. Или сказывается то, что это — взгляд философа, а не историка. Хотя в аннотации прямо сказано, что в книге «предпринята попытка воссоздания интеллектуального ландшафта эпохи Реставрации и Июльской монархии», а уж тут без

политической истории, без истории идей никак не обойтись.

Отсюда и ошибки в интерпретации терминов, в частности того, что французы именуют «*pays legal*», т. е. часть общества, участвовавшая в политической жизни страны в качестве избирателей и самих «слуг народа». С. Р. Матвеев же упорно переводит этот термин буквально, как некое «легальное политическое пространство», что совершенно неверно и непонятно (с. 39, 45, 77). Термин «*juste milieu*», «золотая середина», автор также трактует буквально и некорректно: «В результате этого орлеанизм стал своеобразной перегородкой между экстремистами, подвергшими его атаке с обоих флангов. Оппоненты насмешливо прозвали орлеанистов “самой серединой” (“*juste milieu*”)». Между тем политика «золотой середины» — это никакое не насмешливое название, это суть идеологии орлеанизма — либерализма времен Июльской монархии. Орлеанизм — идеология компромисса, в том числе между дворянством и буржуазией, между ними и остальным народом, это «золотая середина», равным образом враждебная как деспотизму, так и анархии, как революционным потрясениям, так и контрреволюции. Или автор, обращаясь к знаменитому лозунгу «Обогащайтесь!», который приписывали Гизо и который он в таком виде никогда не произносил, вроде бы верно отмечает, что лозунг Гизо в полном виде звучал так: «Обогащайтесь посредством труда и бережливости, и вы станете избирателями!», но добавляет: «согласно легенде» (с. 188). Между тем это уже давно не легенда, и об этом много писали, хотя до настоящего времени остается спорным

вопрос, когда Гизо мог произнести оба этих выражения².

Встречаются в книге и фактические ошибки. Так, на с. 140 С.Р. Матвеев пишет: «Недовольство внешней политикой привело к отставке Гизо с поста главы министерства иностранных дел в 1847 г. Однако Луи-Филипп не захотел расстаться со своим министром, предложив последнему сформировать собственный кабинет». Между тем в 1847 г. Гизо был официально назначен королем на пост главы кабинета, который он фактически возглавлял с 29 октября 1840 г. при номинальном руководстве Н. Сульта и при этом сохранил, а не потерял пост министра иностранных дел. Или автор не вполне корректно трактует применявшийся либералами-орлеанистами во внешней политике принцип невмешательства, понимая его слишком буквально. На с. 139 мы читаем о внешнеполитических принципах Гизо: «...ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутреннюю политику другого государства». Между тем либералы-орлеанисты интерпретировали этот принцип весьма своеобразно, не случайно как сторонники политики Луи Филиппа, так и представители оппозиции называли его «двойным принципом». Французское правительство, беря на себя обязательство

не вмешиваться во внутренние дела других государств, оговаривало, что если ситуация в какой-либо стране будет представлять угрозу национальной безопасности Франции, или если во внутренние дела какого-либо государства вмешается третья держава, что также будет представлять опасность для Франции, или будет угрожать европейскому равновесию, то Франция могла прибегнуть к вооруженному вмешательству в дела другого государства, опять-таки исходя из принципа невмешательства.

То есть просто надо читать друг друга, ведь, как говорил Вольтер, «книги делаются из книг», иначе зачем все работы наших коллег, предшественников? Они уже многое сделали, и просто нерационально не использовать их достижения. И эти размышления вызваны вовсе не моим недоумением по поводу того, что С.Р. Матвеев называет свою книгу «первым опытом реконструкции политической теории французского либерального консерватизма на материале сочинений Франсуа Гизо» (с. 28), а вслед за ним этому вторят авторы рецензий (Тесля 2020: 313–316). Конечно, на протяжении многих лет изучая научное наследие Гизо, я писала о нем не как о консерваторе, но как об умеренно-либеральном мыслителе и политике, для которого была характерна идея «либерально-консервативного

² Сам Гизо не повествует об этом ни на страницах своих «Мемуаров», ни в своей переписке, ни в многочисленных статьях. Во время обсуждения в Палате депутатов 1 марта 1843 г. вопроса о секретных фондах Гизо произнес речь об «истинных инновациях», откуда можно было извлечь урезанный лозунг: «Обогащайтесь!» Но эти слова нельзя вырывать из общего контекста его речи: «Было время, славное время, когда нация боролась за обретение социальных и политических прав... Это дело совершено, права завоеваны, теперь переходим к другим. Вы хотите продвинуться вперед, вы хотите совершить то, что не успели сделать ваши отцы. Вы правы... В настоящее время, исходя из этих прав, создавайте свое правительство, укрепляйте свои институты, просвещайтесь, обогащайтесь, улучшайте моральные и материальные условия нашей Франции: вот истинные инновации».

синтеза»³. Отмечу, во введении автор упоминает мои книги о Гизо (не оговаривая, что эти книги были написаны на основе кандидатской диссертации на тему «Социально-политические взгляды и государственная деятельность Франсуа Гизо»), признавая, что в них «впервые в отечественной литературе предпринята попытка комплексного подхода к изучению социально-политических взглядов Гизо и их реализации на практике», и особо оговаривая, что первая книга была издана с полиграфическими изъянами (каюсь, в списке литературы надстрочные знаки «поехали»), зато вторая — уже без этих «изъянов»⁴. А полистай бы С. М. Матвеев эти книги с «изъянами» или без, да и работы других исследователей, многие вопросы были бы сняты.

То есть материал в книге представлен добротный, серьезный. Просто в ней абсолютно нарушена система координат, поэтому либералы становятся консерваторами, а либерализм — консерватизмом. Но почему так? Кто прав, а кто нет — ответов на эти вопросы мы не находим. Нам просто говорят: «Верьте мне!» Но мы-то знаем главное правило историка: никому нельзя верить, все

надо перепроверять! Поэтому я, как Мартин Лютер, на том стою и не могу иначе: доктринеры — либералы; режим Июльской монархии — либеральный; орлеанисты — умеренные либералы, выступавшие с идеей либерально-консервативного синтеза. Именно поэтому, отстаивая за историей право быть наукой, со стройным понятийным аппаратом и системой терминов, я считаю принципиально важным этих терминов придерживаться. Либо, предлагая новые подходы, приводить и убедительную систему доказательств. Ведь «пластическое безвесие» — оно у Казимира Малевича хорошо, но не в исторической науке. Я искренне надеюсь, что мои коллеги, изучающие французский либерализм и интеллектуальное наследие Франсуа Гизо, согласятся со мной и присоединятся к конструктивному и аргументированному научному спору и диалогу⁵.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Феоктистов 1858 — *Феоктистов* Е. М. Записки Гизо. Империя и Реставрация // Русский вестник. 1858. Т. 15. № 5–6. С. 363–364.

Guizot 1858–1867 — *Guizot F.* Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. V. 1–8. P., 1858–1867. V. 8.

³ См.: (Таньшина 2004а; 2004б).

⁴ Речь идет о работах: (Таньшина 2000а; 2016). См. также: (Таньшина 1999; 2000б; 2004в; 2005; 2015).

⁵ Тем более диалог уже начался, и 17 декабря 2019 г. состоялся научный семинар «Теория и практика французского консервативного либерализма/либерального консерватизма», организованный Институтом гуманитарных историко-теоретических исследований НИУ ВШЭ и Лабораторией комплексных исторических исследований ШАГИ ИОН РАНХиГС, в работе которого приняли участие Наталия Таньшина (профессор кафедры Всеобщей истории ИОН РАНХиГС), Илья Дементьев (доцент БФУ имени И. Канта), Мария Уварова (доцент МГЛУ), Сергей Матвеев (ст.н.с. НИУ ВШЭ). Модератором дискуссии выступил Андрей Ильин (ст.н.с. НИУ ВШЭ). URL: www.ganepa.ru/sobytiya/novosti/rossijskie-uchenye-obsudili-francuzskij-liberalnyj-konservatizm?searchin=1&searchword=%D0%BB%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Матвеев 2014 — Матвеев С. Р. Философские истоки французского либерального консерватизма (Ф. Гизо, А. Токвиль): дис. ... канд. философ. наук. М., 2014.

Таньшина 1999 — Таньшина Н. П. Франсуа Гизо и его мемуары // Научные труды МПГУ. Сер.: Социально-исторические науки. Сб. статей. М., 1999. С. 197–205.

Таньшина 2000а — Таньшина Н. Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма. М., 2000.

Таньшина 2000б — Таньшина Н. П. Франсуа Гизо — защитник прав человека // Право на свободу: Материалы международной конференции «История борьбы за свободу в XVII–XX вв. (к 50-летию одобрения генеральной ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека)». М., 2000.

Таньшина 2004а — Таньшина Н. П. Либерально-консервативный синтез: политико-философский аспект (на примере французского либерализма первой половины XIX века) // Философские исследования. 2004. № 2. С. 26–44.

Таньшина 2004б — Таньшина Н. П. Социальная философия французского классического либерализма (первая половина XIX века) // Философские исследования. 2004. № 3–4. С. 216–230.

Таньшина 2004в — Таньшина Н. П. Принцип невмешательства и его интерпретация французскими либералами в годы

Июльской монархии // Научные труды МПГУ. Серия: Социально-исторические науки. Сб. статей. М., 2004. С. 211–217.

Таньшина 2005 — Таньшина Н. П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005.

Таньшина 2015 — Таньшина Н. П. Пацифистская идея в постнаполеоновской Европе: Франсуа Гизо и Жан-Жак де Селлон // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 157–172.

Таньшина 2016 — Таньшина Н. Франсуа Гизо. Политическая биография. М., 2016.

Таньшина 2019 — Таньшина Н. П. «Забывтая» Июльская монархия: к вопросу о «модных» тенденциях в историографии // Труды кафедры истории нового и новейшего времени СПбГУ. 2019. № 19 (1). С. 155–173.

Тесля 2020 — Тесля А. А. О Франсуа Гизо как политическом философе. Рец.: Матвеев С. Р. Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 232 с. // Историческая экспертиза. 2020. № 1 (22). С. 313–316.

Rémond 1963 — Rémond R. La droite en France de la première Restauration à la V^eem République. P., 1963.

Rémond 1965 — Rémond R. La vie politique en France. 1789–1848. T. 2. P., 1965.

Rosanvallon 1985 — Rosanvallon P. Le moment Guizot. Paris, 1985.

THE WEIGHTESSNESS OF THE IMAGINABLE OR LIBERAL-CONSERVATIVE DISSONANCE:
REFLECTIONS ON THE BOOK BY S. R. MATVEEV

Rev.: Matveev S. R. Svoboda i poriadok: liberal'nyi konservatizm Fransua Gizo. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019. 232 p.

Tanshina Nataliya P. — Dr. Hab. (History) professor of the General History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher of the Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies at the Faculty of History,

State academic university for the humanities; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Key words: Francois Guizot, Restoration, July Monarchy, French moderate liberalism, doctrinaires, Orleanism, historiography.

Abstract. The article focuses on a set of problems related to French moderate liberalism during the French Restoration (1814–1830) and July monarchy (1830–1848) regimes. These issues are considered based on the base of S. R. Matveev's monograph "Freedom and order: the liberal conservatism of Francois Guizot" analysis. The article analyzes the intellectual heritage of the famous French historian and politician Francois Guizot. The name of Guizot is associated with both the development of liberal principles and their implementation in practice during the July monarchy. In addition, the article analyzes the discussions taking place in historiography regarding the interpretation of F. Guizot's views and activities.

REFERENCES

Matveev S. R. *Filosofskie istoki frantsuzskogo liberal'nogo konservatizma (F. Gizo, A. Tokvil')*: dis. ... kand. filosof. nauk. Moscow, 2014.

Rémond R. *La droite en France de la première Restauration à la V-em République*. P., 1963.

Rémond R. *La vie politique en France. 1789–1848*. T. 2. P., 1965.

Rosanvallon P. *Le moment Guizot*. Paris, 1985.

Tan'shina N. *Fransua Gizo. Politicheskaiia biografiia*. Moscow, 2016.

Tan'shina N. *Fransua Gizo: teoriia i praktika frantsuzskogo umerennogo liberalizma*. Moscow, 2000.

Tan'shina N. P. "Zabytaia' Iiul'skaia monarkhiia: k voprosu o "modnykh' tendentsiakh v istoriografii. *Trudy kafedry istorii novogo i noveishego vremeni SPbGU*, 2019, no. 19 (1), pp. 155–173.

Tan'shina N. P. Fransua Gizo — zashchitnik prav cheloveka. *Pravo na svobodu: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Istoriiia bor'by za svobodu v XVII–XX vv. (k 50-letiiu odobreniia general'noi assamblei OON Vseobshchei deklaratsii prav cheloveka)'*. Moscow, 2000.

Tan'shina N. P. Fransua Gizo i ego memuary. *Nauchnye trudy MPGU*. Ser.: Sotsial'no-istoricheskie nauki. Sb. statei. Moscow, 1999, pp. 197–205.

Tan'shina N. P. Liberal'no-konservativnyi sintez: politiko-filosofskii aspekt (na primere frantsuzskogo liberalizma pervoi poloviny XIX veka). *Filosofskie issledovaniia*, 2004, no. 2, pp. 26–44.

Tan'shina N. P. Patsifistskaia ideia v postnapoleonovskoi Evrope: Fransua Gizo i Zhan-Zhak de Sellon. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2015, no. 4, pp. 157–172.

Tan'shina N. P. *Politicheskaiia bor'ba vo Frantsii po voprosam vneshnei politiki v gody Iiul'skoi monarkhii*. Moscow, 2005.

Tan'shina N. P. Printsip nevmeshatel'stva i ego interpretatsiia frantsuzskimi liberalami v gody Iiul'skoi monarkhii. *Nauchnye trudy MPGU*. Serii: Sotsial'no-istoricheskie nauki. Sb. statei. Moscow, 2004, pp. 211–217.

Tan'shina N. P. Sotsial'naia filosofiiia frantsuzskogo klassicheskogo liberalizma (pervaia polovina XIX veka). *Filosofskie issledovaniia*, 2004, no. 3–4, pp. 216–230.

Teslia A. A. *O Fransua Gizo kak politicheskoi filosofe*. Rec.: Matveev S. R. Svoboda i poryadok: liberal'nyj konservatizm Fransua Gizo. M.: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2019. 232 s. // Istoricheskaya ekspertiza, 2020, № 1 (22), pp. 313–316.

Ар. А. Улунян

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БОЛГАРСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

Рец.: *Станчо Станчев, Румен Николов, Йордан Баев*. История на българското военно разузнаване. Т. 1, (1878–1955). София: Издателство «Изток-Запад», 2017. 301 с. (*Станчо Станчев, Румен Николов, Йордан Баев*. История българской военной разведки. Т. 1, (1878–1955). София: Издателство «Изток-Запад», 2017. 301 с.); *Йордан Баев*. История на българското военно разузнаване. Т. 2, (1955–2018). София: Издателство «Изток-Запад», 2019. 450 с. (*Йордан Баев*. История българской военной разведки Т. 2, (1955–2018). София: Издателство «Изток-Запад», 2019. 450 с.)

Ключевые слова: военная разведка, Болгария, история Балкан.

Аннотация. В обзоре анализируется двухтомная история болгарской военной разведки, написанная болгарскими историками. Основное внимание уделяется тесным связям между институциональной историей военной разведки и ее деятельностью в период от самого основания до окончания холодной войны и формирования нового типа болгарской военной разведки после вступления страны в НАТО.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-311-322

Публикация в Болгарии академической истории болгарской военной разведки в 2 томах, охватывающей период с момента воссоздания болгарской государственности в 1878 г. до 2018 г., по праву может считаться знаковым событием не только национальной историографии. Ей предшествовало издание в Болгарии в 2012–2017 гг. нескольких документальных сборников серии «Из архивов Государственной безопасности», содержащих документы болгарской военной разведки с момента установления коммунистического режима

и вплоть до его падения (Военното разузнаване през комунизма 2012; Военното разузнаване и Варшавският пакт 2015; Държавна Сигурност и РУ на ГЩ на БНА 2016, 2017).

Исследование, снабженное богатым иллюстративным материалом и документальными приложениями, как по своему жанру, так и по манере изложения разительно отличается от других подобных работ, появившихся в последнее время в самой Болгарии (В защита на отечеството 2008), как и от аналогов,

существующих в историографии других стран. Во-первых, это системная, представленная в хронологической последовательности история военной разведки, изученная как часть оборонного института. Авторы широко использовали в нем аутентичные архивные документы. Во-вторых, сами исследователи — это профессиональные ученые, известные как специалисты по истории военной разведки, проблемам безопасности, болгарской политической истории и международным отношениям. В их число вошли трое историков. Один из них — доцент, доктор и полковник в отставке Станчо Станчев, является военным историком, работал ранее в Институте военной истории при Генеральном штабе болгарской армии, затем в самом Генеральном штабе, а ныне руководит секцией «Военные исследования» в Военной академии им. Г. С. Раковского вооруженных сил Болгарии и избран председателем Комиссии по военной истории. Второй автор — доцент, доктор Румен Николов, руководитель секции «Военно-исторические исследования» в уже упоминавшейся военной академии. Третий участник проекта — известный болгарский ученый, профессор, доктор Йордан Баев, признанный специалист по вопросам международных отношений в период холодной войны, балканским аспектам ее истории, являющийся также сотрудником Военной академии им. Г. С. Раковского.

С самого начала авторы отметили, что «история разведки является относительно новым отдельным направлением в современной международной историографии, которое использует методологию пограничных

исторических научных областей, таких как военная история и история международных отношений», а представляемая работа — «первой попыткой всестороннего репрезентативного изучения истории болгарских военных разведывательных служб начиная от восстановления болгарского государства в 1878 году и до наших дней» (т. 1, с. 9).

Особое внимание авторы уделили во введении историческому экскурсу, дающему представление о развитии разведывательных организаций ряда стран, включая соседние Балканские государства. Этот краткий обзор важен для понимания места и роли института разведки и, в частности, его составной части — военной разведки — для международных позиций и внутривнутриполитического положения соответствующих стран региона на разных этапах их истории. В данной связи хотелось бы внести ряд уточнений, имеющих непосредственное отношение к затронутой авторами издания теме создания разведорганов в соседних с Болгарией государствах.

Не ставя под сомнение правильность сделанного авторами утверждения о том, что «в первые годы после окончания Первой мировой войны и создания Турецкой Республики было предпринято несколько спорадических попыток создать службу военной разведки», сформированную лишь в январе 1926 г. (т. 1, с. 13), следовало бы отметить, что еще в период правления османского султана Абдул-Хамида II (1876–1909) была образована подчинявшаяся ему служба, вошедшая в историографию под названием Разведывательная

служба дворца (Yıldız İstihbarat Teşkilâtı). В последнее десятилетие существования Османской империи была создана так называемая Специальная организация (Teşkilât-ı Mahsusa), сочетавшая в своей деятельности политические, разведывательные и пропагандистские задачи, а после крушения империи — Общество «Страж» (Karakol Cemiyeti), которое вело разведывательную работу против оккупационных сил Антанты в Стамбуле.

Необходимо сделать также уточнение и в отношении другого утверждения авторов — о том, что в Греции «в 1924 году была предпринята безуспешная попытка создать разведывательную службу, но действительное подразделение военной разведки в греческой армии начало функционировать только в 1936 году» (т. 1, с. 13). В действительности первая попытка имела место в январе 1926 г., когда была создана организация «Общая государственная безопасность» (Γενική Ασφάλεια του Κράτους), которая в ноябре 1936 г. получила название Служба защиты государства (Υπηρεσία Αμύνης του Κράτους). Она подчинялась непосредственно министру обороны; вскоре она была переименована в Общее управление службы по надзору за иностранцами (Γενική Διεύθυνση Υπηρεσίας Αλλοδαπών).

Процесс формирования собственно болгарской военной разведки, начальному этапу истории которой ее автор Ст. Станчев посвятил первую главу первого тома под названием «Военная разведка Болгарии до конца Первой мировой войны», охватывает период 1878–1918 гг. Примечательной в дан-

ном контексте является констатация того, что «в ходе русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) в штаб русской армии были назначены болгарские переводчики, которые помогали русскому командованию общаться с болгарским населением, собирать разведанные, решать проблемы снабжения, организовывать местную власть и многое другое» (т. 1, с. 34).

Воссоздание болгарского государства и его институтов, одним из которых была военная разведка, требовало наличия кадров, возможностей подготовки их на длительную перспективу и серьезных финансовых средств для поддержания и развития военной разведки как важного элемента общей системы оборонной политики новосозданного государства. Отмечая особенность процесса зарождения и складывания болгарской военной разведки, Станчев показывает, что после Освобождения основную работу по ведению разведки за рубежом выполняли гражданские дипломатические представители, которых вскоре в вопросах военной разведки начали заменять военные атташе, выполнявшие фактически функции официальных резидентов. Принятие в 1891 г. Закона об организации вооруженных сил серьезно повлияло и на характер деятельности военной разведки, постепенно ориентировавшейся на определение стратегических задач потенциальных противников на основных театрах военных действий. Ст. Станчев обращает внимание на то, что «в качестве временной меры предлагалось, чтобы дипломатические агенты княжества в Константинополе, Белграде и Бухаресте продолжали выполнять разведывательные функции» (т. 1, с. 38).

Тем временем на развитие болгарской военной разведки в определенной степени влиял один немаловажный фактор — подготовка большинства болгарских офицеров велась в России и лишь незначительная часть прошла обучение в ряде европейских стран. Судя по всему, это было одной из главных причин того, почему создававшаяся служба не сумела предотвратить действия про-русских заговорщиков в самой Болгарии, как не смогла ни получить достаточной информации относительно намерений Российской империи в Болгарии в период пребывания у власти правительства Ст. Стамболова (20.08.1887 — 19.05.1894), ни предотвратить планов убийства последнего. Этот, казалось бы, на первый взгляд «внутренний вопрос» имел принципиальное значение для позиций Болгарии как в регионе, так и в европейском секторе международной политики.

Имея в виду крайне конфликтное положение дел на Балканах в конце XIX — начале XX в., вопрос о структуризации болгарской военной разведки приобретал принципиальное значение. Автор главы, посвященной становлению службы, выделяет этапы этого процесса: от Информационного бюро в Оперативном отделе Штаба армии (ША) в 1903 г. до Разведывательной секции в ША в 1907 г. С момента создания бюро стратегическая разведка концентрировалась на Турции, а с появления разведсекции задачи расширились, и у главы этого подразделения ША появилось в 1907 г. два заместителя, курировавших Македонский и Одринский оперативные театры, а также сербское и румынское направления. Особое

значение для болгарской военной разведки имела деятельность такой известной структуры, как «Внутренняя македонско-одринская революционная организация», которая оказывала серьезную помощь в добытии военно-политических сведений об Османской империи, а также Греции. Параллельно, с развитием службы военного атташата, военная разведка получала данные по этому каналу в результате взаимодействия немногочисленных болгарских военных представителей за рубежом, прежде всего в Константинополе, со своими российскими, британскими, а также итальянскими коллегами.

Касаясь деятельности болгарской военной разведки в годы Балканских и Первой мировой войн, Ст. Станчев отмечает, что, с одной стороны, сведения, получаемые ею, имели большое значение для проведения военных операций на конкретных участках фронта, но с другой — «несомненно, что болгарской военной разведке в течение исследуемого периода не удалось добиться позиций, которые оказывали бы влияние на важные политические решения правительства. Но таких же позиций не удалось создать и болгарскому генеральному штабу» (т. 1, с. 98). Это утверждение автор подтверждает многими примерами. С точки зрения практики международных отношений и дипломатии интересен следующий пример. Касаясь заключения военной конвенции между Германией, Австро-Венгрией и Болгарией от 24 августа (6 сентября) 1915 г., которая являлась договором между генеральными штабами трех государств относительно общего наступления на Сербию, Ст. Станчев

приводит слова генерал-лейтенанта И. Фичева о том, что «он “случайно” узнал, что подполковник Ганчев без его ведома заключил военную конвенцию с Германией. То же самое рассказывает тогдашний начальник штаба генерал Климент Бояджиев: “Я, как начальник штаба армии, не знал обо всех этих переговорах, и мне не было предоставлено никаких документов для изучения или выражения моего мнения”» (т. 1, с. 98). Фактически речь шла о том, что по личному поручению болгарского царя Фердинанда I бывший военный атташе в Берлине, а на момент описываемых событий — командир I конного полка подполковник П. Ганчев подписал договор с начальником германского Генерального штаба Эрихом фон Фалькенхайном и начальником австро-венгерского Генерального штаба генералом Францом Конрадом фон Хетцендорфом втайне от болгарского военного министра и начальника Штаба армии. Эта немаловажная история получила детальное освещение в работах современных болгарских ученых Г. Маркова (*Марков 1995*), В. Георгиева и С. Трифонова (*Георгиев, Трифонов 1996*).

Примечателен на этом фоне вывод Ст. Стайкова, базирующийся на архивных материалах, о том, что вплоть до начала 1916 г. не существовало достаточной координации и взаимодействия между военными разведками Центральных держав, т.е. членами Четверного союза — Австро-Венгрии, Болгарии, Германии и Османской империи. Из источников становится ясна, несмотря на определенные успехи военных разведчиков, их явная неподготов-

ленность к решению многих не только стратегических, но и оперативных задач.

Первая мировая война, в которую Болгария оказалась втянута Берлином и Веней, использовавшими неудовлетворенность Софии результатами Второй Балканской войны, оказалась как для самой Болгарии в целом, так и для болгарской военной разведки как важного государственного института тяжелым испытанием. В этой связи Р. Николов, автор второй главы («Болгарская военная разведка, 1919–1944 гг.»), отмечает, что почти два десятилетия после окончания Первой мировой войны болгарская военная разведывательная служба вела свою деятельность по обеспечению национальной безопасности страны в условиях чрезвычайных ограничений, наложенных Нейским договором с Болгарией (т. 1, с. 103). Тем не менее разведывательная секция ША вопреки одному из пунктов договора, запрещавшему вести внешнюю военную деятельность, продолжала существовать под новым названием (Секция 16) в составе Первого оперативного отделения Штаба армии. Более того, в 1928 г. появилось секретное наставление, регулировавшее процесс воссоздания атташата и его активность. Примечательной особенностью деятельности функционировавшей в сложившихся условиях военной разведки были ее вовлеченность во внутривосточные коллизии и выполнение несвойственных ей функций тайной политической полиции. Одновременно болгарская военная разведка продолжала вести работу по добыванию данных относительно состояния вооруженных

сил соседних Балканских стран — Греции, Турции, Румынии и Югославии, имея в виду как их собственные военно-политические планы по сдерживанию Болгарии, так и их членство в Балканской Антанте.

Постепенное восстановление военной разведки как составной части общей системы обороны и безопасности царской Болгарии привело к началу Второй мировой войны к тому, что в 1940 г. началась структуризация Разведывательного отдела, в задачу которого входили внешняя и внутренняя разведка и контрразведка. Эта тема заслуживает тем большего внимания, что противодействие активности болгарских спецслужб со стороны разведок стран — членов антигитлеровской коалиции, и в частности советской, было достаточно велико. Документы по этой теме представляют интерес с точки зрения оперативных возможностей, демонстрировавшихся болгарскими военными контрразведчиками. В данной связи было бы полезно обращение к деятельности болгарской разведки в странах антигитлеровской коалиции, разумеется, несопоставимой по масштабу с деятельностью германского абвера, но от этого не менее важной. В контексте выяснения степени информированности болгарской военной разведки о стратегических планах антигитлеровской коалиции весьма примечательным является документально обоснованное утверждение Р. Николова о том, что летом 1943 г. военный атташе в Турции получил информацию от шведского военного атташе о том, что западные союзники готовят операцию в направлении Сицилии, Южной Италии и на Балканах (т. 1, с. 129). Однако

развитие событий к осени 1944 г. на Восточном фронте, когда советские войска уже вышли за границы СССР и приступили к продвижению в глубь Центрально-Восточной Европы и на Балканы, фактически привело к выходу Болгарии из союза с Германией и занятию ее территории Советской армией.

Военно-политическая обстановка в Болгарии и ее внутривластное развитие начали кардинально меняться после прихода к власти правительства Отечественного фронта, в условиях советского военного присутствия, способствовавшего укреплению позиций болгарской компартии, постепенно взявшей власть в стране в свои руки. Это сказалось на всех государственных институтах, включая сферу обороны и безопасности. Недолгое существование болгарской военной разведки в прежнем виде было прекращено к концу октября 1944 г., т. е. спустя всего месяц после внутривластных изменений 9 сентября 1944 г. Новые власти, прежде всего под воздействием компартии, поддерживавшейся советской стороной, взяли курс на проведение «чистки» оборонного ведомства и фактическое создание новых структур безопасности.

Болгария вновь, как и после Первой мировой войны, оказалась среди побежденных стран, однако в новых условиях она становилась частью обширной зоны советского влияния в Центрально-Восточной Европе и на Балканах, и это придало своеобразие процессу становления военной разведки. Именно этому вопросу посвящена третья, последняя глава первого тома, называемая «Бол-

гарская военная разведка в первое десятилетие холодной войны». Ее автор — Й. Баев, хорошо известный в академических кругах своими работами по холодной войне, — обратил внимание на превалировавшее влияние в новой системе государственных институтов, создававшейся коммунистами, такого органа, как Дирекция государственной безопасности. Автор также отмечает, что и в 50-х гг. XX в. отношения между военной разведкой и госбезопасностью, претендовавшей на решающую роль как в разведывательной работе за рубежом, так и в оказании влияния на кадровую политику в вооруженных силах, продолжали оставаться натянутыми.

В сложившихся условиях становление воссоздававшейся военной разведки как самостоятельной организации было затруднено. На этом фоне после создания правительства Отечественного фронта шла ожесточенная борьба болгарских коммунистов за руководящие посты в армии, включая разведку. Отчетливо проявились разногласия между разведотделом Штаба армии и госбезопасностью, чьи структуры хотели осуществлять и военную контрразведку (т. 1, с. 163). Тем не менее формирующаяся при активном советском участии структура военной разведки все активнее начинала вести работу за рубежом. Основные приоритеты ее деятельности в послевоенной обстановке сочетали как традиционные направления — греческое и турецкое, так и новые — англо-американское и югославское, усилившееся после конфликта 1948 г. Белграда с Коминформом и последующего создания Балканского пакта.

Первым серьезным испытанием для болгарской военной разведки стали события гражданской войны в Греции (1946–1949), когда «все полученные данные обобщались в аналитических отчетах, которые периодически отправлялись в государственные и военные органы власти, а некоторые из них отсылались в Москву» (т. 1, с. 187). На «турецком направлении», помимо получения развединформации о военно-политическом положении страны, ее внешней и оборонной политике, болгарская военная разведка обращала особое внимание на деятельность специальных служб соседней страны непосредственно в Болгарии и попытки использования ими мусульманского населения (т. 1, с. 192). Вероятно, в данный контекст автор мог бы вписать (тем более что документы об этом доступны в Болгарии) попытку создания так называемого «Цыганского революционного комитета» с целью инициировать создание Цыганской автономной области (что, при определенных условиях, могло бы превратиться в первый «пробный» шаг в деле образования Турецкой автономной области), а также вербовку турецкой разведкой начальника Военно-издательского фонда Г. Балабанова и вербовочные подходы к генеральному инспектору Болгарской народной армии генерал-полковнику Хр. Попову, использование общения с ним представителей турецкой разведки для получения стратегически важной информации, о чем сам генерал не догадывался.

Особый интерес представляет раздел третьей главы под названием «Создание и организация Разведывательного управления Генерального штаба БНА (1950–1955 гг.)», в котором

Й. Баев рассматривает в деталях процесс создания военной разведки в новых условиях и ее структуризацию как составной части оборонного ведомства для выполнения специфических задач. Проведенное автором исследование сочетает в себе изучение особенностей институционального развития болгарской военной разведки с ее конкретной деятельностью в этот период. При этом, как вполне справедливо отмечает Й. Баев, было велико советское участие. Стремление СССР укрепить свои позиции в странах «народной демократии» выражалось и в присутствии большого числа советских советников в различных ведомствах и министерствах соответствующих государств. Так, отмечая присутствие в 1952–1956 гг. Ивана Михайловича Константинова — старшего военного советника начальника болгарской военной разведки, автор подчеркивает его большой опыт работы под прикрытием в Японии и Китае. В этой связи имело, вероятно, смысл напомнить, что именно И. М. Константинов (1912–1991), работая в Генеральном консульстве в Корее, на протяжении долгого времени был тем, кто принимал радиogramмы Р. Зорге, не зная, правда, кто их отправитель.

Во многом продолжением этой главы первого тома стал практически весь второй том, автором которого является Й. Баев. Прделанная им поисковая работа в архивах и само исследование обнаруженных документов позволили отразить развитие болгарской военной разведки на протяжении 1955–2018 гг. в институциональном плане и рассмотреть основные этапы ее деятельнос-

ти, чему посвящены четыре главы. Они отражают в хронологическом порядке «внутреннюю» историю военной разведки, а также ее работу по широкому кругу направлений, что было сформулировано в названиях этих глав: «В системе Организации Варшавского договора», «Институциональное развитие болгарской военной разведки (1967–1991)», «Основные направления деятельности болгарской военной разведки (1967–1991)» и «Болгарская военная разведка после окончания холодной войны».

Усиление связей между НРБ и СССР в оборонной области в рамках как двусторонних отношений, так и созданного Варшавского пакта определило региональную «специализацию» болгарской военной разведки, приоритетной целью которой было ведение работы «прежде всего против Турции, Греции, военных баз США и вооруженных сил западных стран в Средиземноморском регионе» (т. 2, с. 22). При этом главной целью было своевременное получение информации о внезапном нанесении противником удара (т. 2, с. 25). Неудачи и явное отсутствие возможностей, включая финансовые затраты, трудности подготовки кадров имели свои последствия, а «тщательная переоценка в начале 1960-х годов результатов в этой области стратегической агентурной разведки привела к закрытию подразделения нелегальной разведки...». Существовавшие к концу 1960-х гг. нелегалы насчитывали в военной разведке всего 60 человек (т. 2, с. 27). Хотя основное внимание уделялось Турции и Греции, среди нелегалов были сотрудники, работавшие в Италии, Франции, Великобри-

тании, на Кипре и даже в ряде стран арабского Востока. Однако, несмотря на пристальное внимание к греческому «направлению», болгарская военная разведка так и не смогла сообщить заранее о готовившемся перевороте в Греции в апреле 1967 г.

Приход в мае 1967 г. на пост главы военной разведки не связанного ранее с ее деятельностью генерал-лейтенанта В. Зикюлова, занимавшего этот пост вплоть до начала 90-х гг. XX в., серьезно повлиял на проводившиеся в ней реформы и мероприятия, направленные на совершенствование работы этой организации. Он активно выступил за сотрудничество военных разведок стран — участниц ОВД и прежде всего с советским Главным разведывательным управлением (ГРУ). В 1964 г. состоялась первая встреча руководителей военных разведок членов Варшавского пакта в Софии. Й. Баев, обращаясь к оценкам болгарской военной разведкой происходивших в мире событий и основываясь на конкретном документальном материале, приходит к заключению о том, что арабо-израильская Шестидневная война (5–10 июня 1967 г.) серьезно повлияла на довольно критическую оценку новым руководителем военной разведки возможностей возглавляемой им службы. В направленном им начальнику Генштаба генерал-лейтенанту А. Семерджиеву специальном докладе отмечались серьезные недостатки в ведении разведки на турецком и греческом направлениях, результатом которых стала слабая осведомленность в важных для обороны Болгарии вопросах, а именно — состоянии и боеспособности воинских группировок двух стран на границе с Болгарией.

На этом фоне были предприняты новые попытки объединить внешнеполитическую и стратегическую разведку в рамках военной разведки, а также выявилось стремление главы Госбезопасности А. Солакова фактически подчинить себе разведку. Необходимость назревших изменений становилась очевидна и политическому руководству НРБ. Новая структура Разведывательного управления Генерального штаба БНА сложилась в 1971 г., главным направлением работы «оставалось получение надежной и актуальной информации о целях и намерениях вражеского военно-политического блока относительно возможного внезапного нападения на Болгарию или другую страну Варшавского пакта» (т. 2, с. 191).

Основываясь на архивных документах, Й. Баев делает в этой связи серьезное уточнение, опровергающее общепринятую в современной историографии версию. Речь идет об одной из крупных операций разведок стран — членов ОВД, и прежде всего, советских разведывательных органов, под названием «Ракетно-ядерное нападение» (болгарский вариант — «Внезапное ракетно-ядерное нападение»). Ее целью было своевременное выяснение планов по нанесению ядерного удара по СССР и странам Варшавского пакта. Как доказывает автор, эта операция не прекратилась со смертью Ю. Андропова, она продолжалась и при М. Горбачеве.

Обращаясь к региональным аспектам деятельности болгарской военной разведки в конце 60-х гг. XX в., Й. Баев отмечает, что она достаточно точно информировала о наличии серьезных противоречий между

президентом Турции Т. Озалам и военными, сопротивлявшимися укреплению его власти. Не менее значимыми были результаты работы радиотехнической службы болгарской военной разведки на кипрском «направлении», когда именно она, как стало ныне известно, первой из всех разведорганizaций стран — членов ОВД зафиксировала подготовку турецких войск к вторжению на остров в июле 1974.

Исследование Й. Баевым степени осведомленности болгарской военной разведки в балканских делах, в ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, а также значения этого факта в целом с точки зрения информированности болгарского государственного руководства позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на гораздо меньшие по сравнению с военной разведкой СССР возможности, болгарские союзники Москвы вносили определенный вклад в получение данных по важным вопросам региональной военной политики.

Важным аспектом деятельности болгарской военной разведки был сбор ею соответствующей информации в период кризисов в коммунистическом блоке (чехословацкие события 1968 г. и польские события 1980–1981 гг.), а также в свете конфликтов с Китаем и Албанией. Так, накануне распада Восточного блока болгарская военная разведка сумела добыть данные о позиции «высокопоставленных экспертов» в КНР по поводу происходивших в Восточной Европе событий. Согласно этим данным, в Китае существовали опасения относительно возможного влияния восточноевропейской си-

туации на внутривнутриполитические процессы в самой КНР (т. 2, с. 266).

Падение коммунистического режима в Болгарии и начало общественно-политической демократизации серьезно повлияли на положение военной разведки. Описываемая Й. Баевым на основе архивных документов ситуация во многом была похожа на события, происходившие в период прихода к власти коммунистов в 40-е гг. XX в., — при всем несходстве содержания и особенностей транзита от посткоммунистического этапа к демократическому. Декоммунизация органов безопасности и военной разведки, имея в виду сложности с кадрами и сам факт переориентации Республики Болгарии на членство в Единой Европе и НАТО, не была безболезненной и во многом находилась под воздействием политических условий переходного периода. Однако восстановление деятельности военной разведки в рамках процесса вступления Болгарии в Северо-Атлантический альянс поставило перед разведслужбой новые задачи и, прежде всего, по обеспечению обороноспособности как собственно Болгарии, так и всего Альянса.

Кризисные события, сопровождавшие распад бывшей Югославии, конфликт в Косово, афганское и иракское «направления» в военной политике НАТО, миротворчество в Камбодже получили достаточно подробное освещение в работе Й. Баева, который соотнес в своем исследовании институциональную историю военной разведки, перипетии в решении организационных и кадровых вопросов на новом этапе ее развития с исследованием конкретной деятельности

службы «Военная информация», как отныне стала называться болгарская военная разведка. Практически оба тома истории болгарской военной разведки могут считаться единым целым и одновременно дают богатый материал для исследователей, занимающихся не только разведывательной тематикой, но и историей Болгарии, ее внешней и оборонной политики в более широком балканском региональном контексте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

В защита на отечеството 2008 — В защита на отечеството. 100 години българско военно разузнаване. София: Служба Военна Информация, 2008.

Военното разузнаване през комунизма 2012 — Военното разузнаване през комунизма. Документален сборник. Съставители: Екатерина Бончева, Христо Христов, Момчил Методиев Комисия за разкриване на документите и за обявяване на принадлежност на български граждани към Държавна сигурност и разузнавателните служби на Българската народна армия (КРДОПБГДСРСБНА). Из архивите на ДС. Т. 9. София: Печат «Военно издателство» ЕООД, 2012.

Военното разузнаване и Варшавският пакт 2015 — Военното разузнаване и Варшавският пакт срещу НАТО. Документален сборник. Комисия за разкриване на документите и за обявяване на при-

надлежност на български граждани към Държавна сигурност и разузнавателните служби на Българската народна армия (КРДОПБГДСРСБНА). Из архивите на ДС. Т. 25. София: Печат «Военно издателство» ЕООД, София, 2015.

Държавна Сигурност и РУ на ГЩ на БНА 2016 — Държавна Сигурност и РУ на ГЩ на БНА в Азия [1944–1991]. Разширен вариант. Документален сборник. Комисия за разкриване на документите и за обявяване на принадлежност на български граждани към Държавна сигурност и разузнавателните служби на Българската народна армия (КРДОПБГДСРСБНА). Из архивите на ДС. Т. 34. София: Печат «Военно издателство» ЕООД, 2016.

Държавна Сигурност и РУ на ГЩ на БНА 2017 — Държавна Сигурност и РУ на ГЩ на БНА в Азия (1944–1991). Т. 2. Документален сборник. Комисия за разкриване на документите и за обявяване на принадлежност на български граждани към Държавна сигурност и разузнавателните служби на Българската народна армия (КРДОПБГДСРСБНА). Из архивите на ДС. Т. 41. София: Печат «Военно издателство» ЕООД, 2017.

Георгиев, Трифонов 1996 — *Георгиев В., Трифонов С.* История на българите в документи 1878–1944. Том II. София: Издателство «Просвета», 1996. С. 385–386.

Марков 1995 — *Марков Г.* Голямата война и българският ключ за европейския погреб 1914–1916. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1995.

ACADEMIC HISTORY OF BULGARIAN MILITARY INTELLIGENCE

Rev.: Stancho Stanchev, Rumen Nikolov, Iordan Baev. Istoriiia na b"lgarskoto voenno razuznavane. T. 1, (1878–1955). Sofiia: Izdatelstvo "Iztok-Zapad", 2017. 301 s. (Stancho Stanchev, Rumen Nikolov, Iordan Baev. Istoriiia bolgarskoi voennoi razvedki. T. 1, (1878–1955). Sofiia: Izdatel'stvo "Iztok-Zapad", 2017. 301 p.); Iordan Baev. Istoriiia na b"lgarskoto voenno razuznavane. T. 2, (1955–2018). Sofiia: Izdatelstvo "Iztok-Zapad", 2019. 450 s. (Iordan Baev. Istoriiia bolgarskoi voennoi razvedki T. 2, (1955–2018). Sofiia: Izdatel'stvo "Iztok-Zapad", 2019. 450 p.)

Ulunyan Arutyun A. — doctor of historical Sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow)

Key words: Bulgaria, history, military intelligence.

Abstract. The review analyzes the 2-volume history of the Bulgarian military intelligence, written by Bulgarian historians. Its focuses upon close links between the institutional history of military intelligence and its activities during the period from the very establishment until the end of the Cold War and the formation of new type of the Bulgarian military intelligence after the country joined NATO.

REFERENCES

D'rzhavna Sigurnost i RU na GSHT na BNA v Azija [1944–1991]. Razshiren variant. Dokumentalen sbornik. Komisija za razkrivane na dokumentite i za ob'javane na prinadlezhnost na b'lgarski grazhdani k'm D'rzhavna sigurnost i razuznavatelnite sluzhbi na B'lgarskata narodna armija (KR-DOPBGDSRSBNA). Iz arkhivite na DS. T. 34. Sofija: Pечат «Voenno izdatelstvo» EOOD, 2016.

D'rzhavna Sigurnost i RU na GSHT na BNA v Azija (1944–1991). T. 2. Dokumentalen sbornik. Komisija za razkrivane na dokumentite i za ob'javane na prinadlezhnost na b'lgarski grazhdani k'm D'rzhavna sigurnost i razuznavatelnite sluzhbi na B'lgarskata narodna armija (KR-DOPBGDSRSBNA). Iz arkhivite na DS. T. 41. Sofija: Pечат «Voenno izdatelstvo» EOOD, 2017.

Georgiev V., Trifonov S. *Istorija na b'lgarite v do-kumenti 1878–1944.* Tom II. Sofija: Izdatelstvo «Prosveta», 1996, pp. 385–386.

Markov G. *Goljamata vojna i b'lgarskijat kljuch za evropejskija pogreb 1914–1916.*

Sofija: Akademichno izdatelstvo «Prof. Marin Drinov», 1995.

V zashita na otechestvoto. 100 godini b'lgarsko voenno razuznavane. Sofija: Sluzhba Voenna Informatsija, 2008.

Voennoto razuznavane prez komunizma. Dokumentalen sbornik. Sústaviteli: Ekaterina Boncheva, Khristo Khristov, Momchil Metodiev. Komisija za razkrivane na dokumentite i za ob'javane na prinadlezhnost na b'lgarski grazhdani k'm D'rzhavna sigurnost i razuznavatelnite sluzhbi na B'lgarskata narodna armija (KR-DOPBGDSRSBNA). Iz arkhivite na DS. T. 9. Sofija: Pечат «Voenno izdatelstvo» EOOD, 2012.

Voennoto razuznavane i Varshavskijat pakt sreshu NATO. Dokumentalen sbornik. Komisija za razkrivane na dokumentite i za ob'javane na prinadlezhnost na b'lgarski grazhdani k'm D'rzhavna sigurnost i razuznavatelnite sluzhbi na B'lgarskata narodna armija (KR-DOPBGDSRSBNA). Iz arkhivite na DS. T. 25. Sofija: Pечат «Voenno izdatelstvo» EOOD, Sofija, 2015.

А. А. Тесля

ОТ ФРОНТИРА К ПОГРАНИЧЬЮ¹

Рец.: *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.: ил. (Серия: «Historia Rossica / Краины Российской империи»).

Ключевые слова: Московское царство, Золотая Орда и ее преемники, Российская империя, пограничье, степное пространство, кочевые народы, имперские окраины, колонизация.

Аннотация. Рецензируется монография, посвященная истории продвижения Московского царства, а позже Российской империи на восток и юго-восток и интеграции приграничного степного региона в пространство империи.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-323-327

Книга Майкла Ходарковского представляет собой сжатый обзор истории продвижения Московского царства, а затем — Российской империи — в степь и преобразования степного региона из имперского фронта в пограничье, а затем — в имперскую окраину.

Поскольку речь идет о длительных процессах и задачей автора является не только и не столько описание, но в первую очередь — объяснение происходивших процессов, то в основе работы лежит «большая концепция» русской имперской истории, призванная связать между собой формирование и эволюцию имперских

© А. А. Тесля, 2020

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

¹ Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда. This research was supported by the grant No 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th – 20th Centuries” of the Russian Science Foundation..

структур, территориальное расширение империи, формы и способы взаимодействия со степными соседями / подвластными.

Композиционно книга делится на четыре части:

— первые две главы посвящены концептуальному описанию русского фронта и тех понятий и категорий, в которых осмысливали и описывали свои действия стороны;

— главы третья и четвертая дают хронологически последовательный рассказ об экспансии Москвы / Российской империи в степи — от «укрощения “дикого поля”» до трансформации (незавершенной) фронта в пограничье, с 1480 до 1800 г.;

— последняя, пятая глава посвящена описанию государственной политики в отношении степных окраин — тех пространств и сообществ, которые в рамках предыдущего расширения оказались включены во «внутреннее пространство» империи;

— а в заключении дан краткий очерк описываемых в книге процессов с акцентом не только на последующие события, предпосылки и возможности для которых возникли в рамках рассматриваемого в работе периода, но и в компаративистской перспективе, с преимущественным вниманием к тому интеллектуальному инструментарию, который использовался административным аппаратом для осмысления текущих процессов и целей имперской политики.

Один из наиболее любопытных сюжетов книги — обсуждение про-

блематики легитимности Москвы, которая выстраивается с момента разрушения Золотой Орды на двух основаниях: во-первых, через обращение к наследию Киевской Руси и Византии, во-вторых, к золотоордынскому. При этом первое обращено преимущественно на запад, второе — на восток и юг, в том числе и постольку, поскольку Москва на протяжении полутора столетий продолжала оставаться в системе политических отношений, выстроившихся в рамках Золотой Орды и затем сохранявшихся, соответствующим образом переконфигурируясь, на протяжении столетий. Так, Москва рассматривает Казань как свой «юрт» — этим обосновывая в письме к ногайским правителям завоевание Казани и представляя его как ответ на мятеж, т.е. законную кару. Со своей стороны, в дальнейшем некоторые степняки будут именовать московского царя не только «белым царем», что было общераспространенно, но в известных случаях — и Чингизидом, что не имело реальных оснований, но явится признанием преобладания, господства, как и знаком полной лояльности.

Вместе с тем поверх этой конструкции уже с XIV в. выстраивается иная — построенная на религиозной идентичности как основополагающей, в связи с чем притязания на Казанское или Астраханское ханства, требования уступить их будут предъявлять не только Крым, как наследник Золотой Орды, но и Стамбул, опираясь (вместе с крымскими ханами) на логику власти над единоверными, тогда как Москва будет отсылать к юртам, даваемым татарским князьям — в первую очередь к Каси-

мову. Говоря, в частности, о процессах конца XV — первых десятилетий XVI в., Ходарковский отмечает несоответствия между юридическими конструкциями и их реальным содержанием, например, в договоре Василия III с Абдулатифом, бывшим казанским ханом, которому великий князь отдавал в удел Юрьев-Подольский:

«Подобные несоответствия были результатом сложного переплетения старого и нового в степной политике. Де-факто Москва отдалялась от своих степных соседей; де-юре она продолжала оставаться частью политической системы Золотой Орды. Поэтому крымские татары продолжали считать Москву зависимым от них государством. На выход из привычных конструкций и приведение их в соответствие с новой реальностью у Москвы уйдет два столетия» (с. 138).

Принципиальный водораздел проляжет в Смутное время: «На протяжении XVI века допущение, что Москва является одной из наследниц Золотой Орды, позволяло как оправдывать ее экспансию в южном и восточном направлениях, так и узаконивать ее завоевания. <...> Ордынская традиция была отвергнута лишь после восхождения на престол династии Романовых: из Смутного времени Российское государство вышло с обновленной и окрепшей христианской идентичностью» (с. 317).

Москва — сначала неуверенно, затем все более успешно — реализует

принцип территориального господства: там, где раньше степной мир имел преимущество, через объединение людей и господство в смысле уплаты дани, Москва теперь осуществляет модерное господство над пространством, в соединении как оборонительного движения — построения «черт», своего рода «великой московской стены», так и наступательного — поскольку построение новых «черт» переводит пространство за ними во «внутреннее», где возможной становится реализация уже государственного правления и управления. Это движение отчетливо ощутят сначала ногаи, а затем — башкиры и калмыки, оказывавшиеся постепенно окруженными со всех сторон, заключенными в границы — и тем самым переводимые из неопределенного статуса подвластных/союзников, тех, кто присягал на подданство², собственно в подданных империи (когда язык русских грамот приобретал все более буквальное толкование).

В первой главе Ходарковский подчеркивает, что никакой «долгий мир» между степными и земледельческими сообществами не был возможен — в силу самого устройства первых, чередоваться могли лишь режимы больших набегов и перманентной «партизанской войны». Поэтому с того момента, как баланс сил начинает меняться, перед земледельческой державой встает не только задача продвижения вперед, но и принципиальной трансформации степных сообществ, разрушения их прежних укладов и форм жизни,

² Смысл чего стороны заведомо — и понятно друг для друга — толковали различно и не стремились, как правило, уточнить и согласовать толкование.

поскольку с ними невозможным оказывается достижение «мира» в категориях государственного существования. В итоге можно наблюдать, как одновременно схожим образом в XVIII в. будут продвигать свой степной фронт, до тех пор, пока не обретут уже границу (причем между собой) две империи, отвечавшие на сходные вызовы: Российская и Цинская. В этой же связи сам язык, на котором имперские агенты описывали и осмыслили происходящее, исключал язык «средней позиции»:

«Даже тогда, когда она в неявном виде присутствовала, как в процедурах выплаты ясака, идеология правительства отказывалась признать это и официальная риторика продолжала отрицать реальность» (с. 325).

И как показывает сам Ходарковский, это «отрицание реальности» являлось вполне действенным инструментом ее преобразования — не недостатком системы, а напротив, ее существенным свойством, позволявшим действовать вполне эффективно. И это же вело, по предположению автора, к «уничтожению всякой возможности откровенного колониального дискурса» (с. 326) — в том числе и потому, что под «откровенно колониальной» понимается иная, преимущественно утилитарная модель

колонизации, тогда как «первоначальная колонизация Степи Россией лучше всего подпадает под термин “органический колониализм”, то есть колониализм, по большей части определяемый оборонительными задачами — обезопасить и стабилизировать южное пограничье страны. Лишь в XIX веке, когда Степь была окончательно завоевана, а кочевники подчинены, российская экспансия на Кавказ и в Среднюю Азию стала выглядеть как классический пример западного колониализма, стремящегося к завоеванию и господству и движимого утилитарными задачами» — если понимать под последними самодостаточность задач ключевых агентов колониализма, которые выступают и его субъектами. В модели Ходарковского Россия в своем продвижении в Степь оказывается радикально преобразующей местные сообщества и модифицирующей осваиваемые пространства, стремясь в первую очередь решить фундаментальную проблему безопасности ее основной земледельческой зоны. И поскольку инструментом продвижения в том числе является расширение этой зоны, то экспансия осуществляется до тех пор, пока Степь не перестает быть «внешним» и становится своим «внутренним», т.е. перестает существовать как Степь в политическом смысле, что и происходит окончательно к XIX в.

FROM FRONTIER TO BORDER

Rev.: Khodarkovskij M. Stepny`e rubezhi Rossii: kak sozdavalas` kolonial`naya imperiya. 1500–1800, per. s angl. A. Tereshhenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 352 p.: il. (seriya: "Historia Rossica / Ukrainy` Rossijskoj imperii")

Teslya Andrei A. — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University

Key words: Moscow kingdom, Golden Horde and its successors, Russian Empire, borderland, steppe space, nomadic peoples, imperial outskirts, colonization.

Abstract. The monograph paper on the history of the expansion of the Moscow Kingdom, and later the Russian Empire to the east and south-east and the integration of the border steppe region into the Empire is reviewed.

Н. О. Воскресенская

РОССИЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ: ФАКТОРЫ И УРОКИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Рец.: 1917 год: революция, государство, общество и Церковь: Монография / редакционная коллегия: А. Н. Сахаров, чл.-корр. РАН, д.и.н., проф. (отв. ред.), В. С. Христофоров, чл.-корр. РАН, д.ю.н., проф. (отв. ред.), И. В. Поткина, д.и.н., (сост., науч. ред.). М., 2019.

Ключевые слова: менталитет, политические заключенные, революция, религиозная философия, социалистические сионистские организации, церковь.

Аннотация. Авторы рецензируемой монографии ставят перед собой вопросы первостепенной важности, имеющие не просто дискуссионный академический, но и актуальный практический характер: какие факторы подвели Россию к революционным событиям начала XX в. и задали их параметры; была ли у России альтернатива революционному пути развития; на каких принципах и почему именно так строились взаимоотношения государства, церкви и общества в поздней имперской, революционной и социалистической России. Предложенные авторами монографии научно-методические принципы и подходы и сделанные выводы приближают читателя к пониманию обстоятельств, вовлекших страну в зону революционной турбулентности, раскрывают общие закономерности и специфику взаимоотношений государственной власти, церкви и общества; уроки на будущее, извлеченные авторами по итогам анализа российского исторического опыта, могут быть полезны при выстраивании текущей стратегии и тактики национального развития.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-328-342

Логичная структура монографии постепенно погружает читателя в тревожную атмосферу предреволюционных, революционных и постреволюционных лет. Авторы, вовлеченные в исследовательский процесс и интеллектуально, и эмоционально, способствуют формированию эмоционально окрашенных оценок и у чита-

тельской аудитории. Эмоциональная составляющая отнюдь не противоречит принципу объективности в работе с источниками, обязательность которого не подлежит сомнению и который был в полной мере соблюден в настоящей монографии. Однако стоит ли ограничиваться ролью «беспристрастного летописца»

© Н. О. Воскресенская, 2020

Воскресенская Нина Олеговна — кандидат исторических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва); ninaolvoskr@gmail.com

при трактовке объективно полученных результатов? Представляется, что нет: нежелание высказать свое личное мнение приводит к восприятию уже высказанных суждений как единственно верных и, следовательно, к застою в исторической науке; откровенно же выраженная научная позиция стимулирует ее развитие.

Фундаментальный характер труда «1917 год: революция, государство, общество и Церковь» обеспечивается обширной источниковой базой — счет используемых в ней архивных документов идет на многие сотни, авторы анализируют данные официальной статистики, источники личного происхождения, профильную научную литературу; подробный и выверенный справочный аппарат позволяет читателю быстро ориентироваться в материале книги. Монография, увидев свет в 2019 г., сразу же стала событием в отечественной исторической науке.

В советский период отечественная историческая наука, марксистская в концептуальном и методологическом смысле, в исследовании революций 1917 г. концентрировалась преимущественно на вопросах социально-экономического характера: целью было доказать тот основополагающий тезис государственной идеологии, в соответствии с которым в России в начале XX в. имелись все необходимые предпосылки для социалистической революции, такие как обнищание народа «выше среднего», обострение классовых противоречий; на основании этого делался требуемый итоговый вывод о том, что Октябрьская революция была закономерной и неизбежной, под-

готовленной всем ходом мирового исторического развития. Не удивительно, что этой политически значимой тематике посвящена огромная литература, однородная в своих подходах, методах анализа и оценках (Рындзюнский 1978; Сидоров 1973; Анфимов 1962; Минц 1982; Дубровский 1975). Роль церкви в жизни страны не привлекала сколь-нибудь значительного внимания ученых, но по умолчанию оценивалась как контрреволюционная. Специфика политико-идеологического режима вплоть до середины 1980-х гг. делала невозможным публичное обнародование других точек зрения на характер, цели, движущие силы революции и церковь.

Перестройка открыла двери для дискуссий в исторической науке (Историки спорят 1989; История России... 1996; Коротаев 1998); оценка революционных событий становится менее категоричной, расширяется тематика исследований; поведение людей в условиях революции, нравы, мораль, эмоции, слухи, традиции признаются важными факторами исторического развития; обозначается и интерес к роли церкви в жизни советского государства.

В современных исследованиях диапазон оценок революционных событий колеблется от «Великой революции по своим масштабам, глубине произошедших в ее результате социально-политических трансформаций, последствиям и всемирному значению» до «цивилизационной катастрофы» (Фельдман 2012). И хотя марксистская трактовка событий русской революции, по всей видимости, продолжает занимать

господствующее положение в отечественной исторической науке, внимание исследователей сдвигается в сторону изучения социально-политических процессов и ментальности людей (Чураков 2009: 105–106); сомнению подвергнут взгляд на православную церковь как на оплот контрреволюции в российской революции 1917 г. (Ерофеев 2009: 92–99). Образ предреволюционной, революционной и постреволюционной России вступил в стадию корректировки, что можно только приветствовать; наполнению этого образа новыми смыслами служит анализируемая монография.

Монография стартует с поисков ответа на вопрос принципиальной важности: в какой плоскости — экономической, политической, психологической — лежали основные причины революционных событий 1917 г. в России? От ответа на этот вопрос зависит не только академически точное объяснение процессов и явлений прошлого, но и постановка целей и задач национального развития в настоящем, и жизнь страны в будущем. Была ли именно экономика той сферой российской действительности, где вызрели предпосылки революций 1917 г.?

Из огромного круга вопросов, характеризующих экономическое развитие поздней Российской империи накануне и во время первой в истории человечества мировой войны, И. В. Поткина, автор главы «Внешнеторговая деятельность России: вызовы военного времени, 1914–1917 гг.» (Поткина 2019: 83–110) логично останавливается на вопросах, характеризующих внешнеторговые отно-

шения России с другими государствами: состояние внешней торговли есть совокупный и объективный показатель положения дел как внутри страны, так и ее политико-экономического веса на мировой арене. На основе сравнительного анализа макростатистических показателей по внешнеторговой деятельности царского и Временного правительств прослежены тенденции в развитии внешней торговли России на рубеже XIX–XX вв.; эти тенденции автор справедливо определяет как положительные: внешнеторговый баланс Российской империи был активным; торговые отношения с партнерами строились на прочной и постоянной основе; увеличивался вывоз продуктов интенсивного скотоводства и земледелия и готовых промышленных изделий. По темпам роста объемов экспорта Россия превзошла Великобританию и Францию, уступая лишь Германии и США. Эти данные подтверждают выводы других исследователей, также опирающихся на математические методы анализа: в начале XX в. Россия была мировым лидером по объему сельскохозяйственной продукции; входила в первую мировую тройку по 40 ключевым для того времени товарным позициям; была на пятом месте в мире по общему уровню экономического развития и по размеру национального богатства (Симчера 2006: 62, 173); модернизация страны, хотя и сопровождалась трудностями, была успешной (Мионов 2010). Царскому правительству, отмечает И. В. Поткина, удалось создать тот экономический и организационный задел, который позволил стране продержаться на плаву продолжительное время в чрезвычайных условиях

военного времени. Признавали ли этот факт оппоненты царской власти, будущие члены Временного правительства? Нет: они резко критиковали царя и его министров за якобы неэффективную экономическую политику; нежелание признать заслуги конкурентов сделало практически невозможным использование ими накопленного положительного опыта. И именно внешняя торговля первая принимает удар на себя в условиях крупномасштабной войны: существенное сужение внешне-торговых связей вплоть до полного их прекращения является обычным фактом военного времени. Эта внешняя «военная корректировка», в совокупности с факторами «внутреннего происхождения», такими как неразвитость инфраструктуры России, оказала сильное деформирующее воздействие на ее народное хозяйство. Итак, фактор исторических обстоятельств — в нашем случае это мировая война — способен поставить страну на грань революции, однако достаточных оснований говорить об экономических проблемах страны как главной причине революций 1917 г. нет: основные ее причины, по всей видимости, лежали во внеэкономической плоскости.

Первая мировая война, заключает автор, показала необходимость самого пристального внимания к внешне-торговым операциям: в любой момент времени они должны быть продуманы и сбалансированы по партнерам, границам и товарам на долгосрочную перспективу в любых, в том числе в чрезвычайных условиях. Выделим этот урок истории особо: именно на этих принципах должна строиться политика страны для обеспечения

своей национальной экономической безопасности; это верно и для настоящего времени.

Одним из факторов, способных существенно подорвать национальную безопасность страны-противника и приблизить ее к революции, является разведывательная деятельность других государств на ее территории. Фактору «тайных агентов» Германии, действовавших против Российской империи накануне и во время Первой мировой войны, в монографии посвящена отдельная глава (Агеев 2019: 16–56). Показано, что руководители стран — участниц мирового военного конфликта, владеющие, благодаря эффективно выстроенной системе военного шпионажа, точной информацией о положении дел в своей и других странах, были способны своевременно и точно реагировать на зарождающиеся внутренние и внешние угрозы. Ситуация с контрразведкой в России была не столь однозначна. Охранное отделение оказалось недостаточно решительным в нейтрализации немецких агентов. Государственный переворот 1917 г. в России — «жемчужина подрывной работы германской разведки» — сыграл важную роль в подталкивании страны к революции.

Еще к одному фактору военного времени автор привлекает внимание читателя. Это особое состояние общественного сознания, характерное на рубеже XIX–XX вв. и для правящих элит ведущих государств мира, и для простого народа: желания установить контроль над мировыми потоками товаров, услуг, капиталов и получить свободный доступ к источникам сырья и рынкам сбыта

определяли военно-экономические планы мировых держав. Превалирование «чувств над разумом», характерное для многих европейских политиков и народов накануне Первой мировой войны, их амбиции подвели мир к Первой мировой войне.

Желанием избавиться от иноземной зависимости были охвачены и российская правящая верхушка, и российское образованное общество. Имелись ли основания говорить о важной роли иностранного, прежде всего германского капитала в экономике России в начале XX в.? Определенно да: в это время Германия выступала и как основной рынок для российского хлебного экспорта, и как основной инвестор в российскую промышленность: немцам принадлежали около 90% предприятий электротехнической промышленности и почти все химические заводы. Организованная таким образом российская промышленность показывала неплохие результаты, однако для многих россиян эта ситуация свидетельствовала лишь «о засилье немецкого капитала в России» и была чревата потерей суверенитета страны. Тревожные прогнозы о превращении России в «полную германскую колонию» формировали соответствующее настроение умов, и многие в России понимали снижение зависимости России от Германии как первоочередную и жизненно важную задачу. Еще один фактор, лежащий в психологической области, способствовал сползанию страны в революционный хаос: слухи и сплетни о тесных контактах царской семьи с немецкими родственниками, выдумки о готовности Николая II заключить сепаратный мир

с Германией, не имеющие отношения к действительности, самым негативным образом сказались на состоянии умов и, как следствие, на ходе российской истории. «Монархический инстинкт», ослабление которого в народе современники фиксировали уже в конце XIX в. (Черняев 1901: 2), был потерян почти окончательно.

О значимости психологии как внеэкономического фактора экономического развития свидетельствуют и материалы главы «Внешние займы от Российской империи, или когда Россия — кредитор» (Бугров 2019: 56–83). Российская империя, выдавая кредиты Сербии, Болгарии, Персии, Греции и Китаю, руководствовалась в большинстве случаев не экономическими, а политическими мотивами, за которыми стояли страсти, амбиции, честолюбие. Многие из этих операций не приносили России никакой прибыли, другие были вовсе убыточны экономически; такие займы далеко не всегда достигали и политических целей, наиболее желанной среди которых было усиление международного влияния России. Политические и идеологические цели, перевешивая цели чисто экономические, делая вероятным создание революционных ситуаций, влияли на проблемы национальной безопасности.

Вопросы обеспечения национальной экономической безопасности России в первой четверти века XXI являются предметом рассмотрения в монографии (Чередниченко 2019: 125–151). Анализируются угрозы «внутреннего происхождения» для экономической безопасности современной России, в числе которых недоста-

точно высокий уровень производительности труда, многочисленные факты криминализации и коррупции, неравномерность развития регионов страны, критически высокая зависимость сложных производств от импорта технологий. В группу «внешних» неблагоприятных для России факторов включены нарастание геополитической нестабильности в мире; ограничение доступа РФ к иностранным финансовым ресурсам и современным технологиям. Такая ситуация, отмечает автор, угрожает России потерей суверенитета, что потребовало разработки «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» (2017). Отметим, что сам перечень мер, направленных на повышение экономической безопасности России, не вызывает вопросов, однако недостаточно знать, «что» надо делать, необходимо знать, «как» именно и на каких принципах это может быть сделано.

Поискам правильной хозяйственной политики, которая, базируясь на особенностях национальной психологии, в наибольшей степени отвечала бы интересам страны, посвящены работы ведущих представителей русской религиозной философии рубежа XIX–XX вв. — В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, В. Ф. Эрн, П. Н. Савицкого; их размышления о сущности и целях хозяйственной деятельности человека систематизированы в главе «Теории хозяйства в русской религиозной мысли, конец XIX — начало XX в.» (Шаткин 2019: 151–183). Русские мыслители утверждали, что понимание человека только как производителя, потребителя или собственника

ошибочно и безнравственно; экономические институты на самом деле имеют не экономический, а нравственный характер; частная собственность противоречит христианскому учению о благодати, следовательно, с ней необходимо расстаться, верующие должны перейти к полному обобщению имущества. Человек должен трудиться, принимая за основу «общепольность» своего труда, а не личный корыстный интерес: «не оплаченный, но добровольный труд имеет изумительное преимущество перед наемным, платным трудом», в то время как низкая нравственность людей есть основная причина экономических проблем. Можно ли повлиять на ситуацию? Да: основополагающим принципом жизни человека и общества должно стать «воздержание от дурной плотской чрезмерности», от бесконечного увеличения потребностей, от «размножения» вещей, удовлетворяющих этим потребностям. Ведущую роль в выполнении этой задачи они отводили государству и религии: государство, призванное по сути своей быть камертоном нравственности, обязано препятствовать «свокорыстию» людей, религия же возвращает в людях чувство долга; на этих принципах должно быть построено народное хозяйство — без воровства, коррупции, приписок и «откатов». И, добавим, без революционных потрясений.

Следовательно, взаимоотношения государства и существующих в стране религиозных конфессий являются критически важным фактором национального развития: от того, строятся ли они на принципах взаимного уважения, невмешательства

и партнерства или на принципах подчинения и подавления, во многом зависит жизнь страны и народа. Именно этим вопросам посвящена вторая часть монографии: авторы концентрируют свое внимание на целях, задачах, методах проведения и итогах религиозной политики советского государства с первых дней его существования и до позднесоветского периода.

Важнейшим фактом религиозной истории России XX в. стало восстановление в стране патриаршества; обсуждение этого вопроса перешло в практическую плоскость при Временном правительстве (Сахаров 2019: 199–204). Этот короткий и особенный период в жизни России характеризовался желанием постимперских государственных структур построить свое взаимодействие с православной церковью и другими конфессиями на основе взаимоуважения и свободы. Что, отметим, не представляло больших трудностей: Священный Синод принял Февральскую революцию и отречение Николая II от престола без возражений, заменив в текстах богослужений молитвы за «Царя» на молитвы за «Благоверное Временное правительство» (Пинюгина 2018: 463). Антимонархические настроения многих православных священников, воспринимавших падение монархии как шаг на пути к возрождению церкви, способствовали победе большевистской революции в России (Бабкин 2007).

Временное правительство, введя почти максимальный спектр общественных свобод, сделало Россию самой свободной страной в мире.

Но именно эти свободы были в дальнейшем использованы большевиками для свержения Временного правительства и установления в стране своей диктатуры. Согласившись с этим мнением в целом, отметим, что демократические свободы сделали неизбежным и демократический стиль общения Временного правительства с населением, которое теперь строилось преимущественно на принципах «объяснения» и «уговаривания». Не эта ли демократическая тактика «уговаривания» сыграла роковую роль в последующей судьбе страны, не позволив Временному правительству прибегнуть к решительным мерам воздействия, которые, возможно, были необходимы в тот переломный момент для удержания ситуации под контролем? Показательно, что, осознав пагубность своей тактики «уговаривания», Временное правительство принимает решение от нее отказаться, но на календаре уже самый конец октября 1917 г. Правильное решение, принятое с опозданием, есть ошибка — история учит нас и ставит перед нами вопрос — действительно ли всегда хороши и целесообразны свободы? Или же, в определенных чрезвычайных условиях, наиболее правильной тактикой правительства будет отказ от свобод и введение режима жесткого управления — вплоть до диктатуры? Зададим себе этот важный для государственного строительства и трудный для ответа вопрос и оставим его пока открытым.

На конец октября 1917 г. приходится и восстановление института патриаршества в России, упраздненного Петром I (Лобанова 2019: 204–255). Накануне этого важного для цер-

кви события в среде церковнослужителей единства по этому вопросу не было. Сторонники восстановления патриаршества настаивали на том, что только патриаршество соответствует церковным канонам и воле Божией; их противники утверждали, что увлечение мыслью о патриаршестве есть просто реакция на недостатки в синодальном управлении. Финальная точка в деле восстановления патриаршества была поставлена на Поместном соборе 1917–1918 гг.: почти все участвующие в нем иерархи сочли необходимым восстановление патриаршества для укрепления чести Российского государства. Первым избранным патриархом в Советской России стал митрополит московский Тихон.

Вопросам взаимоотношений большевистского государства, православной церкви и общества в ранний советский период посвящены главы «Биография Патриарха Тихона: новые источники и интерпретации» (Христофоров 2019: 322–343), «Агитационная кампания советской власти против Патриарха Тихона в связи с изъятием церковных ценностей в 1922 г.» (Свящ. Сергей Иванов 2019: 255–322), «Православная Российская Церковь в восприятии отечественных историков в первые послереволюционные годы» (Сидорова 2019: 183–197). Авторы, основываясь на уникальных архивных документах, давая взвешенные оценки историческим фактам, корректные в своих выводах, профессионально реконструируют картину прошлого, приближая читателя не просто к пониманию, но «к чувствованию» эпохи прошедшей, но все еще столь сильно влияющей на наше настоящее.

В монографии блестяще воссоздана атмосфера начала 1920-х гг., когда на страну обрушился голод, и патриарх Тихон призвал верующих и духовенство к добровольным пожертвованиям для помощи голодающим. Однако советская власть, не желая усиления авторитета церкви, практически сразу же запретила ей эту практику, обязав ее отдать часть своих ценностей государству. Однако, отмечается в монографии, изъятые церковные ценности шли не на помощь умирающим от голода, тифа и холеры, а на другие нужды. Власти, желая скрыть истинное назначение изымаемых у церкви активов, развернули масштабную антирелигиозную агиткампанию, объектом ожесточенной критики которой стал патриарх Тихон.

Воплощение в жизнь «самой бешеной агитации» против церкви политбюро ЦК большевистской партии возложило на Л. Д. Троцкого, методы работы которого проливают свет на вопрос о том, каким образом большевики смогли взять и удержать власть в стране. В секретном письме редакторам ведущих столичных газет Троцкий в категорической форме пригрозил им привлечением к партийной ответственности за невыполнение решений политбюро по организации антирелигиозной кампании. Центральная пресса ослушаться не посмела — да и был ли у нее выбор? — независимые СМИ в условиях диктатуры не выживают; газеты стали заполняться оскорбительными для церкви статьями, стихами, рисунками, в которых патриарха Тихона называли «озлобленным главпомом», «бандитом в рясе», «убийцей». На защиту церкви, в страхе перед

возможными репрессиями, практически никто из народа не вышел; но и церковь никого не защищала. Воспитанная веками покорность церкви по отношению к высшей в стране власти стала тем фактором, который облегчил советской власти задачу по организации гонений на инакомыслящих.

Репрессиям подверглись и представители православного духовенства, и миряне; их трагическим судьбам посвящена глава «Преследования православного духовенства и мирян в СССР в 1920–1930-е гг.» (Милова 2019: 354–390). Множество уникальных персональных «микроисторий» рассказывают о преследованиях духовных лиц и приходского актива. Так, священнослужитель мог быть арестован за то, что во время служения литургии он закрыл в храме окно: пение проходивших мимо красноармейцев мешало службе, однако власти трактовали его действия как акт «возбуждения масс против Красной Армии»; на собрании членов колхоза для получения обвинения в контрреволюционных преступлениях достаточно было сказать, что «народ обременен налогами» и что «колхоз — это болячка». Можно было и вообще ничего не говорить: частым поводом для ареста был оговор человека его сослуживцами, знакомыми, соседями, отметим это как важный параметр ранней советской повседневности. Многие десятки тысяч священников были расстреляны, высланы в спецпоселения; специальное постановление СНК РСФСР обязывало местные власти максимально задействовать рабочую силу заключенных: правительство явным образом делало ставку на использо-

вание принудительного труда в масштабе государства. Принудительный труд, впрочем, проблему решить не смог: стратегия и психология разрушения существенно преобладали над созиданием.

Результатом антирелигиозной революционной политики в отношении православной церкви стало разорение церковной инфраструктуры: к концу 1930-х гг. в стране были закрыты более 50 тыс. православных церквей, епархий не было, на свободе оставались всего четыре епископа. В аналогичном положении были и другие христианские конфессии: так, в стране действовали лишь два католических храма, в которых службу вели два священника-иностранца.

Некоторые изменения в отношениях государства и церкви произошли лишь в годы Великой Отечественной войны: советская власть немного смягчила свои позиции, что, впрочем, носило совершенно ограниченный характер; в действительности церковь была поставлена под полный контроль государства, осуществляемый Советом по делам Русской православной церкви. Фактически церковь вернулась к синодальной форме управления: противостоять государству патриарх не мог. В главе «Патриарх Алексий I при Сталине, 1945–1953 гг.» (Курляндский 2019: 390–422) раскрывается сложное положение православной церкви в «экстремальных условиях советского атеистического государства, идейно и духовно враждебного православия». В конце 1940-х гг. из программ духовных учебных заведений были исключены необходимые для подготовки священников

предметы — история философии, логика, психология; сочинения «не той направленности» изъяты из библиотек; сотни преподавателей и студентов духовных школ арестованы. Важно, что все инициативы государства по ограничению влияния церкви были поддержаны иерархами: такова была плата за существование церкви при сталинском режиме. Чтобы выжить, церковь участвовала в укреплении сталинского культа и в прославлении советского строя; случаи, когда церковь выступала бы против насилий и беззаконий над населением, совершаемых сталинским государством в послевоенный период, неизвестны. Даже страшный голод 1946–1947 гг., унесший жизни миллионов людей, был встречен молчанием со стороны православной церкви. Ситуация молчания и покорности была типична и для всех других конфессий.

Не эта ли ситуация стала одним из факторов, приведших позднее советское государство к распаду? На протяжении веков важной основой российской государственности было пусть и далеко не идеально сбалансированное, но практически значимое участие в управлении страной и светской, и духовной властью. При коммунистах, однако, церковь потеряла свою самостоятельность полностью; баланс авторитетов и полномочий в системе «государство — церковь» был разрушен. Исследование этой проблемы, имеющей государственное значение, актуально и для постсоветской России (*Реснянский* 2001).

Социалистическим сионистским организациям Советской России

в 1920-х гг. посвящена отдельная глава монографии (*Бережанская* 2019: 343–353). Февральская революция, отмечает автор, внесла положительные изменения в жизнь еврейского населения России: антиеврейские ограничительные законы были отменены, обсуждалось создание в стране еврейской автономии и формирование представительства сионистов в Учредительном собрании. Эти положительные процессы, даже претерпев изменения под влиянием прихода к власти большевиков, сразу остановлены не были, и первая половина 1920-х гг. отмечена расцветом сионистского движения в СССР. Но в условиях советского государства длительное поступательное развитие сионистского движения было невозможным: рост влияния сионистских организаций вызвал обеспокоенность со стороны властей, и к концу 1920-х гг. их деятельность была поставлена под жесткий контроль органов государственной безопасности. Во время сталинского террора 1937–1938-х гг. большинство служителей еврейского религиозного культа были репрессированы.

Религиозные преследования в отношении евреев содействовали их стремлению к ассимиляции, отказу от традиционного образа жизни, массовому переселению из малых местечек в большие города и активному участию в «строительстве новой жизни». Был и еще один результат и урок этой политики, имеющий не только религиозно-культурное и народнохозяйственное, но и геополитическое значение: это осознание многими российскими евреями необходимости исхода из России в Палестину. Именно там впоследствии они

с успехом воплотят в жизнь те культурно-образовательные программы, планы которых были намечены еще в демократической России при Временном правительстве.

Подведем итоги

Авторы монографии «1917 год: революция, государство, общество и Церковь» показали, что к группе важнейших факторов, влиявших на ход и содержание исторических событий 1917 г. в России, относятся факторы психоментальные и социальные; что события национальной и мировой истории в сильной степени определяются настроениями народа; что советская власть, полагая воздействие на общественное сознание важнейшей государственной задачей, осуществляла постоянный и жесткий контроль за состоянием умов и теми национальными институтами, которые могли оказывать влияние на мировоззрение людей; что тотальный контроль над всеми религиозными конфессиями был осознанной целью социалистического государства с самого начала его существования; что в обеспечении этого контроля власть не останавливалась ни перед чем; что превалирование эмоций над разумом с высокой долей вероятности приводит к губительным последствиям, и не только для церкви и общества, но в конечном итоге и для самого государства и, отметим это особо, для мирового сообщества.

Можно ли выделить в группе этих факторов некий «общий знаменатель» — ключевой элемент, без привязки к которому невозможна «работа» всех прочих факторов и уже в силу этого нуждающийся в особом

внимании со стороны исследователей? Представляется, что да: этот обобщающий фактор — менталитет народа, предопределяющий его способ взаимодействия с миром и, следовательно, войны, революции, реформы, отношение к церкви. Примечательно, что процессы и явления, обсуждаемые в монографии, дают огромный (!) исторический материал, необходимый для такого анализа; однако авторы, неизбежно затрагивая этот важнейший вопрос, в специальную исследовательскую задачу его не выделили. Между тем профессиональное изучение менталитета российского народа в революционную эпоху начала XX в. смогло бы пролить свет и на многие другие поворотные моменты российской истории, и именно на базе такого анализа извлечение уроков истории может быть наиболее полным и точным.

Если извлечение уроков и представление их общественности — дело историков, то использование уроков для выработки целесообразной внутренней и внешней политики — задача государственных деятелей. В современных реалиях, когда не только сохраняется напряженность в отношениях между членами мирового сообщества, но некоторые негативные тенденции очевидно набирают силу, знание уроков истории и факторов, в наибольшей степени определявших национальное развитие, может оказаться критически важным для выживания нации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1917 год: революция, государство, общество и Церковь. Монография / редакционная коллегия: А. Н. Сахаров, чл.-корр.

РАН, д.и.н., проф. (отв. ред.), В.С. Христофоров, чл.-корр. РАН, д.ю.н., проф. (отв. ред.), И.В. Поткина, д.и.н., (сост., науч. ред.). М., 2019. 448 с.

Агеев 2019 — *Агеев* А. И. Экономика, шпионаж, война, революция... // 1917. Революция, государство, общество и Церковь. М., 2019. С. 16–56.

Анфимов 1962 — *Анфимов* А. А. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — фев. 1917 г.). М., 1962.

Бабкин 2007 — *Бабкин* М. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии. (Начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007.

Бережанская 2019 — *Бережанская* И. Ю. Социалистические сионистские организации в период антирелигиозной кампании в Советской России 1920-х гг. // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. М., 2019. С. 343–353.

Бугров 2019 — *Бугров* А. В. Внешние займы от Российской империи, или когда Россия — кредитор // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. М., 2019. С. 56–82.

Дубровский 1975 — *Дубровский* С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.

Ерофеев 2009 — *Ерофеев* Н. Д. Современная отечественная историография // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 92–109.

Историки спорят 1989 — Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1989.

История России 1996 — История России. XX век. М., 1996.

Кортаев 1998 — *Кортаев* В. И. Революция 1917 г.: авантюра или закономерность? // Россия, 1917: взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998. С. 16.

Курляндский 2019 — *Курляндский* И. А. Патриарх Алексей I при Сталине, 1945–1953 гг. // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. М., 2019. С. 390–422.

Лобанова 2019 — *Лобанова* И. В. Восстановление патриаршества в России // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. М., 2019. С. 204–255.

Милова 2019 — *Милова* О. Л. Преследования православного духовенства и мирян в СССР в 1920–1930-е гг. // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. М., 2019. С. 354–390.

Милицы 1982 — *Милицы* И. И. (ред.) Историография истории СССР (эпоха социализма). М., 1982.

Миронов 2010 — *Миронов* Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010.

Пинюгина 2018 — *Пинюгина* Е. В. Русская православная церковь в революционном 1917 году: попытка освобождения от государства и превращения в самостоятельную общественную силу // Капитал революций. М., 2018. С. 463.

Поткина 2019 — *Поткина* И. В. Внешнеторговая деятельность России: вызовы военного времени, 1914–1917 гг. // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. М., 2019. С. 83–110.

Реснянский 2001 — *Реснянский* С. И. «Священство» и «Царство» в период правления Петра: проблемы историографии. М., 2001. 229 с.

Рындзюнский 1978 — *Рындзюнский* П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880. М., 1978. С. 3.

Сахаров 2019 — *Сахаров* А. Н. А. В. Карташев и восстановление патриаршества в России. // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. М., 2019. С. 199–204.

Свящ. Сергей Иванов 2019 — *Свящ. Сергей Иванов*. Агитационная кампания советской власти против Патриарха Тихона в связи с изъятием церковных ценностей в 1922 г. // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. М., 2019. С. 255–322.

Сидоров 1973 — Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.

Сидорова 2019 — Сидорова Л. А. Православная Российская Церковь в восприятии отечественных историков в первые послереволюционные годы // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. М., 2019. С. 183–197.

Симчера 2006 — Симчера В. М. Развитие экономики России за 100 лет. 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М., 2006.

Фельдман 2012 — Фельдман М. А. Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? // Общественные науки и современность. 2012. № 5.

Чередниченко 2019 — Чередниченко Л. Г. Инновационное обеспечение конкурентоспособности как основа нацио-

нальной экономической безопасности России // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. М., 2019. С. 125–151.

Черняев 1901 — Черняев Н. И. Необходимость самодержавия для России. Харьков, 1901.

Чураков 2009 — Чураков О. 1917 г. в современной историографии: проблемы и дискуссии, 2009. С. 105–106.

Христофоров 2019 — Христофоров В. С. Биография Патриарха Тихона: новые источники и интерпретации // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. М., 2019. С. 322–343.

Шапкин 2019 — Шапкин И. Н. Теории хозяйства в русской религиозной мысли, конец XIX — начало XX вв. // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. М., 2019. С. 151–183.

REVOLUTIONARY RUSSIA: DRIVING FACTORS AND LESSONS FROM HISTORY TO BE LEARNED

Rev.: 1917 god: revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov': Monografiia, redaktsionnaia kollegiia: A. N. Sakharov, chl.-korr. RAN, d.i.n., prof. (otv. red.), V. S. Khristoforov, chl.-korr. RAN, d.iu.n., prof. (otv. red.), I. V. Potkina, d.i.n., (sost., nauch. red.). Moscow, 2019.

Voskresenskaya Nina O. — PhD in History, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Key words: Church, mentality, political prisoners, religious philosophy, revolution, socialist Zionist organizations.

Abstract. The authors of the peer-reviewed monograph pose questions of paramount importance, which are not only of debatable academic, but also extremely topical in nature due to their obvious practical component: what factors brought Russia to the revolutionary events of the early twentieth century and set their parameters; whether Russia had an alternative to the revolutionary path of development; on what principles and why the relations between the state, church and society in late-imperial, revolutionary and socialist Russia were built in this way. The scientific and methodological principles and approaches proposed by the authors of the monograph and the conclusions drawn bring the reader closer to understanding the circumstances that involved the country in the zone of revolutionary turbulence, reveal the general laws and specifics of the relationship between state power, the church and society; les-

sons for the future, the authors learned from the analysis of Russian historical experience, can be useful in building the current strategy and tactics of national development.

REFERENCES

1917 god: revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'. Monografiia, redaktsionnaia kollegiia: A.N. Sakharov, chl.-korr. RAN, d.i.n., prof. (otv. red.), V.S. Khristoforov, chl.-korr. RAN, d.i.u.n., prof. (otv. red.), I. V. Potkina, d.i.n., (sost., nauch. red.). Moscow, 2019. 448 p.

Ageev A.I. Ekonomika, shpionazh, voina, revoliutsiia... 1917. *Revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'*. Moscow, 2019, pp. 16–56.

Anfimov A.A. Rossiiskaia derevnia v gody pervoi mirovoi voiny (1914 — fev. 1917 g.). Moscow, 1962.

Babkin M. *Dukhovenstvo Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i sverzhenie monarkhii. (Nachalo XX v. — konets 1917 g.)*. Moscow, 2007.

Berezhanskaia I. Iu. Sotsialisticheskie sionistskie organizatsii v period antireligioznoi kampanii v Sovetskoj Rossii 1920-kh gg. 1917 god: *revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'*. Moscow, 2019, pp. 343–353.

Bugrov A.V. Vneshnie zaimy ot Rossiiskoi imperii, ili kogda Rossiia — kreditor 1917 god: *revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'*. Moscow, 2019, pp. 56–82.

Cherednichenko L.G. Innovatsionnoe obespechenie konkurentosposobnosti kak osnova natsional'noi ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii. 1917 god: *revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'*. Moscow, 2019, pp. 125–151.

Cherniaev N.I. *Neobkhodimost' samoderezhaviiia dlia Rossii*. Khar'kov, 1901.

Churakov O. 1917 g. v sovremennoi istoriografii: *problemy i diskussii*, 2009, pp. 105–106.

Dubrovskii S.M. *Sel'skoe khoziaistvo i krest'ianstvo Rossii v period imperializma*. Moscow, 1975.

Erofeev N.D. Sovremennaia otechestvennaia istoriografiia. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2009, no. 2, pp. 92–109.

Fel'dman M.A. Byla li Oktiabr'skaia revoliutsiia 1917 goda proletarskoi? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2012, no. 5.

Istoriia Rossii. XX vek. Moscow, 1996.

Istoriki sporiat. Trinadtsat' besed. Moscow, 1989.

Khristoforov V.S. Biografiia Patriarkha Tikhona: novye istochniki i interpretatsii. 1917 god: *revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'*. Moscow, 2019, pp. 322–343.

Korotaev V.I. Revoliutsiia 1917 g.: avantiura ili zakonomernost'? *Rossiia, 1917: vzgliad skvoz' gody*. Arkhangel'sk, 1998, p. 16.

Kurliandskii I.A. Patriarkh Aleksii I pri Staline, 1945–1953 gg. 1917 god: *revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'*. Moscow, 2019, pp. 390–422.

Lobanova I.V. Vosstanovlenie patriarshestva v Rossii. 1917 god: *revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'*. Moscow, 2019, pp. 204–255.

Milova O.L. Presledovaniia pravoslavnogo dukhovenstva i mirian v SSSR v 1920–1930-e gg. 1917 god: *revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'*. Moscow, 2019, pp. 354–390.

Mints I.I. (red.) *Istoriografiia istorii SSSR (epokha sotsializma)*. Moscow, 1982.

Mironov B.N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII — nachalo XX veka*. Moscow, 2010.

Piniugina E.V. Russkaia pravoslavnaia tserkov' v revoliutsionnom 1917 godu: popytka osvobodzheniia ot gosudarstva i prevrashcheniia v samostoiatel'nuiu obshchestvennuiu silu. *Kapital revoliutsii*. Moscow, 2018, p. 463.

Potkina I.V. Vneshnetorgovaia deiatel'nost' Rossii: vyzovy voennogo vremeni, 1914–

1917 gg. *1917 god: revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'*. Moscow, 2019, pp. 83–110.

Resnianskii S.I. *"Sviashchenstvo" i "Tsarstvo" v period pravleniia Petra: problemy istoriografii*. Moscow, 2001. 229 s.

Ryndziunskii P.G. *Utverzhdenie kapitalizma v Rossii. 1850–1880*. Moscow, 1978, p. 3.

Sakharov A.N.A.V. Kartashev i vosstanovlenie patriarshestva v Rossii. *1917 god: revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'*. Moscow, 2019, pp. 199–204.

Shapkin I.N. Teorii khoziaistva v russkoi religioznoi mysli, konets XIX — nachalo XX vv. *1917 god: revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'*. Moscow, 2019, pp. 151–183.

Sidorov A.L. *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody pervoi mirovoi voiny*. Moscow, 1973.

Sidorova L.A. Pravoslavnaia Rossiiskaia Tserkov' v vospriatii otechestvennykh istorikov v pervye poslerevoliutsionnye gody. *1917 god: revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'*. Moscow, 2019, pp. 183–197.

Simchera V.M. *Razvitie ekonomiki Rossii za 100 let. 1900–2000. Istoricheskie riady, vekovye trendy, institutsional'nye tsikly*. Moscow, 2006.

Sviashch. Sergii Ivanov. Agitatsionnaia kampaniia sovetskoj vlasti protiv Patriarkha Tikhona v sviazi s iz"iatiem tserkovnykh tsennostei v 1922 g. *1917 god: revoliutsiia, gosudarstvo, obshchestvo i Tserkov'*. Moscow, 2019, pp. 255–322.

М. А. Киселев

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТОВ СОВЕТСКОГО САМИЗДАТА: НЕСКОЛЬКО КРИТИЧЕСКИХ ЗАМЕЧАНИЙ

Ключевые слова: советский самиздат, журнал «Земля», публикация исторических источников, советская историческая наука, «новое направление», В. В. Адамов.

Аннотация. В работе анализируется публикация специалиста по истории советского самиздата Ю. А. Русиной статьи Иг. Ратмирова «Вопросы капиталистической России» о разгроме в СССР в 1973 г. «нового направления» в исторической науке, в связи с чем рассматриваются принципы издания текстов советского самиздата. При подготовке их к публикации необходимо тщательно производить сверку источника, а также выявлять возможные зарубежные публикации. Выявление разных копий и публикаций самиздатовских текстов позволит произвести проверку на наличие возможных разночтений, что должно способствовать более точному воспроизведению источника. К самиздатовскому тексту следует относиться как к произведенному публичному высказыванию, и, соответственно, его при научной публикации не следует купировать.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-343-354

В 2018 г. исследователь советского самиздата Ю. А. Русина¹ опубликовала статью из самиздатовского журнала «Земля», обнаруженную ею «в одном из крупнейших хранилищ советского самиздата, Архиве “Открытое общество” <...> при Центральном

Европейском университете». В этой статье 1974 г. авторства некоего Иг. Ратмирова, озаглавленной «Вопросы капиталистической России», излагались драматические события разгрома «нового направления» в советской исторической науке весной

© М. А. Киселев, 2020

Киселев Михаил Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН и Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург); mihail.a.kiselev@gmail.com

¹ См. в том числе ее монографическое исследование 2019 г. (Русина 2019).

1973 г., которые в том числе коснулись и Уральского государственного университета (Свердловск) в лице заведующего кафедрой истории СССР досоветского периода В.В. Адамова². Как отмечает Ю.А. Русина, в опубликованном ею тексте отразилась реакция «людей, возможно, далеких от исторической науки, но остро реагировавших на притеснения свободы распространения идей и творчества, в том числе научного» (Русина 2018: 103). И здесь, говоря уже о реакции на эту статью в СССР, можно было бы дополнительно отметить, что краткий обзор самиздатского журнала «Земля» был помещен в 1975 г. в известной «Хронике текущих событий», где давалась такая информация: «Иг. РАТМИРОВ. Статья о сборнике “Вопросы капиталистической России. Проблема многоукладности” (Свердловский университет, Свердловск 1972 г.). Рассказано о разгроме сборника официальными историками и о гонениях на авторов сборника» (Новости самиздата 1975: 49).

Публикация Ю.А. Русиной, где впервые в историографии обращается внимание на интерес диссидентов к событиям вокруг «нового направления», представляет немалый интерес для истории советской исторической науки. В то же время, на наш взгляд, данная публикация не лишена существенных недостатков, разговор о которых, помимо прочего, позволит выйти на немаловажный вопрос выработки и определения принципов научного издания самиздатских текстов.

Прежде всего, необходимо коснуться историографического аспекта публикации. Так, говоря об истории самиздатских журналов «Земля», где была в 1974 г. опубликована статья Иг. Ратмирова о «новом направлении», и предшествовавшем ему «Вече», историк ссылается только на свою собственную статью 2017 г. (Русина 2017). Не оспаривая авторитета Ю.А. Русиной в изучении феномена советского самиздата, следует отметить, что еще в 2003 г. вышло обстоятельное монографическое исследование Н.А. Митрохина о русских националистах в СССР в 1953–1985 гг. В нем была помещена специальная глава «Самиздат русских националистов в 1970–1982 годах», где автор подробно проанализировал и историю названных журналов, в том числе опираясь на серию интервью, взятых у людей, причастных к самиздатской деятельности в СССР. Согласно Ю.А. Русиной, «в одном издании оказалось трудно совместить мнения от либерального национализма до национал-большевизма, что привело к остановке издания. В девятом (последнем) выпуске “Вече”», который вышел в декабре 1973 г., «В. Осипов опубликовал заявление о сложении с себя обязанностей редактора» (Русина 2018: 98). Однако, как было установлено Н.А. Митрохиным, «конец существованию “Веча” был положен 25 февраля 1974 г., когда в редакции произошел раскол. По версии В. Осипова, которой он придерживается и сейчас, С. Мельникова», которая принимала участие в редактировании журнала, «оказалась агентом КГБ

² См., прежде всего, о разгроме «нового направления» и о месте в нем В.В. Адамова новейшие исследования В.Д. Камынина 2019 г. (Камынин 2019а; 2019б).

и подняла шум при разоблачении. По версии С. Мельниковой, причин раскола было две — творческая импотенция В. Осипова и получение им тайком от остальных членов редакции денег НТС. Сторонние наблюдатели цинично характеризуют происшедшее как “бабскую склоку”, возникшую после женитьбы В. Осипова на бывшей политзаключенной В. Машковой и обнаружении сего факта С. Мельниковой, считавшей себя гражданской женой главного редактора». При этом уже «после изгнания/ухода В. Осипова из “Веча» С. Мельникова и И. В. Овчинников выпустили десятый номер «Веча», вскоре после чего закрыли журнал, как они заявили, «“под угрозой ареста членов редколлегии”». Дело в том, что И. В. Овчинников был вызван в КГБ, где ему «предложили выбрать между новым — третьим по счету — сроком и закрытием журнала, он выбрал свободу». В. Н. Осипов же приступил к 1974 г. к изданию журнала «Земля», что было прервано его арестом (Митрохин 2003: 476, 479).

Следует отметить, что в своих мемуарах советский диссидент-националист В. Н. Осипов, бывший редактором самиздатовских *православно-патриотических* — как он их сам определял — журналов «Вече» и «Земля», выходявших в 1971–1974 гг., излагает историю этих журналов в несколько ином ключе. Он пишет: «В марте 1974 года в обстановке резко усилившейся вокруг меня слежки мне пришлось объявить о закрытии журнала... Светлана Мельникова не согласилась с моим решением закрыть “Вече”, несмотря даже на обыски 1 апреля 1974 г.

в Ленинграде и выемку всех материалов “Вече”... Она решила выпустить 19 апреля того же года десятый номер “Вече”, поставив на обложке фамилию нового “редактора”». Последним оказался И. В. Овчинников. Однако «затем Мельникова и Овчинников объявили об окончательном закрытии журнала “ввиду уголовного преследования”». И далее В. Н. Осипов заявляет: «В тех условиях я считал, что важное историческое дело не должно уходить в песок, и именно по причине уголовного преследования я решил вновь издавать православно-патриотический журнал». Как результат, в 1974 г. было выпущено два номера журнала «Земля», после чего В. Н. Осипов был арестован (Осипов 2008: 96–97).

Итак, история самиздатовских журналов «Вече» и «Земля» была явно более драматичной и сложной, чем это описывается Ю. А. Русиной. Так, прекращение издания «Веча» было связано отнюдь не с тем, что «в одном издании оказалось трудно совместить мнения от либерального национализма до национал-большевизма», а с репрессивной политикой советских властей. Похоже, что упрощенное описание истории «Веча» и «Земли» у Ю. А. Русиной в немалой степени стало следствием того, что она при изучении этих самиздатовских журналов фактически опирается лишь на сами тексты этих же журналов (Русина 2017). Стоит полагать, что если бы историк обратилась к исследованию Н. А. Митрохина или хотя бы к мемуарам В. Н. Осипова, подобного упущения можно было бы избежать. Понятно, что при изучении феномена самиздатовской периодики историк сталкивается с проблемой

фактического отсутствия «редакционных» архивов, которые должны были быть у официально издававшихся изданий в СССР. Однако это не означает, что не сохранилось иных материалов. Какие-то документы, содержащие информацию о создании и функционировании самиздатских изданий, должны находиться в ведомственных архивах советских учреждений, занимавшихся борьбой с диссидентами. Иное дело, к настоящему времени едва ли они доступны для исследователей, работа с ними — это удел историков будущего. Тем не менее к настоящему времени доступен немалый массив мемуарной литературы, где в том числе рассматривается и самиздат. Более того, как показывает исследование Н.А. Митрохина, можно и подчас нужно обращаться к методу интервьюирования. В конце концов, тот же В.Н. Осипов (род. в 1938 г.) — на момент написания настоящей статьи — жив и, как можно понять из сайта «Русская народная линия», активно выступает с политическими заявлениями. Таким образом, при изучении самиздата надо стремиться выйти за пределы изучения собственно самиздатских текстов и привлекать иные источники.

В связи с этим следует отметить, что Н.А. Митрохин в своей книге в отличие от Ю.А. Русиной также обратил внимание и на эдиционную судьбу журналов «Вече» и «Земля». При этом исследователь указал на факт печати материалов самиздатского журнала «Земля» в 1975 г. в Мюнхене в 25-м выпуске бюллетеня «Материалы самиздата», издававшемся «Радио Свобода», а затем в том же году во Франкфурте издательством «Посев» в журнальной серии «Вольное слово» (Митрохин 2003: 445). И если обратиться к этим изданиям, то можно выяснить, что в них была воспроизведена и статья Иг. Ратмирова «Вопросы капиталистической России». Однако Ю.А. Русина ничего не написала об этом факте и опубликовала по доступной ей архивной копии уже дважды издававшуюся статью, как если бы это была ее первая публикация.

Мы ознакомились с публикациями статьи в «Материалах самиздата» (Ратмиров 1975б: 57–62) и «Вольном слове» (Ратмиров 1975а: 82–90), после чего сопоставили их с публикацией Ю.А. Русиной, в результате чего было выявлено несколько различий:

Публикация в «Материалах самиздата» и в «Вольном слове»	Публикация Ю.А. Русиной
«В своем анализе <i>кануна Октябрьской революции</i> К.Н. Тарновский считает, что никаких предпосылок чисто социалистической революции в России не было и не могло быть» (Ратмиров 1975б: 58; Ратмиров 1975а: 84).	«В своем анализе К.Н. Тарновский считает, что никаких предпосылок чисто социалистической революции в России не было и не могло быть» (Русина 2018: 104).
«прибегают к жонглированию архиполемическими терминами и ходульными выражениями» (Ратмиров 1975б: 59; Ратмиров 1975а: 86).	«прибегают к жонглированию архиполитическими терминами и ходульными выражениями» (Русина 2018: 105).

Публикация в «Материалах самиздата» и в «Вольном слове»	Публикация Ю. А. Русиной
«Путем подтасовки и словесной эквилибристики и прямого паралогизма ученые профессора придали этому делу международный резонанс» (<i>Ратмиров</i> 1975б: 60).	«Путем подтасовки и словесной эквилибристики прямого паралогизма ученые профессора придали этому делу международный резонанс» (<i>Русина</i> 2018: 105).
«Путем подтасовки, словесной эквилибристики и прямого паралогизма ученые профессора придали этому делу международный резонанс» (<i>Ратмиров</i> 1975а: 86).	
«Мы приветствуем Владимира Васильевича Адамова, его коллег, всех, кому не безразличны судьбы России, русского народа, и предлагаем продолжить разговор о специфике истории России. Этот разговор назрел, он необходим, избегать его, значит идти вперед спиной навстречу очевидному» (<i>Ратмиров</i> 1975б: 62; <i>Ратмиров</i> 1975а: 90).	«Мы приветствуем Владимира Васильевича Адамова, его коллег, всех, кому не безразличны судьбы России. Этот разговор назрел, он необходим...» (<i>Русина</i> 2018: 106).

Сравнение приведенных фрагментов позволяет сделать вывод либо о том, что Ю. А. Русина пользовалась архивной копией с пропусками и опечатками, либо о том, что историк допустила несколько пропусков при подготовке текста к публикации. Кроме того, следует указать и на следующий нюанс публикации. Историк воспроизвела в ней подстрочные «Примечания», которые определила как часть издаваемого документа (*Русина* 2018: 103). Однако Ю. А. Русина ничего не написала об авторстве этих «Примечаний». Из публикации же «Вольного слова» становится понятно, что часть из них принадлежит отнюдь не автору самиздатовской статьи, а редактору копии, по которой была подготовлена публикация.

Действительно, какой смысл был автору делать такое примечание к стихотворному эпиграфу авторства некоей А. Ахадовой: «Стихотворение не проверено, имя не установлено»? И, например, в публикации «Вольного слова» такие примечания редактора отграничены от сносок Иг. Ратмирова.

Заметим: сравнение текстов статьи из «Материалов самиздата» и «Вольного слова» показывает, что они содержат небольшие разночтения. Так, в публикации «Вольного слова» у помещенного в качестве эпиграфа четверостишья отсутствовало имя «автора» А. Ахадовой (*Ратмиров* 1975а: 83)³. Затем, в «Материалах самиздата» одно из предложений

³ Автором четверостишья, использованного Иг. Ратмировым в качестве эпиграфа, была не А. Ахадова. Оно было взято из стихотворения «У столба "Европа — Азия"», опубликованного ленинградским поэтом В. Н. Кузнецовым в 1970 г. в сборнике стихов «Материк» (*Кузнецов* 1970: 5).

содержало явный повтор: «Такая “полемика” ни к чему хорошему не приведет, если, во всяком случае, не приведет ни к чему хорошему» (Ратмиров 1975б: 62), — который отсутствовал в издании «Вольного слова»: «Такая “полемика” ни к чему хорошему не приведет» (Ратмиров 1975а: 89). Кроме того, публикация в «Материалах самиздата» несколько отличается редакторскими комментариями. Например, в них было отмечено, что в полученной копии журнала «Земля» вместо правильной фамилии *Тарновский* было напечатано *Гарновский* (Ратмиров 1975б: 57). В публикации же «Вольного слова» такое замечание отсутствовало. Это говорит либо о том, что издатели «Вольного слова» пользовались более точной копией, либо о том, что они внесли некоторые исправления, не оговорив их. В связи с этим отметим, Ю.А. Русиной следовало бы уточнить, какой характер имела выявленная ей архивная копия статьи Иг. Ратмирова: это был оригинальный самиздатовский текст, переправленный на Запад (похоже, что нет), или же это была копия, сделанная уже сотрудниками «Радио Свобода» для своих целей (например, для последующей публикации в тех же «Материалах самиздата»), в связи с чем в документ были внесены комментарии западного редактора. Соответственно, наличие таких редакторских примечаний как в публикациях «Материалов самиздата» и «Вольного слова», так и в архивной копии, с которой работала Ю.А. Русина, позволяет ставить вопрос о желательности выявления собственно оригинального экземпляра самиздатовского журнала «Земля», в котором бы текст ста-

тьи Иг. Ратмирова был бы наиболее близок к авторскому «протографу».

Однако более серьезные вопросы вызывает факт публикации Ю.А. Русиной источника с купюрами, определенными на основании следующих принципов: «Из публикации исключены резкие и неэтичные оценочные суждения в адрес советских ученых, а также некоторые фрагменты документа, стилистика которых противоречит нормам научных дискуссий. Кроме того, опущены части документа, сообщающие не соответствующие действительности факты: например, о том, что В.В. Адамов уволился из университета, или о переводе В.Я. Кривоногова с исторического на архивное отделение как о дисциплинарно-репрессивной мере» (Русина 2018: 103).

Прежде всего, следует заметить, что в историческом источнике важно не только то, что соответствовало «действительности». Сам исторический источник — это уже часть исторической действительности, как и заблуждения исторических акторов, их создававших. Ведь подчас важно знать, в каких вопросах акторы могли заблуждаться, какова была степень их информированности, в том числе и для того, чтобы определить достоверность приводимых ими сведений. И в этом отношении весьма примечательно, что после разгрома «нового направления» в 1973 г. появился слух о том, что В.В. Адамов не просто лишился должности заведующего кафедрой истории СССР досоветского периода Уральского государственного университета, но и был вынужден покинуть университет. В самиздатовской ста-

тье Иг. Ратмирова утверждалось, что В.В. Адамов ушел из университета, когда руководство исторического факультета «потребовало от ученого еще одного раскаяния и заверения об анафемствовании школы нового направления в исторической науке» (Ратмиров 1975а: 88). Уже в 1990 г., когда фактически состоялась реабилитация «нового направления», член-корреспондент АН СССР П.В. Волобуев, сам пострадавший из-за разгрома 1973 г., писал про трагическую судьбу «В.В. Адамова, вдумчивого ученого, инвалида Великой Отечественной войны, безжалостно изгнанного из Свердловского университета и вскоре умершего» (Еще раз к вопросу 1990: 182). Кроме того, Р.Г. Салынская, которая в Свердловске в конце 1940 — начале 1950-х гг. со своим мужем драматургом А.Д. Салынским была дружна с В.В. Адамовым и его супругой Л.Г. Адамовой, а к началу 1970-х гг. проживала в Москве, в 1990-е гг. поместила в воспоминания следующий пассаж о судьбе Владимира Васильевича: «Когда <...> в середине 80-х годов кандидат исторических наук Владимир Васильевич Адамов собирался защищать докторскую диссертацию о революционных событиях на Урале, выяснилось, что в ней имеются утверждения, опрокидывающие лживые сентенции, много лет повторявшиеся “корифеями”, “знатоками” истории Урала периода революции. Работа Адамова <...> убедительно опровергала их многолетнюю фальшь. Но власть была у них,

в Москве, в отделе науки ЦК партии. Защиту докторской запретили. С заведывания кафедрой сняли. Устроили громогласный позорящий разнос в центральных газетах» (Салынская 1996: 162).

Конечно, В.В. Адамова не увольняли из Уральского — не Свердловского! — университета, где он работал вплоть до своей смерти в 1985 г. Разгром же был учинен не в середине 1980-х, а в 1973 г., и не в центральных газетах, а в свердловском «Уральском рабочем», и он был связан не с его докторской диссертацией, а с публикацией сборника «Вопросы капиталистической России: Проблемы многоукладности». Тем не менее такого рода слухи циркулировали в Москве, и их наличие вполне можно истолковать как свидетельство того, что у В.В. Адамова не было устойчивых каналов коммуникации со столицей, по которым могла бы прийти более достоверная информация о его судьбе. В связи с этим укажем, что работавшая в начале 1970-х гг. в Институте истории АН СССР Н.А. Иванова, рассуждая в своих воспоминаниях о том, кого можно отнести к «новому направлению», говорит, что к нему «надо добавить В.В. Адамова, который, кстати говоря, изучая оригинальный строй Урала, приближался по взглядам» к столичным представителям «нового направления» и «сам вышел на это направление исследований. Он и пострадал, может быть, больше всех в свое время» (Иванова 2002: 120)⁴.

⁴ В архиве А.Л. Сидорова сохранилось следующее письмо В.В. Адамова от 24 февраля 1951 г., которое показывает, что последний пытался завязать контакты со столичными историками: «Я преподаватель Уральского Университета Адамов. В 1948 году я имел возможность проконсультироваться и получить от Вас очень ценные указания для работы над своей темой: “Горнозаводская промышленность Урала в период первой мировой войны”. Заканчивая беседу, Вы сказали тогда,

Итак, хотя В. В. Адамов оказался среди представителей «нового направления», однако в коммуникативном плане он, похоже, был на особом положении, не входя в тесный круг общения столичных коллег. Вполне возможно, что ситуация вокруг «нового направления» в большей степени была связана с конфликтами столичных историков и партийных деятелей, в которые по касательной оказались втянуты представители провинциальной исторической науки.

Говоря о последствиях для В. В. Адамова официального осуждения «нового направления» в марте — апреле 1973 г., следует остановиться на следующем утверждении Ю.А. Русиной: «Имело место негласное табу на публикации исследований Адамова: список его научных работ прерывается на 1972 г.» (Русина 2018: 102). Не отрицая того, что для В. В. Адамова, похоже, это табу существовало, все же укажем на следующий небезынтересный факт, который остался незамеченным историками. В 1973 г. к 250-летию Свердловска вышла книга «Очерки истории Свердловска». Согласно выходным данным, она была сдана в набор 17 мая и подписана в печать 26 сентября 1973 г. В состав редакционной коллегии этой книги, помимо прочих, вхо-

дил и первый секретарь Свердловского городского комитета КПСС Л. Ф. Бобыкин. Автором двух глав — «Становление и развитие Екатеринбурга как капиталистического города» и «Положение трудящихся и их участие в революционной борьбе» — был ни кто иной, как В. В. Адамов. В этих работах, несколько подзабытых в историографии, историк поместил утверждения, которые вполне согласовались с идеями «нового направления». Так, говоря о пореформенном времени, В. В. Адамов указывал на «неразвитость экономики России», а также находил *свидетельства* «влияния и силы крепостных пережитков, которые тяготели над Уралом» (Адамов 1973: 73)⁵. Что примечательно, в рецензиях на эту книгу свердловских историков, опубликованных в 1974 г. как в свердловском «Уральском рабочем», так и в столичных «Вопросах истории», о главах авторства В. В. Адамова было написано в нейтральном тоне (Фельдман 1974: 3; Саматов, Яровой 1974: 162). Похоже, что региональное руководство хотя перестраховывалось, основываясь на известном беликовском принципе «как бы чего не вышло», однако не собиралось дальше раздувать эту проблему и даже «пропустило» в печать юбилейное издание, в котором опальный В. В. Адамов был одним из авторов.

что заинтересованы в окончании моей работы. Ряд обстоятельств замедлили мою работу, но в настоящее время она кончена. В середине марта я должен быть в служебной командировке в Москве. Могу ли я рассчитывать теперь на то, что Вы ознакомитесь с моей работой. Если Вы не имеете возможности сделать этого, не откажите в любезности и сообщите к кому можно было бы мне обратиться за советом по этому вопросу» (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 632. К. 88. Д. 5. Л. 1). Ответил ли на это обращение А. Л. Сидров, нам неизвестно. С учетом того, что других писем от В. В. Адамова в его фонде не сохранилось, можно предположить, что устойчивых контактов между ними не возникло.

⁵ Справедливости ради следует также отметить, что в 1980 г. В. В. Адамов опубликовал посвященную периоду Великой Отечественной войны главу в книге по истории Уральского государственного университета (Адамов 1980).

Касательно же утверждения Ю. А. Русиной, что в статье Иг. Ратмирова написано «о переводе В. Я. Кривоногова с исторического на архивное отделение как о дисциплинарно-репрессивной мере», приходится констатировать, что оно не соответствует действительности. В этой статье было написано следующее: «Неужели бы посмели Ф. Быстрых, исключенный после XX съезда из КПСС, и переведенный в свое время с исторического отделения на архивное В. Кривоногов выступить со статьей явно сикофантского толка, если бы не знали, какая роль придается их выступлению?» (*Ратмиров* 1975а: 89). Все же здесь просто написано о переводе «с исторического отделения на архивное» без каких-либо указаний, что это была дисциплинарно-репрессивная мера. Таким образом, произведенное Ю. А. Русиной купирование публикуемого источника с желанием отсечь «не соответствующие действительности факты» отнюдь не способствует воспроизведению фактов, соответствующих действительности.

Далее, едва ли можно признать удачным публикационным решением исключить «резкие и неэтичные оценочные суждения в адрес советских ученых, а также некоторые фрагменты документа, стилистика которых противоречит нормам научных дискуссий». Конечно, публикация источников по новейшей истории, в которых в негативном ключе упоминаются еще живущие люди или же их близкие родственники, представляет серьезную этическую проблему. И здесь можно вспомнить, что известный советский исследователь русского средневековья А. А. Зимин,

имевший проблемы с партийными органами из-за своего особого отношения к «Слову о полку Игореве», записал в августе 1976 г. следующие рассуждения о возможной подготовке своеобразного самиздатского собрания сочинений в девятнадцати томах, в которое бы вошли и сочинения мемуарного характера: «В наш век Самоиздата — думаю — подобные самоиздания (мое не рассчитано на публикацию другим путем) имеют большой смысл: оно лучше, чем что-либо воплощают авторское начало. Три из них (“Сумерки”, “Слово и дело” и “Храм науки”) я не хотел бы, чтобы издавали в течение ближайших, скажем, двадцати лет. Дело в том, что там героями выступают здравствующие сейчас люди. Поэтому всякое появление о них в печати размышлений мемуарного типа при их жизни, конечно, неморально» (*Зимин* 2015: 368). В этом суждении интересен как тезис о *неморальности* некоторых публикации, так и то, что появление своих мемуаров в самиздате А. А. Зимин рассматривал как публикацию. Действительно, самиздатское произведение представляло вариант актуального публично-высказывания, чья специфика заключалась в том, что своим способом (вос)производства-тиражирования оно было направлено на обход цензуры. Таким образом, автор или публикатор самиздатской статьи уже разрешил для себя вопрос о *моральности* того, что он собирался сказать *inibi et orbi*. Раз так, то купирование при (ре)публикации тех или иных фрагментов самиздатского произведения абсолютно не оправдано. Конечно, в публицистических статьях и памфлетах авторы могли позволить себе грубость. Тем не менее

даже самые резкие высказывания, став произведенными публичными высказываниями, необходимо анализировать именно как произведенные публичные высказывания. В связи с этим заметим, что благодаря (ре) публикации в «тамиздате» статьи Иг. Ратмирова «Вопросы капиталистической России» читатель все же может без особого труда ознакомиться с ней без публикаторских купюр Ю.А. Русиной в соответствующем выпуске «Вольного слова», который есть в нескольких экземплярах в Российской государственной библиотеке (Москва). Более того, его цифровая копия наличествует и в Интернете⁶.

Итак, произведенная Ю.А. Русиной публикация части статьи Иг. Ратмирова «Вопросы капиталистической России» хотя и представляет научный интерес и может привести к актуализации этого текста для исследователей советского времени, однако имеет ряд существенных недостатков. И разговор о устранении такого рода недостатков позволяет выйти на проблему выработки принципов научного издания самиздатских текстов. Так, при подготовке их публикации — и это самое банальное — необходимо тщательно производить сверку источника. Не менее важно при этом стараться выявить возможные «тамиздатские» публикации, чтобы не издать уже опубликованный источник. При этом желательно не просто найти «тамиздатские» копии, а и сам оригинальный самиздатский артефакт, чтобы произвести проверку на наличие возможных разночтений,

пропусков и неточностей для более точного воспроизводства первоначального текста. Далее, к самиздатскому тексту следует относиться как к произведенному публичному высказыванию. Это, если касаться эдичионного аспекта, предполагает, что источник не следует цензурировать/купировать. Его автор или издатель, отправляя текст в самиздат, уже решил, что именно такой текст должен стать целостным публичным высказыванием. В этом отношении самиздатские высказывания будут важны не только и подчас не столько тем, что в них может содержаться некая достоверная информация в виде верифицируемых фактов, а и тем, что они дают доступ к идеям и представлениям, которые некоторые люди стремились высказывать в неподцензурных, пусть и в довольно фрагментированных сегментах советской публичной сферы.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Адамов 1973 — *Адамов В.В.* Становление и развитие Екатеринбурга как капиталистического города // *Очерки истории Свердловска. 1723–1973* / под ред. А.В. Бакунина. Свердловск, 1973. С. 69–84.

Адамов 1980 — *Адамов В.В.* Суровый экзамен // *Уральский государственный университет им. А.М. Горького* / под ред. М.Е. Главацкого. Свердловск, 1980. С. 28–38.

Еще раз к вопросу 1990 — Еще раз к вопросу о «новом направлении» // *Вопросы истории. 1990. № 6.* С. 164–184.

Зимин 2015 — *Зимин А.А.* Храм науки (Размышления о прожитом) // *Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века* /

⁶ URL: vtoraya-literatura.com/pdf/volnoe_slovo_20_1975__ocr.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 35–384.

Иванова 2002 — *Иванова Н.А.* [Воспоминания] // Константин Николаевич Гарновский. Историк и его время. СПб., 2002. С. 119–123.

Кузнецов 1970 — *Кузнецов В.Н.* Материк. Л., 1970.

Новости самиздата 1975 — Новости самиздата // Хроника текущих событий. Вып. 35. 31 марта 1975 г. New-York: Khronika Press, 1975. С. 48–52.

Осинов 2008 — *Осинов В.Н.* Корень нации. Записки русофила. М., 2008.

Ратмиров 1975а — *Ратмиров Иг.* Вопросы капиталистической России // Вольное слово. Вып. 20. Из журнала «Земля» № 1 и 2. Frankfurt; Main, 1975. С. 82–90.

Ратмиров 1975б — *Ратмиров Иг.* Вопросы капиталистической России // Материалы самиздата. Вып. 25. Мюнхен, 1975. С. 57–62.

Саматов, Яровой 1974 — *Саматов В.А., Яровой Г.В.* Рец. на: Очерки истории Свердловска. 1723–1973. Свердловск. Средне-Уральское книжное изд-во. 1973 // Вопросы истории. 1974. № 7. С. 161–164.

Сальнская Р.Г. «Я хотел услышать твой голос...» // Театр. 1996. [Специальный номер]. С. 155–190.

Фельдман 1974 — *Фельдман В.В.* Очерки истории Свердловска // Уральский рабочий. 1974. 28 февраля. № 50. С. 3.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Камынин 2019а — *Камынин В.Д.* Из истории исторической науки на Урале на рубеже 1960–1970-х гг. // История и современное мировоззрение. 2019. № 3. С. 62–71.

Камынин 2019б — *Камынин В.Д.* Личностные и профессиональные коммуникации историков Уральского университета на рубеже 1960–1970-х гг. // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Ч. I. Томск, 2019. С. 44–49.

Митрохин 2003 — *Митрохин Н.А.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003.

Русина 2017 — *Русина Ю.А.* Периодика в самиздате: русский патриотический журнал «Вече» (1971–1973 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 1 (17). С. 153–162.

Русина 2019 — *Русина Ю.А.* Самиздат в СССР: тексты и судьбы. СПб.; Екатеринбург, 2019.

Русина 2018 — *Русина Ю.А.* Следы «нового направления» в советской исторической науке на страницах самиздата // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 96–109.

TO THE QUESTION OF PRINCIPLES OF THE PUBLICATIONS OF TEXTS OF THE SOVIET SAMIZDAT: A FEW CRITICAL REMARKS

Kiselev Mikhail A. — candidate of historical sciences, research associate, Institute of History and Archeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences and Laboratory of Primary Sources Research of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Key words: Soviet samizdat, *Zemlya* journal, publication of historical sources, Soviet historical science, “new direction”, V. V. Adamov.

Abstract. The paper analyzes the publication of Ig. Ratmirov’s article *Issues of Capitalist Russia* by Yu. A. Rusina, specialist in the history of Soviet samizdat. Based on the analysis of the publication by Yu. A. Rusina, the author considers the following principles for publishing texts of Soviet samizdat. In preparing them for publication, it is necessary to carefully reconcile the source, as well as identify possible foreign publications. Identification of different copies and publications of samizdat texts will allow checking for possible discrepancies, which should contribute to a more accurate reproduction of the source. The Samizdat text should be treated as a public statement. This means that published samizdat texts should not be censored.

REFERENCES

- Kamynin V.D. Iz istorii istoricheskoi nauki na Urale na rubezhe 1960–1970-kh gg. *Istoriia i sovremennoe mirovozzrenie*, 2019, no. 3, pp. 62–71.
- Kamynin V.D. Lichnostnye i professional'nye kommunikatsii istorikov Ural'skogo universiteta na rubezhe 1960–1970-kh gg. *Tvorcheskaia laboratoriia istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiiu so dnia rozhdeniia B. G. Mogil'nitskogo)*. Ch. I. Tomsk, 2019, pp. 44–49.
- Mitrokhin N. A. *Russkaia partiia: Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR. 1953–1985 gody*. Moscow, 2003.
- Rusina Iu.A. Periodika v samizdate: russkii patrioticheskii zhurnal "Veche" (1971–1973 gg.). *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, 2017, vyp. 1 (17), pp. 153–162.
- Rusina Iu.A. *Samizdat v SSSR: teksty i sud'by*. St. Petersburg; Ekaterinburg, 2019.
- Rusina Iu.A. Sledy "novogo napravleniia" v sovetskoi istoricheskoi nauke na stranitsakh samizdata. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Serii 2. Gumanitarnye nauki, 2018, vol. 20, no. 3 (178), pp. 96–109.

П. Г. Черемушкин

ДИПЛОМАТЫ В КОРИДОРАХ ВЛАСТИ: ДВЕ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ КРУПНЫХ ДИПЛОМАТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИЧНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ ЭКСПЕРТА- МЕЖДУНАРОДНИКА

Рец.: *Чуркин Виталий*. Трудности перевода. Воспоминания. М.: ОЛМА-пресс, 2020. 440 с.; *Бернс Уильям*. Невидимая сила. Как работает американская дипломатия. М.: Альпина Паблишер, 2020. 688 с. (оригинал: *William J. Burns. The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and the Case for Its Renewal*. Published by Random House, 2019. 512 p.)

Ключевые слова: внешняя политика США, внешняя политика постсоветской России, российско-американские отношения, российско-грузинский конфликт, события 2014 г. на Украине, ближневосточное урегулирование, история дипломатии, У. Бернс, В. И. Чуркин. ¹

Аннотация. Мемуары двух крупных дипломатов — российского и американского — рассматриваются автором сквозь призму личных впечатлений эксперта-международника.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-355-364

В день 23 апреля 2007 г., когда стало известно о смерти первого президента России Бориса Ельцина, мы сидели в гостинице «Мариотт» на Тверской и ждали пресс-конференции находившегося тогда в Москве министра обороны США Роберта Гейтса. Когда он вошел в комнату, где уже собрались журналисты, корреспондент ТАСС, сидевший рядом со мной, подтвердил, что печальное сообщение уже имеет

официальный характер и ему можно доверять. Однако находившийся рядом с министром посол США Билл Бернс проявил свою знаменитую сверхосторожность и предупредил, что пока не получит подтверждения этой информации по своим каналам, никаких заявлений и комментариев на сей счет с американской стороны не последует. Ведь слишком часто новости оказывались фальшивками.

Таким был стиль работы Бернса с прессой, который я запомнил навсегда: перестраховка и перепроверка. Тем сильнее было мое удивление, когда я прочитал только что вышедший перевод на русский язык воспоминаний ветерана американской дипломатии, где он с подкупающей откровенностью делится некоторой весьма деликатной информацией и личными переживаниями.

Незадолго до начала карантина мне в руки пришли две только что вышедшие толстые книги воспоминаний дипломатов — российского, Виталия Ивановича Чуркина, «Трудности перевода», и американского, Билла Бернса, «Невидимая сила. Как работает американская дипломатия» в русском переводе. Будто кто-то предвидел, что в связи с самоизоляцией высвободится столько времени для чтения двух огромных томов по истории внешней политики недавнего времени. Понятно, что одни и те же события Чуркин и Бернс трактуют совершенно по-разному: это и украинский Майдан 2014 г., и ближневосточные кризисы, и война в Грузии 2008 г., и Косово. Но сравнивать эти подходы — дело долгое и бессмысленное. Интереснее посмотреть, как раскрываются дипломаты в коридорах власти, когда отключены телекамеры, и что думают они, пребывая вне чиновного мундира. В мемуарах Бернса публикуются рассекреченные дипломатические депешы, которые во времена «Викиликс» не кажутся чем-то уникальным, но демонстрируют, что американские дипломаты могут хорошо писать не только мемуары.

Скончавшегося три года назад постоянного представителя России при

ООН Виталия Чуркина (1952–2017) я лично не знал, но наблюдал за ним довольно внимательно и представлял себе, как развивалась его карьера с того момента, когда он стал спецпредставителем президента России по Балканскому кризису в начале 1990-х. Личностью он был легендарной и имел репутацию блестящего дипломата. По рассказам общих знакомых создавалось представление о нем, что называется, через одно рукопожатие, во всяком случае с тех пор, как Чуркин возглавил Управление информации МИД СССР во времена перестройки и гласности, при министре иностранных дел Эдуарде Шеварднадзе.

Воспоминания Чуркина, завершённые в 2017 г., незадолго до кончины, вышли в свет благодаря вдове дипломата Ирине, которая написала к ним послесловие. Бернс посвящает свою книгу супруге Л. Карти, сопровождавшей его в годы службы в Москве, на Ближнем Востоке и в других местах. С Бернсом я вместе работал и близко наблюдал его в бытность его послом США в Москве в 2005–2008 гг. (уникальное положение местного сотрудника пресс-службы американского посольства открывало беспрецедентные возможности). И позже, когда я был собственным корреспондентом «Интерфакса» в США, а он первым заместителем госсекретаря, мне иногда приходилось бывать на мероприятиях с его участием в Вашингтоне или даже делать короткие интервью с ним. Вспоминать это недавнее прошлое легко и приятно: тогда казалось, что впереди только хорошее и мир на глазах становится лучше, несмотря на некоторые неприятности в российско-американских отношениях.

Более всего Билл Бернс известен тем, что уговорил покойного ливийского лидера Муамара Каддафи отказаться от оружия массового поражения. В Москве Бернса любили: он тщательно выбирал выражения во время своих публичных выступлений, проверял каждое слово перед тем, как выйти на трибуну; тщательно готовился к интервью; при этом был не чужд тайной дипломатии, которую освоил за долгие годы работы на Ближнем Востоке и которую всегда приветствуют в российской политике. Перед отъездом из Москвы, когда срок пребывания Бернса подходил к концу, его принял президент Путин, что случалось крайне редко в случаях с иностранными послами и уже тем более с американскими.

В книге воспоминаний самое интересное для отечественного читателя — описание встреч Бернса с президентами России и российскими чиновниками в разные годы. И когда он сопровождал госсекретарей Кондолизу Райс и Хиллари Клинтон, и во время встреч В. В. Путина с президентом США Джорджем Бушем-младшим, и, конечно, во время визита президента США Барака Обамы в резиденцию В. В. Путина Ново-Огарево в июле 2009 г., в бытность его главой правительства России.

В сентябре 2007 г. Бернс в бытность послом сопровождал Кондолизу Райс в Ново-Огарево к Путину, и вот как он описывает переговоры российского лидера с главой американской дипломатии, изложенные в рассекреченном меморандуме «Обед на день рождения с путинским политбюро»:

«Его настроение (Путина. — П. Ч.) резко изменилось, когда госсекретарь заговорила о Грузии, призвав русских не допустить эскалации конфликта с президентом Михаилом Саакашвили в связи с вопросом о статусе Абхазии и Южной Осетии. Встав перед камином, Путин погрозил ей пальцем и запальчиво сказал:

— Если Саакашвили применит в Южной Осетии силу — а мы убеждены, что он собирается это сделать, — это будет серьезной ошибкой, и больше всех пострадают сами грузины. Если он хочет войны, он ее получит.

Райс тоже встала, не тушуясь перед Путиным. На каблуках она была значительно выше его. Госсекретарь еще раз перечислила негативные последствия возможного конфликта с Грузией для американо-российских отношений. Необходимость смотреть на даму снизу вверх вряд ли улучшила настроение Путина.

— Саакашвили — всего лишь марионетка Соединенных Штатов, — сказал он. — Прекратите дергать за ниточки, пока не случилось беды.

Указав на дверь, ведущую в столовую, он добавил:

— Хочу сказать вам то, чего еще не знает никто из сидящих там. Если Грузия устроит кровопролитие в Осетии, я буду вынужден признать независимость Южной Осетии и Абхазии и ответить силой.

Обстановка постепенно разряжалась, Путин и Райс снова сели. Путин все еще был раздражен, но спокойно закончил:

— Мы могли бы говорить об этом целую вечность, но я хочу, чтобы вы поняли одно: если Саакашвили что-то затеет, мы быстро это прекратим».

Бернс (зам. госсекретаря США в 2011–2014 гг.) вспоминает и о негласной встрече по Украине, которая состоялась летом 2014 г. в Женеве: «после трудного телефонного разговора Обамы с Путиным» американский дипломат общался с двумя высокопоставленными российскими должностными лицами — сотрудником Министерства иностранных дел и представителем Кремля. Бернс сообщает, что целью встречи было «посмотреть, есть ли возможность наладить секретный канал связи и поможет ли он смягчить напряженность, особенно в связи с кризисом в Украине».

Как пишет Бернс, «в течение целого долгого дня мы бесконечно ходили по кругу». Незванный представитель Кремля рассказывал неполиткорректные анекдоты и повторял то, что «Владимир Путин говорил Джорджу Бушу-младшему в 2008 г.: — Американцы, — говорил он, — не понимают, что Украина не является целостным государством. Одна ее часть — это, по сути, Центральная Европа, другая — по сути, Россия, и лишь малая ее часть — собственно Украина. Не обманывайте себя». Несомненно, в этом эпизоде как в капле воды проявился тот самый «ценностный разрыв», о котором постоянно говорят американские дипломаты (примерно так же, как российские постоянно сетуют на двойные стандарты).

«Его вкрадчивый, покровительственный тон не внушал симпатии. — И вы не должны обманывать себя, — отве-

тил я. — Вы добились только того, что украинцы стали сильнее ощущать свою национальную принадлежность. Вы проглотили два миллиона жителей Крыма, но другие 42 миллиона человек теперь как никогда ощущают себя украинцами и полны решимости выйти из зоны вашего влияния. Мы с Джейком (Джейк Салливан, помощник вице-президента Байдена по национальной безопасности. — П. Ч.) говорили по очереди, постепенно теряя терпение, — день тянулся, а разговор ни к чему не приводил. Мы сомневались, что Минские соглашения, подготовленные немцами и французами совместно с русскими и украинцами, в ближайшее время будут выполнены. Но еще сильнее нас беспокоило то, что русские могли пойти дальше, не сокращая, а наращивая свое военное присутствие в Донбассе. В ту ночь мы отправили президенту Обаме послание, сообщив о нежелании русских серьезно работать над налаживанием секретного канала связи и своих неудачных попытках убедить их в целесообразности использования предлагаемых нами дипломатических возможностей. “Перезагрузка” надолго застопорилась», — пишет Бернс.

Понятно, что украинский кризис 2014 г. неизбежно описывается в воспоминаниях Чуркина с точки зрения постоянного представителя России в ООН. И оптика в этих мемуарах совсем не такая, как у Бернса. Горячая полемика Чуркина с постоянным представителем США в ООН Самантой Пауэр по поводу отмены русского языка на Украине, права выбора населения Крыма и столкновений на Майдане широко известна и вошла в историю дипломатии, в том числе

как пример того, что случается, когда дипломаты перестают выбирать выражения или скрывать свои мысли. Чуркин, впрочем, подробно излагает то, что оказывалось за кадром его полемики с американской представительницей в ООН. Описывая визит Саманты Пауэр в Киев в 2015 г., он отмечает, что та сделала несколько «антироссийских заявлений» и сказала, что «российскому постоянному представителю в Совете безопасности никто не верит». «Из Киева она прислала мне смс: если меня еще раз спросят, каков на самом деле Виталий Чуркин, я брошусь в Днепр».

«После возвращения Пауэр из Киева встречались с ней по другому вопросу. По завершении беседы сказал ей, что обратил внимание на ее фразу “никто не верит” и считаю ее грубым личным выпадом. Пауэр опешила: “Спасибо, что сказал”. Когда она уже села в машину, раздался телефонный звонок: “Ты же знаешь, как я тебя уважаю. Я имела в виду не тебя лично, а вашу позицию по Украине. Но меня там действительно о тебе все время спрашивали. Ты ведь там лицо агрессии”, — по-доброму завершила коллега», — вспоминает Чуркин.

За кулисами столкновений на трибуне ООН дипломаты нередко сохраняют вполне приличные личные отношения друг с другом, Чуркин вспоминает, как после разгоревшихся в ООН дебатов о грузинской войне супруга постоянного представителя США в ООН Залмана Хализада позвонила его жене и как ни в чем не бывало пригласила ее на чай.

Читать разделы воспоминаний Бернса, посвященные России и Украин-

не, особенно интересно, но ценность книги не ограничивается воспоминаниями о российско-американском направлении американской дипломатии. В ней описано и как Бернс занимался ближневосточной тематикой, как был послом США в Иордании и зам. госсекретаря по проблемам Ближнего Востока. Особо стоит отметить описание всей истории перехода власти в Иордании от короля Хусейна к его сыну королю Абдалле — в нем нашли отражение сложнейшие отношения как внутри арабского мира, так и арабов с Израилем. Читается это легко и увлекательно и написано с подкупающей прямо-той. Я был весьма удивлен, зная, насколько осторожно подбирает Бернс слова, прочитав в воспоминаниях такую оценку: «Ближневосточный регион по-прежнему оставался форменным гадюшником».

Не без юмора описывает Бернс свой визит в Таджикистан: «...на мою долю выпало суровое испытание: на президентском банкете — сложном упражнении в способности переваривать блюда, выполнить которое не помогало даже огромное количество водки, — я должен был съесть поданное мне как почетному гостю оленье ухо. Я справился и выжил, но это было моим главным достижением в этой стране».

Вообще в своих воспоминаниях Бернс раскрывается с неожиданной стороны и высказывается довольно откровенно с присущим ему знанием политики и жизненным опытом. Вот что он пишет о своем участии в слушаниях в Конгрессе, посвященных гибели посла США в Ливии Кристофера Стивенса: «Ничто так

не мобилизует умственные способности и не напоминает о том, какой жестокой может быть вашингтонская политика, как слушания на самом высоком уровне по неоднозначной проблеме, имеющей политическую подоплеку. Мы изо всех сил старались сохранять внешнее спокойствие, но на самом деле очень волновались. Перед началом слушаний в Палате представителей Нидс наклонился ко мне и шепнул: — Только попробуй вывернуться, приятель. Это сняло напряжение, и нам удалось выстоять».

Или другой фрагмент, касающийся уже политики на корейском направлении: «Я не принимал непосредственного участия в наших спорадических дипломатических усилиях в области налаживания отношений с Северной Кореей, но разделял разочарование коллег в связи с бесплодностью шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР, невозможностью наладить серьезный канал секретной связи с северными корейцами и безуспешными попытками начать секретные стратегические переговоры с Китаем о будущем Корейского полуострова».

Весьма любопытно Бернс характеризует своих коллег по дипломатической службе: «Такие выдающиеся профессионалы, как Том Пикеринг (бывший посол США в России в 1990-е гг. — П. Ч.), научили меня тому, что политическая инициативность и готовность откровенно высказывать свою точку зрения начальству — важнейшие качества карьерного дипломата, особенно высокопоставленного. Пикеринг и многие другие дипломаты моего

поколения, работавшие за границей, не хотели довольствоваться ролью почтальонов, просто получающих корреспонденцию из Вашингтона. Они не ждали, пока наверху примут то или иное решение, но старались повлиять на него».

Ту же тему он развивает и на других страницах книги. «Мне всегда нравилось, что госсекретарь Кондолиза Райс поддерживала мои попытки донести до руководства свои опасения в связи с возможностью грядущего катастрофического столкновения с Россией Путина и отстаивать альтернативные политические решения — она помогала мне, несмотря на то, что ее точка зрения не всегда совпадала с моей (и с точкой зрения Белого дома). Ни разу мне не дали почувствовать, что мои два рубля из Москвы нежеланны или неуместны», — пишет Бернс.

Гораздо менее комплиментарно, а то и просто саркастически Бернс отзывается о Ричарде Холбруке, руководившем европейским направлением в Госдепартаменте и фактически являвшемся визави Чуркина в урегулировании кризиса на Балканах. «Холбрук был блестящим дипломатом, чьи таланты и энергия могли сравниться разве что с его умением привлечь к себе внимание и обостренным чувством собственного “я”».

«В октябре Холбрук прибыл в Москву на первое заседание Контактной группы, которое должно было состояться в России. Я встречал его в аэропорту Внуково и целый час, пока мы ехали в Москву, наслаждался “шоу Холбрука” — этот человек одновре-

менно говорил по телефону с госсекретарем Кристофером и сенатором Биллом Брэдли, непрерывно комментировал политику Вашингтона, сыпал вопросами о мелькающих за окнами автомобиля видах уже заснеженного Подмосковья, делал едкие замечания о русских и горько сетовал на необходимость попусту тратить время в Москве, когда так много всего нужно сделать на Балканах, причем срочно. В итоге, однако, визит Холбрука и неустанная кропотливая работа Тэлботта в Москве помогли сгладить обиды русских, убедить их поддерживать, пускай и с неохотой, важнейшее Дейтонское соглашение 1995 г. и содействовать его реализации», — резюмирует Бернс, говоря о финале войны в бывшей Югославии.

Самым большим откровением для меня как читателя стали содержащиеся в воспоминаниях признание Бернса в глубочайшем неприятии войны в Ираке и описание им попыток остановить американское вторжение в 2003 г. Многие американские дипломаты были категорическими противниками вторжения, некоторые даже ушли в отставку.

«Вторжение в Ирак было своего рода первородным грехом, — пишет Бернс. — Он был порожден гордыней, а также отсутствием воображения и сбоями процесса достижения поставленных целей. Неоконсерваторы, выступавшие за операцию в Ираке, добились того, что она стала главным инструментом разрушения Ближнего Востока. Виной тому было ошибочное, безответственное и исторически необоснованное представление, что добиться результатов можно только с помощью грубого вмешательства

и великих потрясений. В регионе, где непреднамеренные последствия редко бывают положительными, свержение Саддама запустило цепную реакцию проблем, обнажив хрупкость ситуации в Ираке и неустойчивость арабских режимов в целом и лишний раз доказав, что американцы способны перекраивать карту региона не менее бесцеремонно и грубо, чем некогда британские и французские завоеватели. Хаос, охвативший Ирак после 2003 г., усилил влияние Ирана, открыл дорогу произволу в этой стране и в целом способствовал новому витку противостояния между суннитами и шиитами в борьбе за власть на Ближнем Востоке».

«...провал в Ираке, в том числе кошмарные репортажи из Абу-Грейба, крайне негативно сказались на имидже Америки и подорвали доверие к ней. Если таким образом американцы насаждали демократию, то большинству арабов она была даром не нужна», — резюмирует американский дипломат.

Описывая эти сюжеты, Бернс проявляет подкупающую откровенность: «Наконец были и не столь заметные “грехи недеяния”. Некоторые из них были глубоко личными. Попытавшись указать на все, что могло пойти не так, задав все стратегические и практические вопросы и не получив на них ответа и показав все негативные последствия проведения операции в Ираке в одиночку, без международной поддержки, почему я не пошел до конца в своем несогласии с администрацией и не ушел из Госдепартамента? Принять такое решение было нелегко, учитывая все профессиональные и моральные

соображения, а также долг перед семьей. Тем не менее я до сих пор, спустя полтора десятилетия, считаю свое решение не совсем корректным и немного жалею о нем. Отчасти оно было продиктовано преданностью друзьям, коллегам и госсекретарю Пауэллу; отчасти — профессиональной дисциплинированностью сотрудника Дипломатической службы; отчасти — попытками убедить себя в том, что, оставаясь изнутри системы, я мог помочь избежать еще более грубых стратегических ошибок, чем если бы я покинул ее; отчасти — эгоизмом и карьеризмом, а также нежеланием уходить из профессии, которую я искренне любил и которой отдал 20 лет жизни, и отчасти, видимо, непреодолимым ощущением, что Саддам — тиран, заслуживший свою участь, и возможно, мы могли бы лишиться его власти куда более квалифицированно, чем, боюсь, мы это сделали. Так или иначе, я остался на службе, и мои усилия минимизировать ущерб не увенчались успехом. Не я один испытывал подобные сомнения, размышляя о том, правильно ли поступил в те годы», — такое признание дорогого стоит.

По оценке Бернса, «требовалось задействовать в Ираке истинную дипломатию принуждения, а не ту, которую мы использовали на самом деле и в которой было слишком много принуждения и слишком мало дипломатии. Кроме того, требовались терпение и готовность разделить бремя наших усилий — как на этапе планирования, так и в процессе реализации — с мировым сообществом. Но мы сделали выбор в пользу немедленного выполнения односторонних намерений и грубой силы,

лишь в малой степени разделив свои усилия с другими. У нас не было ни возможностей, ни воображения, чтобы перестроить Ближний Восток, независимо от того, свергли бы мы Саддама или нет. Но зато мы могли сделать и без того погруженный в хаос регион еще более сложным и хаотичным, заодно ослабив свою роль и влияние. И мы это сделали».

А вот как характеризует Бернс своеобразные «профессиональные заболевания» дипломатов: «Одним из видов профессиональной деформации дипломатов является так называемый клиентит — тенденция к отождествлению интересов страны пребывания с интересами страны, которой они служат».

Предисловие к русскому изданию Бернса (очень толковое) написал Дмитрий Витальевич Тренин, который неизменно соблюдает все нюансы и балансы и расставляет акценты. «The Back Channel, A Memoir of American Diplomacy and the Case of its Renewal» — так называются воспоминания Бернса в оригинале, а перевод сделан очень добросовестно с большим знанием всех тонкостей и аналогов дипломатической лексики, как русской, так и американской. В силу своих профессиональных обязанностей мне довелось в 2005–2007 гг. сопровождать Бернса в его поездках по стране от Твери до Байкала, от Нальчика до Самары. И получить уникальную возможность увидеть некоторые особенности работы американских послов. Особенно запомнилось посещение им Беслана в Северной Осетии, возложение цветов на могилы несчастных детей, погибших 3 сентября 2004 г.

Обе книги — занимательное и познавательное чтение, в том числе и для тех, кто сам был свидетелем описываемых событий, но не знал точной подоплеку происходящего и всяких закулисных обстоятельств. Но главное впечатление от двух книг сводится к осознанию того, как быстро, молниеносно текущая политика превращается в историю, и забываются, оказываются несущественными ее перипетии, еще недавно казавшиеся злободневными, и как легко уходят в прошлое вещи, казавшиеся остроактуальными. Например, сложнейшие дипломатические переговоры, приведшие к заключению так называемой ядерной сделки шести стран с Ираном, которые вел в Вене первый заместитель госсекретаря США Бернс, были перечеркнуты росчерком пера нового президента США; почти забыты гневные филиппики Виталия Чуркина с трибуны ООН в адрес «западных партнеров» и Украины, сильно повлиявшие, очевидно, и на его здоровье и безвременную кончину. Или нюансы сложной дипломатической игры, которую вел Чуркин на Балканах во время войны в бывшей Югославии.

Но есть такие обстоятельства в недавней истории, обращение к которым остается неизбежным и в текущей политике. Например, в воспоминаниях Бернса я впервые обнаружил точное признание того факта, что США обещали Горбачеву не расширять НАТО после объединения Германии. Госсекретарь Джеймс Бейкер, пишет Бернс, «пообещал, что юрисдикция и силы НАТО не будут расширяться “ни на дюйм к востоку” от границ объединенной Германии. Русские поверили ему на слово. В последующие

годы они будут считать расширение НАТО на восток предательством, несмотря на то, что обещание Бейкера не было зафиксировано на бумаге и давалось до распада Советского Союза. Этот эпизод станет предметом разногласий между нашими странами на много лет вперед».

Позволю себе привести еще одну цитату из книги Бернса, касающуюся расширения НАТО и позиции России. «Когда дело дошло до международных соглашений по безопасности, мы оказались не столь великодушны, как советовал Черчилль. Сидя в посольстве в Москве в середине 1990-х гг., мне казалось, что расширение НАТО было в лучшем случае преждевременным шагом, а в худшем — бессмысленной провокацией. Я понимал и принимал аргументы в пользу поддержки недавно освобожденных стран Центральной Европы, у которых были серьезные исторические основания опасаться жаждающей реванша России. Я отчетливо осознавал необходимость прочной привязки этих государств к западным институтам, но считал, что, прежде чем официально вступить в НАТО, они должны пройти через долговременное участие в программе “Партнерство во имя мира”. Однако, как оказалось, я принимал желаемое за действительное, полагая, что мы могли открыть им дверь в НАТО, избежав долговременных негативных последствий для наших отношений с Россией, страдающей от собственного исторического ощущения незащищенности».

Некоторые страницы книги напоминают нам сегодня о фактах почти забытых: «Для Клинтона отношения с Россией и ее чудаковатым

президентом всегда оставались одним из важнейших приоритетов, а Тэлботт занимался текущими вопросами в этой области в качестве главы вновь созданного Бюро Госдепартамента, отвечающего за политику в отношении России и других новых независимых государств — бывших советских республик. Тэлботт и его российский коллега заместитель министра иностранных дел Георгий Мамедов умели преодолевать бюрократические и политические препоны».

В книгах Бернса и Чуркина есть одна общая особенность, которую следовало бы назвать недочетом, если смотреть на них как на исторические источники: они очень часто вспоминают людей, имена которых предпочитают не называть. Некоторых из них можно распознать, других —

нет. Как бы то ни было, в огромном труде Бернса, как и в воспоминаниях Чуркина, разворачивается впечатляющая картина внешней политики конца XX — начала XXI в., где находится место почти забытым и самым укромным ее уголкам, зачастую незримым миру. Жанр дипломатических мемуаров — любимое чтение не только для дилетантов, без них не могут обойтись и серьезные исследователи международных отношений. К числу особенно ценных сочинений относятся воспоминания Генри Киссинджера и Анатолия Федоровича Добрынина, Струба Тэлботта и Евгения Максимовича Примакова. В этом ряду воспоминания Бернса и Чуркина займут свое достойное место, к ним неизменно будут обращаться исследователи при изучении конкретных обстоятельств нашего недавнего прошлого.

DIPLOMATS IN THE CORRIDORS OF POWER: TWO BOOKS OF MEMOIRS OF MAJOR DIPLOMATS THROUGH THE PRISM OF PERSONAL IMPRESSIONS OF AN INTERNATIONAL EXPERT

Rev.: Churkin Vitalii. Trudnosti perevoda. Vospominaniia. Moscow: OLMA-press, 2020. 440 p.; Berns Uil'iam. Nevidimaia sila. Kak rabotaet amerikanskaia diplomatiia. Moscow: Al'pina Publisher, 2020. 688 p. (original: William J. Burns. The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and the Case for Its Renewal. Published by Random House, 2019. 512 p.)

Cheremushkin Petr G. — candidate of art history, associate Professor of the Moscow State linguistic University (Moscow)

Key words: US foreign policy, foreign policy of post-Soviet Russia, Russian-American relations, Russian-Georgian conflict, 2014 events in Ukraine, Middle East settlement, the history of diplomacy, W. Burns, V. Churkin/

Abstract. The memoirs of two major diplomats — Russian and American — are examined by the author through the prism of personal impressions of an expert in international relations.

В. С. Стаф

«МЫ ПРЕВРАЩАЕМ МЕСТА ЗЛОДЕЯНИЙ В МЕСТА ПАМЯТИ»: КНИГА ЮРИЯ ДМИТРИЕВА «МЕСТО ПАМЯТИ САНДАРМОХ»

Рец.: Дмитриев Ю. А. Место памяти Сандармох / общая редакция и составление: А. Я. Разумов. Петрозаводск, 2019.

Ключевые слова: Сандармох, сталинизм, ГУЛАГ, Большой террор, «соловецкий этап», политические репрессии.

Аннотация. Статья представляет собой обзор нового сборника Ю. А. Дмитриева о Сандармохе — месте массовых захоронений жертв Большого террора в Карелии. Сборник представляет собой книгу памяти с 980 биограммами расстрелянных, а также очерки воспоминаний родственников, документы-отчеты по исполнению приговоров, иллюстрации памятных знаков, а также статьи о ситуации вокруг Сандармоха последних нескольких лет. DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-365-371

В конце 2019 г. вышло сразу две новых книги о Сандармохе, месте массовых расстрелов в годы Большого террора недалеко от карельского Медвежьегорска. Это вышедшая в издательстве «Нестор-История» книга И. А. Флиге «Сандармох: драматургия смыслов» и изданная в Петрозаводске книга Ю. А. Дмитриева

«Место памяти Сандармох». Книга Флиге состоит из «пяти актов» и отсылает к классическому жанру трагедии — в ней повествуется об истории «места памяти» Сандармох — о его поисках, мемориализации, памятниках, ежегодных Днях памяти и т. д. Книга Дмитриева иная — это прежде всего книга памяти с именами жертв,

© В. С. Стаф, 2020

Стаф Владислав Сергеевич — преподаватель школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва); stafvlad@gmail.com

и посвящена она историям людей, расстрелянных в лесу под Медвежьегорском на Повенецком тракте. Помимо биограмм¹ 980 человек она содержит в себе воспоминания родственников расстрелянных, чаще всего их детей. В книге есть и иллюстрации памятных знаков на мемориальном комплексе, которых сейчас несколько десятков. И, что особенно важно, в ней впервые приведены факсимиле — отчеты по исполнению приговоров над осужденными Особой тройкой при УНКВД по Ленинградской области по делам Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР.

В 1931–1933 гг. в Карелии строился Беломорско-Балтийский канал, самый крупный объект первой пятилетки и первый объект в СССР, полностью построенный руками заключенных ГУЛАГа. Для его строительства на базе Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) в 1931 г. был организован Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь — Белбалтлаг с административным центром на станции Медвежья Гора (Медгора, современный Медвежьегорск); заключенные Белбалтлага и строили канал. Так как Медвежья гора являлась «столицей» Белбалтлага, а с 1934 г. — Белбалткомбината, недалеко от этого места и производились местные расстрелы. В 1937 г. из Соловецкой тюрьмы госбезопасности в Медвежью Гору были отправлены на расстрел 1111 заключенных, так называемый «соловецкий этап». По-

иски места расстрелов в окрестностях Медвежьегорска начались еще в конце 1980-х гг. В 1997 г. предполагаемое место их расстрела начали искать в окрестностях Медвежьегорска, и вскоре экспедиция Карельского и Петербургского «Мемориалов» — Ю. А. Дмитриев, И. А. Флиге и В. В. Иофе — нашли его в 19 км от Медвежьегорска рядом с песчаным карьером у трассы в сторону города Повенец. Расстрельные ямы обнаружил непосредственно Ю. Дмитриев, затем по картам был определен ближайший к урочищу топоним — Сандормох (так назывался находившийся неподалеку заброшенный хутор). В том же 1997 г. был основан мемориальный комплекс Сандармох — оба написания используются в документах и литературе².

Сегодня Сандармох одно из самых известных мест массовых захоронений жертв сталинских репрессий в России наряду с Левашовской пустошью на окраине Санкт-Петербурга и Бутовским полигоном и Коммунаркой под Москвой. Благодаря огромной архивной работе сегодня известно 6241 имя людей, которые были захоронены в этом месте, — 5130 жителей Карелии, заключенных и трудпоселенцев Белбалтлага и Белбалткомбината, а также 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы госбезопасности — «соловецкий этап». (Флиге 2019: 11). Из-за этих особенностей сегодня в Едином государственном реестре объектов культурного наследия России Сандармох

¹ Биограммы — понятие, принятое в книгах памяти жертв политических репрессий. В них указывается набор сведений о расстрелянных: родился, проживал, арестован, отбывал срок, вновь арестован, приговорен, расстрелян.

² Так, И. А. Флиге придерживается первоначального написания «Сандормох». Так как рецензия посвящена книге Ю. А. Дмитриева, автор придерживается написания «Сандармох».

числится как объект культурного наследия регионального значения, памятник истории.

За более чем двадцать лет о Сандармохе было написано немало. Так, в 1997 г. была опубликована книга Флиге и Иофе «Мемориальное кладбище Сандармох» с именами «соловецкого этапа», а в 1999 г. — книга Дмитриева «Место расстрела Сандармох», со всеми именами расстрелянных. Двадцать лет назад книга Дмитриева была наиболее полным собранием имен людей, расстрелянных в годы Большого террора под Медвежьегорском. Однако списки расстрелянных постоянно корректировались и дополнялись, поэтому она давно ожидала переиздания.

Книга «Место памяти Сандармох» — не просто переиздание, но имеет все основания считаться новой книгой: сведения о расстрелянных уточнены или дополнены, многие тексты ранее не публиковались, да и саму историю ее создания невозможно обойти стороной. Книга «Место расстрела Сандармох» 1999 г. содержит списки расстрелянных, сгруппированные по их месту жительства на момент ареста (в отдельную группу вынесен «соловецкий этап»), а также даты расстрела и реабилитации. В новой книге к этой информации добавлены сведения о родственниках, уголовных статьях, по которым эти люди были арестованы, а также представлены иллюстрации документов по исполнению приговоров над осужденными Особой тройкой при УНКВД по Ленинградской области к расстрелу по делам Соловецкой тюрьмы ГУТБ НКВД СССР.

13 декабря 2016 г. Ю. Дмитриева арестовали по ложному обвинению, в январе 2018 г. освободили под подписку о невыезде, в апреле 2018 г. оправдали по основным статьям обвинения, а летом 2018 г. оправдание отменили и предъявили новые обвинения. В настоящее время продолжается новый суд, а Дмитриев находится в следственном изоляторе. На момент ареста в 2016 г. у Дмитриева были в работе три рукописи: «Их помнит Родина. Книга памяти карельского народа», «Красный Бор» — о месте массовых расстрелов под Петрозаводском, и «Спецпоселенцы в Карелии», в которой порядка сорока тысяч имен. Книги «Их помнит Родина» и «Красный Бор» увидели свет в мае 2017 г. Книга о спецпоселенцах пока не издана.

После ареста Ю. Дмитриева стало очевидно, что книга «Место расстрела Сандармох» 1999 г. требует не просто переиздания, а переосмысления. В 2018 г., когда Дмитриев был дома под подпиской о невыезде, до повторного ареста 27 июня, его друг и коллега, сотрудник Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге А. Я. Разумов проговорил с ним новую версию книги, включая новое название. После второго ареста Дмитриева книга, несмотря на все трудности, была доработана и издана — Дмитриев как автор и Разумов как редактор обсуждали и решали рабочие вопросы в здании суда в перерывах между заседаниями. Получилось, что книга памяти жертв Большого террора в Карелии доделывалась и уходила в печать из той же тюрьмы, где восемьдесят лет назад сидели в ожидании своей участи жертвы сталинских репрессий.

«Место памяти Сандармох» начинается с короткого предисловия Дмитрия и содержит в себе 980 биограмм расстрелянных людей в едином алфавите А — Б — В — они занимают почти треть всей книги. В качестве введения в раздел о расстрельных документах помещен текст Д. С. Лихачева «К читателям» из 2-го тома «Ленинградского мартиролога» (СПб., 1996). Дело в том, что некоторые из этих документов публиковались Разумовым во 2–9-м томах «Ленинградского мартиролога» (СПб., 1996–2009) и демонстрировались на конференциях. Но в такой полноте и с комментариями представлены впервые. «Не ленитесь прочесть все фамилии казненных... — писал Лихачев. — В этом списке легко могли оказаться все мы, наши отцы, деды, матери... В сущности, все жители России здесь — в этом списке расстрелянных...» (с. 313). Также в биограммы расстрелянных глав семей спецпереселенцев добавлены сведения об их оставшихся женах и детях, что дает представление о глубине еще одной прошлой работы Дмитриева «Спецпереселенцы в Карелии».

В книге «Место памяти Сандармох» впервые публикуются копии документов, положенных в основание мемориального комплекса Сандармох в 1997 г. Сами документы были уничтожены прокуратурой в 2001 г. как «не имеющие научно-исторической ценности и утратившие практическое значение». Копии были представлены прокуратурой в Петрозаводске 3 августа 2018 г. на заседании Межведомственной рабочей группы по координации деятельности, направленной на реализацию Концепции государственной поли-

тики по увековечению памяти жертв политических репрессий. Членов Рабочей группы заверяли, что раскопок в Сандармохе не будет. Через несколько дней они начались (с. 500–512).

Непосредственно вслед жестким биограммам автор и редактор книги поместили одиннадцать очерков и воспоминаний, считая их обязательным элементом Книги памяти. Один из самых необычных материалов — обзор дела Александра Владимировича Бобрищева-Пушкина — дворянина, уроженца Санкт-Петербурга, адвоката, много работавшего в театре и для театра. Александр Владимирович участвовал в процессе Бейлиса, во время Первой мировой войны был писарем в Комитете по Георгиевским наградам, после Революции защищал В. М. Пуришкевича. Во время Гражданской войны через Юг России эмигрировал в Сербию, оттуда в Германию, но в 1923 г. вернулся в Петроград, много лет был членом Ленинградской коллегии защитников, а затем находился на иждивении жены по инвалидности. В 1935 г. он был осужден, отправлен на Соловки, в 1937 г. этапирован в Медгору (Медвежьегорск) и расстрелян в Сандармохе. Ряд фото для этого очерка предоставила собственница Бобрищевых-Пушкиных Е. Д. Перепеченко.

Важно отметить и текст А. Разумова «Незабытые могилы или о месте расстрела Павла Флоренского» — священник и ученый был расстрелян со второй партией «соловчан» 8 декабря 1937 г., но не в Сандармохе, и место расстрела и погребения до сих пор не обнаружено. Это

возвращает нас к проблеме массовых захоронений — только в Карелии их десятки, многие имена остаются неизвестными, а списки жертв постоянно требуют уточнения. Вряд ли когда-то в этой работе можно будет поставить точку. В завершающем разделе очерке о соловецких расстрельных этапах отметим наиболее полный на сегодня список ответственных за злодеяния в Сандармохе: «Награды за расстрелы». В едином алфавите названы организаторы карательной кампании в СССР: Сталин, прокуроры, чекисты, конвоиры, исполнители приговоров.

В книге представлены очерки о людях разного гражданства и национальной принадлежности, расстрелянных в Сандармохе. Например, немецкая семья Клодтов. Материалы о Клодтах, известных родством со знаменитым скульптором Петром Карловичем Клодтом (1805–1867), собрал Дмитриев. И внук Дмитриева Д. Ю. Клодт (в книге на фото: у памятного знака А. Ф. Вангенгейму, с. 460) — потомок московской ветви Клодтов, осевших в Карелии.

В конце книги после биограмм, документов и одиннадцати очерков воспоминаний есть и раздел иллюстраций памятников Сандармоха. Знаки эти национальные и конфессиональные: карельский, православный, русский, польский, немецкий, католический, украинский, казацкий, азербайджанский, грузинский, татарский, литовский, эстонский, мусульманский, вайнахский, еврейский, марийский, молдавско-румынский, чешский. В начале раздела — монумент с призывом Юрия Дмитриева «Люди, не убивайте друг друга» (с. 434), в за-

вершение — знак неизвестному расстрелянному (с. 464).

Раздел о современной истории мемориального комплекса вобрал в себя известнейший очерк А. Яровой «Переписать Сандармох» (2017), статью депутата Законодательного собрания Республики Карелия Э. Э. Слабуновой «Сандармох как символ беззакония и произвола государства» и «Послесловие редактора» Разумова.

Сандармох, как и другие места сталинских злодеяний, побывавшие во время войны в зоне оккупации (такие как Катынь, Быковня, Куропаты), изначально подвергался идеологическим атакам и попыткам снять если не всю, то часть ответственности с советского руководства и НКВД (см.: *Гурьянов 2017*). Но 2016 г. оказался переломным в истории Сандармоха. Сначала в прессе озвучили «гипотезу» о том, что под Медвежьегорском расстреляны не только жертвы Большого террора, что это место «финских злодеяний» против «наших красноармейцев» времен Второй мировой войны, когда Медвежьегорск был занят финнами. Затем официальные представители Республики Карелия отказались принимать участие в Днях памяти, которые проходят каждый год 5 августа. Наконец, 13 декабря 2016 г. был арестован Дмитриев, а в 2017 г. от карельских чиновников стали слышны рассуждения о «недопустимости политизировать Сандармох».

24 августа 2018 г. Российское военно-историческое общество (РВИО) и Минобороны начали незаконные раскопки с целью обязательно найти в Сандармохе останки солдат

Красной армии, расстрелянных финнами. В августе 2019 г. РВИО начало вторую «экспедицию» в Сандармох, чтобы снова постараться доказать, что там расстреляны не только жертвы 1937–1938 гг., но и красноармейцы. Соответствующей документации копатели снова не имели. Тем не менее Тверской районный суд города Москвы отказал в удовлетворении иска о незаконности раскопок. Тем самым, пишет Слабунова, «Генеральная прокуратура не защитила этих людей от произвола государства 80 с лишним лет назад, не защищает их и сегодня».

Во время написания данного текста произошло еще одно событие — в ночь на 2 апреля 2020 г. в Республиканской больнице № 2 УФСИН по Карелии в Медвежьегорске скончался бывший директор Медвежьегорского музея и «хранитель Сандармоха» С. И. Колтырин. Он много лет следил за состоянием массовых захоронений в Сандармохе, был противником раскопок РВИО, но 2 октября 2018 г., как и Дмитриев, был арестован по сфабрикованному делу.

Несмотря на все перечисленные выше события, в Сандармох все равно приезжают люди из разных регионов и стран. Ежегодно 5 августа туда приезжают и многие послы Европейского союза, работающие в России. В расстрельных ямах Сандармоха лежат люди разных национальностей, вероисповедания, гражданства, социального положения и политических взглядов, поэтому за последние двадцать лет это место стало общепризнанным европейским местом памяти.

Книга Дмитриева «Место памяти Сандармох» важна не только тем, что в ней собрано огромное количество данных — биограмм, документов, личных воспоминаний, журналистских очерков и фотографий. Это сборник текстов и документов, который подводит некоторый промежуточный итог работе, проделанной в мемориальном комплексе за два десятилетия. Эта книга — только первый том расстрелянных в Сандармохе людей с фамилиями на А — Б — В, книги памяти с остальными фамилиями еще предстоит издать. На обороте книги написано: «Работа и книга Дмитриева о Сандармохе будут продолжены» — в последующих выпусках будет продолжение алфавитного ряда. В середине марта 2020 г. был начат сбор средств на второе издание этой книги — первое полностью разошлось в библиотеки и семьи погибших. Второе издание 2020 г., как говорил Разумов, обещает быть дополненным и в твердом переплете. Сам Дмитриев по-прежнему находится в следственном изоляторе города Петрозаводска. Остается надеяться, что Дмитриев будет оправдан и продолжит работу по увековечению памяти жертв репрессий на свободе. В конечном итоге именно его труды не позволят «переписать Сандармох».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гурьянов 2017 — *Гурьянов А. Э.* О попытке российских ведомств оправдать Катынь // Историческая экспертиза. 2017. № 3. С. 15–26.

Флиге 2019 — *Флиге И. А.* Сандармох. Драматургия смыслов. СПб.: Нестор-История, 2019.

“WE TRANSFORM PLACES OF CRIME INTO PLACES OF MEMORY”: YURI DMITRIEV’S BOOK
“SANDARMOKH. PLACE OF MEMORY”

Rev.: Dmitriev Iu.A. Mesto pamiati Sandarmokh, obshchaia redaktsiia i sostavlenie: A.Ia.
Razumov. Petrozavodsk, 2019.

Staf Vladislav S. — Visiting scholar at School of history, Faculty of humanities National Research University “Higher School of Economics” (Moscow)

Key words: Sandarmokh, Stalinism, Gulag, Great Terror, “Solovetsky stage”, political repression.

Abstract. the article is an overview of the new book by Yuri Dmitriev about Sandarmokh — the mass grave of victims of the Great Terror in Karelia. It is a book of memory with 980 biograms of the executed, essays of relatives’ memoirs, documents-reports on the execution of sentences, illustrations of memorial signs and articles about the situations around Sandarmokh the last several years.

REFERENCES:

Flige I. A. *Sandarmokh. Dramaturgiia smyslov*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2019.

Gur’ianov A. E. O popytke rossiiskikh vedomstv opravdat’ Katyn’. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2017, no. 3, pp. 15–26.

В. И. Тумаркин

ОБ ОДНОЙ НЕНАУЧНОЙ ГИПОТЕЗЕ

Рец.: *Веригин С., Машин А.* Загадки Сандармоха: Часть 1: Что скрывает лесное урочище. [Б.м.]: Johan Bäckman Publications, 2019. 90 с.

Ключевые слова: Сандармох, Веригин — Килин, РВИО, сталинские репрессии, советские военнопленные, дело Дмитриева.

Аннотация. В рецензии рассматривается брошюра, в которой приведена попытка доказать, что в расстрельных ямах карельского урочища Сандармох кроме жертв сталинских репрессий могут быть захоронены и советские военнопленные, погибшие в финских лагерях во время Великой Отечественной войны. Эта «научная гипотеза» стала основанием для раскопок на Мемориале «Сандармох» в 2018 и 2019 гг.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-372-383

29 января 2020 г. в читальном зале библиотеки Петрозаводского государственного университета состоялась презентация брошюры историка Сергея Веригина и журналиста Армаса Машина «Загадки Сандармоха». Издание первоначально было выпущено летом 2019 г. на финском языке, а теперь вышло и на русском. Публикации на русском языке ждали. Профессор Веригин сам подогревал интерес к ней, отвечая на устные вопросы про доказательства гипотезы о захоронении плененных финнами красноармейцев в расстрельных ямах Сандармоха. По словам журналистов, задававших эти вопросы, он говорил: «Вот выйдет книга, там всё прочтете».

Прежде чем рецензировать это издание, необходимо хотя бы кратко

рассказать предысторию. Летом 1997 г. карельским краеведом и историком Юрием Дмитриевым в совместной экспедиции с представителями Петербургского «Мемориала» Вениамином Иофе и Ириной Флиге недалеко от Медвежьегорска было найдено место массового захоронения жертв репрессий 1937–1938 гг. В том же году на месте захоронения было открыто Мемориальное кладбище, а Постановлением Республики Карелия № 214 от 8 августа 2000 г. «Мемориальному кладбищу жертв политических репрессий “Сандармох”» был присвоен статус объекта культурного наследия регионального значения. О поисках места захоронения и дальнейшей судьбе захоронения подробно написано в книге Ирины Флиге «САНДОРМОХ —

© В. И. Тумаркин, 2020

Тумаркин Виктор Иосифович — сотрудник корпорации «ЭЛАР», занимающейся оцифровкой архивов, технический руководитель проектов ОБД «Мемориал», «Подвиг народа», участник проекта «Память народа» (Москва); Vtumarkin@elar.ru

драматургия смыслов»². Название мемориала позднее в общеупотребительной практике изменилось на Сандармох. Через 2 года после открытия Мемориала Юрий Дмитриев выпустил книгу «Место расстрела Сандармох» (Дмитриев 1999), в которой привел документально подтвержденные списки расстрелянных в Сандармохе. Но 3 июля 2016 г. в финской газете «Калева» (Оулу) появилась (на финском языке) статья профессора Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета Юрия Килина «Все ли (захороненные) в Сандармохе жертвы Сталина?» (ссылка на с. 28 рецензируемой брошюры), в которой автор высказал гипотезу, что заключенных финских лагерей в районе Медвежьегорска могли хоронить в Сандармохе. Позднее эту тему развил директор того же института профессор Сергей Веригин, ссылаясь на рассекреченные Центральным архивом ФСБ России в 2015 г. документы УКР «Смерш» Карельского фронта за 1943–1944 гг. Идею стали называть «Гипотезой Веригина — Килина». Раскритиковавший эту гипотезу руководитель Карельского «Мемориала» Юрий Дмитриев в декабре 2016 г. был арестован по анонимному доносу и судим по уголовной статье. Подробнее см. в статье Анны Яровой «Переписать Сандармох»³. В апреле 2018 г. Дмит-

риев был оправдан судом, но прокуратура приговор опротестовала и тут же выдвинула против Дмитриева новое, еще более тяжелое обвинение. Дмитриев содержится в СИЗО уже более 3 лет. Многие люди, включая и меня, уверены в фальсификации дела Дмитриева и надеются на его освобождение.

На основании гипотезы Веригина — Килина Российское военно-историческое общество (РВИО) организовало две экспедиции в Сандармох в августе 2018 г. и в августе 2019 г., больше похожие на спецоперации, с раскапыванием расстрельных ям и извлечением из них останков захороненных. Целью экспедиций было именно найти останки замученных финнами красноармейцев. В ходе первой экспедиции были извлечены останки пяти человек, в ходе второй — шестнадцати. И хотя копатели тут же сообщили, что красноармейцы найдены (в 2018 г. — руководитель регионального отделения РВИО в Санкт-Петербурге и Ленинградской области Олег Титберия, а в 2019 г. — поисковый отряд из Ярославля «Высота-76»), подтверждения экспертизы нет. Что не помешало тому же ПО «Высота-76» опубликовать на своем сайте 3 сентября 2019 г. откровенную ложь: «На погибших были одеты шинели рядового состава РККА и обувь (валенки с галошами, ботинки

² См.: (Флиге 2019).

³ Статья опубликована 13.12.2017 в сетевом журнале «7x7». Доступна по адресу: <https://r.7x7-journal.ru/sandarmokh/> (дата обращения: 15.04.2020). Та же дата обращения верна для всех последующих ссылок на ресурсы Интернета. В приложении к статье приведены копии всех рассекреченных документов, на которые ссылается автор брошюры. Без приложения (включены только опись документов и одна справка на двух листах) статья воспроизведена в издании: (Дмитриев 2019: 465–492). Электронный вариант книги: https://www.memo.ru/media/uploads/2020/01/23/_2020.pdf?fbclid=IwAR3iIvDy_AW2hG44K653JhnD0pZg0a-6fG5vJvfx-i6H8bkrcCu55AbjU. Рецензию на эту книгу Ю. А. Дмитриева см.: (Смаф 2020).

с обмотками армейского образца). Особый интерес представляют самодельные галоши из покрышек автомобилей с надписью «Ярославль»⁴. В ходе экспедиций РВИО были нарушены законы, регламентирующие проведение раскопок на объектах культуры регионального значения, о чем подробно написала Эмилия Слабунова⁵. А выкопанные в ходе двух экспедиций останки по сей день не преданы земле.

Директор Медвежьегорского районного музея, на который были возложены работы по содержанию и благоустройству Мемориала, С. И. Колтырин, во время раскопок 2018 г. открыто выразивший сомнение в том, что в Сандармохе могут быть найдены останки погибших в финских лагерях красноармейцев, вскоре был арестован и осужден по уголовной статье. В начале марта 2020 г. Медвежьегорский суд освободил его из заключения в связи с последней стадией заболевания, однако прокуратура опротестовала освобождение, и в ожидании рассмотрения протеста Колтырин умер в тюремной больнице 2 апреля.

А теперь, после этого предисловия, пора вернуться к содержанию брошюры. На нее уже существует несколько рецензий: финское издание

отрецензировали финский историк Антти Куяла⁶ и Эйно Ранта⁷, русскоязычное — историк из Петрозаводска Ирина Такала⁸. Все эти рецензии носят негативный характер. Насколько это справедливо? Поскольку Веригин в первой же главке своего повествования, говоря про критиков «научной гипотезы», утверждает, что «многие публикации носили и носят явно заказной характер, передергивают факты, изложенные в публикациях петрозаводских историков» (с. 9), каждое свое утверждение я постараюсь сопровождать цитатой из его текста.

Книга состоит из двух разделов. Первый принадлежит профессору Веригину и называется «Есть ли в могилах Сандармоха советские военнопленные?». Разберем его по главам.

В первой главе под названием «Предисловие. Актуальность книги» (с. 7–9) он сначала говорит, что объявленное первоначально число жертв репрессий, расстрелянных в Сандармохе, постоянно увеличивалось, из чего делает вывод «Не подвергая сомнению сам факт захоронения жертв политических репрессий в урочище Сандармох, следует признать, что цифры захороненных требуют уточнения. Дело в том, что документально установлен только

⁴ URL: xn--76-6kch4dri3e.xn--p1ai/news-2019.shtml

⁵ Статья Э.Э. Слабуновой «Сандармох как символ беззакония и произвола государства» опубликована в той же книге Ю. Дмитриева (*Дмитриев* 2019: 493–499). Электронный вариант книги: www.memo.ru/media/uploads/2020/01/23/_2020.pdf?fbclid=IwAR3iIvDy_AW2hG44K653JhnD0pzg0a-6fG5vJvFzx-i6H8bkrcCu55ABjU.

⁶ Рецензия А. Куялы в переводе Г. Ярового имеется в Интернете на сайте Север. Реалии: <https://www.severreal.org/a/30191934.html>.

⁷ URL: www.facebook.com/groups/delo.dmitrieva/permalink/1248920348623810.

⁸ Рецензия приведена на сетевом портале Karelia News: www.karelia.news/news/2676070/novyj-stil-istoriopisania-o-tom-kak-karelskie-istorik-i-zurnalist-sandarmoh-perepisyvali.

расстрел первого соловецкого этапа в количестве 1111 человек. Остальные данные основаны на свидетельствах “очевидцев”, которые иногда носили легендарный характер. Что касается раскопок на месте непосредственного захоронения в Сандармохе, то из 236 расстрельных ям удалось вскрыть только пять. Затем по решению прокуратуры Медвежьегорского района раскопки были остановлены» (с. 8). А под уточнением Веригин понимает следующее (упомянув себя в третьем лице): «на основе анализа рассекреченных архивных документов историки из Петрозаводска — профессора Петрозаводского государственного университета Сергей Веригин и Юрий Килин выдвинули гипотезу, что в расстрельных ямах Сандармоха кроме жертв политических репрессий конца 1930-х гг. могли быть захоронены и советские военнопленные финских концлагерей, погибшие от расстрелов, побоев и голода на территории города Медвежьегорска и Медвежьегорского района в период финской оккупации 1941–1944 гг.» (с. 8–9). Эта гипотеза называется научной, после чего приводится приведенный выше пассаж о заказном характере критических откликов на нее.

Следующие главы являются попыткой обосновать выдвинутую гипотезу. Но прежде, чем перейти к ним, прокомментируем сказанное в предисловии, обратив внимание на основные тезисы: количество захороненных жертв репрессий неизвестно (понимай — сильно преувеличено), появились новые рассекреченные документы, которые позволили выдвинуть эту гипотезу. В изложении я буду ссылаться на упомянутые вы-

ше книгу Ирины Флиге и статью Анны Яровой. Что касается количества захороненных жертв, то Флиге упоминает: в документах НКВД можно найти слова, что расстрелы первого соловецкого этапа (не подвергаемого Веригиным сомнению) проходили под Медвежьегорском «в обычном месте исполнения приговоров над заключенными Белбалтлага» (Флиге 2019: 56). Именно поэтому Сандармох считается местом расстрела и захоронения тех, кого приговорили в Медвежьегорске. Хотите уточнить? Пожалуйста! Для этого надо просто рассекретить все расстрельные документы 30-х гг., и станет ясно и понятно, где, когда и кого. Но этого не происходит. А происходит другое. В 1997 г. прокуратура Медвежьегорского района остановила раскопки в Сандармохе и отказала Ю. Дмитриеву в возбуждении уголовного дела, т. к. «погибшие не являются потерпевшими от преступлений, совершенных в настоящее время, поэтому оснований для возбуждения уголовного дела не имеется». А в 2001 г. та же прокуратура выпустила Акт об уничтожении документов, положенных в основание мемориального комплекса в Сандармохе, как «не имеющих научно-исторической ценности и утративших практическое значение». Оба документа прокуратуры включены А. Разумовым как составителем в книгу Ю. Дмитриева «Место памяти Сандармох» (Дмитриев 2019: 501, 508–510). И еще один важный момент, о котором необходимо упомянуть: ежегодно 5 августа (день начала Большого террора в 1937 г.) в Сандармохе проводится День памяти, в котором постоянно принимали участие и представители Правительства Карелии. Но после

5 августа 2014 г., когда на траурном митинге говорилось и о текущей политической ситуации, отношение карельского руководства к проведению Дня памяти изменилось. В 2015 г., как свидетельствует И. Флиге, «организаторы траурных церемоний постарались свести выступления к минимуму. После чиновника от администрации района слова удалось добиться только Дмитриеву, но и этого оказалось достаточно: Дмитриев говорил о гражданском мужестве тех, кто пришел на этот митинг, несмотря на то, что память о государственном насилии становится опасной» (Флиге 2019: 117). А с 2016 г. Правительство Карелии уже не принимало участия в Днях памяти в Сандармохе. И гипотеза о смене статуса Мемориала оказалась как нельзя кстати.

Теперь о рассекреченных документах, которые легли в основу гипотезы. О содержании документов и том, как они доказывают (или не доказывают!) выдвинутую гипотезу, поговорим ниже. Веригин не приводит архивных реквизитов этих документов (он вообще не приводит никаких ссылок на источники, ни одной!), однако эти документы приведены в приложении к статье А. Яровой по упомянутой выше ссылке на интернет-издание. Это 12 документов УКР «Смерш» Карельского фронта за 1943–1944 гг., хранящихся в Центральном архиве ФСБ России. Все документы содержатся в одном архивном деле (ЦА ФСБ РФ). Приведен и перечень рассекреченных документов, в котором перечислены все 12 документов на 51 листе, датированный 17 июня 2015 г. Последний из приведенных документов расположен на листах 498–499.

То есть в деле не менее 500 листов. Сразу же возникает вопрос: почему в 2015 г. рассекречены именно эти документы, именно этот 51 лист? То ли остальные листы дела рассекречены раньше, то ли здесь перечислены только документы, относящиеся к ОКР «Смерш» Карельского фронта. Рассекречивались ли другие документы этого дела? У меня нет ответа на этот вопрос, и если бы кто-то мог подсказать, я был бы признателен. Интересно, что в вышедшей через год в Финляндии статье Ю. Килина про эти документы не упоминается, зато, как отмечает А. Яровая (Дмитриев 2019: 467), в выпущенном вскоре сюжете телеканала «Звезда» с названием «Вторая правда концлагеря Сандармох (sic! — В.Т.): как финны замучили тысячи наших солдат» размещены сканированные страницы этих документов, «предоставленных каналу ФСБ России», а в тексте сюжета говорится: раз статья Килина была опубликована в финской газете «еще до рассекречивания архивов, то «рука госбезопасности» здесь ни при чем» (Там же). Как мы видим, рассекречены документы за год до публикации Килина, помним также, что профессор Килин, сотрудник Института истории, политических и социальных наук, является подчиненным директора института профессора Веригина. Можно было бы на основании всего этого выдвинуть научную гипотезу, что профессор Веригин получил задание обосновать изменение статуса Мемориала Сандармох и привлек к этому заданию профессора Килина, но мы не будем впадать в конспирологию. Сочтем, что речь идет о случайных совпадениях. Посмотрим, как же обосновывает Веригин свою гипотезу.

Глава 2 называется «Советские военнопленные в финских лагерях. Расстрелы военнопленных» (с. 10–12). В этой главе Веригин приводит собранную финским историком Антти Куяла информацию о количестве советских военнопленных в финских концлагерях во время Великой Отечественной войны, количестве погибших (упомяная имя автора, но без ссылки на его публикации). При этом он упоминает, что «в Национальном архиве Финляндии собрана электронная база данных на всех военнопленных, в том числе умерших» (с. 10). Добавив, опять-таки со слов А. Куялы, что к 19 тыс. погибших, отмеченных в базе, надо прибавить еще примерно 3 тыс. не зарегистрированных погибших военнопленных, он на той же с. 10 вдруг заявляет: «По-прежнему никому не известно, сколько из этого числа погибло на территории Финляндии, а сколько на территории Советской Карелии». Чем признается, что с финской базой данных он не работал. Да, конечно, на сайтах Министерства обороны РФ ОБД «Мемориал» и «Память народа» финская картотека (на основе которой создана база данных) появилась только в октябре 2019 г., уже после выхода брошюры на финском языке, но ведь она до этого не только 10 лет была доступна на сайте Национального архива Финляндии, но и несколько лет как была передана в электронном виде в Российский государственный военный архив (РГВА). Антти Куяла в своей рецензии вообще заявляет, что российские историки не изучали тему в финских архивах⁹. Это обстоятельство, как и отсутствие библи-

ографии, сразу вызывает сомнение в научности исследования Веригина. Поражает и стиль изложения. Вслед за другими комментаторами не могу не привести цитату: «Лучшие финские солдаты находились на фронте, а человеческий материал более низкого качества служил в тылу в охране концлагерей» (с. 11).

Глава 3 «Финские концлагеря Медвежьегорского района 1941–1944 годов — продолжение ГУЛАГа 1930-х годов» (с. 13–22). Вот здесь впервые заходит речь о рассекреченных документах. Причем выглядит это так: «Из концлагерей в районе Медвежьегорска в 1942–1943 гг. бежали десятки советских военнопленных. Их арестовывали, и они подвергались тщательным допросам контрразведчиками Управления контрразведки “СМЕРШ” Карельского фронта. <...> При этом очень важно сравнить архивные материалы по концлагерям для советских военнопленных из фондов архивов Финляндии с аналогичными архивными документами из фондов российских архивов» (с. 13). Фонды российских архивов, судя по дальнейшему изложению — это исключительно те самые 12 рассекреченных документов из одного дела Центрального архива ФСБ России, основанные на допросах военнопленных, бежавших из финских концлагерей. Впрочем, Веригин быстро забывает про бежавших военнопленных и вслед за допросителями из «Смерш» начинает называть их агентами финской разведки (с. 19 и дважды — с. 21). Информации, полученной на допросах и записанной в показаниях, он верит

⁹ URL: www.severreal.org/a/30191934.html.

безоговорочно, при этом путая фамилии красноармейцев и местами искажая содержание документов. Об этом подробно написала Ирина Такала¹⁰. Упомяну из ее рецензии только два факта, показывающие уровень изложения. Первый — о том, как Веригин обходится с географией. Он указывает, что лагерь L72 находился в д. Ахвеламби. Как отмечает Такала: «В Медвежьегорском районе действительно есть поселок Ахве Нламби, но основан он был в 1953 г. на базе лесопункта (Паданский сельсовет). А лагерь L72, согласно финским источникам, был расположен в Ахвенярви (Остречье, близ Чебино)»¹¹. Второй — о вольной трактовке имен военнопленных — сопровождаю ссылками на документы. Прочтя в показаниях допрошенного о расстреле военнопленного Шишигина (имя не указано), Веригин сам присваивает ему имя и пишет: «Сведения о родившемся в 1906 г. в деревне Судима Максиме Шишигине найдены в ОБД «Мемориал»» (с. 22), в то время как по картотеке финского Красного Креста Максим Шишигин не убит в Медвежьегорске осенью 1942 г., а умер в январе 1942 г. совершенно в другом районе¹², а по данным той же картотеки 31.10.1942 в лагере № 74 погиб красноармеец Иван Шешегов[13], так что, скорее всего, речь в документе «СМЕРШ», на который ссылается Веригин, идет о нем. Допрашиваемый слегка искажил

фамилию¹³. От себя по поводу этой главы добавлю еще один факт, показывающий, как Веригин обращается с документами. Перечисляя лагеря в Медвежьегорске, Веригин отмечает, что по сведениям из фондов Национального архива Финляндии на территории Медвежьегорска было два лагеря советских военнопленных (№ 31 и 74), а вот по архивным документам «из фондов Центрального архива ФСБ РФ, которые сравнительно недавно были рассекречены и стали доступны пользователям» (с. 14) (а на самом деле — из документов одного дела одного фонда), таких лагерей было 4. Кроме двух упомянутых, он называет «№ 1343, который назывался распределительным лагерем при роте финской полиции, а также лагерь Пристань-Ветка» (Там же). Далее он пишет: «Несущественное расхождение, на наш взгляд, связано с тем, что распределительный лагерь № 1343 при роте финской полиции и временный лагерь Пристань-Ветка в Медвежьегорске финны считали временными и не относили к системе концлагерей для военнопленных» (Там же). И в дальнейшем Веригин неоднократно упоминает лагерь № 1343. И его даже не смутило, откуда в маленькой Финляндии такой большой номер лагеря. Однако взглянув в сами документы, на которые он ссылается, можно увидеть, что в них упоминается «распределительный лагерь при роте финской

¹⁰ URL: www.karelia.news/news/2676070/novyj-stil-istoriopisania-o-tom-kak-karelskie-istorik-i-zurnalist-sandarmoh-perepisyvali.

¹¹ Там же.

¹² Лицевая и оборотная стороны карточки приведены на сайте ОБД «Мемориал»: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=91665715&p=1>, <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=91665715&p=2>

¹³ Лицевая и оборотная стороны карточки приведены на сайте ОБД «Мемориал»: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=91687013>, <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=91687013&p=2>

полицейской 1343»¹⁴. В документе даже явно указано: «Наряд по охране лагеря выделяется из роты военной полиции 1343»¹⁵. То есть номер относится не к лагерю, а к роте.

Но пока это только о лагерях и условиях содержания в них. Про обоснование «научной гипотезы» речь пойдет дальше.

Глава 4 называется: «Есть ли в расстрельных ямах Сандармоха советские военнопленные?» (с. 23–24). Сейчас мы узнаем, вот здесь, наверное, все и написано. Так как же обосновывается «научная гипотеза», выдвинутая «на основе изучения рассекреченных архивных источников по финским лагерям советских военнопленных на территории Медвежьегогорского района в 1941–1944 гг.» (с. 23)? А вот как: «Сейчас документально установлено, что финны для создания и функционирования концлагерей для военнопленных в Медвежьегогорском районе в 1941–1944 гг. использовали уже имевшуюся здесь лагерную структуру — лагеря ББК НКВД. Вполне вероятно им были известны и места захоронений советских заключенных ББК — лесное урочище Сандармох. Поэтому естественно, что советских военнопленных, погибших в финских концлагерях, могли хоронить в расстрельных ямах Сандармоха. <...> Сандармох со своими братскими могилами был, без сомнения, хорошо известен финскому военному командованию, так как находился непосредственно в хорошо охраняемой прифронто-

вой полосе. Было бы естественно, если бы погибших в концлагерях в районе Медвежьегогорска военнопленных, которых было, по крайней мере, несколько сотен, захоронили в Сандармохе. По крайней мере, часть из них» (с. 23–24). Ах, святая простота! Тайные ночные расстрелы, тщательная конспирация от местных жителей, но стоит только занять те же постройки в двузначном числе километров от места расстрела, как сразу же становится «вполне вероятно», а дальше уже «естественно», «без сомнения», «было бы естественно». Вот, собственно говоря, и все доказательство. А на очевидное возражение, что если бы финны узнали про захоронения, они бы тут же раструбили бы про него, как немцы про Катынь, у Веригина имеется ответ. Но не будем забегать вперед, он приведен в главе 6.

Глава 5 «Советские военнопленные на строительстве Медвежьегогорского укрепрайона» (с. 25–27). В этой главе Веригин поднимает вопрос, были ли задействованы советские военнопленные на этой стройке. По его словам, финские ученые «заявляли, что сооружения строились только финскими рабочими и специалистами, так как сам укрепрайон в период военного времени являлся объектом строго секретным» (с. 26). Веригин считает иначе. Как же он это доказывает? А вот как! «Несколько лет назад финский военный архив (Sota Arkisto) на сайте “SA-Kuva” разместил тысячи фотографий военных действий Финляндии против СССР

¹⁴ «Справка 2 отдела УКР “СМЕРШ” Карельского фронта по финскому распределительному лагерю советских военнопленных при роте финской военной полиции № 1343 в г. Медвежьегогорске со схемой». (ЦА ФСБ РФ: Л. 212–218).

¹⁵ Там же. Л. 213.

периода Второй мировой войны. И среди них десятки фотографий показывают жизнь и труд советских военнопленных на сооружении Медвежьегогорского укрепрайона в период финской оккупации 1941–1944 г. Таким образом, этот вопрос отпал сам собой» (Там же). Увы, Веригин выдает желаемое за действительное. И даже приводит в конце брошюры 6 фотографий с сайта с непереверденными подписями на шведском и финском языках. Ирина Такала в своей рецензии, подтверждая, что на сайте <http://sa-kuva.fi> можно найти 1862 фотографии военного Медвежьегогорска, объясняет, что среди них нет снимков строительства сверхсекретного военного объекта, тем более с советскими военнопленными, и раскрывает подписи под приведенными Веригиным фотографиями. Цитирую: «На первых трех снимках в разных ракурсах представлено построение и марш военнопленных на кухню, последний — это внутренний вид лагерного барака, на двух оставшихся — пленные за работой. На одной из них запечатлен русский пленный с киркой, работающий на улицах Медвежьегогорска. Другая заслуживает особого внимания. Мы видим четырех человек, занимающихся заготовкой дров, и подпись: “Саботаж! Русские заключенные, на минуту оставленные без присмотра, распиливают шпалы”. Все фотографии датированы 21–22 марта 1942 г.»¹⁶. Для чего же Веригину нужно доказать, даже путем подлога, использование на строительстве укрепрайона советских военнопленных? А вот для чего: «Вполне возможно, что советские во-

еннопленные, погибшие на тяжелых работах по сооружению Медвежьегогорского укрепрайона, в период финской оккупации, также захоронены в местечке Сандармох» (с. 27).

Глава 6 «Дискуссии по возможным захоронениям советских военнопленных в Сандармохе в советских и финляндских СМИ» (с. 28–37). В этой главе сначала перечисляются публикации Веригина и Килина на тему их «научной гипотезы», затем говорится о круглом столе, проведенном 6 июня 2017 г. Институтом истории, политических и социальных наук (который, как мы помним, Веригин возглавляет) совместно с Карельской региональной организацией РВИО. Круглый стол интересен тем, что «участники круглого стола поддержали идею создания международной рабочей группы по выявлению мест захоронения советских военнопленных на территории Медвежьегогорского района, включая урочище Сандармох. Кроме того, говорилось о проведении историко-археологических исследований в Сандармохе» (с. 31). Последствия хорошо известны и упоминались в преамбуле рецензии. Веригин пишет и про первую экспедицию, и про последовавшую за ней пресс-конференцию. При этом приводит слова одного из участников пресс-конференции, что главным итогом экспедиции было обнаружение в непосредственной близости от места расстрелов политических заключенных останков пяти человек. В непосредственной близости! А ведь раскапывали именно расстрельные ямы, нашли

¹⁶ URL: www.karelia.news/news/2676070/novyj-stil-istoriopisania-o-tom-kak-karelskie-istorik-i-zurnalist-sandarmoh-perepisyvali.

останки со связанными руками и пулевыми отверстиями в затылках черепов. Но бумага стерпит. Да, а как же он аргументирует то, что финны, зная, по его мнению, о расстрельных ямах Сандармоха, не поведали об этом всему миру? Вот как: «Ситуация у финнов коренным образом отличалась от ситуации у немцев. Во-первых, финны считали захваченную территорию Медвежьегорского района территорией будущей “Великой Финляндии”. Не случайно они строили мощные укрепленные сооружения именно в этой местности. (И что? — В.Т.) Во-вторых, финны сами проводили захоронения советских военнопленных в Сандармохе, и раскрывать правду о Сандармохе им было просто невыгодно» (с. 36). Поразительная логика, точнее, ее отсутствие! Почему не рассказали? Потому что сразу же стали хоронить там сами, а потом рассказывать было поздно. Ну и, конечно, Вегигин в этой главе категорически отрицает связь попытки изменить статус Сандармоха с преследованием Юрия Дмитриева.

Глава последняя. «Заключение. Предстоит большая работа» (с. 38–39). Здесь Вегигин повторяет высказанный еще на пресс-конференции тезис о том, что «о местах захоронений погибших в плену советских солдат и офицеров нет точных данных. Известны лишь места захоронений военнопленных в Финляндии» (с. 38–

39). И добавляет: «Поиск таких мест на территории Карелии является актуальной задачей исследователей и поисковиков. В рамках этой задачи следует рассматривать и вопрос о Сандармохе» (с. 39). И вот тут обнаруживается явная нестыковка. Да, действительно, у нас еще очень много погибших на войне бойцов не увековечены, могилы их затеряны. И искать их, отдать дань памяти жертвам войны необходимо. Но только искать надо реальные могилы. На сайтах Минобороны России ОБД «Мемориал» и «Память народа», как я уже упоминал, выложены финские карточки советских военнопленных с конкретными именами, в которых для погибших указаны и места захоронений¹⁷. Там и надо искать, опрашивать еще живых местных жителей, которые могут быть в курсе. Тот же Антти Куяла пишет в своей рецензии: «не имело никакого смысла возить тела военнопленных из Медвежьегорска в Сандармох, когда возле лагерей в Медвежьегорске были созданы кладбища для погибших военнопленных. Если российские ученые не знают, где находятся кладбища военнопленных в Республике Карелия, то это на их профессиональной совести»¹⁸. И он прав. Мне не один раз говорили, что в Медвежьегорске есть люди, которые могут показать, где именно финны хоронили военнопленных. Повторяю, военнопленных с конкретными именами. Если нас интересуют конкретные погибшие, то поиски надо

¹⁷ Результат запроса в ОБД «Мемориал» на поиск финских карточек на погибших советских военнопленных можно увидеть по ссылке: obd-memorial.ru/html/search.htm?entity=00000000100000&entities=27&fulltext=%D0%90%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2%20%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B8%20%20%D0%BF%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B1%20%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%83&ps=100.

¹⁸ URL: www.severreal.org/a/30191934.html.

начинать именно в указанных на карточках местах. Но РВИО, вооруженное «научной гипотезой Веригина — Килина», упорно ищет абстрактных замученных красноармейцев именно в расстрельных ямах Сандармоха, показывая, что занимается политическими играми, а реальные красноармейцы, погибшие в финских лагерях в Карелии, его не интересуют. Как и Веригина, который, говоря о концлагерях в Медвежьегорске, не упоминает про их захоронения. Это не относится к гипотезе!

Приложения (с. 40–46). Приводятся информационное письмо о проведении круглого стола, письмо Веригина на имя главы Республики Карелия от 14.03.2017 с просьбой о разрешении провести историко-археологическую экспертизу в урочище Сандармох Медвежьегорского района на предмет установления в данном месте захоронений советских военнопленных в 1941–1944 гг. и программа научно-практического семинара 28.03.2018. Здесь интересно отметить, что в обращении к главе Республики Карелия упоминается, что это обращение — повторное. На предыдущее аналогичное обращение от 28.12.2016 в Правительство Республики Карелия последовал отрицательный ответ от 14.02.2017. Но затем руководство в республике сменилось, и через месяц после получения отрицательного ответа Веригин написал новое обращение.

Вторая часть брошюры написана журналистом А. Машинным и называется «Кто и почему не хочет раскрыть тайны Сандармоха» (с. 47–

86). Комментировать его текст, так же как и Ирина Такала, я не буду — для этого нужны специалисты другой профессии. Перечислю лишь тех, кого он поливает грязью: Ирина Такала, Глеб и Анна Яровые, Эмилия Слабунова, Юрий Дмитриев, Сергей Колтырин и, разумеется, общество «Мемориал». И то, что Веригин вставил этот текст в свою брошюру, характеризует также и самого автора «научной гипотезы».

Вывод: на мой взгляд, в брошюре не представлено ни одного реально-го аргумента в пользу выдвинутой гипотезы. А в рассекреченных архивных документах нет ни одного доказательства возможных захоронений финнами советских военнопленных в Сандармохе. И, в отличие от Антти Куялы, написавшего в своей рецензии, что «Веригин и его коллеги <...> очевидно, верят в правильность своих идей»¹⁹, у меня по прочтении брошюры такого мнения не возникло. Мне показалось, что профессор, о высоком уровне предыдущих работ которого мне доводилось слышать, просто не смог справиться с задачей научно обосновать изменение статуса Мемориала Сандармох.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ЦА ФСБ РФ — Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 346.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дмитриев 2019 — Дмитриев Ю. А. Место памяти САНДАРМОХ / общая редакция и составление: А. Я. Разумов. Петрозаводск, 2019. 516 с.

¹⁹ URL: www.severreal.org/a/30191934.html.

Дмитриев 1999 — *Дмитриев Ю.А.* Место расстрела Сандармох. Петрозаводск: Барс, 1999. 352 с.

Стаф 2020 — *Стаф В.С.* «Мы превращаем места злодеяний в места памяти»: книга Юрия Дмитриева «Место памяти

Сандармох» // Историческая экспертиза. 2020. № 2.

Флиге 2019 — *Флиге И.А.* САНДОРМОХ — драматургия смыслов. СПб.: Нестор-История, 2019. 208 с.

ABOUT THE UNSCIENTIFIC HYPOTHESIS

Rev.: Verigin S., Mashin A. Zagadki Sandarmokha: Chast' 1: Chto skryvaet lesnoe urochishche. [B.m.]: Johan Bäckman Publications, 2019. 90 p.

Tumarkin Viktor I. — the employee of “ELAR” corporation, which is involved into digitization of archive documents; technical leader of projects OBD (combined data base) “Memorial”, “Podvig naroda” (Feat of nation), participant of project “Pamyat' naroda” (Memory of nation) (Moscow)

Key words: Sandarmokh, Verigin — Kilin, RVIO, Stalin's repressions, soviet prisoners of war, Yuri Dmitriev case.

Abstract. The review researchs the brochure, where was represented the attempt to prove that in the shooting pits of Karelian forest massive Sandarmokh not only the victims of Stalin's repressions were buried, but also there were buried soviet prisoners of war, dead in finnish camps during the World War II. This “scientific hypothesis” became the main reason of exhumations on Sandarmokh Cementary in 2018 and 2019.

REFERENCES

Стаф В.С. "Мы превращаем места злодеяний в места памяти": книга Юрия Дмитриева "Место памяти Сандармох". *Istoricheskaia ekspertiza*, 2020, no. 2.

Dmitriev Iu.A. *Mesto pamiati SANDARMOKh*, obshchaia redaktsiia i sostavlenie: A.Ia. Razumov. Petrozavodsk, 2019. 516 p.

Dmitriev Iu.A. *Mesto rasstrela Sandarmokh*. Petrozavodsk: Bars, 1999. 352 p.

Flige I. A. *SANDORMOKh — dramaturgiia smyslov*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2019. 208 p.

А. Г. Гуменюк

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ В ПУБЛИКАЦИИ ТАКИХ «ИССЛЕДОВАНИЙ»?

Рец.: *Марасанова В. М.* Контр-адмирал Михаил Федорович Белкин: военная служба и частная жизнь // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2017. №3 (41)

Ключевые слова: Михаил Федорович Белкин, военно-морской флот, оборона Севастополя, Ярославская губерния, рецензия.

Аннотация. Рецензируемая статья В. М. Марасановой посвящена изучению трех поколений семьи военных моряков Белкиных. В статье выявлены искажения биографий исторических персон. Исследование полностью основано на опубликованной ранее работе А. П. Нахимова.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-384-387

В последние годы генеалогические исследования стали чаще попадать на страницы рецензируемых журналов. По мнению В. М. Марасановой, изучение трех поколений рода (семьи) военных моряков Белкиных, их связи с Ярославским краем и их родственных связей с семьями военных моряков Нахимовых и Унковских «дает возможность предложить не только новизну факта, но и новизну интерпретации семейной истории в связи с историей страны и с историей военно-морского флота». В начале статьи автор отмечает, что обсуждение семьи Белкиных в течение

нескольких лет продолжается на сайте Ярославского историко-родословного общества (Белкины 2016). Далее многочисленные факты из биографий Белкиных приводятся автором без ссылок на документы.

Контр-адмирал Михаил Федорович Белкин (1824–1909) прожил яркую жизнь. Начав службу в 1844 г. на Черноморском флоте, он в 1853 г. в чине лейтенанта принимал участие в Синопском сражении, в 1854–1855 гг. прославил свое имя при обороне Севастополя. В 1857 г. М. Ф. Белкин вышел в отставку, позже вернулся

© А. Г. Гуменюк, 2020

Гуменюк Геннадьевич Алексей — независимый исследователь, Ярославское историко-родословное общество; al.gumenyuk@mail.ru

на службу в Морское ведомство. До своей смерти М.Ф. Белкин служил в Морском министерстве в должности члена Комитета добровольного флота.

Отцом М.Ф. Белкина автор статьи считает полковника Федора Михайловича Белкина, биография которого была изложена в «Сборнике биографий кавалергардов» под ред. Панчулидзева (Сборник биографий 1906: 128). Ф.М. Белкин был потомком смоленских помещиков, участвовал в сражении под Аустерлицем 1807 г. и в Отечественной войне 1812 г. На рубеже 1820-х гг. Ф.М. Белкин в чине полковника служил старшим полицмейстером в Москве. В статье указано, что московский полицмейстер Ф.М. Белкин после свадьбы поселился в имении Белкино-Дольское в Калужской губернии, где, по версии автора, родился будущий контр-адмирал М.Ф. Белкин. Владелец имения Белкино-Дольское изучал их потомок А.П. Нахимов. Эта семья Белкиных состояла в родстве с семьями военных моряков Нахимовых и Унковских (Родословная лейтенанта).

Родословная книга дворян московской губернии показывает, что полковник Ф.М. Белкин к семье владельцев усадьбы Белкино-Дольское не принадлежал. Подавая документы на причисление к дворянству, он ссылаясь на принадлежность к смоленской ветви рода Белкиных и перечислил свои владения в Смоленской губернии и Москве (РГИА).

Кроме того, в биографии Ф.М. Белкина отмечено, что он не имел детей. Это противоречие автор статьи

легко разрешает: «Вряд ли можно согласиться с данными сборника биографий кавалергардов о том, что брак (Ф.М. Белкина) остался бездетным». В.М. Марасанова не сочла нужным углубиться в историографию вопроса. В 2015 г. С.С. Ипполитов и В.И. Тюпа опубликовали исследование, в котором они, в поисках прототипа вымышленного А.С. Пушкиным Ивана Петровича Белкина, обнаружили, что недалеко от имения Гончаровых в сельце Карнеевка Малоярославецкого уезда Калужской губернии жила семья помещика Федора Степановича Белкина. У Ф.С. Белкина было 9 детей, младший, Михаил, родился в 1824 г. (Ипполитов, Тюпа 2015: 129–148).

В.М. Марасанова интересно подошла к архивному поиску, она процитировала опубликованный в Интернете «Аннотированный реестр описей фондов Российского государственного архива ВМФ», но не сочла нужным обратиться к документам (Аннотированный реестр). В фонде М.Ф. Белкина хранится метрическое свидетельство о рождении, где указано, что будущий контр-адмирал родился 14 августа 1824 г. в сельце Карнеевке Малоярославецкого уезда в семье майора Федора Степановича Белкина (РГАВМФ).

На следующих страницах автор рассматривает службу М.Ф. Белкина на флоте. Следует отметить, что факты, изложенные в статье, полностью повторяют публикации, сделанные на форуме Ярославского историко-родословного общества в 2015–2016 гг. В 1857 г. М.Ф. Белкин вышел в отставку, в 1862 г. он приобрел поместье в Ярославской губернии.

Про гражданскую жизнь М. Ф. Белкина в статье указано, что «Михаил Федорович Белкин принимал участие в работе ярославского земства; он избирался гласным Ярославского уездного земского собрания с 1865 по 1879 г., т.е. с момента создания и в течение первых пяти трехлетий». Если мы обратимся к Журналам земского собрания, то обнаружим, что в первое трехлетие в числе гласных значился коллежский советник Степан Федорович Белкин, он же был избран в состав Земской управы (Журнал 1915: 7, 13). Речь идет о старшем брате М. Ф. Белкина. В Журналах уездного земства за второе (1868–1870), третье (1871–1873) и четвертое (1874–1876) трехлетия среди гласных фамилия Белкина не встречается. Капитан-лейтенант М. Ф. Белкин появляется в Списке гласных Ярославского уездного земского собрания на пятое трехлетие в 1877 г. (Журналы 1877: 4). В 1878 г. М. Ф. Белкин был избран заведующим 9-м военно-конным участком, в 1879 г. отошел от работы в местных органах, в 1880 г. вернулся на службу в Морское ведомство в Санкт-Петербурге.

На с. 7 автор рассказывает о деятельности ярославского губернатора Ивана Семеновича Унковского. Как было отмечено выше, родственных связей между И. С. Унковским и семьей М. Ф. Белкина не прослеживается. Информации о том, что И. С. Унковский и М. Ф. Белкин были связаны по службе, автор не сообщает. Далее повествование касается Семена Яковлевича Унковского, Михаила Петровича Лазарева и Наваринского сражения 1827 г. Во время Наваринского сражения будущему контр-ад-

миралу М. Ф. Белкину было 3 года. Какое отношение С. Я. Унковский и М. П. Лазарев имеют к теме статьи, читателям предлагается догадываться самостоятельно. Подсказку автор дает на с. 9: «В целом проведенное исследование позволило уточнить и обобщить данные о военных моряках Белкиных, их личных и семейных связях с М. П. Лазаревым, П. С. Нахимовым и И. С. Унковским». Автор не считает нужным сообщить, какие ранее не известные документы привели его к этому выводу.

Ознакомившись со статьей, приходится заключить, что автор, обращаясь к биографии контр-адмирала М. Ф. Белкина, не высказывает оригинальных идей. Изложенные версии совпадают с сюжетами, которые были многократно опубликованы Александром Павловичем Нахимовым, в том числе на сайте Ярославского историко-родословного общества в 2015–2016 гг. Единственным фактом, претендующим на «новизну», является появление под исследованием А. П. Нахимова копия: «© Марасанова В. М., 2017».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

РГАВМФ – РГАВМФ Ф. 1192. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

РГИА – РГИА Ф. 1343. Оп. 51. Д. 289.

Аннотированный реестр – Аннотированный реестр описей фондов Российского государственного архива ВМФ. URL: <http://new.rusarchives.ru/guide/rgavmf/1151-1200.shtml#1192> (дата обращения: 27.10.2016).

Белкины 2016 – Белкины (дворяне; Ярославская, Калужская губерния) // Форум Ярославского историко-родословного общества. URL: <http://forum.yar>

genealogy.ru/index.php?showtopic=11197
(дата обращения: 26.10.2016) .

Родословная лейтенанта — Родословная заговоренного лейтенанта // Весть-news. URL:<http://www.vest-news.ru/article/4630> (дата обращения: 17.02.2020).

Журнал 1915 — Журнал Ярославского земского собрания чрезвычайная сессия 5 мая 1915 года. Ярославль, 1915. С. 7, 13.

Журналы 1877 — Журналы Ярославского уездного земского собрания. Очередная сессия 1877 года. Ярославль, 1878. С. 4.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ипполитов, Тюпа 2015 — Ипполитов С.С., Тюпа В.И. Мистификация Пушкина: Кем был покойный «Славный малый» Иван Петрович Белкин? // Новый исторический вестник. 2015. № 4 (46). С. 129–148.

Сборник биографий 1906 — Белкин Федор Михайлович // Сборник биографий кавалергардов 1801–1826 гг. / под ред. С. Панчулидзева. Т. 3. СПб., 1906. С. 128.

DOES IT MAKE SENSE TO PUBLISH SUCH “RESEARCH”?

Rev.: Marasanova V. M. Kontr-admiral Mikhail Fedorovich Belkin: voennaia sluzhba i chastnaia zhizn'. Vestnik IarGU. Seriiia Gumanitarnye nauki, 2017, no. 3 (41).

Gumenyuk Alexey G. — Researcher, Yaroslavl Historical and Genealogical Society

Key words: Navy, Defense of Sevastopol, Mikhail Fyodorovich Belkin, Yaroslavl province, review.

Abstract. The reviewed article by V.M. Marasanova is devoted to the study of three generations of the Belkin family. The article reveals distortions of biographies of historical persons. The study is based entirely on the previously published work of A. P. Nakhimov.

REFERENCES

Ippolitov S.S., Tiupa V.I. Mistifikatsiia Pushkina: Kem byl pokojnyi "Slavnyi malyi" Ivan Petrovich Belkin? *Novyi istoricheskii vestnik*, 2015, no. 4 (46), pp. 129–148.

Belkin Fedor Mikhailovich. *Sbornik biografii kavalgardov 1801–1826 gg.*, pod red. S. Panchulidzeva, vol. 3. St. Petersburg, 1906, p. 128.

Е. В. Пчелов

Рец.: *Великая княгиня Ольга Александровна. 25 глав моей жизни*. М.: Кучково поле, 2017.

Ключевые слова: воспоминания, императорская Россия, эмиграция, Дом Романовых.

Аннотация. Рецензия посвящена изданию на русском языке воспоминаний великой княгини Ольги Александровны, сестры императора Николая II, «25 глав моей жизни» (М., 2017). К сожалению, для этой публикации характерны не вполне ясные принципы издания (в том числе в отношении перевода текста), многочисленные неточности и ошибки в самом переводе, в комментариях и указателях. Все это не позволяет считать данное издание выполненным на должном профессиональном уровне.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-388-392

«25 глав моей жизни» — так называется книга воспоминаний великой княгини Ольги Александровны (1882–1960), младшей дочери Александра III, талантливой художницы и человека нелегкой судьбы, впервые изданная на русском языке. Составителями обозначены: Л. А. Куликовская, П. Э. Куликовский, К. Рот-Николс, С. Вулменз. Редактором — Л. А. Куликовская. Предисловие Ксении Гурьевны Куликовской-Нильсен, внучки великой княгини (дочери ее младшего сына Гурия); обращение «К читателям» — ее сына, т. е. правнука великой княгини, П. Э. Куликовского.

Публикацию воспоминаний членов Императорского дома Романовых, казалось бы, можно только приветствовать. Тем более что жизнь великой княгини, столь интересно описанная с ее слов журналистом Йеном Ворресом в известной и неоднократно издававшейся книге «Последняя Ве-

лика княгиня», заслуживает всяческого внимания, а ее художественное наследие, возвращенное в последние годы заинтересованному зрителю благодаря стараниям Ольги Николаевны Куликовской-Романовой (вдовы старшего сына Ольги Александровны, Тихона Николаевича), поставило ее имя в ряд самобытных и, бесспорно, интересных русских художников первой половины XX в., большую часть жизни работавших в эмиграции. Однако внимательное ознакомление с опубликованной книгой воспоминаний, а вернее, с особенностями ее издания, оставляет скорее недоуменное впечатление.

История текста, судя по обращению «К читателям», такова. 17 ноября 1941 г. отмечалась серебряная свадьба великой княгини и Николая Александровича Куликовского (ее второго, морганатического супруга, с которым она обвенчалась в 1916 г.,

© Е. В. Пчелов, 2020

Пчелов Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, зав. кафедрой РГГУ (Москва); evg-pchelov@yandex.ru

незадолго до революции). В это время семья жила в Дании, где оставалась после смерти матери Ольги Александровны, императрицы Марии Федоровны. В связи с этим событием супруги дали интервью двум датским журналистам — из журнала «Биллед-Бладет» и из газеты «Берлингске Тиденде». «В результате была опубликована большая статья с иллюстрациями из жизни великой княгини и с серебряной свадьбы» (с. 10). Однако в каком именно издании она была опубликована, в обращении «К читателям» не говорится. После встречи с журналистами в течение нескольких недель великая княгиня написала воспоминания на датском и на английском языках. По словам автора обращения П. Э. Куликовского, «она писала на том языке, какой приходил ей в голову». Почему это было так и какие именно части мемуаров на каком языке написаны, остается неясным. Воспоминания публиковались на датском языке в «Берлинске Тиденде» с 22 марта по 21 апреля 1942 г. В 2006 г. эти воспоминания были изданы на датском же языке в одной книге в Копенгагене под названием «Великая княгиня Ольга — 25 глав моей жизни». Затем, в 2010 г. эта книга увидела свет на английском. Нынешнее же, русское издание — «не буквальный перевод датской книги, которая была основана на опубликованных статьях», а «основано в первую очередь на собственноручных записях великой княгини. Некоторые из этих записей были опущены в датском варианте, теперь они воспроизводятся полностью в русском» (с. 10–11).

Иными словами, из обращения следует, что текст русской книги осно-

вывается не на датских публикациях, а непосредственно на автографе воспоминаний, написанных по-датски и по-английски. Значит, он, по идее, должен представлять собой перевод, прежде всего, с датского. В библиографическом описании книги между тем указано: «пер. с англ. под ред. Л. Р. Харитоновой». Сам ли г-н Харитонов осуществил перевод или только отредактировал его, и в чем именно состояла его редакторская работа, остается неизвестным.

Помимо собственно текста воспоминаний великой княгини к отдельным главам книги приложены дополнительные тексты из разных источников. Это отрывки из воспоминаний фрейлины императрицы Марии Федоровны З. Г. Менгден в переводе, выполненном по датскому изданию 1943 г., письма членов Императорской фамилии, в том числе самой великой княгини, отрывок из воспоминаний князя Романа Петровича, но непонятно, по какому изданию (эти воспоминания публиковались на немецком языке) — ссылка дана такая: «Воспоминания князя Романа Романова, 1896–1919. С. 498–499». Некоторые из опубликованных писем великой княгини военного времени уже издавались ранее — в книге «Августейшие сестры милосердия» (сост. Н. К. Зверева. М., 2008). Документы из фондов ГА РФ, которые также приводятся в книге, имеют такую отсылку — «Из собрания ГА РФ». Указания на фонд, опись, дело и листы, как это и принято при публикации архивных документов, отсутствуют. То же самое касается и архивных фотографий. Все это создает впечатление очевидной небрежности издания.

Еще более странные вещи обнаруживаются в самом тексте воспоминаний. Так, в нем неверно передан (или прочитан) целый ряд имен и названий. Некий Ельтянинов (с. 237 и др.) — на самом деле офицер Ахтырского 12-го гусарского полка (шефом которого была великая княгиня и где служил Н. А. Куликовский) Николай Иванович Ельчанинов, 1876 г.р. Имение Джульбер (с. 258 и др.) — на самом деле Дюльбер (крымское имение великого князя Петра Николаевича). Ксения Яковлевна Мошалева (с. 301), няня сыновей великой княгини — на самом деле Можалева («Авака», как называл ее Тихон Николаевич). Фамилия датского консула Томаса Шкютте (с. 290) должна транскрибироваться как Шютте. Название имения Ропша почему-то дается в кавычках (с. 70). Некий Атылаимов, именуемый шофером великой княгини (и в самом тексте, и в именном указателе) (с. 238), — на самом деле последний полковник Ахтырского полка Всеволод Петрович Аглаимов (ум. в 1965 г.), и он был не шофером, а шафером Ольги Александровны на ее свадьбе. Растение волчье лыко (*Daphne*), растущее в лесах под Львовом, превратилось у переводчика и/или редактора ни много ни мало в перуанский перец (!) (с. 212). Его заросли, источавшие «аромат духов», наблюдала в сосновом бору великая княгиня в 1915 г.

Постраничные комментарии к тексту также удивляют неточностями и ошибками. Из них можно узнать, например, что Николай II, оказывается, отрекся от престола на станции Дно (с. 190) — широко распространенный миф, хотя хорошо известно, что это произошло в Пскове. А раз-

ница в 13 дней для дат XX в. при переводе 4 ноября на новый стиль дает почему-то 18 число (с. 229). Издатели не поняли, что такое «Миша Эвальд» из письма великой княгини от 10 ноября 1916 г., и в тексте получилось следующее: «Мамá выразила желание присутствовать на венчании... но в то же время она была в ужасном смятении, потому что не хотела, чтобы полиция или “Миша Эвальд” сопровождала ее туда» (с. 235). Между тем Михаил Константинович Эвальд был жандармским полковником и состоял в распоряжении дворцового коменданта — таким образом, здесь имелась в виду жандармерия.

В целом же комментарии к тексту крайне немногочисленны. Основная сопровождающая издание фактическая информация отнесена в именной указатель. Он оставляет не менее странное впечатление. В указателе есть немало таких наименований, как «Наталья Андреевна», «Амалия Ивановна», «Эмма Ивановна» и т. п., но кто они, остается неизвестным. Или просто фамилий — «Белый», «Семенов». В то же время информация о персонах, которую без труда можно найти даже в открытых источниках, отсутствует. Во многих случаях не приводятся имена и отчества, даты жизни, обнаружить которые не составляет никакого труда. О В. П. Аглаимове, который был не просто «офицером», а полковником Ахтырского полка, уже говорилось. «Не повезло» и его сослуживцам. Другой полковник того же полка назван только по фамилии Бенуа — а ведь это Николай Николаевич Бенуа (1858–1916), представитель известной в России фамилии. У офицера Николая

Темперова было отчество Флегонтович. А знаменитые братья Панаевы, погибшие в Первой мировой войне, обозначены просто — «Борис, Гурий и Лев», в то время как они были Аркадьевичами, и хорошо известны их годы жизни: Бориса — 1878–1914, Гурия — 1880–1914, Льва — 1882–1915. А ведь именно в честь Гурия назвала своего второго сына великая княгиня. Гофмейстера двора Марии Федоровны князя Долгорукова звали не В.А., а Сергей Александрович (1872–1933). В.А. — это князь Василий Александрович Долгоруков (1868–1918), генерал-майор свиты Николая II, разделивший его трагическую судьбу. Последнего киевского губернатора звали не просто «Алексей Игнатьев» (так он упомянут в воспоминаниях Менгден), а граф Алексей Николаевич Игнатьев (1874–1948). Найти годы жизни отца Леонида Колчева, духовника императрицы Марии Федоровны, 1871–1944, совсем несложно. То же самое относится и к лейб-казаку императрицы Полякову, который в именном указателе не удостоился ни имени, ни отчества, ни дат жизни. Звали же его Кирилл Иванович, скончался он в 1934 г. в Копенгагене и похоронен на том же кладбище, что и Т.К. Ящик. Та же печальная картина предстает и в отношении фрейлин. Сестры Аглая и Мария Кутузовы — на самом деле графини Мария Васильевна (1851–1915) и Аглая Васильевна (1853–1920) Голенищевы-Кутузовы, и они не были, как утверждается в указателе, «близнецами». Екатерина Озерова имела отчество Сергеевна и родилась в 1851 г. Мария фон Флотов также имела отчество — Петровна. Кстати, и Зинаида Георгиевна Менгден родилась в 1878

(как, впрочем, верно указано в примечаниях), а не в 1879 г. (как почему-то значится в указателе).

Плохо обстоит дело у составителей и с титулами. Чего только стоят обозначения «король греков» (!) (на самом деле, если уж быть точным, то «король эллинов») и «Мария Георгиевна (Эллинская)» (она, к слову, присутствует в указателе дважды — и как Мария Георгиевна (Греческая), и как Мария Георгиевна (Эллинская)). Ольга Константиновна Орлова (1872–1923) названа почему-то графиней, хотя ее муж — Николай Владимирович (1868–1927) — князем. Знаменитый генерал Карл Густав Маннергейм, будущий президент Финляндии, назван графом, хотя такого титула он никогда не носил (только баронский). Некоторые представители Императорской фамилии вообще значатся под фамилией Романовы: Вера Константиновна, Константин Константинович и др., хотя хорошо известно, что официально они никогда так не именовались. Неизвестны составителям остались личности родственников великого князя Николая Николаевича младшего — его падчерицы княжны Елены Георгиевны Романовской (1892–1971) и ее мужа графа Стефана Владиславовича Тышкевича (1894–1976) (обозначены в указателе лаконично, как «Тышкевичи, граф С.В. Тышкевич с супругой»). Зато указатель украшает такая важная информация, как «Шекспир, Уильям (1564–1616), английский поэт и драматург» или «Серафим Саровский, святой». Особенно замечательна характеристика Елизаветы II — «действующая королева Великобритании» (то же самое, впрочем, относится и к датской королеве Маргрете II).

В генеалогической таблице дочери Николая II титулуются «великими княгинями», хотя ни одна из них, как известно, замужем не была.

Все это, условно говоря, «научное» сопровождение или комментирование текста воспоминаний и других источников, изданных в книге, равно как и сами принципы публикации,

а вернее, их отсутствие, а также вопиющая небрежность в переводе и/или редактировании текста демонстрируют непрофессиональный, откровенно дилетантский характер этого издания. Конечно, издавать можно любые исторические источники. Но главное, делать это грамотно и хотя бы имея представление о той эпохе, о которой они рассказывают.

Rev.: Velikaia kniaginia Ol'ga Aleksandrovna. 25 glav moei zhizni. Moscow: Kuchkovo pole, 2017.

Pchelov Yevgeny V. — candidate of historical sciences, Head of Department, RSUH (Moscow)

Key words: memories, Imperial Russia, emigration, House of Romanov.

Abstract. The review is devoted to the publication in Russian of the memoirs of Grand Duchess Olga Alexandrovna, sister of Emperor Nicholas II, “25 chapters of my life” (Moscow, 2017). Unfortunately, this publication is characterized by unclear principles of publication (including the translation of the text), numerous inaccuracies and errors in the translation, comments and indexes. All this does not allow us to consider this publication performed at the proper professional level.

М. В. Батшев

АМЕРИКАНСКИЙ КАРАМЗИН В РОССИИ: ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

Рец.: *Стефанс Дж. Л.* Записки из путешествия по России и Польши / пер. с англ. Т. О. Новиковой; предисл., коммент. Д. Д. Зелова. М.: Кучково поле, 2018. 352 с.: ил.; 16 л. ил.

Ключевые слова: травелоги, путешествия, исторические источники, история XIX в.

Аннотация. В статье рассматривается травелог американского путешественника Дж. Л. Стефанса как исторический источник. Показан механизм восприятия увиденного в России через механизм сопоставления с имевшимся у путешественника опытом.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-393-398

В первой половине XIX в. открывали для себя Европу не только русские путешественники, но и американские. Путевые записки одного из них недавно впервые были переведены на русский язык и стали доступны отечественному читателю.

Прежде чем обратиться непосредственно к содержанию путевых записок, стоит остановиться на особенностях издательского исполнения книги. «Записки» Стефанса (более правильным было бы называть его Стефенсом) снабжены вступительной статьей, комментариями и именным указателем. Отсутствует географический указатель, что делает работу с книгой более трудоемкой.

Кроме того, начиная с первой же страницы вступительной статьи встречаются разночтения в названии публикуемого источника. Автор статьи пишет, что книга называется «Случаи из путешествий по Греции, Турции, России и Польше» (Incidents of Travel in Greece, Turkey, Russia and Poland). Однако на следующей странице отмечается, что книга носит название «Записки из путешествия по России и Польше». Чем вызван такой разницей, не объясняется читателю ни во вступительной статье, ни в комментариях. Очевидно также, что в русском переводе пропущены главы, содержащие описание Греции и Турции.

© М. В. Батшев, 2020

Батшев Максим Владимирович — научный сотрудник Отдела документации наследия и информационных технологий Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Москва); bmv@list.ru

Отсутствуют во вступительной статье и хотя бы чуть более подробные сведения о биографии автора, Джона Ллойда Стефенса (1805–1852), который вошел в историю науки прежде всего как один из первых исследователей культуры майя, правда, своими мезоамериканскими исследованиями он глубоко занялся уже после поездки в Восточную Европу. Единственное, что сообщается читателю — это о том, что автору записок к моменту путешествия было чуть больше 30 лет и он успел получить хорошее образование в Колумбийском университете. Впрочем, русского языка он не знал и ориентировался в своих записках на книги предшественников, до него посещавших Россию, либо на пояснения людей, знавших язык.

Наблюдая особенности жизни тех стран, куда заносит его судьба путешественника, Стефанс (будем называть его фамилию так, как нам предлагают переводчик и редактор) любит подчеркивать, что он американец, а не европеец: «Слово “джентльмен”... на Востоке используется совсем не так, как к этому привыкли мы» (с. 17).

Из-за незнания американским путешественником русского языка ему зачастую было сложно понимать увиденное. Это приводило к забавной путанице и в «Записках» — так, композитор А.Ф. Львов, автор музыки гимна «Боже, Царя храни», который оказался соседом американца по каюте на пароходе из Константинополя в Одессу, превращается у него в Луова (с. 19).

Первое же впечатление от увиденного входит в его сознании в конфликт

со стереотипной моделью восприятия России, существовавшей в его представлениях: «Ничто не напоминало нам о том, что слышали мы о России. Вместо гористой местности, покрытой вечными снегами, мы оказались под палящими лучами жаркого солнца. Наш пароход бросил якорь в порту Одессы. Морские берега были плоскими и лишенными деревьев, но Одесса оказалась расположена на высоком берегу» (с. 23).

Стефанс приплыл в Одессу во время неблагоприятной эпидемиологической ситуации в Турции, откуда шел его пароход, и потому первые две недели пребывания в России был вынужден провести в карантине. Он располагался в лазарете на специальном карантинном моле, упиравшемся в прибрежную возвышенность. Площадь лазарета, по оценке Стефанса, была довольно большой — 15–20 акров. «Отсюда открывался вид на Черное море, повсюду были газоны и дорожки, усыпанные гравием и посаженные рядами акаций! Длинный ряд зданий, разделенных на отдельные апартаменты, смотрел прямо на море. Каждые апартаменты имели небольшой дворик, где росли две-три акации» (с. 26). Начальник лазарета просил помещенных в карантин пассажиров корабля не воспринимать это как тюрьму, а как действия, принятые для их же блага. С бывших пассажиров корабля сняли всю одежду и взамен выдали фланелевые рубашки, панталоны, чулки и шерстяные шапки. После окуривания и тщательного очищения собственная одежда была возвращена путешественникам. Кроме одежды, все личные вещи приплывших на пароходе были окурены серной кислотой.

Главным требованием карантина, по описанию Стефанса, был строгий запрет на любые контакты с пациентами лазарета. В случае если администрация фиксировала такой контакт, срок карантина путешественника сразу обнулялся и начинался отсчет новых двух недель.

Находясь в карантине, американский путешественник обращает внимание на взаимоотношения русских людей разных социальных групп между собой: «Контраст между вежливостью русских по отношению к знатым и богатым (или тем кого они такими считают) и неприглядным положением низших классов был разительным» (с. 29–30).

После окончания карантина Стефанс поселяется в гостинице и знакомится с различными представителями одесского общества. Отель, в котором путешественник остановился, кажется ему своим внешним видом и размерами похожим на лучшие отели Парижа. Но отведенный в этом прекрасном отеле номер его сильно разочаровал: «Когда я поднялся в свою комнату, то обнаружил там только основу кровати, но ни матраса, ни постельного белья» (с. 36). Оказалось, что гостиница ориентировалась на русских богатых путешественников, которые в то время имели обыкновение ездить со своими постельными принадлежностями.

Описывая бурное развитие Одессы в предшествующие несколько десятилетий ее истории, Стефанс находит много общего с динамикой становления американских городов, а иногда даже отдает предпочтение городу на Черном море перед своими

родными городами: «Театр, казино и биржа Одессы превосходят любые здания, построенные в Соединенных Штатах» (с. 38).

Из Одессы, вместе с попутчиком, на купленной итальянской коляске путешественник отправился в Киев. Незнание Стефансом и его английским спутником русского языка лишает поездку большого спектра эмоциональных впечатлений, обычно свойственных путешественникам и находящих отражение в их записках.

По пути в Киев Стефанс сталкивается с содержателями почтовых станций. Эмоции от общения с ними, отразившиеся в записках, не отличаются от эмоций, испытываемых в подобных же ситуациях русскими путешественниками, пытавшимися, так же как и американец, быстро получить лошадей на станциях.

После рассказа об осмотре в Киеве всех обязательных туристических достопримечательностей автор записок упоминает, что между этим городом и Москвой открылась линия дилижансов и ее владелец жалуется на отсутствие пассажиров. В другом месте он замечает, что передвижение в дилижансе для путешественников является более выгодным, чем в собственном экипаже.

В Киеве путешественник знакомится с отставным русским офицером с «непроизносимым именем», который поражает его уровнем своих знаний о Соединенных Штатах Америки. По пути до Москвы Стефанс сталкивается с различными особенностями русской жизни — запрещением

курить на улице, отсутствием закрытых дверей в крестьянских домах.

В «Записках» проявляется определенная схожесть Стефанса с Н.М. Карамзиным, проявляющаяся в стремлении сравнить увиденное «Другое» (и «Другого») с собственным, домашним опытом. Общее в США и России он находит в наличии в этих двух странах рабства. Размышляя на эту тему, автор записок отмечает, что рабство несовместимо с самим духом свободных американских учреждений.

Сравнивая по пути из Киева в Москву привычный ему американский жизненный уклад с российским, Стефанс пишет: «В нашей стране, где всюду ходят пароходы и есть железные дороги, трудно себе представить, чтобы средство общественного транспорта двигалось семь дней и ночей через множество городов и деревень к столице огромной империи и никто не захотел им воспользоваться» (с. 83).

Самым сильным впечатлением американского путешественника от Москвы (после обязательной для всех путешественников констатации большого количества церквей в городе) явилось обилие зелени и цветов. Сам факт наличия в городе зелени стал для него полной неожиданностью, в корне противоречащей его первоначальным представлениям о Москве: «Само название Москва в моем сознании всегда ассоциировалось с морозами, холодом и грубостью» (с. 85–86).

В Москве американский путешественник остановился в знаменитой гостинице «Германия». Первым

местом, куда Стефанс отправился в Москве, стала русская баня. Какую из московских бань посетил путешественник, установить не представляется возможным. В записках отсутствуют конкретные топографические ориентиры, но, судя по описанию процесса омовения — попал он в руки настоящего умельца банного дела.

После бани он отправился осматривать Кремль, который также не соответствовал его ожиданиям: «Я думал, что увижу грубый и варварский дворец царей. Но обнаружил я самый необыкновенный, прекрасный и величественный объект из всех виденных мною. Я несколько раз в восхищении обошел его, не пытаясь постичь всего его величия» (с. 95). В дальнейшем он описывает посещение кремлевских соборов и других достопримечательностей Кремля.

После Кремля Стефанс посетил Китай-город, где восхитился его чистотой. Здесь ему особенно понравились торговые ряды: «Фасад большого базара или рынка произвел на меня глубокое впечатление своими роскошными коринфскими колоннами. Он выходит на Красную площадь, ограниченную с другой стороны белыми стенами Кремля» (с. 105). Путешественник отмечает одну из особенностей русских купцов, торговавших в Китай-городе, — лавки не закрывались на замок, а опечатывались, что, по мнению американца, говорит о том, что печать для русских носит священный характер.

Стефанс осматривает в Москве Благородное собрание, Заведение искусственных минеральных вод, Петровский путевой дворец, который

почему-то называет любимой резиденцией Петра Великого.

Американского путешественника приводит в настоящий восторг слышанный им воскресный перезвон московских колоколов: «Я впервые оказался в воскресенье в большом городе. Я лежал и слушал, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть эти сладкие звуки. На меня нахлынули воспоминания о доме. Я вспомнил, как в выходной день направлялся в церковь и на ступенях встречал друзей. Но тот, кто никогда не слышал московских колоколов, не представляет себе, какое это чудо» (с. 113).

После Москвы путь Стефанса лежал в Санкт-Петербург. На этом этапе путешествия, как и из Киева в Москву, он передвигался на дилижансе. Путешественник называет этот дилижанс лучшим из всех, в которых ему доводилось когда-либо ездить. Ему понравилась также и дорога, по которой он ехал: «Дорога из Москвы в Санкт-Петербург ныне является одной из лучших в Европе. Почти на всей протяженности она вымощена щебнем и окружена деревьями. Почтовые станции на ней большие и красивые. Они находятся под управлением государства и здесь всегда можно подкрепиться супом или котлетами. Цены определяются государственным тарифом и четко написаны на табличке, которая висит прямо в зале» (с. 128).

Ожидания от Санкт-Петербурга у Стефанса вполне совпали с реальностью. Описывая свои первые впечатления от города, он замечает: «И тут я почувствовал, что рассказы о его великолепии не были преувеличением, и город этот по праву носит

гордое имя Северной Пальмиры» (с. 131). Попав в Санкт-Петербург на белые ночи, путешественник восторгается их очарованием.

Описывая свое пребывание в столице, Стефанс подробно рассказывает о полагавшихся иностранцам полицейских процедурах: «Мне нужно было отправиться в полицию, чтобы получить удостоверение личности, без которого иностранцам нельзя находиться в Санкт-Петербурге. Меня, как обычно, расспросили о причинах приезда в Россию, возрасте, времени пребывания, дальнейших планах и т.п. Удостоверившись, что я не намереваюсь проповедовать демократические доктрины или свергать правление, мне выдали разрешение на пребывание в столице в течение двух недель» (с. 134). Когда он решил покинуть столицу, то в соответствии с правилами он был вынужден напечатать в «Ведомостях» объявление о своем планируемом отъезде.

После посещения полиции Стефанс принялся за осмотр достопримечательностей Северной столицы. Начав свой маршрут от Адмиралтейства, он осмотрел памятник Петру Великому, Александрийский столп, Зимний дворец, комплекс зданий Генерального штаба, Петропавловскую крепость. Понравилось ему гулять по мостам через Неву. Свои впечатления от города он сформулировал следующим образом: «С огромным наслаждением ходил каждый день по мосту у летних садов, любясь потрясающими видами архитектурного великолепия, лишенного всякой грубости и несовершенства» (с. 140). Кроме собственно Петербурга он посетил и петергофский праздник.

Перед отъездом из Северной Пальмиры в Польшу он оценивает недостатки собственных записок: «Мне пришлось упустить многое из того, что люди, посещающие этот город, считают обязательным для осмотра. Я не увидел великолепных церквей, огромных и роскошных театров, литературных, научных и благотворительных институтов. Я не познакомился с системой управления и за-

конами России, чему можно было бы посвятить целую главу этой книги» (с. 193).

Несмотря на упомянутые недостатки издания, публикация перевода данного источника обогащает известную исследователям картину представлений иностранцев о России первой половины XIX в. и является определенным событием в историографии.

AMERICAN KARAMZIN IN RUSSIA: EXPECTATION AND REALITY

Rev.: Stefans Dzh. L. Zapiski iz puteshestviia po Rossii i Pol'shi, per. s angl. T. O. Novikovoi; predisl., komment. D. D. Zelova. Moscow: Kuchkovo pole, 2018. 352 p.: il.; 16 l. il.

Batshev Maxim V. — researcher of the Department of documentation of heritage and information technologies of the D. S. Likhachev Russian research Institute for cultural and natural heritage (Moscow)

Key words: travelogues, travel, historical sources, history of the 19th century.

Abstract. The article considers the travelogue of the American traveler John Lloyd Stephens as a historical source. The mechanism of perception of what was seen in Russia through the mechanism of comparison with the experience of the traveler is shown.

КТО ВЫ, МАРШАЛ МАННЕРГЕЙМ?

Ключевые слова: Карл Густав Маннергейм, гражданская война в Финляндии, зимняя война 1939–1940 гг., Финляндия во Второй мировой войне, блокада Ленинграда.

Аннотация. Публикуются отклики экспертов на статью, посвященную личности Карла Густава Маннергейма.

Ю. И. Мошник

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-399-402

Опубликованная в начале 2020 г. на сайте журнала «Историческая экспертиза» статья д.и.н. В.И. Мусаева «Карл Густав Маннергейм: герой русской истории?» посвящена человеку, имя которого почти в равной степени принадлежит истории Финляндии и России. Для первой он — главный национальный герой. Для второй — офицер, отдавший 30 лет службе в царской армии, топограф, разведчик — и главнокомандующий финской армией, участвовавшей в блокаде Ленинграда. В 2015 и 2016 гг. в Санкт-Петербурге дважды предпринимались попытки установить мемориальную доску Маннергейму, вызвавшие широкий общественный резонанс и привед-

шие к судебному разбирательству. Сам факт «полемики о Маннергейме», ведущейся не только в академических кругах, говорит о важности уяснения роли этой личности в российской истории. Именно этот сюжет главным образом анализирует В.И. Мусаев в своей статье.

Как отмечает В.И. Мусаев, современный исследовательский интерес к фигуре Маннергейма в нашей стране вызван закономерным желанием пересмотреть стереотипный образ, сложившийся в отечественной историографии советского времени, не принимавшей во внимание русскую службу генерала. В наши дни этот первый и важный этап

биографии Маннергейма хорошо изучен именно в России — и это позволило взглянуть на его дальнейшую биографию иначе и увидеть в его действиях в годы Второй мировой войны некоторые личные мотивы. Но может ли (и должно ли) это новое знание привести к ревизии роли Маннергейма в российской истории? Меняет ли оно оценку действий главнокомандующего финской армией во время блокады Ленинграда? Ответ автора статьи на эти вопросы однозначен: героизация фигуры Маннергейма в России по меньшей мере некорректна. В. И. Мусаев последовательно обосновывает свою позицию, и с его аргументами нельзя не согласиться. И все же, на мой взгляд, публикация требует нескольких уточнений.

В начале статьи приведен краткий биобиблиографический обзор отечественных и зарубежных публикаций, посвященных Маннергейму. Отмечая тот факт, что в Финляндии изучение биографии героя статьи «началось еще при жизни маршала», автор приводит в качестве примера книги Х. Игнатиуса (1918) и А. фон Беранека (1942). Однако первая из названных книг представляет собой сборник речей и телеграмм Маннергейма, а не биографический очерк. Возможно, следовало бы упомянуть не его, а первую биографию Маннергейма, написанную Ю. Коскеляйненом в 1919 г., или биографический очерк того же Игнатиуса, опубликованный в 1922 г. Также, возможно, следовало указать на биографии Маннергейма, написанные наиболее приближенными к нему людьми в 1930-е гг. (К. Доннер, 1934; В. Туомпо, 1937). Что же касается

книги А. Беранека, то эта немецкая биография, очевидным образом, не принадлежит ни к числу финских жизнеописаний Маннергейма, ни к первым его биографиям, опубликованным в других странах (до нее оригинальные книги о Маннергейме вышли в свет во Франции, Великобритании и Венгрии, а переводные с финского — в Дании и Норвегии). Требуется уточнения и приведенный в статье перечень основных отечественных изданий о Маннергейме: так, сокращенный текст мемуаров маршала был впервые опубликован в России издательством «Вагриус» не в 2003, а четырем годами ранее.

В. И. Мусаев настаивает на том, что, давая оценки роли Маннергейма в российской истории, «нельзя обойти молчанием бездействие Маннергейма в случае с “выборгской резней” — одним из самых отвратительных эпизодов гражданской войны в Финляндии, когда в конце апреля — начале мая 1918 г. в ходе штурма Выборга, последнего оплота финляндских “красных”, “белыми” был устроен массовый террор по отношению к русским жителям города». В истории гражданской войны в Финляндии кровавые события 29 апреля — 2 мая 1918 г. в Выборге, действительно, остаются самой ужасающей страницей. Исследование причин этой трагедии и попытки выявить виновных, так же как и уточнение списка жертв, ведутся уже многие годы. В 2004 г. вышло в свет исследование Л. Вестерлунда, подготовленное в рамках проекта Национального архива Финляндии «Людские потери в 1914–1922 гг.». В 2013 г. опубликован перевод этого исследования на русский язык

отдельной книгой (*Вестерлунд* 2013), а также капитальное исследование Т. Кескисарья «Выборг. 1918» (*Keskisarja* 2013). На настоящий момент в результате сопоставления многочисленных свидетельств, отложившихся в архивах России и Финляндии, а также опубликованных в газетах списков установлено, что количество жертв «выборгской резни» составило от 380 до 420 человек. Но В.И. Мусаев, говоря об этих событиях, продолжает опираться в статье на цифры, приведенные в газете «Петроградский голос» от 9 мая 1918 г.

Автор отмечает бездействие Маннергейма, не воспрепятствовавшего этим событиям и пустившего расследование на самотек. Единственным его действием, по мнению автора статьи, стало размещение объявления о начале расследования в газете «*Uusi Suometar*». Вина Маннергейма в том, что в Выборге произошло массовое убийство русского населения, безусловно, велика. Но следует все же отметить, что объявление о расследовании было размещено во всех центральных и крупных местных финноязычных и шведоязычных газетах Финляндии и что начато оно было по инициативе Маннергейма. Кроме того, именно он распорядился о создании специальной комиссии при губернаторе Выборгской губернии для выплаты денежной компенсации семьям жертв, и этой помощью многие смогли воспользоваться². То же обстоятельство, что расследование не было доведено до конца, связано не в последнюю очередь с ухо-

дом Маннергейма в отставку в конце мая 1918 г.

Основная часть статьи касается действий К.Г. Маннергейма во время Советско-финской войны 1941–1944 гг. Рассказывая об остановке наступления финских войск на Карельском перешейке в начале сентября 1941 г., автор объясняет ее несколькими факторами, в том числе случаями дезертирства в финских частях: «Второй фактор, вызвавший остановку наступления, это нежелание многих финских солдат сражаться за линией старой границы: восстановив довоенный *status quo*, они считали свою миссию выполненной. Случаи отказа идти в наступление, неповиновения командованию, дезертирства становились все более многочисленными и грозили вызвать всеобщий разлад дисциплины в войсках. Особенно часто такие случаи имели место в частях 15-й и 18-й пехотных дивизий соответственно I и IV армейских корпусов на Карельском перешейке...» Это замечание требует уточнения. Случаи отказа переходить старую границу и дезертирства зафиксированы не только в названных дивизиях, но и во 2-й и 10-й, и все они (включая 15-ю и 18-ю) входили в состав II армейского корпуса, а не I и IV. Этот сюжет детально исследован финским военным историком Х. Хейниля (*Heinilä* 1997) (диссертация 1997 г., книга 2006 г.), привлечшим военные дневники из собрания Национального архива Финляндии, большинство из которых оцифровано.

² Документы о деятельности этой комиссии хранятся в Ленинградском областном государственном архиве в Выборге (Ф. 504)

Определенные вопросы вызывает также ряд авторских оценок, высказанных в статье. Так, упоминая о линии укреплений КаУР, В. И. Мусаев замечает, что «о них широкой публике почему-то известно гораздо меньше», чем о Линии Маннергейма — тогда как в последние годы вышел целый ряд публикаций по данной теме. Автор выражает сомнения и в том, что Маннергейм «уклонился от участия в штурме Ленинграда», поскольку штурм не планировался. Вероятно, все же следовало бы пояснить, что Маннергейм, точно знавший об отсутствии такого плана у германского верховного командования, предпочитал не доводить эту информацию до собственного военного руководства, за исключением узкого круга лиц, ведь и в рядах финского командования были сторонники наступления на Ленинград.

Но самое неожиданное суждение автора ждет читателя статьи в ее заключительных строках. Объясняя ошибочность действий ответственных лиц, принимавших в 2016 г. решение

об установке мемориальной доски Маннергейму в Петербурге, В. И. Мусаев отмечает, что «подавляющему большинству нынешних жителей Петербурга личность Карла Густава Маннергейма, скорее всего, вообще неизвестна». Но если это так и единственный деятель финской истории и культуры, о котором существует корпус русскоязычной исследовательской литературы (которого нет даже о Сибелиусе), остается в России практически неизвестной фигурой, имеет ли смысл прояснять роль этого человека в русской истории?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вестерлунд 2013 — *Вестерлунд Л.* «Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть...». СПб.: Аврора-дизайн, 2013. 127 с.

Heinilä 1997 — *Heinilä H.* Vanhan rajan ylitys jatkosodan hyökkäysvaiheessa 1941: jalkaväkirykmenttien miesten suhtautuminen siihen // *Ajankohta: poliittisen historian vuosikirja*. 1997. S. 64–85.

Keskisarja 2013 — *Keskisarja T.* Viipuri 1918. Helsinki: Siltala, 2013. 406 s.

Moshnik Yulia I. — candidate of historical sciences, senior researcher of the “Vyborg United Museum-reserve” (Vyborg)

REFERENCES

Heinilä H. Vanhan rajan ylitys jatkosodan hyökkäysvaiheessa 1941: jalkaväkirykmenttien miesten suhtautuminen siihen. *Ajankohta: poliittisen historian vuosikirja*, 1997, pp. 64–85.

Keskisarja T. *Viipuri 1918*. Helsinki: Siltala, 2013. 406 p.

Vesterlund L. *“My zhdali vas kak osvoboditelei, a vy prinesli nam smert’...”*. St. Petersburg: Avrora-dizain, 2013. 127 p.

Э. Йоффе

DOI 10.31754/2409-6105-2020-2-403-407

В начале 2020 г. на сайте журнала «Историческая экспертиза» была опубликована статья петербургского историка В. И. Мусаева «Карл Густав Маннергейм: герой русской истории?»

Как исследователю истории взаимоотношений Финляндии и СССР, много лет посвятившему изучению биографии Маннергейма, мне хотелось бы прокомментировать некоторые моменты этой интересной и содержательной статьи. В. И. Мусаев, в частности, пишет:

«...В современной России в последнее время предпринимаются попытки пересмотра традиционных стереотипов в оценке истории Великой Отечественной войны, звучат высказывания о необходимости избавляться от связанных с этим мифов и домыслов. К сожалению, однако, нередко случаи, когда не только падкие на сенсации публицисты-дилетанты, но и некоторые деятели, считающие себя серьезными исследователями, в борьбе со старой мифологией начинают создавать новую. Это в полной мере относится к истории участия Финляндии в войне в 1941–1944 гг. и личной роли в ней Карла Густава Маннергейма как главнокомандующего финской армией».

Похоже, что стремление вернуться к упомянутым традиционным стереотипам не чуждо и самому автору, поскольку он ссылается на работы российских и зарубежных историков десяти-, а то и двадцатилетней давности, полностью игнорируя результаты исследований последних лет. В современной финляндской историографии «миф Маннергейма» неоднократно развенчивался, сменяясь объективным и нелицеприятным анализом его деятельности — и как главнокомандующего вооруженными силами Финляндии во время трех войн, и как президента в годы 1944–1948. В течение минувшего десятилетия появился целый ряд работ, где роль Маннергейма-политика и военачальника рассматривается весьма критически. Назову три из них: Juhani Suomi: «Mannerheim — viimeinen kortti? Ylipäällikkö, presidentti», (2013); Martti Turtola: «Mannerheim» (2016); Henrik Meinander: «Gustaf Mannerheim. Aristokraatti sarkatakissa» (2017).

В настоящее время вряд ли кто-либо из финских историков решится утверждать, что Финляндия не была союзником Германии в войне 1941–1944 гг. или что финские войска не участвовали в блокаде Ленинграда. Но также не подлежит сомнению, что прелюдией к вступлению Финляндии в войну 1941–1944 гг. были

секретное дополнение к соглашению гитлеровской Германии и сталинского СССР в 1939 г., а также нападение СССР на Финляндию. Страна Суоми не разделила участи прибалтийских стран и сохранила суверенитет отчасти благодаря «упрямству» своих политиков, не соглашавшихся на требования со стороны СССР территориальных уступок. В октябре — ноябре 1939 г., в период московских переговоров финской и советской сторон о пересмотре границы и обмене территориями, именно Маннергейм пытался убедить членов правительства пойти на компромисс и отдать СССР несколько островов в Балтийском море. В первых числах ноября он напутствовал Ю.К. Паасикиви, возглавлявшего делегацию: «Вам необходимо прийти к соглашению». В правительстве к его мнению не прислушались. Несговорчивость финского руководства стоила стране 23 000 павших в Зимней войне и утраты 10% территории с находившимися там промышленными предприятиями и оборудованием, которое по условиям мирного договора тоже переходило к СССР. 420 000 жителей аннексированной части Финляндии потеряли кров и имущество, их необходимо было эвакуировать, обеспечить жильем и работой. Обо всем этом не следует забывать, когда заходит речь о союзнических отношениях Финляндии с гитлеровской Германией. Хочу также напомнить, что вступление в войну в 1941 г. не было единоличным решением Маннергейма: в демократической республике политику страны определяют правительство и парламент.

В. И. Мусаев упоминает также легенду о личных мотивах, руководивших

Маннергеймом во время блокады Ленинграда, — легенду, якобы до сих пор бытующую в финской историографии:

«Пассивность финских войск на Карельском перешейке начиная с осени 1941 г., их уклонение от совместных с немцами активных действий под Ленинградом объясняется “доброй волей” финского командующего. Якобы Маннергейм, для которого это был почти родной город, остановил наступление на линии старой границы, а во время блокады запрещал обстреливать и бомбить осажденный город... В результате Маннергейм выставляется едва ли не главным спасителем Ленинграда, а город будто бы не был взят или разрушен благодаря его усилиям. К такому мнению склонялся даже Хельге Сеппяля, автор весьма объективных исследований об участии Финляндии во Второй мировой войне, в заголовке одного из которых Финляндия прямо называется “агрессором”, а другого — “оккупантом” (*Вирма-вирта* 1994: 69; *Иоффе* 2005: 287)»

Этот миф уже давно никем из биографов Маннергейма не принимается всерьез, и в книге Э. Иоффе, на которую ссылается автор статьи, утверждается как раз обратное:

«...Позднее распространилось романтическое предположение, что Маннергейм не хотел участвовать в осаде и разрушении города, где провел молодость и прожил четверть века, города, который он любил. Может статься, в личных отношениях сентиментальность иногда была свойственна маршалу (что тоже весьма сомнительно), но в вопросах воен-

ных и политических он прежде всего стратег и реалист» (Иоффе 2005: 287).

Далее, автор статьи совершенно справедливо утверждает:

«Воздерживаясь от активных действий, финские войска в то же время участвовали в блокаде Ленинграда и вплоть до лета 1944 г., т.е. даже в течение нескольких месяцев после ее окончательной ликвидации, прочно держали фронт на ее северном участке».

Думается, что любому читателю, интересующемуся историей советско-финляндских отношений, понятно, что если бы финны летом 1944 г. не «держали фронт», то последовала бы немедленная оккупация Финляндии советскими войсками и присоединение ее к СССР. В то же время правительство Финляндии уже в 1943 г. искало возможности выхода из войны и поддерживало негласные контакты не только с Кремлем через Швецию, но и напрямую с США. Не так давно финский историк, доцент университета Оулу Генри Ойнас-Кукконен обнаружил сведения о секретной встрече летом 1943 г. в Лиссабоне представителей Финляндии и США. Президент Ристо Рюти и премьер-министр Эдвин Линкомиес предлагали вооруженным силам союзников высадиться в Норвегии и оккупировать север Финляндии, чтобы заключить сепаратный мир, избежав при этом оккупации страны советскими войсками. Предложение финнов было передано для обсуждения в Министерство обороны США. И хотя после анализа ситуации американское

военное руководство отвергло этот вариант, он всерьез обсуждался. Это свидетельствует о том, что в 1943 г. финское правительство предпринимало активные попытки вывести страну из войны. Маршал Маннергейм, несомненно, был об этом осведомлен.

И еще одно из замечаний В. И. Мусеева нуждается в комментариях:

«Большинство финских авторов также старательно обходили некоторые особенности финского оккупационного режима в Олонецкой Карелии, таких как сегрегация населения по национальному признаку и концентрационные лагеря для русских жителей оккупированных территорий. Вопрос об отношении к ним финского главнокомандующего столь же «изящно» обходился».

Табуированных тем в финской историографии теперь не существует, и вопрос о концентрационных лагерях и этнической сегрегации на оккупированных территориях Восточной Карелии неоднократно рассматривался в работах финских авторов: (Mikkola 2000; Hyytiä 2008). Кроме того, тема концентрационных лагерей время от времени возникает и обсуждается на страницах периодики: с этими материалами можно ознакомиться на сайтах финского радио «Elävä arkisto» (03.06.2011), журнала «Seura» (14.12.2012), газеты «Iltä-Sanomat» (29.10.2019). В книге «Линии Маннергейма» также говорится о концентрационных лагерях для гражданского населения в Восточной Карелии, приводятся некоторые статистические данные и приказ Маннергейма № 132, касающийся

обращения с военнопленными и поведения на оккупированных территориях. Привожу выдержки из этого приказа:

«Приказываю довести до сведения высшего, среднего и рядового состава вооруженных сил следующее:

1. Взяв в плен советских военнослужащих, сразу же отделять командный состав от рядовых, а также карел от русских. Пленных бдительно охранять, излишние разговоры с ними запрещаются. <...>

4. С населением Восточной Карелии обращаться дружелюбно, но осторожно. Русское население задерживать и отправлять в концлагеря. Русскоговорящие лица финского и карельского происхождения, желающие присоединиться к карельскому населению, к русским не причисляются.

5. По отношению к женщинам, к какой бы группе населения они не принадлежали, вести себя безупречно.

6. Разъяснить солдатам, что население придерживается православного вероисповедания. С их священнослужителями обращаться тактично, но осторожно. К религиозным обрядам и предметам культа относиться с должным уважением. <...>

8. Боевые части должны вести себя соответственно достойному званию финского воина, подчиняясь при любых обстоятельствах требованиям дисциплины и порядка» (*Иоффе* 2005: 283–285).

Разумеется, главнокомандующий должен нести ответственность и за

ведение боевых действий, и за порядки на оккупированных территориях. Всех причин того, почему Маннергейм не был привлечен к суду как военный преступник, мы, скорее всего, не узнаем никогда. Но ясно все же, что это было обусловлено отнюдь не пиететом советского генералиссимуса по отношению к финскому маршалу, а иными, вполне прагматическими соображениями советского руководства.

Автор статьи совершенно прав: генерал-лейтенант Карл Густав Маннергейм не является героем российской истории. Установка мемориальной доски в Петербурге была шагом необдуманном, чтобы не сказать провокационным, вызвавшим вполне предсказуемую реакцию. Тридцатилетняя служба в императорской армии и участие в двух ее войнах в начале XX в. ничем не отличались от таковых же заслуг сотен других российских офицеров высшего состава. Карл Густав Маннергейм был в первую очередь образцовым военным — человеком чести и долга, а также большого честолюбия. Эти свои качества он проявил на всех этапах своего служения Финляндии — демократической республике, устоявшей в сражениях с тоталитаризмом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Иоффе 2005 — *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. СПб., 2005.

Mikkola 2000 — *Marja-Leena Mikkola.* Menetetty lapsuus:suomalaismiehittäjien vankeudessa 1941–44. Helsinki, 2000.

Hyytiä 2008 — *Osmo Hyytiä.* Helmi Suomen maakuntien joukossa — Suomalainen Itä-Karjala 1941–1944. 2008.

Joffe Eleonora – independent researcher, Helsinki (Finland)

REFERENCES

Ioffe E. *Linii Mannegeima*. St. Petersburg, 2005.

Marja-Leena Mikkola. *Menetetty lapsuus: suomalaismiehittäjien vankeudessa 1941–44*. Helsinki, 2000.

Osmo Hyytiä. *Helmi Suomen maakuntien joukossa – Suomalainen Itä-Karjala 1941–1944*. 2008.

WHO ARE YOU, MARSHAL MANNERHEIM?

Key words: Karl Gustav Mannerheim, the Civil war in Finland, the Winter war of 1939–1940, Finland in the Second World War, the blockade of Leningrad.

Abstract. Experts' responses to an article devoted to the personality of Karl Gustav Mannerheim are published.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>